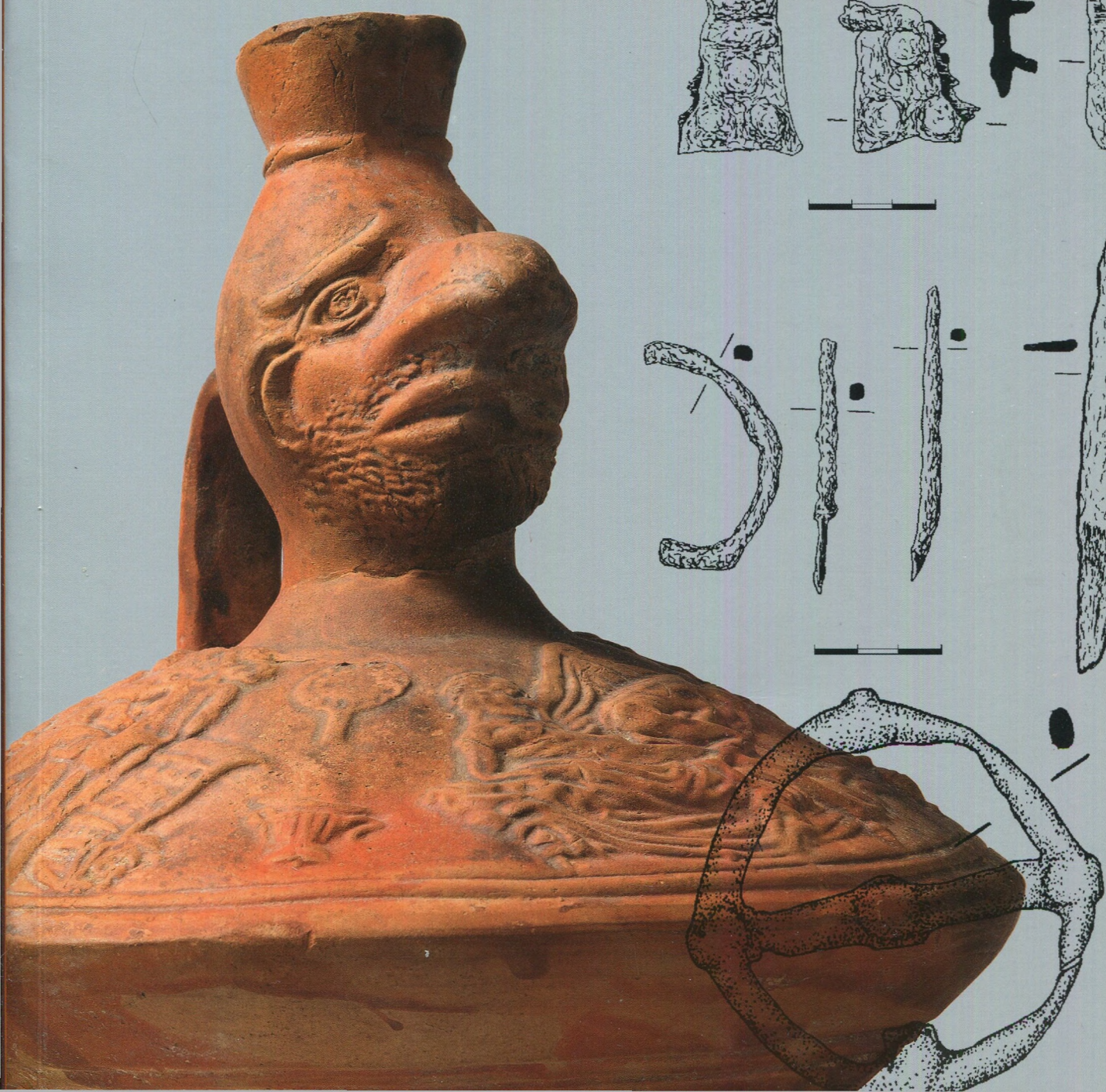

И.И. Гущина, Д.В. Журавлев

НЕКРОПОЛЬ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ БЕЛЬБЕК IV В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ТРУДЫ ГИМ

ВЫПУСК 205

И.И. Гущина, Д.В. Журавлев

НЕКРОПОЛЬ
РИМСКОГО ВРЕМЕНИ
БЕЛЬБЕК IV
В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

ЧАСТЬ 1

ПРИ УЧАСТИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ОТДЕЛА
ГЕРМАНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Москва
2016

Гущина И.И., Журавлев Д.В.

Г 98 Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. – М.: Исторический музей, 2016. Ч. 1. 272 с., ил.

ISBN 978-5-89076-316-7

Монография посвящена исследованию некрополя Бельбек IV (I–III вв. н. э.) – одного из важнейших памятников римского времени в Юго-Западном Крыму.

Раскопки памятника, впервые открытого еще в 1901 г., археологическая экспедиция ГИМ под руководством И.И. Гущиной начала проводить в 1969 г., с небольшими перерывами исследования продолжались до 1991 г. В этот период Крымской археологической экспедицией ГИМ было раскрыто 331 погребение на площади более 2000 м². Последние раскопки на могильнике Бельбек IV были проведены в 2004 г. Д.В. Журавлевым и К.Б. Фирсовым.

В первой части издания представлено исследование погребального обряда и планиграфии некрополя, инвентаря могильников (амфоры, лепная керамика, краснолаковая, красноглиняная, бронзовая и стеклянная посуда, предметы вооружения и конского снаряжения, детали одежды и украшения, подвески и амулеты, орудия труда и т. д.). Все находки дополнили археологическую коллекцию Исторического музея. Описание комплексов погребений составлено на основании отчетов о полевых исследованиях И.И. Гущиной, находящихся в отделе археологических памятников ГИМ.

Вторая часть издания содержит таблицы и иллюстративный материал.

Авторы: Ирина Ивановна Гущина (1929–2008) – известный специалист в области скифо-сарматской археологии, а также позднескифской культуры Крыма, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологических памятников, хранитель фонда скифских и сарматских памятников (ГИМ); Денис Валерьевич Журавлев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологических памятников, хранитель фонда античных городов Северного Причерноморья и византийских древностей (ГИМ).

Книга адресована археологам, историкам, музейным работникам, реставраторам, студентам, всем интересующимся историей культуры и искусства.

УДК 902/904

ББК 63.4

© ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ, 2016

© И.И. Гущина, Д.В. Журавлев, текст, составление, 2016

© К.А. Коловершина, оформление, 2016

ISBN 978-5-89076-316-7

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (И.И. Гущина, Д.В. Журавлев)	3
Глава 1. Погребальный обряд и планиграфия некрополя (И.И. Гущина, Д.В. Журавлев)	8
Конструкция погребальных сооружений	
Положение погребенного	
Ориентировка	
Следы ритуальных действий	
Конское погребение	
Прочие элементы погребального обряда	
Планиграфия некрополя	
Глава 2. Инвентарь могильника	17
Амфоры (Д.В. Журавлев)	
Лепная керамика и курильницы (И.И. Гущина, Д.В. Журавлев)	
Краснолаковая керамика (Д.В. Журавлев)	
Прочие гончарные изделия (Д.В. Журавлев)	
Бронзовая посуда (И.И. Гущина, Д.В. Журавлев)	
Бронзовые статуэтки и детали бронзовой посуды (Д.В. Журавлев)	
Стеклянная посуда (И.И. Гущина, Д.В. Журавлев)	
Вооружение и конское снаряжение (И.И. Гущина, Д.В. Журавлев)	
Детали одежды и украшения (И.И. Гущина, Д.В. Журавлев)	
Туалетные принадлежности (И.И. Гущина, Д.В. Журавлев)	
Подвески и амулеты (Д.В. Журавлев)	
Орудия труда (И.И. Гущина, Д.В. Журавлев)	
Заключение (И.И. Гущина, Д.В. Журавлев)	116
Приложения	
Приложение 1. Описание комплексов погребений (И.И. Гущина, Д.В. Журавлев)	121
Приложение 2. Монеты из могильника Бельбек IV (Н.А. Фролова)	196
Приложение 3. Геммы из могильника Бельбек IV (О.Я. Неверов)	197

Приложение 4. Бусы некрополя Бельбек IV (Е.К. Столярова)	201
Приложение 5. Костюм погребенных в могильнике Бельбек IV (С.А. Яценко)	214
Приложение 6. Знаки-тамги из некрополя Бельбек IV (С.А. Яценко)	216
Приложение 7. Раскопки могильника Бельбек IV в 2004 году (Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов)	219
Литература	222
Список сокращений	246
Zusammenfassung	247

ВВЕДЕНИЕ

Некрополь Бельбек IV расположен в Юго-Западном Крыму, на правом берегу реки Бельбек, примерно в 1,5 км от его устья, на вершине высокого холма, в поселке Любимовка Нахимовского р-на, на северо-восточной окраине г. Севастополя.

Могильник был впервые открыт при закладке плантажа еще в 1901 г. и отмечен Н.М. Печенкиным под названием «Усть-Бельбекский» (Печенкин, 1905. С. 30). При обследовании этой территории Н.М. Печенкин также отмечал «древние глиняные выборки у кирпичного завода Г. Шталя», в которых были найдены керамические сосуды. Не исключено, что именно здесь находилось городище, население которого оставило могильник. К сожалению, территория военного городка и аэродрома «Бельбек» перекрыла это место, и обследовать его невозможно. В 1960-х годах некрополь Бельбек IV обнаружил научный сотрудник Херсонесского историко-археологического заповедника О.Я. Савеляф, нашедший на месте заброшенных капониров несколько разрушенных погребений.

В 1969 г. археологическая экспедиция Государственного Исторического музея под руководством И.И. Гущиной начала работу на этом памятнике, названном Бельбек IV, так как к тому времени неподалеку уже были открыты три некрополя римского времени – Бельбек I, II, III (Мосберг, 1946. С. 114; Гущина, 1967; 1969; 1970; 1971; 1974). Исследование могильника продолжалось до 1976 г. После небольшого перерыва работы были возобновлены в 1979 г. и продолжались до 1991 г. (кроме сезона 1980 г.). Последним годом раскопок стал 1991 г., когда после распада СССР многие российские археологические экспедиции, разом ставшие «зарубежными», прекратили существование. Часть материалов была предварительно опубликована (Гущина, 1973; 1974; 1978; 1982; 1990; 1997; Гущина, Сорокина, 1984; 1995; Сорокина, Гущина, 1980; Журавлев, 1997а; 2000; 2001а; 2001б; 2002а; 2004; 2006а; 2007; 2010; Гущина, Журавлев, 1996; 1999; Zhuravlev, 1999; 2002а; 2003; 2005; 2009; Ахмедов и др., 2001; Столярова, 2001; и др.).

Крымская археологическая экспедиция возобновила работу на могильнике Бельбек IV в 2004 г., раскопки проводили Д.В. Журавлев и К.Б. Фирсов (Журавлев, Фирсов, 2005; 2007. Материалы этих раскопок представлены в Приложении 7). К этому моменту первый вариант книги был полностью подготовлен к печати. Но по ряду причин после сезона 2004 г. работы Исторического музея в Крыму пришлось прекратить.

Всего Крымской археологической экспедицией ГИМ в 1969–1991 гг. было раскрыто 331 погребение на площади более 2000 кв.м. Остальная часть некрополя (площадью около 6 га), в том числе центральная, наиболее ранняя, была испорчена земляными сооружениями времен Великой Отечественной войны, гаражами, постройками военной части (как уже было сказано выше, поблизости находится военный аэродром «Бельбек»), а также многочисленными грабительскими раскопками. Конфигурация раскопов также определялась вышеупомянутыми причинами. В настоящее время территория могильника частично застроена садовыми участками. Раскопки проводились на средства, выделяемые Государственным Историческим музеем, силами многих его сотрудников. Весь найденный материал хранится в фондах Отдела археологических памятников ГИМ, за исключением нескольких предметов из случайных находок, переданных в музей местного совхоза имени Софьи Перовской.

С 1981 по 1990 г. бессменным заместителем начальника экспедиции была Н.П. Сорокинаф. В течение нескольких сезонов в качестве научных сотрудников в экспедиции работали

археологи из Исторического музея Н.И. Асташова, П.Д. Диатроптов, Д.В. Журавлев, Е.Д. Каверзнева, Е.Ю. Новикова, Е.Е. Филиппова.

Среди тех людей, которые многие годы приезжали в Любимовку в свой отпуск и работали на раскопе в качестве землекопов или были заняты на камеральной обработке материала, были сотрудники Исторического музея: С.Н. Болотина, Н.А. Богданова†, Н.Т. Выдри-на, И.А. Дроздова†, Т.И. Зайцева, А.А. Ионов, М.Е. Кольцов†, А.В. Лаврентьев, Т.Г. Сабурова, Р.М. Семенова, М.А. Силаев†, Н.Н. Скорнякова, Г.К. Теплова, А.С. Чиняков, В.Г. Чуйков†, а также жители поселка: П.А. Алексеев†, В.Н. Дробот†, М.А. Бухтиярова†, А.П. Конищев, В.В. Конышев†, В.П. Овсянников†, В.Я. Прохоров, А.Н. Чухин†.

Последние годы в составе экспедиции работали реставраторы Л.И. Виноградова и В.И. Шестак, чьими усилиями были законсервированы в полевых условиях и спасены от разрушения многие вещи.

Фотографии в разные годы делали Н.А. Мусатова, Ю.Б. Пекуровский, А.К. Тарасевич†, В.И. Усачев†, Е.Ю. Борисов. Большая работа была выполнена художниками, в первую очередь А.Н. Трифионовой, а также Н.А. Булановой, Д.Г. Шитовым, Н.В. Савушкиной, С.В. Шаральдиновым, А.В. Зайцевой, подготовившими иллюстративную часть нашей книги (табл. 1–260). Отдельные рисунки выполнили И.Р. Ахмедов, Д.В. Журавлев, А.Е. Кравцов, С.А. Литвак, А.Г. Скакова, Н.П. Сорокина†, К.Ю. Тесленко, А.А. Тихонова, Е.Е. Цуканова, Н.Е. Эляшберг. Полевые чертежи выполнены И.И. Гущиной†, Н.П. Сорокиной†; реставрация керамики – С.П. Маркеловой†, Л.И. Виноградовой, В.И. Шестак; металла – В.Н. Даркевич, Р.А. Турищевой; стекла – Н.П. Сорокиной†, Д.В. Журавлевым. Большую помощь при подготовке издания в разные годы оказали Н.В. Журавлева, Г.А. Камелина, И.А. Сумина, К.Б. Фирсов. Все таблицы к изданию подготовлены Д.В. Журавлевым.

Авторы хотели бы выразить глубокую признательность всем, кто в разные годы работал в Крымской археологической экспедиции ГИМ или оказывал ей помощь. Без их самоотверженного труда ни раскопки, ни тем более выход этой книги был бы невозможен. Благодарим также коллег из отдела археологических памятников ГИМ и И.В. Белоцерковскую, заведующую отделом в 1987–2006 гг., за участие в обсуждении многих разделов этой монографии и постоянную помощь.

Авторы благодарны тем, чьи консультации, советы или указания на литературу были очень важны на разных этапах подготовки книги: М.П. Абрамовой†, И.Р. Ахмедову, Н.А. Богдановой†, С.В. Демиденко, К. Домжальскому, Ю.П. Зайцеву, И.П. Засецкой, Г.А. Ломтадзе, В.Ю. Малашеву, В.И. Мордвинцевой, М.Г. Мошковой, О.Я. Неверову†, Г. Парцингеру, Н.П. Сорокиной†, Е.К. Столяровой, К. Хельстрем, К.Б. Фирсову, Н.А. Фроловой†, И.В. Яценко†, С.А. Яценко, а также многим другим нашим коллегам из Исторического музея, Института археологии РАН, Государственного Эрмитажа, Германского археологического института и других организаций.

***

Книга подготовлена И.И. Гущиной и Д.В. Журавлевым совместно; описание комплексов погребений составлено авторами также совместно на основании отчетов о полевых исследованиях И.И. Гущиной, хранящихся в отделе археологических памятников ГИМ. Раздел «Краснолаковая керамика» написан Д.В. Журавлевым (представлен сокращенный вариант монографического исследования на эту тему – Журавлев, 2010).

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «Хронология Юго-Западного Крыма в римское время: могильник Бельбек IV в системе памятников Таврики». Рукопись монографии в целом была завершена весной 2000 г. Обстоятельства сложились так, что долгое время эта рукопись находилась «в печати», свидетельством чему являются многочисленные ссылки на нее в научной литературе. Работа над новым вариантом книги была продолжена много лет спустя благодаря финансовой поддержке благотворительного фонда «Киммериды» (президент фонда – чл.-корр.

РАН В.Д. Письменный). И лишь в 2010 г. благодаря стипендии фонда Александра фон Гумбольдта при неизменной поддержке директора Евразийского отдела Германского археологического института С. Хансена и У. Шлотцауера один из авторов книги получил возможность доработать этот текст в Берлине, в библиотеке Германского археологического института (Евразийский и Центральный отделы), до того варианта, который держит в руках читатель.

Рукопись была завершена и передана в издательство в январе 2011 г. В связи с этим у нас не было возможности внести в текст какие-либо изменения или ссылки на вышедшую литературу, даже если она напрямую касалась крымских могильников. Но нашей книге упорно «не везло» – она долго лежала в издательстве, специализирующемся на публикации солидных археологических книг, последовал отказ в гранте от РГНФ... и вот, два года спустя, в январе 2013 г. ее приняли в редакционно-издательский отдел Государственного исторического музея.

К сожалению, Ирина Ивановна Гущина так и не дожидаясь выхода в свет этого, возможно, главного научного труда своей жизни. Пусть же эта книга навсегда останется памятником этому замечательному ученому и прекрасному человеку.

Денис Журавлев
Москва – Берлин, январь 2013 г.

Ирина Ивановна Гущина (стоит)
и Нина Петровна Сорокина.
Севастополь, Любимовка. Середина 1980-х

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И ПЛАНИГРАФИЯ НЕКРОПОЛЯ

Могильник Бельбек IV характеризуется сравнительным однообразием погребального обряда. В основном здесь представлены два типа погребальных сооружений: грунтовые ямы и подбойные могилы (см. специальные публикации о погребальном обряде населения Бельбекской долины: *Гущина*, 1997; *Zhuravlev*, 1999).

КОНСТРУКЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Простые *грунтовые ямы* составляют около 37 % от всех раскопанных погребений. Они имеют прямоугольную форму, со скругленными углами, иногда яма слегка сужается к ногам (размеры: длина до 2 м, ширина до 0,9 м, глубина до 1,6 м); по классификации позднескифских погребальных сооружений Н.А. Богдановой принадлежат к группе 1, типу 1 (*Богданова*, 1982. С. 31). Ориентированы они преимущественно с северо-запада на юго-восток. Расположение – равномерное по всей площади памятника. Скопление их наблюдается лишь на участках западного склона холма. Для сравнения, в Заветнинском могильнике число таких погребальных сооружений достигает 25% (*Пуздровский*, 2007а. С. 108).

Разновидностью таких конструкций являются *грунтовые ямы, забитые камнем* (группа 1, тип 2 по Н.А. Богдановой: *Богданова*, 1982. С. 31). Камни, как мелкие, так и достаточно крупные, располагались в один или несколько рядов в виде настила, достигая иногда краев могильной ямы (таких сооружений встречено 20, или 6%: погребения 64, 65, 66, 97, 190, 219, 223, 224а, 226, 228, 231, 234, 239, 241, 245, 293, 294, 297, 304, 313). Обращает на себя внимание компактное расположение этой группы погребений. В Усть-Альминском и Заветнинском могильнике число таких ям достигало 25 и 45% (*Пуздровский*, 2007а. С. 108). Н.А. Богданова предполагает, что обряд забивания камнем могильной ямы восходит к скифским погребальным традициям (*Богданова*, 1982. С. 31). И.Н. Храпунов, отстаивая точку зрения о сарматской принадлежности некрополей Бельбекской долины, образно пишет: «Это могли быть сарматы, пришедшие в Крымские предгорья с севера и постоянно контактировавшие с жителями позднескифских поселений. В результате несколько трансформировались их религиозные представления, заставлявшие каждый раз забивать могилы камнями. Априорно можно предположить, что этот чуждый степным сарматам обычай был призван затруднить вредоносной душе умершего покинуть могилу и вернуться в мир живых» (*Храпунов*, 2004. С. 137).

Грунтовые могилы с заплечиками, ориентированные с севера на юг с небольшими отклонениями, встречены трижды. Ступенька шириной до 0,4 м располагалась на глубине около 1 м от края могильной ямы. Заплечики служили опорой для перекрытия этих погребений каменными плитами (погребения 215, 299, 310) – группа 1, тип 3, вариант 2 по Н.А. Богдановой (*Богданова*, 1982. С. 32). В погребении 225 заплечик сделан только с одной стороны. Подобные сооружения известны как в могильниках Юго-Западного Крыма (Усть-Альминском, Заветном, Скалистом III и др.: *Пуздровский*, 1994. С. 116; 2007. С. 108), так и в других регионах (см., например: *Смирнов*, 1964. С. 81; 1975б. С. 159; *Скрипкин*, 1990. С. 179; *Гей*, 1999. С. 135). На наш взгляд, А.В. Симоненко и Б.И. Лобай справедливо отмечают, что ямы с заплечиками – явление скорее стадияльное, чем этническое (*Симоненко, Лобай*, 1991. С. 37).

Грунтовая яма, пробитая в плотной материковой скале, открыта только одна (погребение 315) – вероятно, скальный выход только в этом месте был так близок к дневной поверхности. На поверхность скалы было положено деревянное перекрытие (следы полностью сгнившего дерева прослежены в профиле могильной ямы). К сожалению, погребение оказалось полностью разрушено современными грабителями. Погребение 285 также было пробито в скальном грунте, но никаких следов перекрытий обнаружено не было.

Плитовые могилы (группа 1, тип 4 по Н.А. Богдановой: *Богданова*, 1982. С. 32) представляли собой сооружения, сделанные из вертикально поставленных плоских плит, поставленных по длинным сторонам прямоугольной ямы (обычно по 4 с каждой стороны), образующих как бы каменный ящик без плит по торцевым сторонам. Таких могил найдено всего две (погребения 180 и 284), одна из них ориентирована с севера на юг, другая – с запада на восток. Обе были полностью ограблены в древности. Этот тип погребальных сооружений встречается в Юго-Западном Крыму сравнительно редко (*Высотская*, 1994. С. 57) и обычно характерен для погребений позднего времени. Практически полностью из плитовых могил состоял могильник Бельбек I (*Печенкин*, 1905. С. 31–34), ряд плитовых могил известен в некрополях Бельбек II, Скалистое III, Усть-Альминском и Заветном (*Пуздровский*, 2007а. С. 109).

Надо отметить, что большинство плитовых могил в регионе доходят до нас ограбленными еще в древности (ср.: *Богданова*, 1982. С. 34; 1989. С. 25), что, вероятно, может косвенно свидетельствовать о богатстве и/или особом социальном статусе погребенных в них.

Погребение 223 – грунтовая яма, имеющая вертикально стоящую каменную стенку, перекрытая каменными плитами и забитая сверху камнями – выделяется среди остальных сооружений могильника. Это погребальное сооружение не вполне типично для населения Юго-Западного Крыма римского времени и, очевидно, представляет собой какой-то промежуточный тип, соединяющий в себе черты, характерные для погребений группы 1, типа 2 и типа 4 по классификации Н.А. Богдановой (*Богданова*, 1982. С. 31–32). Кроме того, плитовые могилы камнями обычно не засыпались.

Как уже отмечалось выше, плитовые могилы являются одним из позднейших для крымских скифов типов погребальных сооружений, появляясь только во II–III вв. н.э. По мнению Т.Н. Высотской, эти сооружения (равно как и кенотафы) были заимствованы населением Юго-Западного Крыма у греков (*Высотская*, 1972. С. 90; 1983. С. 17; 1994. С. 58). Н.А. Богданова, напротив, считала, что плитовые могилы происходят от местных могил с заплечиками (*Богданова*, 1982. С. 33). А.Е. Пуздровский предполагает, что рассмотренный тип погребальных сооружений является следствием слияния типов могил с заплечиками и каменным перекрытием. Учитывая найденные в плитовых сооружениях могильника Бельбек I и Опушки (правда, более позднего времени) трупосожжения, он не исключает и влияния на их появление традиций черняховской культуры (*Пуздровский*, 1994. С. 116–117; 2007. С. 109). Существует еще и северокавказская версия происхождения плитовых могил (*Пиоро*, 1990. С. 141–143).

Подбойные могилы составляют около 50 % всех погребальных сооружений (по подсчетам А.Е. Пуздровского, во II–III вв. н.э. В подбойных могилах хоронили 40% жителей Юго-Западного Крыма и более 50% – Центрального: *Пуздровский*, 2007а. С. 109). Преобладает ориентировка с северо-запада на юго-восток. Узкая прямоугольная входная яма (длиной до 2,2 м, шириной до 0,6 м) имела в одной из длинных стенок (чаще западной) подбойную камеру шириной от 0,45 до 0,75 м. Пол камеры обычно сделан ниже уровня дна входной ямы на 0,15–0,2 м, иногда до 0,35 м. Камера закрывалась вертикально стоящими каменными плитами, которые под тяжестью земли оказывались в сильно наклоненном положении. Значительно реже встречаются ямы с двумя подбоями (по обеим длинным сторонам ямы) – группа 2, тип 1, вариант 2 по Н.А. Богдановой (*Богданова*, 1982. С. 32). Их найдено всего девять: погребения 39, 48, 107–108, 115, 138, 140–141, 144–145, 319, 324. Ямы с двумя подбоями довольно редко встречаются и в других могильниках Юго-Западного Крыма (*Богданова*, 1982. С. 32; *Пуздровский*, 1992. С. 181; 1994. С. 117; *Высотская*, 1994. С. 57). Располагаются подбойные могилы относительно равномерно по всему некрополю, но преобладают на некоторых участках.

Подбойные могилы, входная яма которых забита камнями (группа 2, тип 2 по Н.А. Богдановой: *Богданова*, 1982. С. 32), зафиксированы шесть раз (погребения 233, 250, 264, 265, 300, 305); кроме того, следы этого обряда прослежены еще в 11 могилах (погребения 166, 223, 240, 249, 250, 264, 265, 308, 309, 311, 314). Вероятно, обряд засыпки входной ямы (равно как и грунтовых могил) камнями восходит к позднескифским обычаям (*Гущина*, 1974. С. 34; *Богданова*, 1982. С. 31; *Высотская*, 1983. С. 19). И.Н. Храпунов рассматривал та-

кие могилы как «яркий пример взаимовлияний двух традиций – позднескифской и сарматской» (Храпунов, 2004. С. 130).

В некрополе близлежащего Херсонеса подбойные погребения появляются не ранее середины II в. н.э., что В.М. Зубарь связывает с проникновением сарматов в город (Зубарь, 1977. С. 71). В связи с преобладанием в Бельбекском некрополе, а также в могильниках Скалистое II и III подбойных могил Т.Н. Высотская предполагает большее влияние сарматских традиций в «сельских, периферийных некрополях» (к которым она почему-то относит и Бельбек IV), чем в некрополях больших городищ (Высотская, 1983. С. 19). По мнению О.Д. Дашевской, подбойные могилы являются критерием не столько этнических различий, сколько социальных, так как все подбойные погребения якобы обычно бедные (Дашевская, 1984. С. 57). Отметим, что если это утверждение и верно для Беляусского могильника, то при анализе материала из некрополя Бельбек IV картина часто получается иная. Можно выделить ряд сравнительно богатых погребальных комплексов из подбойных могил.

В свое время Д.С. Раевский считал чертой сарматского обряда именно индивидуальность захоронения, что он связывал с ослаблением большесемейных связей в позднескифском обществе (Раевский, 1971а. С. 64). О.Д. Дашевская объясняет появление индивидуальных захоронений в подбойных могилах «одиноким семейным положением погребенных людей и вытекающей отсюда скудостью жизни» (Дашевская, 1984. С. 59). По мнению А.Е. Пуздровского, увеличение числа подбойных могил связано не только с притоком нового населения, но и с новой формой социальной организации, в связи с чем увеличивается число индивидуальных захоронений (Пуздровский, 1994. С. 117; 2007а. С. 109). В.М. Зубарь считал, что «резкое увеличение индивидуальных погребений в могильниках Юго-Западной Таврики, вероятно, следует в первую очередь рассматривать как достаточно верный показатель оседания на землю представителей сарматского этнического массива, принесшего с собой характерный для кочевого общества обряд погребения» (Зубарь, 2004. С. 151).

Анализ материалов могильника Бельбек IV подтверждает справедливость утверждения, что нельзя рассматривать подбойные могилы в крымских некрополях римского времени как однозначно сарматские в отрыве от остальных деталей погребального обряда и инвентаря (Дашевская, 1984. С. 59; ср.: Смирнов, 1972. С. 76; Мошкова, 1983. С. 30–31). При этом можно говорить о доминировании в целом сарматских традиций (Пуздровский, 2007а. С. 110) (или черт, которые традиционно считаются сарматскими) среди погребений в подбойных могилах.

Деревянные конструкции. Особо надо сказать о могилах с деревянными конструкциями. До недавних пор бытовало мнение, что дерево в Юго-Западном Крыму применялось для устройства погребальных сооружений редко в силу его дефицита. После открытия в последние годы в Усть-Альминском некрополе огромного количества прекрасно сохранившихся органических, в первую очередь деревянных, предметов (см., например: Пуздровский, 2007а. Рис. 134–137, 140–142) мир носителей позднескифской культуры предстает перед нами совсем в ином свете. Дерево широко использовалось в быту местным населением для изготовления посуды, мебели, предметов обихода (шкатулки, гребни, веретена), не говоря уже о погребальных конструкциях типа гробов (Пуздровский, 2007а. Рис. 70–72).

К сожалению, почва в долине реки Бельбек не способствует сохранности органических материалов. Всего исследовано 47 комплексов со следами дерева. Следы дерева, прослеженные в погребениях, обычно являются остатками колод – гробов (погребения 90, 161, 239, 267 и др.). Деревянные гробы практически целиком сохранились, например, в Усть-Альминском могильнике (Высотская, 1994. С. 58; Пуздровский, 2007а. Рис. 70–72) или позднескифских некрополях Нижнего Поднепровья (Гей, 1987. С. 56, 59). В некоторых могилах хорошо прослежены деревянные настилы (погребения 138, 258, 261, 287 и др.), идущие вдоль могильной ямы. Нельзя, впрочем, исключать, что это тоже крышки гробов, нижняя часть и стенки которых могли и не сохраниться. Иногда на таком перекрытии стояли предметы погребального инвентаря (погребения 287 и др.). Практически все гробы найдены в могилах II в. н.э. и первой половины III в. н.э. (погребения 257, 267, 270 и т.д.).

В погребении 34 фрагменты деревянной плахи были зафиксированы у головы погребенного; в погребении 41 также в изголовье была найдена обугленная плаха. Эти комплексы – одни из наиболее ранних на территории некрополя – датируются третьей четвертью I в. н.э. В отдельных случаях деревянные плахи найдены в засыпи могильной ямы (погребения 233, 242), а иногда следы дерева столь незначительны, что мы можем констатировать лишь их наличие (погребения 85, 97, 100, 199 и др.). В некоторых могилах на деревянных перекрытиях от-

мечены следы огня – остатки обугленных деревянных плах (погребения 41, 240, 329, 330 и др.).

Интересный и необычный обряд был зафиксирован в погребении 221. На дне могильной ямы прямоугольной формы, ориентированной с северо-запада на юго-восток, вертикально стояли каменные прямоугольные плиты: одна вдоль северо-западной торцевой стены ямы, другая – параллельно ей в центре могилы, разделяя ее на две части. В юго-восточной части могилы вдоль ее восточной стены стояла еще одна каменная плита, а в северо-западной части над этими плитами горизонтально лежали бесформенные каменные глыбы. На дне могильной ямы обнаружены следы деревянного настила из обгоревших и обугленных жердей и плах, круглых в сечении, до 30 см в диаметре, лежащих вдоль могильной ямы, а в некоторых местах – и поперек. Над настилом в северо-западной части ямы (между двумя вертикально стоящими камнями) *in situ* находился погребальный инвентарь (см. описание погребения в Приложении 1). В противоположной части могилы за вертикально стоящим камнем, кроме следов продолжающегося обгоревшего настила, ничего не обнаружено. Можно предположить, что в той части погребения, где найдены вещи, на настиле было детское захоронение (кости в них, как правило, не сохраняются). Однако отсутствие системы в расположении инвентаря, казалось бы, противоречит этому предположению. Отметим, что размещение богатого инвентаря на деревянном настиле над погребением в принципе известно в сарматских памятниках Северного Причерноморья (см., например: *Кияшко, Мысков*, 2000). Назначение второй половины ямы пока остается загадкой, как, впрочем, и весь обряд данного погребения в целом (*Zhuravlev*, 1999. Р. 22).

Таким образом, традиция использования дерева в погребальном ритуале в той или иной степени прослеживается на протяжении всего времени существования могильника. Наибольшее распространение деревянных конструкций приходится на первую половину II в. н.э. (чаще всего – в подбойных могилах) и на конец II – первую половину III в. н.э. (в основном – в грунтовых ямах).

Кенотафы встречаются в Юго-Западном Крыму редко. Правда, учитывая, что во многих погребениях от костяка остается лишь тлен, а иногда кости истлевают полностью без следа, формально можно отнести к кенотафам очень много погребальных сооружений, которые таковыми, по всей видимости, не являются. В связи с этим у нас нет оснований с уверенностью говорить о кенотафах в Бельбекском некрополе.

Говоря о погребальных сооружениях, нельзя не отметить, что на территории могильника не открыты склепы, которых много, например, в Усть-Альминском и Беляусском некрополях (*Высотская*, 1983. С. 14; 1994. С. 140; *Дашевская*, 1991. С. 26; *Пуздровский*, 2007а. С. 110–111) и которые на протяжении длительного времени являлись наиболее типичными позднескифскими погребальными сооружениями. На это уже неоднократно обращалось внимание в литературе (см., например: *Храпунов*, 2004. С. 133). При этом справедливо, что ранние погребения могильника Бельбек IV синхронны позднескифским склепам. Но отсутствие склепов в бельбекском некрополе может объясняться и другими причинами. Не секрет, что могильник раскапывался не только археологами, но и грабителями – уже в 70-е и 80-е годы прошлого столетия современные «счастливчики» начали проявлять свою преступную активность. Мы уже отмечали, что конфигурация раскопов была вызвана именно тем, что центральная, наиболее ранняя часть некрополя, оказалась полностью разграблена. По информации от коллекционеров, полученной еще в годы существования Советского Союза, на этой территории грабителями было раскопано несколько склепов. Точно такую же информацию получили сотрудники Крымской экспедиции ГИМ в 2004 г. от местных жителей. Нет сомнений, что полностью доверять такой информации нельзя, но в то же время мы не можем ее совсем игнорировать.

Надмогильные сооружения. Вероятно, могилы в древности имели на поверхности земляные насыпи, так как даже разновременные погребения не перекрывают друг друга. Кроме того, практически на всех участках некрополя прослеживается рядность могил. Разумеется, никаких следов от надмогильных сооружений до наших дней не сохранилось. Лишь в погребении 245 была найдена фрагментированная антропоморфная стела с личиной (табл. 244), вероятно, некогда стоявшая в качестве надгробия над одним из захоронений, а впоследствии вторично использованная в качестве закладного камня (ср.: *Дашевская*, 1994. С. 81). Обычай устанавливать стелы на могилах не был широко распространен в Юго-Западном Крыму в римское время (*Дашевская*, 1991. С. 27), за исключением могильника Заветное, где таких стел обнаружено шесть (*Богданова*, 1961; 1965; 1989. С. 60–61; *Лазаренко*, 1993. № 29; 31–35;

Волошинов, 2001), а также некрополей у с. Краснозорье (Волошинов, 1997; 2004. Рис. 1–3) и «Совхоз № 10» (*Стржелецкий и др.*, 2005–2009. С. 182–186, особенно рис. 44). Обломки стел во вторичном использовании в закладах найдены в Битакском и Усть-Альминском могильниках (Волошинов, 2001. С. 147–149. Рис. 1, 1, 4; Пуздровский, 2007а. С. 125. Рис. 142, 3–4). Из всех известных нам стел бельбекская является наиболее примитивной – контуры лица только намечены. Относительно близкой аналогией является известняковая стела из Усть-Альминского могильника (Пуздровский, 2007а. Рис. 142, 4).

ПОЛОЖЕНИЕ ПОГРЕБЕННОГО

Почти все погребения одиночные, за исключением погребения 223, где один костяк – мужчины – был сдвинут, и рядом лежал еще один – женский. В погребении 281 также были найдены фрагменты костей двух погребенных, но могила была ограблена, и утверждать это сложно. Н.А. Богданова полагает, что в таких случаях совместное захоронение могло диктоваться ображениями не только родственного, но и социального порядка. Она отмечает, что все такие могилы непременно имеют бедный инвентарь (Богданова, 1982. С. 36). Напротив, погребение 223 могильника Бельбек IV – одно из самых богатых в некрополе; там были похоронены с небольшим хронологическим разрывом мужчина и женщина (Ахмедов и др., 2001). Инвентарь – предметы вооружения (обрывки кольчужного плетения, железный кинжал), детали конского убора, фибулы с эмалью, серебряные и золотые украшения, бронзовая статуэтка Эрота – свидетельствует о высоком имущественном и социальном положении погребенных (семейной пары?)¹. В погребении 281 были найдены остатки железного меча и свинцовая рамка стеклянного зеркала, выделяющие его из ряда однотипных захоронений. Обряд сдвигания костяков при совершении повторного захоронения широко известен не только в Юго-Западном Крыму, но и далеко за его пределами (Дашевская, 1994. С. 82).

Интересный обряд зафиксирован в погребениях 240 и 242: первоначально в подбойной могиле была похоронена женщина, а позднее во входной яме было совершено небогатое мужское захоронение (табл. 166, 15–20; 168, 19–31). Дата этих комплексов – вторая половина II в. н.э. Похожая ситуация фиксируется и в погребении 324, но оно было ограблено, и точно реконструировать ситуацию затруднительно.

Основное положение погребенных – вытянутое на спине, руки лежат вдоль туловища. Это наиболее характерное положение в большинстве открытых некрополей Юго-Западного Крыма римского времени: оно составляет от 70 до 90% в различных могильниках (Богданова, 1982. С. 35; Высотская, 1994. С. 61, 64. Табл. 2; Пуздровский, 2007а. С. 120).

Скорченность погребенных прослежена в шести могилах, руки положены на таз в 18 могилах, ноги скрещены в голени у 11 умерших. Н.А. Богданова отмечает, что погребения умерших с рукой, лежащей на костях таза, как правило, женские (Богданова, 1982. С. 36; ср.: Пуздровский, 2007а. С. 120–121). Положение одной или обеих рук на тазовых костях, а также скрещивание ног некоторыми исследователями отмечается как сарматская традиция (Высотская, 1994. С. 61). С другой стороны, на наш взгляд, справедлива точка зрения, что ни для сарматов, ни для меотов, у которых этот обычай был отмечен значительно раньше, нельзя рассматривать эту деталь обряда как этнический признак (Каменецкий, 1965. С. 14; Мошкова, 1983. С. 31; и др. Ср.: Гей, 2001–2002. С. 302). Исследователи античного погребального обряда также придерживаются близкого мнения (Сорокина, Сударев, 2002. С. 282).

Вероятно, обряд скрещивания ног можно связать с определенными религиозными представлениями, согласно которым умершему связывали перед погребением ноги кожаными ремнями (Смирнов, 1964. С. 249; Мошкова, 1983. С. 31). От таких ремней в могилах изредка находят пряжки (табл. 194, 15–16). Кстати, отметим, что такие черты, как размещение кистей рук на тазе или бедре, перекрещивание ног в голени, погребение на боку, были характерны для крымских скифов и в IV–III вв. до н.э. (Ольховский, 1991. С. 139).

В четырех могилах II в. н.э. (погребения 38, 86, 173, 329) тело погребенного лежит скорченно на боку, ноги согнуты в коленях. Их инвентарь, за исключением погребения 329, не отличается богатством, а погребение 86 и вовсе безынвентарное (прослежены только следы мела). В погребении 227 покойная была положена на спину и немного повернута на правый бок; руки согнуты и положены на таз. Некоторые исследователи считают, что скорченность погребенного связана с его зависимым или неполноправным положением (Кадеев, 1981. С. 119–120; Зубарь, 1982. С. 41). Не исключено, что скорченность погребенных (а среди них

¹ Парные погребения семейных пар известны еще в эпоху бронзы. См. о подобных погребальных комплексах: Рафикова, 2008. С. 80–82.

преобладают женщины) может быть также вызвана дифференциацией по половому признаку (Абрамова, 1987. С. 125; Пуздровский, 2007а. С. 121). А.Е. Пуздровский отмечает, что небольшое отклонение от вытянутого положения ног может быть следствием придания позы «коленями вверх», недостатком места в могиле или даже неаккуратного обращения с покойным (Пуздровский, 2007а. С. 121).

В некоторых случаях лица погребенных в Бельбекском могильнике повернуты на восток и изредка (например, погребения 154, 300, 310) – на запад.

ОРИЕНТИРОВКА

В погребениях в целом превалирует южная ориентировка с отклонениями на запад и восток – 36% (необходимо, впрочем, учитывать, что в ряде могил точную ориентировку погребенного установить невозможно), при этом в комплексах второй половины I – первой четверти II в. н.э. она доминирует. Северная с отклонениями составляет около 28% и, как правило, характерна для более поздних захоронений, начиная со второй четверти – середины II в. н.э. В этот период времени она полностью преобладает. Интересно отметить, что погребения с северной ориентировкой расположены компактно в северо-западной части некрополя, составляя здесь подавляющее большинство могил, хотя встречены и на других участках. На запад и восток ориентировано соответственно 2,9% и 1,4% могил. При этом, естественно, необходимо учитывать расположение могил на склоне холма и вынужденное подчинение локальным топографическим условиям, а не «идеологическим традициям» (Храпунов, 2004. С. 130).

Близкая картина отмечена и в других могильниках Юго-Западного Крыма: в Заветном юго-западная ориентировка погребенных составляла около 90% (Богданова, 1982. С. 35), в Неаполе Скифском преобладала южная и юго-восточная (Пуздровский, 1992. С. 181), в Усть-Альминском – юго-восточная (34,4%), восточная (10,9%) и западная (7,7%) ориентировки (Высотская, 1994. С. 61).

В ряде могильников позднескифского времени прослеживается общая тенденция в погребальном обряде: около середины II в. происходит смена ориентировки с южной на северную (Гущина, 1974. С. 33, 44; 1982. С. 26). Северная ориентировка традиционно считается сарматской чертой обряда (Абрамова, 1962. С. 280; Шелов, 1972. С. 239; Гей, 2001–2002. С. 301). Н.А. Богданова связывала изменение в ориентировке с двумя волнами сарматского проникновения в Юго-Западный Крым (Богданова, 1982. С. 35). Эта же особенность прослеживается и на материалах Бельбекского некрополя.

СЛЕДЫ РИТУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

В некоторых могилах прослежены те или иные следы воздействия огня на тело умершего (кусочки угля, пепельная подсыпка, частичная кремация). Этот обычай был широко распространен в позднескифском обществе (ср.: Высотская, 1994. С. 65) и часто связывается с сарматским влиянием (Гей, 2001–2002. С. 303). Кроме того, частичная кремация известна у скифов Нижнего Поднепровья и у савроматов (Вязьмитина, 1972. С. 110; Смирнов, 1964. С. 255; Гей, 1987. С. 56). Вероятно, в могиле разводили очистительный костер, причем иногда он делался до погребения – пепельная подсыпка под костяком или прокаленная земля под всем костяком или лишь под черепом (ср.: Мульд, 2001. С. 51), а иногда покойника засыпали горящими углями и ветками из костра. В некоторых погребениях найдены остатки обугленных деревянных плах. Они могут принадлежать как обгоревшим перекрытиям могильной ямы, так и доскам гробов (ср.: Высотская, 1994. С. 65). Учитывая находки кремня и курильниц в некоторых могилах, можно утверждать, что культ огня играл не последнюю роль в религиозных представлениях населения Бельбекской долины (ср.: Богданова, 1990; Высотская, 1994. С. 65. Об иранском культе огня см. подробнее: Литвинский, 1991).

Красная краска использовалась как для украшения лица и тела, так и в ритуальных целях, возможно, для имитации огня. С.С. Бессонова, анализируя находки красной краски в скифских погребениях, отмечает, что она может также «иметь отношение к плодородию и означать переходное состояние организма между жизнью и смертью, надежду на продолжение жизни, новое рождение, то есть на оживление умерших» (Бессонова, 1990. С. 31). Существует, впрочем, и другая точка зрения, согласно которой красная краска использовалась

лишь в косметических целях (Ильинская, 1968. С. 150; Зуев, 1996. С. 59). Согласно нашим наблюдениям, в ряде могил красная краска найдена в шкатулках, и тогда ее назначение как косметического средства несомненно. В других случаях, например в погребении 62, где красная краска была внутри небольшого лепного сосуда (табл. 39, 13), возможно предполагать как ритуальное, так и косметическое ее назначение.

Сравнительно редкое явление – наличие кусков мела или меловой подсыпки в могилах (27 погребений). Этот обряд известен во многих могильниках Юго-Западного Крыма (см., например: Дашевская, 1991, 26; Высотская, 1994. С. 66; Пуздровский, 2007а. С. 116) и связывается обычно с сарматским влиянием (см., например: Гей, 1999. С. 137; 2001–2002. С. 303). В то же время В.Н. Корпусова считает красную краску и мел румянами и белилами, основываясь на их находках рядом с предметами туалета (Корпусова, 1983. С. 25).

Нам известно, что белый налет на стенках могилы часто принимают за следы мела или побелки, тогда как он образован аккумуляцией легкорастворимых солей, естественно сформировавшейся в контактной зоне пород, и материалов различной плотности и засоленности (Демкин, 1997. С. 171–173). Признавая определенный скепсис И.В. Сергацкова (Сергацков, 2009. С. 59), тем не менее, считаем возможным учитывать эту черту погребального обряда, особенно когда мел представлен отчетливо различимыми кусочками, а не подсыпкой. Необходимость учета места находки мела в могиле несомненна. Иногда мел найден рядом с румянами (в шкатулке или, возможно, мешочке), как, например, в погребениях 154, 170, 176, 185 и др. В этих случаях он исполнял роль белил. В других могилах кусочки мела находились в засыпи ямы, на дне подбойной камеры, в головах, на груди, у рук, в ногах и т.п. – в этом случае мы можем говорить о его ритуальной роли.

Обращает на себя внимание, что наибольшее количество мела найдено в женских погребениях, причем если во второй половине I – начале II в. н.э. эти находки зафиксированы как в грунтовых, так и в подбойных могилах (в трех могилах того и другого типа), то для первой половины II в. подавляющее большинство подобных находок обнаружено в подбойных могилах (в десяти погребениях). В мужском погребении 326 конца II – первой четверти III в. н.э. под головой была зафиксирована меловая подсыпка толщиной 5 см. В нескольких могилах одновременно фиксировались угли и следы мела.

Здесь же упомянем меловую подвеску сложной формы из погребения 223 (табл. 149, 8), явно выполнявшую функцию амулета.

В нескольких могилах найдены куски кремня, насколько можно судить, без следов обработки. Подобные находки также не редкость в погребениях римского времени в Северном Причерноморье (Высотская, 1994. С. 68; ср.: Шилов, 1959. С. 430; Рикман, 1975. С. 320). Попутно отметим интересные находки кремня в Усть-Альминском некрополе: А.Е. Пуздровский считает инкрустацию колод кремнем «местной крымской чертой» (Пуздровский, 2007а. С. 122). К. Хельстрем, М. Хохмут и Ю.П. Зайцев, тщательно проанализировав подобные находки, на основании многочисленных аналогий в Восточной Европе, Закавказье и на Ближнем Востоке, пришли к выводу, что в данном случае находки деревянных колод с вставленными в них кремнями можно интерпретировать в качестве специальных полозьев для обмолота зерна (Hellström & al., 2009).

Найденные в отдельных погребениях могильника Бельбек IV окатанные гальки (например, в погребении 65) также наверняка связаны с какими-то особенностями обряда (Смирнов, 1964. С. 255; Высотская, 1994. С. 68). Специально обратим внимание, что в погребениях 29 и 297 могильная яма была засыпана песком или суглинком вперемешку с галькой, а в погребениях 49 и 276 галькой была засыпана вся входная яма. В некоторых могилах прослежены следы тлена от ткани (подстилки?) или кошмы, в которую был завернут умерший. Аналогичный обряд прослежен во многих могильниках позднескифской культуры (Богданова, 1982. С. 34; Зубар, Савеля, 1989. С. 74). Согласно А.Е. Пуздровскому, этот обряд был более характерен для Центрального Крыма – в Неапольском и Битакском могильниках следы кошмы фиксировались в 25% и 30% подбойных погребений соответственно (Пуздровский, 2007а. С. 116).

К ритуальным предметам можно отнести различные подвески-обереги, зеркала, курильницы, раковины и т.п. Все эти категории вещей будут кратко описаны ниже; их ритуальной роли посвящены специальные исследования (Богданова, 1980; Высотская, 1994. С. 123–133), и нет необходимости подробно останавливаться на этом вопросе. Обычно эти предметы найдены в женских или детских погребениях, реже – в мужских.

КОНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

Захоронение коня в яме овальной формы встречено только один раз. Конь лежал с подогнутыми ногами и был ориентирован в направлении север–юг. Могила сопровождалась железными удилами с кольцевыми окончаниями и подпругной пряжкой (табл. 189, 30–35) и получила номер 278, хотя человеческих останков там обнаружено не было. Вероятно, конскую могилу следует связывать с одним из близлежащих погребений – скорее всего, с погребением 270, где был расчищен скелет мужчины с оружием. Похожее погребение коня с той же ориентировкой было найдено в Заветнинском могильнике (Богданова, 1982. С. 38). Близкая картина наблюдается в Чернореченском и Усть-Альминском могильниках (Печенкин, 1905. С. 38; Дашевская, 1991. С. 25–26; Высотская, 1994. С. 72; Пуздровский, 2007а. С. 123), Неаполе Скифском (Карасев, 1953. С. 83–84; Пуздровский, 2001. С. 122–123, 140; Зайцев, 2003. С. 35. Рис. 7, 117–120), некрополе Кеп, а также на Европейском Боспоре (Сорокина, 1962. С. 99; Масленников, 1990. С. 38–39) и во многих других местах.

ПРОЧИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Следы *тризны* на некрополе встречаются редко. К ним можно условно отнести находки фрагментов светлоглиняных или красноглиняных амфор и столовой посуды, отдельных костей животных в засыпи могильной ямы. Лишь в 1991 г. было расчищено скопление фрагментов битых амфор II в. н.э., под которым не было погребения. В Юго-Западном Крыму следы тризны прослеживаются в большинстве могильников (Богданова, 1982. С. 38; 1989. С. 24–25; Высотская, 1994. С. 71). В целом обряд тризны был широко распространен, в том числе и у северопричерноморских греков (Кастанаян, 1952), а также у поздних скифов Нижнего Поднепровья (Малюкевич, Желтонозов, 1995. С. 34–36). В сарматских курганах Нижнего Дона в составе тризн также часто встречаются обломки светлоглиняных амфор (Головкова, 1994. С. 144). Изредка в засыпи могильной ямы находились фрагменты краснолаковой керамики: в этом случае не исключено, что эти сосуды, наряду с амфорами, использовались во время тризны.

Расположение инвентаря в могиле типично для локального погребального обряда: посуда ставилась в головах погребенного (реже у рук или в ногах), тарелки иногда были положены под голову умершему. В некоторых случаях посуда ставилась на крышку гроба. Украшения располагались, как правило, в порядке ношения при жизни. В уже описанном погребении 223 при подхоронении умершей женщины, вещи, принадлежащие первому погребенному, были сдвинуты в сторону. Иногда сосуды (до пяти в одном погребении) ставили один в другой (например, кубок в тарелку), вверх дном или накрывали кувшин перевернутым вверх дном кубком (чашей) (ср.: Игнатов, 1996). В ряде могил кувшин или кубок накрывался плоским камнем или фрагментом стенки амфоры (ср.: Высотская, 1994. С. 69). В погребении 221 посуда была поставлена на деревянный настил.

В литературе неоднократно отмечалось отсутствие закономерности в размещении краснолаковой посуды в погребении (Высотская, 1994. С. 69. Рис. 27). Тем не менее, некоторые закономерности в размещении краснолаковой керамики в могильнике Бельбек IV все-таки прослеживаются. Так, если в I–II вв. н.э. керамику ставили в большинстве случаев в головах погребенного, то в конце II – III в. значительная часть сосудов размещалась в ногах (Журавлев, 2010). Не исключено, что это связано с двумя сарматскими волнами, влившимися в Юго-Западный Крым в I и II в. н.э. При этом заметной зависимости между типами сосудов и полом погребенных не прослеживается.

По мнению ряда авторов, обычай помещения большого количества сосудов, в том числе перевернутых вверх дном и поставленных один в другой, был заимствован поздними скифами у меотов Прикубанья (см., например: Высотская, 1994. С. 69; Гей, 1999. С. 137).

Погребения практически всегда сопровождалась *заупокойной пищей* (мясо коровы или мелкого рогатого скота – овцы, козы; иногда птицы), с которой часто клали железный нож². Чаще всего напутственная пища размещалась в краснолаковой тарелке (интересно отметить на некоторых тарелках хорошо заметные следы ножа, которым, вероятно, это мясо разрезалось). По подсчетам Н.А. Богдановой, мясная пища присутствует в 60% позднескифских погребений Юго-Западного Крыма (Богданова, 1982. С. 37). В двух могилах (10 и 140) найдены виноградные косточки. В погребении 186 заупокойная пища была представлена раковинной

² В некрополе «Совхоз № 10» яйца выступали в качестве заупокойной пищи значительно чаще, чем мясная пища. Соответственно, местоположение ножей в погребении было совсем другим (Стржелецкий и др., 2005–2009. С. 145).

мидии, лежащей в тарелке. Для жидкой пищи использовались миски, чаши, кувшины и др. сосуды. К сожалению, в свое время не было проведено никаких анализов остатков пищи в сосудах, что не позволяет нам достоверно реконструировать ее состав.

Крайне плохая сохранность костей в некрополе не позволила прибегнуть к антропологическим определениям. Лишь в некоторых могилах можно было сделать некоторые предварительные антропологические наблюдения (так, например, в захоронении 286 у погребенного была прослежена деформация черепа), в большинстве же случаев пол погребенного определялся по набору инвентаря. Подобная ситуация с антропологическим материалом отмечена в Усть-Альминском могильнике (*Высотская*, 1994. С. 140) и в ряде других некрополей Юго-Западного Крыма.

ПЛАНИГРАФИЯ НЕКРОПОЛЯ

Особенностью могильника Бельбек IV является хорошо выраженное хронологическое зонирование разных групп погребений. Очевидно, что могилы распространялись во все стороны от центра. К сожалению, центральная часть некрополя была застроена или испорчена, поэтому самые ранние погребения, которые, вероятно, там располагались, исследованы не были. Судя по всему, формирование некрополя шло поступательно: у нас нет случаев, когда одна могила перекрывала бы другую, что может говорить о существовании в древности каких-то памятников или иных знаков, отмечающих захоронения. Правда, иногда погребения более позднего времени могут располагаться и на более раннем участке, что не меняет общей картины. В результате исследования выделены участки захоронений, надежно связываемые с различными хронологическими периодами.

На плане некрополя (табл. 2) могилы разного времени были обозначены разным цветом. Очевидно, что ближе всего к центру некрополя находятся могилы, которые могут быть датированы второй половиной I – началом II в. н.э. Во все стороны от центра некрополя располагаются комплексы, датирующиеся II в. н.э. На периферии раскопанных участков некрополя располагаются могилы, достоверно датированные концом II – первой половиной III в. н.э.

ИНВЕНТАРЬ МОГИЛЬНИКА

Глиняная посуда – основной вид инвентаря погребенных в Бельбекском могильнике. Среди этих сосудов – краснолаковая и красноглиняная посуда, тарные амфоры и лепная посуда. Все эти группы посуды будут рассмотрены ниже.

АМФОРЫ

Амфоры присутствуют в погребениях некрополя Бельбек IV как целиком, так и в виде обломков при засыпи могильных ям, а также из так называемой тризны. В основном они представлены узкогорлыми светлоглиняными сосудами типа В, С и D по Д.Б. Шелову. Для могильников Юго-Западного Крыма амфоры до недавнего времени являлись достаточно редкой находкой, что позволило в свое время В.И. Кадееву и С.Б. Сорочану писать о полном отсутствии амфор I–II вв. в позднескифских погребениях (Кадеев, Сорочан, 1989. С. 83).

Развернувшиеся в 90-х годах прошлого века широкомасштабные исследования погребальных комплексов в Юго-Западном и Центральном Крыму позволили сильно скорректировать это предположение. Сегодня мы можем говорить, что античные амфоры были весьма обыденной категорией инвентаря позднескифских и сарматских погребений римского времени. Многочисленные находки амфор зафиксированы в Усть-Альминском и Битакском некрополях (Пуздровский, 2007а. Рис. 156–161). В некрополе «Совхоз № 10» амфоры использовались в качестве погребальных урн, чем объясняется их значительное количество – 265 экземпляров (Стржелецкий и др., 2005–2009. С. 55–76, табл. I–X). Однако амфоры из этого некрополя в основном представлены иными типами керамической тары, чем в остальных могильниках Юго-Западного Крыма.

Частое присутствие амфор в античных погребениях дало основание некоторым исследователям говорить о хтоническом аспекте амфорной тары в некрополе (Тульпе, 1999. С. 338–343).

Всего в погребальных комплексах некрополя Бельбек IV найдено восемь целых амфор различных типов и множество обломков. Наиболее представительную группу составляют узкогорлые светлоглиняные амфоры, которые, согласно исследованиям С.Ю. Внукова, являются позднегераклейской тарой.

Амфоры типа С (по Д.Б. Шелову) или типа CIVC (по С.Ю. Внукову). В могильнике Бельбек IV этот тип амфор представлен двумя целыми сосудами (размеры: высота – 59 см, диаметр венчика – 8 см, диаметр ножки – 4,3 см) из погребения 77 (нижняя часть с ножкой обломаны) (табл. 47, 3) и 223 (табл. 149, 3), а также большим количеством обломков. Тип С датируется Д.Б. Шеловым II в. н.э. (Шелов, 1978. С. 18). А.П. Абрамов датирует керамическую тару этого типа концом I – началом II в. н.э. (Абрамов, 1993. С. 46). Ко второй четверти II в. н.э. относятся комплексы, содержащие амфоры данного типа, с территории Боспора (Гайдукевич, 1952б. С. 169–170; Журавлев, Ломтадзе, 1999. С. 98, 104. Рис. 2). По мнению С.Ю. Внукова, эти амфоры датируются второй четвертью – концом II в. н.э., а комплекс с амфорой этого типа из склепа 120 Усть-Альминского некрополя и погребение «аланского военачальника» (Карасев, 1951. С. 170. Рис. 55б; Высотская, 1994. С. 133) можно отнести к середине – третьей четверти II в. н.э. (Внуков, 2006. С. 164–165). В могильнике Бельбек IV комплексы с амфорами типа С датируются первой половиной II в. н.э.

А.Е. Пуздровский разделил амфоры типа С на два варианта – ранний С («альминский») и поздний С («неапольский»). Соответственно, согласно А.Е. Пуздровскому, к раннему варианту относятся амфоры из погребений 142, 163 и 233 могильника Бельбек IV. Начало производства амфор этого типа он относит к 20–30 годам II в. н.э. (Пуздровский, 2007а. С. 186)

Амфоры переходного типа от С к D также представлены несколькими экземплярами. Так, к нему относятся три целые амфоры. Одна – из погребения 101 (табл. 58, 6) – с размерами: высота – 50,6 см, диаметр венчика – 7,6 см, диаметр ножки – 4, 1 см (А.А. Труфанов относит эту амфору к типу С: *Труфанов, 2005–2009. С. 131*), имеет дипинти в виде греческих букв (?) красной краской в верхней части тулова. Вторая амфора – из погребения 215 (табл. 143, 15), с размерами: высота – 50,8 см, диаметр венчика – 7,4 см, диаметр ножки – 4, 1 см, имеет дипинти красной краской в виде греческих букв ΝΓ (?) в верхней части тулова¹. Третья происходит из погребения 270 (табл. 187, 3). В погребении 294 была найдена нижняя часть амфоры типа С/D без горла и ручек (табл. 198, 14). А.А. Труфанов относит амфоры этих форм к группам 4 и 5, с датировкой в пределах второй половины II в. н.э. (*Труфанов, 2005–2009. С. 131*). Комплекс погребения 215 датируется второй–третьей четвертями II в. н.э., погребения 101 и 270 относятся к последней четверти II – первой четверти III в. н.э.

Амфора из погребения 285 принадлежит к раннему варианту типа D по классификации Д.Б. Шелова (табл. 194, 4) или к типу CIVD по классификации С.Ю. Внукова (ее размеры: длина – 49,4 см, диаметр венчика – 6,5 см, диаметр ножки – 4 см). Кроме того, несколько крупных фрагментов амфор этого типа происходит из случайных находок на территории некрополя. Подобные амфоры неоднократно встречались в могильниках Юго-Западного Крыма (*Гущина, 1974. С. 35. Рис. 3, 12; Богданова, Гущина, 1967. С. 135–136. Рис. 47; Богданова и др., 1976. С. 135. Рис. 3, 1; Богданова, 1989. С. 31; Труфанов, 2005–2009. С. 131. Рис. 2, 11*). А.Е. Пуздровский отмечает, что в отсутствие других датирующих предметов похожие амфоры могут датироваться не только первой, но и второй четвертью III в. н.э. (*Пуздровский, 2007а. С. 192*). С.Ю. Внуков относит амфоры этого типа суммарно к последней четверти II (?) – второй половине III в. н.э. (?) (*Внуков, 2006. С. 167*). На наш взгляд, учитывая находку бельбекской амфоры в комплексе с серебряным денарием Клодия Альбина и бронзовой ойнохоей, ее можно датировать первой четвертью III в. н.э. А.А. Труфанов относит это погребение к группе 7 и датирует 220/230 – 250/270 гг. н.э. (*Труфанов, 2005–2009. С. 131*).

Амфора из погребения 172 (табл. 110, 13) имеет вытянутое тулово биконической формы, горло с перехватом; нижняя часть ножки обломана (размеры: сохранившаяся высота – 50,8 см, диаметр венчика – 10,5 см). Глина плотная, светло-коричневая, на поверхности остатки темного ангоба (?). Примеси известняка и шамота. Центр производства этой амфоры определить не удалось, так как точные аналогии ей нам не известны. Согласно устной консультации С.А. Науменко, эта амфора может относиться к псевдо-косскому типу². А.Е. Пуздровский предполагает, что эта амфора может быть синопского производства (*Пуздровский, 2007а. С. 167*). Наиболее близка бельбекской амфора из склепа 138 Усть-Альминского некрополя, которую Т.Н. Высотская относит к книдскому (?) производству рубежа нашей эры – начала I в. н.э. (*Высотская, 1994. Табл. 46, 1, 74*). Достаточно близка и амфора из некрополя «Совхоз № 10» (*Стржелецкий и др., 2005–2009. С. 72–73. Тип XVII. Табл. VIII, 6*). Форма тулова и венчика этих амфор достаточно близки, но профилировка ручек сильно отличается. Обе амфоры найдены с обломанными ножками. Погребение 172 датируется по ковшу типа Eggers–140, чаше ESB и бронзовому дисковидному зеркалу с ручкой второй половиной (возможно, третьей четвертью) I в. н.э.

Амфора из подбойной могилы 281 (табл. 192, 5) также имеет вытянутое тулово биконической формы, широкое горло немного сужается сверху; венчик слабо отогнут (размеры: высота – 63,9 см, диаметр венчика – 10,5 см, диаметр ножки – 1,9 см). Глина плотная, оранжевая с примесями известняка и шамота. На поверхности видны остатки темного ангоба (?). Аналогии этому типу амфор нам неизвестны. При этом интересно отметить, что глина амфор из погребений 172 и 281 близка как по консистенции, так и по примесям. Нельзя исключить, что они были изготовлены в одном или в двух центрах производства, расположенных не подалеку друг от друга³, но с большой хронологической дистанцией. Комплекс погребения датируется концом II – первой половиной III в. н.э.

Из обломков наиболее ранних амфор упомянем фрагмент ручки светлоглиняной широкогорлой амфоры с двустовальными ручками из так называемой тризны, который не представлен в рисунках (тип С16 по С.Ю. Внукову). Подобные амфоры широко датируются десятилетиями I – первой третью II в. н.э. (*Внуков, 2006. С. 167*). В засыпи некоторых входных ям найдены обломки амфор, иногда крупные фрагменты (например, горло с ручками). Два из них (из погребений 142 и 163 – табл. 87, 8; 102, 3) относятся к типу В по классификации

¹ В предварительной публикации эта амфора была ошибочно отнесена нами к типу D, от которого она, несомненно, отличается формой тулова и горла (*Гущина, Журавлев, 1999. С. 160, 164. Рис. 4, 15*). При этом А.Е. Пуздровский отмечает некоторые отличия бельбекской амфоры и амфоры из погребения у с. Константиновка от остальных амфор этого варианта (*Пуздровский, 2007а. С. 186*).

² Выражаем благодарность С.А. Науменко за консультацию.

³ Благодарим Г.А. Ломтадзе за консультации при определении амфор из Бельбекского могильника.

Д.Б. Шелова (*Шелов*, 1978. С. 18) или, возможно, к раннему типу С (ср.: *Пуздровский*, 2007а. С. 186) – различия между этими типами определяются по форме тулова и ножки, а не по горлу. Комплекс погребения 142 датируется временем около середины II в. н.э., а погребения 163 – второй половиной столетия. Остальные фрагменты из погребений 177, 253, 254, 257, 262 (табл. 115, 4; 174, 2; 175, 26; 177, 3, 4; 181, 20) относятся к типу С по Д.Б. Шелову. В погребении 79 было найдено два фрагмента верхней части амфор с дипинти в виде греческих букв, выполненных красной краской. Одна из этих амфор относится к типу В или раннему С (табл. 47, 8), а вторая – к типу С (табл. 47, 7). А.Е. Пуздровский относит оба амфорных горла к фазе B2b и датирует третьей – началом последней четверти II в. н.э. (*Пуздровский*, 2007а. С. 191). Датировка комплекса погребения определяется в пределах первой половины (скорее, второй четверти) – середины II в. н.э.

В погребении 215 был обнаружен высокий кувшин (табл. 143, 14) с биконическим туловом, высоким слегка расширяющимся кверху горлом, венчик которого слабо отогнут (размеры: высота – 56 см, диаметр венчика – 9,6 см). Кувшин имеет одну ручку. Высокий кольцевой поддон напоминает донца светлоглиняных амфор. Близкие по форме сосуды известны на территории Западного Понта (см., например: *Iconomi*, 1968. Fig. 10; *Babeş*, 1971. P. 28–29. Fig. 2, 1–2; 4, 1–2; 8, 1; *Baumann*, 1995. Pl. XXIV, 6; *Simon*, 1984. Pl. XII, 6; *Popovici*, 1990. Fig. 3, 14; *Nicolae*, 1996. Pl. 2; *Paraschiv*, 2004. Pl. III, 9), где они, вероятно, и производились (см. подробнее об этом типе кувшинов: *Opait*, 2003). Широко представлены подобные кувшины в округе Ольвии – в частности на городищах Козырка (*Бураков*, 1976. С. 101–103. Табл. X, 17–18), Широкий мыс, Золотая Балка и других (*Гороховский и др.*, 1985. С. 29–30. Рис. 5). В окрестностях Херсонеса подобные сосуды происходят из могильника у совхоза «Севастопольский» (*Кадеев, Сорочан*, 1989. С. 85. Рис. 37, 6; *Стржелецкий и др.*, 2005–2009. С. 225. Рис. 19, 2). В Усть-Альминском некрополе они были найдены во входных ямах могил 700 и 852 (*Пуздровский*, 2007а. Рис. 160, 3–4) и в склепе 736 (*Пуздровский, Соломоненко*, 2007. С. 209. Рис. 3). В.Ф. Гайдукевич датирует сосуд из Мирмекия II в. н.э. и относит его к изделиям боспорского производства (*Гайдукевич*, 1952а. Рис. 61). Напротив, в статье, посвященной позднеантичному периоду городищ ольвийской округи, авторы датируют такие сосуды III в. н.э. (*Гороховский и др.*, 1985. С. 30). Комплекс, из которого происходит бельбекский сосуд, может быть датирован второй–третьей четвертью II в. н.э., что соответствует и датировке усть-альминских кувшинов (*Пуздровский*, 2007а. С. 186).

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА и КУРИЛЬНИЦЫ

Лепная керамика не пользовалась большой популярностью среди жителей Бельбекской долины – они предпочитали краснолаковую посуду и использовали лепную меньше, чем в целом по Юго-Западному Крыму (около 15% всех сосудов, по подсчетам О.Д. Дашевской). Следует отметить, что наличие лепной посуды в погребении далеко не всегда свидетельствует о его бедности, как считает ряд исследователей (*Дашевская*, 1991. С. 30). Так, например, лепная миска происходит из погребения 215 (табл. 143, 7), где краснолаковая керамика отсутствовала, зато, помимо остального инвентаря, были обнаружены светлоглиняная амфора, кувшин и бронзовый таз. Также, несомненно, не рядовым является погребение 233, где была найдена лепная миска (табл. 158, 8). Зачастую лепные сосуды находят со следами красной краски внутри, что говорит об их использовании в косметических или ритуальных целях.

КРУЖКИ

Обычно это невысокие сосуды баночной или биконической формы, с отогнутым венчиком, имеющие петлевидную ручку, верхний прилеп которой либо примыкает к венчику, либо находится несколько ниже. Они происходят из погребений 23, 63, 117, 181 (табл. 13, 14; 40, 7; 70, 12; 117, 8; 230, 2–3; 231, 1) и случайных находок (табл. 230, 1). В позднескифских памятниках этот тип посуды встречается достаточно часто (*Сымонович*, 1983. Табл. III, 8–9; *Дашевская*, 1991. Табл. 11, 1; 15, 5; 17, 5; 20, 16; *Высотская*, 1994. Табл. 15, 19; *Власов*, 1997. Табл. VII). Комплексы этих погребений датируются в пределах первой половины II в. н.э. или немного позднее. Кружка из погребения 63 (табл. 40, 7; 231, 1), также относящаяся к первой половине II в. н.э., имеет коническую форму, расширяясь кверху, и маленькую петлевидную ручку. Близкий сосуд происходит из Неаполя (*Дашевская*, 1991. Табл. 12, 6). Интересна ма-

ленькая кружка из погребения 291 с расширяющимся кверху туловом, с прямым венчиком, на невысоком поддоне, с обломанной ручкой (табл. 197, 3). Этот комплекс датируется концом II – первой половиной III в. н.э.

ГОРШКИ

Сравнительно многочисленна группа горшков баночной формы со слабоотогнутым венчиком. Они найдены в погребениях 1 (табл. 4, 6; 231, 7), 39 (табл. 26, 2, 3; 231, 2, 3) и 301 (табл. 202, 19; 231, 5). Комплексы этих погребений датируются последней четвертью I – началом II в. н.э. Близкие по форме горшки хорошо известны на памятниках поздних скифов Поднепровья и Крыма (Погребова, 1958. Рис. 27, 9; Сымонович, 1983. Табл. II, 1; Дашевская, 1991. Табл. 14, 9–10; 20, 23, 25; Висотська, 1966. Табл. II, 1–5; Висотская, 1994. Табл. 13, 1).

МИСКИ

Миски представлены тремя экземплярами из погребений 78 (табл. 48, 7), 215 (табл. 143, 7; 231, 6) и 233 (табл. 158, 8). Первые два сосуда происходят из могил второй–третьей четверти II в. н.э., а погребение 233 датируется последней четвертью II – началом III в. н.э. Аналогичные сосуды были широко распространены в позднескифских памятниках (см., например: Дашевская, 1991. Табл. 48, 10, 25; Власов, 1997. Табл. IV).

КУРИЛЬНИЦЫ

В погребении 176 найдены две лепные глиняные курильницы (табл. 114, 5, 6; 230, 6, 7), одна из которых находилась внутри другой (Гущина, 1982. Рис. 12, 27, 31). Первая из них – в виде высокого сосуда на подставке, тулово оформлено четырьмя рядами горизонтальных выступов, опоясывающих сосуд (размеры: высота – 13,6 см, диаметр венчика – 12,3 см, диаметр донца – 9,4 см). Вторая курильница представляет собой невысокий сосудик с овальными стенками, плоским дном, по тулову сделаны два ряда сквозных отверстий (размеры: высота – 4,5 см, верх курильницы частично обломан; диаметр донца – 4,2 см). Глина сосуда серая, плохо промешана. Стенки сосуда слегка закопчены.

В целом распространение подобных курильниц совпадает с территорией влияния сарматской культуры вплоть до Нижнего Подунавья (Bicher, 1972. Pl. VIII, 4; 1993. Fig. 8, 3b). Аналогии таким курильницам известны в позднескифских памятниках: кургане у Братского кладбища, могильниках Усть-Альминского некрополя и у с. Заветное (Богданова, 1990. Рис. III, 6, 7; Дашевская, 1991. Табл. 47; Висотская, 1994. Табл. 31, 35; 40, 2; Puzdrowskij, Zajcev, 2004. Abb. 9, 6–7; Пуздровский, 2007а. Рис. 83; Труфанов, 2005–2009. Рис. 7). Парное расположение курильниц – одна в другой – также было зафиксировано во многих памятниках: в большой курильнице разводился огонь, а в маленькой лежали ароматические травы, а иногда и злаки (Смирнов, 1973. С. 167; Артеменко, Левченко, 1983. Рис. 1, 6, 7; Богданова, 1990. С. 56; Медведев, 1990. С. 59, 62. Рис. 24, 4, 5; Симоненко, Лобай, 1991. Рис. 23, 58; Прохорова, Гугуев, 1992. Рис. 3, 10, 13). Ритуал помещения в могилы курильниц, в которых возжигались различные ароматические травы и смолистые вещества, был связан с обрядом использования огня и дыма от него как средства очищения. Важная роль огня у сарматов широко известна, а К.Ф. Смирнов даже называл их «огнепоклонниками» (Смирнов, 1975а). К.Ф. Смирнов считал, что находки курильниц в погребениях свидетельствуют о сарматской принадлежности погребенных (Смирнов, 1973. С. 166).

Курильницы являются весьма редкой находкой – из 331 раскопанной могилы они обнаружены только в одной. Подобная же картина характерна и для других позднескифских и сарматских некрополей. В связи с этим ряд исследователей осторожно предполагает, что погребения с курильницами могли принадлежать жречеству (Дашевская, 1980. С. 28) или, точнее, жрицам (Смирнов, 1975б. С. 172). Как пишет О.Д. Дашевская, инвентарь погребений с курильницами свидетельствует о «достаточно скромном положении жрецов у поздних скифов» (Дашевская, 1980. С. 28). Заметим, что погребение 176, в котором были обнаружены курильницы, трудно назвать «скромным»: золотые серьги, фрагменты золотой фольги (вероятно, от погребального венка), костяная пиксида, шкатулка хороше-

го качества и другие вещи свидетельствуют о довольно высоком достатке и социальном статусе погребенной.

ПРОЧИЕ ЛЕПНЫЕ СОСУДЫ

Небольшой плоскодонный лепной сосудик с загнутым внутрь краем, со следами красной краски внутри, был найден в погребении 62 (табл. 39, 13), которое относится к концу I – первой половине II в. н.э.

Лепной гуттус (табл. 225, 9; 230, 5) представлен одним экземпляром из случайных находок на территории могильника – миниатюрный сосуд баночной формы, со слабоотогнутым венчиком; в средней части тулова имеет небольшой носик.

КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА

Коллекция краснолаковой керамики из могильника Бельбек IV является одной из наиболее представительных и разнообразных не только в Юго-Западном Крыму, но и во всем Северном Причерноморье. Здесь представлено большинство основных типов краснолаковой посуды I–III вв. н.э., найденных в северопонтийском регионе. Исследованию краснолаковой керамики из бельбекского некрополя были посвящены многочисленные статьи и специальная монография (Журавлев, 2010), поэтому в данной книге ограничимся ее кратким обзором.

ИТАЛИЙСКАЯ СИГИЛЛАТА

Чаша *Conspectus formarum*, 1990. Form 23 (табл. 5, 9), пизанского производства из погребения 3 (Журавлев, 2010. Табл. 4, 1; I, 1. Кат. № 1). Размеры: D – 7,3; d – 3,7; H – 4,2 см⁴. Лак темно-красный, густой, с тусклым блеском. Глина красно-коричневая, плотная, хорошо отмученная.

Чаша имеет коническое тулово, высокий кольцевой поддон; бортик вертикальный, край слабо отогнут. На бортике сделаны два симметричных налета в виде двойной спирали. На дне – клеймо ATEI в рамке *planta pedis*, принадлежащее одному из крупнейших мастеров Северной Италии – Гн. Атею (*Ateius*). На дне графито – X (или перекрестье).

В Северном Причерноморье чаши подобной формы отсутствуют (сводку аналогий в Средиземноморье см: *Conspectus formarum*, 1990. S. 92; клейма: *Oxé et al.*, 2000. P. 121. № 137). Подобные сосуды датируются второй–третьей четвертью I в. н.э. (*Conspectus formarum*, 1990. S. 92).

ВОСТОЧНАЯ СИГИЛЛАТА В (ESB)

Подробному исследованию Восточной сигиллаты В был посвящен целый ряд исследований (Журавлев, 1997а; 2001б), к которым мы и отсылаем читателя.

Восточная сигиллата B1 (ESB1)

Чаши

Hayes, 1985. Form 29 (Журавлев, 2010. Табл. 4. Кат. № 2). Размеры: D – 10,8; d – 6; H – 5,4 см. Глина плотная, красная, с включениями мелких блесков слюды. Чаша полусферической формы на кольцевом поддоне, вместилище сосуда расширяется кверху, край прямой, скругленный. В верхней части тулова снаружи – две кольцевые нарезки. Клеймо-розетка, окруженное кольцевой нарезкой. Найдена в погребении 143 (табл. 88, 5).

Датировка этого сосуда – вторая половина I в. н.э. Инвентарь комплекса не дает возможности уточнить дату. Планиграфически погребение находится на участке некрополя последней четверти I – первой четверти II в. н.э.

Hayes, 1985. Form 32 (Журавлев, 2010. Табл. 4; II, 3. Кат. № 3). Чаша из погребения 41 (табл. 29, 4). Размеры: D – 8,5; d – 4; H – 5,1 см. Глина и лак – как у предыдущего сосуда, но глина более слоистая и содержит больше слюды.

⁴ Здесь и далее: D – диаметр венчика, d – диаметр донца, H – высота.

Чаша конической формы с вертикальным бортиком. Край подрезан и скруглен, прямой бортик снаружи орнаментирован несколькими рядами насечек. Клеймо затертое (сохранилась лишь буква О в нижней строке), в прямоугольной рамке, окруженное несколькими рядами кольцевых насечек. Кольцевой поддон достаточно высокий. Граффито на стенке Е (граффити на краснолаковой керамике уже были подробно рассмотрены в двух публикациях: Журавлев, 2001а; 2010, поэтому в данной книге их характеристика опущена).

Комплекс погребения относится к последней четверти I в. н.э. Но для этой чаши можно предположить и несколько более раннюю и широкую дату – вторая половина I в. н.э. (Журавлев, 2010).

ВОСТОЧНАЯ СИГИЛЛАТА В2 (ESB2)

Тарелки

Hayes, 1985. Form 58. Неглубокие тарелки (Журавлев, 2010. Табл. 5; I, 5; IV, 9. Кат. № 4–12); размеры: D – 13,1–16,8; d – 7,8–2,5; H – 3,3–3,7 см; на невысоком кольцевом поддоне, тулово имеет усеченно-коническую форму, в месте соединения бортика с туловом – выступ в виде ребра, край снаружи слегка подрезан. По ребру и верхней кромке края сделаны насечки (*rouletting*). Бортик тарелок прямой или слегка вогнут. Край косо подрезан и скруглен. По бортику и тулову как внутри, так и снаружи сделаны нарезки. На дне почти всех экземпляров – несколько рядов кольцевых бороздок, часто окружающих клеймо. Клеймо: PO(Y)/FOY в прямоугольной рамке, овальной формы с изображением листьев (?) внутри, а также розетты. У одной из тарелок на дне оттиснуто клеймо IKON/IKOS в прямоугольной рамке. Девять экземпляров из погребений 35 (табл. 22, 16), 41 (табл. 29, 2), 97 (табл. 56, 3), 111 (табл. 66, 15), 147 (табл. 90, 9), 193 (табл. 126, 2), 213 (табл. 141, 6), 234 (табл. 161, 35), случайная находка 1970 г. (табл. 227, 3).

Среди сосудов этой формы выделяются две тарелки из погребений 41 и 193 (размеры: D – 16,6–16,8; d – 11,9–12,5; H – 3,2–3,3 см) – со слабо загнутым внутрь бортиком, украшенным двумя симметричными S-видными налечами. Клеймо-розетка – цветок (на одном экземпляре, вероятно, не сохранилось или было плохо оттиснуто).

Ближние тарелки широко представлены в некрополях позднескифского населения Юго-Западного Крыма, например, в кургане Мамай-Оба (Зубар, Савеля, 1989. Рис. 3, 9), могильнике у с. Заветное (Кюнелт, 2007. Рис. 4, 4–8), Усть-Альминском городище (Высотская, 1993. Рис. 4, 10); Усть-Альминском могильнике (Высотская, 1994. Табл. 14, 17; Труфанов, 2005–2009. Рис. 9, 1–6); Неаполе Скифском (Сымонович, 1983. Табл. XI, 3, 7, 10), могильнике у села Брянское (Труфанов, 1998. Рис. 2, 13), могильнике Красная Заря (Белый, Неневоля, 1994. Рис. 2, 2). Они найдены и на других памятниках Северного Причерноморья, например, в Херсонесе (Кадеев, 1996. С. 51. Рис. 4–5), в Пантикапее (Забелина, 1984. Табл. IV, 21), в погребении у с. Баштечки (Артеменко, Левченко, 1983. Рис. 1, 15), а также в Восточном Средиземноморье (см. список аналогий: Журавлев, 2010).

Датировка этой формы достаточно широка: 50–75 гг. н.э. (...75–125... – Hayes, 1985. Form 58; Beyll, 1993. S. 26). Погребение 147 датируется концом I – первой четвертью II в. н.э., погребение 213 – концом I – началом II в. н.э., погребение 97 – первой четвертью II в. н.э., погребение 111 – первой половиной II в. н.э. Наиболее поздним комплексом является погребение 234 (около середины II в. н.э.). Тарелка из него датируется второй четвертью – серединой II в. н.э. Вероятно, эта форма существовала достаточно длительный промежуток времени, от момента ее появления около середины I в. н.э. до эпохи Траяна. При этом низкие тарелки, бортик которых часто украшался S-видными налечами, не выходят за пределы I в. н.э. (Журавлев, 1997а. С. 238; ср.: Труфанов, 1997. С. 184; Высотская, 1994. С. 75).

Миниатюрные тарелки (блюда)

Миниатюрный вариант тарелки Hayes, 1985. Form 58 (Журавлев, 2010. Табл. 5. Кат. №13) из погребения 108 (табл. 64, 2); размеры: D – 6,9; d – 4,5; H – 2,2 см. Имеют тулово усеченно-конической формы, прямой бортик, слабо выступающее ребро скруглено; на невысоком кольцевом поддоне. Край косо подрезан с внешней стороны, с насечками по верхней кромке. По внутренней и внешней сторонам бортика сделаны неглубокие нарезки. На дне – затертое

двустрочное клеймо в прямоугольной рамке, сохранилась только буква Т в середине нижней строки. Клеймо окружено двумя кольцевыми бороздками. Граффито МНВ.

Погребение 108 датируется первой половиной II в. н.э. Несколько более ранняя дата блюда (конец I – первая четверть II в. н.э.) подтверждается тем фактом, что в погребение оно попало в затертом состоянии, т. е. явно было изготовлено за некоторое время до помещения в могилу.

Hayes, 1985. Form 60 (Журавлев, 2010. Табл. 6–7; I; II. Кат. № 14–26), размеры: D – 14,6–17,2; d – 11,4–13,7, H – 3,3–3,9 см. Тарелки с невысокими отогнутыми наружу стенками, бортик слабо скошен внутрь сосуда, дно плоское, на его внутренней стороне – клейма. Переход от бортика к стенкам тулова скруглен, или бортик слабо выступает над стенками тарелок; бортик невысокий, редко – массивный, край его скруглен. С внутренней стороны бортика и снаружи под ним на стенках – кольцевые нарезки. У некоторых экземпляров дно массивное, имеет небольшое утолщение в центре. Клейма в прямоугольной рамке: ΛΟΣ /Θ (Ο) Υ, ΔΙΟΔ/ΟΤΟΥ, ΔΙΟΔ / (ΟΤΟΥ) или ΔΙΟΔ/ (ΩΡΟΥ), есть неразборчивые, а также фигурные. Часто клейма окружены кольцевыми нарезками или пояском из насечек (*rouletting*). Представлены 13 экземпляров из погребений 82 (табл. 51, 2), 88 (табл. 52, 7), 129 (табл. 78, 5), 136 (табл. 82, 19), 140 (табл. 86, 2), 150 (табл. 93, 4), 186 (табл. 120, 3), 189 (табл. 123, 2), 211 (табл. 139, 2), 212 (табл. 140, 3), 216 (табл. 142, 14). Типологически к этому варианту примыкает тарелка меньшего размера из случайных находок 1987 г. (табл. 227, 1) с клеймом в виде цветка.

Несколько особняком стоит тарелка из погребения 11 (табл. 9, 13) (Журавлев, 2010. Табл. 7. Кат. № 24), размеры: D – 14,4; d – 12; H – 2,8 см. Бортик тарелки очень низкий, переход к стенкам тулова оформлен почти округло. Дно имеет небольшое утолщение к центру. На стенках снаружи и на бортике изнутри – кольцевые нарезки. На дне – клеймо *planta pedis*, окруженное двумя кольцевыми бороздками.

Это одна из наиболее распространенных форм ESB в Причерноморье. Такие тарелки найдены в могильниках Юго-Западного Крыма: Заветное (Богданова, 1989. Табл. IV, 1; Кунельт, 2007. Рис. 4, 1 –3); Скалистое III (Богданова и др., 1976. Рис. 4, 48); Усть-Альминский (Дашевская, 1991. Табл. 57, 4; Высотская, 1994. Табл. 4, 22; 16, 15; 17, 2; Пуздровский, 1997. Рис. 2, 3; 4, 2); Херсонес (Кадеев, 1996. С. 50, рисунок); Балаклава, святилище Юпитера Долихена (Нессель, 2000. Рис. 30, 5); Ольвия (Knipowitsch, 1929. Taf. I, 1a); Мирмекий (Книпович, 1952. Рис. 1, 5) и других. Распространены они и за пределами Причерноморья (список аналогий в Восточном Средиземноморье см.: Журавлев, 2010). В Восточном Средиземноморье датировка этой формы определяется в пределах второй половины I – первой четверти/середины II в. н.э. Согласно датировкам Дж. Хейса, эта форма датируется 50/60–80/90 гг. (Hayes, 1985. P. 64), более поздние экземпляры – до начала II в. н.э. (Robinson, 1959. P. 40) и даже до середины II в. (Beyll, 1993. S. 28). В Усть-Альминском некрополе близкие сосуды встречены в комплексах, датированных вплоть до второй половины II в. н.э. – в могиле 421 второй половины I в. н.э., могиле 559 второй половины II в. н.э. и могиле 536 второй половины II – начала III в. н.э. (Пуздровский, 1997. С. 170, 175).

В могильнике Бельбек IV эти тарелки найдены в комплексах, содержащих также понтийские кубки форм 31, 32, 33, столовые амфоры формы 2, кувшины форм 22 и 23, лучковые фибулы вариантов 2 и 3, фибулы с S-видным завитком на конце приемника.

Наиболее ранний сосуд – тарелка из погребения 11 – датируется в пределах середины–третьей четверти I в. н.э. (Hayes, 1985. P. 57. Form 19. Tav. XII, 13, 14). Такая датировка косвенно подтверждается тем, что клейма *planta pedis* существуют в основном на посуде ESB1, приблизительно до середины I в. н.э. (Hayes, 1973. P. 456). Комплекс погребения надежно датируется третьей четвертью I в. н.э.

Погребение 211 датируется началом II в. н.э. При этом тарелка из этого погребения имеет больший диаметр, чем, например, сосуд из погребения 212, который также может датироваться не позднее начала II в. н.э. Погребение 129 относится к первой половине II в. н.э., а погребение 189 – ко времени около середины II в. н.э. Отметим, что тарелка ESB из последней могилы имеет сильные следы потертости, а дно ее не сохранилось, т. е. вполне возможно, что она датируется несколько более ранним временем, чем дата совершения захоронения.

Hayes, 1985. Form 62B. Тарелка из погребения 144 (табл. 89, 1) (Журавлев, 2010. Табл. 7; Кат. № 27); размеры: D – 13,5; d – 10,4; H – 2,5 см. Тулово усеченно-конической формы, расширяющееся кверху. Бортик отогнут наружу, образуя выступ изнутри сосуда, край

скруглен. На внутренней части края и в его нижней части изнутри две неглубокие кольцевые нарезки. Невысокий кольцевой поддон; в придонной части – неглубокая кольцевая нарезка. На дне – клеймо в виде семилепестковой розетки.

Аналогичные сосуды известны из Неаполя Скифского (Пуздровский, 1992. Рис. 3, 17), Афинской Агоры (Robinson, 1959. Pl. 61, Form G 22), Пергама (Meyer-Schlichtmann, 1988. Form T16. Taf. 16, 288). Форма датируется Дж. Хейсом 70–120 гг. н.э. (Hayes, 1985. P. 65). А.Е. Пуздровский датирует комплекс погребения из Неаполя третьей четвертью I в. (Пуздровский, 1992. С. 188). В Портореканте аналогичная тарелка была найдена в комплексе с монетой 64–66 гг. (Hayes, 1985. P. 65). Вероятная дата публикуемого сосуда, судя по инвентарю могилы, – последняя четверть (или конец) I в. н.э., хотя датировать эту форму можно вплоть до первой четверти II в. н.э. (Журавлев, 2001б). Не противоречит этой дате и находка в комплексе погребения 144 чаши ESB формы 70 по Дж. Хейсу с клеймом в прямоугольной рамке, а также наличие такого же по форме, хоть и затертого, клейма на тарелке из Неаполя.

Hayes, 1985. Form 63 (Hayes, 1985. Tav. XIV, 12–13, Form 63). Случайная находка (табл. 227, 2) (Журавлев, 2010. Табл. 7. Кат. № 28); размеры: D – 15,5; d – 12,5; H – 2,8 см. Близка тарелке из погребения 144, но край отогнут наружу и подрезан. По верхней кромке края сделана неглубокая кольцевая бороздка.

Датировка сосуда определяется в пределах последней четверти I – первой четверти II в. н.э. Так как тарелка происходит не из комплекса, точную ее дату установить затруднительно.

Чаши

Hayes, 1985. Form 65. Чаша-пиксида из погребения 183 (табл. 118, 2) (Журавлев, 2010. Табл. 7; Кат. 29); размеры: D – 10,1; d – 6,8; H – 5,1 см. Нижняя часть тулова имеет усеченно-коническую форму, верхняя – цилиндрическую, в месте соединения – скругленный выступ в виде ребра. Край отогнут и подрезан сверху, образуя прямую площадку. Снаружи в верхней и нижней частях тулова – кольцевые нарезки. Кольцевой поддон невысокий. Клеймо круглой формы, изнутри – выпуклые точки (возможно, стилизованное изображение цветка). К той же форме может быть отнесена чаша меньшего размера (D – 5,2; d – 3,6; H – 3,2 см) из погребения 197 (табл. 129, 2): вместительность сосуда очень слабо расширяется кверху. Ребро слегка подрезано, в нижней части сделаны две неглубокие бороздки. По тулову также прочерчены неглубокие кольцевые бороздки. В верхней части тулова – аппликативное изображение листа аканфа (?). Поддон низкий; дно сосуда затерто (Журавлев, 2010. Табл. 7. Кат. № 30).

В Северном Причерноморье эта форма встречается достаточно редко (Усть-Альминский некрополь: Высотская, 1994. Табл. 33, 4; Ольвия: Knipowitsch, 1929. Abb. 1, 8). Однако такие сосуды представлены значительными находками в Средиземноморье, например, в Коринфе (Hayes, 1973. P. 453. Pl. 86, 138; Hayes, 1985. Form 65. Tav. XIV, 15), Пергамене (Meyer-Schlichtmann, 1988. Taf. 13 (194). No. 42), Эфесе (Mitsopoulos-Leon, 1991. Taf. 163, H204), Beth-Shan (Comfort, Waagé, 1936. P. 221–222. Pl. II. Fig. 1; Hayes, 1985. Tav. XIV, 16) и т.д.; представлены они в коллекции Фогеля (Cramer, 1908. T 498). Оба комплекса, в которых найдены наши чаши, относятся ко времени не позднее конца I – начала II в. (см. подробнее: Журавлев, 2010).

Hayes, 1985. Form 70. (Журавлев, 2010. Табл. 7–8; I; II. Кат. № 31–41). Размеры: D – 5,7–11,1; d – 2,8–6,5; H – 3,1–6 см. Тулово чаш имеет коническую форму, стенки у отдельных экземпляров немного вогнуты, бортик – прямой или чуть вогнутый, в месте перехода стенок тулова в бортик – выступ в виде ребра. В верхней части тулова обычно сделана кольцевая нарезка.

Край чаш чуть подрезан снаружи. В верхней части бортика у ряда экземпляров – два симметричных налета в виде спирали; снаружи и изнутри по нему сделаны неглубокие кольцевые бороздки. По ребру – пояски из насечек, прямой бортик снаружи орнаментирован несколькими рядами насечек. Клеймо в прямоугольной рамке [Δ]Ω/[P]ON (Журавлев, 2010. Кат. № 31), чаще – розетки различной формы. У чаши из погребения 172 дополнительно сделан орнамент в нижней части тулова в виде пояса насечек овальной формы, нанесенных достаточно неровно. Десять экземпляров из погребений 75 (табл. 46, 9), 108 (табл. 64, 1), 144 (табл. 89, 2), 158 (табл. 98, 5), 168 (табл. 106, 2), 172 (табл. 110, 2), 175 (табл. 111, 8), 186 (табл. 120, 2), 210 (табл. 138, 5), 227 (табл. 155, 5).

Форма 70 – одна из самых распространенных в Северном Причерноморье форм *ESB*. Многочисленны находки таких чаш в могильниках Юго-Западного Крыма. Аналогии найдены в Усть-Альминском могильнике (*Высотская*, 1994. Табл. 28, 29; *Пуздровский*, 1997. Рис. 1; 3, 2; *Zaitsev*, 2002. Fig. 8, 1; *Труфанов*, 2005–2009. Рис. 8, 6–11), на Усть-Альминском городище (*Высотская*, 1993. Рис. 2, 2, 4), в некрополе Заветное (*Кюнельт*, 2007. Рис. 3, 5–7; *Kühnelt*, 2008b. S. 439. Kat. 199–203), могильнике «Совхоз № 10» (*Стржелецкий и др.*, 2005–2009. Табл. XII, 1–9), Неаполе Скифском, Битакском могильнике, в погребении 120 (*Пуздровский и др.*, 1991. Рис. 2, 1; *Пуздровский*, 2001. Рис. 7, 2) и других местах. Они распространены и в других пунктах Северного Причерноморья: например, в Ольвии (*Knipowitsch*, 1929. Abb. I, 4), Танаисе (*Арсеньева, Науменко*, 1992. Рис. 51, 1), некрополе Золотое (*Корпусова*, 1983. Табл. XVII, 3; XXXVII, 15).

Сосуды из могильника Бельбек IV могут датироваться 50/75–125/150 гг. (ср., например: *Beyll*, 1993. S. 26). Наиболее ранние чаши найдены в погребениях 41 и 172. Их можно отнести ко второй половине I в. н.э. (о дате погребения 172 – третья четверть I в. н.э. – см. подробнее: *Гущина, Журавлев*, 1999. С. 165–166). Сравнительно ранний сосуд происходит из погребения 144, датировка которого надежно определяется концом I в. н.э. (ср.: *Журавлев*, 2001б). Несколько чаш формы 70 из могильника Бельбек IV датируются первой половиной II в. н.э. (погребения 75, 108, 158); комплексы погребений 210 и 186 относятся к концу I – началу (или первой четверти) II в. н.э.

Наиболее поздний комплекс, содержащий чашу *ESB* формы 70, это погребение 227, которое относится ко второй–третьей четверти II в. н.э. На донце этой чаши нет клейма – очевидно, это также может служить хронологическим критерием для поздних сосудов.

Особняком стоит грубо сделанная чаша из погребения 60 (табл. 38, 20) (*Журавлев*, 2010. Табл. 8; XIV. Кат. № 41); размеры: D – 12,4; d – 5,8; H – 6,9 см. Поверхность сосуда плохо заглажена, бортик прямой, край скруглен, кольцевой поддон высокий. Комплекс этого погребения датируется концом I – первой половиной II в.

Hayes, 1985. Form 74. Чаша из погребения 158 (табл. 98, 4) (*Журавлев*, 2010. Табл. 8; II; Кат. № 42); размеры: D – 8,9; d – 4,3; H – 3,9 см. Тулово усеченно-конической формы, на невысоком кольцевом поддоне. Массивный край сильно отогнут и подрезан, в верхней части имеет небольшую «ямочку», образуя бортик. К оконечности бортика прикреплены две небольшие наклепные ручки. Снаружи в нижней части тулова – неглубокий желобок. На дне – клеймо в виде стилизованного цветка (?), окруженное кольцевой нарезкой.

Подобные чаши известны как в Юго-Западном Крыму – Битакский могильник (*Пуздровский*, 2007а. Рис. 169, 14); Усть-Альминский некрополь (*Пуздровский*, 2007а. Рис. 169, 15–16); Неаполь Скифский, погребение 28 (*Сымонович*, 1983. Табл. X, 17), – так и в Херсонесе (*Кадеев*, 1996. С. 48. Рис. 8), а также в Средиземноморье. Дата погребения 158 доходит до первой половины II в. н.э. Вероятно, можно расширить датировку сосудов этой формы до последней четверти I – первой четверти II в. н.э., учитывая хронологию подобных чаш из Эфеса (*Beyll*, 1993. Taf. 1, 14). При этом в Пергаме близкие по форме сосуды относятся к первой половине I в. (*Meyer-Schlichtmann*, 1988. S. 105).

Миски

Hayes, 1985. Form 71 – пять сосудов из погребений 34 (табл. 23, 4), 98 (табл. 57, 4), 169 (табл. 107, 2), 171 (табл. 109, 3), 235 (табл. 162, 2). Размеры: D – 7,9–11,6; d – 5–7,2; H – 3,2–3,7 см. Невысокие плоскодонные миски усеченно-конической формы, вместилище расширяется кверху, край слегка закруглен. Под краем может быть сделана нарезка. Клейма в виде розетты, прямоугольной рамки с изображением перекрестия и четырех точек окружены одной или двумя кольцевыми нарезками (*Журавлев*, 2010. Табл. 8; I; II. Кат. № 43–47).

Аналогичные миски широко распространены в Средиземноморье (см. список аналогий: *Журавлев*, 2010). Они во множестве известны в других некрополях варварского населения Юго-Западного Крыма – в Усть-Альминском могильнике (*Высотская*, 1994. Табл. 33, 5; *Пуздровский*, *Лобода*, 1993. № 224; *Пуздровский*, 1997. Рис. 2, 1; 3, 6; *Труфанов*, 2005–2009. Рис. 9, 7–11), некрополе Заветное (*Кюнельт*, 2007. Рис. 3, 3; *Kühnelt*, 2008b. S. 118, 441. Kat. 211), кургане Мамай-Оба (*Зубар, Савеля*, 1989. Рис. 3, 2) и многих других, а также в памятниках Северного Причерноморья – Ольвии (*Knipowitsch*, 1929. Abb. I, 11), Илурате (*Кубланов, Христановский*, 1989. Рис. 16, 3).

Сосуды этой формы встречаются в комплексах Бельбекского могильника вместе с тарелками понтийской сигиллаты форм 3 и 4, кубком формы 32, кувшинами форм 2 и 3, а также лучковыми подвязными фибулами вариантов 2 и 3 по А.К. Амброзу. Наиболее ранний экземпляр из могильника Бельбек IV происходит из погребения 34, дата которого не выходит за рубеж начала II в. н.э. Концом I – первой четвертью II в. датируется погребение 171, концом I – первой половиной II в. – погребение 98. Комплексы погребений 169 и 235 относятся к первой половине II в. н.э. (Журавлев, 1997а. С. 240). Таким образом, эти миски могут датироваться последней четвертью I – первой половиной (скорее, первой четвертью) II в. н.э.⁵ Датировка таких сосудов из Средиземноморья также доходит до 125 г. (Hayes, 1985. P. 67; Beyll, 1993. S. 22).

КЕРАМИКА НЕИЗВЕСТНОГО ЦЕНТРА, БЛИЗКАЯ ПО ГЛИНЕ К ESB

Эти сосуды имеют ряд отличий от керамики ESB – особенности формы, характер покрытия и т.п. К описываемой группе они отнесены предположительно, лишь на основании визуальных характеристик глины. Правильная идентификация будет возможна только после проведения серии анализов глины. В то же время, нельзя полностью исключить, что они были изготовлены в тех же мастерских, что и ESB.

Глубокая тарелка из погребения 96 (табл. 55, 5) (Журавлев, 2010. Табл. 9. Кат. № 48); размеры: D – 13,5; d – 5,4; H – 4,2 см. Тулово имеет усеченно-коническую форму. Край слабо отогнут и скруглен, бортик слегка вогнут, ребро скруглено. Невысокий кольцевой поддон.

Комплекс погребения датируется первой половиной II в. н.э. Форма сосуда соответствует форме четырех тарелок понтийской сигиллаты, которые также могут быть датированы II в. н.э.

Приземистая кружка из погребения 113 (табл. 67, 7) (Журавлев, 2010. Табл. 9; Кат. № 49); размеры: D – 7; d – 3,4; H – 6,5 см. Сосуд с грушевидным туловом, слабо отогнутым венчиком, с двумя кольцевыми нарезками под венчиком; на невысоком кольцевом поддоне; ручка небольшая, петлевидная. С учетом планиграфии участка и даты краснолакового кувшина из этой могилы комплекс погребения датируется II в. н.э. (вероятно, его первой половиной).

Кувшин из погребения 35 (табл. 22, 15) (Журавлев, 2010. Табл. 7, 9. Кат. № 50); размеры: D – 4,6; d – 7,8; H – 19,5 см. Тулово кувшина вытянуто, имеет цилиндрическую форму, несколько сужается книзу; горло широкое, цилиндрическое. Венчик немного отогнут, край его сверху подрезан, образуя «площадку». По венчику снаружи – две нарезки. Ручка в сечении подтреугольная, желобчатая.

Погребение 35 располагается на участке могил второй половины I в. н.э. Учитывая совместную находку с тарелкой ESB формы 58 по Дж. Хейсу, можно предложить и более широкую дату для кувшина – конец I – первая четверть II в. н.э.

ВОСТОЧНАЯ СИГИЛЛАТА С (ESC, Çandarly Ware)

Форма Loeschke 26B. Тарелка из погребения 102 (табл. 60, 3) (Журавлев, 2010. Табл. 4. Кат. № 51); размеры: D – 21,5; d – 9,3; H – 5,6 см. Глина красно-коричневая, лак красный, со слабым блеском. Тарелка с туловом усеченно-конической формы, край слабо отогнут и подрезан снаружи, массивные толстые стенки, на массивном высоком кольцевом поддоне с прямыми стенками, дно плоское. На внутренней стороне дна – врезная бороздка. Наш экземпляр можно отнести к середине II в. Аналогичные сосуды из Усть-Альминского некрополя происходят из склепа 520/1 и могилы 542/1, также отнесенных автором раскопок ко второй четверти – середине II в. н.э. (Пуздровский, 2007а. С. 453).

КНИДСКАЯ РЕЛЬЕФНАЯ КЕРАМИКА

Лагинос из погребения 233 (табл. 159) (Журавлев, 2010. Табл. 10; III; Кат. № 52. См. предварительные публикации: Treister, 1994b. P. 32–34; 1994a. Fig. 3, 2; Гущина, Сорокина, 1995; Гущина, Журавлев, 1996. Рис. 1; Сорокина, 1997б. Табл. V–VI; Журавлев, 1997б. Рис. 10; 2006б. С. 122–123. № 129; Журавлев, Ломтадзе, 2002а. С. 35. № 68). Размеры: d – 7,5; H – 19,5 см.

Тулово сосуда имеет биконическую форму, завершается горловиной, представляющей собой скульптурную гротескную голову мужчины с клювообразным гипертрофирован-

⁵ Ср. также датировки сосудов из могильника Красная Заря (Зайцев, Неневоля, 1996. Рис. 22. Оп. № 28) и Усть-Альминского некрополя (Пуздровский, 1997. С. 174, 169).

ным носом, толстыми губами, небольшой бородкой и усами, широко раскрытыми глазами. Голова увенчана невысоким и скошенным раструбом-сливом, который немного расширяется кверху. На плечах сосуда в рельефе переданы изображения трех пар (мужчина и женщина) в различных эротических позициях (*symplegma*). Каждая пара расположена на ложе (*κλινη*), покрытом широким покрывалом с многочисленными складками. Каждое из трех *κλινη* имеет свою форму; можно отметить лишь, что они имели резные ножки (часто еле заметные из-под покрывала) и в одном случае – богато декорированное высокое изголовье. На крайнем справа изображении – женщина спиной опирается о покрытое покрывалом изголовье; на центральном – правая рука мужчины покоится на спинке ложа, а левой он придерживает покрывало. Мужчина на правом рельефе держит в левой руке светильник, за его спиной стоит музыкальный инструмент. Между парами расположен ряд предметов – канделябр со светильником наверху, шишка пинии (?) очень больших размеров, канфар, ойнохоя и два зеркала с краевой перфорацией. При этом зеркала различаются в размерах, что, возможно, связано с тем, что под одним из них находилось еще изображение канфара.

Сосуд сделан в четырех формах, места соединения частей заглажены, но легко различимы; нижняя часть тулова около ребра заглажена плохо. На лице часть изображения смазана. Отдельные детали (глаза, брови) вылеплены от руки, имеют следы стека. Лак оранжевый, с пятнами коричнево-черного оттенка, местами светло-коричневый, достаточно жидкий. Сосуд покрыт им полностью, включая поддон, хотя на одной стороне в нижней части лагинос лаком не покрыт, и видны подтеки. На поддоне – очень слабые следы потертости. Нижняя часть сосуда (в публикации М.Ю. Трейстера ошибочно отмечено, что она гладкая: *Treister*, 1994b. Р. 36) украшена рельефным декором, который сильно отличается от обычных на подобных лагиносах розетт и листьев.

Одним из наиболее близких по форме тулова и головы, а также по рельефному оформлению нижней части сосуда следует считать лагинос из Утрехта (*Salomonson*, 1980. Pl. 1). Близкая по форме голова, представленная в виде «канфара», происходит из музея в Карлсруе (*Mandel*, 1988. Р.187. Taf. 21). Напоминают ее также фигурные сосуды в виде головы из музеев Туниса, Кельна (*La Baum*, *Salomonson*, 1977; *Salomonson*, 1980. Pl. 19, 20), а также целые и фрагментированные сосуды из музеев Лондона, Дрездена, Будапешта, Фессалоник, Принстона, Каира и Александрии (см., например: *Salomonson*, 1980. Pl. 3, 5, 6; *Mandel*, 1988. К 198. Taf. 29; *Eros Grec*, 1989. Р. 129. № 60; *Dierichs*, 1997. Abb. 115; *Gabler*, *Márton*, 2008. Abb. 1, 4). При этом аналогично трактованные эротические сцены на книдской керамике нам неизвестны, за исключением одной – из Никония. Это небольшой фрагмент стенки с эротической сценой, идентичной нашему левому рельефу (*Малюкевич*, 1991. С. 77. Рис. 5, 5). Этот рельеф мог быть оттиснут даже в одной форме с бельбекским, настолько близки изображения. Эротические сцены на ложе, которое по облику напоминает наше, известны на фрагментах лагиносов и ойнофоров из ряда собраний (*Mandel*, 1988. Taf. 26, 28, 29. К9, К13, К26, К28, К198; 2000. Abb. 21). Близкий по форме канделябр, увенчанный светильником, изображен также на кувшине из Лукрино (*Treister*, 1994a. Pl. 6, 3; *Mandel*, 2000. Abb. 16a). Аналогии можно найти и для канфара, стоящего между двумя ложами (*Mandel*, 2000. Abb. 21b).

Вне всякого сомнения, изображения на публикуемом лагиносе связаны с дионисийским культом, ведь Дионис и его окружение – одни из самых популярных персонажей, изображаемых на сосудах книдского производства.

В предварительной публикации этот сосуд был датирован первой половиной I в. н.э. (*Гущина*, *Сорокина*, 1995. С. 372; ср.: *Сорокина*, 1997б. С. 53). М.Ю. Трейстер относит этот сосуд ко второй половине этого столетия (*Treister*, 1994a. Р. 39). Казалось бы, несколько уточнить датировку сосуда может анализ различных аксессуаров, изображенных на лагиносе. Зеркала с краевой перфорацией имели наиболее широкое бытование во второй половине I – начале II в. н.э. (*Трейстер*, 1991. С. 94–95; *Treister*, 1994b). Для датировки важна и форма канделябра – подставка выполнена на трех лапах (очевидно, львиных); высокий орнаментированный стержень увенчан ионийской капителью, на которой размещен светильник. Практически идентичный известен на кувшине из Лукрино (*Treister*, 1994a. Pl. 6, 3; *Mandel*, 2000. Abb. 16a), датируемом второй половиной I в. н.э. Однако такая форма известна и у более ранних канделябров. Светильники на канделябре и в руке одного из мужчин типологически близки; но изделия аналогичной формы точно датировать затруднительно, так как они переданы весьма схематично. Отметим, что формы двух сосудов

(канфара и кувшина) восходят к эллинистической эпохе (равно как и декор на нижней части лагиноса) и не могут быть использованы при датировке нашего сосуда.

Для датировки бельбекского лагиноса важна датировка всего комплекса погребения в целом: последняя четверть II – начало III в. н.э. Рельефный сосуд был помещен в могилу вскоре после его изготовления – на поддоне нет ни заметных следов использования, ни сильных потертостей. Таким образом, представляется, что дата изготовления сосуда – это середина–вторая половина II в. н.э.

МЕЗИЙСКАЯ ИЛИ ДАКИЙСКАЯ СИГИЛЛАТА

Форма 1. Кубки из погребений 41 (табл. 29, 3) и 175 (табл. 111, 11) (Журавлев, 2010. Табл. 9; Кат. № 53–54). Размеры: D – 7,1–7,5; d – 3,7–4; H – 6,4–6,8 см. Глина красно-коричневая; лак буро-красный, местами почти черный, нижняя часть сосуда лаком не покрыта, подтеки.

Тулово сосудов, по форме близко к биконической, ребро четко выделено или скруглено, на высоком кольцевом поддоне. Край сильно отогнут, подрезан с внутренней стороны, скруглен. Ручки сильно изогнуты. По тулову и ручкам одного из кубков сделан орнамент белой краской в виде волнистой линии.

Находки подобных сосудов во множестве представлены в памятниках Западного Причерноморья: в Истрии (Histria, 1966. P. 531. Pl. 99, XXX, 11; Suceveanu, 2000. Pl. 34), Браде (Ursachi, 1987. Fig. 11, 7), Хирсове (Bounegru & al., 1989. Fig. 9, 12), Томах (Stoian, 1961. Fig. 2; Irimia, 1987. Fig. 2, 2, 3). Известны они и в других некрополях Юго-Западного Крыма, например в Усть-Альминском (Пуздровский, 2007а. Рис. 168, 6). Дата этих сосудов определяется как вторая половина I – возможно, начало II в. н.э.

ПОНТИЙСКАЯ СИГИЛЛАТА

Подавляющее большинство краснолаковой керамики, обнаруженной в бельбекских могильниках, принадлежит так называемой понтийской сигиллате (*Pontic sigillata*), выделенной Дж. Хейсом. До сих пор мы точно не можем указать центр (или центры) производства понтийской сигиллаты. На основании исследования краснолаковой керамики из различных регионов Северного Причерноморья, Д.В. Журавлевым были выделены три основные группы этой керамики, получившие литерные обозначения: А, В и С (Zhuravlev, 2000. P. 151–160). Несколько групп понтийской сигиллаты было выделено и Э. Кюннелт на основании серии химических анализов.

Понтийская сигиллата А

Основные характеристики этой группы: глина плотная светло-коричневая или красно-коричневая (различных оттенков), хорошо отмученная, без заметных включений. Иногда в ней встречаются блестки слюды, реже – известковые включения. Лак имеет различные оттенки – от светло-красного и оранжевого до буро-красного. Характерная особенность понтийской сигиллаты: все сосуды не покрыты лаком на поддоне, а нижняя часть и поддон практически всегда имеет подтеки лака. Для тарелок и иных открытых сосудов в I – начале II в. н.э. наиболее характерным клеймом является *planta pedis* (Журавлев, 2001в. С. 90).

Керамика этой группы наиболее широко известна в Северном Причерноморье. В целом она соответствует пергамской и малоазийской группам краснолаковой керамики по Т.Н. Книпович (Knipowitsch, 1929; Книпович, 1952). Наибольший период распространения – середина/третья четверть I – первая половина III в. н.э., когда этими находками буквально наводнены все причерноморские памятники. Интересно, что находки понтийской сигиллаты зафиксированы также в Италии, Малой Азии, Греции и даже Северной Африке, правда, в незначительном количестве (Gasparri, 1970. P. 66; Kenrick, 1985. P. 271–282; Hayes, 1985. P. 92–96; Zelle, 1997. Abb. 57; Lund, 2007. P. 187–188, 191).

Тарелки

Форма 1. Мелкие тарелки на кольцевом поддоне; высокий бортик практически вертикальный, лишь в отдельных случаях – слабо отогнут наружу. Стенка у большинства экзем-

плярров плавно переходит в дно и располагается практически горизонтально; ее небольшой подъем обусловлен уменьшением толщины стенки к месту соединения с бортиком (Журавлев, 2010. Табл. 11–12; Кат. № 56–69).

1.1.1. Тарелки из погребений 26 (табл. 16, 4) и 38 (табл. 25, 10) (Журавлев, 2010. Табл. 11. Кат. № 56–57); размеры: D – 20,2–20,3; d – 8,4–9,3; H – 4,4–5,4 см. Стенка немного приподнята; высота бортика более чем в три раза превышает глубину тарелки. Бортик вертикален или слабо отогнут, край отогнут наружу и слабо подрезан с внешней и внутренней стороны. Клейма – *planta pedis*; декор – концентрические нарезки или пояски из двух-трех рядов небольших вдавлений – ямочек овальной формы.

Похожие тарелки найдены в Мирмекии (Книпович, 1952. Рис. 2, 1. Тип 6 (М)); Ольвии (Knipowitsch, 1929. Taf. II, 19) и на Западном побережье Понта (без клейма) (Matei, 1985. Pl. IV, 1; Histria, 1966. Pl. 99, XXX, 13). В материалах бельбекского некрополя комплексы могил датируются последней четвертью I – началом II в. н.э.

1.1.2. То же, что форма 1.1.1, но меньшего размера: D – 12,2–14,6; d – 6–6,4; H – 2,9–3,6 см (Журавлев, 2010. Табл. 11. Кат. № 58–65). Клейма – *planta pedis*; одно клеймо необычной формы, образованное как бы пересекающимися крест-накрест ветками. Декор на одном экземпляре – поясок из четырех рядов различных насечек, на остальных – одна или две кольцевые бороздки в центре дна. На одном экземпляре – граффито X. Восемь экземпляров из погребений 13 (табл. 10, 3), 20 (табл. 13, 2), 24 (табл. 15, 3), 156 (табл. 96, 21), 181 (табл. 117, 7), 197 (табл. 129, 3), 204 (табл. 134, 4), 209 (табл. 137, 3).

Аналогичные сосуды происходят из Неаполя Скифского (Сымонович, 1983. Табл. XII, 4), Херсонеса (Кадеев, Сорочан, 1989. Рис. 3, 4 – без клейма) и Кеп (Кунина, Сорокина, 1972. Рис. 6, 46 – с клеймом *planta pedis*). Погребение 24 датируется второй половиной (скорее, последней четвертью) I в. н.э., погребение 156 – концом I – первой четвертью II в., погребение 197 – рубежом I–II вв. н.э. В погребениях 13, 20 и 181 хорошо датированных предметов нет. Таким образом, суммарная датировка тарелок из рассмотренных погребений – последняя четверть I – первая четверть II в. н.э.

1.2. Мелкие тарелки из погребений 42 (табл. 25, 19) и 45 (табл. 30, 3) (Журавлев, 2010. Табл. 12. Кат. № 66–67); размеры: D – 13,6; d – 7; H – 2,9 см. Имеют вертикальный бортик, край слабо выделен, немного отогнут. Стенка сосуда горизонтальна, плавно переходит в дно и фактически сливается с ним, образуя изнутри вместе с дном горизонтальную линию. На дне – клеймо *planta pedis*, окруженное кольцевой нарезкой.

Аналогии этим сосудам известны из Усть-Альминского некрополя (Пуздровский, 2007а. Рис. 175, 1–2) и Пантикапея (Журавлев, 2002б. Рис. 1, 6). Планиграфически погребения, в которых найдены эти тарелки, датируются второй половиной (последней четвертью) I в. н.э. Отметим также, что они были найдены в могилах, расположенных недалеко друг от друга.

1.3.1. Большая тарелка (блюдо) из погребения 6 (табл. 6, 12) (Журавлев, 2010. Табл. 12. Кат. № 68); размеры: D – 27,5; d – 15,8; H – 5,8 см. Бортик прямой, край отогнут; на высоком кольцевом поддоне; дно изнутри немного выпукло в центре. Клеймо *planta pedis*. Могила относится ко второй половине I в. н.э.

1.3.2. То же, что и предыдущая тарелка, но меньшего размера (табл. 88, 16): D – 13,3; d – 6,4; H – 3,7 см (Журавлев, 2010. Табл. 12. Кат. № 69). На дне клеймо – сдвоенная *planta pedis*. Погребение 145 датируется последней четвертью I – началом II в. н.э.

Форма 2. Мелкие тарелки с прямым бортиком; нижняя часть тарелки чаще имеет скругленную форму или – реже – приближается к усеченно-конической; глубина тарелки почти равна высоте бортика (Журавлев, 2010. Табл. 13–14. Кат. № 70–87). Отличаются от формы 1 большей глубиной, и соответственно, их стенка, соединяющая дно и нижнюю границу бортика, поднята сильнее. У большинства экземпляров дно плоское.

2.1.1. Четыре экземпляра⁶ из погребений 9 (табл. 8, 7), 54 (табл. 35, 20), 153 (табл. 94, 17), 191 (табл. 124, 17) (Журавлев, 2010. Табл. 13. Кат. № 70–74); размеры: D – 13,5–19,8; d – 6,2–8,7; H – 3,3–4,7 см. Бортик вертикальный, слабо вогнутый или отогнутый; край слабо отогнут, скруглен или немного подрезан. Высота бортика больше глубины тарелки, или в некоторых случаях почти равна ей. В верхней части бортика могут быть сделаны кольцевые желобки. Дно тарелок практически плоское. Клейма: *planta pedis* или четырехугольной формы со скругленными углами, внутри – две пересекающиеся крест-накрест ветки. Декор – кольцевые нарезки или несколько рядов насечек. Бельбекские тарелки варианта 2.1.1 можно отнести ко второй половине I – началу II в. н.э.

⁶ В публикации краснолаковой керамики Бельбека IV была допущена ошибка: тарелка из погребения 156 была упомянута дважды – как Кат. № 61 и Кат. № 73 (Журавлев, 2010. Табл. 11; 13). Эта тарелка формы 1.1.2 должна быть исключена из списка сосудов формы 2.1.1.

2.1.2. То же, что форма 2.1.1, но тарелки более глубокие (глубина приблизительно равна высоте бортика): D – 14,4–17,2; d – 6,3–6,7; H – 3,7–4,3 см. (Журавлев, 2010. Табл. 13. Кат. № 75–77). Дно плоское или немного понижается в центре. Клейма: *planta pedis*, четырехугольной формы с пересекающимися ветками (?), четырехугольное клеймо со скругленными углами (возможно, стилизация клейма с двустрочной надписью). Три экземпляра из погребений 160 (табл. 100, 5), 187 (табл. 121, 5), 313 (табл. 210, 2).

Ближние тарелки происходят из ряда памятников Северного Причерноморья: Мирмекия (Книпович, 1952. Рис. 2, 3); Кеп (Кунина, Сорокина, 1972. Рис. 4, 47), некрополя Золотое (Корпусова, 1983. Табл. XXIX, 6); Нимфея (Domžalski, Zin'ko, 1999. Fig. 1, 3); Ново-Отрадного (Арсеньева, 1970. С. 97. Табл. 15, 3). Известны они и в Западном Причерноморье – в Добрудже (Histria, 1966. P. 531. Pl. 99, XXX, 13; Capitanu, Ursachi, 1976. Abb. 10) и некрополе у с. Садово, Асеновградско (Жуглев, Калудова, 1963. Рис. 2). В Кепях аналогичная тарелка происходит из комплекса второй половины I в., что соответствует датировке могилы из Ново-Отрадного (Арсеньева, 1970. С. 97). Датировки погребений 160 и 187 не выходят за последнюю четверть I в. н.э., погребение 313 относится к первой половине II в. н.э. Тарелки варианта 2.1.2 немного более поздние, чем экземпляры варианта 2.1.1: их можно отнести к последней четверти I – первой четверти II в. н.э.

2.2. Близи форме 2.1, но бортик тарелок вогнут сильнее (Журавлев, 2010. Табл. 14. Кат. № 78–87); размеры: D – 12–20,9; d – 5,5–10,3; H – 2,9–4,8 см. Клейма: *planta pedis*, окруженные кольцевой нарезкой; *planta pedis* с двустрочной надписью HΛI /OC внутри; окруженное тремя кольцевыми рядами насечек и овальных вдавлений (*rouletting*); розетта. Граффити: H и косой крест. Десять экземпляров из погребений 22 (табл. 14, 9), 31 (табл. 21, 3), 135 (табл. 83, 3), 199 (табл. 128, 21), 205 (табл. 135, 2), 208 (табл. 136, 9), 301 (табл. 202, 21), 304 (табл. 203, 12), 310 (табл. 207, 4), а также случайная находка 1970 г. (табл. 227, 4).

Ближние сосуды известны из Усть-Альминского некрополя (Zaitsev, 2002. Fig. 1, 1). Датировки бельбекских комплексов, из которых происходят эти тарелки, не выходят за пределы последней четверти I – начала II в. н.э.

Форма 3. Морфологически тарелки близки экземплярам формы 2, но глубина сосудов равна или иногда превышает высоту бортика. Соответственно, они имеют большие размеры и более толстые стенки. Нижняя часть тарелок более округла, чем у сосудов предыдущих форм. Бортик отогнут сильнее, чем у тарелок форм 1 и 2.

3.1.1. Шесть экземпляров из погребений 2 (таб. 4, 9), 25 (табл. 15, 11), 34 (табл. 23, 2), 39(2) (табл. 26, 6), 40 (табл. 28, 5) и 210 (табл. 138, 4) (Журавлев, 2010. Табл. 15. Кат. № 88–94). Размеры: D – 19,0–21,6; d – 7,5–10,2; H – 4,6–5,5 см. Сохранились следы вращения на круге, поверхность сосудов небрежно заглажена, нижняя часть неровная. Характер изготовления и покрытия идентичен; несомненно, что сосуды из погребений 25, 34 и 40 – изделия одной мастерской (несмотря на то, что тарелка из п. 34 – более мелкая и отнесена к этому варианту условно). Эти три тарелки были, помимо всего, найдены в расположенных неподалеку могилах.

Бортик тарелок сильно отогнут, плавно завершаясь скругленным и подрезанным с внутренней стороны краем, ребро между стенками и бортиком сильно выступает. Клейма: в рамке *tabula ansata* ΓΑ(I)ΟΥ, редкое изображение *planta pedis* большого размера; у остальных – *planta pedis*. У одной тарелки клеймо окружено тремя рядами небрежно выполненных неглубоких насечек (*rouletting*). Декор – по две concentрические бороздки в центре дна.

К этому же варианту условно может быть отнесена тарелка из погребения 194 (табл. 127, 5) (Журавлев, 2010. Табл. 15. Кат. № 91), размеры: D – 21,1; d – 9,2; H – 5,4 см. У этого сосуда высокий слабо отогнутый бортик, сильно отогнутый край; ребро сильно выступает. Нижняя часть тарелки скруглена, приближаясь по форме к полусферической. Клеймо *planta pedis*, обрамленное тремя кольцевыми бороздками.

В Юго-Западном Крыму известно довольно большое число сосудов, относящихся к этому варианту – из Усть-Альминского городища (Висотська, 1993. Рис. 4, 3), Усть-Альминского некрополя (Zaitsev, 2002. Fig. 3, 6), кургана Мамай-Оба (Зубар, Савеля, 1989. Рис. 3, 11). За пределами Юго-Западного Крыма они известны в Илурате (Силантьева, 1958. Рис. 3, 1), Ново-Отрадном (Арсеньева, 1970. Табл. 15, 5–6), Подазовском и Нижнее-Гниловском городищах (Каменецкий, 1993. Рис. 16, 131, 132).

Бельбекские комплексы датируются в целом второй половиной (скорее, последней четвертью) I в. н.э., возможно, включая начало II в. н.э., что соответствует датиров-

кам таких сосудов и в других памятниках (Силантьева, 1958. С. 285; Каменецкий, 1993. С. 87; Арсеньева, 1970. С. 111).

3.1.2. Два экземпляра из погребений 176 (табл. 112, 17) и 183 (табл. 118, 5) (Журавлев, 2010. Табл. 16. Кат. № 95–96); размеры: D – 26,3–27,4; d – 14,8–16,2; H – 5,6–6,3 см. Тарелки тех же пропорций, что и форма 3.1.1, но большего диаметра и глубины. Край слабо отогнут; наверху подрезан, дно немного понижается к центру. Клейма *planta pedis*, окруженные одной или тремя кольцевыми нарезками. Вторая половина I – возможно, начало II в. н.э.

3.2. Большая тарелка (блюдо) из погребения 203 (табл. 133, 4) (Журавлев, 2010. Табл. 16; Кат. № 97); размеры: D – 28,0; d – 15,5; H – 5,6 см. Низкий слабо отогнутый бортик, массивный край сильно отогнут почти под прямым углом, край его подрезан. Клеймо *planta pedis*, окруженное двумя концентрическими бороздками. Сосуды близкой формы происходят и из других городов Северного Причерноморья – Ольвии (Knipowitsch, 1929. S. 29. Taf. II (19a), Мирмекия (Книпович, 1952. С. 299. Рис. 2, 2), Нижнее-Гниловского городища (Каменецкий, 1993. С. 86–87. Рис. 18, 138). Погребение 203 датируется второй половиной I – возможно, началом II в. н.э.

3.3. Тарелка из погребения 200 (табл. 131, 21) (Журавлев, 2010. Табл. 16. Кат. № 98–99); размеры: D – 18,1; d – 7,9; H – 4,8 см. Нижняя часть имеет полусферическую форму, бортик слабо отогнут, край также немного отогнут; в нижней части бортика, над ребром – глубокий желобок. Клеймо *planta pedis*, окруженное кольцевой нарезкой. Дно сосуда поднимается в центре. Погребение 200 относится к последней четверти I в. н.э. К этому же варианту можно отнести тарелку из погребения 182 (табл. 117, 12) (Журавлев, 2010. Табл. 16. Кат. № 98). Размеры: D – 20; d – 8,8; H – 5,3 см. Бортик вогнутый, край оформлен утолщением бортика. На внутренней стороне дна сделаны два ряда насечек по окружности; клеймо отсутствует. Комплекс погребения датируется первой половиной II в. н.э.

Форма 4. Глубокие тарелки на кольцевом поддоне с прямым или вогнутым невысоким бортиком, нижняя часть тарелок имеет форму, приближающуюся к усеченно-конической, а иногда – скругленную. Бортик у всех экземпляров меньше глубины тарелки. Клейма у большинства тарелок отсутствуют, декор минимальный (Журавлев, 2010. Табл. 17–19. Кат. № 100–127).

4.1. Глубокие тарелки из погребений 137 (табл. 84, 6) и 168 (табл. 106, 4) (Журавлев, 2010. Табл. 17. Кат. № 100–101); размеры: D – 20,9–23,1; d – 9,1–10; H – 6,9–7 см. Бортик низкий вертикальный или немного вогнутый, край косо подрезан с внешней стороны. Дно сосудов плоское или приподнято в центре. Клеймо ромбической формы со скругленными углами, окруженное тремя кольцевыми нарезками. Декор – *rouletting* из двух рядов двойных вдавлений. Конец I – первая половина II в. н.э.

К этому же варианту условно относится тарелка из погребения 47 (табл. 32, 3) (Журавлев, 2010. Табл. 17. Кат. № 102); размеры: D – 19,7; d – 8,5; H – 5,4 см. Бортик сильно вогнут, край слабо выделен, в верхней части бортика – нарезка. Стенки тулова массивные, неровные, дно вогнуто в центре, поддон высокий и узкий. На дне – клеймо в виде стилизованного изображения *planta pedis* в сандали, окруженное двумя рядами овальных вдавлений, расположенных по окружности.

4.2. Глубокие тарелки, отличающиеся от варианта 4.1 меньшими размерами: D – 13,2–20,6; d – 5,2–8,3; H – 3,3–6 см. На отдельных экземплярах заметны следы ротации, отпечатки пальцев на покрытии и даже керамический брак (Журавлев, 2010. Табл. 17–19. Кат. № 103–127). Бортик низкий вертикальный или немного вогнут, край отогнут и скруглен. В верхней и нижней части бортика может быть сделана кольцевая нарезка. Дно сосудов обычно плоское, но может быть слегка приподнято в центре или вогнуто. Ряд тарелок декорирован поясками из различных насечек (*rouletting*). У тарелки из погребения 220 – граффито в виде сарматского знака – подобные граффити известны и на сосудах из Усть-Альминского некрополя (Пуздровский, 2007а. Рис. 178, 4, 6). 22 экземпляра из погребений 36 (табл. 24, 4), 53 (табл. 35, 2), 77 (табл. 47, 5), 80 (табл. 48, 15), 83 (табл. 51, 8), 92 (табл. 53, 7), 117 (табл. 70, 4), 130 (табл. 79, 4), 220 (табл. 147, 9), 227 (табл. 155, 2), 228 (табл. 156, 6), 235 (табл. 162, 1), 238 (табл. 163, 3), 249 (табл. 172, 4); 261 (182, 6); 264 (табл. 183, 16), 268 (табл. 185, 2); 277 (табл. 189, 29), 325 (табл. 216, 2), 329 (табл. 218, 5) и две случайные находки (табл. 227, 7, 9).

К этой же форме примыкают три тарелки. Одна из погребения 115 (табл. 68, 4) (Журавлев, 2010. Табл. 19. Кат. № 127); размеры: D – 13,6; d – 6,8; H – 4,5 см. Глубокая тарелка, бортик

почти вертикален, ребро слабо выступает за линию бортика, край скруглен и чуть подрезан с внешней стороны. На внутренней стороне дна – две кольцевые бороздки, окруженные беспорядочными нарезками, сделанными, очевидно, ножом или другим острым предметом (вероятно, имитация орнамента *rouletting*). Другая – из погребения 116 (табл. 69, 4) (Журавлев, 2010. Табл. 17., Кат. № 104); размеры: D – 23,3; d – 9; H – 5,4 см. Бортик тарелки прямой, край его скруглен; высокий кольцевой поддон, внутренняя образующая которого скошена к центру. Декор: две кольцевых нарезки. Третья происходит из погребения 218 (табл. 146, 12) (Журавлев, 2010. Табл. 17. Кат. № 105).

Этот вариант сосудов очень широко представлен в могильниках Юго-Западного Крыма: Неаполе Скифском (Сымонович, 1983. Табл. XI, 5, 13, 16 и др.), Восточном некрополе (Пуздровский, 1992. Рис. 2, 16), Усть-Альминском могильнике (Дашевская, 1991. Табл. 57, 14; Труфанов, 1999. Рис. 3, 25; Zaitsev, 2002. Fig. 7, 5), Скалистом III (Богданова и др., 1976. Рис. 4, 2; 6, 16, 48 и др.), могильнике Заветное (Зайцев и др., 2007. Рис. 5, 5; 6, 16 и др.). Распространены подобные сосуды и в других причерноморских памятниках: Пантикапее (Журавлев, Ломтадзе, 1999. Рис. 3, 17; Ермолин и др., 2007. Рис. 1, 6–8), Нимфее (Domžalski, Zin'ko, 1999. Fig. 1, 4), Илурате (Силантьева, 1958. Рис. 5, 1), Мирмекии (Книпович, 1952. Рис. 2, 4), Тиритаке (Бейлин, Зинько, 2007. Рис. 1, 1), Кепях (Кунина, Сорокина, 1972. Рис. 6, 47, 56; 10, 23), Танаисе (Арсеньева, Науменко, 1992. Рис. 51, 4), доме 6 (Arsen'eva, Böttger, 1999. Abb. 19, 5), Мысхако (Вязкова и др., 2001. Рис. 8, 3), Истрии (Histria, 1966. Pl. 99, XXXVI, 1; Suceveanu, 2000. Pl. 23, 1, 3). Известны близкие по форме тарелки и за пределами Черного моря – сосуды с той же профилировкой неясного центра производства обнаружены на Афинской агоре (Robinson, 1959. H4. Pl. 68) и в некрополе Самофраки (Dusenbery, 1998. P. 810. W3–B).

Эта форма тарелок является развитием форм 2.1 и 2.2, отличаясь значительной глубиной, и существует в течение всего II в. н.э. (Силантьева, 1958. С. 290), а также заходит в первую половину III в. н.э. Возникновение этой формы можно отнести к концу I или началу II в. (Кунина, Сорокина, 1972. С. 159, 166), когда эти сосуды еще клеймили. Поздний вариант такой тарелки представлен в Усть-Альминском некрополе, где датируется третьей четвертью II в. н.э. (Труфанов, 1999. С. 228–229); при этом на сосуде еще сохраняется орнаментация центральной части дна.

На Афинской агоре близкие по форме экземпляры тарелок датированы первой половиной II в. (Robinson, 1959. P. 47), в Танаисе – II в. н.э. (Арсеньева, Науменко, 1992. С. 16), в Пантикапее – около середины II в. н.э. (Журавлев, Ломтадзе, 1999. С. 104). Тарелка из могильника Заветное датирована второй половиной II в. н.э. (Зайцев и др., 2007. С. 251. Рис. 6, 16). Подобная тарелка происходит из ямы 99 в Мысхако, она может быть отнесена к первой половине III в. н.э. (Вязкова и др., 2001. Рис. 8–9). В некрополе Самофраки понтийская (?) тарелка датирована «возможно, около 75 г.» (Dusenbery, 1998. P. 810), но отсутствие клейма позволяет допускать и несколько более позднюю дату.

Целая серия сосудов датируется первой половиной – серединой II в. н.э. (погребения 36, 53, 77, 80, 83, 92, 130, 220, 235). Ряд комплексов (погребения 117, 227, 238, 329) датируется второй–третьей четвертями II в. н.э., погребение 228 – серединой–третьей четвертью II в. Погребение 264 находится на участке некрополя второй половины II в. н.э. Еще одна группа тарелок этой формы происходит из могил второй половины II – первой половины III в. н.э. Так, захоронение в могиле 249 совершено во второй половине II – начале III в. н.э., погребение 261 относится к концу II – началу III в. н.э., а комплекс погребения 325 – ко второй половине II – началу III в. н.э.

Форма 5. Тарелка из погребения 269 (табл. 186, 2) (Журавлев, 2010. Табл. 20. Кат. № 128); размеры: D – 25,1; d – 8,4; H – 4,5 см. Вместилище тарелки расширяется кверху, переходит в отогнутый массивный бортик без ребра. Бортик сильно отклонен наружу, завершается изогнутым, почти горизонтальным краем, имеет сверху «канавку», образованную двумя небольшими выступами. Снаружи, в верхней части бортика, под краем, сделана глубокая кольцевая нарезка. Дно тарелки плоское.

Подобные сосуды из Пергама, возможно, послужившие прототипами для этой формы, имеют очень широкую дату: конец I – II/III вв. (Meyer-Schlichtmann, 1988. S. 32; ср. также: Voјović, 1977. Tab. LIV, 495). В Мирмекии подобная тарелка датирована первыми десятилетиями II в. н.э. (Гайдукевич, 1963. Рис. 8, 2). Комплекс погребения 269 можно датировать второй половиной II в. н.э.

Форма 6. Тарелки на кольцевом поддоне, тулово имеет полусферическую форму; край массивный, сильно отогнут и нависает над стенками (Журавлев, 2010. Табл. 20. Кат. 129–133).

6.1. Тарелка из погребения 46 (табл. 31, 2) (Журавлев, 2010. Табл. 20. Кат. 129); размеры: D – 19,3; d – 8,2; H – 4,8 см. С массивным отогнутым ступенчатым краем; кольцевой поддон высокий; дно плоское, немного выпукло в центре. Декор – *rouletting* в виде двух рядов нарезок и косых насечек. Край по верхней кромке имеет орнамент в виде насечек и волнистой линии. На дне – клеймо *planta pedis*. Комплекс погребения относится к последней четверти I – началу II в. н.э.

6.2. Неглубокая толстостенная тарелка из погребения 75 (табл. 46, 10) (Журавлев, 2010. Табл. 20. Кат. № 130); размеры: D – 13,2; d – 6,4; H – 3,2 см. Форма тулова близка полусферической, на невысоком кольцевом поддоне. Массивный край сильно отогнут и подрезан. На дне – клеймо в виде семилепестковой розетки, обрамленное широкой кольцевой бороздкой. На стенке тарелки – граффито в виде беспорядочно прочерченных линий. Погребение датируется первой четвертью II в. н.э.

6.3. Глубокие тарелки из погребений 78 (табл. 48, 3) и случайная находка 1981 г. (табл. 227, 10) (Журавлев, 2010. Табл. 20, Кат. № 132–133); размеры: D – 21,1–24; d – 7,6–10,7; H – 4,5–5,6 см. Край сильно отогнут (почти горизонтально) и нависает над стенками. Декор – резной орнамент (*rouletting*), закрученный по спирали (пропечатался не полностью). На стенке одного сосуда – частично сохранившееся граффито: A (.....); в нижней части поддона – следы износа сосуда.

Ближние по форме сосуды известны в Северном Причерноморье: могильнике Заветное (Зайцев и др., 2007. Рис. 19, 21), Усть-Альминском некрополе, могилах 53, 63 (Высотская, 1994. Табл. 13, 32), склепе 590/2 (Пуздровский, 2007а. Рис. 179, 4), усадьбе «Близнецы» (Кленина, Созник, 2004. Рис. 12, 122–124); Мирмекии (Книпович, 1952. Рис. 5, 8), Тиритаке (Бейлин, Зинько, 2007. Рис. 1, 2), Ольвии (Диденко, Липатов, 2007. Рис. 1, 8). Встречаются они и в Средиземноморье – подобные формы, но меньшего диаметра, были определены Дж. Хейсом как форма III Понтийской сигиллаты (Hayes, 1985. Tav. XXIII, 3); см. также: (Robinson, 1959. Pl. 66, G61).

Подобная тарелка в Усть-Альминском некрополе датирована второй половиной II в. н.э. (Высотская, 1994. С. 75. Табл. 13, 34). Впрочем, присутствие в могиле лучковой фибулы со сплошной фигурной обмоткой позволяет предполагать и несколько более позднюю дату для этого комплекса. При этом один из усть-альминских экземпляров имеет клеймо *planta pedis* (Высотская, 1994. Табл. 20, 25). Комплекс погребения 78 могильника Бельбек IV относится к середине II в. н.э. Тарелке из этой могилы близок сосуд из Усть-Альминского некрополя, датированный второй четвертью – серединой II в. н.э. (Пуздровский, 2007а. С. 453). Дата тарелок этого варианта – середина II – начало (первая половина?) III в. н.э. Ближние даты предложены и авторами публикации керамического комплекса из усадьбы «Близнецы» на хоре Херсонеса (Кленина, Созник, 2004. С. 45). Одна из наших тарелок близка тарелке из Усть-Альминского могильника из комплекса первой половины III в. н.э. (Пуздровский, 2007а. С. 460, рис. 186, 9). Подобная тарелка из могилы 311 некрополя Заветное, имеющая на дне орнаментацию, датирована второй половиной II – первой половиной III в. н.э. (Зайцев и др., 2007. С. 256).

Форма 7. Тарелки и блюда на кольцевом поддоне, тулово имеет полусферическую форму, край сильно отогнут, имеет клювовидную форму, сильно нависая над стенками сосуда (Журавлев, 2010. Табл. 21. Кат. № 134–139).

7.1. Блюдо погребения 159 (табл. 97, 10) (Журавлев, 2010. Табл. 21. Кат. № 134); размеры: D – 25,2; d – 13,4; H – 6 см. Дно блюда слегка вогнуто в центре. На дне – кольцевая нарезка. Первая половина II в. н.э.

7.2. Край тарелок сильнее нависает над стенками, дно плоское. Клейма – *planta pedis* или ромбической формы. Декор – *rouletting*. Пять тарелок из погребений 146 (табл. 90, 6), 162 (табл. 100, 21), 165 (табл. 104, 4), 196 (табл. 128, 3), 303 (табл. 204, 7) (Журавлев, 2010. Табл. 21. Кат. № 135–139); размеры: D – 13,9–20,4; d – 6,9–8; H – 3,3–4,3 см.

Аналогии этой форме представлены тарелками из различных регионов Причерноморья: могильника «Совхоз № 10» (Стржелецкий и др., 2005–2009. Табл. XVI, 3, 5, 6), Заветного (Kühnelt, 2008b. S. 459. Кат. 317–323), Херсонеса (Кадеев, Сорочан, 1989. Рис. 22, 3), Танаиса (Шелов, 1965. Рис. 33, 3; Арсеньева, Науменко, 1992. Рис. 56, 3), Пантикапея (Кунина, Сорокина, 1972. Рис. 3, 24; Журавлев, Ломтадзе, 1999. Рис. 3, 29), некрополя Кыз-Аул (Гайдукевич, 1959а. Рис. 79, 1), Ольвии (Козуб, 2002. Табл. III, 3), Истрии, термы II (Suseveanu, 1982. Pl. 9, 22). Морфология формы также близка многочисленным сосудам западного производства (см. подробнее: Журавлев, 2010).

В материалах могильника Бельбек IV представлены экземпляры, которые можно отнести и к концу I – началу II в. н.э., и к первой половине II в. н.э. В литературе эти сосуды имеют широкую датировку – от I в. н.э. (Meyer-Schlichtmann, 1988. С. 140; Кунина, Сорокина, 1972. С. 150; Козуб, 2002. С. 72) до середины III в. (Шелов, 1965. С. 88; Арсеньева, Науменко, 1992. С. 17; Robinson, 1959. Р. 59). Близки к бельбекским сосудам датировки и в Пантикапее: первая половина – середина II в. н.э. (Журавлев, Ломтадзе, 1999. С. 104). Достаточно близкая *African Red Slip Ware Form 3C* относится Дж. Хейсом к первой половине II в., впрочем, с оговоркой о возможно более ранней или поздней дате (Hayes, 1972. Р. 25).

Форма 8. Блюдо из погребения 279 (табл. 190, 4) (Журавлев, 2010. Табл. 21. Кат. № 140); размеры: D – 27,5; d – 11,6; H – 6,4 см. На невысоком кольцевом поддоне, тулово имеет полусферическую форму, край подрезан с двух сторон. Дно блюда слабо вогнуто. С боков, в верхней части тулова, непосредственно к краю прикреплены две сильно отогнутые ручки сегментовидной формы, с рельефными изображениями двух человеческих фигур, расположенных напротив друг друга с простертыми вперед руками.

Аналогичные блюда известны в ряде памятников Северного Причерноморья: Танаисе – в подвале Г (Шелов, 1965. Рис. 36 и некрополе, погребение 122 (Шелов, 1961. Табл. XX, 1); Мирмекии (Книпович, 1952. Рис. 5, 4); Пантикапее (ГЭ, № П.1905.40). Комплекс погребения 279 могильника Бельбек IV датируется концом II – первой половиной III в. н.э. Вероятная суммарная датировка этих блюд – вторая половина II – первая половина III в. н.э. (в Танаисе погребение 122, откуда происходит аналогичное блюдо, датировано II в. н.э.). По всей видимости, они синхронны овальным блюдам с рельефным изображением в центре дна (см. об этом подробнее: Раевский, 1970; Zhuravlev, 2002b. Р. 276).

Форма 9. Низкая тарелка из погребения 331 (табл. 219, 4) (Журавлев, 2010. Табл. 22. Кат. № 141); размеры: D – 15,9; d – 5,8; H – 2,5 см. Тарелка сильно деформирована еще при обжиге. Тулово полусферической формы, на невысоком кольцевом поддоне, с отогнутым наружу краем, образующим «площадку». С двух сторон к краю тарелки прилеплены небольшие ручки.

Комплекс могилы 331 может датироваться серединой – второй половиной II в. н.э. Аналогии этим сосудам достаточно многочисленны. Они известны в некрополе «Совхоз № 10» (Стржелецкий и др., 2005–2009. Табл. XVII, 2), Илурате (Силантьева, 1958. Рис. 4, 4), Танаисе (Шелов, 1961. Табл. XX, 1), некрополе у городища Артезиан (Винокуров, 2007. С. 369. Рис. 33, 2), а также в Западном Причерноморье (Oraiț, 1978a. Pl. 29, 2644; Kabakčieva, 1992. Abb. 4). Датировки в большинстве публикаций также ограничены II в. н.э. (Шелов, 1961. С. 69; Винокуров, 2007. С. 367–368. Ср. более широкую датировку Дж. Хейса: Hayes, 1985. Р. 93).

Миски

Форма 10. Глубокие миски полусферической формы; стенки слабо загнуты внутрь, край скруглен или немного скошен. Клейма *planta pedis*. Два сосуда из погребений 179 (табл. 116, 4) и 195 (табл. 126, 6) (Журавлев, 2010. Табл. 22. Кат. № 142–143); размеры: D – 23,8; d – 12; H – 6,7 см.

Комплекс погребения 179 датирован концом I – первой половиной II в. н.э. (Гущина, Сорокина, 1984. С. 52), а погребение 195 относится к последней четверти I – первой четверти II в. н.э. Датировки близких сосудов из Усть-Альминского некрополя подтверждают эту дату: вторая половина I в. н.э. (Пуздровский, 2007а. С. 449. Рис. 175, 6), конец I – первая четверть II в. (Пуздровский, 2007а. С. 452, рис. 178, 7, 9).

Форма 11. Миски с формой тулова, близкой полусферической, край скруглен. Клеймо – розетта (Журавлев, 2010. Табл. 22. Кат. № 144–145).

11.1. Стенки тулова слабо отогнуты. Найдена в погребении 57 (табл. 36, 24) (Журавлев, 2010. Табл. 22; Кат. № 144); размеры: D – 12,5; d – 5,6; H – 3,4 см.

11.2. Стенки тулова почти вертикальны; по форме слегка напоминают бортик тарелок форм 1–4. Происходит из погребения 139 (табл. 85, 1) (Журавлев, 2010. Табл. 22. Кат. № 145); размеры: D – 13,4; d – 6,6; H – 3,4 см.

Все близкие по форме сосуды относятся к другим центрам производства. Так, миски формы 11 немного схожи с формой 38 *Eastern sigillata A*, которые имеют немного больший диаметр (Hayes, 1985. Р. 31. Тав. 5) и датируются приблизительно серединой I в. н.э. Практически идентичный сосуд найден в могильнике Заветное (Kühnelt, 2008b. S. 460. Kat. 324). Судя

по рисунку, к этой форме близка и миска из некрополя «Совхоз № 10» (Стржелецкий и др., 2005–2009. Табл. XV, 3). Похожа на нашу и миска из некрополя Заветное с клеймом ХАРИС, относящаяся к группе ESA (Кюнельт, 2007. Рис. 3, 1; Kühnelt, 2008b. S. 460. Kat. 325). Нельзя исключить влияния пергамских традиций на данную форму понтийской сигиллаты (см., например: Чандарли (Loeschcke, 1912. Taf. XXVIII, 6); для формы 11.1 – Пергам (Schäfer, 1962. Taf. 1, 7); для формы 11.2 – Кносс, вила Диониса (Hayes, 1983. P. 118, pl. 3, 22). Глина обеих бельбекских мисок светло-коричневая (10YR/2.5Y 7/4–7/6) и не соответствует характеристикам понтийской сигиллаты. В то же время, в пользу понтийского, а не импортного происхождения наших сосудов говорит характер лакового покрытия. Оба сосуда в нижней части не покрыты лаком, хорошо заметны подтеки. В могильнике Бельбек IV эти миски относятся к первой половине II в. н.э.

Форма 12. Мелкие миски с вместилищем полусферической формы на невысоком кольцевом поддоне, край загнут внутрь сосуда. Клейма в виде обычной или удвоенной *planta pedis*, окруженные кольцевыми нарезками. Три экземпляра из погребений 2 (табл. 4, 10), 10 (табл. 7, 13) и 44 (табл. 28, 14) (Журавлев, 2010. Табл. 22. Кат. № 146–148); размеры: D – 9,3–12,4; d – 5,7–6,4; H – 2,2–3,6 см.

Так же, как и миски формы 11, форма 12 морфологически близка сосудам *Eastern sigillata C* (Zahn, 1904. Abb. 550, 123; Кабакчиева, 1983. Рис. 2а), отличаясь, впрочем, характером глины и покрытия, типичными для понтийской сигиллаты. Очевидно, здесь можно говорить о воздействии пергамской керамической традиции на морфологию этих сосудов. Подобные миски найдены в Танаисе (Арсеньева, 1985. Рис. 3, 8; Арсеньева, Науменко, 1992. Рис. 56, 10), Ольвии (Knipowitsch, 1929. Taf. I, 2), Истрии (Histria, 1966. P. 533. Pl. 101, XXV, 1). Все эти сосуды могут быть датированы в пределах второй половины I в. н.э.

Форма 13. Небольшие миски с туловом полусферической формы, стенки загнуты внутрь, край скруглен (Журавлев, 2010. Табл. 23. Кат. № 149–150).

13.1. Небольшая миска из погребения 58 (табл. 37, 3) (Журавлев, 2010. Табл. 23. Кат. № 149); размеры: D – 7,8; d – 4; H – 3,2 см. Тулово полусферической формы, стенки загнуты внутрь, край скруглен; на высоком кольцевом поддоне. Миски, подобные нашей, также как и формы 11 и 12 могли быть связаны своим происхождением с мисками Чандарли формы 20 (ср.: Hayes, 1973. Fig. 88, 160).

13.2. То же, что форма 13.1, но стенки более массивные, дно плоское. Происходит из погребения 300 (табл. 202, 1) (Журавлев, 2010. Табл. 23. Кат. № 150); размеры: D – 7; d – 3,7; H – 3,5 см.

Отметим хронологическую дистанцию между сосудами разных вариантов. Форма 13.1 происходит из погребения 58, которое относится к концу I – началу II в. н.э. (Журавлев, 2005; 2010). Форма же 13.2 – значительно более поздняя: погребение 300 может быть отнесено к последней четверти II – первой половине III в. н.э.

Форма 14. Глубокие миски с туловом полусферической или усеченно-конической формы (Журавлев, 2010. Табл. 23; Кат. № 151–160).

14.1. Миски полусферической формы, стенки немного загнуты внутрь, край скруглен. Их найдено три экземпляра – в погребениях 9 (табл. 8, 8), 52 (табл. 34, 21) и 61 (табл. 39, 6) (Журавлев, 2010. Табл. 23. Кат. № 151–153); размеры: D – 12,4–12,6; d – 5,1–6,3; H – 6–6,1 см.

Аналогичные сосуды хорошо известны в Северном Причерноморье: в могильнике Заветное (Зайцев и др., 2007. Рис. 13, 3), Херсонесе, в склепе 1 (Зубарь, Сорочан, 1986. Рис. 5, 4), Илурате (Силантьева, 1958. Рис. 4, 1. Тип 9), Пантикапее (Кунина, Сорокина, 1972. Рис. 8), Кепках (Кунина, Сорокина, 1972. Рис. 9, 26), Ново-Отрадном (Арсеньева, 1970. Рис. 14, 4), Никонии (Секерская, 1984. Рис. 2, 5), Михайловке (Петерс, 1976. Рис. 7. Тип 3Б), на Козырском городище (Бураков, 1976. Рис. VIII, 3). Они распространены и за его пределами, например в Пергаме (Meyer-Schlihtmann, 1988. N 2. Taf. 11, 98) и Эфесе (Mitsopoulos-Leon, 1991. F59). Комплексы из Бельбека IV можно датировать последней четвертью I – первой половиной II в. н.э. Так, дата погребения 9 – вторая половина (последняя четверть?) I в. н.э., погребение 52 относится к концу I – началу II в. н.э., а погребение 61 – к концу I – первой половине II в. н.э. Эти датировки подтверждаются также датами комплексов из некрополя Заветное (Зайцев и др., 2007. С. 253), Пантикапея и Кеп (Кунина, Сорокина, 1972. С. 161), а также городища у с. Михайловка (Петерс, 1976. С. 89) и Козырского городища (Бураков, 1976. С. 95).

14.2. Миска из погребения 18 (табл. 11, 9) (Журавлев, 2010. Табл. 23. Кат. № 154); размеры: D – 10,8; d – 4,3; H – 5,1 см. Край слегка подрезан с внутренней стороны и скруглен,

толстое дно, высокий кольцевой поддон. Комплекс погребения 18 датируется последней четвертью или концом I в. н.э. Подобные сосуды получили широкое распространение в памятниках Северного Причерноморья. В Ново-Отрадном они происходят из могил 23, 28 (Арсеньева, 1970. Рис. 5, 4 – несколько больших размеров); 16, 1. Ср. также: Loeschcke, 1912. Taf. XXVIII, 21). В Танаисе миски найдены в комплексах I–II вв. (Арсеньева, 1970. С. 101, 103), а в некрополе Заветное они датированы I – первой половиной II в. н.э. (Зайцев и др., 2007. С. 252).

14.3. Кольцевой поддон мисок высокий, дно в центре имеет утолщение; стенки тонкие. Найдены в погребениях 46 (табл. 31, 3) и 200 (табл. 131, 22) (Журавлев, 2010. Табл. 23. Кат. № 155–156); размеры: D – 10–10,7; d – 3,9–4,2; H – 5,4–5,6 см. Близкие сосуды обнаружены как в Северном Причерноморье: в Алма-Кермене (Высотская, 1972. Рис. 29, 3), Заветном (Firsov, 1999. Fig. 11, 7), Неаполе Скифском, в Восточном некрополе (Пуздровский, 1992. Рис. 4, 2), Херсонесе (Кадеев, 1970. Рис. 10, 1) и Ольвии (Knipowitsch, 1929. Taf. II, 32c), так и за его пределами: в Сухуме (Путуридзе, 1965. С. 101. Рис. 9), Афинах (Robinson, 1959. Pl. 8, H 12) и Пергаме (Meyer-Schlichtmann, 1988. Su 2). Комплексы бельбекских погребений относятся к последней четверти I – началу II в. н.э. (ср.: в пределах I в. н.э.: Meyer-Schlichtmann, 1988. S. 157, в Афинах вплоть до первой половины II в.: Robinson, 1959. P. 48).

14.4. Толстостенная миска полусферической формы из погребения 290 (табл. 196, 9) (Журавлев, 2010. Табл. 23. Кат. № 157); размеры: D – 13,9; d – 5,5; H – 6,0 см. Стенки в верхней части почти вертикальны, край изнутри слабо подрезан. В погребении датирующего инвентаря нет, но планиграфически его можно отнести к первой половине III в. н.э.

Форма 15. Толстостенная миска из погребения 18 (табл. 11, 11) (Журавлев, 2010. Табл. 24. Кат. № 161); размеры: D – 12,2; d – 5,9; H – 6,9 см. Полусферическая форма, край загнут внутрь, слегка подрезан изнутри. Поддон низкий, дно слабо вогнуто изнутри в центре. Эта миска может быть датирована последней четвертью или концом I в. н.э.

Форма 16. Миски полусферической формы (Журавлев, 2010. Табл. 24; Кат. № 162–164).

16.1. Стенки тулова миски в верхней части почти вертикальны, край косо подрезан с внутренней стороны; на невысоком кольцевом поддоне. Размеры: D – 11,1; d – 5,1; H – 4,8 см. Внешняя часть дна имеет сложный профиль. Происходит из случайных находок 1970 г. (табл. 227, 6).

16.2. Край подрезан сверху, образуя ровную площадку. Обнаружена в погребении 151 (табл. 93, 13); размеры: D – 11; d – 4,6; H – 5 см. Аналогичные миски известны в Причерноморье: Херсонесе (Кадеев, Сорочан, 1989. Рис. 29, 4), Усть-Альминский некрополе (Высотская, 1994. Табл. 12, 19), Ново-Отрадном (Арсеньева, 1970. Рис. 14, 4), Золотом (Корпусова, 1993. Табл. XXXVIII, 11). Они бытуют долго в связи с простотой и удобством. Планиграфически погребение 151 находится на участке конца I – первой половины II в. н.э.

16.3. То же, но меньших размеров, край скруглен; размеры: D – 7,5; d – 4; H – 3,7 см. Найдена в погребении 8 (табл. 7, 4) и датируется последней четвертью I в. н.э.

Форма 17. Глубокие миски с туловом усеченно-конической формы, стенки загнуты внутрь, край скруглен или подрезан, на высоком кольцевом поддоне. Выделка грубая, на тулове и донце – следы вращения на круге, поверхность плохо заглажена (Журавлев, 2010. Табл. 24–25; Кат. № 165–171).

17.1.1. Шесть экземпляров мисок происходят из погребений 1 (табл. 4, 5), 48 (табл. 33, 5), 59 (табл. 38, 2), 66 (табл. 41, 8), 68 (табл. 42, 13), 73 (табл. 44, 19) (Журавлев, 2010. Табл. 24. Кат. № 165–170). Размеры: D – 18,1–21,3; d – 6,7–8,2; H – 6,3–8,1 см. Стенки мисок тонкие, их верхняя часть загнута внутрь сосуда почти под прямым углом; дно изнутри плоское или выпуклое.

Близкие сосуды найдены в Юго-Западном и Центральном Крыму: в Нейзацском склепе 6 (Высотская, Махнева, 1983. Рис. 6, 2–3), Усть-Альминском некрополе (Высотская, 1994. Табл. 12, 2), Булганакском городище (Шкроб, 1991. Рис. 3, 4, 18), Заветном (Kühnelt, 2008b. S. 442–443. Kat. 232–235). В регионах Северного Причерноморья они происходят из Мирмекия (Книпович, 1952. Рис. 3, 6. Тип 14 (М)), Кеп (Кунина, Сорокина, 1972. Рис. 9, 26), Илурата (Силантьева, 1958. Рис. 8, 3. Тип 24), Ново-Отрадного (Арсеньева, 1970. Табл. 15, 9), Золотого (Корпусова, 1983. Табл. XL, 5; XLI, 16), Нижнее-Гниловского городища (Каменецкий, 1993. Рис. 27, 203), Козырского городища (Бураков, 1976. Табл. VIII, 13–15). Известны они и в Западном Причерноморье (Histria, 1966. P. 533. Pl. 101, XXV, 3; Rădulescu, 1975. Pl. XVII; Bounegru et al., 1989. Fig. 6, 6).

В материалах могильника Бельбек IV эти миски датируются концом I – первой половиной II в. н.э. Обращает на себя внимание факт, что сосуды происходят из могил, расположенных в непосредственной близости друг от друга.

17.1.2. То же, только небольшого размера (D – 12,9–13,1; d – 4,7–5,1; H – 4,9–5,6 см), дно изнутри выпукло в центре. Две миски этой формы происходят из погребений 101 (табл. 58, 5) и 257 (табл. 177, 2) (Журавлев, 2010. Табл. 25. Кат. № 171–172). Погребение 101 относится к началу III в. н.э., а погребение 257 – к концу II – первой четверти III в. н.э. Близкая по форме миска из Усть-Альминского некрополя из склепа 649 датируется первой половиной III в. н.э. (Пуздровский, 2007а. С. 460).

17.2. Миска из погребения 62 (табл. 39, 12) (Журавлев, 2010. Табл. 25. Кат. № 173); размеры: D – 21,3; d – 8,5; H – 8 см. Миска глубокая, стенки загнуты не так сильно, край прямой, скруглен; дно вогнуто в центре. Аналогичная миска известна из Неаполя Скифского (Симонович, 1983. Табл. XI, 9). Комплекс погребения датируется концом I – первой половиной II в. н.э.

Форма 18. Небольшая миска из погребения 213 (табл. 141, 2) (Журавлев, 2010. Табл. 25. Кат. № 174); размеры: D – 8,3; d – 3,8; H – 3,8 см. Стенки слабо загнуты, край скруглен. Погребение относится к концу I – началу II в. н.э.

Форма 19. Миска из погребения 230 (табл. 157, 9) (Журавлев, 2010. Табл. 25. Кат. № 175); размеры: D – 13; d – 4,5; H – 6,3 см. Сосуд полусферической формы, стенки неровные, в верхней части почти вертикальны, у края – слабо вогнуты; край скруглен. На дне – орнаментальный пояс (*rouletting*) из двух рядов кольцевых насечек-ямочек, выполненных небрежно. Погребение датируется серединой – второй половиной II в. н.э.

Форма 20. Миска из погребения 233 (табл. 158, 8) (Журавлев, 2010. Табл. 25. Кат. № 176); размеры: D – 8,7; d – 3,4; H – 3,4 см. Форма приближается к полусферической, стенки отогнуты, край скруглен. Дно плоское, без поддона. Погребение относится к последней четверти II – началу III в. н.э.

Форма 21. Широкие миски полусферической формы (Журавлев, 2010. Табл. 26. Кат. № 177–178).

21.1. Толстостенная миска (блюдо) с сильно загнутыми внутрь стенками, край скруглен, на дне миски – две широкие кольцевые нарезки (размеры: D – 22,4; d – 11,3; H – 6,6 см). На внутренней стороне дна хорошо заметны следы ротации. Происходит из погребения 312 (табл. 208, 4), датированного концом I – началом II в. н.э.

21.2. То же, но стенки более тонкие, вогнуты не так сильно (размеры: D – 18,5; d – 7,5 см). На дне оттиснуто клеймо ромбической формы со скругленными углами, окруженное двумя широкими кольцевыми бороздками. Происходит из погребения 222 (табл. 147, 17) середины – второй половины II в. н.э.

Чаши

Форма 22. Чаша из погребения 61 (табл. 39, 5) (Журавлев, 2010. Табл. 26. Кат. № 179); размеры: D – 6,5; d – 3,4; H – 3,4 см. Тулово полусферической формы, на кольцевом поддоне, стенки слабо загнуты внутрь, край образован неглубоким желобком. Дата погребения 61 – конец I – первая половина II в. н.э.

Форма 23. Чаша из погребения 45 (табл. 30, 2) (Журавлев, 2010. Табл. 26. Кат. № 180); размеры: D – 6,9; d – 3,6; H – 3,5 см. Тулово полусферической формы; на кольцевом поддоне; вместилище сосуда расширяется кверху; край косо подрезан снаружи. Погребение относится к последней четверти I в. н.э. Аналогичная чаша найдена в некрополе Золотое, в могиле, датированной началом I в. н.э. (Корпусова, 1983. С. 101. Табл. XIX, 6).

Форма 24. Чаши на кольцевом поддоне, тулово имеет полусферическую форму, край отогнут почти под прямым углом и имеет горизонтальную поверхность, иногда немного скошен (Журавлев, 2010. Табл. 26. Кат. № 181–187).

24.1. Вместилище сосуда широкое. Вариант представлен четырьмя сосудами из погребений 26 (табл. 16, 2), 40 (табл. 28, 4), 164 (табл. 103, 4), 194 (табл. 127, 4) (Журавлев, 2010. Табл. 26. Кат. № 181–184). Размеры: D – 6,7–10,2; d – 2,8–4,3; H – 3,4–5,5 см. Эти чаши могут быть отнесены к последней четверти I – первой четверти II в. н.э. Аналогично датируется и могила 411 из Усть-Альминского некрополя с близкой чашей (Пуздровский, 2007а. С. 445. Рис. 171, 8). Сосуды с аналогичной формой тулова, но иначе оформленным краем происходят из некрополя у дер. Кыз-Аул, могила 6 (Гайдукевич, 1959а. Рис. 68, 1), Ольвии (Knipowitch, 1929. Taf. II, 30) и Пергама (Meyer-Schlichtmann, 1988. N 29. Taf. 12, 159).

24.2. Чаши (размер: D – 6,1–9,2; d – 3–4,2; H – 3,9–5,7 см) полусферической формы на высоком кольцевом поддоне, с сильно отогнутым сложно профилированным или гладким краем, имеющим сверху небольшой выступ (Журавлев, 2010. Табл. 26. Кат. № 185–186). Клейма *planta pedis*. Декор: по краю – орнамент в виде насечек. Эти чаши из погребений 24 (табл. 15, 4) и 44 (табл. 28, 15) относятся ко второй половине I в. н.э.

24.3. Низкая чаша с широким вместилищем (Журавлев, 2010. Табл. 26. Кат. № 187) из погребения 27 (табл. 17, 2), относящегося ко второй половине I в. н.э.

Суммарная датировка всей формы – вторая половина I в. н.э., возможно, начало II в. н.э., при этом форма 24.2 выглядит наиболее ранней из всех. Форма 24.3, вероятно, относится к последней четверти I в. н.э.

Форма 25. Чаша (размеры: D – 8,1; d – 4,4; H – 5,7 см) из погребения 183 (табл. 118, 3), нижняя часть которой имеет полусферическую форму, верхняя образована почти вертикальными стенками (Журавлев, 2010. Табл. 26. Кат. № 188). Край оформлен подрезкой изнутри; дно изнутри немного поднимается к центру; низкий кольцевой поддон. Могила относится к концу I в. н.э.

Форма 26. Чаша из погребения 49 (табл. 33, 22) (Журавлев, 2010. Табл. 26. Кат. № 189); размеры: D – 8,5; d – 4,3; H – 5,9 см. Нижняя часть тулова имеет округлую форму, в верхней части стенки вогнуты, край слегка отогнут, с внешней стороны слегка подрезан. Дно сосуда изнутри сильно опускается к месту соединения со стенками. Аналогичные сосуды происходят из Ольвии (Knipowitsch, 1929. Taf.1(1)). Чаша из бельбекского некрополя относится к последней четверти I в. н.э.

Форма 27. Чаша из погребения 49 (табл. 33, 23) (Журавлев, 2010. Табл. 27. Кат. № 190); размеры: D – 11,2; d – 5,4; H – 5,8 см. Нижняя часть тулова по форме приближается к усеченно-конической, верхняя образована вертикальным, немного скошенным наружу бортиком. В средней части чаши, в месте соединения нижней части тулова и бортика – выступ в виде ребра. Край чаши слабо отогнут и подрезан. Дно чаши слегка опускается к центру. Близкие по форме сосуды происходят из Пантикапея (Забелина, 1984. Табл. IV, 28). Датировка как и у чаши Формы 26 – последняя четверть I в. н.э.

Форма 28. Глубокие чаши с туловом усеченно-конической формы, бортик почти вертикальный, с небольшим наклоном вовнутрь, край образован слабой подрезкой изнутри; дно сосудов плоское или опускается к центру. С двух сторон в верхней части тулова прикреплены рельефные наклепные ручки различной формы – в виде «бантика» и двойной спирали (Журавлев, 2010. Табл. 27. Кат. № 191–19). В некрополе найдено две чаши этой формы (размеры: D – 16–16,8; d – 5,5–6,4; H – 9,1 см) в соседних могилах 50 (табл. 34, 2) и 51 (табл. 34, 16).

Аналогии этой форме многочисленны; происходят из Усть-Альминского (Пуздровский, 2007а. Рис. 171, 7) и Заветнинского (Kühnelt, 2008b. S. 127, 448. Кат. 247) некрополей, Херсонеса (Кадеев, Сорочан, 1989. Рис. 11, 6), Мирмекия (Книпович, 1952. Рис. 1, 3), Ново-Отрадного (Арсеньева, 1970. Табл. 15, 10–13; 16, 7) и других памятников. Комплексы бельбекских погребений можно датировать последней четвертью I в., возможно даже началом II в. н.э.

Форма 29. Чаша из погребения 32 (табл. 22, 3) (Журавлев, 2010. Табл. 27. Кат. № 193); размеры: D – 13,5; d – 4,4; H – 7,4 см. Очень грубая выделка, снаружи заметны следы формовки. Сосуд усеченно-конической формы, стенки сильно вогнуты, вертикальный бортик вогнут, край чаши слабо загнут вовнутрь и скруглен. Высокий кольцевой поддон, по краю которого изнутри сделан широкий и глубокий желобок. Изнутри дно сильно понижается к центру. Подобные сосуды происходят из могильника «Совхоз № 10» (Стржелецкий и др., 2005–2009. Табл. XIII, 5) и Неаполя Скифского (Высотская, 1979. Рис. 66, 4). В качестве возможных прототипов этой формы укажем на чаши из Пергама (Meyer-Schlichtmann, 1988. No. 39a) и Афинской Агоры (Robinson, 1959. G 70. Pl. 66). Сосуды аналогичной формы в Пергаме датируются от середины I в. до н.э. до конца I в. н.э. (Meyer-Schlichtmann, 1988. S. 113), а Афинах – до третьей четверти I в. н.э. (Robinson, 1959. P. 22). Учитывая грубость изготовления нашей чаши и датировку комплекса погребения в целом, можно отнести ее к последней четверти I – началу II в. н.э.

Форма 30. Чаши с туловом усеченно-конической формы и вертикальным бортиком, в месте перехода стенок в бортик – ребро (Журавлев, 2010. Табл. 27–28. Кат. № 194–208).

30.1. Чаша на кольцевом поддоне; размеры: D – 10,4; d – 5,2; H – 5,8 см (Журавлев, 2010. Табл. 27. XIV; Кат. № 194). Стенки тулова сильно вогнуты, бортик также вогнут, на крае

с внешней стороны подрезка; поддон невысокий и широкий. Дно в центре имеет «ступеньку», центральная его часть сильно поднята. По краю и в нижней части бортика сделаны неглубокие кольцевые желобки. На бортике – два симметричных налета в виде спирали. Несомненно, что эта чаша является имитацией чаши ESB формы 70 по Дж. Хейсу, причем воспроизводится не только форма сосуда, но и детали поддона и даже декоративная налипная спираль на бортике. Комплекс погребения 67 с этой чашей (табл. 41, 13) датируется концом I – первой половиной II в. н.э.

30.2. Чаши с размерами: D – 6,4–11; d – 3,1–6; H – 3,6–6 см (Журавлев, 2010. Табл. 27. Кат. № 195–204). Стенки тулова чаш слабо вогнуты, бортик немного отогнут внутрь, край снаружи подрезан, дно прямое. По бортику сделана неглубокая кольцевая нарезка; в верхней части тулова – широкий кольцевой желобок. Верхняя часть тулова орнаментирована пояском из двух рядов кольцевых насечек различного размера. У одной из чаш на тулове прочерчено граффито ANPO. Форма представлена десятью экземплярами из погребений 15 (табл. 10, 16), 23 (табл. 13, 10), 29 (табл. 19, 3), 115 (табл. 68, 1), 144 (табл. 89, 3), 145 (табл. 88, 17), 146 (табл. 90, 2), 199 (табл. 128, 23), 203 (табл. 133, 2), 204 (табл. 134, 3).

Многочисленные аналогии этим чашам известны в Северном Причерноморье: в Усть-Альминском некрополе (Пуздровский, 2007а. Рис. 171, 5–6), могильнике «Совхоз № 10» (Стржелецкий и др., 2005–2009. Табл. XII, 10–30), могильнике Заветное (Зайцев и др., 2007. Рис. 4, 11; Kühnelt, 2008b. S. 111–113, 439. Кат. 190–198), Пантикапее (Кунина, Сорокина, 1972. Рис. 7, 33; Журавлев, Ломтадзе, 1999. Рис. 3, 19–25; Ермолин и др., 2007. Рис. 1, 1–4; 2, 6–8), Под-азовском городище (Каменецкий, 1993. Рис. 19, 149), Илурате (Хршановский, 1998. Табл. 1, 3–5; 2, 4 и др.), Тиритаке (Бейлин, Зинько, 2007. Рис. 1, 4–5), погребении у с. Старица (Шилов, 1968. Рис. 5), Козырском городище (Бураков, 1976. Табл. XI, 27), некрополе Золотое (Корпусова, 1983. Табл. XIX, 16; XXXVII, 3), некрополе у городища Артезиан (Винокуров, 2007. С. 372. Рис. 38, 8). Они найдены и за его пределами, например, в некрополе у с. Садово, Асеновградско (Жуглев, Калудова, 1963. Обр. 6), Добрудже (Rădulescu, 1975. Pl. XVI; Căpitanu, Ursachi, 1976. Abb. 10) и Истрии (Histria, 1966. Pl. 100, VIII, 1; Suceveanu, 2000. Pl. 27–28).

Большая часть комплексов могильника Бельбек IV, из которых происходят эти чаши, датируется не позднее последней четверти I в. н.э. – начала II в. н.э. Интересно отметить, что в большинстве комплексов чаши формы 30.2 встречаются вместе с тарелками *planta pedis*. Только комплекс погребения 115 относится ко второй–третьей четвертям II в. н.э., т. е. ко времени максимального распространения этих чаш в Северном Причерноморье.

30.3. То же, что форма 30.2, но стенки более толстые (Журавлев, 2010. Табл. 28. Кат. № 205–208). Три чаши из погребений 204 (табл. 134, 16), 218 (табл. 146, 13) и 221 (табл. 148, 17). Аналогичные сосуды известны из Усть-Альминского некрополя (Пуздровский, 2007а. Рис. 181, 11; 184, 7–8; Труфанов, 2007б. Рис. 1, 1) и Чатыр-Дага (Мыц и др., 2006. Рис. 4, 4). Такой сосуд из погребения 7 могильника Бельбек III датируется II в. н.э. (Гущина, 1974. Рис. V, 1–9; Журавлев, 2010. Кат. № 208). Датировка аналогичных сосудов из других памятников – в пределах II–III вв. н.э. (Труфанов, 2007б. С. 230; Шаров, 2007. С. 66–67). Погребения могильника Бельбек IV датируются в пределах второй–третьей четвертей II в. н.э.

Кубки

Форма 31. Кубки с размерами: D – 7,1–8,2; d – 3,1–4,3; H – 7,0–8,4 см (Журавлев, 2010. Табл. 28. Кат. № 209–222). На невысоком кольцевом поддоне, тулово имеет округлый контур, венчик отогнут, край его скруглен. С двух сторон прикреплены петлевидные овальные в сечении ручки. В верхней части тулова – кольцевая нарезка. На четырех сосудах по тулову – орнамент в виде пояса из насечек (один или два ряда), также по тулову могут быть прочерчены кольцевые бороздки. На одном сосуде – граффито X. Всего найдено 14 кубков в погребениях 36 (табл. 24, 2), 53 (табл. 35, 3), 57 (табл. 36, 23), 115 (табл. 68, 2), 129 (табл. 78, 6), 130 (табл. 79, 6), 148 (табл. 91, 4), 166 (табл. 103, 26), 176 (табл. 112, 16), 178 (табл. 115, 6), 196 (табл. 128, 4), 209 (табл. 137, 2), 313 (табл. 210, 3), 314 (табл. 212, 3).

Число аналогий этой форме очень велико. Они происходят из Усть-Альминского городища и могильника (Дашевская, 1991. Табл. 57, 6; Высотская, 1994. Табл. 36, 3; Zaitsev, 2002. Fig. 3, 3; Пуздровский, 2007а. Рис. 172, 12; Труфанов, 2005–2009. Рис. 23, 12, 13, 16, 17), могильника Заветное (Kühnelt, 2008b. S. 435. Кат. 173), кургана Мамай-Оба (Зубар, Савеля, 1989. Рис. 5, 1), Неаполя Скифского (Зайцев, 2003. Рис. 129, 6), Ольвии (Knipowitsch, 1929. Taf. III, 36), Козырско-

го городища (Бураков, 1976. Табл. X, 2), Мирмекия (Книпович, 1952. Рис. 5, 1), Пантикапея (Кунина, Сорокина, 1972. Рис. 7, 25; Журавлев, Ломтадзе, 2005. Рис. 10, 7), Нимфея (Грач, 1999. Табл. 5, 4; Домжалский, Чистов, 2003. Рис. 21, 3; Domžalski, Zin'ko, 1999. Fig. 2, 5), Золотой балки (Вязьмитина, 1962. Рис. 72, 16, 17), некрополя Кыз-Аул (Гайдукевич, 1959а. С. 191. Рис. 61), Тиритаки (Бейлин, Зинько, 2007. Рис. 1, 7 – очень крупного размера), Танаиса (Шелов, 1961. Табл. XXIX, 5) и Истрии (Histria, 1966. Pl. 99; XXXVI, 2). Достаточно близок, хотя и не идентичен, кубок из Romula (Babes, 1970. Abb. 9c). Возможным прототипом этой формы кубков можно считать итальянские сосуды группы *pareti sottili*, распространенные в I в. н.э. (см., например: Plesnicar-Gec, 1972. P. 268. Pl. L, 91; Ricci, 1985. P. 268–269. Tipo 1/124. Tav. LXXXV, 5). Необходимо отметить серию достаточно близких по форме сосудов так называемой эгейской серии из Восточного Средиземноморья, в частности, из Пафоса, с барботинным орнаментом (Hayes, 1991. Fig. XXII, 19), и Коринфа (Warner Slane, 1990. P. 63, 93–94. Fig. 22. Pl. 12. No. 140, 193), один из которых также с орнаментом *en barbotine* в верхней части тулова. Все эти сосуды датируются в пределах третьей четверти I в. н.э.

Судя по материалам могильника Бельбек IV, распространение кубков подобного облика в Юго-Западном Крыму можно отнести к концу I – первой половине II в. н.э., причем лишь несколько комплексов можно датировать концом I – началом II в. н.э. (погребения 36, 209 и 314; ср.: Пуздровский, 2007а. С. 446). Кубки формы 31 не встречаются в комплексах с тарелками, клейменными *planta pedis*, за исключением двух могил – погребений 176 и 209. Наиболее ранний сосуд происходит из погребения 176, которое датируется не позднее конца I в. н.э., а наиболее поздние относятся ко второй–третьей четверти II в. н.э.: погребения 115 и 148.

Форма 32. Кубки на кольцевом поддоне, тулово в нижней части имеет полусферическую форму, в верхней части стенки немного вогнуты; с двумя петлевидными ручками. Представленные в могильнике Бельбек IV экземпляры представляют собой варианты развития кубков с орнаментом *en barbotine*, являвшиеся одной из распространенных форм понтийской сигиллаты. Изначально этот тип сосудов восходит к металлическим прототипам, возможно, не напрямую, а через итальянскую керамику, в частности, типа *pareti sottili* (см.: Ricci, 1985. Tav. XCV, 1–5; XCVIII, 2).

32.1. Петлевидные ручки сверху имеют рудиментарный налест. Всего найдено два кубка этой формы – в погребениях 71 (табл. 44, 6) и 213 (табл. 141, 3) (Журавлев, 2010. Табл. 29. Кат. № 223–224); размеры: D – 8,8–9,4; d – 3,8–3,9; H – 7,5–8,1 см. Аналогии этим сосудам известны во многих памятниках Северного Причерноморья: Южно-Донузлавском городище (Дашевская, 1991. Табл. 34, 3), кургане вблизи Севастополя (Высотская, 1972. Рис. 7; 33, 2), Усть-Альминском могильнике (Пуздровский, 2007а. Рис. 168, 7, 9), Ольвии (Knipowitsch, 1929. Taf. I, 18; Одесский археологический музей, 1983. Рис. 113, с орнаментом *en barbotine*), Пантикапее (Журавлев, Ломтадзе, 2005. Рис. 5, 1), Мирмекии (Гайдукевич, 1959б. Рис. 72; Michałowski, 1958. Rys. 91), Тиритаке (Книпович, 1952. Рис. 9, 5), Нимфее (Domžalski, Zin'ko, 1999. Fig. 1, 14), Козырском городище (Бураков, 1976. Рис. XI, 25), некрополе Золотое, могиле 3 (Корпусова, 1983. Табл. XV, 11), некрополе у городища Артезиан (Винокуров, 2007. С. 395. Рис. 77, 3). Близкий кубок найден в Сингидинуме (Bojovic, 1977. Tabl. LII, 471), хотя фрагментарное состояние этого сосуда не позволяет полностью идентифицировать его форму. Известны подобные сосуды и с территории современной Румынии (Căpitanu, Ursachi, 1976. Abb. 10).

Учитывая датировку погребальных комплексов, можно отнести бельбекские кубки к концу I – началу II в. н.э.

32.2. Кубок из погребения 11 (табл. 9, 12) (Журавлев, 2010. Табл. 29. Кат. № 225); размеры: D – 8,6; d – 3,8; H – 6,5 см. Вместительное широкое, стенки в верхней части немного загнуты, край подрезан. Наиболее близок ему кубок из Никосии, датированный первой половиной II в. (Hayes, 1985. S. 40. Form 61. Tav. VII, 15). Дата же бельбекского комплекса – вторая половина I в. н.э., вероятнее всего – конец третьей – начало четвертой четверти столетия.

32.3. То же, что форма 32.1, но ручки без налепов – простые петлевидные (Журавлев, 2010. Табл. 29–30. Кат. № 226–232). К этой форме относятся семь сосудов из погребений 22 (табл. 14, 11), 40 (табл. 28, 3), 140 (табл. 86, 1), 171 (табл. 109, 2), 174 (табл. 111, 3), 179 (табл. 116, 2), 200 (табл. 131, 23). Размеры: D – 7,9–8,7; d – 3,1–4,2; H – 7,1–8,1 см.

Из Причерноморья происходит много аналогий этой форме сосудов. Подобные кубки найдены в кургане Мамай-Оба (Зубар, Савеля, 1989. Рис. 3, 15), Усть-Альминском некрополе

(Пуздровский, 2007а. Рис. 171, 2–3), Булганакском городище (Шкроб, 1991. Рис. 4, 5), Ольвии (Knipowitsch, 1929. Taf. III, 35), Нижнегниловском городище (Каменецкий, 1993. Рис. 20, 162), Подазовском городище (Каменецкий, 1993. Рис. 20, 163–165). Похожий кубок происходит с территории Дакии (Ursachi, 1987. Fig. 11, 11). Большинство комплексов могильника Бельбек IV датированы последней четвертью I в., что определяет и дату бытования таких сосудов.

32.4. Единственный кубок этой формы был найден в погребении 285 (табл. 194, 7) (Журавлев, 2010. Табл. 30. Кат. № 233); размеры: D – 8,3; d – 4,1; H – 8,1 см. Нижняя часть кубка имеет округлую форму, верхняя образована высокими почти вертикальными стенками, слабо вогнутыми внутрь. Это наиболее поздний вариант в развитии формы 32, который датируется началом III в. н.э. (Гущина, Журавлев, 1999. С. 167). Аналогичный сосуд известен из Усть-Альминского некрополя (Высотская, 1994. С. 77. Табл. 29, 2), он еще более приземистый, чем бельбекский экземпляр, и датируется II–III вв. н.э.

32.5. То же, что форма 32.2, край образован отогнутой стенкой, под которой сделана нарезка. Один сосуд имеет орнамент *en barbotine*. Эта форма сосудов представлена пятью кубками из погребений 22 (табл. 14, 10), 25 (табл. 15, 10), 168 (табл. 106, 3), 199 (табл. 128, 31), 299 (табл. 201, 6) (Журавлев, 2010. Табл. 30. Кат. № 234–238). Размеры: D – 6,5–7,6; d – 3,2–4,1; H – 7,2–7,8 см.

Аналогичные сосуды известны из Усть-Альминского некрополя (Высотская, 1994. Табл. 23, 3; Труфанов, 2005–2009. Рис. 23, 9), Южно-Донузлавского городища (Дашевская, 1991. С. 90. Табл. 34, 2), Нимфея (Домжалевский, Чистов, 2003. Рис. 21, 1), а также из Добруджи (Rădulescu, 1975. Pl. I, 2; Căpitani, Ursachi, 1976. Abb. 10). Практически все бельбекские комплексы, из которых происходят кубки этого варианта, датируются второй половиной I в. н.э. Исключение составляет могила 168, которая относится к первой четверти II в. н.э., при этом стенки кубка из нее значительно более толстые, чем у других экземпляров.

Форма 33. Кубки с петлевидными ручками, на кольцевом поддоне, вместилище широкое, тулово имеет полусферическую форму, стенки в верхней части вертикальны, слабо загнуты или отогнуты. Край образован отогнутой наружу стенкой (иногда с утолщением), под которой сделана кольцевая нарезка. У одного кубка в придонной части – граффито ХАΔΩ (?). Всего их найдено девять экземпляров из погребений 8 (табл. 7, 5), 132 (табл. 81, 2), 133 (табл. 79, 27), 189 (табл. 123, 6), 192 (табл. 125, 27), 194 (табл. 127, 3), 197 (табл. 129, 4), 205 (табл. 135, 3) и случайная находка 1970 г. (табл. 226, 2) (Журавлев, 2010. Табл. 31. Кат. № 239–247). Размеры: D – 8,6–10; d – 3,3–4,4; H – 5,6–6,8 см.

Аналогичные находки известны из Усть-Альминского могильника (Пуздровский, 2007а. Рис. 171, 4; Труфанов, 2005–2009. Рис. 23, 1–5) и из Пантикапея (Журавлев, Ломтадзе, 2005. Рис. 8, 9). Возможные прототипы этой формы кубков следует искать среди керамики *pareti sottili* (Ricci, 1985. Tav. XC VII, 1. Tipo 2/290; Mayet, 1975. Form XXVI, XXIX. Pl. LXXIX). Могилы, содержащие сосуды этой формы, относятся к последней четверти / концу I – началу / первой четверти II в. н.э., что, по всей видимости, и определяет их датировку. Аналогичный кубок из Усть-Альминского некрополя также датирован последней четвертью I в. н.э. (Пуздровский, 2007а. С. 445).

Канфары

Форма 34. Тулово сосудов вытянутой цилиндрической формы, слегка расширяется книзу, нижняя часть тулова имеет округлую или усеченно-коническую форму; на невысоком кольцевом поддоне. Стенки тулова практически вертикальны, край прямой и скругленный, в некоторых экземплярах – несколько скошенный с внутренней стороны. Овальные или подтреугольные со скругленными углами в сечении ручки имеют сверху небольшие рудиментарные налепы прямоугольной формы с вогнутыми боковыми гранями. В верхней и нижней части тулова – кольцевые нарезки (Журавлев, 2010. Табл. 32–33. Кат. 248–257).

34.1. Представлен семью сосудами из погребений 104 (табл. 61, 2), 128 (табл. 77, 2), 226 (табл. 153, 5), 233 (табл. 158, 6), 287 (табл. 196, 4), 294 (табл. 198, 3), 300 (табл. 202, 3). Размеры: D – 7,5–8,9; d – 3,6–4,3; H – 8,9–9,3 см (Журавлев, 2010. Табл. 32–33. Кат. 248–254).

34.2. То же, что форма 34.1, но больших размеров, стенки тулова изнутри имеют рифление. Три экземпляра из погребений 245 (табл. 170, 12), 259 (табл. 180, 4), 265 (табл. 184, 3). Размеры: D – 9,4–10,8; d – 5,1–5,2; H – 10,8–11,1 см (Журавлев, 2010. Табл. 33. Кат. № 255–257).

Подобные канфары являются одной из наиболее распространенных форм краснолаковых сосудов II–III вв. н.э. Аналогии происходят из Скалистого III, погребений 44, 59 (Богданова и др., 1976. Рис. 9, 16; 10, 5), Херсонеса (Рижов и др., 1987. Рис. 2, 7; Кадеев, Сорочан, 1989. Рис. 23, 1), округа Севастополя (Золотарев, 1981. Рис. 1), могильника Заветное (Kühnelt, 2008b. S. 436. Kat. 177, 359), Пантикапея (Толстиков и др., 2005. Табл. 11, 5), Кеп: некрополь, склеп 253, костяк 1 (Кунина, Сорокина, 1972. Рис. 4, 48), Горгиппии (Алексеева, 1997. Табл. 215, 2), Танаиса (Шелов, 1972. С. 132; Арсеньева, Науменко, 1992. Рис. 58, 2), Киммерика (Блаватская, 1952. Рис. 21), Березани (Ксенофонтowa, 1984. Табл. VIII, 2, 3), Ольвии (Knipowitsch, 1929. Taf. III, 37), Мысахо (Онайко, 1970. Рис. 31, 11), Никония (Секерская, 1984. Рис. 4, 4). Помимо Северного Причерноморья, находки таких канфаров зафиксированы в Геракле Понтийской (Herakleia, 1972. S. 55. Taf. 9; 10a, 1) и Помпейополисе (Пафлагония – Zhuravlev, 2011. Pl. 4).

Ранние погребения – 128 и 226 – датируются второй половиной II в. н.э. К последней четверти II – началу III в. н.э. относится погребение 233. Остальные комплексы (погребения 104, 287 и 294) датируются первой половиной III в. н.э., иногда чуть шире, включая конец II в. н.э. Сосуды варианта 34.2 в целом происходят из могил того же времени. Погребение 245 датируется первой четвертью III в. н.э., погребение 259 – концом II – первой половиной III в. н.э., погребение 265 – концом II – началом III в. н.э. Чаще всего канфары формы 34 встречаются в одних комплексах с краснолаковыми кувшинами формы 20. По всей видимости, наиболее ранние экземпляры этой формы появляются около середины II в. н.э. Основной период существования канфаров формы 34, к которому принадлежат и все бельбекские экземпляры, приходится на конец II – первую половину III в. н.э. Вариации этих сосудов существуют как минимум до середины III в. (Арсеньева, Шелов, 1974. Табл. VIII, 5).

ПОНТИЙСКАЯ СИГИЛЛАТА В

Для сосудов понтийской сигиллаты В характерна красно-коричневая, с небольшими различиями в оттенках, хорошо отмученная глина без заметных включений, близкая по цвету лаку. Лак красно-коричневый, оранжево-красный, изнутри может быть несколько темнее, с металлическим блеском, однородный, очень густой и плотный. Местами на поверхности заметны пятна более темного оттенка. Сосуды покрыты лаком полностью, включая внешнюю часть поддона (Zhuravlev, 2000. P. 154. Fig. 8).

Сосуды, которые можно отнести к Понтийской сигиллате В, встречаются при раскопках многих причерноморских памятников. Их формы более разнообразны, чем представленные в могильнике Бельбек IV. Так, например, они известны из могильника «Совхоз № 10» (Стржелецкий и др., 2005–2009. Табл. XXIV, 17, 22), Пантикапея (мастерская короппаста: Ермолин и др., 2007. Рис. 1, 14), Ольвии, Херсонеса, и т.п. (Zhuravlev, 2002b. P. 260. Fig. 16).

В настоящее время у нас нет никакой возможности локализовать центр производства, выпускавший керамику этой группы. По всей видимости, он находился где-то в Причерноморье, поскольку находки подобной керамики за пределами черноморского бассейна нам неизвестны.

В погребении 221 могильника Бельбек IV были обнаружены три сосуда, сделанных из одинаковой глины и имеющих близкое по характеру и качеству лаковое покрытие. Представляется, что нахождение этих трех, нетипичных для Причерноморья сосудов, в одном погребении, резко отличающегося по погребальному обряду и инвентарю от остальных, не случайно (Гущина, 1997. С. 33–34; Zhuravlev, 1999). Дата всех трех сосудов – середина – третья четверть II в. н.э. К этим сосудам примыкает миска из погребения 245, происходящая из комплекса первой половины III в. н.э., а также две чаши второй половины II в. н.э.

Форма 1. Невысокая чаша из погребения 221 (табл. 148, 3) (Журавлев, 2010. Табл. 35. Кат. 260); размеры: D – 10; d – 4,2; H – 2,1 см. Тулово имеет полусферическую форму; с широким отогнутым профилированным краем. Верхняя поверхность края декорирована рельефным трехъярусным фризом – растительным орнаментом, овами. С нижней стороны отогнутый край имеет четыре кольцевых желобка. Дно сосуда – на небольшом кольцевом поддоне – также профилировано в центре двумя неглубокими бороздками. Дата комплекса – середина – третья четверть II в. н.э.

Форма 2. Высокий стакан из погребения 221 (табл. 148, 4) (Журавлев, 2010. Табл. 35. Кат. № 261); размеры: D – 9,2; d – 3,1; H – 6,9 см. Тулово сосуда имеет усеченно-коническую

форму, нижняя часть скруглена; вместилище сосуда расширяется кверху, тонкий край сильно отогнут. Дно на низком кольцевом поддоне, стенки сосуда очень тонкие. Поверхность очень хорошо заглажена, но в средней части тулова проведена неровная кольцевая бороздка. Аналогичный сосуд найден в некрополе «Совхоз № 10» (Стржелецкий и др., 2005–2009. Табл. XXIV, 22). Середина – третья четверть II в. н.э.

Форма 3. Мелкая тарелка (блюде) на невысоком кольцевом поддоне (табл. 148, 2) (Журавлев, 2010. Табл. 35. Кат. № 262); размеры: D – 11,3; d – 8,2; H – 0,9 см. Сильно отогнутый край нависает над стенками, имеет бороздки в верхней части и внизу. Изнутри, в месте перехода стенок в донце, также сделана кольцевая бороздка. Найдена в погребении 221. Середина – третья четверть II в. н.э.

Форма 4. Низкая чаша (табл. 170, 5) (Журавлев, 2010. Табл. 35. Кат. № 263); размеры: D – 8,5; d – 2,3; H – 2,3 см. Тулово имеет полусферическую форму, край отогнут и немного приподнят. Дно плоское, с кольцевой бороздкой. В верхней части тулова сделана кольцевая бороздка, выделяющая край. Найдена в погребении 245, которое датируется первой половиной III в. н.э. Морфологически близкие сосуды большего диаметра (12–15 см) известны среди *African Red Slip Ware*, форма 44, и датируются от 220/240 гг. до конца III в. н.э. (Hayes, 1972. P. 60–61. Fig. 10.)

Форма 5. Чаши с туловом усеченно-конической формы (Журавлев, 2010. Табл. 35. Кат. № 264–265).

5.1. Край сильно нависает над стенками чаши, образуя бортик; дно плоское. Найдена в погребении 234 (табл. 161, 2) (Журавлев, 2010. Табл. 35. Кат. № 264); размеры: D – 7,4; d – 3,7; H – 3,5 см. Комплекс можно датировать приблизительно серединой II в. н.э. Аналогичные сосуды найдены в некрополе «Совхоз № 10» (Стржелецкий и др., 2005–2009. Табл. XXIV, 17) и могильнике Заветное (Kühnelt, 2008b. S. 115, 440. Kat. 204. Этот сосуд по химическому составу глины Э. Кюнельт относит к группе C4, которая может быть связана с центрами северо-западной Малой Азии).

5.2. Чаша из погребения 329 (табл. 218, 4) (Журавлев, 2010. Табл. 35. Кат. № 265); размеры: D – 9,3; d – 4,2; H – 4,1 см. Край чаши отогнут и немного приподнят; под краем сделана неглубокая кольцевая бороздка. Дно изнутри немного приподнято в центре. Погребение датируется второй/третьей четвертью II в. н.э.

Столовые амфоры

Форма 1. Амфоры на кольцевом поддоне с вытянутым грушевидным туловом, невысоким прямым горлом. Высокие, приподнятые вверх ручки, подтреугольные или овальные в сечении, прикреплены чуть ниже венчика, часто на разной высоте. На отдельных сосудах заметны вмятины на тулове, образовавшиеся до обжига (Журавлев, 2010. Табл. 36. Кат. № 267–275).

1.1. Венчик либо просто отогнут, либо сделан в виде массивного отогнутого выступа. Под венчиком может быть сделана кольцевая бороздка. Пять амфор из погребений 6 (табл. 6, 13), 8 (табл. 7, 3), 62 (табл. 39, 11), 68 (табл. 42, 8), 145 (табл. 88, 20. Этот сосуд с обломанным в древности венчиком отнесен к данной форме условно). Размеры: D – 4,5–6,7; d – 6,0–9,2; Dmax – 12,9–14,4; H – 20,1–27,6 см. Лак оранжево-коричневый, или оранжево-красный, местами бурый, в одном случае буро-черный, низ не покрыт, подтеки. Глина красноватая, буро-коричневая, красная с мельчайшими включениями блесков (Журавлев, 2010. Табл. 36. Кат. № 267–271).

Амфоры этой формы датируются второй половиной (последней четвертью?) I – первой половиной II в. н.э. Амфоры из погребений 6 и 8 (вторая половина I и последняя четверть I в. н.э. соответственно) и, возможно, из погребения 145 (последняя четверть I – начало II в. н.э.), вероятно, несколько более ранние, чем остальные (погребения 62 и 68 – конец I – первая половина II в.).

Аналогичная амфора из Усть-Альминского некрополя найдена в комплексе последней четверти I – начала II в. н.э. (Пуздровский, 2007а. С. 447), а из могильника Заветное – в комплексе I – первой половины II в. н.э. (Зайцев и др., 2007. С. 252. См. также: Kühnelt, 2008b. S. 68–69, 397. Form A–2, A–2a. Э. Кюнельт относит часть аналогичных сосудов к своей Form A–3: Kühnelt, 2008b. S. 69–70, 399. Kat. No. 14–15).

1.2. Амфора из погребения 122 (табл. 73, 3) (Журавлев, 2010. Табл. 36. Кат. № 272); размеры: D – 5,8; d – 6; H – 19; Dmax – 13,5 см. Глина кирпично-красная, с белыми вклю-

чениями и мелкими блестками. Лак буро-коричневый, местами красно-коричневый, низ не покрыт, подтеки. Тулово вытянуто менее сильно. Узкое вогнутое горло завершается отогнутым венчиком с небольшим выступом на внутреннем крае. На поддоне снаружи сделан валик, а с внутренней стороны – неглубокий желобок. Близкие сосуды известны из некрополя Сливен во Фракии (Ковачев, 1998. Кат. № 22: размеры сосуда несколько меньше, ручки прикреплены по-другому, но тулово и венчик очень близки). Первая половина – середина II в. н.э.

1.3. Венчики амфор загнуты внутрь сосудов. К этому варианту отнесены три амфоры из погребений 135 (табл. 83, 4), 194 (табл. 127, 2) и 206 (табл. 135, 12). Размеры: D – 3,7–5,5; d – 5,3–6,1; Dmax – 11,2–14,4; H – 19,7–22,7 см. Лак светло-оранжевый, или буро-красный, матовый. Глина коричневая, серо-коричневая, красная, часто рыхлая. (Журавлев, 2010. Табл. 36. Кат. № 273–275). Близкие сосуды известны и из других памятников Юго-Западного Крыма: Херсонеса (Белов и др., 1953. Рис. 34), некрополей «Совхоз № 10» (Стржецкий и др., 2005–2009. Табл. XX, 13), Заветное (Kühnelt, 2008b. S. 68–69, 398. Form A–2b. Кат. 10–12) и кургана Мамай-Оба (Зубар, Савеля, 1989. Рис. 3, 8). Датировка этой формы амфор – конец I – первая половина II в. н.э. (Журавлев, 2010).

Форма 2. Амфоры на кольцевом поддоне; тулово шаровидное или вытянутое (Журавлев, 2010. Табл. 37. Кат. № 276–286). Отметим близость сосудов этой формы кувшинам формы 20, от которых они отличаются лишь количеством ручек.

2.1. Амфора из погребения 129 (табл. 78, 3); размеры: D – 4; d – 4,2; Dmax – 11; H – 6,1 см. Лак ярко-красный, покрытие равномерное, низ не покрыт. Глина красная с крупными белыми включениями. Стенки изнутри имеют небольшое рифление (Журавлев, 2010. Табл. 37. Кат. № 276). Стенки горла прямые, венчик слегка подрезан сверху, две кольцевые нарезки в верхней части горла. Первая половина (скорее, первая четверть) II в. н.э.

2.2. Амфора из погребения 311 (табл. 206, 5); размеры: D – 6,6; d – 6,1; H – 23,7; Dmax – 14,6 см (Журавлев, 2010. Табл. 37. Кат. № 277). Тулово сильно вытянуто, венчик отогнут. Погребение датируется второй–третьей четвертями II в. н.э.

2.3. Тулово имеет вытянутую форму, высокое прямое горло, стенки горла иногда слабо вогнуты, венчик прямой. Ручки овальные или желобчатые в сечении. К этой форме относятся две амфоры из погребений 234 (табл. 161, 4) и 262 (табл. 181, 19). Размеры: D – 4,5–5; d – 4,5–6,5; Dmax – 10,3–14,3; H – 16,1–21,3 см. Лак черно-бурый, оранжево-серый, местами – красный, низ не покрыт, подтеки, отпечатки пальцев. Глина светло-коричневая или серая слоистая (Журавлев, 2010. Табл. 37. Кат. № 278–279). Середина–вторая половина II в. н.э.

2.4. Тулово имеет почти шаровидную форму, слегка вытянуто. Венчик отогнут, сверху скруглен или подрезан. У большинства экземпляров по краю поддона сделан желобок. Шесть сосудов из погребений 81 (табл. 49, 6), 106 (табл. 62, 3), 123 (табл. 74, 2), 128 (табл. 77, 3), 232 (табл. 158, 3), 274 (табл. 188, 9). Размеры: D – 4,5–6,2; d – 5,6–6,4; H – 14,3–20,6; Dmax – 10,3–14,2 см. Глина светло-коричневая или серо-коричневая с белыми включениями и блестками слюды, достаточно плотная. Лак от буро-красного, яркого, до почти черного; нижняя часть сосудов не покрыта, подтеки (Журавлев, 2010. Табл. 37. Кат. 280–285).

Аналогичные сосуды известны в других некрополях региона: «Совхоз № 10» (Стржецкий и др., 2005–2009. Табл. XX, 15), Усть-Альминский (Высотская, 1994. Табл. 2, 10; Пуздровский, 2007а. Рис. 176, 5; Труфанов, 2005–2009. Рис. 27), Заветное (Зайцев и др., 2007. Рис. 19, 20; 21, 1). Эта группа столовых амфор может быть отнесена ко II в. н.э.: комплекс погребения 81 датируется приблизительно серединой II в. н.э.; погребения 106 – второй–третьей четвертями II в.; погребения 123 – в пределах второй половины II в. н.э.; последней четвертью II в. может быть датировано погребение 128. Погребение 232 относится ко второй половине II – началу III в. н.э.; экземпляр из погребения 274 – к концу II – первой половине III в. н.э. Также II в. датируется одна амфора из Усть-Альмы (Высотская, 1994. С. 77), а другая относится к последней четверти I – началу II в. н.э. (Пуздровский, 2007а. С. 450). Аналогичный сосуд происходит из могилы 311 могильника Заветное, комплекс которой предварительно датирован второй половиной II – первой половиной III в. н.э. (Зайцев и др., 2007. С. 256). В то же время могила 314 того же некрополя отнесена авторами публикации ко второй половине I – первой половине II в. н.э. (Зайцев и др., 2007. С. 257). Согласно мнению Э. Кюнелта, эта форма амфор в материалах Заветного датируется концом I – началом II в. н.э. При этом она пишет о бытовании сосудов этой формы на протяжении I–III вв. н.э. (Kühnelt, 2008b. S. 71). Эти краснолаковые амфоры в бельбекском некрополе синхронны канфарам формы 34.

Форма 3. Амфоры на кольцевом поддоне с широким почти шаровидным туловом, низким широким горлом; венчик отогнут. К этой форме относятся два сосуда: из погребения 41 (табл. 29, 5) и случайная находка 1969 г. (табл. 226, 6). Размеры: D – 6,1–7,3; d – 7,3–7,5; H – 19–20,3; Dmax – 16,9 см. Глина красно-коричневая с включениями слюды; лак оранжево-красный, с металлическим блеском, нижняя часть сосудов не покрыта (Журавлев, 2010. Табл. 38. Кат. № 286–287). Близкие по форме амфоры происходят из Нимфея (Грач, 1999. С. 162–163. Рис. 77. Табл. 174, 4) и Том (Stoian, 1961. Fig. 2), а в Восточном Средиземноморье – из Пафоса (Hayes, 1991. Fig. 23, 1) и Эфеса (Meriç, 2002. Taf. 8, K64). Комплекс погребения 41 относится ко второй половине (последней четверти?) I в. н.э.

Форма 4. Амфора из погребения 218 (табл. 146, 3); размеры: D – 6,2; d – 5,1; H – 12,4; Dmax – 8,9 см. Глина красно-коричневая; лак от красного до красно-бурого, пятнами; нижняя часть не покрыта, подтеки на поддоне и внутри сосуда (Журавлев, 2010. Табл. 38. Кат. № 288). Тулово вытянутое, горло широкое, венчик слабо отогнут. На дне – кольцевая бороздка. Сосуд датируется второй – третьей четвертью II в. н.э. Аналогичные сосуды известны из Заветнинского некрополя (Kühnelt, 2008b. S. 72, 401. Form A–6. Kat. 26).

Форма 5. Амфора из погребения 118 (табл. 69, 12); размеры: D – 5,4; d – 5,2; H – 13; Dmax – 10,4 см. Глина светло-коричневая, плотная. Лак от красного до буро-черного, покрыт неравномерно (Журавлев, 2010. Табл. 38. Кат. № 289). Грушевидное тулово, широкое горло; венчик слабо отогнут. На кольцевом поддоне сделан выступ. Датируется второй – третьей четвертью II в. н.э., что соответствует и датировкам заветнинских сосудов (Kühnelt, 2008b. S. 72).

Форма 6. Амфоры с приземистым туловом с небольшим ребром, узким высоким горлом, расширяющимся воронкообразно, венчик отогнут и подрезан сверху; на кольцевом поддоне. Ручки – желобчатые или овальные в сечении. К этой форме относятся шесть сосудов из погребений 82 (табл. 51, 3), 84 (табл. 51, 10), 167 (табл. 105, 3), 265 (табл. 184, 8), 331 (табл. 219, 3). Размеры: D – 3,0–4,5; d – 3,5–7,5; Dmax – 8,8–13,2; H – 10,7–15,8 см. Отдельные экземпляры плохо заглажены, видны следы ротации. Лак бурый с отдельными красными пятнами, очень жидкий, или серо-коричневый. Низ не покрыт, подтеки. Глина коричнево-серая, светло-коричневая с красноватым оттенком (Журавлев, 2010. Табл. 38. Кат. № 290–294).

Аналогичные сосуды известны из других некрополей: Усть-Альминского (Пуздровский, 2007a. Рис. 176, 3, 9; Труфанов, 2005–2009. Рис. 28), Заветного (Зайцев и др., 2007. Рис. 9, 37; Kühnelt, 2008b. S. 67, 396. Form A–1. Kat. 1–4)⁷, Кеп (Кунина, Сорокина, 1972. Рис. 7, 30), Кабиле, Ямболско во Фракии (Ковачев, 1998. Кат. № 49). Наиболее ранний экземпляр происходит из погребения 82 (последняя четверть I – начало II в. н.э.), остальные – из комплексов II в. н.э. Погребение 33 относится ко второй половине II в. н.э., а погребение 265 – к концу II – началу III в. н.э. Аналогичные сосуды из погребения 721 и склепа 673/2 Усть-Альминского некрополя датируются последней четвертью I – началом II в. н.э. (Пуздровский, 2007a. С. 450), а в могильнике Заветное – I – первой половиной II в. н.э. (Зайцев и др., 2007. С. 252). В Кепках могила 199 отнесена к последней четверти I – началу II в. (Кунина, Сорокина, 1972. С. 161).

Ойнохои

Краснолаковых ойнохой известно чрезвычайно мало – в основном в Юго-Западном Крыму были распространены красноглиняные изделия без покрытия. В могильнике Бельбек IV они встречены в погребениях конца I – первой четверти II в. н.э.

Форма 1. Приземистая ойнохоя из погребения 67 (табл. 41, 12); размеры: D – 5,3; d – 4,9; H – 11,5 см. Глина красная, достаточно плотная, с белыми включениями. Лак бурый, местами – буро-коричневый, нижняя часть сосуда без покрытия (Журавлев, 2010. Табл. 39. Кат. № 296). На кольцевом поддоне с туловом грушевидной формы. В верхней части горловины – вмятина; ручка прилеплена криво. В нижней части тулова поверхность плохо заглажена. Комплекс относится к концу I – первой половине (первой четверти?) II в. н.э.

Форма 2. Ойнохоя из погребения 212 (табл. 140, 4); размеры: D – 8,3; d – 6; H – 16,6 см. Глина светло-коричневая, плотная; лак бурый (Журавлев, 2010. Табл. 39. Кат. № 297). Высокое тулово грушевидной формы, на невысоком кольцевом поддоне. Близкие по форме ойнохои, но больших размеров, происходят из Добруджи (Rădulescu, 1975. Pl. VIII). Последняя четверть I – начало (первая четверть?) II в. н.э.

⁷ Химический состав двух заветнинских сосудов позволяет отнести их к группе PSIV херсонесского производства.

Кувшины

Форма 1 Кувшин из погребения 160 (табл. 100, 4); размеры: D – 3,8; d – 4,7; D_{max} – 16,5; H – 16,8 см. Глина светло-коричневая. Лак оранжево-красный, местами – красновато-бурый (Журавлев, 2010. Табл. 39. Кат. № 298). На низком кольцевом поддоне, с невысоким широким туловом биконической формы (максимальный диаметр практически равен высоте всего сосуда). Горло высокое и узкое, венчик отогнут, образуя бортик. Сосуд близкой формы, но с иначе оформленным венчиком, происходит из склепа 730 Усть-Альминского некрополя и датируется серединой – третьей четвертью I в. н.э. (Пуздровский, 2007а. Рис. 165, 2). Публикуемый кувшин относится к последней четверти I – началу II в. н.э.

Форма 2. Кувшины на кольцевом поддоне, с туловом биконической формы, невысоким цилиндрическим, реже – воронковидным горлом. Ручка прикреплена в верхней части горла и в середине верхней части тулова (Журавлев, 2010. Табл. 39–42; Кат. № 299–333).

2.1. На тулове, в месте перехода в горло, на некоторых кувшинах сделана вмятина, образующая небольшую «площадку». На одних кувшинах ребро на тулове выделено отчетливо, на других – напротив, сглажено. Горло воронковидное или слегка расширяющееся книзу, стенки могут быть несколько вогнуты. Венчик отогнут, образуя небольшой скругленный или слегка заостренный выступ в виде ребра, и затем слабо загнут внутрь сосуда (у некоторых кувшинов он почти прямой). Край венчика заострен, скруглен или подрезан. В верхней и нижней частях горла – неглубокие желобки. Кольцевой поддон имеет различные очертания и высоту. Ручки в сечении плоские, полукруглые или овальные, с желобками. В верхней части тулова на некоторых сосудах – желобки. У нескольких сосудов в месте перехода тулова в горло – узкий каннелюр. Горло, а у некоторых экземпляров и стенки тулова изнутри имеют рифление. Дно прямое, слабовогнутое или слабовыпуклое. У одного кувшина графито ПРМ (?) на тулове. Это одна из наиболее широко представленных в могильнике форм кувшинов. К ней относятся 28 экземпляров из погребений 2 (табл. 4, 8), 9 (табл. 8, 5), 11 (табл. 9, 11), 22 (табл. 14, 12), 26 (табл. 16, 3), 39(2) (табл. 26, 4), 125 (табл. 75, 4), 130 (табл. 79, 5), 134 (табл. 82, 3), 137 (табл. 84, 2), 149 (табл. 91, 20), 154 (табл. 95, 4), 156 (табл. 96, 4), 161 (табл. 101, 3), 168 (табл. 106, 7а)³, 175 (табл. 111, 10), 182 (табл. 117, 13), 183 (табл. 118, 4), 193 (табл. 126, 4), 195 (табл. 126, 8), 198 (табл. 130, 3), 203 (табл. 133, 5), 204 (табл. 134, 5), 213 (табл. 141, 7), 300 (табл. 202, 18), 301 (табл. 202, 22), 325 (табл. 216, 3), случайная находка 1970 г. (табл. 226, 5). Размеры: D – 4,6–7,4; d – 4,7–8,2; D_{max} – 12,5–18,8; H – 15,7–23,6 см. Глина от розово-красной и светло-коричневой до кирпично-красной, с включением мелких блесков. Лак от оранжево-красного до темно-красного, матовый или с металлическим блеском. Низ не покрыт, подтеки, отпечатки пальцев. Поверхность сосудов часто заглажена достаточно грубо, кое-где комья глины прилипли к стенкам (Журавлев, 2010. Табл. 39–42. Кат. № 299–326).

Аналогичные кувшины найдены во многих памятниках: Херсонес (Кадеев, Сорочан, 1989. Рис. 10, 1), Неаполь Скифский, могила 75 (Сымонович, 1983. Табл. V, 9), некрополи «Совхоз № 10» (Стржелецкий и др., 2005–2009. Табл. XX, 1–7), Усть-Альминский (Высотская, 1994. Табл. 14, 23; Труфанов, 2005–2009. Рис. 37, 3–4), Заветное (Зайцев и др., 2007. Рис. 4, 10. В Заветном найдено несколько кувшинов этой формы: Kühnelt, 2008b. S. 73–74, Kat. 27–33), Красная Заря (Волошинов и др., 2007. Рис. 3, 3), курган Мамай-Оба (Зубар, Савеля, 1989. Рис. 5, 3), Пантикапей (Кунина, Сорокина, 1972. Рис. 6, 62), Мысхако (Онайко, 1983. Рис. 2, 1), Истрия (Histria, 1966. P. 232. Pl. 100, VII, 1; Suceveanu, 2000. Pl. 71).

В материалах некрополя Бельбек IV кувшины этого варианта происходят из могил, дата которых в целом – вторая половина I – первая половина II в. н.э. Из совместных находок с другими краснолаковыми сосудами наиболее показательны тарелки с клеймами *planta pedis*. Комплекс из Пантикапея может быть датирован второй половиной I в. (Кунина, Сорокина, 1972. С. 160), равно как и погребение воина у Мысхако (Онайко, 1983. С. 84) и могила 25 Краснозоринского некрополя (Волошинов и др., 2007. С. 307). Таким образом, суммарно можно отнести эту распространенную форму кувшинов ко второй половине (последней четверти?) I – первой половине II в. н.э. При этом количество погребений первой половины II в. н.э. незначительно, что дает нам возможность говорить о бытовании этого типа посуды в последней четверти I – начале/первой четверти II в. н.э.

2.2. Широкогорлый кувшин из погребения 139 (табл. 85, 6); размеры: D – 7,2; d – 8,3; D_{max} – 17,6; H – 21,5 см. Глина светло-коричневая, рыхлая. Лак светло-коричневый и оранжевый по горлу, темно бордовые подтеки с внутренней стороны, низ не покрыт. Горло с вну-

³ В публикации 2010 г. ошибочно отмечено, что этот кувшин происходит из погребения 169 (Журавлев, 2010. С. 74).

тренней стороны имеет рифление (Журавлев, 2010. Табл. 42. Кат. № 327). На невысоком кольцевом поддоне, с отогнутым венчиком, с внутренней стороны – небольшая закраина. В нижней части слабоогнутого горла – каннелюр. Ручка в сечении овальная, с двумя желобками. Близкий сосуд найден в Усть-Альминском некрополе (Высотская, 1994. Табл. 1, 5, 12). Первая половина II в. н.э.

2.3. Стенки тулова кувшинов имеют некоторую выпуклость, венчик отогнут, край его снаружи подрезан и скруглен; высокий кольцевой поддон, дно прямое. Ручка в сечении подпрямоугольно-желобчатая. Два экземпляра из погребений 226 (табл. 153, 9) и 275 (табл. 188, 15); размеры: D – 5,9–6,9; d – 6,8–7,5; Dmax – 13,2–15,2; H – 16,4–18,2 см. Лак бурый, низкого качества, с подтеками. Глина светло-коричневая, местами красноватая или желто-коричневая, с мелкими блестками. Поверхность кувшинов неровная (Журавлев, 2010. Табл. 42. Кат. № 328–329). Погребения имеют широкую датировку: погребение 226 – вторая половина II в. н.э., погребение 275 – первая половина – середина II в. н.э.

2.4. Горло кувшинов широкое воронковидное, сужается кверху, венчик отогнут. На дне, около поддона, заметен глубокий желобок. Желобки у одного из кувшинов также сделаны в верхней и нижней частях горла. Два кувшина из погребений 90 (табл. 52, 17) и 254 (табл. 175, 27); размеры: D – 7,5–8,1; d – 5,8–7; H – 17,9–18,4; Dmax – 14,9–15,2 см. Глина коричневая, немного слоистая, с блестками и белыми включениями. Лак от красно-коричневого до бурого, низ не покрыт, подтеки. Внутренняя поверхность стенок тулова и горла рифленая (Журавлев, 2010. Табл. 42. Кат. № 330–331). Датировка этой формы определяется в пределах второй четверти – второй половины II в. н.э.

2.5. Невысокий широкогорлый кувшин из погребения 110 (табл. 65, 22); размеры: D – 7,4; d – 6,6; H – 16; Dmax – 14,7 см. Глина желто-красная, с незначительными белыми включениями. Лак темно-красный, местами – бурый, низ не покрыт, подтеки (Журавлев, 2010. Табл. 42; Кат. № 332). Венчик отогнут, ребро резко отделяет очень невысокую верхнюю часть тулова; на горле – желобки. Высокий кольцевой поддон. Ручка в сечении почти круглая, с двумя желобками. Первая половина/середина II в. н.э.

2.6. Кувшин из погребения 191 (табл. 124, 2); размеры: D – 7,3; d – 6,2; H – 16,9; Dmax – 14,4 см. Глина коричневая, с белыми включениями и мелкими блестками. Лак светло-оранжевый, нижняя часть без покрытия (Журавлев, 2010. Табл. 42. Кат. № 333). Высокое воронковидное горло, в нижней части которого сделан валик, а в верхней – желобок; венчик клювовидный. Ручка в сечении уплощенная, с тремя желобками. Кольцевой поддон невысокий, дно плоское. Могила может быть датирована концом I – началом/первой четвертью II в. н.э.

Форма 3. Небольшого размера кувшины с туловом биконической формы, с невысоким прямым или слабоогнутым горлом, на кольцевом поддоне. Эта форма очень близка форме 2, но имеет значительно меньшие размеры (Журавлев, 2010. Табл. 43–44. Кат. № 334–347).

3.1. Массивный венчик кувшинов отогнут, край подрезан снаружи и изнутри, образуя в последнем случае скошенную площадку или небольшое углубление на площадке. У некоторых экземпляров на горле есть неглубокие желобки. Ручки в сечении имеют овальную или четырехугольную форму, с несколькими желобками. 14 экземпляров из погребений 92 (табл. 53, 8), 98 (табл. 57, 2), 105 (табл. 61, 12), 107 (табл. 63, 3), 111 (табл. 66, 2), 113 (табл. 67, 5), 217 (табл. 145, 4), 220 (табл. 147, 4), 235 (табл. 162, 3), 243 (табл. 169, 3), 249 (табл. 172, 3), 263 (табл. 183, 3), 280 (табл. 191, 3), 305 (табл. 205, 7). Размеры: D – 4,9–8,1; d – 3,1–7,0; Dmax – 11,3–15,2; H – 13,2–17,9 см. Глина красно-коричневая с крупными белыми включениями и очень мелкими блестками, или светло-коричневая и серая с белыми включениями и блестками. У одного экземпляра – коричневая, достаточно светлая, рыхлая, с небольшими включениями. По фактуре похожа на глину ESB, но без включений слюды. Лак темно-красный, буро-красный или буро-черный. У одного кувшина лак красно-бурый, местами сургучного цвета, с одного бока обожженный до черноты, низ не покрыт, подтеки (Журавлев, 2010. Табл. 43. Кат. № 334–346).

Аналогичные сосуды были найдены в Херсонесе (Зубарь, 1982. Рис. 45, 4; Кадеев, Сорочан, 1989. Рис. 20, 5), могильниках Заветное (Firsov, 1999. Fig. 10, 2) и Ново-Отрадное 43 (Арсеньева, 1970. Табл. 14, 2 – венчик отогнут сильнее), Пантикапее (Соколова, 1984. Табл. II, 11 – с росписью по тулову и горлу). Материалы бельбекских комплексов дают широкую дату – II в. н.э., могилы 217 и 220 датируются первой половиной II в., погребение 243 – второй–третьей четвертями столетия, но большинство из них относится ко второй половине столетия, например, погребения 105, 263 и 280.

3.2. Кувшин из погребения 29 (табл. 19, 4); размеры: D – 4; d – 5,2; H – 15,7; Dmax – 11,2 см. Глина темно-серая; лак также серо-черного цвета (Журавлев, 2010. Табл. 44. Кат. № 347). Тулово имеет шаровидную форму; горло цилиндрическое. Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Форма 4. Кувшины на кольцевом поддоне, тулово имеет форму близкую к шаровидной, горло цилиндрическое или воронковидное, венчик отогнут. Ручки в сечении уплощенные, овальные, некоторые – с желобками. На некоторых экземплярах на горле – желобки. 11 кувшинов из погребений 71 (табл. 44, 3), 78 (табл. 48, 5), 111 (табл. 66, 2), 117 (табл. 70, 3), 120 (табл. 71, 7), 126 (табл. 76, 3), 208 (табл. 136, 10), 222 (табл. 147, 12), 242 (табл. 168, 21), 246 (табл. 171, 14), 279 (табл. 190, 2). Размеры: D – 4,9–8; d – 6,5–7,4; H – 17,2–22,7; Dmax – 14,3–17 см. Глина у большинства сосудов светло-коричневая или розово-коричневая с блестками слюды, у отдельных красная, с белыми включениями. Лак от оранжево-красного до буро-коричневого, некоторые кувшины имеют покрытие бледно-желтого цвета (Журавлев, 2010. Табл. 44–45. Кат. № 348–361). Приходится признать, что данная форма выглядит несколько аморфной, объединяя сосуды с различными характеристиками.

Аналогичные кувшины происходят из Усть-Альминского некрополя (Пуздровский, 2007а. Рис. 176, 6), Краснозоринского могильника (Волошинов и др., 2007. Рис. 7, 5), а также Калос Лимена (Уженцев, 2006. Рис. 89, 8–9) и Нимфея (Грач, 1999. Табл. 139, 7). Кувшины этой формы бытовали со второй половины I до начала III в. н.э., наибольшее количество сосудов происходит из комплексов II в. н.э. Наиболее позднее погребение 242 относится к концу II – первой половине III в. н.э.

Форма 5. Тулово кувшинов имеет биконическую форму; ребро немного скруглено. Венчик отогнут, образуя бортик над стенками горла, или вогнут. Высокий кольцевой поддон, ручка овальная в сечении (от кувшина из погребения 89 сохранилась только нижняя часть). К этой форме отнесены пять сосудов из погребений 36 (табл. 24, 3), 89 (табл. 52, 14), 115 (табл. 68, 3), 116 (табл. 69, 3), 170 (табл. 106, 11). Размеры: D – 4,0–4,5; d – 5,1–5,4; H – 16,0–17,3; Dmax – 12,5–12,6 см. Глина средне-коричневая, достаточно рыхлая (у одного кувшина – плотная), с включениями блесков. Лак оранжево-красный или бурый, нижняя часть кувшинов без покрытия (Журавлев, 2010. Табл. 46. Кат. № 362–366). Погребение 36 относится к первой половине II в. н.э. Могилы 115 и 116 датируются второй–третьей четвертями II в. н.э. Подобный сосуд происходит и из могильника Заветное (Kühnelt, 2008b. S. 80, 408. Кат. 53).

Форма 6. Кувшин из погребения 61 (табл. 39, 7); размеры: D – 3; d – 6,2; Dmax – 13; H – 17,1 см. Глина красно-коричневая, с включениями блесков слюды. Лак оранжево-красный, местами бурый, неровный, низ не покрыт, подтеки (Журавлев, 2010. Табл. 46. Кат. № 367). Тулово шаровидное, невысокое узкое прямое горло, венчик загнут внутрь сосуда, образуя ребро, слегка нависающее над горлом, в верхней части венчика – желобок. Внутренняя поверхность горла и тулова имеет рифление. В верхней части тулова – два неглубоких желобка. Высокий неширокий кольцевой поддон, дно плоское, имеет два кольцевых желобка. Ручка в сечении овальная, уплощенная, с тремя желобками. Аналогичные сосуды известны из Пантикапея (Соколова, 1984. Табл. I, 5 – с орнаментом *en barbotine*) и Ново-Отрадного (Арсеньева, 1970. Табл. 18, 6). Известны близкие по форме сосуды и в Восточном Средиземноморье, в частности в Тарсе (Jones, 1950. Pl. 170, D) и некрополе Самофраки (Dusenbery, 1998. P. 811. S192–1). Несколько сосудов близкого облика с орнаментацией *en barbotine* из различных музеев было опубликовано Д.К. Хилл (Hill, 1946. Fig. 3–6). Погребение 61 относится к концу I – первой половине II в. н.э.

Форма 7. Кувшин из погребения 75 (табл. 46, 7); размеры: D – 5,1; d – 6,3; Dmax – 13,8; H – 23 см. Глина светло-коричневая, с включениями блесков. Лак коричнево-красный, местами бурый, покрывает сосуд очень тонким слоем (Журавлев, 2010. Табл. 46. Кат. № 368). Тулово шаровидной формы, высокое очень узкое горло; венчик отогнут, образуя изнутри широкую закраину. Стенки горла очень слабо вогнуты. Само горло неровное, стенки тулова и горла изнутри имеют рифление. В верхней части горла и тулова – по два неглубоких желобка. Ручка в сечении овальная, с глубоким желобком, прилеплена несколько криво. Высокий кольцевой поддон, дно слабо вогнуто в центре. Комплекс этой могилы датируется первой четвертью II в. н.э.

Форма 8. Кувшины с шаровидным или слабо расширяющимся кверху туловом, высоким воронковидным горлом, на достаточно высоком кольцевом поддоне. Венчик отогнут, образуя выступ-ребро, затем загнут внутрь сосуда, у некоторых экземпляров загнут. На горле

некоторых сосудов – желобки. Ручки в сечении уплощенные, с желобками. Семь кувшинов из погребений 114 (табл. 67, 12), 119 (табл. 71, 2), 133 (табл. 79, 30), 158 (табл. 98, 3), 178 (табл. 115, 7), 179 (табл. 116, 3), 189 (табл. 123, 5). Размеры: D – 4,0–4,9; d – 4,4–7,0; Dmax – 12,3–15,4; H – 17,7–21,1 см. Глина светло-коричневая с включениями блесков, пустотами или красная, рыхлая. Лак оранжево-красный, низ не покрыт, подтеки (Журавлев, 2010. Табл. 47. Кат. № 369–375).

Аналогичные сосуды происходят из некрополя «Совхоз № 10» (Стржелецкий и др., 2005–2009. Табл. XXIV, 8) и Нимфея (Грач, 1999. Табл. 61, 4). Определенное сходство имеют и кувшины из Усть-Альминского некрополя, относящиеся к более раннему времени (Пуздровский, 2007а. Рис. 166, 2–4), а также серия горгиппийских кувшинов (Алексеева, 1997. Табл. 214, 1, 2, 4, 5). Первая половина II в. н.э.

Форма 9. Кувшины с туловом вытянутой яйцевидной формы, узким высоким горлом, на кольцевом поддоне (Журавлев, 2010. Табл. 48. Кат. № 376–377).

9.1. Кувшин из погребения 38 (табл. 25, 8); размеры: D – 4,0; d – 5,2; Dmax – 13,6; H – 20,1 см. Глина красно-коричневая, с включениями слюды. Лак не сохранился. Горло с очень толстыми рифлеными изнутри стенками завершается венчиком, сперва отогнутым, затем загнутым внутрь, образующим заостренный выступ-ребро. Массивный невысокий кольцевой поддон, дно изнутри почти прямое, снаружи в центре – сильно выпуклое. По всей поверхности сосуда криво прочерчены многочисленные линии. Ручка в сечении овальная, желобки с двух сторон. Близкий сосуд происходит из некрополя Нимфея (Грач, 1999. Табл. 176, 5). Последняя четверть I – начало II в. н.э.

9.2. Большой кувшин из погребения 19 (табл. 12, 4); размеры: D – 7,0; d – 10; Dmax – 20,9; H – 32,5 см. Глина красно-коричневая, хорошо отмучена. Лак оранжево-красный, с темными пятнами. Горло прямое, венчик отогнут, образуя выступ в виде ребра, затем прямой, край его скруглен. На горле снаружи и изнутри сделаны неглубокие желобки. Невысокий массивный кольцевой поддон. Ручка в сечении овально-желобчатая. Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Форма 10. Кувшин из погребения 33 (табл. 21, 11); размеры: D – 2,9; d – 5,6; Dmax – 11,2; H – 19,5 см. Глина розово-красная. Лак красно-оранжевый, местами бурый (Журавлев, 2010. Табл. 48. Кат. № 378). Тулово вытянутой яйцевидной формы, горло цилиндрическое, венчик слабо отогнут, образуя выступ, затем несколько вогнут внутрь, край подрезан и скруглен. Невысокий кольцевой поддон, ручка в сечении уплощенная, с двумя желобками. На дне сосуда граффито НА. Близкие сосуды известны из Херсонеса (Кадеев, Сорочан, 1989. С. 108. Прим. 189) и Пантикапея (Кунина, Сорокина, 1972. Рис. 6, 64; Соколова, 1984. Табл. II, 10). Вторая половина I – начало II в. н.э.

Форма 11. Тулово кувшина имеет овально-вытянутую форму. Горло невысокое, прямое, несколько расширяется книзу, в середине имеет скругленный выступ в виде валика (Журавлев, 2010. Табл. 48–49. Кат. № 379–387).

11.1. Венчик кувшинов отогнут, край его скруглен. Ручка в сечении овально-желобчатая или подтреугольная, прикреплена верхним краем к выступу в средней части горла. Невысокий узкий кольцевой поддон, дно прямое. Шесть сосудов из погребений 12 (табл. 8, 13), 18 (табл. 11, 10), 22 (табл. 14, 15), 58 (табл. 37, 4), 69 (табл. 42, 17), 312 (табл. 208, 7). Размеры: D – 3,0–3,7; d – 4,6–6,8; Dmax – 10,7–14,2; H – 14,1–19,7 см. Глина красно-коричневая, рыхлая, с включениями блесков слюды. Лак оранжево-красный, местами бурый; темно-красный; буро-коричневый. Низ не покрыт, подтеки (Журавлев, 2010. Табл. 48. Кат. № 379–384).

Аналогичные сосуды происходят из «Совхоза № 10» (Стржелецкий и др., 2005–2009. Табл. XXII), Неаполя Скифского (Сымонович, 1983. Табл. V, 5), Усть-Альминского некрополя (Высотская, 1994. Табл. 23, 12; 34, 17; Пуздровский, 2007а. Рис. 176, 8; Труфанов, 2005–2009. Рис. 38–39), Заветного (Firsov, 1999. Fig. 10, 3; Kühnelt, 2008b. S. 425–427. Form K–10a), Херсонеса (Кадеев, 1970. Рис. 11, 6), Танаиса (Шелов, 1961. Табл. XXVIII, 4), Ново-Отрадного (Арсеньева, 1970. Табл. 14, 6), Кеп (Кунина, Сорокина, 1972. Рис. 8, 45), Истрии (Suceveanu, 2000. Pl. 68–69. Туре XLV) и других памятников Добруджи (Rădulescu, 1975. Pl. X, 3). Близкие по характеру оформления венчики известны в Средиземноморье, например в Тель Анафа (Berlin, 1997. Pl. 10, PW59–62). Комплексы могильника Бельбек IV относятся к концу I – началу II в. н.э., что соответствует и датировке усть-альминского кувшина (Пуздровский, 2007а. С. 450).

11.2. Кувшин из погребения 24 (табл. 15, 2); размеры: D – 2,4; d – 5,5; Dmax – 10,3; H – 14,5 см. Глина светло-коричневая с незначительным включением блесков. Лак темно-красно-оранжевый, матовый, местами бурый. Низ не покрыт, затеки (Журавлев, 2010.

Табл. 49. Кат. № 385). Стенки горла прямые, небольшой скругленный выступ в верхней части горла. Венчик слабо отогнут, край его подрезан с внутренней стороны. Поддон невысокий, дно прямое и плоское. Ручка имеет полукругло-желобчатое сечение. Подобный кувшин, но с более низким горлом происходит из Херсонеса (Кадеев, Сорочан, 1989. Рис. 23, 5). Комплекс погребения 24 датируется второй половиной (скорее, последней четвертью) I в. н.э.

11.3. Кувшин из погребения 228 (табл. 156, 7); размеры: D – 3,6; d – 7,4; Dmax – 13; H – 17,6 см. Глина розовая с включением мелких блесков. Лак оранжево-красный, с подтеками, низ не покрыт, отпечатки пальцев (Журавлев, 2010. Табл. 49. Кат. № 386). Форма тулова более аморфна, стенки горла несколько вогнуты; венчик оформлен как утолщение стенок сосуда, край его подрезан и скруглен. Поддон невысокий, дно прямое и плоское. Ручка в сечении четырехугольная, с двумя желобками, прилеплена криво. Отделка поверхности небрежная, стенки неровные. Могила датируется второй – третьей четвертью II в. н.э. Достаточно близкий кувшин из Тиритаки (Бейлин, Зинько, 2007. Рис. 1, 8) датируется авторами публикации II–III вв.

11.4. Кувшин из погребения 236 (табл. 162, 24); размеры: D – 2,3; d – 5,7; Dmax – 11,5; H – 17,2 см. Глина желто-коричневая, тонкая, хорошо отмучена. Лак оранжево-красный, матовый (Журавлев, 2010. Табл. 49. Кат. 387). Горло прямое, слегка рифленое с внутренней стороны, выступ в середине горла практически незаметен. Венчик отогнут, образуя подрезанный выступ-ребро, затем загнут внутрь сосуда, край заострен. Кольцевой поддон невысокий, дно изнутри слабо вогнуто, на дне кувшина, у поддона, снаружи имеется небольшой валик. Вторая–третья четверти II в. н.э.

Форма 12. Толстостенные кувшины на кольцевом поддоне, тулово по форме близко к шаровидному, но слегка вытянуто, с максимальным расширением в средней части; горло сосудов невысокое (Журавлев, 2010. Табл. 49. Кат. № 388–389).

12.1. Кувшин из погребения 260 (табл. 181, 3); размеры: D – 4,0; d – 5,7; Dmax – 10,5; H – 13,5 см. Глина коричневая, плотная, с очень мелкими включениями слюды. Лак светло-коричневый, жидкий, низ не покрыт, подтеки. Поверхность сосуда плохо заглажена. Горло воронковидное, с выступом в середине. Венчик оформлен в виде утолщения стенок сосуда, отогнут наружу с небольшим выступом внутрь. Верхний край венчика подрезан, образуя площадку. Кольцевой поддон неширокий, дно слабо вогнуто. На ручке сделано два желобка. Погребение 260 расположено на участке конца II – начала III в. н.э. Аналогичный по форме кувшин из Мысхако найден в комплексе первой половины III в. н.э. (Dmitriev et al., 1999. S. 454–455. Abb. 12, 5), что подтверждает правильность нашей датировки.

12.2. Кувшин из погребения 248 (табл. 172, 1); размеры: D – 1,9; d – 5,0; Dmax – 10,2; H – 12,8 см. Глина коричнево-красная, плотная, с мелкими известковыми включениями. Лак красно-бурый, очень плохой сохранности. Горло прямое, стенки слегка вогнуты. Венчик оформлен в виде слабо отогнутого утолщения стенок, завершающегося загнутым внутрь небольшим выступом, заостренным на конце. Стенки сосуда массивные, имеют небольшое рифление на горле и в верхней части тулова. Кольцевой поддон невысокий, дно снаружи в центре выпукло. Ручка в сечении близка овальной. Сравнительно близкий сосуд найден в Усть-Альминском некрополе (Труфанов, 2005–2009. Рис. 39, 8). Рубеж II–III вв. н.э.

Форма 13. Кувшин из погребения 239 (табл. 166, 4); размеры: D – 3,7; d – 3,5; H – 15,4; Dmax – 9,4 см. Глина светло-серая, плотная. Лаковое покрытие отсутствует (Журавлев, 2010. Табл. 49. Кат. № 390). Тулово яйцевидной формы; горло слабо расширяется, завершаясь широким раструбом. Край венчика скруглен. Ручка в сечении овальная. Планиграфически комплекс погребения датируется второй половиной II в. н.э.

Форма 14. Кувшины с вытянутым туловом цилиндрической формы, переход от стенок тулова к плечам скруглен; на кольцевом поддоне. Горло также цилиндрическое, у двух экземпляров – неглубокий желобок в верхней части горла. В верхней части горла под венчиком – большой выступ в виде ребра подтреугольной или округлой формы. Венчик имеет очертания, близкие к венчикам кувшинов формы 11. Ручка уплощенная, с двумя желобками. Нижний ее край прикреплен в месте перехода тулова в плечи сосуда. Наружная поверхность сосуда не всегда хорошо заглажена. Три сосуда из погребений 40 (табл. 28, 2), 205 (табл. 135, 4) и 209 (табл. 137, 5). Размеры: D – 5,2–5,5; d – 6,0–6,3; Dmax – 11,5–11,9; H – 18,1–20 см. Глина красно-черная, с дресвой (?) или темно-коричневая, или же красно-розовая с блестками. Лак красно-бурый, оранжево-красный, ровный, густой, без блеска, у одного экземпляра – с буро-черными затеками. Низ не покрыт, подтеки

(вероятно, разница в цвете глины и лака объясняется особенностями обжига) (Журавлев, 2010. Табл. 49. Кат. № 391–393). Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Форма 15. Невысокий широкий кувшин из погребения 153 (табл. 94, 16); размеры: D – 8,5; d – 10,6; Dmax – 14,2; H – 15,8 см. Глина коричневая, очень плотная. Лак пятнами: бурый, коричневый, серый, жидкий. Низ сосуда лаком не покрыт, двойное покрытие на стенке (Журавлев, 2010. Табл. 50. Кат. № 394). Тулово цилиндрической формы, стенки немного расширяются кверху. Стенки имеют рифление с внутренней стороны. Изнутри в месте перехода тулова в горло – выступ-ребро. Стенки горла слабо вогнуты и имеют небольшой выступ, а в нижней части горла – неглубокий желобок. Венчик отогнут перпендикулярно стенке горла, край его скруглен, верхняя часть венчика – плоская сглаженная площадка. Дно плоское, без поддона. Ручка небольшая, петлевидная, с тремя неглубокими желобками. Полностью идентичные сосуды нам неизвестны, у всех близких по форме сосудов хорошо заметны отличия в деталях, например, у кувшинов из Усть-Альминского могильника (Высотская, 1994. Табл. 36, 1; см. также: Труфанов, 2005–2009. Рис. 37, 2) или Херсонеса (Дьячков, 1998. Рис. 4). Комплекс погребения может быть отнесен ко второй половине I – началу II в. н.э.

Форма 16. Кувшин из погребения 324 (табл. 215, 13); размеры: D – 5,6; d – 7,1; H – 20,4; Dmax – 11,3 см. Глина красно-коричневая, рыхлая. Лак темно-красный, местами коричневый, практически полностью стерт; отпечатки пальцев у верхнего прилепа (Журавлев, 2010. Табл. 50. Кат. № 395). Высокое цилиндрическое тулово, слабо расширяющееся кверху, узкое горло. Венчик отогнут и скруглен на конце. Кольцевой поддон невысокий, снаружи дно в центре слабо вогнуто. Вторая половина II – начало III в. н.э. Близкий кувшин происходит из Заветнинского могильника (Kühnelt, 2008b. S. 92, 424. Form K–9. Kat. 121).

Форма 17. Кувшин из погребения 174 (табл. 111, 2); размеры: D – 4,4; d – 15,6; Dmax – 19,2; H – 21,9 см. Глина кирпично-красная. Лак оранжево-красный, низ не покрыт (Журавлев, 2010. Табл. 50. Кат. № 396). Тулово имеет грушевидную форму, резко срезано в нижней части; горло невысокое, венчик имеет небольшой выступ и загнут внутрь, его край заострен. Верхний край желобчатой в сечении ручки прикреплен в средней части горла, нижний – в верхней части тулова. Под горлом – врезной каннелюр. Дно кувшина плоское, лишь слегка вогнутое к центру, по краю – неглубокий кольцевой желобок. Последняя четверть I в. н.э.

Форма 18. Кувшины с туловом полусферической формы, резко подрезаны в нижней части (Журавлев, 2010. Табл. 50–51. Кат. № 397–411).

18.1. Тулово кувшинов невысокое, приземистое, стенки горла прямые или слабо вогнутые внутрь, могут иметь изнутри желобчатую поверхность. Венчик имеет выступ в виде ребра, затем слабо загнут вовнутрь, край его подрезан или скруглен. В верхней части горла могут быть сделаны два неглубоких желобка. Ряд кувшинов изготовлен на невысоком кольцевом поддоне, у остальных дно плоское. На дне одного сосуда около поддона сделан кольцевой желобок. Желобчатые в сечении ручки одним концом прикреплены в средней части горла, а другим – почти в средней части тулова. Девять кувшинов происходят из погребений 109 (табл. 65, 4), 112 (табл. 66, 18), 121 (табл. 72, 2), 127 (табл. 74, 10), 214 (табл. 142, 2), 251 (табл. 173, 3), 255 (табл. 176, 4), 256 (табл. 176, 8), 322 (табл. 215, 3). Размеры: D – 5,2–6,3; d – 10,2–14,1; Dmax – 14–18,8; H – 15,6–19,6 см. Глина светло-коричневая, розовато-красная с мелкими включениями блесков и дресвы, красная с крупными включениями песка и дресвы, серо-коричневая с очень редкими включениями блесков, светло-коричневая, местами серая, с включениями блесков. Лак оранжево-красный, местами темно-бурый, серо-коричневый, бурый или серо-коричневый с блеском, у одного экземпляра – двойное покрытие. Нижняя часть сосудов не покрыта (Журавлев, 2010. Табл. 50–51. Кат. № 397–405).

Аналогичные кувшины найдены в некрополях Неаполя Скифского (Сымонович, 1983. Табл. V, 10), «Совхоз № 10» (Стржелецкий и др., 2005–2009. Табл. XXI, 9), Усть-Альминском (Высотская, 1994. Табл. 3, 12; Zaitsev, 2002. Fig. 3, 4; Труфанов, 2005–2009. Рис. 36); Заветном (Богданова, 1989. Табл. III, 18–19; Kühnelt, 2008b. S. 76–77. Form K–2. Kat. 37–42), Херсонесе (Кадеев, Сорочан, 1989. Рис. 3, 6) и Нимфее (Грач, 1999. С. 49. Табл. 34, 5; 152, 6; 177, 5), а также в погребении у с. Константиновка (Орлов, Скорый, 1989. Рис. 3, 2). Э.А. Сымонович относит комплекс погребения с подобным сосудом ко II–III вв. (Сымонович, 1983. С. 75). К.К. Орлов и С.А. Скорый датируют погребение, из которого происходит аналогичный кувшин, концом I – первой половиной II в. (Орлов, Скорый, 1989. С. 72–73). На основании изучения кувшинов из могильника Бельбек IV можно сделать вывод об их длительном бытовании на протяжении всего II в. н.э.

Комплекс могилы 344 некрополя Заветное, в котором был обнаружен близкий по форме, но более вытянутый кувшин, относится авторами публикации ко второй половине I в. н.э.: Волошинов, Масякин, 2007. С. 294, рис. 8, 7. Три погребения (112, 121 и 127) относятся к первой половине II в. н.э. Остальные комплексы датируются второй половиной II в. н.э. Так же датирует сосуды этого облика и Э. Кюнелт (*Kühnelt*, 2008b. S. 77).

18.2. Толстостенный кувшин из погребения 165 (табл. 104, 3); размеры: D – 5,3; d – 11,5; Dmax – 15,6; H – 18,2 см. Глина коричнево-красная, плохо отмученная, с крупными включениями. Лак буро-красный, местами бордовый, низ не покрыт, подтеки (*Журавлев*, 2010. Табл. 51. Кат. № 406). Горло воронковидное, венчик имеет снаружи скругленный выступ в виде ребра, край венчика скруглен, на его внутренней стороне – неглубокий желобок. Сосуд на кольцевом поддоне, около поддона на донце – неглубокий желобок. Дно неровное, слабо вогнуто в средней части. Ручка в сечении желобчатая. Близкий сосуд известен из Усть-Альминского некрополя (*Высотская*, 1994. Табл. 11, 8). Первая половина II в. н.э.

18.3. Тулово более вытянуто, горло невысокое, прямое или слабоогнутое. Венчик отогнут, затем слабо вогнут, имеет снаружи выступ в виде ребра, край скруглен. Дно прямое, плоское, по его краю – широкий кольцевой желобок. Два экземпляра из погребений 185 (табл. 119, 5) и 188 (табл. 122, 6); размеры: D – 5,3–5,7; d – 10,1–10,3; Dmax – 14,1–14,9; H – 18,7–19,3 см. Глина красная с белыми включениями. Лак оранжевый или бурый, невысокого качества, низ не покрыт, подтеки, в настоящее время лак отслаивается (*Журавлев*, 2010. Табл. 51. Кат. № 407–408). Вторая половина II в. н.э.

18.4. Тулово кувшинов вытянуто, горло невысокое, воронковидное. У одного сосуда верхняя часть тулова имеет рифление. Венчик имеет заостренный на конце выступ в виде ребра, край его подрезан, образуя сверху площадку. Дно плоское, у одного из кувшинов – слабо вогнуто в центре, снаружи выделено небольшим выступом (у одного – скругленным, у другого – с резкими контурами); один из сосудов имеет кольцевой поддон. Три сосуда этой формы происходят из погребений 267 (табл. 185, 9), 295 (табл. 199, 4) и 320 (табл. 214, 26). Размеры: D – 5,3–6,7; d – 10,1–12,8; Dmax – 15,5–18,1; H – 19,6–23 см. Глина коричнево-красная, светлая, или красноватая с оранжевым оттенком, с включением мелких блесков. Лак буро-оранжево-красный, или бурый, местами черно-бурый. Низ не покрыт, подтеки. На тулове одного кувшина – вмятина (деформация при формовке или обжиге?) (*Журавлев*, 2010. Табл. 51. Кат. № 409–411). Близкий кувшин найден в Усть-Альминском некрополе (*Высотская*, 1994. Табл. 13, 16). Вторая половина II – начало III в. н.э.

Форма 19. Кувшины с туловом вытянутой яйцевидной формы, невысоким широким горлом с вогнутыми стенками, переход стенок тулова в горло плавный; на кольцевом поддоне (*Журавлев*, 2010. Табл. 52. Кат. № 412–419).

19.1. Кувшин из погребения 1 (табл. 4, 4); размеры: D – 8,1; d – 7,2; Dmax – 15,3; H – 21 см. Глина коричневая, плотная. Лак бурый, местами черновато-коричневый или оранжевый; покрытие неровное, низ не покрыт, подтеки (*Журавлев*, 2010. Табл. 52. Кат. № 412). Венчик отогнут наружу и завершается сверху небольшим выступом. По горлу сделаны три неглубоких желобка. Кольцевой поддон высокий, неширокий, подпрямоугольной в сечении формы, дно изнутри плоское, снаружи, около поддона, сильно вогнуто. В месте перехода горла в тулово – каннелюр, по тулову в его верхней части – неглубокий желобок. Близкие кувшины известны из Неаполя Скифского (*Симонович*, 1983. Табл. VI, 7, 10). Погребение 1 датируется концом I – началом II в. н.э.

19.2. Кувшины с вытянутым туловом, низким вогнутым горлом. Венчик сосуда отогнут, край его подрезан с внешней стороны или скруглен. У нескольких кувшинов тулово изнутри имеет рифление. Кольцевой поддон имеет различную высоту (в основном – низкий) и сечение. Ручки в сечении овальные, иногда – с желобками. Шесть кувшинов этой формы происходят из погребений 56 (табл. 36, 17), 59 (табл. 38, 3), 66 (табл. 41, 7), 132 (табл. 81, 3), 138 (табл. 84, 9), 155 (табл. 95, 13). Размеры: D – 7,1–8,4; d – 6,4–9,1; Dmax – 13,6–16,2; H – 16,8–23,8. Глина светло-коричневая или коричнево-красная, с известковыми включениями и блестками или без них. Лак различных оттенков – от оранжевого до бурого или темно-бурого, местами черный, коричнево-красный, пятна; низ не покрыт, подтеки. У одного кувшина на тулове – вмятина. Поверхность некоторых сосудов плохо заглажена (*Журавлев*, 2010. Табл. 52. Кат. № 413–418). Аналогичные сосуды известны из Херсонеса (*Кадеев*, 1970. Рис. 11, 1), Неаполя Скифского (*Симонович*, 1983. Табл. V, 6), некрополя «Совхоз № 10» (*Стржелецкий и др.*, 2005–2009. Табл. XX, 11) и Кеп (*Кунина, Сорокина*, 1972. Рис. 8, 52). Эта форма может быть датирована концом I – первой половиной II в. н.э.

19.3. Кувшин из погребения 148 (табл. 91, 5); размеры: D – 7,0; d – 6,3; H – 19,1; Dmax – 14,5 см. Глина красно-коричневая, рыхлая, с включениями слюды. Лак оранжево-красный, низ не покрыт, подтеки (Журавлев, 2010. Табл. 52. Кат. № 419). Горло более высокое, чем у сосудов формы 19.2, венчик отогнут, на ручке – два желобка. Дата погребального комплекса – вторая или, скорее, третья четверть II в. н.э.

Форма 20. Кувшины с туловом округлой, иногда – немного вытянутой формы (Журавлев, 2010. Табл. 53–55. Кат. № 420–439).

20.1. Стенки горла кувшинов сильно вогнуты, венчик отогнут, образуя массивный выступ-ребро, затем слабо вогнут внутрь сосуда, край его подрезан изнутри. Кольцевой поддон имеет различную высоту и конфигурацию, дно сильно вогнуто изнутри. Ручки в сечении овальные, сильнопрофилированные, с несколькими желобками. Семнадцать кувшинов из погребений 54 (табл. 35, 21), 104 (табл. 61, 4), 171 (табл. 109, 4), 187 (табл. 121, 7), 216 (табл. 142, 12), 241 (табл. 167, 3), 245 (табл. 170, 7), 258 (табл. 179, 3), 259 (табл. 180, 5), 261 (табл. 182, 4), 285 (табл. 194, 19), 286 (табл. 195, 3), 287 (табл. 196, 3), 292 (табл. 197, 9), 296 (табл. 200, 2), 310 (табл. 207, 3), 326 (табл. 217, 3). Размеры: D – 6,6–7,8; d – 6,0–8,0; Dmax – 15,2–17,1; H – 21,9–23,2 см. Лак оранжево-красный, в некоторых местах – красно-бурый, низ не покрыт, подтеки. Глина розово-красная, светлая или светло-коричневая, с белыми включениями или блестками (Журавлев, 2010. Табл. 53–54. Кат. № 420–437). Похожие кувшины найдены в могиле 26 Усть-Альминского некрополя (Высотская, 1994. Табл. 6, 17), Заветном (Kühnelt, 2008b. S. 77–80, 409–410. Form K–3b. Kat. 54–62), Нимфее (Грач, 1999. С. 141. Рис. 64. Табл. 165, 6), Горгиппии (Алексеева, 1997. Табл. 215, 4), Romula (Babes, 1970. Abb. 9c). Датировка этой формы кувшинов – конец II – первая половина III в. н.э. Из этой даты выбивается лишь сосуд из погребения 310, датированного значительно более ранним временем.

20.2. Тулово кувшинов широкое, горло низкое, венчик отогнут. В верхней части тулова, под горлом, могут быть сделаны желобки или валики. Ручки в сечении близки овальным, с несколькими желобками. Два сосуда из погребений 163 (табл. 102, 2) и 173 (табл. 108, 20); размеры: D – 7,2–7,4; d – 8–9,9; H – 22,5–23,3; Dmax – 18,5–19,1 см. Глина светло-коричневая, с пустотами в тесте. Лак оранжево-красный, с пятнами более темного цвета, низ не покрыт, подтеки (Журавлев, 2010. Табл. 55. Кат. № 438–439). Вторая половина II в. н.э.

Форма 21. Кувшины с туловом грушевидной формы, невысоким горлом с вогнутыми стенками, венчик отогнут. Верхний прилеп ручки находится на горле кувшина; ручка в сечении обычно уплощенная, с двумя-тремя желобками. Кувшины на кольцевом поддоне; дно плоское или слабо вогнуто снаружи в центре. Кувшин из погребения 304 выделяется массивностью стенок. К этой форме отнесены семь кувшинов из погребений 34 (табл. 23, 3), 97 (табл. 56, 4), 142 (табл. 87, 3), 147 (табл. 90, 15), 164 (табл. 103, 3), 210 (табл. 138, 3), 304 (табл. 203, 10). Размеры: D – 7,0–10,2; d – 6,1–9,1; H – 16,5–22,1; Dmax – 13,4–17,1 см. Глина светло-коричневая или коричнево-красная с мелкими включениями блесток слюды. Лак от оранжево-красного до черно-бурого, нижняя часть не покрыта, подтеки (Журавлев, 2010. Табл. 55. Кат. № 440–446).

Аналогии этим кувшинам известны в Усть-Альминском некрополе (Высотская, 1994. Табл. 9, 1; Пуздровский, 2007а. Рис. 177, 1), Битакском могильнике (Пуздровский, 2001. Рис. 3, 1), а также Заветном (Богданова, 1989. Табл. III, 2). Большинство публикуемых нами сосудов относится к последней четверти или концу I – первой четверти II в. н.э. Лишь погребение 142 датируется приблизительно серединой II в. н.э. (кувшин из этого комплекса имеет меньшие размеры, чем остальные, что, возможно, является хронологическим признаком). А.Е. Пуздровский относит близкие сосуды к первой половине II в. н.э. (Пуздровский, 2001. С. 125) или ко второй–третьей четвертям столетия (Пуздровский, 2007а. С. 451).

Форма 22. Кувшины на кольцевом поддоне с туловом грушевидной формы, которое завершается отогнутым венчиком со скругленным или слабо подрезанным краем (Журавлев, 2010. Табл. 56. Кат. № 447–459).

22.1. Изнутри тулово двух сосудов рифленое, снаружи имеет каннелюр – валик, а на венчике – два неглубоких широких желобка. Кольцевой поддон невысокий, неширокий, дно прямое или несколько вогнуто. Ручка прикреплена, в отличие от других сосудов, в средней части тулова (верхние прилепы ручки обычно закрывают каннелюр). Три кувшина из погребений 50 (табл. 34, 6), 65 (табл. 41, 3) и 150 (табл. 93, 3). Размеры: D – 7,8–8,3; d – 6,7–7,9; Dmax – 12,8–13,9; H – 15,9–18,4 см. Лак красный, бурый, или красно-бурый, пятнами. Низ не покрыт. Глина оранжево-коричневая или кирпично-красная (Журавлев,

2010. Табл. 56. Кат. № 447–449). Близкие сосуды происходят из Усть-Альминского некрополя (Высотская, 1994. Табл. 7, 15; 9, 1 и др.; Пуздровский, 2007а. Рис. 167, 5, 7, 8; Труфанов, 2005–2009. Рис. 31, 5–6), Заветного (Kühnelt, 2008b. S. 89–92, 422. Form K–8a) и Херсонеса (Кадеев, Сорочан, 1989. Рис. 10, 2). Кувшины этой формы относятся к последней четверти I – первой четверти II в. н.э.

22.2. Кувшины тех же очертаний, но значительно меньшего размера. Десять экземпляров из погребений 10 (табл. 7, 12), 19 (табл. 12, 2), 20 (табл. 13, 3), 30 (табл. 20, 4), 32 (табл. 22, 2), 33 (табл. 21, 13), 44 (табл. 28, 16), 45 (табл. 30, 5), 51 (табл. 34, 12), 58 (табл. 37, 2). Размеры: D – 4,8–6,8; d – 3,9–5,1; H – 8–12,8. Глина красно-коричневая, у отдельных экземпляров с белыми включениями и блестками. Лак от оранжево-красного до бурого, нижняя часть не покрыта, подтеки (Журавлев, 2010. Табл. 56. Кат. № 450–459). По форме и размерам эти небольшие кувшины близки к кружкам, о чем косвенно могут свидетельствовать и находки таких сосудов в погребении 19 вместе с кувшином формы 9.2, в погребении 33 – с кувшином формы 10; в погребении 58 – с кувшином формы 11.1. Подобные сосуды также были найдены в могильниках Заветное (Зайцев и др., 2007. С. 253, рис. 13, 1; Kühnelt, 2008b. S. 422. Form K–8b) и Усть-Альминском (Труфанов, 2005–2009. Рис. 31, 9). Вторая половина (последняя четверть) I – начало II в. н.э.

Форма 23. Невысокие кувшины с яйцевидным туловом, низким горлом, венчик слабо отогнут, край его скруглен. На горле могут быть сделаны один-два желобка. Высокий узкий кольцевой поддон, дно плоское. На ручке сделано несколько желобков. Пять кувшинов из погребений 173 (табл. 108, 21), 211 (табл. 139, 3), 224а (табл. 154, 7), 227 (табл. 155, 6), 234 (табл. 161, 3). Размеры: D – 5,3–6,7; d – 4,5–5,5; Dmax – 10–11; H – 10,6–13 см. Глина серо-коричневая или коричнево-красная, с очень мелкими белыми включениями. Лак буро-черный, низ и внутренняя часть – без покрытия; светло-оранжевый, с бурыми пятнами; достаточно жидкий. Отпечатки пальцев. Подтеки в нижней части тулова (Журавлев, 2010. Табл. 56. Кат. № 460–464). Близкие кувшины найдены в Усть-Альминском некрополе (Пуздровский, 2007а. Рис. 177, 7) и Неаполе Скифском (Сымонович, 1983. Табл. VI, 2, 3). Наиболее ранний сосуд происходит из погребения 211, которое относится к концу I – началу II в. н.э. Датировка остальных кувшинов – около середины II в. н.э., а близкий усть-альминский сосуд датируется второй–третьей четвертями II в. н.э. (Пуздровский, 2007а. С. 451).

Форма 24. Кувшин из случайных находок (табл. 226, 4); размеры: D – 4,1; d – 3,6; Dmax – 9,2; H – 10,3 см. Глина кирпично-красная, хорошо отмучена, с незначительными включениями блесков. Лак красный, местами красно-бурый, сохранился плохо. Низ не покрыт, подтеки (Журавлев, 2010. Табл. 57. Кат. № 465). Невысокий сосуд с грушевидным туловом и воронковидным горлом, на невысоком поддоне. Венчик слабо отогнут, край его скруглен. Ручка оформлена в виде стоящей собаки с широко расставленными передними лапами. Задние лапы оформлены в виде одной. Корпус собаки вписывается в квадрат. Голова на длинной, высоко поставленной шее. Подпрямоугольная морда с небольшими полустоячими ушами слегка вздернута, несколько повернута влево и чуть приплюснута. Резко обозначена шерсть под мордой и на холке. Хвост собаки обломан.

Второй известный нам краснолаковый сосуд с зооморфной ручкой происходит из погребения 346 Усть-Альминского некрополя, раскопанного в 1993 г. А.Е. Пуздровским и И.И. Лободой (Zhuravlev, 2005. Taf. 91, 3). Ручка этого сосуда имеет в верхней части небольшой выступ, являющийся стилизованным изображением животного. Стилизованные зооморфные выступы сделаны также на ручке краснолакового кратера из склепа 705 Усть-Альминского могильника (Пуздровский, 2007а. Рис. 174, 1), и на кувшине из Заветного (Kühnelt, 2008b. S. 91, 423. Form K–8c. Кат. 117). Кроме того, нам известно два сосуда из Керчи, которые, судя по описаниям К.М. Скалон, также принадлежат сосудам с лаковым покрытием (Скалон, 1941. С. 191–193).

Местом производства этих сосудов, очевидно, нужно считать какую-либо античную мастерскую Северного Причерноморья, скорее всего Боспора (?), где варварские керамические традиции могли быть хорошо знакомы античному мастеру. К.М. Скалон считает, что некоторые сосуды с зооморфными ручками «изготовлены, по-видимому, в городских мастерских городскими ремесленниками, но ничего общего с городским стилем не имеют» (Скалон, 1941. С. 194). Нельзя, правда, исключить и возможность работы варварского мастера в античной керамической мастерской (см. подробнее: Журавлев, 2000; Zhuravlev, 2005). В связи с тем, что наш сосуд является случайной находкой, его точная датировка затруднительна. Учитывая

датировку близких по форме краснолаковых сосудов из других комплексов, можно отнести публикуемый сосуд к концу I – II в. н.э.

Форма 25. Кувшин из погребения 60 (табл. 38, 21); размеры: D – 4,6; d – 5,3; Dmax – 10; H – 12,5 см. Глина коричнево-красная. Лак буро-коричневый, низ не покрыт (Журавлев, 2010. Табл. 57; Кат. № 466). Сосуд с грушевидным туловом, воронковидным горлом, завершающимся широким раструбом. Край венчика заострен. Невысокий узкий кольцевой поддон, дно изнутри в центре слабо вогнуто. Ручка верхним концом прилеплена непосредственно к венчику сосуда. Близкие кувшины были найдены в Заветном (Firsov, 1999. Fig. 10, 5; Kühnelt, 2008b. S. 96–97, 429. Form K–13. Kat.137), Усть-Альминском некрополе (Пуздровский, 2007a. Рис. 167, 4), Пантикапее (Шкорпил, 1909. С. 26. Рис. 15), Ново-Филипповке (Вязьмитина, 1954. Табл. IV, 10), Золотом (Корпусова, 1983. Табл. XXXVI, 11). Конец I – первая половина II в. н.э.

Форма 26. Невысокий кувшин; случайная находка 1969 года (табл. 226, 3); размеры: D – 5,4; d – 4,7; H – 12,3; Dmax – 9,7 см. Глина красно-коричневая, неплотная, с включением слюды. Лак буро-красный, нижняя часть сосуда не покрыта (Журавлев, 2010. Табл. 57. Кат. № 467). Тулово грушевидной формы; невысокое горло со слабовогнутыми стенками, венчик отогнут. Верхний прилеп ручки прикреплен к венчику. Ручка в сечении овальная, с двумя желобками. Дно немного вогнуто, с широким желобком по краю. Вторая половина I – первая половина II в. н.э.

Форма 27. Низкий кувшин из погребения 238 (табл. 163, 4); размеры: D – 5,2; d – 5,5; Dmax – 10,2; H – 14,3 см. Глина коричнево-красная, хорошо отмучена. Лак красно-оранжевый, с металлическим блеском, с одного бока – бурый, низ не покрыт, подтеки, отпечатки пальцев. Поверхность сосуда плохо заглажена, заметны следы вращения на круге (Журавлев, 2010. Табл. 57. Кат. № 468). Тулово, по форме близкое к овалу. Горло воронковидное, венчик с небольшим отогнутым наружу выступом. По верхнему краю венчика – неглубокий желобок. Дно несколько вогнуто, кольцевой поддон невысокий. По ручке сделаны два неглубоких желобка. Кувшин датируется второй–третьей четвертями II в. н.э.

Форма 28. Кувшин из погребения 52 (табл. 34, 22); размеры: D – 3,9; d – 5,8; Dmax – 11,2; H – 15,2 см. Глина красно-коричневая, с небольшими включениями слюды. Лак красный, практически не сохранился, низ не покрыт, подтеки (Журавлев, 2010. Табл. 57. Кат. № 469). Тулово по форме близко к округлой, но в центре стенки сильно вогнуты. Горло прямое, изнутри стенки имеют небольшой выступ, венчик прямой, несколько отогнут и нависает над горлом. Кольцевой поддон высокий, дно внутри несколько вогнуто. Конец I – начало II в. н.э. Из Юго-Западного Крыма нам известен лишь один похожий сосуд – из Заветнинского некрополя, однако стенки этого сосуда в центре вогнуты значительно сильнее (Kühnelt, 2008b. S. 95–96, 429. Form K–12. Kat. 136).

Форма 29. Невысокий кувшин из погребения 91 (табл. 53, 4); размеры: D – 5,8; d – 5,2; H – 13,1; Dmax – 9,2 см. Глина коричневая, плотная, хорошо отмучена. Лак пятнами, от оранжево-красного до бурого; нижняя часть сосуда лаком не покрыта, подтеки. Поверхность тулова плохо заглажена, заметны следы вращения (Журавлев, 2010. Табл. 57. Кат. № 470). Тулово грушевидной формы; горло невысокое, венчик отогнут. Кольцевой поддон невысокий и тонкий. Изнутри поверхность тулова имеет рифление. В верхней части горла – два желобка. Найден в комплексе первой половины II в. н.э.

Форма 30. Кувшин из погребения 70 (табл. 43, 4); размер: D – 6,4; d – 6,4; Dmax – 10,3; H – 17,3 см. Глина неоднородная: от темно-серой до красно-коричневой, с белыми включениями. Лак буро-коричневый, полустерт (Журавлев, 2010. Табл. 57. Кат. № 471). Высокое узкое вытянутое тулово яйцевидной формы, низкое горло, венчик отогнут, край его заострен. Тулово изнутри имеет небольшое рифление. Дно плоское, поддон отсутствует. Первая половина II в. н.э.

Форма 31. Кувшин из погребения 3 (табл. 5, 8); размеры: D – 7; d – 6,8; Dmax – 13,3; H – 16 см. Глина серо-коричневая, с очень мелкими блестками. Лак бурый, местами красно-бурый или черный. Подтеки, низ не покрыт (Журавлев, 2010. Табл. 57. Кат. № 472). Сосуд с невысоким туловом яйцевидной формы, воронковидным горлом, завершающимся отогнутым утолщенным венчиком со срезанным краем. Невысокий узкий кольцевой поддон. По тулову и горлу сделано несколько желобков. Ручка в сечении овально-желобчатая. Кувшин датируется второй половиной I в. н.э.

Форма 32. Кувшин из погребения 157 (табл. 97, 3); размеры: D – 7,2; d – 7; Dmax – 15; H – 22,2 см. Глина серо-коричневая, с незначительными белыми включениями и блестками.

Лак серо-красно-коричневый, низ не покрыт, подтеки (Журавлев, 2010. Табл. 57. Кат. № 473). Тулово яйцевидной формы, высокое расширяющееся книзу горло. Венчик отогнут, образуя выступ, и затем загнут внутрь сосуда, край его заострен. Высокий узкий кольцевой поддон. На горле и стенках тулова в верхней части – желобки. Стенки тулова и горла изнутри имеют рифление. На ручке – два желобка. Первая половина II в. н.э.

Форма 33. Кувшин из погребения 64 (табл. 40, 11); размеры: D – 7,4; d – 6,7; Dmax – 13,8; H – 19,4. Глина серая, плотная. Лак темно-коричневый или черный, низ не покрыт, подтеки, в настоящее время почти весь отслоился (Журавлев, 2010. Табл. 57. Кат. № 474). Тулово овальной формы, слабо расширяющееся в верхней части. Горло сужается кверху, венчик отогнут, край его скруглен. На венчике и горле сосуда – по два желобка. Кольцевой поддон низкий и массивный, дно плоское. Стенки тулова и дно изнутри имеют рифление. Ручка в сечении овальная, с двумя глубокими желобками. Первая половина II в. н.э.

Форма 34. Кувшин из погребения 63 (табл. 40, 4); размеры: D – 6,7; d – 8,8; Dmax – 17; H – 24,1 см. Глина красно-оранжевая с мелкими включениями слюды. Лак бурый, местами красно-черный, низ не покрыт, подтеки. Поверхность сосуда плохо заглажена, на тулове и у венчика около ручки заметны следы деформации и вмятины (Журавлев, 2010. Табл. 57. Кат. № 475). Сосуд с яйцевидным туловом, переходящим в высокое узкое цилиндрическое горло с прямыми стенками. Горло завершается сильно отогнутым венчиком с подрезанным краем. Кольцевой поддон невысокий, дно неровное, имеет небольшой выступ снаружи. На ручке – три желобка. В верхней части горла и тулова сделаны неглубокие желобки (но не по всей поверхности), а в месте перехода горла в тулово – каннелюр. Первая половина II в. н.э.

Форма 35. Кувшин из погребения 250 (табл. 172, 13); размеры: D – 8,1; d – 5,3; H – 16,1; Dmax – 13,0 см. Глина светло-коричневая, плотная, с мелкими белыми включениями. Лак с одной стороны буро-коричневый, с другой – бордово-красный; нижняя часть без покрытия, подтеки (Журавлев, 2010. Табл. 57. Кат. № 476). Тулово грушевидной формы, горло низкое и широкое, венчик отогнут. Дно плоское, на кольцевом поддоне. Ручка в сечении овальная, с желобками. Вторая половина II – начало III в. н.э.

Форма 36. Кувшин из погребения 299 (табл. 201, 5); размеры: D – 5,3; d – 7,7; Dmax – 17,6; H – 23,8 см. Глина коричневая, с включением блесков. Лак коричнево-красный, покрытие неравномерное (Журавлев, 2010. Табл. 57. Кат. № 477). Тулово грушевидной формы, сужающееся книзу. Горло сосуда воронковидное, венчик слабо отогнут и скруглен на конце. Поддон неширокий, дно несколько выпукло снаружи в средней части. В нижней части горла – неглубокий желобок, в месте перехода тулова в горло – каннелюр. Ручка в сечении овальная. Этому кувшину близок экземпляр из Усть-Альминского некрополя (Высотская, 1994. Табл. 47, 1), хотя у него и есть ряд отличий в деталях оформления венчика. Комплекс погребения датируется последней четвертью I – началом II в. н.э.

Гуттусы

Гуттусы из могильника Бельбек IV найдены в детских погребениях и относятся к последней четверти I – началу II в. н.э. В более поздних могилах подобные сосуды не обнаружены. По всей видимости, массового производства гуттусов не было, чем и объясняется их сравнительная редкость и индивидуальность форм.

Форма 1. Гуттус из погребения 141 (табл. 86, 23); размеры: D – 3,6; d – 3,5; H – 7,8 см. Длина носика – 2,3 см (Журавлев, 2010. Табл. 59. Кат. № 484). Сосуд с грушевидным туловом на низком кольцевом поддоне; венчик слабо отогнут и скруглен, на уровне верхнего прилепа ручки сделан валик. Круглая в сечении ручка сохранилась фрагментарно. Носик-слив сделан в средней части тулова. Близкий сосуд происходит из кургана у Братского кладбища (Гущина, 1982. С. 21). Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Форма 2. Небольшой гуттус из погребения 203 (табл. 133, 3); размеры: D – 3,7; d – 3,2; H – 5,7 см (Журавлев, 2010. Табл. 59. Кат. № 485). Тулово имеет биконическую форму, с резким переломом в нижней части сосуда; на высоком кольцевом поддоне. Носик-слив сделан в средней части тулова; небольшая петлевидная ручка в сечении овальная. Венчик отогнут и подрезан сверху, образуя «площадку». По венчику прочерчена кольцевая бороздка. Относительно близкий, хотя и фрагментированный экземпляр происходит из Пафоса на Кипре (Hayes, 1985. Tav. XXXI, 8. Form P47). Датировать наш сосуд нужно в пределах второй половины I – возможно, начала II в. н.э.

Форма 3. Гуттус из погребения 212 (табл. 140, 2); размеры: D – 4,6; d – 3,3; H – 7,8 см, длина носика – 2 см (Журавлев, 2010. Табл. 59. Кат. № 486). Тулово имеет форму, близкую к грушевидной, низкое горло, расширяющееся воронковидно. Петлевидная ручка плоская в сечении. Носик-слив сделан в средней части тулова. Низкий кольцевой поддон. По форме этот гуттус напоминает миниатюрный кувшин. Комплекс датируется последней четвертью I – началом II в. н.э. Близкая датировка и у комплекса из Неаполя Скифского, из которого происходит аналогичный сосуд (Пуздровский, 1992. С. 188. Рис. 6, 2).

Форма 4. Гуттус из погребения 146 (табл. 90, 1); размеры: D – 4,3; d – 3,4; H – 7,1 см. Длина носика (в сохранившейся части) – 1,4 см. Лак серо-черный, очень низкого качества, затеки. Глина серая (Журавлев, 2010. Табл. 59. Кат. № 487). Сосуд почти шаровидной формы, с носиком-сливом в верхней части тулова, с подтреугольной в сечении ручкой. В средней части тулова – кольцевая нарезка. Край венчика неровный. Аналогии гуттусу известны из некрополя «Совхоз № 10» (Стржелецкий и др., 2005–2009. Табл. XXIV, 4), Усть-Альминского (Пуздровский, 2007а. Рис. 181, 10) и Заветнинского (Kühnelt, 2008b. Form G-1. S. 432. Kat. 145) могильников, а также Усть-Каменки (Кропоткин, 1970. Рис. 37, 5). Близкие сосуды происходят и из Добруджи (Rădulescu, 1975. Pl. XVIII). Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Кружки

Форма 1. Одноручные сосуды, формой тулова напоминающие кубки формы 31, т. е. более или менее округлые, венчик отогнут. В нижней части венчика отдельных кружек сделан валик. Тулово некоторых сосудов имеет скорее грушевидную форму. Большая часть кружек плоскодонная, несколько экземпляров имеют выраженный кольцевой поддон, у некоторых поддон не оформлен, но донце снаружи вогнуто (Журавлев, 2010. Кат. № 500, 502, 503–505 и др.). У подавляющего большинства экземпляров петлевидная ручка прикреплена в верхней части тулова и непосредственно под венчиком. Лишь у нескольких кружек нижний прилеп ручки расположен ниже венчика. Это самая многочисленная форма сосудов бельбекского некрополя, включающая 69 экземпляров. Они происходят из погребений: 27 (табл. 17, 3), 34 (табл. 23, 8), 39(2) (табл. 26, 5), 46 (табл. 31, 4), 47 (табл. 32, 2), 54 (табл. 35, 19), 77 (табл. 47, 2), 79 (табл. 47, 9), 83 (табл. 51, 7), 88 (табл. 52, 6), 100 (табл. 56, 12), 102 (табл. 60, 2), 103 (табл. 60, 6), 107 (табл. 63, 2), 108 (табл. 64, 3), 111 (табл. 66, 3), 112 (табл. 66, 17), 118 (табл. 69, 9), 119 (табл. 71, 3), 126 (табл. 76, 2), 134 (табл. 82, 2), 135 (табл. 83, 2), 136 (табл. 82, 16), 137 (табл. 84, 3), 139 (табл. 85, 13), 144 (табл. 89, 4), 145 (табл. 88, 19), 153 (табл. 94, 15), 154 (табл. 95, 3), 158 (табл. 98, 2), 161 (табл. 101, 2), 165 (табл. 104, 2), 175 (табл. 111, 9), 177 (табл. 115, 2), 182 (табл. 117, 14), 185 (табл. 119, 6), 187 (табл. 121, 6), 188 (табл. 122, 2), 189 (табл. 123, 3), 195 (табл. 126, 7), 198 (табл. 130, 2), 201 (табл. 132, 2), 207 (табл. 136, 3), 208 (табл. 136, 11), 216 (табл. 142, 13), 220 (табл. 147, 10), 232 (табл. 158, 2), 241 (табл. 167, 2), 243 (табл. 169, 2), 245 (табл. 170, 6), 249 (табл. 172, 7), 251 (табл. 173, 2), 252 (табл. 173, 10), 255 (табл. 176, 3), 257 (табл. 177, 5), 264 (табл. 183, 15), 269 (табл. 186, 3), 276 (табл. 189, 4), 286 (табл. 195, 2), 292 (табл. 197, 8), 296 (табл. 200, 1), 308 (табл. 205, 20), 310 (табл. 207, 2), 312 (табл. 208, 5), 324 (табл. 215, 12), 326 (табл. 217, 2), 328 (табл. 218, 1), а также случайные находки 1970 г. (табл. 226, 1) и 1987 г. (табл. 226, 7). Размеры: D – 5,5–7,0; d – 3,7–5,1; H – 7,0–9,0 см. Отдельные экземпляры имеют значительно большие размеры: D – 7,7–8,5; d – 4,2–5; H – 10,3–11,2 см (Журавлев, 2010. Табл. 60–65. Кат. № 488–557). На двух кружках были прочерчены граффити – X и H.

Это одна из наиболее распространенных форм сосудов, находки которых зафиксированы по всему Северному Причерноморью: в Пантикапее (Журавлев, Ломтадзе, 1999. Рис. 5, 44), Ольвии (Козуб, 2002. Табл. IV, 2). Аналогичные формы происходят из памятников Западного Причерноморья: Римской виллы в с. Кралев Дол (Найденова, 1985. Табл. 14. Кат. № 56), Истрии (Suceveanu, 2000. Pl. 42–44. Type XXXII), Барбоши (Sanie, 1981. Pl. 16, 2). Особенно часты такие находки в некрополе Херсонеса (Кадеев, 1970. Рис. 12; Соломоник, 1973. Рис. 2–3; Зубарь, 1982. Рис. 49; Зубарь, Сорочан, 1986. Рис. 3, 1–2) и расположенных в Юго-Западном Крыму могильниках поздних скифов и сарматов (Высотская, 1994. Табл. 4, 26 и др.; Zaitsev, 2002. Fig. 1, 6; Стржелецкий и др., 2005–2009. Табл. XIX; Богданова, 1989. Табл. IV, 31; Firsov, 1999. Fig. 11, 3, 6; Зайцев и др., 2007. Рис. 5, 1; Кюнелт, 2007. Рис. 6, 1–3; Kühnelt, 2008a. Abb. 6, 1–3; 2008b. S. 433–435. Kat. 148–166; Зайцев, 2003. Рис. 129, 2; Труфанов, 2005–2009. Рис. 24, 11–16).

Близкие сосуды встречаются и в Средиземноморье. Это так называемый эгейский вариант сосудов подобного облика, которые происходят из Пафоса (Hayes, 1991. Fig. XXII, 17),

Стоби (*Anderson-Stojanović*, 1992. Pl. 26, 218–222), Аполлонии Илирийской (*Mano*, 2006. Tab. XII, 144, 152; XXII, 305; XXVI, 239 и др.), некрополя Самофракии (*Dusenbery*, 1998. P. 803–807. S153–3; XS–199; S218–F–3; S233–1), Афин (*Robinson*, 1959. Pl. 7, G117, G182; 9, J10, J11, J34), Олимпии (*Schauer*, 2008. Abb. 9, 1–2 и др.). Прототипом этой группы кружек, очевидно, стали италийские сосуды *pareti sottili*, распространенные в I в. н.э. (*Marabini Moevs*, 1973. P. 237–238. Form LXVIII; *Ricci*, 1985. P. 267–268. Типо 1/122. Tav. LXXXV, 2). Среди относящихся к этой форме кружек лишь часть имеет лаковое покрытие, а часть – нет. Вопрос о центре производства подобных сосудов пока открыт. Ряд авторов предполагает, что им был Херсонес (*Книпович*, 1952. С. 304; *Кадеев*, 1970. С. 96; *Богданова*, 1989. С. 30). Дж. Хейс считает, что близкие по форме сосуды, в частности с надписями (см. *Соломоник*, 1973; *Robinson*, 1959. Pl. 24, M145, M147, M149; 26, M190 и др.), могут иметь фракийское происхождение (см.: *Hayes*, 1997. P. 71. Pl. 25). К. Домжалски, напротив, полагает, что фракийское происхождение этих кружек маловероятно (*Domžalski, Zin'ko*, 1999. P. 82, note 32). Учитывая огромное число таких кружек, обнаруженных в Херсонесе и могильниках варварского населения вокруг него, нельзя полностью исключать и производство части этих кружек в местных мастерских.

Впервые эта форма кружек фиксируется в погребениях последней четверти I – начала II в. н.э. Несколько сосудов найдены в могилах второй–третьей четверти II в. н.э., группа сосудов датируется второй половиной II в. н.э. Наиболее поздние кружки происходят из комплексов конца II – первой половины III в. Наибольшее же число кружек формы 1 происходит из могил первой половины II в. н.э. Датировки подобных сосудов из других памятников находятся в пределах I–III вв. н.э. Таким образом, наиболее распространены эти сосуды были во II в. н.э.

Форма 2. Кружка из погребения 227 (табл. 155, 3); размеры: D – 5,8; d – 3,6; H – 7,5 см. Глина серая. Лак оранжевый, сосуд покрыт полностью (*Журавлев*, 2010. Табл. 65. Кат. № 558). Тулово шаровидной формы, венчик слабо отогнут, под ним – неглубокий широкий желобок. Внешняя поверхность тулова имеет сильное рифление. Дно толстое, выделено снаружи небольшим тонким выступом. Ручка петлевидная, в сечении близка овальной. Близкий сосуд был найден в Истрии (*Suceveanu*, 2000. Pl. 45). Вторая–третья четверти II в. н.э.

Форма 3. Маленькие кружки округлой формы; близки форме 1. Венчик отогнут, имеет валик или желобок в нижней части. Дно плоское или немного вогнуто в центре; у одного сосуда дно снаружи слабо вогнуто. Пять сосудов из погребений 81 (табл. 49, 2), 85 (табл. 52, 2), 92 (табл. 53, 6), 110 (табл. 65, 23), 260 (табл. 181, 2). Размеры: D – 4,5–5,8; d – 2,2–3,5; H – 5,6–6,6 см (*Журавлев*, 2010. Табл. 65–66. Кат. № 559–563). Большинство экземпляров относится к первой половине или середине II в. н.э.; комплекс же погребения 260 относится ко второй половине II – началу III в. н.э.

Форма 4. Кружки с туловом округлой или немного вытянутой формы, у некоторых экземпляров на тулове четко заметно ребро (форма тулова близка биконической). В целом близки кружкам формы 1, но венчик сильно отогнут наружу. Все кружки, кроме двух – на кольцевом поддоне. Четырнадцать сосудов из погребений 75 (табл. 46, 8), 80 (табл. 48, 14), 96 (табл. 55, 4), 97 (табл. 56, 2), 106 (табл. 62, 4), 114 (табл. 67, 10), 117 (табл. 70, 2), 127 (табл. 74, 15), 138 (табл. 84, 10), 150 (табл. 93, 2), 157 (табл. 97, 2), 169 (табл. 107, 4), 279 (табл. 190, 3), 311 (табл. 206, 4). Размеры: D – 5,8–7,4; d – 2,7–4,0; H – 7,7–8,6 см (*Журавлев*, 2010. Табл. 66–67. Кат. № 564–577).

Подобные сосуды известны из некрополя «Совхоз № 10» (*Стржелецкий и др.*, 2005–2009. Табл. XIX, 7) и Кеп (*Кунина, Сорокина*, 1972. Рис. 11, 24), а также широко представлены в Восточном Средиземноморье (см., например: *Jarr*, 2003. Abb. 2, 11). Эта форма кружек относится к первой половине II в. н.э. (*Журавлев*, 2010). Несколько могил датируются концом I – первой четвертью II в. н.э. Ряд комплексов (погребения 106, 117 и 311) можно отнести ко второй–третьей четверти II в. н.э. Аналогично датируются погребения, в которых найдены морфологически близкие кубки формы 31.

Форма 5. Низкая кружка из погребения 274 (табл. 188, 10); размеры: D – 7,1; d – 4,0; H – 6,7 см (*Журавлев*, 2010. Табл. 67. Кат. № 578). Низкое тулово шаровидной формы; на кольцевом поддоне. Венчик отогнут, под ним – желобок, ниже расположен валик, а ниже – еще один желобок. Петлевидная ручка овальная в сечении, с одним желобком. Комплекс погребения датируется концом II – первой половиной III в. н.э.

Форма 6. Низкая кружка из погребения 322 (табл. 215, 2); размеры: D – 6,7; d – 4,2; H – 8,2 см (*Журавлев*, 2010. Табл. 67. Кат. № 579). Тулово шаровидной формы; на кольцевом поддоне. Венчик высокий и почти вертикальный, сверху подрезан; в верхней части с неглубоким

желобком. Форма этого сосуда напоминает кубки формы 31, отличаясь от них наличием лишь одной ручки. Вторая половина II в. н.э.

Форма 7. Кружки с вытянутым туловом, венчик отогнут. Ручки небольшие, желобчатые, обычно овальные в сечении. Дно плоское; у одного сосуда – низкий поддон. Четыре сосуда из погребений 98 (табл. 57, 3), 109 (табл. 65, 5), 209 (табл. 137, 4) и 238 (табл. 163, 2). Размеры: D – 6,7–7,2; d – 3,0–3,5; H – 9,0–9,6 см (Журавлев, 2010. Табл. 67. Кат. № 580–584). Кроме того, к ним примыкает морфологически близкий экземпляр из погребения 218 (табл. 146, 11), но меньшего размера. Аналогичные сосуды известны из Кеп (Кунина, Сорокина, 1972. Рис. 9, 13), Пантикапея (Журавлев, Ломтадзе, 1999. Рис. 5, 45), могильников Заветное (Firsov, 1999. Fig. 11, 2; Kühnelt, 2008b. S. 435. Kat. 172) и Битакского (Труфанов, 2005–2009. Рис. 25, 9). Подобного рода сосуды иногда относят к группе фокейской кухонной керамики, широко распространенной в бассейне Средиземного моря и датирующейся концом I – началом III в. н.э. (подробнее об этих сосудах см.: Журавлев, 2010). Наиболее ранние кружки формы 7 происходит из погребения 98 (конец I – первая половина II в.) и 209 (конец I – начало II в.). Сосуды из погребений 109 и 238 могут быть отнесены ко второй–третьей четвертям II в. н.э.

Форма 8. Кружки с туловом округлой или грушевидной формы; поверхность снаружи имеет рифление; дно уплощенное, венчик отогнут. Ручка небольшая, петлевидная. Два сосуда – из погребения 285 (табл. 194, 20) и случайная находка 1991 г. (табл. 226, 8); размеры: D – 7,3–7,4; d – 3,0–3,3; H – 8,0–8,4 см (Журавлев, 2010. Табл. 68. Кат. № 585–587). Близкие сосуды были найдены в могильниках Заветное (Kühnelt, 2008b. S. 437. Kat. 179–180), Перевальное (Пуздровский, 2007а. Рис. 183, 6) и Херсонесе (Зубарь, 1982. Рис. 52, 2; Зубарь, Сорочан, 1986. С. 106, 108. Рис. 3, 3). По мнению ряда исследователей, подобные кружки имеют западнопонтийское происхождение (Răduleskū, 1975. P. 338. Pl. VI, 1–3; Scorpan, 1976. P. 156. Pl. I, 1; Зубарь, Сорочан, 1986. С. 108). Надо отметить, что этот тип кухонной керамики известен и в средиземноморских центрах, например, в Пафосе (Hayes, 1991. Fig. LXXI, 4). Конец II – первая половина III в. н.э. Наиболее четкую дату – первая четверть III в. н.э. – имеет комплекс погребения 285. С этой датой согласуется и датировка подобной кружки из склепа 18 могильника Перевальное (Пуздровский, 2007а. С. 457).

Форма 9. Кружка из погребения 149 (табл. 91, 21); размеры: D – 5,9; d – 3,5; H – 7,9 см (Журавлев, 2010. Табл. 68. Кат. № 588). Тулово биконической формы; дно плоское, венчик слабо отогнут. Маленькая петлевидная ручка прикреплена в верхней части тулова. Близкий сосуд был найден в Золотой Балке (Вязьмитина, 1954. Табл. IV, 10). Комплекс бельбкского погребения относится к концу I – началу II в. н.э.

Прочие сосуды редких форм

Форма 1. Кружка без ручки из погребения 326 (табл. 217, 4); размеры: D – 6,1; d – 2,9; H – 8,5 см (Журавлев, 2010. Табл. 68. Кат. № 589). Тулово округлой формы, дно плоское; венчик слабо отогнут. По форме этот сосуд близок кружкам формы 1 и, скорее всего, прямо связан с ними. В связи с редкостью подобных форм можно предположить, что мастер по какой-то причине не счел нужным прикрепить ручку (или ручки) к сосуду. Подобные сосуды (скорее, прототипы) известны в Италии, среди тонкостенной керамики Козы (Mirabini Moevs, 1973. P. 255–256. Form LXXIV. См. реконструкцию профиля сосуда), но они не гладкие, а декорированные. Упомянем и сосуды итальянской сигиллаты, также декорированные, имеющие идентичную нашей кружке форму (Conspectus formarum, 1990. P. 138–139. Taf. 44. Form 50.5.1), датированные эпохой Флавиев. Конец II – первая половина III в. н.э.

Форма 2. Горшок из погребения 242 (табл. 168, 25); размеры: D – 6,2; d – 4,4; H – 8,0 см (Журавлев, 2010. Табл. 68. Кат. № 590). Тулово округлой формы на кольцевом поддоне; массивный венчик отогнут, край его подрезан. Конец II – первая половина III в. н.э.

Форма 3. Низкий плоскодонный горшок из погребения 223 (табл. 149, 4); размеры: D – 5,3; d – 4,3; H – 5,9 см (Журавлев, 2010. Табл. 68. Кат. № 591). Тулово округлой формы, венчик сильно отогнут. Вторая четверть – середина II в. н.э. (см. подробнее о датировке комплекса: Ахмедов и др., 2001).

Форма 4. Низкий горшок из погребения 158 (табл. 98, 7); размеры: D – 3,4; d – 3,7; H – 5,2 см (Журавлев, 2010. Табл. 68. Кат. № 592). Тулово шаровидной формы, венчик немного отогнут. Дно плоское. Первая половина II в. н.э.

Форма 5. Низкий горшок из погребения 201 (табл. 132, 4) с шаровидным туловом на кольцевом поддоне, венчик отогнут наружу; размеры: D – 4,0; d – 3,5; H – 4,4 см (Журавлев, 2010. Табл. 68. Кат. № 593). Конец I – начало II в. н.э.

Форма 6. Горшок из погребения 19 (табл. 12, 3); размеры: D – 4,5; d – 3,5; H – 4,6 см (Журавлев, 2010. Табл. 68. Кат. № 594). Нижняя часть грушевидной (?) формы; на кольцевом поддоне. Верхняя часть аккуратно срезана; край слегка заглажен. В публикации 2010 г. мы предположили, что сосуд был подрезан нитью по сырой глине. Не отвергая сейчас этой гипотезы, заметим, что в других некрополях римского времени в Крыму также найдены сосуды с заглаженным краем – например кувшин с отбитым горлом из могильника Нейзац (Храпунов, 2006. С. 190. Рис. 47, 12). Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Форма 7. Нижняя часть плоскодонного сосуда; верх наискось срезан, происходит из погребения 274 (табл. 188, 8). Размеры: D – 5,4; d – 5,5; H – 5,2 см (Журавлев, 2010. Табл. 68. Кат. № 595). Конец II – первая половина III в. н.э.

Форма 8. Низкий сосудик из погребения 187 (табл. 121, 4) биконической формы с отогнутым венчиком; на кольцевом поддоне. Размеры: D – 2,9; d – 2,7; H – 4,0 см. Сосуд неровный и несимметричный, поверхность плохо заглажена (Журавлев, 2010. Табл. 68. Кат. № 596). Вторая половина (наиболее вероятно – последняя четверть) I в. н.э.

Форма 9. Невысокая миска с туловом усеченно-конической формы. Размеры: D – 6,6; d – 5,6; H – 2,2 см (Журавлев, 2010. Табл. 68. Кат. № 597). Дно сосуда плоское; верхняя часть сосуда подрезана неровно, но хорошо заглажена (не исключено, что это лишь нижняя часть сосуда). Случайная находка 1970 г. (табл. 227, 8). Размеры: D – 6,6; d – 5,6; H – 2,2 см (Журавлев, 2010. Табл. 68. Кат. № 597). В связи с тем, что сосуд найден вне комплекса, датировка может быть определена в пределах второй половины I – первой половины III в. н.э.

ПРОЧИЕ ГОНЧАРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

КАСТРЮЛЯ

В могильнике Бельбек IV помимо краснолаковой посуды, найдена серия красноглиняных гончарных сосудов различных форм. К числу очень редких для варварских памятников находок можно отнести двуручную красноглиняную кастрюлю с плоским дном, форма тулова близка биконической, венчик отогнут, изнутри имеет закраины, край его вертикально подрезан (размеры: диаметр – 12 см; диаметр донца – 4,2 см; высота – 5,8 см). Кастрюля была накрыта крышкой (табл. 58, 4). Такие находки, рядовые для городских слоев античного времени, поступали в Юго-Западный Крым из Херсонеса, где они, возможно, и производились (Кадеев, 1970. С. 84). Аналогичные по форме кастрюли найдены в Ольвии (Крапивина, 1993. Рис. 33, 1–8), Пантикапее, Тиритаке (Гайдукевич, 1952а. С. 92. Рис. 111, 1), Горгиппии (Алексеева, 1997. Табл. 117, 2; 154, 27 и т.п.), Афинах (Robinson, 1959. G 195–196; K 93 и т.п.) и многих других местах. Все эти сосуды широко датируются II–III вв. н.э. Комплекс с подобной кастрюлей в Мысхако можно отнести к первой половине III в. н.э. (Вязкова и др., 2001. Рис. 8, 4). Публикуемая нами кастрюля происходит из комплекса начала III в. н.э.

ГОРШОЧКИ

Небольшие красноглиняные горшочки имеют шаровидное тулово, венчик отогнут, иногда посередине венчика проходит валик (размеры: D – 5,8–6,7; d – 2,8–3,7; H – 6,5–8 см). Глина красная, красно-коричневая, с известковыми включениями. Верхняя часть поверхности сосудов обычно имеет серо-бурый или серо-черный цвет. Дно сосудов плоское, у нескольких экземпляров по дну проходит неглубокая бороздка. Это очень распространенный тип посуды, представленный 19 экземплярами из погребений 13 (табл. 10, 4), 24 (табл. 15, 5), 31 (табл. 21, 2), 34 (табл. 23, 8); 37 (табл. 24, 27), 38 (табл. 25, 9), 45 (табл. 30, 4), 116 (табл. 69, 2), 147 (табл. 90, 8), 151 (табл. 93, 12), 156 (табл. 96, 3), 160 (табл. 100, 3), 162 (табл. 100, 20), 164 (табл. 103, 2), 191 (табл. 124, 4), 193 (табл. 126, 3), 210 (табл. 138, 6), 301 (табл. 202, 20), 304 (табл. 203, 9). Датировка большинства комплексов – вторая половина I – начало II в. н.э. Лишь некоторые из них можно отнести к первой половине II в. н.э. Аналогичные сосуды известны и из других

памятников Юго-Западного Крыма (см., например: *Высотская*, 1994. Табл. 21, 66; 29, 33; 42, 7; *Труфанов*, 2005–2009. Рис. 24, 1–7). Не исключено, что их происхождение надо связывать с керамикой *paretti sottili*, производимой в Италии (*Marabini Moevs*, 1973. Form IV–VI; *Ricci*, 1985. Tav. LXXXIV, 2, tipo 1/96; LXXXV, 12, tipo 1/113 и т.п.).

ОЙНОХОИ

Ойнохои с приземистым биконическим туловом, высоким горлом; края в одном месте могут соединяться (размеры: D – 7,1–7,3; d – 4,1–4,5; H – 13,2–15 см). Глина: красная с мелкими включениями блесок, у одного сосуда – с небольшими известковыми включениями. В могильнике представлены три экземпляра из погребений 74 (табл. 45, 11), 140 (табл. 86, 3) и 303 (табл. 204, 6). Аналогии им известны из Херсонеса (*Кадеев*, 1970. Рис. 8, 4), кургана Мамай-Оба (*Зубар, Савеля*, 1989. Рис. 3, 12), Усть-Альминского некрополя (*Пуздровский*, 2007а. Рис. 177, 8), Заветного (*Kühnelt*, 2008b. S. 98–99, 430–431. Kat. 140–144), некрополя у дер. Кыз-Аул (*Гайдукевич*, 1959а. Рис. 63 – с остатками бурого покрытия) и ряда других мест. По А.А. Труфанову они относятся к типу 1 (*Труфанов*, 2005–2009. С. 192–193. Рис. 48).

Сосуды происходят из комплексов, которые могут датироваться последней четвертью I – первой половиной II в. Погребение 74 со стеклянным кубикосом – наиболее позднее из них, относится к первой половине (вероятно, к первой четверти) II в. н.э.

КРАСНОЛАКОВЫЙ СВЕТИЛЬНИК

В погребении 131 был найден краснолаковый светильник (табл. 80, 12) (размеры: диаметр – 6,5 см, длина с ручкой – 9 см, высота – 2,5 см, с ручкой – 4 см). Глина красно-коричневая, плотная, лак оранжево-красный, полуоблезший. Светильник округлой формы, с округлым же рожком, плоской петельчатой ручкой, плечи украшены оттиснутыми овами (*Гущина, Журавлев*, 1996. Рис. 2, 5; *Chrzanovski, Zhuravlev*, 1998. P. 86–87. № 38; *Zhuravlev*, 2002а). Щиток круглый, углублен, отделен от плеч небольшим валиком и врезной линией, с изображением быка. На дне светильника оттиснуто клеймо *planta pedis*. Аналогии этому светильнику достаточно многочисленны. Два близких экземпляра происходят из Малой Азии и хранятся в Берлине (*Heres*, 1972. S. 61, 68. Taf. 37, № 326; Taf. 43, № 391). Три светильника с этим сюжетом происходят из Херсонеса и Керчи (ОАК, 1895. Рис. 265; *Вальдгауер*, 1914. Табл. XIX, № 197; Табл. XXXIV, № 319; Табл. XXXVII, № 368). Аналогичные светильники найдены в Ольвии (*Крапивина*, 1993. Рис. 72, 13) и Тире (*Сон, Сорочан*, 1988. Рис. 5, 1), а также в других пунктах (*Deneauve*, 1974. Pl. 52, 506; *Исопоти*, 1967. Fig. 124, № 441). Учитывая датировку комплекса погребения в целом, публикуемый экземпляр может быть отнесен к первой половине II в. н.э. (см. специальную публикацию этого комплекса: *Zhuravlev*, 2002а).

Необходимо отметить, что светильники являются достаточно редкой находкой в позднескифских или сарматских погребениях, т. е. в целом они не типичны для варварского погребального обряда. Помимо нашего экземпляра, еще один происходит из могильника Бельбек I, датированного более поздним временем (*Zhuravlev*, 2002а), несколько – из некрополя Беляуса (*Пуздровский*, 2007а. Рис. 17, 3; 19, 3) и целая серия – из Усть-Альминского некрополя (*Zaitsev*, 2002; *Пуздровский*, 2007а. Рис. 188–190; *Труфанов*, 2005–2009. Рис. 6). Также можно упомянуть рубчатый светильник из позднескифского могильника Молога II неподалеку от Тиры (*Гудкова, Фокеев*, 1982. Рис. 8, 5). В.М. Зубарь и С.Б. Сорочан отмечают, что греческий обычай помещения светильников в могилу не оказал существенного влияния на население Бельбекской долины (*Зубарь, Сорочан*, 1984. С. 155, ссылка 36). Это было связано, вероятно, с приверженностью обитавших здесь варваров к иным типам осветительных приборов – открытым плошкам и закрытым лепным лампам (*Внуков, Лагутин*, 2001. Рис. 4, 127, 234), для которых использовался животный жир. Видимо, это объяснялось не только иной культурной традицией, но и сравнительно высокими ценами на оливковое масло, которое заправлялось в традиционные светильники античного типа (*Журавлев и др.*, 2004. С. 186).

ТЕРРАКОТОВАЯ «ПОГРЕМУШКА»

Терракотовые статуэтки практически не входили в состав инвентаря погребений варварских могильников Юго-Западного Крыма римского времени. Можно упомянуть лишь на-

ходки терракот из некрополя «Совхоз № 10» (*Стржелецкий и др.*, 2005–2009. С. 175. Рис. 33–34). Условно терракотой можно считать «поильник» в виде маски Силена из Битакского некрополя (*Пуздровский*, 2007а. Рис. 41, 2), но он, скорее, ближе к фигурным сосудам. В некрополе Бельбек IV терракотовая «погремушка» в виде колыбели с изображением Эрота-лампадофора была найдена в погребении 58 (табл. 37, 16; 235) (*Журавлев*, 2004. С. 271–287; 2006б. С. 49. № 44). Размеры «погремушки»: 10 X 6,7 см. Глина «погремушки» – красноватая, хорошо отмученная, без заметных невооруженным глазом примесей. Форма крышки представляет собой овал, имеющий с двух сторон небольшие налепы. Сбоку колыбель представляет собой как бы корытце, очень слабо расширяющееся кверху. Эрот изображен в движении, за его спиной – два крыла, на левом плече он несет факел, придерживая его левой рукой, правая рука Эрота – на поясе; за спиной – колчан. Голова слегка повернута вправо. В дне колыбели, приблизительно напротив головы ребенка, сделано сквозное отверстие. В литературе подобные терракоты получили название «погремушек», так как внутри них находится небольшой глиняный шарик. Особенностью данной группы терракотовых изделий является наличие подушки (в нашем случае – ромбической формы), на которой лежит голова ребенка. Поэтому если смотреть на терракоту сверху, то кажется, что ребенок идет, а если сбоку – то лежит (*Журавлев*, 2004. С. 273).

Большинство терракот подобного облика с территории Причерноморья отличается схематизм изображений, достаточно грубое исполнение, почти полное пренебрежение к проработке деталей. Так, один из таких Эротов на «погремушке», найденной в Керчи (*Журавлев*, 2004. Рис. 3, 2; ГИМ. Инв. № 34405), по образному выражению М.А. Романовской, просто «урод», имеющий «ножки тонкие, кривые, рахитичные», туловище его венчает «большущая голова ... с огромным носом и без глаз» (*Романовская*, 1974. С. 167). Оставив без комментария подобную оценку анатомических особенностей изображенного на верхней части «погремушки» персонажа, отметим крайне низкий уровень мастерства ремесленника, изготовившего керченскую «погремушку». Впрочем, в первые века н.э. на Боспоре существует большое количество схематичных и даже примитивных терракотовых статуэток, которые явно были изготовлены с учетом запросов покупателей.

В случае же с бельбекской «погремушкой» мы имеем дело с достаточно искусно изготовленной вещью – детали крыльев, а также лица и других частей тела очень хорошо заметны – моделировка предмета отличается большой тщательностью. Это даже позволило в свое время М.А. Романовской характеризовать «бельбекского Эрота» как «воплощение изящества и динамики» (*Романовская*, 1974. С. 167). Правда, надо отметить, что стороны, лишенные изображения, сделаны достаточно грубо, поверхность плохо заглажена – «погремушка» явно предназначалась для обозрения лишь с одной стороны.

Изображения Эрота были широко распространены в античном искусстве. Факел играл в Греции важную роль как атрибут многих божеств (см., например: *Parisinou*, 2000). О значении факела в жизни Древней Греции может свидетельствовать и тот факт, что в Афинах устраивали состязания в лампадодромии – беге с факелами, в котором для победы нужно было не только прибежать первым, но и сохранить пылающим огонь своего факела (см. также: *Журавлев*, 2002в. С. 177–178). Факел использовался в Элевсинских и других празднествах, в том числе и в Северном Причерноморье (см., например: *Саверкина*, 1986. С. 154–155. № 69; *Скржинская*, 2002). Факел становится одним из основным атрибутов Эрота со второй половины IV в. до н.э. Так, одним из наиболее ранних изображений Эрота с факелом можно считать рельеф на серебряном алабастре из Palaiokastro в Фессалии (*Arvanitopoulos*, 1912. Taf. II–III), где среди танцующих и играющих на музыкальных инструментах Эротов один изображен с факелом в руках. Известны изображения Эротов с факелами и в вазописи, например в южно-италийской (*Furtwangler*, 1878. S. 36; *Сидорова и др.*, 1985. № 43, 59 и т.п.). Дальнейшее развитие этого сюжета в античном искусстве связано с эллинистическим временем. Как пример можно вспомнить широко известные серьги из Бруклинского музея с изображением Эрота с факелом (*Pfrommer*, 1990. Taf. 2, 6).

На Азиатской стороне Боспора, в Кехах была найдена форма для изготовления терракотового изображения Эрота с факелом в руках, которая датируется II–I вв. до н.э. Эрот изображен в легком наклоне вперед, левая нога поставлена на камень. В левой руке – факел на длинной рукояти, нижнюю часть которой Эрот опирает на колено (*Николаева*, 1974. С. 16. Табл. 12, 5; *Журавлев, Ильина*, 2002. С. 66. № 238).

Дальнейшее развитие образа Эрота с факелом в руке приходится на римский период (см., например: *Jablonska-Taracha*, 1997). В связи с изображением Эрота-лампадофора

особый интерес вызывает светильник с подобным изображением, найденный Н.М. Печенкиным при раскопках расположенного неподалеку могильника Бельбек I (Zhuravlev, 2002a. P. 80. Fig. 4). Светильники с подобной иконографией изначально имели аттическое происхождение, только в Афинах их найдено более 250 экземпляров (Perlzweig, 1961. P. 116. No. 689–706). Правда, впоследствии по оригинальным образцам в некоторых центрах, в том числе, видимо, и в Херсонесе, было налажено производство подобных копий. Там были найдены идентичные по форме и иконографии экземпляры значительно более низкого качества (Косцюшко-Валюжинич, 1902. Рис. 51; Вальдгауер, 1914. № 477–479; Белов, Стржелецкий, 1953. С. 81–82. Рис. 49; Chrzanowski, Zhuravlev, 1998. No. 68). Кроме того, находки близких светильников представлены и в других регионах античного мира – Греции, Добрудже (Broneer, 1930. P. 249–251. No. 1133–1147; Warner Slane, 1990. P. 30. No. 29, pl. 3; Bovon, 1966. P. 49. No. 261. Pl. 7; Iconomi, 1967. No. 652. Fig. 142). Большинство подобных светильников датируются второй половиной III – первой половиной IV в. н.э.

Полные аналогии публикуемой «погремушке» нам неизвестны; впрочем, среди всех известных нам изделий близкого назначения двух идентичных не существует. Формы для их изготовления пока также не найдены (Журавлев, 2004. С. 275).

Сюжет, представленный на нашей «погремушке», был широко распространен в античном искусстве (см., например: LIMC, 1986. No. 783, 979 и др.). Близкие по форме «погремушки» из Средиземноморья относятся как к классическому и эллинистическому времени (Романовская, 1974. С. 163–165. Рис. 3–4; Graepler, 1997. Abb. 155), так и к римскому периоду (Besques, 1986. Pl. 55d, D3646; Gonzenbach, 1995. S. 179–182. Taf. 48). Это хорошо известный тип Kind auf Bett/Wiege. Заметим, что на терракотах с территории Средиземноморья на «погремушках» изображен ребенок (часто – с собакой), а не Эрот, как на публикуемой терракоте. Помимо этого, нам известно достаточно близкое изображение Геркулеса в колыбели, борющегося со змеями из собрания Британского музея. Композиция размещена на светильнике в форме лодки и датируется I в. н.э. (Bailey, 1996. P. 14. Pl. 8, Q3567).

Большинство причерноморских находок терракот близкого облика сосредоточены на Боспоре (Силантьева, 1974. С. 36. Табл. 49, 2; Романовская, 1974. Рис. 2; Кругликова, 1975. Рис. 65; Тайны терракоты, 1987. С. 165; Кубланов, Хршановский, 1989. Рис. 15; Журавлев, Ильина, 2002. С. 65. № 233, 234). В Западном Крыму, насколько нам известно, таких изделий не найдено. В связи с этим М.А. Романовская выдвинула тезис о боспорском производстве терракотовых статуэток в виде погремушки. Помимо учтенных М.А. Романовской, еще одна «погремушка» с территории Таманского полуострова хранится в Казанском музее, изображение на ней крайне стилизовано (Бугрова, Журавлев, 2010. С. 484. Рис. 14). Подобная «погремушка» была обнаружена и на Таганрогском поселении (Копылов, Ларенок, 1994. Табл. XII, 1).

Нельзя не отметить отличия бельбекской «погремушки» от большинства других, происходящих с территории Боспора. Различия отчетливо заметны не только в характере и сюжете изображения, но и в глине, из которой они изготовлены. Вообще, боспорские терракотовые «погремушки» характеризует схематизм изображения, подчас граничащий с примитивом, и размытые контуры рельефа. По всей видимости, для бельбекского экземпляра можно предположить импортное происхождение.

Сложнее обстоит дело с назначением этой «погремушки». Данных о половозрастных характеристиках костных остатков из погребения 58 нет, но, судя по длине могильной ямы (1,8 м), у нас нет никаких оснований считать ее детской. При этом на Боспоре известны «погремушки», происходящие и из детских могил (Журавлев, Ильина, 2002. № 233 – Пантикапей, могила № 1, раскопки Ю.А. Кулаковского, 1894 г.).

Учитывая достаточный вес изделия, сложно предположить, что они могли использоваться как детские игрушки. Терракотовые «погремушки» из Керчи не просто значительно тяжелее бельбекской, но сделаны столь грубо, что своим внешним видом способны скорее напугать, чем рассмешить и успокоить ребенка. Кроме того, боспорские экземпляры хрупкие, плохо обожжены и содержат в тесте примесь ракушки, из-за чего некоторые исследователи считают их «символом погремушки» (Романовская, 1974. С. 168). Откровенно фаллическая «погремушка» из Ново-Отрадного (кстати, единственный известный нам подобный экземпляр) также не может служить детской игрушкой, хотя бы в силу своего облика. Настоящими же детскими погремушками, видимо, можно считать бронзовые кольца с подвесками, прикрепленные к костяной ручке, происходящие с многих античных памятников (см., например: Кадеев, 1996. С. 109–116. Рис. на с. 111; Журавлев, Ломтадзе, 2002б. С. 77–78. № 294).

Отметим, что далеко не все «погремушки», близкие бельбекскому экземпляру, были найдены в могилах. В этом контексте особый интерес вызывает ново-отраденская находка: лепная «погремушка» с изображением мужского божества (?) была найдена в разрушенном очаге. Там же была обнаружена целая статуэтка, изображающая сидящую в кресле богиню. М.А. Романовская предполагает, что эти терракоты были связаны с земледельческими культами и оставлены жившими здесь людьми во время пожара (Романовская, 1974. С. 169).

Представляется, что «погремушки» с изображением Эрота могли служить в качестве своего рода апотропеев, подобно колокольчикам, своим звоном отгонявших злых духов, и были связаны с подземным миром. Ведь недаром сбоку «погремушка» напоминает не только колыбель, но и гроб⁹. Вопрос о назначении погремушки в варварском погребении остается открытым.

БРОНЗОВАЯ ПОСУДА

Из бронзовой посуды провинциально-римского производства в могильнике найдены: таз, три ковша, ойнохоя и флакон (последний рассмотрен в разделе «Орудия труда. Медицинские инструменты»), а также ряд обломков от сосудов (например, в погребении 318), которые трудно отождествить с какими-либо конкретными формами (Гущина, Журавлев, 1999). Бронзовая посуда относится к числу достаточно редких находок в варварских могильниках Юго-Западного Крыма римского времени. Помимо бельбекского некрополя, бронзовые сосуды обнаружены в Усть-Альминском некрополе и в погребении у с. Константиновка (сводку подобных находок по Крыму см.: Труфанов, 2005–2009. С. 131–133).

ТАЗ

Бронзовый таз из погребения 215 (табл. 144; 234) – наиболее редкая и интересная находка среди всех бронзовых сосудов могильника. Таз, кованный из тонкого бронзового листа, имеет тулово полусферической формы, каннелированное снаружи и изнутри, на невысоком припаянном поддоне (см.: Гущина, Журавлев, 1996. Рис. 2, 9; 1999. Рис. 4, 5). Венчик слабо отогнут, по его краю сделаны выпуклины (размеры: диаметр – 34,7 см, диаметр донца – 9 см, высота – 8,7 см). В отдельных местах венчик деформирован. Ручки (овальные в сечении) имеют окончания в виде птичьих головок, концы ручек продеты в припаянные кольца. Под тазом были найдены четыре ременные пряжки с остатками кожи (табл. 143, 3–6), назначение которых неясно. В качестве гипотезы можно предположить, что таз подвешивался на этих ремнях. В этой связи интересно отметить, что к бронзовому тазу из сарматского погребения у с. Мокра были вторично припаяны три ручки с атташами в виде листа, что давало возможность использовать его в качестве котла (Кашиба и др., 2001–2002. С. 230. Рис. 15, 3).

Прямые аналогии публикуемому тазу нам неизвестны. Прототипом подобных сосудов могли служить бронзовые сосуды более раннего времени – например, чаша-таз из Македонии, датированная VI–V вв. до н.э. (Popovic, 1958. Tabl. VI, 23, 1). Не исключена связь тазов этого типа с сосудами типа Eggers-77 или Eggers-107 (Eggers, 1951), хотя признать их точными аналогиями невозможно. Каннелированное тулово – характерная черта посуды римского времени (Radnoti, 1938. Taf. XXIX, 2; XXX, 4). Известен ряд серебряных и золотых сосудов-фиал, имеющих близкую форму и каннелированное тулово, но без ручек (см., например: Сницын, 1906. Рис. 38. Табл. XIV; Николов, 1961. С. 368; Traci, 1989. No. 142/2; Rogozen, 1989. No. 43; 93). Относительно близкий таз был обнаружен в Болгарии (Шкорпил, Шкорпил, 1912. Табл. VII, 2), ряд общих черт сближает бельбекскую находку и с сосудами из Паннонии (Radnoti, 1938. S. 122. Taf. XXXVII, 1, 1a), датированными около 200 г. н.э., а также с чашей из Австрии (Miglhauser, 1994. Abb. 9), относящейся к началу III в. н.э., с сосудами из других мест (Kellner, Zahlhaas, 1993. Taf. 94, 95. No. 51, 52). Тулово публикуемого таза напоминает по форме и серебряные тазы производства Галлии 250–275 гг. (см., например: Art, 1985. No 133), а также позднеантичные тазы из других памятников (Kaufmann–Heinimann, 1984. No. 41. Abb. 32–33).

Близкие по форме ручки в виде птичьих голов были распространены в Центральной и Восточной Европе, а также в Северном Причерноморье (см., например: Tassinari, 1993. Tav. LVII–LXIII; Прохорова, Гузев, 1992. Рис. 3, 11, 12; Гущина, Засецкая, 1994. Кат. 107, 271).

⁹ В одном из погребений ольвийского некрополя также были найдены «погремушки» яйцевидной формы, покрытые белой обмазкой и полихромной росписью. А.С. Русаева справедливо замечает, что они не являлись детскими игрушками, а могли применяться совсем для иных целей. Так, в Элевсинских празднествах впереди процессии несли статую Иакха и приготовленные для него игрушки (Русаева, 1979. С. 44–45).

Интересно отметить, что изображение близких по форме тазов зафиксировано на поясных пряжках ранневизантийского времени (VI в. н.э.), воспроизводящих формы сосудов, известные с более ранних времен. И. Вернер предполагает, что эти тазы использовались для омовения рук или ног (Werner, 1990. S. 276. Abb. 4). Теоретически можно допустить аналогичное назначение и бельбекского таза, тем более что в комплексе погребения был найден большой одноручный кувшин (табл. 143, 14), а также светлоглиняная амфора (табл. 143, 15), положенная на закладную плиту непосредственно над тазом. Однако бронзовый таз вряд ли использовался варварами по его прямому назначению. Хотя следует отметить и другие находки бронзовых тазов иного облика в варварских некрополях, например в Усть-Альминском, но их датировка не выходит за пределы I в. н.э. (Пуздровский, 2007а. С. 169. Рис. 153, 5–6).

Комплекс, из которого происходит бельбекский сосуд, учитывая датировку лучковой фибулы с фигурной обмоткой и светлоглиняной амфоры, датируется второй–третьей четвертью II в. н.э.¹⁰ Очевидно, в пределах первой половины – середины II в. н.э. можно датировать и публикуемый нами таз. Точное место производства этого сосуда указать невозможно в связи с отсутствием прямых аналогий, но представляется, что он вышел из мастерских западных провинций Римской империи.

КОВШИ

В могильнике было обнаружено три литых ковша, обработанных впоследствии на токарном станке (см. о технологии изготовления таких ковшей: Poulsen, 1995. P. 59–67). Бронзовые ковши являются одним из самых распространенных типов римской металлической посуды и широко известны на всей территории римских провинций и за границами Империи на огромной территории Центральной и Восточной Европы (см., например: Radnoti, 1938. S. 51. Taf. III, 14; Boucher, Tassinari, 1976. No. 130–134; Breščak, 1982. Taf. 2, 15; 6, 18, 19; Brescak, 1995. Fig. 3, 3). Множество ковшей этого типа было обнаружено в Помпеях (Tassinari, 1993. P. 98. No. 4032, 7043, 12744 и т.п.). Аналогии этим ковшам в Северном Причерноморье также многочисленны (Кропоткин, 1970. С. 25. Рис. 11 – карта распространения; Книпович, 1949. С. 144; Максимов, 1957. С. 158. Рис. 1; Шелов, 1965. С. 266; 1972. С. 197; Шилов, 1973. С. 252. Рис. 1; 1974. Рис. 57, 3; 59; АГСП, 1984. Табл. LXXII, 7; Гросу, 1990. Рис. 15, Г1; Демиденко, 1994. Рис. 2, 9; Фурсов, 2002. С. 109. № 520; Simonenko, 2008. Taf. 72, 1; 78, 1; 85, 1; 89, 4, 5; 112; Marčenko, Limberis, 2008. Taf. 94; 101; 111; 124; 191; 183; 219). Эти ковши были распространены вплоть до Прикамья (Волкович, 1941. С. 225. Табл. III). Обычно эти изделия относят к продукции мастерских Италии и Галлии.

Ковш из погребения 172 (табл. 110, 4; 233, 2); размеры: диаметр – 18,4 см, диаметр донца – 11,4 см, высота – 12,5–13,6 см, длина ручки – 16,5 см. Имеет полусферическую форму, плоскую ручку, конец которой представляет кольцо с круглым отверстием посередине. Венчик отогнут, в верхней части тулова сделаны два неглубоких желобка. Дно вогнуто, имеет концентрические круги на поддоне. Сосуд сильно деформирован (вероятно, еще в древности).

Ковш из погребения 299 (рис. 201, 8; 233, 1); размеры: диаметр – 15,6 см, диаметр донца – 9,3 см, высота – 10,1 см, длина ручки – 14,4 см. Имеет форму, аналогичную предыдущему экземпляру, но дно не так сильно вогнуто. Одна из стенок ковша была пробита еще в древности, и ее запаяли каким-то более светлым металлом (олово?).

Ковши из могильника Бельбек IV аналогичны типу Eggers–140 (Eggers, 1951). Наиболее вероятная дата комплексов с ковшами – вторая половина I в. н.э. (для погребения 172 – третья четверть I в. н.э., для погребения 299 – последняя четверть I в. н.э.). Сами же ковши могли быть изготовлены и несколько ранее – Г. Эггерс относит тип 140 к ступени VI (0–50 гг.) (Eggers, 1951. S. 172. Taf. 12, 140; ср.: Шукин, 1991. С. 93–94. Рис. 1).

Недавние раскопки Усть-Альминского могильника выявили значительное количество находок бронзовых ковшей близких типов (Puzdrovskij, Zajcev, 2004. Abb. 4, 4; 13, 2ab; 14, 1; Пуздровский, 2007а. С. 168–169. Рис. 151, 1; 153, 2–3; 154, 2). Получается, что ковши были весьма популярны среди варварских обитателей Юго-Западного Крыма римского времени.

Ковш из случайных находок на территории могильника наиболее близок типу Eggers–136 (размеры: диаметр – 16,7 см, диаметр донца – 11,3 см, высота 9,4 см, длина ручки – 15,2 см), однако имеет другую по форме ручку, завершающуюся тремя выступами (табл. 220, 4; 233, 3). Тулово ковша – коническое, достаточно сильно расширяется кверху, венчик слабо отогнут, дно – плоское. Практически идентичный ковш происходит из раскопок Пом-

¹⁰ В предварительной публикации комплекс погребения был ошибочно датирован более поздним временем (Гущина, Журавлев, 1999. С. 161–165).

пей (Tassinari, 1993. № 2865). Дата публикуемого ковша может быть определена в пределах конца I в. до н.э. – первой половины I в. н.э., т. е. он является самым ранним бронзовым сосудом из представленных в могильнике Бельбек IV. К сожалению, он найден вне комплекса, и уточнить его дату не представляется возможным.

ОЙНОХОЯ

Бронзовая ойнохоя (рис. 194, 1; 233, 4) происходит из погребения 285, по форме близка типу 128 по классификации Эггера (Eggers, 1951) или типу «Стралджа» (Raev, 1977a. S. 616). Имеет размеры: диаметр устья – 7 см, диаметр донца – 9,5 см, высота – 19,9 см. Ойнохоя представляет собой невысокий узкогорлый сосуд с биконическим туловом, сильно сужающимся книзу, дно плоское. Ручка, которая, судя по всему, была железной, не сохранилась, но она легко восстанавливаема по многочисленным аналогиям. От нее остались крепления в виде заклепок на венчике, а также следы крепления на тулове. Этот тип бронзовых кованых ойнохой был широко распространен во всей Восточной Европе (Шелов, 1983. С. 65; Раев, 1978a; 1978b. С. 5. Обр. 2; ср.: Radnoti, 1938. S. 151–155). Б.А. Раев предполагает, что сосуда этого типа могли производиться во Фракии, и называет этот тип «фракийским» (Raev, 1977a. S. 616, сл.; 1977b. P. 155, сл.). Д.Б. Шелов считает, что они могли производиться не только во Фракии, но и в Северном Причерноморье по италийским или фракийским образцам (Шелов, 1983. С. 66). В Крыму находки таких ойнохой достаточно редки (Бабенчиков, 1963. Табл. XII, 1; V, 17; Блаватский, 1951. С. 269; Кропоткин, 1970. № 824, 829, 831, 833; Стржелецкий и др., 2005–2009. С. 129. Рис. 20). В Крыму известно также несколько бронзовых ойнохой более раннего времени, относящихся к I или первой половине II в. н.э. (Орлов, Скорый, 1989. С. 65–66. Рис. 1, 4; Пуздровский, 2007a. Рис. 153, 1; 154, 1; Simonenko, 2008. Taf. 98, 1), тогда как в Северном Причерноморье их известно сравнительно много (Мелюкова, 1962. Рис. 3; Кропоткин, 1970. С. 23. Рис. 8 – карта распространения; Арсеньева, Шелов, 1974. Табл. XXXIII, 1; Шелов, 1983; Раев, 1979. P. 237. Pl. 13; 1986; Гросу, 1990. Рис. 25, 10; Кашуба и др., 2001–2002. С. 208, 229. Рис. 15, 1).

В целом кованые бронзовые ойнохой, подобные бельбекской, относят обычно ко II–III вв. н.э. (Шелов, 1983. С. 66; см. схему развития типа: Raev, 1986. Pl. 31). Комплекс погребения 285 можно датировать первой четвертью III в. н.э. Не исключено, что сама ойнохоя датируется немного более ранним временем (середина – третья четверть II в. н.э.), учитывая тот факт, что в могилу она попала уже без ручки. А.А. Труфанов датирует крымские находки подобных ойнохой, очевидно, включая и бельбекскую, первой или второй четвертью II в. н.э. (Труфанов, 2005–2009. С. 133). Нам представляется, что эта дата слишком удревнена – в Юго-Западном Крыму известны и другие комплексы III в. н.э. с ойнохоями данного типа (Бабенчиков, 1963. Табл. XII, 1; Стржелецкий и др., 2005–2009. С. 129. Рис. 20).

Погребения, в которых обнаружена бронзовая посуда, не выделяются особенностями обряда среди других погребальных комплексов. Это грунтовые могилы, в двух случаях (погребения 215 и 299) ямы имели заплечики и перекрывались каменными плитами. Погребение 39(2), из которого происходит бронзовый флакон, рассмотренный ниже, при описании медицинских инструментов, подбойное, причем подбои были сделаны с двух сторон входной ямы. Бронзовые сосуды в погребении размещались либо в головах (погребение 172), либо в ногах (погребения 215 и 299). Все бронзовые сосуды найдены в нерядовых захоронениях, содержащих изделия из драгоценных металлов (золотые бляшки – в погребении 299, серебряный денарий и браслет – в погребении 285, серебряный браслет – в погребении 215, серебряная серьга – в погребении 39) и оружие (в погребении 215). Кроме того, прослежена определенная закономерность – в большинстве погребений с бронзовой посудой обнаружены амфоры (погребения 172, 215 и 285). Отметим, что в некоторых комплексах Усть-Альминского некрополя амфоры и бронзовые сосуды также происходят из одних могил (Loboda & al., 2002. S. 330–338. Abb. 19–23).

Как и у сарматов (Шилов, 1974. С. 64–65), находки бронзовой посуды в варварских могилах Юго-Западного Крыма подчеркивают сравнительно высокий имущественный или социальный статус погребенных. Комплекс погребения 215 выделяется из общего круга захоронений Юго-Западного Крыма римского времени, представляя не совсем типичный для местного общества набор инвентаря воинского погребения. К сожалению, антропологические исследования костяков из-за плохой сохранности последних не проводились, но можно говорить, что бронзовая посуда происходит как из мужских, так и из женских могил.

ФИГУРКИ ЭРОТОВ

В погребении 223 была найдена бронзовая литая фигурка Эрота (табл. 150, 2; 236, 3), в древности разрезанная поперек (Гущина, Журавлев, 1996. Рис. 2, 3; Журавлев, 1997б. Рис. 4, 1; Ахмедов и др., 2001. Рис. 3, 4; 4). Она представляет собой идущего обнаженного мальчика, слегка наклонившегося вперед, с поднятой правой рукой и одним крылом за плечами. Вторая рука у мальчика отсутствует. Гравировкой проработаны черты лица и локоны ребенка. Обратная сторона статуэтки плоская. Высота статуэтки – 7,4 см. На крыле Эрота грубо просверлено отверстие, в которое небрежно продето проволоочное кольцо с перевитыми концами. Эта находка является уникальной для некрополей Юго-Западного Крыма римского времени.

Можно предположить, что наша фигурка первоначально использовалась для украшения какого-то изделия (например, бронзового сосуда или ларца). Так, например, относительно близкое изображение Эрота известно на ручке бронзовой ойнохой (Жуглев, Калудова, 1963. С. 38. Рис. 11). Также наблюдается определенное сходство с фигурками Эротов II – начала III в. н.э. из римских провинций (Ridder, 1913. P. 86. Pl. 43. No. 610; Velickovic, 1972. S. 53. No. 75). В качестве далекой аналогии можно привести бронзовое изображение Эрота – деталь бронзового сосуда – находку из разграбленного кургана в Славянске-на-Кубани (Анфимов, 1979. С. 232–233; Хачатурова, 2002. С. 135. № 632; Marčenko, Limberis, 2008. S. 354. Taf. 100). В склепе № 620 Усть-Альминского некрополя была найдена бронзовая патера с изображением в высоком рельефе Эрота на внутренней стороне (Древние сокровища, 2005. С. 8, 17. № 36). Публикуемое изображение Эрота существовало отдельно, превратившись в статуэтку, и использовалось своим новым владельцем в качестве подвески. Очевидно, фигурка Эрота из могильника Бельбек IV – провинциально-римского происхождения и датируется в пределах I или начала II в. н.э. (комплекс погребения относится ко второй четверти II в. н.э.) (Ахмедов и др., 2001. С. 186).

Еще одна интересная подвеска из бронзы была найдена в погребении 233 – фигурка идущего Эрота (табл. 158, 11; 236, 1), с крыльями за спиной и накинутым на плечи плащом, руки и крылья выполнены гравировкой очень схематично (Гущина, Журавлев, 1996. Рис. 2, 2). Скорее всего, это вторичное использование атташа бронзового сосуда; такие атташи были характерны для посуды раннеримского времени (ср.: Марченко, 1947. С. 37. Рис. 1; Cermanović-Kuzmanović, 1994. S. 77–80. Abb. 3; Гущина, Засецкая, 1994. Кат. 272; Marčenko, Limberis, 2008. Taf. 77, 1; АГСП, 1984. Табл. LXXII, 5; Faider-Feytmans, 1979. Pl. 143. No. 364). Полностью идентичных атташей нам найти не удалось, однако существует целый ряд стилистически близких атташей, с изображениями Эрота, Гарпократа и др. (Nuber, 1973. Taf. 12, 2a, b; Topál, 1993. Pl. 11, 24; Faider-Feytmans, 1979. Pl. 122–123; 140, 361; 143, 364; 148, 369; Dyczek, 1994. Fig. 4; Tassinari, 1993. Tav. CX–CXXIX, особенно № 3529, 4685, 18768 и др., Menzel, 1986. Taf. 173, No. 542; Riflessi di Roma, 1997. P. 96. No. 77. См. также: АГСП, 1984. Табл. LXXII, 5); иконографически близкое изображение Эрота известно на ключе римского времени из Muttentz (Kaufmann-Heinimann, 1977. Taf. 139). Детали украшений бронзовых сосудов, в том числе с изображением Эрота, известны из Усть-Альминского могильника (Пуздровский, 2007а. Рис. 149, 4). В этом же некрополе найдена бронзовая ойнохоя с изображением Эрота (Пуздровский, 2007а. Рис. 155, 1). Здесь же в качестве амулета была использована фигурка Эрота, по мнению А.Е. Пуздровского, первоначально украшавшая ручку бронзового сосуда (Пуздровский, 2007а. С. 164. Рис. 149, 4). Комплекс погребения 233 датируется последней четвертью II – началом III в. н.э.

ГЕРМА

Редкой является находка из погребения 3 – это бронзовая статуэтка-герма, несомненно, провинциально-римской работы (табл. 5, 7; 236, 2), представляющая собой фаллическое изображение юноши (Гущина, 1974. Рис. 34, 15; Журавлев, 1997б. Рис. 4, 3; 2006б. С. 30. № 16. Об интерпретации и иконографии герм см.: Ходза, 2008). Размеры статуэтки: высота – 5,1 см, основание – 2,5 × 1,8 см. Близкой находкой является герма из святилища у перевала Гурзуфское седло (Новиченкова, 1993. С. 62. Рис. 5, 6; Трейстер, 1998. С. 76–77. Рис. 10; Cat. Rimini, 1995. P. 129. Cat. 18), аналогии которой известны из раскопок Помпей и из Аугуста (Kaufmann-

Heinimann, 1977. Taf. 114. No. 177d). Комплекс бельбекского погребения датируется не позднее третьей четверти I в. н.э.

Публикуемая герма не имеет ничего общего с небольшими подвесками в виде герм, известными во многих пунктах Северного Причерноморья (Алексеева, 1982а. Табл. 41, 20–29), и существенно отличается от найденной в могильнике Молога II, хотя авторы публикации и привлекают бельбекскую герму в качестве аналогии нижнеднепровской (Гудкова, Фокеев, 1982. С. 101. Рис. 8, 2).

СТЕКЛЯННАЯ ПОСУДА

Обилием стеклянных сосудов могильник Бельбек IV резко выделяется среди других могильников Юго-Западного Крыма (62 целых сосуда, не считая обломков). Больше стеклянных сосудов – 239 – происходит только из некрополя «Совхоз 10» (Стржелецкий и др., 2005–2009. С. 116). В целом же стеклянная посуда встречается в позднескифских памятниках редко (Сымонович, 1983. С. 84; Высотская, 1994. С. 85; Пуздровский, 2007а. С. 191). Многие типы посуды, найденные в могильниках Бельбекской долины, более нигде в Юго-Западном Крыму не встречаются (Дашевская, 1991. Табл. 58). В.И. Кадеев и С.Б. Сорочан отмечают большое количество стеклянных сосудов в памятниках Бельбекской долины, но, по их мнению, наибольшее количество стекла происходит из могильников Бельбек I и II (Кадеев, Сорочан, 1989. С. 83). При этом можно отметить, что стеклянная посуда иногда попадала в комплексы погребений «с опозданием» на 25 и более лет со времени своего производства (погребения 101, 221), что может свидетельствовать об ее относительной ценности и длительности использования.

Обычно в могилу помещался только один стеклянный сосуд. Лишь в нескольких погребениях их обнаружено по два, в погребениях: 131 – бутылъ и стакан, 100 – миска и бальзамарий, 187 – амфориск и бальзамарий, 197 – арибалл и баночка, 221 – кубикос и чаша. В расположении стеклянных сосудов прослеживается некоторая закономерность: бальзамарии обычно располагались в ногах погребенной женщины (часто – в шкатулке), а остальные сосуды – в головах. Хотя иногда встречаются и исключения – так, бальзамарии были найдены под черепом, у плеча, около рук и т.п.

Несколько сосудов являются импортом из Средиземноморья (Сирия, Египет, Малая Азия, Италия), большая же их часть, несомненно, производилась в Херсонесе (о херсонесском стеклоделательном производстве см.: Белов, 1965; 1969. С. 80–84). Остатки производства стекла были также зафиксированы в непосредственной близости от Бельбекской долины – на городище Алма-Кермен (Висотська, 1964; Высотская, 1972. С. 136). Как полагает ряд исследователей, продукция этой мастерской в основном предназначалась для частей римской вексилляции в Таврике, а не для торговли с местным населением Юго-Западного Крыма (Сорокина, 1982. С. 41). Согласно сообщению Ю.П. Зайцева, проводившего раскопки на этом памятнике, найденные здесь фрагменты стекла не являются браком и никак не связаны со стеклоделательным производством.

БАЛЬЗАМАРИИ

Большая часть стеклянных сосудов могильника (41 экземпляр – более 60% всех сосудов) представлена бальзамариями различных типов. При характеристике бальзамариев – сосудов для хранения парфюмерии – мы придерживаемся типологии, разработанной Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной для бальзамариев из боспорских некрополей (Кунина, Сорокина, 1972). При этом необходимо отметить, что публикуемые нами бальзамарии имеют некоторые отличия, определяемые локальными особенностями херсонесских сосудов, что обуславливает иногда значительные расхождения в датировках с боспорскими. Необходимо учитывать и возможность попадания более ранних вещей, в том числе и стеклянных сосудов, в погребения более позднего времени (см. об этом, например: Труфанов, Юрочкин, 1999. Табл. 3). Все бальзамарии имеют широкие аналогии в некрополях античных причерноморских городов – Херсонеса, Ольвии, Пантикапея, Кеп (Зубарь, 1982. С. 85–88. Рис. 55–57; Кадеев, 1995. Рис. 3–5; Козуб, 1986; Кунина, Сорокина, 1972) – и многих других местах, в том числе и в Юго-Западном Крыму (Пуздровский, 2007а. Рис. 191–192). Наличие обстоятельной работы, специально посвященной бальзамариям Боспора, позволяет нам не приводить многочисленных аналогий этим сосудам за пределами Северного Причерноморья.

Тип I, 2, А (по Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной, середина – третья четверть I в. н.э.). Эти бальзамарии имеют тулово грушевидной формы, по высоте почти равное горлу. Они найдены в погребениях 160 (табл. 100, 2), 203 (табл. 133, 7) и 211 (табл. 139, 4), которые датируются в целом последней четвертью I – началом II в. н.э. Особняком стоит сосуд из погребения 101 (табл. 58, 2), который по формальным признакам также может быть отнесен к этому типу. Но комплекс этой могилы датируется как минимум на сто лет позднее.

Тип I, 2, Б (по Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной, середина I – начало II в. н.э.). Тулово этих сосудов имеет более четкие конические очертания. Они обнаружены в погребениях 152 (табл. 94, 2), 162 (табл. 100, 32), 182 (табл. 117, 11). Эти комплексы относятся в основном к первой половине II в.

Тип I, 2, В (по Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной, середина I – вторая четверть II в. н.э.). Горло сосуда становится в два раза выше тулова, которое еще сохраняет мягкие очертания. К этому типу принадлежит лишь бальзамарий из погребения 47 (табл. 32, 4). Датировка комплекса – последняя четверть I – начало II в. н.э.

Тип I, 2, Г (по Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной, середина I – вторая четверть II в. н.э.). Это самый распространенный тип бальзамариев в погребениях могильника Бельбек IV. Сосуды имеют низкое коническое тулово и высокое горло; дно бальзамариев часто вогнуто. Они происходят из погребений 81 (табл. 49, 5), 96 (табл. 55, 3), 129 (табл. 78, 4), 167 (табл. 105, 2), 179 (табл. 116, 5), 185 (табл. 119, 7), 210 (табл. 138, 2), 225 (табл. 154, 17), 226 (табл. 153, 4), 238 (табл. 163, 5), 257 (табл. 177, 9), 261 (табл. 182, 3), 309 (табл. 206, 2) и 329 (табл. 218, 7). Кроме того, к этому же типу могут быть отнесены еще две небольшие группы бальзамариев, имеющие некоторые отличия – из погребений 227 (табл. 155, 7)¹¹ и 265 (табл. 184, 7), а также из погребений 108 (табл. 65, 2), 228 (табл. 156, 12), 241 (табл. 167, 6), 244 (табл. 170, 3), 264 (табл. 183, 14) и 286 (табл. 195, 1). Сосуды последней группы имеют высокое, сильно расширяющееся горло (особенно бальзамарий из погребения 241, который также близок к типу I, 2, Д). Практически все эти бальзамарии происходят из комплексов II в. н.э., лишь отдельные – из могил первой половины III в. н.э.

Типы I, 2, Д и I, 2, Е – наиболее поздние бальзамарии с коническим туловом (по Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной, начало II – середина III в. н.э.). Они происходят из погребений 100 (табл. 56, 10), 102 (табл. 60, 4), 231 (табл. 157, 19), 326 (табл. 217, 5). Контур тулова сосуда из погребения 231 нечеткий, дно сильно вогнуто. Бальзамарии варианта Е имеют уплощенное тулово и сильно вогнутое дно. В целом комплексы погребений относятся ко II в. н.э., погребения 326 – к концу II – первой половине III в. н.э.

Тип II, 2 (по Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной, середина I – середина II в. н.э.). к нему относятся сосуды из погребений 93 (табл. 54, 2), 98 (табл. 57, 6), 106 (табл. 62, 2) и 223 (табл. 149, 2). Горло сосудов цилиндрическое, с перехватом в месте его соединения с туловом, дно сильно вогнуто. Происходят из комплексов конца I – второй/третьей четверти II в. н.э.

К типу III (по Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной, третья четверть I в. н.э.) относится бальзамарий из погребения 187 (табл. 121, 3), форма тулова которого приближается к сферической, а дно – плоское. Этот комплекс может быть датирован последней четвертью I в. н.э.

Бальзамарий из погребения 198 (высота сосуда – 8 см) имеет шаровидное приплюснутое сверху тулово и слегка уплощенное дно (табл. 130, 5). Горло трубчатое, сужается кверху. Венчик образован отогнутым, а затем загнутым внутрь краем. Вероятно, этот сосуд относится к группе средиземноморских бальзамариев I в. н.э. Наиболее вероятно его египетское происхождение (Гущина, Сорокина, 1984. С. 45; ср.: Кунина, Сорокина, 1972. С. 171). Комплекс погребения датируется концом I – первой половиной II в. н.э.

Качество всех этих сосудов довольно низкое, форма многих из них асимметрична. Для всех бальзамариев характерны три цвета стеклянной массы: голубоватый с зеленоватым оттенком; голубоватый, но отличающийся большей лазурностью; бесцветный. Вероятно, все бальзамарии являются изделиями местного, херсонесского производства (Сорокина, Гущина, 1980. С. 91).

Также как и в могильнике Бельбек IV, среди стеклянных сосудов из некрополей Юго-Западного Крыма большинство находок принадлежит бальзамариям (Сымонович, 1983. С. 84; Богданова, 1989. С. 55; Высотская, 1994. С. 84). Н.А. Богданова считает, что они происходят только из богатых погребений (Богданова, 1989. С. 55). Материалы некрополя Бельбек IV показывают, что бальзамарии служили обычным инвентарем женских погребений (в том числе, очевидно, и погребений девочек), а вовсе не являлись показателем богатства. Зафиксирован

¹¹ Этот бальзамарий может быть и промежуточным вариантом между типами I, 2, Г и Д боспорской классификации.

ряд погребений с невыразительным инвентарем, в которых присутствовали бальзамарии (например, погребения 102, 225, 309 и др.).

СТАКАНЫ

Всего в бельбекском некрополе найдено семь стаканов. Стакан из погребения 144 (табл. 89, 16) (размеры: высота – 8 см, диаметр устья – 5,7 см, диаметр дна – 3 см, толщина стенок – около 1 мм) имеет яйцевидную форму, дно слегка вогнуто, край не обработан. На тулове сделано шесть шлифованных глубоких полосок: четыре верхних – широкие, две нижних – узкие. Сосуд выдут из лазурно-голубоватого стекла, с большим количеством пузырьков. Аналогичные стаканы широко известны на территории Римской империи (Vessberg, 1952. Pl. III, 21; XXIV, 123; Dusenbery, 1967. Fig. 36; Isings, 1957. P. 27–29. Form 12; Кунина, Сорокина, 1972. Рис. 3, 11, 26, 27; 6, 38, 54). Этот тип стаканов можно датировать серединой – второй половиной I в. н.э. (Сорокина, Гущина, 1980. С. 92).

Второй стакан происходит из погребения 131 (табл. 80, 2) (размеры: высота – 6,6 см, диаметр устья – 6,6 см, диаметр дна – 4,2 см). Стенки стакана почти прямые, тулово немного расширяется ко дну и в нижней части округло переходит в кольцевой поддон. Дно – конусовидно-вогнутое, край отогнут и оплавлен; на дне – след от полой трубки диаметром 2 см. Сосуд выдут из блестящего голубоватого стекла с зеленым оттенком; датируется он не позднее начала II в. н.э. (Сорокина, Гущина, 1980. С. 93).

Три стакана происходят из случайных находок. Один из них цилиндрической формы, с отогнутым оплавленным краем, немного вогнутым дном, слабым отпечатком рабочего инструмента (табл. 225, 1) (размеры: высота – 6,8 см, диаметр устья – 7,8 см, диаметр дна – 4 см, толщина стенок – около 1 мм). Под венчиком на значительном расстоянии в один виток положена нить. Выдут из прозрачного белого стекла с отдельными пузырьками. Стакан может быть датирован II в. н.э. (Сорокина, Гущина, 1980. С. 92). Второй стакан (табл. 225, 2) реконструирован по обломкам (размеры: высота – около 11 см, диаметр устья – 6,2 см, диаметр дна – 2 см, толщина стенок – 0,5 мм); имеет колоколовидную форму, сужается книзу, на полом кольцевом поддоне. Край валикообразный благодаря оплавке. Все тулово обвито тонкой стеклянной нитью. Сосуд сделан из голубовато-желтовато-зеленоватого стекла и, вероятно, должен быть отнесен ко II–III вв. н.э. (Сорокина, Гущина, 1980. С. 93). Последний стакан из случайных находок (размеры: высота – 8,7 см, диаметр устья – 6,4 см, диаметр донца – 4,5 см) имеет цилиндрическую форму тулова, плоское дно, край отогнут. Выдут из прозрачного стекла. Близкие ему по форме стаканы (второго типа по классификации Н.П. Сорокиной) с гравированными полосками на тулове или без них достаточно часто встречаются в Северном Причерноморье (Сорокина, 1962. Рис. 7, 2; 9, 8; 1965. Рис. 1, 2–8). Они датируются второй половиной II – первой половиной III в. н.э. (Сорокина, 1965. С. 205).

Стаканы из погребений 221 (табл. 148, 7) (размеры: высота – 5,7 см, диаметр устья – 7,4 см, диаметр донца – 4 см) и 236 (табл. 162, 23) (размеры: высота – 6,3 см, диаметр устья – 7,6 см, диаметр донца – 3,9 см) имеют цилиндрическую форму с вертикальными стенками, донце в центре вогнуто внутрь, венчик отогнут; стекло прозрачное. Эти сосуды можно датировать второй–третьей четвертью II в. н.э. Близкие по форме стаканы найдены, например, в Горгиппии (Алексеева, 1997. Табл. 241, 8) или в некрополе на Почтовой улице в Краснодаре (Marčenko, Limberis, 2008. Taf. 121, 98, 110).

МИСКА

Миска из погребения 100 (табл. 56, 11) (размеры: высота – 4 см, диаметр устья – 8,5 см, диаметр дна – 4,6 см). Невысокая, на кольцевом поддоне. Венчик отогнут, под ним расположен валик, образованный из стенки сосуда. Дно вогнутое, с остатками следов рабочего инструмента. Стекло прозрачное, с голубоватым оттенком, много пузырьков. Сосуд является изделием неизвестного центра и датируется концом I – первой половиной II в. (Сорокина, Гущина, 1980. С. 96, с аналогиями).

КУБИКОСЫ

Кубикос из погребения 74 (табл. 45, 10) имеет невысокое кубическое тулово, несколько сужающееся кверху, венчик отогнут и загнут. Ручка плоская, с закраинами по бокам. Отдельные пузырьки на горле вытянутые, стрелчатые. Размеры кубикоса: высота – 10 см, диаметр устья – 3 см, размеры дна – 5 × 5 см, толщина стенок – 0,5 мм. Стекло легкое, тонкое, прозрачное, грязно-голубоватого цвета. На дне кувшина в каждом углу и центре сделано по рельефной окружности с выпуклостью посередине – так называемое клеймо. Близкие «клейма» широко известны на сосудах как из Северного Причерноморья, так и из римских провинций (Сорокина, 1965. Рис. 12; Sorokina, 1990. Abb. 2, 9–14; Сорокина, 1997а. Рис. 2, 9–14; Кунина, 1997. № 163–167; Grosu, 1995. Fig. 8, 3; Lightfoot, Arslan, 1992. P. 108. No. 58; Nikolić, Pop–Lazić, 2005. S. 18. Fig. 4). Окончательный вывод о том, являлись ли они клеймами, торговыми марками или украшениями еще не сделан (Сорокина, 1977. С. 120). В Юго-Западном Крыму находки таких сосудов встречаются редко. Помимо бельбекского некрополя, известен такой сосуд и из некрополя «Совхоз № 10» (Стржелецкий и др., 2005–2009. Табл. XXIX, 31).

Ближний по форме кубикос происходит из погребения 221 (табл. 148, 6) (Zhuravlev, 1999. Fig. 21, 6). Размеры кубикоса: высота – 12,2 см, диаметр устья – 3,2 см, диаметр донца – 5,4 см, размеры дна – 6,2 × 6,2 см. На внешней стороне дна – клеймо в виде розетты, аналогии которым также известны как на территории римских провинций (Сорокина, 1965. Рис. 12, 1; Rutti, 1991. Taf. 113–126; Lightfoot, Arslan, 1992. P. 108. No. 57; Ružič, 1994. Tab. II), так и в Причерноморье, в частности в Ольвии (Сорокина, 1965. Рис. 12, 5) или в современной Грузии (Apakidze, Nikolaishvili, 1994. Fig. 30, 46–47). Вероятно, подобные кубикосы являются продукцией сирийских или малоазийских мастерских конца I – первой половины II в. н.э. (Сорокина, Гущина, 1980. С. 94–95. См. подробнее о таких сосудах: Alarcão, 1975). Эту дату подтверждает и комплекс погребения 74 (первая половина II в. н.э.), а погребение 221 относится к третьей четверти II в. н.э.

БУТЫЛЬ

Бутыль из погребения 131 (табл. 80, 3) (размеры: высота – 20,2 см, диаметр устья – 5,8 см, дна – 6,3 см, толщина стенок – около 2 мм). Тулово шаровидное, немного приплюснутое сверху, дно слегка вогнуто в центре, горло трубчатое с муфтообразным венчиком. Эта форма достаточно редко встречается в Центральной Европе (Isings, 1957. P. 90. Form 70; Ružič, 1994. Tab. VI, 1, 2), тогда как в Средиземноморье и Причерноморье их находки довольно часты (Кунина, 1997. Кат. № 214–215, с большим количеством аналогий). Публикуемая бутыль имеет, очевидно, анатолийское происхождение (Сорокина, 1997а). Датировать этот сосуд можно второй половиной I в. н.э. (Сорокина, Гущина, 1980. С. 96), а комплекс погребения относится к первой четверти II в. н.э.

АМФОРИСК

Амфориск из погребения 187 (табл. 121, 2) (размеры: высота – 9,1 см, диаметр тулова – 4 см, венчика – 3 см). Стекло марганцевой окраски, пузырьки редки. Стекло тонкое, легкое. Ручки разноцветные: одна – темно-синяя, другая – прозрачная с зеленоватым оттенком. Имеет эллипсоидное тулово, плавно переходящее в трубчатое горло, край которого сильно отогнут, а затем слегка загнут внутрь. Дно острое, с небольшим полым выступом. Ручки прикреплены к средней части горла и покатым плечикам. Вероятно, центр производства амфориска – Северная Италия, дата – середина I в. н.э. (Гущина, Сорокина, 1984. С. 50). Комплекс погребения датируется последней четвертью I в. н.э.

АРИБАЛЛЫ

Арибаллы происходят из погребений 197 (табл. 129, 6) (размеры: высота – 6,3 см, диаметр устья – 2,1 см, тулова – 6,3 см, дна – 2,1 см) и 312 (табл. 208, 3) (размеры: высота – 9 см, диаметр устья – 3,3 см, тулова – 8,4 см, дна – 2,9 см). Стекло обоих экземпляров – прозрачное, с травянисто-желтоватым оттенком, легкое, почти без пузырьков. Тулово шарообразное; дно

слегка вогнуто; горло цилиндрическое невысокое, венчик «муфтообразный». У основания горла – следы щипцов. Ручки вертикальные, в виде небольших ушек, верхний конец которых прикреплен к горлу под венчиком, а нижний – к плечикам сосуда. В Северном Причерноморье их находят достаточно часто (Гущина, Сорокина, 1984. С. 48, 52; Sorokina, 1987; Sorokina, 1990. Abb. 2, 17; Кунина, 1997. Кат. № 346–349), известны они и в других регионах (Rutti, 1991. Taf. 107, 109; Belivanova, 1999. Fig. 49; Ružič, 1994. Tab. XIII, 7–10). Местом их производства было, по всей видимости, Восточное Средиземноморье, дата бытования – рубеж I–II вв. (Гущина, Сорокина, 1984. С. 48).

МИНИАТЮРНЫЙ СОСУД-БАНКА

Миниатюрная баночка из погребения 197 (табл. 129, 5) (размеры: высота – 4 см, диаметр тулова – 5 см, устья – 4,1 см, дна – 2,6 см). Стекло лазурно-голубой интенсивной окраски, легкое, тонкое, с мельчайшими пузырьками круглой формы. Слегка асимметричное тулово сосуда – биконическое с округлыми плечиками, переходит в широкое устье раструбом, дно слегка вогнуто. На дне – след от понтит. Край устья оплавлен. Вероятно, такие баночки использовались для хранения мазей. Датируется сосуд рубежом I–II вв. (Гущина, Сорокина, 1984. С. 49). Из того же комплекса происходит и стеклянный арибалл, описанный выше. Место производства баночки – Восточное Средиземноморье. Сосуды подобного облика встречаются довольно редко (Репников, 1927. С. 163. Рис. 19; Saldern, 1975. S. 206. No. 578). Из Херсонеса происходит еще несколько баночек, немного отличающихся по форме (Кадеев, Сорочан, 1989. Рис. 16, 4, 5), а наиболее близкий туалетный сосуд найден в склепе 316 Усть-Альминского некрополя (Пуздровский, 2007а. С. 185. Рис. 191, 6).

ЧАШИ

К концу II – первой половине (первой четверти) III в. н.э. относится серия чаш полусферической формы.

Чаша из погребения 285 (табл. 194, 2) (размеры: диаметр устья – 15 см, диаметр донца – 4,8 см, высота – 10,5 см). Имеет полусферическую форму, на кольцевом поддоне, с массивным отогнутым венчиком, в нижней части – неширокий рельефный валик. Чаша сделана из бесцветного стекла с большим количеством пузырьков. Сосуд происходит из комплекса начала или первой четверти III в. н.э. Достаточно близкая чаша найдена в могиле 6 некрополя Перевальное, комплекс которой отнесен к середине – третьей четверти III в. н.э. (Пуздровский, 2007а. С. 196. Рис. 193, 4).

Чаши из погребений 261 (табл. 182, 2) (размеры: высота – 5,5 см, диаметр устья – 7,1 см, диаметр дна – 3 см) и 282 (табл. 193, 2). Последняя чаша реконструирована (приблизительные размеры: высота – 5 см, диаметр устья – 6,1 см, диаметр донца – 2,7 см). Чаши имеют полусферическую форму, массивное (до 0,4 см толщиной) вогнутое внутрь донце, венчик отогнут. Обе сделаны из бесцветного стекла, датироваться могут концом II – началом III в. н.э. Аналогичные чаши известны, например, в Горгиппии (Алексеева, 1997. Табл. 241, 2).

Чаша из погребения 258 (табл. 179, 2) (размеры: высота – 4,4 см, диаметр устья – 7,8 см, диаметр донца – 3,8 см), на невысоком поддоне, имеет полусферическую форму с почти вертикальными стенками, венчик массивный. Сделана из бесцветного стекла и датируется концом II – первой половиной III в. н.э. Вероятно, несколько раньше была сделана чаша из погребения 280 (табл. 191, 2), датирующегося последней четвертью II в. н.э.

ПАЛОЧКА ИЗ ВИТОГО СТЕКЛА

Фрагменты стеклянной палочки найдены в погребении 283 (табл. 193, 23). Обычно сверху такие палочки венчались кольцом или изображением птицы и использовались для перемешивания благовоний и их извлечения из стеклянной посуды. Кроме того, их могли использовать и в фармацевтике (Bischovala, 1977. P. 96. Fig. 19). В Северном Причерноморье находки таких палочек известны на территории Боспора и Херсонеса (Блаватский, 1941. Рис. 94, 64; Зубарь, 1982. Рис. 59, 6; Кадеев, 1995. Рис. 5, 2; Алексеева, 1997. Табл. 158, 6; Кунина, 1997. № 79–83); широко распространены они были также в Мезии, Фракии, Добрудже (Irimia, 1987.

Fig. 4, 6), Малой Азии (Hayes, 1975. No. 656B; Lightfoot, Arslan, 1992. No. 147–149). Типология стеклянных палочек из античного Северного Причерноморья была предложена А.С. Островерховым (Островерхов, 2005–2009. С. 411–412). К. Айсингс отмечает, что стеклянные палочки известны везде, где прослеживается римское влияние, и в основном они датируются второй половиной I в. н.э. (Isings, 1957. P. 94–95. Form 79), иногда I–II вв. н.э. (Lightfoot, Arslan, 1992. P. 129). Из аналогичных находок в крымских некрополях римского времени нам известна только одна близкая стеклянная палочка из Неаполя Скифского (Симонович, 1983. Табл. XXV, 24). По мнению А.С. Островерхова, эти палочки не только были составной частью парфюмерных наборов, но и «одновременно служили инсигниями служительниц Великих Богинь» (Островерхов, 2005–2009. С. 421–425). Комплекс погребения, в котором была найдена эта палочка, относится ко второй половине/концу II – первой половине III в. н.э. К сожалению, могила была ограблена, и установить, использовала ли эту палочку ее обладательница по прямому назначению (в качестве парфюмерной принадлежности) или в качестве амулета, невозможно.

Из стеклянных изделий упомянем также немногочисленные находки перстней и фрагментов сосудов, использованных в виде амулетов, которые будут рассмотрены ниже.

ВООРУЖЕНИЕ И КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

В целом предметов вооружения в могильнике найдено немного. В основном оно представлено железными мечами и кинжалами, а также их обломками. Эта ситуация характерна и для большинства других могильников Юго-Западного Крыма римского времени, хотя, благодаря раскопкам двух последних десятилетий, количество оружия из варварских погребений Крыма резко увеличилось. Сравнительно большее количество оружия происходит лишь из более поздних памятников, например, могильников Инкерманского и Озерного III (Лобода, 1977. С. 252). Т.Н. Высотская считает незначительное количество оружия в погребениях свидетельством того, что «у скифов перестает существовать народное ополчение, и оружие сосредотачивается в руках привилегированной верхушки общества» (Высотская, 1994. С. 86). Правда, анализ погребений с оружием из могильников Юго-Западного Крыма, в том числе и Усть-Альминского, не подтверждает этого предположения – далеко не все погребения, содержащие оружие, выделяются богатством. Вероятно, вторая половина I – первая половина II в. н.э. были достаточно спокойным периодом для населения Юго-Западного Крыма, чем объясняется и наличие большого количества римского импорта, полученного в результате торговли с Херсонесом, и очень редкие находки предметов вооружения в могильнике. Оружие появляется лишь в комплексах II в. н.э. Отметим широкое распространение вооружения сарматского типа вплоть до римских провинций (см., например: Bicher, 1993. Fig. 8, 1).

МЕЧИ И КИНЖАЛЫ

Мечи с кольцевым навершием и прямым перекрестьем – из погребения 214, длиной 40,5 см, на рукояти сохранились следы дерева, и погребения 215, длиной 44 см (табл. 142, 5; 143, 12; 242, 1, 4) – были положены в могилы в деревянных ножнах, от которых фиксируются только следы; редко сохраняются бронзовые заклепки. Такие мечи получают наиболее широкое распространение с рубежа нашей эры, а в целом этот тип вооружения датируется I в. до н.э. – II в. н.э. (Сокольский, 1954. С. 149–152; Хазанов, 1967; 1971. С. 11. Табл. II–VI; Симоненко, 1984. С. 139; 2009. С. 32–42. Рис. 26, 1 – карта распространения; Гущина, Засецкая, 1989. С. 100. Табл. V, 41; Скрипкин, 1990. С. 124; Малышев, Трейстер, 1994. С. 66–67; Simonenko, 2001. S. 219–225). В Юго-Западном Крыму их находки сравнительно редки (Богданова, 1989. С. 57–59. Табл. XXII, 1, 2; Дашевская, 1991. Табл. 61, 2, 4; Высотская, 1994. Рис. 28, 1–3). В 90–х годах прошлого века целая серия мечей этого типа была открыта в Битакском (Пуздровский, 2001. Рис. 10, 2; 2007. Рис. 87, 3) и Усть-Альминском (Пуздровский, 2007а. С. 129–131. Рис. 86, 1–3; 87, 1, 2; 88, 1–4) могильниках, а в начале XXI в. – в Заветнинском некрополе (Волошинов, Масякин, 2007. Рис. 3, 11; 6, 2). Мечи с кольцевидным навершием получили распространение в сарматских комплексах вплоть до территории Румынии (Museteanu, Lungu, 1977. Fig. 1–2; Симоненко, 2009. Рис. 26, 1). По мнению А.С. Скрипкина, появление мечей с кольцевидным навершием у сарматов связано с восточными традициями (Скрипкин, 2005. С. 182). Погребения 214 и 215 могильника Бельбек IV относятся ко второй–третьей четверти II в. н.э.

Также в могильнике найдены обломки *лезвий длинных мечей*, рукояти которых не сохранились, но были сделаны, очевидно, в виде штыря. Они происходят из разграбленной в древности плитовой могилы 184 и из случайных находок на территории некрополя (табл. 119, 2; 222, 1; 242, 6, 7). Этот тип вооружения был также популярен в сарматское время, особенно во II–III вв. н.э. (Хазанов, 1971. С. 15–27; Смирнов, 1980. С. 40–43; Скрипкин, 1990. С. 126–133. Рис. 22; Марченко, 1996. С. 56–59; Безуглов, 2000. С. 169–193; Симоненко, 2009. С. 46–49). Находки таких мечей представлены в ряде некрополей Юго-Западного и Центрального Крыма (Дашевская, 1991. Табл. 61, 15, 16; Высотская, 1994. Рис. 28, 6; Сымонович, 1983. С. 73. Табл. XIV, 6; Богданова, 1989. С. 59, 65. Табл. XXII, 3, 4; Пуздровский, 2001. Рис. 3, 2; 2007. С. 131. Рис. 88, 5–8; Волошинов, Масыкин, 2007. Рис. 8, 8). А.В. Симоненко, вслед за П. Рау (Rau, 1927. S. 103), писал, что широкое распространение в Крыму подобных мечей с I в. н.э. обусловлено влиянием латенского вооружения, и считал их «позднескифскими» (Симоненко, 1984. С. 142–145). А.Е. Пуздровский, напротив, считает, что «единичность таких находок и сомнительность их эволюции от латенских экземпляров не позволяют считать данный тип мечей позднескифскими» (Пуздровский, 2007а. С. 131. Ср.: Безуглов, 2000. С. 170). Надо отметить, что в последних работах А.В. Симоненко о «позднескифских» мечах упоминания нет (Simonenko, 2001. S. 225–229).

Тремя экземплярами представлены *кинжалы без металлического навершия и перекрестья (с ручкой в виде штыря)*. Первый кинжал этого типа длиной 23 см (часть рукоятки обломана) происходит из погребения 163 (табл. 102, 6; 242, 5). На клинке и рукоятке сохранились следы дерева от ножен; к ним же, вероятно, относились обнаруженные рядом с кинжалом две бронзовые обоймы (табл. 102, 4–5) и халцедоновая бусина (табл. 102, 8). Подобный же кинжал длиной около 26 см происходит из погребения 128 (табл. 77, 5); рядом с ним также найдена халцедоновая бусина, использовавшаяся в виде навершия (табл. 77, 10). В погребении 223 был найден еще один фрагментированный кинжал длиной в сохранившейся части 16 см (табл. 152, 5) (Ахмедов и др., 2001. Рис. 9, 1–2). Кинжалы такого типа широко распространяются в Северном Причерноморье во II в. н.э. и позднее (Хазанов, 1971. С. 20. Их находки известны вплоть до территории Нижнего Подунавья: Bicher, 1972. Pl. VIII, 5). В Юго-Западном Крыму находки близких кинжалов известны из могильников Битак (Пуздровский, 2001. Рис. 5, 1; 7, 10; 2007. Рис. 87, 6) и Усть-Альминского. Комплексы бельбекского некрополя датируются в целом второй четвертью – второй половиной II в. н.э.

Кроме того, из подбойной могилы 270, датированной последней четвертью II – первой четвертью III в. н.э., происходит обломок *широкого меча* без навершия с остатками перекрестья (табл. 187, 4). Находки подобного вооружения известны, например, из Усть-Альминского могильника (Пуздровский, 2007а. С. 132. Рис. 87, 7). А.Е. Пуздровский пишет о том, что кольцевидное навершие альминского меча могло быть утрачено, а ручка могла подвергнуться починке. Впрочем, и бельбекский экземпляр меча дошел до нас в неполной сохранности, позволяющей предполагать подобные же утраты. Фрагменты меча найдены и в погребении 281 (табл. 192, 8), датированном второй половиной II в. н.э. Еще один обломок меча происходит из более раннего погребения 6 (табл. 6, 7), разрушенного строительными работами. Из случайных находок происходит и еще один фрагмент меча или кинжала (табл. 222, 2) неопределенного типа.

НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ

Наконечник копья с массивным листовидным пером и короткой втулкой происходит из случайных находок (табл. 222, 4; 242, 2). Длина наконечника копья (в сохранившейся части) достигает 41 см. Вероятно, его можно отнести к типу 2b по классификации А.В. Симоненко (Симоненко, 2009. С. 73–74. Рис. 49, 1–4). Такие копья бытовали в последние века до н.э. – первые века н.э. у сарматов, в военной тактике которых широко применялась тяжеловооруженная конница (Хазанов, 1971. С. 47. О вооружении и тактике сарматов см. также: Barca, 1994). В Юго-Западном Крыму количество наконечников копий незначительно, и они в основном происходят из комплексов II–III вв. н.э. (Пуздровский, 2007а. С. 133. Рис. 89). Согласно предположению А.М. Хазанова, редкость копий в сарматских погребениях объясняется как особенностями погребального обряда, так и тем фактом, что длинные древки копий не помещались в могилу (Хазанов, 1971. С. 44–46). Косвенно это подтверждается тем, что в Усть-Альминском некрополе все копья и дротики были положены в могилу либо сло-

манными, либо их длина не превышала 1,5–2 м (Пуздровский, 2007а. С. 133). Развернувшаяся в последние годы дискуссия (Скобелев, 2004а; 2004б; Симоненко, 2009. С. 79–81) так и не привела к единому мнению, существовали ли у сарматов копья длиной более 2,5 или 3 м.

ФРАГМЕНТЫ КОЛЬЧУГИ

Фрагменты железной кольчуги происходят из погребений 223 и 233 (табл. 152, 1–4; 160, 12). Аналогии таким кольчугам известны в прикубанских курганах и на Северном Кавказе (Кожухов, 1999. С. 167–171), причем, за редким исключением (Сазонов, 1992. Рис. 16), они нигде не встречены в целом виде – только фрагменты. Их появление в Северном Причерноморье можно отнести к I–II вв. н.э. А.М. Хазанов предполагает, что местом их производства мог быть Пантикапей (Хазанов, 1971. С. 61–62). По мнению С.П. Кожухова, они имели боспорское происхождение, причем их производство было налажено по римским образцам (Кожухов, 1999. С. 171). Находки фрагментов подобных кольчуг засвидетельствованы также на территории северной Болгарии (Torbov, 2004. Р. 57–69. Fig. 6B).

Для Юго-Западного Крыма находки защитного вооружения очень редки. Близкий бельбекскому фрагмент кольчужного плетения происходит из некрополя Неаполя Скифского (Зайцев, Мордвинцева, 2007. С. 87, 91. Рис. 10, 6), а также из Усть-Альминского (Пуздровский, 2007а. С. 138) и Заветнинского (Зайцев и др., 2007. Рис. 27, 24) могильников и целого ряда других памятников (Храпунов, 2010). В двух погребениях могильника Скалистое III были обнаружены остатки кольчуг – бронзовой и железной (Богданова и др., 1976. С. 146). Нельзя, впрочем, учитывая незначительность фрагментов кольчужного плетения из погребения 223, исключить и предположение, что умерший имел доспех, лишь в отдельных местах усиленный металлическими деталями, или в могилу были положены только фрагменты кольчуги во вторичном использовании, возможно, в качестве амулета. В той же могиле были обнаружены конская упряжь и фрагментированный железный кинжал. Впрочем, фрагмент подобного железного кольчужного плетения из женского погребения 233 (табл. 160, 12), казалось бы, не вписывается в комплекс «воинских» погребений.

Подобные изделия, сплетенные из железных колец, были специально рассмотрены И.Н. Храпуновым. Он обратил внимание, что находки таких колец происходят из женских погребений и всегда крайне малы в размерах. Более того, ближайшие аналогии он видит на территории распространения пшеворской культуры (современная Польша). И.Н. Храпунов отрицает возможность принадлежности железных сплетенных колец к защитному вооружению, но не предлагает собственной интерпретации этих изделий, считая их лишь «неотъемлемым элементом ... женской субкультуры населения крымских предгорий римского времени» (Храпунов, 2010. С. 461).

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

Конское снаряжение в материалах могильника сохранилось лишь фрагментарно. Детали его найдены в двух могилах (погребения 223 и 285), где они, возможно, символически заменяли коня, и в яме с конским захоронением (погребение 278).

В состав уздечного набора из погребения 223¹² (табл. 151) входили удила квадратного сечения с колесовидными псалиями и парными пластинчатыми зажимами для ремня оголовья и поводьев. Псалии имеют по три спицы, на поверхности кольца сохранились следы инкрустации бронзовой проволокой в виде поперечных линий. Зажимы были вставлены в концевые кольца удили, и имеют разную длину – 12 и 8 см. Длинные зажимы служили для крепления повода, короткие – ремня оголовья (табл. 151, 1,2).

Кроме того, в состав уздечного набора входили: распределительные кольца (табл. 151, 3,4) округлой формы, сечение круглое, диаметр около 4 см, толщина около 0,6 см; небольшая железная пряжка с рамкой прямоугольной формы и прямоугольной обоймой, сечение рамки округлое, язычок прямой, слегка выступающий за передний край (табл. 151, 5); наконечник ремня длиной 5,5 см (табл. 151, 6); крупная овальная дротовая пряжка с прямым язычком, сечение рамки округлое (табл. 151, 7); овальная пластинчатая обойма с прямоугольной прорезью, в которой сохранилась часть пластинчатого прямоугольного зажима со шпеньком для крепления ремня (табл. 151, 9).

Как декоративные элементы в комплексе присутствовали две выпуклые овальные

¹² Описание уздечного набора из погребения 223 выполнено И.Р. Ахмедовым. Комплекс погребения 223 был издан нами отдельно (Ахмедов и др., 2001).

железные бляхи диаметром около 5 см, имеющие по две прямоугольные прорези, в которых сохранились остатки прямоугольных пластинчатых зажимов для ремней оголовья. На внешней поверхности блях имеются следы насечки мелким подтреугольным чеканом, вероятно, сделанные с целью обеспечить надежность нанесения позолоты, следы которой также сохранились. Были обнаружены и четыре железные массивные бусины-обоймы, на поверхности двух из них сохранились следы инкрустации бронзовой проволокой (табл. 151, 12–15), и одна бронзовая литая бусина-пронизь с квадратным отверстием для ремня (табл. 151, 8).

Кроме того, среди описанных вещей также находились: три железные пряжки, одна диаметром 5,4 см; и две диаметром 4 см, изготовленные из дрота округлого сечения, с прямыми язычками (табл. 151, 16–18); цепь из трех железных дровых колец диаметром 4,4 см, на поверхности едва заметны следы инкрустации бронзовой проволокой (табл. 151, 21); два кольца, одно с овальным пластинчатым зажимом, другое с длинным пластинчатым зажимом (табл. 151, 19–20). У последнего на рамке едва заметные следы инкрустации бронзовой проволокой; железная пластина в виде вытянутого треугольника с дисковидным расширением, длиной 3,4 см (табл. 151, 22), и обломок подобной пластины (табл. 151, 23).

Удила с колесовидными псалиями получили широкое распространение как в комплексах сарматского времени с территории Северного Кавказа, Прикубанья, Верхнего Дона, и Причерноморья (Абрамова, 1974. С. 6; 1993. С. 146–147. Рис. 57, 30–31; Гущина, Засецкая, 1989. С. 74. Табл. V, 47; Медведев, 1984. С. 185. Рис. 3, 2; Каменецкий, 1989. Табл. 93, 24; Кожухов, 1994. С. 13; Марченко, 1996. С. 76; Малышев, 2008. С. 163. Рис. 112), так и в позднескифских могильниках Юго-Западного Крыма (Богданова и др., 1976. С. 146; Дашевская, 1989. Табл. 54, 20; 1991. С. 40–41; Высотская, 1994. С. 90. Рис. 29, 1, 6). В основном колесовидные псалии имеют по четыре спицы, однако известны экземпляры и с тремя спицами, например, в позднесарматских памятниках Южного Урала, в частности в Лебедевке VI, где спицы выполнены в виде вихревого орнамента (Мошкова, 1989б. С. 198. Табл. 81, 42). Обычай украшать ремни оголовья бусинами-обоймами также происходит из сарматского мира (Мошкова, 1978. С. 76; 1989. С. 198). Парные длинные зажимы для ремней оголовья известны в упомянутых памятниках Южного Урала, а также в более позднее время на Боспоре (Засецкая, 1993. Табл. 18, 57, 58).

Выпуклая круглая бляха от конского убора, аналогичная вышеописанным, происходит из погребения 26 восточного некрополя Неаполя Скифского (Симонович, 1983. С. 86. Табл. XVIII, 9). Вместе с нею встречен и пластинчатый зажим для ремня оголовья (Симонович, 1983. Табл. XVIII, 9, 24).

Самый близкий публикуемому уздечный набор, датированный концом I – началом II в. н.э. происходит из погребения 120 Битакского некрополя (Пуздровский и др., 1991. С. 118, 121. Рис. 1, 3; Пуздровский, 2001. С. 134–135. Рис. 8). В составе этого набора также находились пять железных бус-обойм с бронзовой инкрустацией, прямоугольная железная пряжка и наконечник ремня с обоймицей, овальные пластинчатые обоймы с прорезями, в которых сохранились остатки прямоугольных пластинчатых зажимов для ремней, крупная овальная пряжка. Сходство этих деталей настолько велико, что возникает предположение об их изготовлении одним мастером. Отличие неапольского уздечного набора в том, что его колесовидные псалии имеют четыре спицы в виде завитков, а распределительные кольца украшены также тремя спицами в виде завитков; длинные зажимы для повода имеют дополнительное подвижное звено, а зажимы для ремней оголовья отсутствуют. Однако, как и в нашем случае, они инкрустированы бронзовой проволокой.

Кроме того, близкие по форме псалии происходят из нескольких комплексов Усть-Альминского некрополя (Пуздровский, 2007а. С. 142–143. Рис. 105, III; 107, I–II).

Битакский уздечный набор найден в разложенном виде, что позволяет предложить вариант реконструкции уздечного набора из могильника Бельбек IV (табл. 152, 10; реконструкция И.Р. Ахмедова: Ахмедов и др., 2001. Рис. 11).

Крупные железные пряжки и цепь из трех железных колец не отнесены нами непосредственно к уздечному набору, однако факт их находки вместе с уздечным набором позволяет предположить, что они могли относиться к подпружным ремням.

Так как мужское захоронение (погребение 223) было впоследствии потревожено более поздним, и кости погребенного вместе с инвентарем оказались сдвинуты, расположение конского убора в нем проследить точно не представлялось возможным. Удила же с бронзовыми и железными кольцами из погребения 285 (табл. 194, 5, 6, 11, 13) находились в изголовье. Обе указанные могилы II в. н.э. содержали большое количество инвентаря, в том числе римский импорт.

Конское захоронение (погребение 278), где были найдены фрагменты железных удил, железное кольцо и круглорамчатая подпружная пряжка (табл. 189, 30–35), возможно, относилось к погребению 270 с оружием и инвентарем последней четверти II – первой четверти III в. н.э. Удила с железными и бронзовыми кольцами, заменяющие псалии, встречаются как в позднесарматских памятниках II–III вв. н.э. (Мошкова, 1989б. С. 198), так и в других комплексах степной и лесостепной полосы (см., например: Ахмедов, 1995. С. 91).

ДЕТАЛИ ОДЕЖДЫ и УКРАШЕНИЯ

ФИБУЛЫ

Одну из многочисленных категорий инвентаря могильника составляют бронзовые или реже железные фибулы. Как правило, они располагались по одной на груди погребенного, являясь составной частью костюма (см. Приложение 5). Исключение составляют несколько захоронений, где найдено по две фибулы одной группы, 21 погребение содержало по две фибулы разных групп, и в погребении 185 найдено три разнотипные фибулы.

Все фибулы условно разделены на группы, сопоставленные с типологией А.К. Амброза. Несомненно, все эти фибулы можно разделить на множество дробных вариантов, однако это задача специального исследования.

Шарнирные фибулы

Шарнирные фибулы с высокой пластинчатой дужкой, иногда украшенной точечным орнаментом, из погребений 6 (табл. 6, 11), 114 (табл. 67, 9) и 314 (табл. 212, 6) (Zhuravlev, 2003. Fig. 10, 8–10) размерами 3,5–4,5 см. Пластинчатый приемник оканчивается утолщением. При этом собственно импортная AVCISSA найдена только одна – в погребении 314 (табл. 212, 6), которое датируется концом I – первой половиной II в. н.э. Эта фибула соответствует раннеримским шарнирным фибулам типа AVCISSA – 5 группа по классификации А.К. Амброза (Амброз, 1966. С. 27. Табл. 4, 18, 20), тип 29 по Э. Эттлингер (Ettlinger, 1973. Taf. 9, 93–94), тип 22b по М. Фужеру (Feugère, 1985. P. 312. Type 22b), тип 5.2 по Е. Риха (Riha, 1979. S. 114).

Обычно фибулы типа AVCISSA датируются первой половиной I в. н.э., хотя появляются они, судя по всему, еще в конце I в. до н.э. (Шукин, 1989. С. 65). М.Б. Шукин относит их к стадии B1a раннеримского времени (Шукин, 1991. С. 101. Рис. 5; 6, 10). Но на территории римских провинций – Паннонии (Koščević, 1980. P. 15–17, 67–70. Tabl. II–VI), Мезии (Генчева, 1987. С. 36; см. также: Genčeva, 1998. S. 10–11. Tabl. I), Дакии (Cociș, 2004. P. 78) их находки известны и значительно позднее, вплоть до II в. н.э.

Остальные шарнирные фибулы из бельбекского некрополя явно имеют причерноморское происхождение, лишь имитируя импортный оригинал.

Эти фибулы получили широкое распространение по всей территории как Западной (Guillaumet, 1984. P. 46. Pl. 40), так и Восточной Европы, где их связывают с распространением римского влияния (Амброз, 1966. С. 27; Степанов, 1980. С. 38. Табл. 20, 3; 29, 4; 37, 5, 6; Treister, 1996. Fig. 4, 1–6). Достаточно много подобных фибул известно в Прикубанье и на Кавказе (Лимберис, Марченко, 2004. Рис. 2; Marčenko, Limberis, 2008. Taf. 125, 4; 127, 2, 9; 145, 3; 147, 2; 151, 2; 154, 2 и т.п.; Малышев, 2008. Рис. 58, 5), в Северном Причерноморье (Simonenko, 2008. Taf. 25, 2b; 52, 2; 55, 5; 67, 2b). В могильниках Юго-Западного Крыма они встречаются редко, отдельные экземпляры есть в Неаполе (Сымонович, 1963. С. 144. Рис. 2, 5), могильнике Заветное (Масякин, 2007. С. 125. Рис. 1, 1), святилище у перевала Гурзуфское седло, одна фибула найдена в некрополе Кара-Тобе (Внуков, Лагутин, 2001. С. 117. Рис. 7, 6). Много их найдено только в Усть-Альминском могильнике (Пуздровский, 2007а. Рис. 194, 3–6). Большинство крымских экземпляров, включая бельбекские, анэпиграфны. Учитывая, что такие фибулы могли существовать и в более позднее время (ср.: Скрипкин, 1977. С. 116–117), датировка этой группы фибул хорошо вписывается в общую хронологию могильника Бельбек IV, где вещи до середины I в. н.э. немногочисленны.

Фибула из погребения 114 (табл. 67, 8) (Zhuravlev, 2003. Fig. 10, 10) с листовидной спинкой и кнопкой на конце приемника является производной от фибул типа AVCISSA. Анало-

гичная фибула, датирующаяся не ранее начала II в. н.э., найдена в могиле 49 Битакского некрополя (Пуздровский, 2007а. С. 181. Рис. 204, 2; Труфанов, 2005–2009. С. 201. Рис. 52, 8). Комплекс бельбекского погребения датируется первой половиной II в. н.э. Дериваты фибул типа AVCISSA были распространены во многих провинциях Римской империи (см., например: Cociş, 2004. Тип 14b1 – датирован концом I – началом II в. н.э.).

Шарнирная дуговидная фибула из погребения 174 (табл. 111, 6) (Гущина, 1982. Рис. 14, 10) с орнаментированной широкой спинкой близка фибуле из Битакского могильника (Пуздровский, 2007а. С. 181. Рис. 204, 3). Бельбекский комплекс датируется последней четвертью I в. н.э.

Две шарнирные фибулы из погребения 149 (табл. 91, 22, 23) (Zhuravlev, 2003. Fig. 8, 4, 5) являются импортом из римских провинций, где подобные экземпляры были широко распространены в римских лагерях (Sellye, 1939. Pl. X, 6 – не идентична, хотя принадлежит к тому же типу). Первая из них – с двумя боковыми выступами (Scharnierfiibel mit seitlichen Flügeln) (Ettlinger, 1973. S. 101–102. Taf. 11, 3. Type 34), вторая – с «вставленными пластинками» (Scharnierfiibel mit eingefügten Platten) (Ettlinger, 1973. Taf. 11, 23. Type 35). Оригинальные рейнские экземпляры подобных фибул датируются более ранним временем, чем комплекс бельбекского погребения. Первая фибула находит параллели среди германских фибул 20–40-х годов, вторая – чуть более поздних. По мнению А.К. Амброза, большинство этих фибул относится к 70–90-м годам (Амброз, 1966. С. 27). Но на Балканах известны провинциальные варианты подобных фибул, которые встречаются там еще во II в. н.э. (Koščević, 1991. S. 19). Не исключено, что наши фибулы также имеют балканское происхождение.

Такие фибулы находят в Причерноморье довольно редко. Они известны, например, из Усть-Альминского некрополя, Неаполя Скифского, Херсонеса и других памятников (Амброз, 1966. С. 27. Группа 5; Сымонович, 1983. Табл. 25, 21; Высотская, 1984. С. 95–96. Табл. 39, 40; Пуздровский, 2007а. Рис. 204, 5, 6; Труфанов, 2005–2009. С. 20. Рис. 52, 13, 14). Существуют они и среди сарматских материалов в современной Венгрии (Иштванович, Кульчар, 2005. Рис. 1, 13). При этом в Усть-Альминском некрополе комплексы могил с этими фибулами также отнесены к последней четверти I в. н.э. (Пуздровский, 2007а. С. 181).

Шарнирные фибулы-броши, найдены в семи экземплярах: в пяти погребениях и одна случайная находка.

1. Фибула-брошь шарнирная (табл. 119, 21) (Zhuravlev, 2003. Fig. 10, 6), овальной формы, снабжена ободком с орнаментом и восемью округлыми выступами с эмалевыми вставками, из которых сохранилось семь (длина фибулы – 6,6 см, максимальная ширина с учетом обломанного выступа – 3,8 см). В центре – овальная вставка синей эмали. По общему стилю она отдаленно напоминает шарнирные фибулы боспорского происхождения I–II вв. до н.э. (Амброз, 1966. С. 30. Табл. 14, 18, 19). Фибула происходит из погребения 185, датирующегося серединой – третьей четвертью II в. н.э.

2. Фибула-брошь шарнирная (табл. 150, 5) (Zhuravlev, 2003. Fig. 10, 2), округлой формы, в центре – сложный геометрический орнамент из перегородок с эмалевыми вставками (диаметр фибулы – 4,7 см). К корпусу фибулы припаяна петля, возможно, более позднего происхождения. Фибула найдена в погребении 2236 второй четверти II в. н.э. Фибулу можно отнести к типу Vaday III.3.3.2 (Vaday, 2003. P. 339. Fig. 12; 32). Она также близка типу Almgren 222 (Almgren, 1923). Находки близких фибул зафиксированы в Паннонии (ср.: Sellye, 1939. Pl. IX, 6, 7; XX, 6; Vaday, 2003. P. 339. Fig. 12), Дакии (Cociş, 2004. Pl. CV), Прикубанье (Лимберис, Марченко, 2004. Рис. 4, 24.2), Подонье (Косяненко, 1987. Рис. 11, 3), а в Юго-Западном Крыму найдено несколько однотипных экземпляров, отличающихся в деталях (Дашевская, 1991. Табл. 65, 15, 16; Пуздровский, 2007а. С. 190. Рис. 204, 23, 24; Масыкин, 2007. Рис. 2, 1, 2).

3. В том же погребении 2236 (табл. 150, 3) (Zhuravlev, 2003. Fig. 10, 7) была найдена шарнирная фибула в виде фигурки лягушки, спинка которой украшена эмалью (максимальная длина фибулы составляет 3,6 см). Аналогичные фибулы известны на территории Восточной Европы (Sellye, 1939. Pl. XIII, 27; Laszczewska, 1992. No. 26b) и в Далмации (Koščević, 1991. S. 64. No. 418).

4. Шарнирная фибула с ромбовидным щитком (длина 5,2 см, максимальная ширина щитка 5,7 см), украшенной эмалью, и двумя зооморфными выступами, происходящая из погребения 238 (табл. 163, 8) (Zhuravlev, 2003. Fig. 10, 4). В Юго-Западном Крыму похожие фибулы были найдены в Чернореченском (Бабенчиков, 1963. Рис. 11; Дашевская, 1991. Табл. 65, 7), Битакском и Усть-Альминском могильниках (Пуздровский, 2007а. С. 189. Рис. 204, 18–20), близкие экземпляры происходят с территории Паннонии (Sellye, 1939. Pl. XII, 1), а отдельные находки известны вплоть до Приуралья (Мошкова, 1997. Рис. 3, 8). Погребение датировано второй–тре-

твей четвертью II в. н.э., что соответствует и датировкам усть-альминских и битакской фибул – «не позднее середины II в. н.э.» (Пуздровский, 2007а. С. 189).

5. Шарнирная фибула (размеры: 5,0 × 3,5 см) с овальным щитком и восемью округлыми выступами по краям, украшенными эмалью. В центре – геометрический орнамент с эмалевыми вставками (табл. 168, 23) и биконическая кнопка (Zhuravlev, 2003. Fig. 10, 3). Фибула найдена в погребении 242, относящемся к концу II – первой половине III в. н.э. Подобные фибулы относятся к типу Ettlinger 44.2 (с датировкой 125–175 гг.) (Ettlinger, 1973. Taf. 14, 8), Riha 7.13 (Riha, 1994. Taf. 44), Vaday III/7/3 (Vaday, 2003. P. 351, 379. Fig. 36; 18 – карта распространения). Близкая по форме фибула, но с четырьмя выступами, обнаружена в заветнинском могильнике (Масякин, 2007. С. 129. Рис. 6, 4).

6. Шарнирная фибула с щитком ромбовидной формы, украшенным эмалью, с четырьмя выступами по углам (один обломан; размеры: 4,8 × 4,0 с учетом обломанного выступа) из случайных находок (табл. 221, 1) (Zhuravlev, 2003. Fig. 10, 5). Подобные фибулы известны в Прикубанье (Лимберис, Марченко, 2004. Рис. 4, 24. 1), на территории Паннонии, Дакии (Sellye, 1939. Pl. IX, 3a) и в Центральной Европе (Peškař, 1972. Taf. 19, 2), и относятся к типу Vaday III.7.1.2.1 (Vaday, 2003. Fig. 36).

7. Шарнирная фибула (длина 3,5 см; частично обломана) крестовидной формы с двумя симметричными перекладами, между которыми размещена эмалевая вставка круглой формы, из погребения 161 (табл. 101, 10) (Zhuravlev, 2003. Fig. 10, 1). Подобные фибулы из Августа Э. Эттингер относит к типу 43, группе 3 своей классификации (Ettlinger, 1973. S. 117. Taf. 13; No. 28), тип Riha 7.16 (Riha, 1979. Taf. 63, 7.16). Комплекс погребения датируется концом I – первой четвертью II в. н.э.

Все шарнирные фибулы, найденные в могильнике Бельбек IV, являются предметами импорта из провинций Римской империи и суммарно могут быть датированы концом I – серединой II в. н.э. Некоторые фибулы попадали в могилы обломанными, а к одной была припаяна петля. Это лишний раз свидетельствует о том, что фибулы с эмалью ценились варварами и попадали в могилы лишь после длительного использования и не всегда по прямому назначению. В целом этих фибул в Юго-Западном Крыму немного, хотя их находки есть в большинстве могильников первых веков н.э. (Дашевская, 1991. Табл. 65; Высотская, 1994. Тип XVII, 99–101). На наш взгляд, их появление в Крыму следует связывать с торговыми связями, а не с проникновением римлян на территорию Таврики (Зубарь, 2004. С. 164. Сноска 30).

Сильно профилированные фибулы

Сильно профилированная фибула с опорной пластиной над пружиной и одной бусиной на дужке. Найден один деформированный экземпляр в погребении 305 (табл. 205, 6) (Амброз, 1966. Табл. 7 – группа 10, подгруппа 1, 36). Подобные фибулы относят к I в. н.э.; они хорошо известны как в Крыму (Труфанов, 2005–2009. С. 206. Рис. 54, 4–6) и в Прикубанье (Лимберис, Марченко, 2004. Рис. 4, 18), так и на территории Дакии (Cociș, 2004. Pl. XXXV). Могила датируется концом I – началом II в. н.э.

Сильно профилированная одночленная фибула из погребения 164 (табл. 103, 7) с крючком для тетивы, бусиной на спинке, сплошным пластинчатым приемником также относится к числу импортных из римских провинций (Zhuravlev, 2003. P. 101. Fig. 10, 11). Подобные фибулы из Виндониссы I в. н.э. относятся к типу 13 по классификации Э. Эттингер (Ettlinger, 1973. Taf. 18. Type 13; см. также: Almgren, 1923. 67/68. Серия 4). Подобные фибулы также были распространены на территории Румынии (Sanie, 1981. Pl. 47, 3). Причерноморские принадлежат к типу 8 по С. Кочишу (Cociș, 2004. Pl. VI–VIII и др.). Находки подобных фибул в Юго-Западном Крыму достаточно редки; они известны, в частности, из Неаполя Скифского, некрополей Заветное и Красная Заря (Волошинов, Масякин, 2007. С. 292. Рис. 3, 4; Волошинов и др., 2007. Рис. 4, 19; Масякин, 2007. С. 127. Рис. 1, 4). Близкие фибулы известны также в Прикубанье (Лимберис, Марченко, 2004. Рис. 3, 18) и в Центральной Европе (Peškař, 1972. Taf. 9). Комплекс бельбекского погребения датируется концом I – первой половиной II в. н.э.

Сильнопрофилированные фибулы с бусиной на дужке. К этой группе относятся пружинные круглопроволочные сильнопрофилированные фибулы с одной или двумя бусинами на дужке с высоким приемником, заканчивающимся кнопкой, с многовитковой пружиной (размеры фибул – от 2,7 до 6,2 см). Часть этих фибул имеет крючок для тетивы – экземпляры из погребений 121 (табл. 72, 6) и 225 (табл. 154, 14). У некоторых фибул крючок отсутствует, например, у экземпляра из погребения 131 (табл. 80, 4). По классификации А.К. Амброза они

соответствуют фибулам группы 11, серии I, варианта I–1. Датировка погребений, в которых найдены эти фибулы, – в пределах первой половины II в. н.э. К варианту I–2 по А.К. Амброзу относятся фибулы из погребений 97 (табл. 56, 8), 161 (табл. 101, 9) и 311 (табл. 206, 7). Суммарная дата этих комплексов – три первые четверти II в. н.э. К варианту I–3 относится фибула из погребения 331 (табл. 219, 5), датированного серединой – второй половиной II в. н.э. К варианту II–1 отнесена фибула без крючка для тетивы из погребения 147 (табл. 90, 11) (Амброз, 1966. С. 40, 42. Табл. 8, 6, 7, 9, 11, 14), датированного концом I – первой четвертью II в. н.э.

В целом этот тип фибул был очень распространен в Причерноморье, а его датировка весьма широка. Ареал распространения подобных фибул – Крым (Высотская, 1994. С. 95–96. Тип X; Пуздровский, 2007а. С. 188. Рис. 203; Труфанов, 2005–2009. С. 206–209), Прикубанье, Северный Кавказ (Абрамова, 1996. С. 101. Рис. 1, 1–7), Поволжье (Амброз, 1966. С. 40–41). А.К. Амброз называл их также «первой серией боспорских сильно профилированных фибул (с крючком для тетивы)» (Амброз, 1966. С. 40). По классификации С. Кочиша они относятся к типу 6 сильнопрофилированных фибул понтийского типа (Cociş, 2004. Р. 42–44. Pl. II, 19–30; III, 31–39). Значительное число таких фибул найдено также в различных памятниках Дакии (см., например: Cociş, 1985–1986. Pl. I, 1; Cociş, 1994. Pl. I; Mitrea, 1989. Fig. 9; Mitrofan, Cociş, 1995. Fig. II–IV. No. 10–36; Todor, Tau, 1996. Fig. 16–17; Babeş, 1999. Abb. 7, 1, 2), Паннонии, Верхней Мезии (см. список аналогий: Cociş, 2004. Р. 43), Далмации (Koščević, 1980. S. 78–79. Tabl. XIV–XV).

Пружинные фибулы с гладким корпусом и кнопкой на конце приемника немногочисленны; имеют пластинчатую дужку, украшенную орнаментом, и верхнюю тетиву (длина фибул до 6,8–7,0 см). Они происходят из погребений 186 (табл. 120, 4) и 311 (табл. 206, 6), соответствуют группе 12, варианту 3 или 4 по А.К. Амброзу (Амброз, 1966. С. 43–44). Значительное количество таких фибул известно в Крыму (Амброз, 1966. С. 43. Табл. 5, 2–11; Пуздровский, 2007а. С. 181; Труфанов, 2005–2009. С. 199. Рис. 51, 1–7). А.С. Скрипкин датирует комплексы с такими фибулами в Поволжье I и I–II вв. (Скрипкин, 1977. С. 116). В публикуемом некрополе эти фибулы происходят из комплексов того же времени – погребение 186 относится к концу I – первой четверти II в., а погребение 311 – ко второй четверти II в. н.э.

Фибула из погребения 263 (табл. 183, 2), вероятно, относится к группе 12, варианту 4 по А.К. Амброзу; датировка таких фибул – вторая половина II в. н.э. (Амброз, 1966. С. 44), что соответствует и дате нашего комплекса. При этом возможна ее реконструкция и как фибулы со спиральным завитком на конце приемника.

Фибулы со спиральным или S-видным завитком на конце приемника (размеры колеблются от 2,6 до 4,5 см в длину) – пружинные, с пластинчатой гладкой или чаще орнаментированной дужкой. Часть фибул обломана, и установить форму завитка затруднительно. Пружина у них в основном четырехвитковая (в одном случае многовитковая). Среди них выделяются фибулы с низкой плавной и более высокой изогнутой дужкой. Они найдены в погребениях 10 (табл. 7, 7), 11 (табл. 9, 3); 18 (табл. 11, 6), 19 (табл. 12, 6), 31 (табл. 21, 5), 40 (табл. 28, 9, 10), 62 (табл. 39, 2), 156 (табл. 96, 5), 164 (табл. 103, 6), 168 (табл. 106, 5), 171 (табл. 109, 6), 176 (табл. 114, 20), 191 (табл. 124, 6), 192 (табл. 125, 26), 201 (табл. 132, 6), 203 (табл. 133, 9), 212 (табл. 140, 12), 213 (табл. 141, 4), 223 (табл. 150, 1), 299 (табл. 201, 2), 300 (табл. 202, 5).

По классификации А.К. Амброза эти фибулы относятся к вариантам 2 и 3 группы 13 и были распространены во второй половине I – части II в. главным образом в Крыму (Амброз, 1966. С. 45. Табл. 5, 14–17; Пуздровский, 2007а. С. 177; Труфанов, 2005–2009. С. 196–197. Рис. 50, 18–40), а также на территории современной Румынии (Bicher, 1972. Pl. VII, 2). Согласно А.Е. Пуздровскому, фибулы с S-видным завитком на конце приемника встречаются в последней четверти I в. н.э., а со спиральным завитком – в основном в первой четверти II в. н.э. (Пуздровский, 2007а. С. 181, 185). В могильнике они происходят главным образом из комплексов последней четверти I – первой четверти / первой половины II в. Некоторые погребения с такими фибулами (погребение 223б) можно датировать серединой II в. н.э. К этой разновидности может быть отнесена и железная фибула близкого типа с нижней тетивой из погребения 36 (табл. 24, 5), которое датируется первой половиной II в. н.э.

Фибула из погребения 35 (табл. 22, 13) не поддается точному определению.

Лучковые фибулы

Больше всего в могильнике найдено одночленных пружинных круглопроволочных лучковых фибул с подвязным приемником – группа 15 по А.К. Амброзу. Они в свою очередь подразделяются на несколько вариантов.

Фibuлы «лебяжьиной» серии. Лучковые фибулы с подвижным приемником, плоской овально-расширяющейся спинкой, узкой ножкой, четырехвитковой пружиной, верхней тетивой. Размеры этих фибул обычно небольшие – от 1,5 до 2,8 см (выделяется лишь фибула из погребения 64). Такие фибулы происходят из погребений 6 (табл. 6, 9), 18 (табл. 11, 7), 52 (табл. 34, 20), 59 (табл. 38, 6), 64 (табл. 40, 10), 66 (табл. 41, 5), 70 (табл. 43, 6), 156 (табл. 96, 9). По А.К. Амброзу они относятся к варианту 2 серии VI лучковых фибул, так называемой лебяжьиной серии и были распространены в Северном Причерноморье в I в. н.э. (Амброз, 1966. С. 55. Табл. 10, 4). Различаются варианты с короткой овальной и вытянутой листовидной спинкой (Труфанов, 2005–2009. С. 209–210). Согласно А.Е. Пуздровскому, они известны в Усть-Альминском некрополе начиная с середины I в. н.э. и позднее (Пуздровский, 2007а. С. 176). Комплексы бельбекского некрополя, содержащие эти фибулы, относятся в основном к концу I – первой половине II в. н.э., хотя отдельные могилы, например погребение 6, можно датировать и более ранним временем (вторая половина I в. н.э.).

Лучковые фибулы варианта 2. Проволочные одночленные лучковые фибулы размером от 2,2 до 7 см, с довольно низкой овальной дужкой, плоской ножкой, преимущественно нижней тетивой. Четырехвитковая пружина от приемника охватывает дужку от двух до нескольких оборотов. Эти фибулы найдены в погребениях 28 (табл. 18, 2), 34 (табл. 23, 10), 39 (2) (табл. 27, 2), 49 (табл. 33, 15), 71 (табл. 44, 4), 84 (табл. 51, 12); 107 (табл. 63, 4), 171 (табл. 109, 5), 183 (табл. 118, 9), 187 (табл. 121, 9), 195 (табл. 126, 9), 207 (табл. 136, 2); 211 (табл. 139, 7); 302 (табл. 203, 1), 310 (табл. 207, 5). Часть из этих фибул имеет нижнюю тетиву. Это фибулы из погребений 19 (табл. 12, 5); 22 (табл. 14, 2), 33 (табл. 21, 12), 53 (табл. 35, 4), 178 (табл. 115, 12), 191 (табл. 124, 5).

Они соответствуют фибулам серии 1 варианта 2 по классификации А.К. Амброза, бытовавшим в Ольвии, Херсонесе, Неаполе Скифском во второй половине I – II в. н.э. (Амброз, 1966. С. 49. Табл. 9, 6). По мнению А.Е. Пуздровского, в Усть-Альминском некрополе они появляются не позднее третьей четверти I в. н.э., и встречаются до начала II в. н.э. (Пуздровский, 2007а. С. 177). Широкое распространение фибул этого варианта в крымских некрополях римского времени отмечается всеми исследователями (см., например: Пуздровский, 2007а. С. 177; Труфанов, 2005–2009. С. 210. Рис. 55). В бельбекском некрополе они происходят в основном из комплексов последней четверти I – начала II в. н.э., несколько экземпляров обнаружены в могилах первой половины II в. н.э.

Лучковые фибулы варианта 3. Лучковые фибулы того же устройства, но с более высокой дужкой. Их размеры колеблются от 2,6 до 8,5 см. Эти фибулы встречены в погребениях 56 (табл. 36, 13) 57 (табл. 36, 22), 63 (табл. 40, 2), 64 (табл. 40, 9), 71 (табл. 44, 2), 78 (табл. 48, 6), 91 (табл. 53, 2), 96 (табл. 55, 2), 98 (табл. 57, 10), 116 (табл. 69, 7), 122 (табл. 73, 2), 126 (табл. 76, 4, 5), 127 (табл. 74, 14), 165 (табл. 104, 10), 169 (табл. 107, 7), 178 (табл. 115, 10) 190 (табл. 122, 11); 217 (табл. 145, 2), 220 (табл. 147, 5), 224 (табл. 154, 5), 228 (табл. 156, 8); 243 (табл. 169, 5), 275 (табл. 188, 14), 314 (табл. 212, 5), 317 (табл. 213, 5). Они соответствуют серии 1 варианту 3 по А.К. Амброзу. Такие фибулы, обычно датируемые II в. н.э., представлены значительным количеством экземпляров в могильниках Юго-Западного Крыма римского времени – Неаполе Скифском, Заветном, Скалистом III, Усть-Альме, Чернореченском и др. (Сымонович, 1963. С. 139; Богданова, 1989. С. 37; Богданова и др., 1976. С. 143; Высотская, 1994. С. 94; Труфанов, 2005–2009. С. 210). Помимо Крыма эти фибулы имеют очень широкий ареал распространения – Прикубанье, Нижнее Поволжье (Амброз, 1966. С. 49. Табл. 9, 8), Дакия (Diaconi, 1971. Taf. VII, 11). А.Е. Пуздровский датирует этот вариант фибул в целом второй четвертью II в. н.э. (Пуздровский, 2007а. С. 188).

Возможно, к варианту 3 стоит отнести фибулы из погребений 75 (табл. 46, 2), 111 (табл. 66, 7), 119 (табл. 71, 5), 138 (табл. 84, 8), 142 (табл. 87, 1), имеющие, правда, нижнюю тетиву. Подобные фибулы известны, например, в Усть-Альминском могильнике (Высотская, 1994. С. 102). Вероятно, этот показатель, вопреки мнению А.К. Амброза (Амброз, 1966. С. 49), не является определяющим для хронологии лучковых фибул (ср.: Труфанов, 2005–2009. С. 210).

К варианту 2 или 3 относятся фибулы из погребений: 83 (табл. 51, 5), 103 (табл. 60, 12), 125 (табл. 75, 7), 129 (табл. 78, 2), 158 (табл. 99, 6), а также железная фибула из погребения 139 (табл. 85, 2). Оба варианта очень близки друг другу и подчас трудноразличимы, особенно, если учесть, что часть фибул найдена в обломках и точному определению не поддается. В погребениях 89 и 117 найдены железные лучковые фибулы (табл. 52, 12; 70, 8) из круглого в сечении прута с расплюсненной ножкой, с подвижным приемником, с нижней тетивой (длина до 10 см,

высота дужки 3 и 4 см). Их также можно отнести к варианту 2 или, скорее, 3 по А.К. Амброзу. В некоторых могилах фибулы обоих вариантов найдены вместе.

Лучковые фибулы варианта 4–5. Фибулы, близкие по своему облику первым двум группам (лучковые, круглопроволочные, с расплющенной ножкой, нижней тетивой). Часть из этих фибул имеет нижнюю тетиву, что сближает их с «инкерманскими» фибулами по А.К. Амброзу. Они найдены в погребениях 95 (табл. 54, 18), 105 (табл. 61, 17), 123 (табл. 74, 5), 148 (табл. 91, 11), 185 (табл. 119, 22), 189 (табл. 123, 9), 196 (табл. 128, 2), 216 (табл. 142, 6), 226 (табл. 153, 6), 227 (табл. 155, 15), 240 (табл. 166, 20), 241 (табл. 167, 5), 245 (табл. 170, 11), 253 (табл. 174, 6), 255 (табл. 176, 2), 259 (табл. 180, 8), 260 (табл. 181, 4), 265 (табл. 184, 2), 269 (табл. 186, 4), 279 (табл. 190, 7). Эта группа соответствует серии 1, вариантам 4 и 5 лучковых фибул по А.К. Амброзу, которые он датирует II–III вв. н.э. (Амброз, 1966. С. 50. Табл. 9, 11–13). Фибула из погребения 231 (табл. 157, 17), возможно, также относится к этому варианту.

В могильнике Бельбек IV эти фибулы в основном встречены в комплексах середины – второй половины II в., но ряд погребений можно отнести к рубежу II–III вв. и первой половине III в. н.э. По А.Е. Пуздровскому датировка этих вариантов фибул также находится в пределах второй половины II в. н.э. (Пуздровский, 2007а. С. 188–189) и позднее (Пуздровский, 2007а. С. 195).

Лучковые фибулы с фигурной обмоткой спинки. Крупные лучковые фибулы (длина от 7,5 до 11 см, хотя есть экземпляры и меньшего размера) с пластинчатой спинкой, расширяющейся ножкой, с верхней тетивой, с длинной фигурной проволокой, служащей обмоткой спинки. Найдены в погребениях 101 (табл. 58, 9), 215 (табл. 143, 2), 233 (табл. 158, 12), 242 (табл. 168, 26), 252 (табл. 173, 11), 270 (табл. 187, 2). Эти комплексы в основном датированы концом II – первой половиной III в. н.э. В других памятниках Крыма (Пуздровский, 2007а. Рис. 200, 10–17; Труфанов, 2005–2009. С. 210–213) и Причерноморья (Малашев, 2000. С. 208) аналогичные фибулы датируются тем же временем. В.Ю. Малашев отмечает, что эти фибулы «среди одночленных лучковых занимают самую позднюю позицию».

Лучковые фибулы со сплошной проволочной обмоткой спинки. Крупные лучковые фибулы со сплошной проволочной обмоткой спинки происходят из погребений 128 (табл. 77, 4), 222 (табл. 147, 13), 234 (табл. 161, 15), 238 (табл. 163, 6), 257 (табл. 177, 6, 12, 18), 259 (табл. 180, 7). Фрагментированное состояние фибулы из погребения 234 не позволяет точно ее определить. Тем не менее, датировка этой могилы, где найдена тарелка формы 58 ESB – около середины II в. н.э. – синхронизируется с датой могилы 536 Усть-Альминского некрополя, где также найдена подобная фибула и тарелка ESB (Труфанов, 2005–2009. С. 210).

Широко распространены такие фибулы в могильниках Юго-Западного Крыма (Стржелецкий и др., 2005–2009. Табл. 1, 41; Пуздровский, 2007а. Рис. 200, 5–8; Труфанов, 2005–2009. С. 210. Рис. 56, 6–9). В основном они происходят из комплексов конца II – первой половины III в. н.э., хотя появляются и ранее, вероятно, около середины II в. н.э.

Лучковые фибулы со сплошной проволочной обмоткой до половины высоты спинки, крупные, найдены в погребениях 249 (табл. 172, 8), 251 (табл. 173, 4), 254 (табл. 175, 28), 261 (табл. 182, 8), 294 (табл. 198, 9), 295 (табл. 199, 10), 315 (табл. 211, 2). Подобные фибулы хорошо известны в могильниках Предгорного Крыма (Труфанов, 2005–2009. С. 210. Рис. 56, 10–13 – с аналогиями).

Лучковые фибулы с плоской спинкой, украшенные проволочной «змейкой», с нижней тетивой встречены в погребениях 188 (табл. 122, 3), 245 (табл. 170, 10), 258 (табл. 179, 5), 286 (табл. 195, 6), 287 (табл. 196, 2), 291 (табл. 197, 1). Они соответствуют «инкерманской» серии А.К. Амброза (Амброз, 1966. С. 52) и получили широкое распространение в крымских могильниках первой половины III в. н.э. (Пуздровский, 2007а. Рис. 201, 4, 5, 7; Труфанов, 2005–2009. С. 213).

Несколько лучковых фибул найдены в обломках и не поддаются достоверной классификации. Это фрагменты из погребений 39(2) (табл. 27, 6), 68 (табл. 42, 9), 131 (табл. 80, 7–9), 250 (табл. 172, 14), 294 (табл. 198, 8), 320 (табл. 214, 15), 322 (табл. 215, 5–6), 323 (табл. 215, 10).

В некоторых случаях в лучковые фибулы продевалось бронзовое или железное кольцо (например, экземпляр из погребения 294). Эта традиция хорошо известна в крымских могильниках римского времени (см., например: Сымонович, 1983. Табл. XXVIII, 3, 6; Кропотов, 2001. Рис. 3, 4; Труфанов, 2004а. Рис. 1, 10; 2, 10, 11; Пуздровский, 2007а. Рис. 200, 2).

«Смычковые» фибулы

«Смычковые» фибулы – одночленные, проволочные, с высоким приемником, главным образом, с нижней тетивой. Размеры этих фибул невелики – от 2,5 до 4 см, длина трех экзем-

поярков до 6 см. Они найдены в погребениях 24 (табл. 15, 8), 38 (табл. 25, 2), 48 (табл. 33, 8), 59 (табл. 38, 5), 60 (табл. 38, 18), 81 (табл. 49, 3), 92 (табл. 53, 9, 10), 95 (табл. 54, 17), 101 (табл. 58, 3, 10, 11), 103 (табл. 60, 13), 124 (табл. 73, 18), 125 (табл. 75, 4), 144 (табл. 89, 8, 10), 149 (табл. 91, 24), 154 (табл. 95, 2), 157 (табл. 97, 1), 160 (табл. 100, 7), 167 (табл. 105, 12), 172 (табл. 110, 3), 175 (табл. 112, 6), 182 (табл. 117, 16), 187 (табл. 121, 8), 208 (табл. 136, 7, 8); 209 (табл. 137, 9), 210 (табл. 138, 7), 217 (табл. 145, 3), 226 (табл. 153, 7), 227 (табл. 155, 16), 231 (табл. 157, 11, 12), 264 (табл. 183, 18), 276 (табл. 189, 2), 280 (табл. 191, 4), 303 (табл. 204, 2), 310 (табл. 207, 6), 314 (табл. 212, 2).

У большинства экземпляров преобладает пластинчатая спинка, только две фибулы сделаны из круглой в сечении проволоки (погребения 154 и 227). «Смычковые» фибулы соответствуют группе 14 по классификации А.К. Амброза и были распространены в I–III вв. н.э. в Крыму (Амброз, 1966. С. 47. Табл. 6, 11–14; Труфанов, 2005–2009. С. 209), а также в Прикубанье (Marčenko, Limberis, 2008. Taf. 178, 2; 187, 4–5). Как правило, в погребении находится по одной фибуле этой группы, только в нескольких могилах (погребения 92, 101, 231 и др.) их было найдено по две. Несколько раз смычковые фибулы встречаются в комплексах вместе с фибулами других групп, в частности в погребениях 59, 101, 103, 187, 217, 226, 227, 231, 253, 310, 314. В могильнике Бельбек IV они в основном найдены с материалами конца I – II в., изредка – с более поздними вещами (например, в погребении 253). Некоторые смычковые фибулы представляли собой броши с изображением.

Смычковые фибулы-броши с сюжетными изображениями. В погребении 208, относящемся к последней четверти I в. н.э., была найдена круглая бронзовая пластинка с изображением орла с распростертыми крыльями (табл. 136, 8). Точных аналогий этой находке нам неизвестно, хотя в некрополе Беляуса также была найдена фибула со щитком, украшенным изображением орла, I в. н.э. (Михлин, 1980. С. 208. Рис. 9, 2а). Традиционно находки с изображением орла связывают с местами стоянки римских легионов (Цветаева, 1979. С. 32), хотя вряд ли об этом можно говорить в нашем случае. В погребении 144 была обнаружена фрагментированная бронзовая пластинка круглой формы, с изображением двух ветвей (табл. 89, 10). Комплекс погребения датируется концом I в. н.э. Известно, что в ряде позднескифских памятников (Дашевская, 1991. Табл. 65, 1–4; Пуздровский, 2007а. Рис. 196, 1, 2, 5, 8), в Прикубанье (Marčenko, Limberis, 2008. Taf. 187, 5) и в Северном Причерноморье (Simonenko, 2008. Taf. 68, 4аb) были найдены броши подобного типа со смычковым игольным аппаратом. Так же они использовались и в Бельбекском могильнике – в погребениях 144 и 208 рядом с пластинками найдены смычковые фибулы, к которым они в древности и крепились. Несомненно, в некоторых случаях щитки с изображениями просто не сохраняются, что подтверждается материалами других крымских некрополей (Кропотов, 2001. С. 176. Рис. 1, 10, 14 – щитки фибул были сделаны из свинца).

В трех погребениях могильника найдены медальоны с антропоморфными изображениями в центре (Гущина, 1978). Фибулы подобного облика выделены А.К. Амброзом в особый вариант типа 1 (пружинные фибулы-броши круглой формы: Амброз, 1966. С. 30–31. Табл. 14, 18, 19, 21, 23–25; 15, 1; 17, 4), а В.И. Мордвинцевой – в тип 1, вариант 3, 1.2 (Мордвинцева, 2010. С. 308. Рис. 1, 8–9).

Первый медальон диаметром 3 см происходит из погребения 29 (табл. 19, 2). В центре изображена богиня (вероятно, Афродита). Изображение богини погрудное, правая рука на груди, у правого плеча – Эрот, слева – скипетр. Следов позолоты на медальоне не найдено. Комплекс погребения может быть датирован концом I в. н.э. В этом погребении никаких следов фибулы обнаружено не было, обломанный в древности медальон был обнаружен в головах, среди других амулетов, возможно, во вторичном использовании.

Сюжет, вероятно, заимствован с эллинистических золотых медальонов, изображающих Афродиту и Эрота. В этой связи вызывает интерес изданная Н.И. Сокольским фрагментированная стела с изображением Афродиты и двух Эротов – сцена чрезвычайно близкая нашему сюжету. Автор публикации предполагал, что и изображения на медальонах, и стела повторяют сюжет какого-то средиземноморского оригинала классического времени (Сокольский, 1978. С. 130–131). Как известно, культ Афродиты в Северном Причерноморье был распространен очень широко (Харко, 1946; Иванова, 1950; Сокольский, 1964; 1978; Марченко, 1977). Вероятно, именно с этим и связано столь широкое распространение изображений Афродиты в этом регионе, в том числе и на описанных выше медальонах.

Эллинистические золотые медальоны производились в Северном Причерноморье. Штамп для их изготовления был обнаружен при раскопках Тиритаки (Гайдукевич, 1940). Боль-

шая часть медальонов была изготовлена из золота или электра (ОАК, 1886. С. 76. Рис. 323; Шкорпил, 1905. С. 17. Рис. 12; Книпович, 1949. Рис. 20; Кругликова, 1975. Рис. 64; Анфимов, 1987. С. 212; Шедевры, 1987. № 244. Рис. 86; Горончаровский, 1993; Журавлев, 2006б. С. 42–43. № 33). Из херсонесского склепа № 1012 происходит серебряный щиток перстня IV в. до н.э. с близким сюжетом: изображением Афродиты и двух крылатых Эротов (Гриневич, 1926. С. 36–37. Рис. 17). Некоторые медальоны были также изготовлены из тонкой серебряной пластины (Анфимов, 1952. Рис. 22, 4). На многих подобных медальонах рядом с Афродитой были изображены два Эрота (Галанина, 1973. С. 54–55; Михлин, 1975. С. 189). Значительное количество украшений с аналогичными изображениями известно на территории Азиатского Боспора. Очень близкая брошь несколько меньшего диаметра (3,6 см) была обнаружена в Горгииппии (Алексеева, 1982б. С. 21–22. Рис. 14; см. также: Алексеева, 1997. Рис. 63–64). В этом же городе был обнаружен и бронзовый штамп с этим изображением (Алексеева, 1997. С. 184. Рис. 56). Из грабительских раскопок в Анапе известно еще одно подобное изображение на золотом погребальном венке. Возможно, что здесь представлено синкретическое изображение богини (Журавлев, Трейстер, 2005. С. 185–186; Treister, Zhuravlev, 2006. P. 275–276. Подробнее об этом: Мордвинцева, Трейстер, 2007. Т. I. С. 90–91., с полным списком всех аналогий).

Еще одна бляшка, или, скорее, медальон, служивший украшением смычковой фибулы, происходит из погребения 81 (табл. 49, 7). На тонкую бронзовую круглую пластину диаметром 5,5 см нанесено рельефное изображение женской фигуры. На ее голове – след ленты или головного убора, с убора спадают короткие волосы. Покрывало закрывает верхнюю часть тела и левую руку, прижатую к груди. В правой руке – предмет листовидной формы; такой же предмет, но меньших размеров изображен над левым плечом. Вокруг женской фигуры – орнамент из четырех гирлянд, имеющих вид двух соединенных листьев, по краю бляхи – рубчатый рельефный ободок. Рельеф был, вероятно, покрыт серебряной пластиной, от которой сохранились только небольшие кусочки на краях бляшки, загнутые за пластину. Полностью аналогичный медальон был найден в погребении 101 (табл. 58, 3). Вероятно, медальоны из могил 81 и 101 были сделаны одним штампом. Даты бельбекских погребальных комплексов – около середины II в. н.э. (погребение 81) и последняя четверть II – первая четверть III в. н.э. (погребение 101).

Наиболее близкая аналогия происходит из могильника № 4 у станицы Усть-Лабинской (Анфимов, 1952. С. 83–85. Рис. 22, 4; Мордвинцева, Трейстер, 2007. Т. III. Табл. 46, A313.1; Mordvinceva, Treister, 2007. Bd. III. Taf. 46, A313.1). В Елизаветинском некрополе также была найдена похожая бляшка (Marčenko, Limberis, 2008. Taf. 193, 7). Довольно близкие изображения происходят из Усть-Альминского могильника (Пуздровский, 2007а. Рис. 196, 1) и, возможно, из некрополя «Совхоз № 10» (Стржелецкий и др., 2005–2009. С. 161–162. Фибула в настоящее время утрачена). В сводном каталоге В.И. Мордвинцевой и М.Ю. Трейстера эти медальоны выделены в специальную группу с изображениями бюстов «Великой богини-матери» (Мордвинцева, Трейстер, 2007. Т. I. С. 93).

В литературе существует несколько точек зрения по поводу иконографии этого изображения. В свое время один из авторов этой книги выдвинул предположение, что на данных медальонах представлено изображение местного варианта Богини-Матери или Великой богини (Гущина, 1978), которого мы придерживаемся и сегодня. Развивая это мнение, А.Е. Пуздровский писал, что изображенная на медальоне из Усть-Альмы богиня представляет собой синкретический образ, сочетающий в себе иконографию Афродиты Апатуры – Артемиды – Анахиты (Великой богини) (Пуздровский, 2002. С. 110–115). Нет никаких сомнений, что представленное на бельбекских медальонах изображение синкретично, хотя черты иранской Анахиты, на наш взгляд, здесь не очевидны.

Противоположная и, на наш взгляд, слишком сложная интерпретация принадлежит С.А. Яценко. Рассматривая бельбекские изображения, он связывает их с персонажем осетинского нартского эпоса – Дочерью Солнца, небесной девой Ацирухс-Агундой. Для того, чтобы получить ее в жены, герою эпоса Сослану пришлось добыть в стране мертвых лист Деревя Аза и разместить четыре таких листа по углам построенной им железной крепости (Яценко, 1992. С. 76).

ДЕТАЛИ ПОЯСНОГО НАБОРА, ОБУВНЫЕ И ПОРТУПЕЙНЫЕ ПРЯЖКИ

Бронзовые, железные и серебряные пряжки от поясных ремней и обуви найдены во многих погребениях некрополя. В связи с тем, что существуют многочисленные специ-

альные работы, посвященные этой категории находок (Абрамова, 1998; Вадаи, Кульчар, 1984; Малашев, 2000; Труфанов, 2004б), мы рассмотрим их кратко.

Пряжки бесщитковые

1. *Пряжки бесщитковые с неподвижным язычком* представлены одной бронзовой овальнорамчатой пряжкой из погребения 159, сделанной из уплощенного прута, концы рамки отогнуты и заходят один за другой (табл. 97, 18). Неподвижный язычок – признак ранних пряжек из степных погребений IV–I вв. до н.э. (Мошкова, 1963. Табл. 25, 23–24; Абрамова, 1993. С. 83). Пряжка же из погребения 159 найдена с инвентарем, датируемым первой половиной II в. н.э.

2. *Пряжки бесщитковые с подвижным язычком*, в большинстве случаев рамка из круглого в сечении стержня.

Круглорамчатые бронзовые пряжки представлены находками из погребений 11 (табл. 9, 2), 71 (табл. 44, 7), 131 (табл. 80, 6), 178 (табл. 115, 11), 285 (табл. 194, 17), 300 (табл. 202, 8), 304 (табл. 203, 11). Все они найдены на поясе, за исключением пряжки из погребения 178, лежавшей у руки погребенного. Большинство пряжек относятся к последней четверти I – первой четверти II в. н.э., а экземпляры из погребений 285 и 300 – к последней четверти II – первой четверти III в. н.э.

Бронзовые пряжки с железным язычком происходят из двух могил – погребений 36 (табл. 24, 6) и 251 (табл. 173, 5), обе найдены в районе пояса.

Железные пряжки найдены в погребениях 14 (табл. 10, 13), 90 (табл. 52, 16), 112 (табл. 66, 20), 127 (табл. 74, 12), 136 (табл. 82, 17), 147 (табл. 90, 12), 281 (табл. 192, 11), 319 (табл. 214, 8). Если в погребениях 136 и 147 такие пряжки были обнаружены около пояса, то в погребениях 90 и 112 они находились около костей рук, в погребении 127 – у ног. Остальные могилы были либо ограблены, либо кости в них не сохранились, и проследить локализацию пряжек было невозможно. В основном эти пряжки происходят из комплексов первой половины II в. н.э.

Железная пряжка с бронзовым язычком найдена на тазовых костях в погребении 65 (табл. 40, 14) и датируется первой половиной II в. н.э.

Небольшие пряжки могли выполнять и роль обувных. В отдельных случаях пряжки могли использоваться вместе с ремнями, которыми были связаны ноги умершего (см. табл. 194, 15, 16). На некоторых железных пряжках отчетливо видны отпечатки ткани, например на экземпляре из погребения 90 (табл. 52, 16). В целом этот тип пряжек широко представлен в крымских некрополях римского времени (Пуздровский, 2007а. Рис. 97, 1–5; Труфанов, 2005–2009. С. 218. Рис. 60).

Сегменторамчатые железные пряжки происходят из погребений 255 (табл. 176, 6) и 323 (табл. 215, 9), датированных второй половиной II в. н.э.

Несколько железных пряжек (возможно, подпружные?) были найдены вместе с удилами и другими предметами конского снаряжения (погребение 223).

Фигурнорамчатая бронзовая пряжка происходит из погребения 165 (табл. 104, 11). Она может быть сопоставлена с так называемыми дугоконечными пряжками, известными как в Северном Причерноморье, так и в Западной Европе (см. подробнее: Труфанов, 2004б. С. 164). Могила датируется первой половиной II в. н.э.

В погребении 207 (табл. 136, 4) найдена железная «восьмерковидная» пряжка. Такие пряжки хорошо известны в памятниках Северного Кавказа (Абрамова, 1998. Рис. 1, 13–16; 4, 2) и в Крыму (Труфанов, 2004б. С. 162–163. Рис. 2) и изначально восходят к центральноевропейским прототипам. Комплекс бельбекского погребения относится к первой половине II в. н.э.

Пряжки щитковые

Бронзовые и серебряные *овальнорамчатые и круглорамчатые с подвижным язычком и прямоугольным нефасетированным щитком*, сделанным из двойной пластины и прикрепленным к рамке при помощи петель. Такие пряжки найдены в погребениях 245 (табл. 171, 1, 2, 4), 258 (табл. 179, 7, 8), 261 (табл. 182, 9, 10, 17), 259 (табл. 180, 12), 286 (табл. 195, 14, 15), иногда вместе с бронзовыми ременными наконечниками (табл. 195, 7–9, 12, 13; 179, 7; 180, 12).

Они в целом соответствуют пряжкам П1 и наконечникам Н3а по классификации В.Ю. Малашева (Малашев, 2000. С. 195–197), но имеют ряд отличий. Так, например, наконечники из погребения 286 конструктивно близки Н3а, но на них отсутствует фасетировка. Один

из наконечников из погребения 261 близок варианту Н2, но опять же не полностью ему идентичен. Комплексы бельбекского некрополя относятся к концу II – первой четверти/первой половине III в. н.э. В погребении 245 две пряжки можно связывать с деталями обуви, а одна найдена на груди погребенного (табл. 171, 4). По мнению В.Ю. Малашева, она имеет центральноевропейское происхождение, или является репликой пряжек этого региона¹³. Аналогичная ситуация прослежена в погребениях 258 и 261.

В погребении 270 последней четверти II – первой четверти III в. Две подобные пряжки (табл. 187, 14, 16) были найдены вместе с ременными наконечниками Н3а по В.Ю. Малашеву, имитирующими наконечники Н2 (табл. 187, 13, 15) (Малашев, 2000. С. 197. Рис. 5, А11–12, Б6–7) и могут быть связаны с обувью.

Железная пряжка с овальной рамкой и прямоугольным щитком, прикипевшим к рамке, найдена в погребении 122 (табл. 73, 4а). Еще одна железная пряжка происходит из погребения 116 (табл. 69, 5). Датировка этих комплексов определяется в пределах первой половины и второй–третьей четверти II в. н.э.

Бронзовые пряжки с прямоугольной рамкой и прямоугольным щитком найдены в погребении 270 (табл. 187, 17, 18). Вероятно, они связаны с портупейным ремнем и соответствуют типу ПЗб по В.Ю. Малашеву (Малашев, 2000. С. 196. Рис. 4, Б6; 5, А4. См. также: Малашев, Обломский, 2002. С. 116. Рис. 2). Находки подобных пряжек известны в Северном Причерноморье и в Прикубанье (Абрамова, 1998. Рис. 3, 19), но изначально они восходят к центральноевропейским образцам. Комплекс погребения относится к последней четверти II – первой четверти III в. н.э.

Несколько экземпляров пряжек из могильника Бельбек IV могут быть отнесены к пряжкам провинциально-римских форм. Так, пряжка из погребения 123 (табл. 74, 6) относится к числу укороченных «дугоконечных», варианту Б, по А.А. Труфанову (Труфанов, 2004б. С. 167. Рис. 5; 2009. С. 216–218. Рис. 59, 7–9). Комплекс погребения датируется второй половиной II в. н.э. Близка ей и пряжка из погребения 258 (табл. 179, 6), которое относится к концу II – первой половине III в. н.э. Эта дата хорошо согласуется и с датировками подобных пряжек из других могильников Крыма и Прикубанья (Труфанов, 2004б. С. 169; 2009. С. 218). Обе публикуемые пряжки имеют подвижный язычок и фигурную рамку с овальной передней и прямоугольной задней частью. Находки подобных пряжек, помимо крымских памятников (Труфанов, 2005–2009. С. 218), известны, например, в сарматских погребениях Венгрии (Вадаи, Кульчар, 1984. С. 249. Рис. 3). Они могут быть отнесены к группе Па согласно В.Ю. Малашеву (Малашев, 2000. С. 199–200).

Пряжка из погребения 291 (табл. 197, 6), найденная у бедра погребенного, также имеет овальную переднюю и прямоугольную заднюю часть, но отличается ажурным орнаментом как на пряжке, так и на ременном наконечнике. Наконечник имеет прямоугольную петлю для крепления и секировидный выступ на конце, украшенный насечками.

Находки полностью идентичных пряжек в Крыму нам неизвестны, хотя существуют достаточно близкие экземпляры из Битакского (Труфанов, 2005–2009. Рис. 59, 4) и Усть-Альминского (Пуздровский, 2007а. Рис. 97, 16–18) некрополей. Близка нашей и краснозоринская пряжка, найденная, как и бельбекская, вместе с ажурным поясным наконечником (Волошинов и др., 2007. Рис. 8, 32, 33). Ременные наконечники подобной схемы происходят из Краснозоринского, Чернореченского и Заветнинского некрополей (Масякин, 2007. Рис. 2, 9; 3, 14, 15). Стилистически близкие пряжки и наконечники поясов происходят и из римских лагерей на территории Германии (Oldenstein, 1976. S. 214–216. Taf. 38, 344; 41, 394), и из Болгарии (Генчева, 2009. С. 13. Fig. 1). Комплекс погребения 291 датируется концом II – первой половиной III в. н.э., что хорошо согласуется с датировкой аналогичных пряжек как в Германии, так и в заветнинском некрополе.

Возможно, форму этой пряжки и наконечника ремня нужно связывать с местными подражаниями провинциально-римским изделиям, известным, в частности, на территории Боспорского царства (см., например: Трейстер, 2000). В.В. Масякин выдвинул предположение, что производство поясных наборов, имитировавших римские военные пояса, существовало в Юго-Западном Крыму или в Херсонесе, где также найден фрагмент подобного наконечника (Масякин, 2007. Рис. 3, 16) и близкая пряжка (Костромичев, 2006. Рис. 8, 1). Он также не исключает, что они могли быть изготовлены в мастерских римских гарнизонов Юго-Западного Крыма (Масякин, 2007. С. 131). С другой стороны, учитывая высокое качество изготовления этой пряжки, нельзя исключить, что это оригинальный провинциально-римский образец.

¹³ Мы признательны В.Ю. Малашеву за ряд ценных советов при написании этого раздела.

С круглорамчатыми (из погребений 245, 270, 285 и 286) и фигурнорамчатыми (из погребений 258 и 291) пряжками найдены бронзовые длинные прямоугольные согнутые пополам пластины с овальными или треугольными окончаниями – ременные наконечники. Пластины без пряжек найдены еще в ряде разрушенных могил (например, в погребении 315 – табл. 211, 3–5).

В целом можно сказать, что пряжки, близкие открытым в бельбекском некрополе, широко представлены в причерноморских памятниках первых веков нашей эры. Их находки связаны, очевидно, с повсеместным распространением сарматского костюма (Симоненко, 1979; Bicher, 1972. Pl. VII, 13). В то же время они были характерны и для римской одежды, и в отношении некоторых бельбекских пряжек, например для двусоставной фигурнорамчатой с фигурным щитком из погребения 291 (табл. 197, 6; 238, 15) и ряда других, можно с большой долей вероятности предположить провинциально-римское происхождение (Вадаи, Кульчар, 1984. С. 252).

Несомненно, пряжкой с четырехугольной рамкой является бронзовый предмет из погребения 218 (табл. 146, 2) с четырьмя выступами по углам (подобные выступы известны и на круглорамчатых пряжках. См., например: *Căpitanu*, 1989. Fig. 1, 3). Комплекс этой могилы датируется второй–третьей четвертью II в. н.э.

Кольца круглой формы, входившие в состав поясного набора, найдены в погребениях 81 (табл. 49, 11), 101 (табл. 58, 8), 108 (табл. 64, 13), 149 (табл. 92, 4); 238 (табл. 164, 8), 245 (табл. 171, 5), 257 (табл. 177, 16), 286 (табл. 195, 10), 312 (табл. 208, 11). Эта традиция была распространена среди поздних скифов и сарматов – в ряде крымских могильников прослежены такие кольца, чередующиеся с кожей, к которой они прикреплялись бронзовыми зажимами (Дашевская, 1991. С. 36. Табл. 62). Ряд исследователей связывает находки подобных колец с деталями конской сбруи (Храпунов, 2007. С. 116. Рис. 2, 1). Близкие предметы римского времени найдены во многих регионах (см., например: *Căpitanu*, 1989. Pl. IV, 7, 8, 10). В латенских памятниках Европы они могли использоваться в качестве подвесок к поясу либо для крепления ножен меча (Raftery, 1988. P. 16. Fig. 2).

Назначение нескольких предметов из погребений 69 (табл. 42, 15, 16), 70 (табл. 43, 13), 204 (табл. 134, 8), 215 (табл. 143, 8, 9), которые также имеют близкую форму, но слишком маленькое отверстие, пока остается невыясненным. Возможно, некоторые из них также служили пряжками, другие же использовались в качестве амулетов.

БРАСЛЕТЫ

Браслеты – одна из наиболее распространенных категорий находок в погребениях, как мужских, так и женских. Найдены также детские браслеты меньшего диаметра. Большая часть браслетов сделана из бронзы, однако известны серебряные и даже железные браслеты. В целом их можно условно разделить на несколько типов.

Круглопроволочные браслеты с заходящими друг за друга и перевитыми концами (диаметр браслетов составляет от 3,5 до 8,5 см). Они найдены в погребениях 80 (табл. 48, 9, 10), 81 (табл. 49, 9), 106 (табл. 62, 7), 133 (табл. 79, 28), 152 (табл. 94, 3), 196 (табл. 128, 9), 201 (табл. 132, 9), 203 (табл. 133, 6), 218 (табл. 146, 8, 9), 238 (табл. 164, 1), 276 (табл. 189, 15), 280 (табл. 191, 7, 9), 291 (табл. 197, 7), 297 (табл. 200, 18). Эта группа браслетов происходит из комплексов конца I – первой половины III в. н.э. Столь длительное существование этого типа браслетов не дает возможности разработки более дробной хронологии (ср.: Труфанов, 2005–2009. С. 225. Рис. 63, 6–8). Аналогии им достаточно многочисленны в различных регионах, в том числе в Юго-Западном Крыму, на Боспоре (Корпусова, 1983. С. 58–59. Рис. 16, 12), в Дакии (*Căpitanu*, 1989. Pl. I; II; IV, 1–2).

Браслеты с подвижным замком, оформленным в виде двух спиралей. Такие браслеты найдены в погребениях 81 (табл. 49, 12; 50, 10), 140 (табл. 86, 5, 7), 156 (табл. 96, 10), 173 (табл. 108, 22), 220 (табл. 147, 3), 242 (табл. 168, 30), 270 (табл. 187, 8), 280 (табл. 191, 11), 329 (табл. 218, 9). В некоторых могилах найдено по два браслета; в погребении 270 такой браслет был сделан из серебра (последняя четверть II – первая четверть III в. н.э.).

Т.Н. Высотская выделяет их в тип III своей классификации (Высотская, 1994. С. 100). Такие браслеты были широко распространены как в Северном Причерноморье (Труфанов, 2005–2009. С. 225), так и в Мезии (Torbov, 2008. P. 63. Fig. 16ab), Дакии (*Căpitanu*, 1989. Pl. I; II; Mitrea, 1989. Fig. 11, 1) и Далмации (Koščević, 1991. S. 25–26. No. 88–91). По мнению М.Ю. Трейстера, они имели кельтские прототипы (Трейстер, 1992а. Рис. 9, 5; 1992б. Ил. 10, 4).

Круглопроволочные с расплюснутыми концами, несомкнутыми или заходящими друг за друга, оформленными в виде схематически выполненных «змеиных голов» (диаметр браслетов составляет от 3,3 до 8 см). Орнамент на концах и иногда на ободе браслета сделан точками и насечками. Эта группа браслетов наиболее широко представлена в материалах могильника. Браслеты с окончаниями, оформленными в виде змеиных головок, были специально рассмотрены и классифицированы А.А. Труфановым (Труфанов, 2001), чью схему используем и мы.

Тип III по А.А. Труфанову – одновитковые круглопроволочные браслеты с зооморфными окончаниями сглаженных очертаний. Орнаментация выполнена в виде прямых или циркульных линий, или отсутствует вообще. Они найдены в погребениях 1 (табл. 4, 1), 11 (табл. 9, 14), 43 (табл. 27, 22), 194 (табл. 127, 9). Возможно, к этому же типу можно отнести маленький (детский) браслет из погребения 60 (табл. 38, 17). Согласно А.А. Труфанову, браслеты этого типа датируются I в. н.э., причем время их наибольшего распространения – третья четверть столетия (Труфанов, 2001. С. 75. Рис. 1, 14–21). Эта датировка согласуется и с хронологией бельбекских браслетов.

Тип IV представлен браслетами из погребений 29 (табл. 19, 10), 48 (табл. 33, 7), 127 (табл. 74, 13).

Тип V по А.А. Труфанову представлен браслетами из погребений 46 (табл. 31, 9), 55 (табл. 36, 5), 191 (табл. 125, 4, 6), 197 (табл. 129, 20)¹⁴.

Тип VIA согласно классификации А.А. Труфанова представлен браслетами из погребений 96 (табл. 55, 7), 112 (табл. 66, 19), 117 (табл. 70, 14), 121 (табл. 72, 10), 125 (табл. 75, 3), 126 (табл. 76, 7, 9), 128 (табл. 77, 7), 139 (табл. 85, 8), 159 (табл. 97, 19), 167 (табл. 105, 8), 182 (табл. 117, 18), 194 (табл. 127, 13), 198 (табл. 130, 8), 227 (табл. 156, 2), 238 (табл. 164, 7), 311 (табл. 206, 11), 312 (табл. 209, 2), 325 (табл. 216, 14) и несколькими экземплярами из случайных находок (табл. 222, 6, 8, 10).

Тип VIБ по А.А. Труфанову представлен браслетами из погребений 70 (табл. 43, 7), 107 (табл. 63, 5, 7), 122 (табл. 73, 4), 123 (табл. 74, 7), 124 (табл. 73, 13), 129 (табл. 78, 10), 134 (табл. 82, 5), 149 (табл. 92, 16), 176 (табл. 114, 2), 216 (табл. 142, 10), 220 (табл. 147, 8), 227 (табл. 156, 4), 241 (табл. 167, 9), 245 (табл. 171, 6, 7), 253 (табл. 174, 10), 261 (табл. 182, 11), 276 (табл. 189, 12). Возможно, к этому же типу можно отнести крученые браслеты из погребений 129 (табл. 78, 12) и 243 (табл. 169, 10). Формально к этому типу относится браслет из погребения 100 (табл. 56, 16), датирующегося первой половиной II в. н.э., хотя он и не находит полного сходства в типологии А.А. Труфанова, а также один из браслетов из погребения 325 (табл. 216, 10).

Тип VIB представлен браслетом из погребения 257 (табл. 178, 1). Браслет из погребения 287 (табл. 196, 6) также может быть условно отнесен к этому типу, хотя орнамент на нем выполнен в пуансонной технике.

Также к типу VI (без вариантов) могут быть отнесены браслеты из погребений 105 (табл. 61, 14) и 169 (табл. 107, 12).

К Типу VIIA–2 относятся браслеты из погребений 81 (табл. 50, 5), 238 (табл. 164, 4) и 241 (табл. 167, 15, 16).

Тип VIIБ представлен браслетами из погребений 22 (табл. 14, 5, 8), 28 (табл. 18, 3–5), 34 (табл. 23, 12), 41 (табл. 29, 9), 46 (табл. 31, 10), 149 (табл. 92, 18), 191 (табл. 124, 8, 14),

Браслеты из погребений 115 (табл. 68, 5), 132 (табл. 81, 7), 136 (табл. 82, 18), 187 (табл. 121, 13), 252 (табл. 173, 12), 329 (табл. 218, 13) затруднительно связать с одним из типов предложенной классификации А.А. Труфанова. Браслеты из погребения 176 (табл. 114, 4) были найдены с обломанными окончаниями и классификации не поддаются.

В погребении 215 браслет со стилизованными зооморфными окончаниями (табл. 143, 11) сделан из серебра.

В могилах эти браслеты располагаются на руках погребенных, как правило, по одному, реже по два (восемь могил), по три (две могилы) и четыре (две могилы). Браслеты этого типа происходят из комплексов II в. н.э. Т.Н. Высотская отмечает, что датировка этого типа браслетов может быть удревнена – так, браслет из скрученной проволоки датируется I в. н.э., а браслеты с ромбовидными змеиными головками существуют как I в. до н.э., так и в II–III вв. н.э. (Высотская, 1994. С. 112). Традиция украшения концов браслетов змеиными головками существует с эпохи бронзы, а в античное время приобрела массовый характер (Рябцева, 1999); они широко использовались в Греции начиная как минимум с VI в. до н.э. (см., например: Philipp, 1981. S. 231. Taf. 52–58). Эти браслеты были распространены как в Северном, так и в Западном (Căpitanu, 1989. Pl. III, 2) Причерноморье.

¹⁴ В публикации А.А. Труфанова ошибочно отмечено, что он происходит из погребения 179 (Труфанов, 2001. С. 75).

Круглопроволочные браслеты с округлыми утолщениями или «с шишечками» на несходящихся концах (диаметр браслетов составляет от 3,8 до 8 см). Найдены в погребениях 6 (табл. 6, 10), 135 (табл. 83, 14), 175 (табл. 112, 5), 213 (табл. 141, 17). Три браслета из погребений 42 (табл. 25, 17), 75 (табл. 46, 4) и 163 (табл. 102, 9) с такими окончаниями сделаны из ложновитой проволоки. Подобные браслеты соответствуют типу II по Т.Н. Высотской (*Высотская*, 1994. С. 110) и широко известны как в Юго-Западном Крыму (*Труфанов*, 2005–2009. С. 225. Рис. 63, 4), так и за его пределами (*Корпусова*, 1983. С. 58–59. Рис. 16, 19). В бельбекском некрополе они происходят из могил второй половины I – первой четверти II в. н.э., лишь погребение 163 относится ко второй половине II в. н.э.

Браслеты из толстого круглого в сечении дрота с равнообрубленными или утолщенными и несходящимися концами найдены в погребениях 258 (табл. 179, 9), 261 (табл. 182, 16, 18), 310 (табл. 207, 14), 326 (табл. 217, 10). Два браслета этого типа из погребений 257 и 285 сделаны из серебра (табл. 177, 17; 194, 18); соответствуют типу V по Т.Н. Высотской (*Высотская*, 1994. С. 110). Браслеты такого облика широко распространены по всей территории Восточной Европы (*Вірлич*, 1965. Рис. 2; *Bicher*, 1972. Pl. X, 3, 4; *Храпунов*, 1995. Рис. 4, 15; *Труфанов*, 2005–2009. С. 226). В целом их датировка определяется в пределах последней четверти II – первой четверти III в. н.э., за исключением браслета из погребения 310, орнаментированного врезными линиями и датирующегося последней четвертью I – началом II в. н.э.

Браслет из ложновитой проволоки с расплюснутыми и несходящимися концами, декорированными изображениям змеиных головок из погребения 129 (табл. 78, 12). Комплекс этого погребения датируется первой половиной II в. н.э.

Браслеты круглопроволочные с ровными концами, как с несходящимися, из погребения 67 (табл. 41, 11), так и со сходящимися, из погребения 32 (табл. 22, 4). Диаметр браслетов (вероятно, детских) – 3,2 и 4,5 см. Датируются последней четвертью I – первой четвертью II в. н.э.

Пластинчатый с ровными несходящимися концами браслет из погребения 286 (табл. 195, 5), датированного первой половиной III в. н.э., был сделан из серебра и сильно деформирован. Ему также формально близок и пластинчатый бронзовый браслет из погребения 125 (табл. 75, 3), но его концы оформлены в виде змеиных головок.

Браслет из толстой железной проволоки, перевитый тонкой бронзовой проволокой, был найден в погребении 66 (табл. 41, 6), которое относится к концу I – началу II в. н.э. Аналогичный браслет известен из склепа 120 Усть-Альминского некрополя и датируется I в. н.э. (*Высотская*, 1994. Рис. 33. Табл. 39, 34).

Браслет из погребения 165 (табл. 104, 7), датированного первой половиной II в. н.э., сделан из толстой железной проволоки; он был найден в могиле фрагментированным.

ГРИВНЫ

Как и в остальных некрополях Юго-Западного Крыма (*Стржелецкий и др.*, 2005–2009. С. 171. Табл. 5, 69), это редкий тип украшений. В могильнике Бельбек IV найден только один экземпляр, и то лишь как случайная находка на территории памятника. Бронзовая гривна была сделана из ложновитой проволоки, края обломаны (табл. 220, 3). На гривну были нанизаны три бронзовые бусины. Аналогичные гривны найдены в могильниках Юго-Западного Крыма – Усть-Альминском и некрополе Неаполя Скифского (*Высотская*, 1994. Рис. 28, 45; *Пуздровский*, 2007а. Рис. 123–124). Близкие гривны, также с нанизанными на них бусинами и даже бронзовыми кольцами с выступами, известны и в античных памятниках (*Алексеева*, 1975. Табл. 17). Ряд авторов связывает присутствие гривен в позднескифских погребениях с кругом сарматских влияний и отмечает, что они носились как мужчинами, так и женщинами и являлись свидетельством социальной значимости погребенного (*Высотская*, 1994. С. 108; *Пуздровский*, 2007а. С. 148).

В погребении 262 был найден фрагмент бронзового украшения (височного кольца?) с нанизанной на него стеклянной бусиной (табл. 181, 21), в том же комплексе найдены остатки парного кольца. Комплекс датируется второй половиной II в. н.э. Кроме того, небольшое бронзовое кольцо с нанизанными на него стеклянной и бронзовой бусинами происходит из погребения 104 (табл. 61, 5, 7, 8), датированного концом II – первой половиной III в. н.э.

ПЕРСТНИ

Перстни – одна из самых многочисленных категорий находок; их носили и мужчины, и женщины, и дети. Они сделаны из бронзы, серебра, стекла и железа. Широкое распространение перстней объясняется не только тем, что они были популярным типом украшений, но, наверное, и той магической ролью, которую они, несомненно, играли в глазах древних обитателей Бельбекской долины¹⁵. Несмотря на значительное количество перстней, все они достаточно однообразны и могут быть сведены к трем условным группам.

Тонкие круглопроволочные перстни с плоским гладким щитком овальной формы найдены в погребениях 59 (табл. 38, 9), 96 (табл. 55, 9, 20), 101 (табл. 59, 10, 11), 107 (табл. 63, 6), 176 (табл. 114, 1), 215 (табл. 143, 8), 222 (табл. 147, 12), 227 (табл. 156, 3), 264 (табл. 183, 13), 265 (табл. 184, 5, 6, 9), 280 (табл. 191, 8), 313 (табл. 210, 11). Подобные перстни широко представлены в некрополях Юго-Западного Крыма (*Стржелецкий и др.*, 2005–2009. С. 166. Табл. 21, 38а; 22, 32 и т.п.; *Труфанов*, 2005–2009. Рис. 62, 1, 2).

Особо выделим перстень из погребения 222 (табл. 147, 12), на овальном щитке которого сделано врезное изображение пальмовой ветви и буквы NH (по предположению О.Я. Неверова – NIKH¹⁶). Изображение ветви также выполнено на перстне из погребения 329 (табл. 218, 12). Если изображения ветви на перстнях встречаются в погребениях Юго-Западного Крыма (*Стржелецкий и др.*, 2005–2009. С. 166. Табл. 31, 24; *Труфанов*, 2007а. С. 222–223. Рис. 62, 24, 27), и за его пределами (см., например: *Koščević*, 1991. S. 37. No. 162–164), то перстни с греческими буквами в варварских некрополях являются большой редкостью. Еще один перстень из погребения 238 украшен рельефным изображением головы Аполлона в профиль вправо в окружении точечного орнамента (табл. 165, 13). Погребения 238 и 329 датированы второй–третьей четвертью II в. н.э., а погребение 222 – второй половиной столетия.

Тонкие круглопроволочные перстни с овальным или круглым щитком, на котором сделано гнездо для вставки (обычно стеклянной, реже – сердоликовой). Это самая распространенная категория перстней в бельбекском некрополе. Обычно эти перстни сделаны из бронзы, реже – из низкопробного серебра. Такие перстни происходят из погребений 18 (табл. 11, 8), 38 (табл. 25, 5), 47 (табл. 32, 7), 84 (табл. 51, 14), 111 (табл. 66, 5), 130 (табл. 79, 8), 134 (табл. 82, 6), 144 (табл. 89, 14), 149 (табл. 92, 15), 169 (табл. 108, 3, 4), 183 (табл. 118, 7), 201 (табл. 132, 7), 211 (табл. 139, 6), 224а (табл. 154, 6), 260 (табл. 181, 5), 290 (табл. 196, 8), 295 (обломок), 305 (табл. 205, 5), 313 (табл. 210, 9), 329 (табл. 218, 8). Некоторые перстни имеют вставки с геммами (подробнее о геммах (табл. 245) см. Приложение 3). В отдельных погребениях найдено по несколько подобных перстней, обычно по два: в погребениях 121 (табл. 72, 7, 8), 124 (табл. 73, 11, 12), 132 (табл. 81, 6, 23), 167 (табл. 105, 4, 6), 191 (табл. 124, 9, 13), 223 (табл. 149, 5, 6), 226 (табл. 153, 3), 228 (табл. 156, 10, 11), 294 (2 экз.), 310 (табл. 207, 9, 10). По три перстня данного типа было найдено в погребениях 29 (табл. 19, 9, 12, 13), 46 (табл. 31, 5–7), 108 (табл. 64, 10–12), 156 (табл. 96, 7, 8, 11), 186 (табл. 120, 13–15), 197 (табл. 129, 10, 13, 14), 198 (табл. 130, 9, 11, 12). В ряде могил было найдено по четыре перстня – погребения 92 (табл. 53, 11, 13–15), 241 (табл. 167, 8, 13, 14, 17), а в двух погребениях – шесть и девять перстней этого типа соответственно: в погребениях 101 (табл. 59, 1–5) и 238 (табл. 165, 8–11).

По мнению Т.Н. Высотской, перстни с геммами служили у поздних скифов признаком высокого социального положения (*Высотская*, 1994. С. 116). Важно отметить, что в одном погребении перстней с геммами могло быть найдено несколько, т. е. они выполняли исключительно декоративную функцию, а не несли нагрузки печати. Нельзя не согласиться с выводами авторов публикации материалов могильника «Совхоз № 10», что перстни с геммами не являются показателями богатства погребенного и часто встречаются в рядовых погребениях (*Стржелецкий и др.*, 2005–2009. С. 166).

Тонкие круглопроволочные перстни со щитком, сделанным из витой проволоки из погребений 38 (табл. 25, 6), 52 (табл. 34, 18), 158 (табл. 99, 15), 189 (табл. 123, 7), 195 (табл. 126, 12). Эти перстни традиционно считают изделиями латенского типа (*Кухаренко*, 1959. С. 36; *Трейстер*, 1992а. С. 46. Рис. 9, 6, 7; 1992б. Ил. 10, 5, 6; там же см. библиографию). Они были широко распространены на территории кельтского мира в II–I вв. до н.э. (*Cordie-Hackenberg*, 1992. Abb. 1, 5 – датируется периодом Latèn D1), а в римское время встречаются на территории Восточной Европы повсеместно. В небольшую сводную статью по перстням этого типа с тер-

¹⁵ См. о магической роли колец из некрополей Западной Ферганы: *Литвинский*, 1973. С. 28–29.

¹⁶ Изображения Ники с пальмовой ветвью на геммах известны из некрополя «Совхоз № 10» (*Щербакова*, 1981. Рис. 1; *Стржелецкий и др.*, 2005–2009. С. 165).

ритории Восточной Европы (Czarnecka, 1989), к сожалению, не вошло большинство находок с территории Северного Причерноморья. Эти перстни получили широкое распространение в причерноморских памятниках (см., например: Ruseva-Slokoska, 1991. Р. 199. Cat. No. 265; Любенова, 1985. Обр. 10). Многочисленны они и в Далмации (Koščević, 1991. S. 35. No. 140–143). Их находки известны вплоть до некрополей Ферганской долины (Литвинский, 1973. Табл. 5, 13).

В могильниках Боспора (Корпусова, 1983. С. 60. Рис. 17, 11–12) и Юго-Западного Крыма (Высотская, 1994. С. 113) они наиболее часто встречаются в I–II вв. н.э., хотя известны и среди материалов III в. н.э. (Храпунов, 2006. Рис. 35, 4; Труфанов, 2005–2009. С. 222. Рис. 62, 5, 13, 32). В могиле 69 некрополя Дружное подобное кольцо было найдено с материалом IV в. н.э., хотя И.Н. Храпунов и не исключает возможности совершения в этом склепе погребений еще в III в. н.э. (Храпунов, 2002. С. 70. Рис. 169, 7). В некрополе «Совхоз № 10» аналогичные перстни датируются концом III–IV вв. н.э. (Стржелецкий и др., 2005–2009. С. 162). В материалах бельбекского некрополя они встречены в комплексах конца I – первой четверти/первой половины II в. н.э.

Интересный литой перстень, сделанный из стекла с белой вставкой, происходит из погребения 230 (табл. 157, 8), датированного серединой – второй половиной II в. н.э. Еще один стеклянный перстень с имитацией вставки найден в погребении 294 (табл. 198, 4) первой половины III в. н.э. Находки стеклянных перстней в крымских могильниках немногочисленны (Труфанов, 2005–2009. С. 225).

ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА И СЕРЬГИ

Височные кольца и серьги (бронзовые или из низкопробного серебра) составляют достаточно большую группу украшений. К сожалению, не всегда возможно различить эти две категории украшений, поэтому и рассмотрены они вместе. Их можно разделить на следующие группы:

Височные подвески из тонкой проволоки в полтора оборота, очень мелкие (1–1,5 см). Они происходят из погребений 4 (табл. 6, 3), 276 (табл. 189, 13, 14), 291 (табл. 197, 5), 312 (табл. 208, 2). Интересно, что обычно в могилах они обнаружены по одной, без пары, за исключением погребения 276. Эти подвески присутствуют в комплексах начала (погребение 312), второй половины II в. (погребение 276) и первой половины III в. н.э. (погребение 291).

Бронзовые или серебряные *серьги или височные кольца из тонкой круглой в сечении проволоки, с замком, имеющим на одном конце петлю, на другом – крючок*. Эти экземпляры более крупные, и имеют от 1,4 до 3 см в диаметре. Некоторые кольца изготовлены из витой проволоки. Они представлены большим числом находок из погребений 3 (табл. 5, 3, 4), 40 (табл. 28, 11, 12), 59 (табл. 38, 7, 8), 61 (табл. 39, 2, 3), 132 (табл. 81, 4, 5), 134 (табл. 82, 7, 8), 140 (табл. 86, 18), 142 (табл. 87, 4, 5), 150 (табл. 93, 5, 6), 169 (табл. 108, 2), 171 (табл. 109, 10, 11), 190 (табл. 122, 10), 201 (табл. 132, 12, 13), 203 (рассыпалось), 208 (табл. 136, 12), 227 (табл. 156, 1), 228 (табл. 156, 9), 230 (табл. 157, 6), 234 (табл. 161, 16), 241 (табл. 167, 18, 19), 242 (табл. 168, 19, 20), 272 (табл. 185, 14), 295 (табл. 199, 2, 3), 310 (табл. 207, 12, 13), 312 (табл. 209, 3), 313 (табл. 210, 10). Некоторые кольца со стороны крючка перевиты проволокой (погребения 234, 284, 294, 295). Иногда проволока обвивает кольцо по всему периметру (погребения 121, 175, 197). Такие кольца бытовали в течение длительного времени.

Тонкие круглопроволочные кольца с заходящими друг за друга или перевитыми концами диаметром от 2 до 3 см, происходят из погребений 81 (табл. 49, 4) и 284 (табл. 193, 25).

Тонкое круглопроволочное сомкнутое кольцо из погребения 67 (табл. 41, 10), относящегося к концу I – первой четверти II в. н.э.

Кольца с крючком, украшенным витой спиралью, из погребения 257 (табл. 177, 7, 8). с ними сближается и височное кольцо из погребения 294 (табл. 198, 7) первой половины III в. н.э., близкое по форме браслетам и перстням так называемого латенского облика.

В 13 могилах форму окончания колец не удалось определить из-за плохой сохранности (погребения 48(2), 52, 53, 58, 60, 124, 142, 144, 160, 264, 299, 314, 331).

Все перечисленные типы височных колец и серег были широко распространены в Причерноморье в I–III вв. н.э., хотя мелкие спиральные височные кольца в полтора оборота характерны и для III–I вв. до н.э. (Абрамова, 1987. С. 28).

ЗОЛОТЫЕ СЕРЬГИ

Форма трех пар золотых серег, найденных в погребениях 149, 176, 305 могильника Бельбек IV, не совсем типична для Северного Причерноморья (табл. 91, 25, 26; 112, 18, 19; 205, 8, 9). Они сделаны из тонкой, круглой в сечении проволоки, имеющей на одном конце петлю, а на другой – крючок. По ободу сделаны выступы из плоской пластины, образующие прилегающие друг к другу три колечка-петельки (по семь выступов на серьгах из погребения 149, по 13 – из погребения 176 и по 15 – из погребения 305). На всех серьгах этого типа дужка около петли перевита проволокой спиралью, а некоторые имеют небольшой круглый спиральный щиток. В Юго-Западном Крыму серьги такого типа известны в могильнике у с. Заветное, где они также были обнаружены в трех погребениях (Богданова, 1989. С. 40. Табл. XII, 4; Волошинов, Масыкин, 2007. Рис. 3, 3; Mordvinceva, Treister, 2007. Bd. III, Taf. 31, A129.3; 42, A294.1; Зайцев и др., 2007. Рис. 3, 3; Фирсов, 2009. С. 440. Рис. 1, 2, 3, 5), и в Усть-Альминского некрополе (Древние сокровища, 2005. С. 17. № 42; Пуздровский, 2007а. Рис. 126, 13–15). М.И. Вязьмитина отмечает, что серьги этого типа были распространены у гето-фракийского населения Подунавья, а спиральный щиток встречается в средне-латенское время (Вязьмитина, 1972. С. 148). Аналогичные серьги также были встречены в Ростовской области (Cat. Frankfurt, 2003. S. 104–105. No. 66) и в Северо-Западном Причерноморье – в с. Михайловка Одесской области, где они датируются I в. н.э. (Дзиговский, 1993. Рис. 37, 2; Трейстер, 1993. С. 87. Рис. 1, 8). Известны подобные находки и в Венгрии (Иштванович, Кульчар, 2005. С. 338. Рис. 1, 12). Публикуемые нами серьги происходят из комплексов второй половины I – начала II в. н.э.

Еще одна золотая серьга из тонкой круглой в сечении проволоки, с замком, имеющим на одном конце петлю, на другом крючок, происходит из погребения 93 (табл. 54, 12). Она напоминает аналогичные бронзовые и серебряные серьги из бельбекского могильника.

ЗОЛОТЫЕ ШТАМПОВАННЫЕ БЛЯШКИ и ФРАГМЕНТЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ВЕНКОВ

Золотые мелкие штампованные бляшки представлены следующими формами: три гладких полусферических диаметром 0,5 см; семь сердцевидных диаметром 1,1 см, и 50 полусферических с горизонтальным рубчатым ободком диаметром 0,5 см (погребение 223) (Ахмедов и др., 2001. Рис. 6). Все эти бляшки имели отверстия для нашивания. Одни из них, украшавшие, вероятно, края одежды, были найдены вокруг запястий рук вместе с бусами (гагат, сердолик) (погребение 299 – табл. 201, 3–4); другие служили декором обуви и находились возле ступней ног погребенной женщины (погребение 223 – табл. 152, 11, 12). Близкие по форме миниатюрные полусферические или умбоновидные бляшки с гладким или рубчатым горизонтальным ободком часто использовались для украшения одежды в Северном Причерноморье, в том числе в Херсонесе и Неаполе Скифском (Погребова, 1961. С. 125. Рис. 9, 8; Пятышева, 1956. С. 22. Табл. 1, 11, 16).

В погребении 176 были обнаружены шесть фрагментов золотой фольги – вероятно, от погребального венка. В частично разрушенном мужском погребении 6 также были зафиксированы обрывки золотой фольги. Эта находка в Юго-Западном Крыму достаточно редка. Несколько подобных венков было найдено в Усть-Альминском (Высотская, 1994. С. 93–94; Древние сокровища, 2005. № 63, 65, 67, 71, 139), Заветнинском (Богданова, 1969. Рис. 5, 21; 1989. С. 47) могильниках и некрополе Неаполя Скифского (Симонович, 1983. С. 99. Табл. XLV, 26, 27).

ЗЕРКАЛА

Все зеркала, обнаруженные в могильнике, происходят из женских погребений (ср.: *Высотская*, 1994. С. 116). Их местонахождение в погребении различно. Чаще всего зеркала-подвески находят у тазовых костей, петелькой вверх (следовательно, при жизни женщины носили их на поясе), но некоторые обнаружены и в других местах.

Большая часть зеркал найдена целыми, некоторые были раздавлены землей, но лежали в погребении *in situ*. Фрагменты зеркал обнаружены в 12 погребениях.

Гладкие дисковидные зеркала (диаметром от 5 до 8 см), иногда их обломки; происходят из погребений 19 (табл. 12, 14), 26 (табл. 16, 7), 149 (табл. 92, 2), 194 (табл. 127, 6), 198 (табл. 130, 6), 199 (табл. 128, 24), 200 (табл. 131, 35), 206 (табл. 135, 11), 303 (табл. 204, 5). Все зеркала были обнаружены в ногах погребенных, за исключением зеркала из погребения 26, которое лежало на груди. Близкие зеркала известны из ряда могильников Юго-Западного Крыма (*Дашевская*, 1991. Табл. 73, 4, 5, 9; *Пуздровский*, 2007а. Рис. 127, 3, 4, 6, 7, 9). Интересно, что в погребении 198 были найдены два обломка зеркал различных типов (табл. 130, 4, 6). По А.М. Хазанову подобные зеркала датируются I–II вв. н.э. (*Хазанов*, 1963. С. 64). В погребальных комплексах бельбекского некрополя они обнаружены в могилах последней четверти I – первой четверти II в. н.э.

Гладкие дисковидные зеркала с ручками. В некрополе они представлены только двумя экземплярами.

Зеркало из погребения 172 диаметром 14 см, имело короткую (2,5 см) ручку, сужающуюся к концу (табл. 110, 14; 239, 9). Похожее зеркала бытовали у сарматских племен с I в. до н.э. по II в. н.э. (*Хазанов*, 1963. С. 63. Рис. 3, 3; см., например: *Засецкая и др.*, 1999. Рис. 2, 6). В то же время они получили распространение и в Юго-Западном Крыму (*Дашевская*, 1991. Табл. 73, 3 и др.). Могила, в которой обнаружено это зеркало, датируется второй половиной или даже третьей четвертью I в. н.э.

Зеркало из погребения 310 (табл. 207, 7) диаметром 6,5 см, имело узкую пластинчатую ручку (обломана). Комплекс погребения датируется последней четвертью I – началом II в. н.э.

Зеркала-подвески с выступом в центре. Это массивные, дисковидные зеркала-подвески с короткой ручкой-петелькой, с утолщенным валиком по краю и выступом в центре, диаметром 4 и 3,5 см. Они найдены в погребениях 125 (табл. 75, 6; 239, 1) и 158 (табл. 98, 6). Одно из них лежало в ногах погребенного, второе – у пояса. Фрагмент такого зеркала происходит из погребения 313 (табл. 210, 8).

Согласно классификации А.А. Труфанова, они относятся к варианту 1–Б (*Труфанов*, 2007а. С. 175. Рис. 1). Такие зеркала, сарматские по происхождению, широко распространены в причерноморских памятниках в I в. н.э. и в начале II в. н.э. Т.Б. Барцева, исходя из анализа металла зеркал, установила, что они импортировались в Северное Причерноморье и Прикубанье с Северного Кавказа (*Барцева*, 1971. С. 137), что в свое время уже предполагал П. Рау (*Rau*, 1927. S. 90). К тому же выводу пришли М.П. Абрамова (*Абрамова*, 1971), В.Б. Виноградов и В.А. Петренко (*Виноградов, Петренко*, 1977). Вторая гипотеза о происхождении этих типов зеркал принадлежит А.М. Хазанову, который отмечал, что истоки этого типа зеркал надо искать в Сибири (*Хазанов*, 1963. С. 65–66). Такие зеркала получили распространение и в Юго-Западном Крыму, в частности в некрополе Неаполя (*Сымонович*, 1983. Табл. XLII, 2, 3), могильнике у с. Заветное (*Богданова*, 1989. С. 53), Усть-Альминском некрополе (*Пуздровский*, 2007а. Рис. 128, 2, 4, 7, 8, 10, 11) и кургане у дер. Саблы (*Журавлев, Фирсов*, 2001. С. 225–226. Рис. 1, 5). А.С. Скрипкин датировал их в пределах I – начала II в. н.э. или немного позже (*Скрипкин*, 1990. С. 95, 153. Рис. 36, 13–18). Оба зеркала этого типа, происходящие из могильника Бельбек IV, найдены в могилах первой половины II в. н.э. Возможно, к этому же типу могут быть отнесены зеркало с плохо сохранившейся поверхностью из погребения 109 (табл. 65, 6), датированного второй–третьей четвертью II в. н.э., и зеркало из погребения 142 (табл. 87, 9), относящегося ко времени около середины II в. н.э.

Зеркала-подвески с рельефным ободком по краю и орнаментом на обратной стороне. Это самый распространенный тип зеркал в некрополе. Как правило, они располагаются

на груди или поясе погребенной по одному, в редких случаях – по два (погребения 101, 238, 312, 317), обычно орнаментом вниз. Эти зеркала были широко распространены в Северном Причерноморье, а также у сарматских племен Нижнего Поволжья и Подонья во II–III вв. н.э. (см., например: *Хазанов*, 1963. С. 58; *Арсеньева*, 1977. Табл. XXXVII, 1, 2, 4; *Сымонович*, 1983. Табл. XLII, 9–21; *Дашевская*, 1991. Табл. 73, 13, 14; *Скрипкин*, 1990. С. 88–97, 142–156; *Морозовская*, 1987. Рис. 2. Каталог; *Морозовская*, 1993; *Высотская*, 1994. С. 117–118). Аналогичные зеркала были также найдены на территории Подунавья и во Фракии (см., например: *Bicher*, 1972. Pl. VII, 1; XIV, 6; *Drambogianu*, 1974. Fig. 2, 3; *Mitrea*, 1989. Fig. 21, 9; *Димитрова и др.*, 1984. Обр. 94. № 402).

А.А. Труфанов разделил зеркала из крымских могильников на несколько вариантов, к которым можно отнести и бельбекские зеркала.

Вариант 3А – зеркала с радиально-лучевым орнаментом и выступом в центре. В могильнике Бельбек IV они обнаружены в погребениях 98 (табл. 57, 9), 157 (табл. 97, 4) и 312 (табл. 208, 9, 10), которые датируются рубежом I–II вв. н.э. или первой половиной II в. н.э. А.А. Труфанов предлагает такую же датировку для зеркал этого варианта в целом (*Труфанов*, 2007а. С. 176).

К ранним массивным зеркалам, не поддающимся классификации, А.А. Труфанов отнес зеркало из погребения 223 Бельбекского некрополя (табл. 150, 8), датированного в пределах второй четверти – середины II в. н.э. А.А. Труфанов (*Труфанов*, 2007а. С. 178) не согласен с нашей датировкой комплекса погребения 223, предполагая его более позднюю дату.

К варианту 4 относится лишь одно зеркало из погребения 314 (табл. 212, 7), датированного концом I – первой половиной II в. н.э.

К варианту 6 по А.А. Труфанову может быть отнесено подавляющее большинство бельбекских зеркал. Эти подвески имеют орнамент в виде лучевой «свастики» и «птичьих лапок», которые являются сарматскими тамгами (подробнее об орнаментации см.: *Соломо́ник*, 1959; *Драчук*, 1975). Изображения тамг на бельбекских зеркалах специально рассмотрены С.А. Яценко в Приложении 6 и в отдельной публикации (*Яценко*, 2001. С. 37–43).

Эти зеркала обнаружены в погребениях 75 (табл. 46, 6), 81 (табл. 50, 21), 96 (табл. 55, 10), 100 (табл. 56, 15), 101 (табл. 59, 12, 13), 106 (табл. 62, 10), 107 (табл. 63, 8), 121 (табл. 72, 11), 124 (табл. 73, 10), 161 (табл. 101, 8), 167 (табл. 105, 13), 169 (табл. 108, 1), 217 (табл. 145, 12), 313 (табл. 210, 8), датированных в пределах первой половины II в. н.э. Кроме того, ряд близких зеркал происходит из комплексов второй половины II – первой четверти III в. н.э. Это погребения 95 (табл. 54, 19), 224 (табл. 154, 3), 225 (табл. 154, 15), 226 (табл. 153, 10), 227 (табл. 155, 17), 231 (табл. 157, 21), 233 (табл. 160, 4), 234 (табл. 161, 17), 238 (табл. 163, 7, 9), 241 (табл. 167, 7), 242 (табл. 168, 24), 243 (табл. 169, 6), 253 (табл. 174, 7), 257 (табл. 177, 22), 264 (табл. 183, 17), 265 (табл. 184, 4), 269 (табл. 186, 6), 279 (табл. 190, 6), 281 (табл. 192, 2), 294 (табл. 198, 2), 295 (табл. 199, 7), 325 (табл. 216, 5), 329 (табл. 218, 6), 331 (табл. 219, 6).

Несколько особняком стоят зеркала из погребений 47 (табл. 32, 9) и 198 (табл. 130, 4), комплексы которых датированы последней четвертью I – началом II в. н.э. и концом I – первой половиной II в. н.э. соответственно, а также из погребения 185 (табл. 119, 20) второй половины II в. н.э.

Фрагменты зеркал, не поддающиеся определению, найдены в погребениях 93 (табл. 54, 5) и 94 (табл. 54, 13).

Подобные зеркала изготавливались, очевидно, в различных регионах Северного Причерноморья¹⁷, о чем свидетельствуют и результаты химико-технологических исследований (*Барцева*, 1971; *Мошкова*, *Рындина*, 1975; *Ravich*, 1991). Формы для отливки подобных зеркал найдены и на территории современной Румынии, где также существовало собственное производство, в комплексе второй половины III в. н.э. (*Bicher*, 1967. Fig. 20; 1976. P. 99).

Некоторые зеркала обнаружены в обломках, в отдельных комплексах встречены только их фрагменты (всего зеркала найдены в 20% погребений, а разбитых среди них найдено совсем немного). Интересно, что в погребениях найдены как фрагменты дисковидных зеркал, так и зеркал-подвесок, причем отдельные фрагменты (табл. 54, 5; 128, 6) очень малы¹⁸. Также отметим, что некоторые могилы (например, погребения 101 или 317) содержали по два

¹⁷ В Танаисе и на городище Чеганда I в Прикамье найдены литейные формы для изготовления зеркал с петлей-выступом в центре (*Садыкова*, 1962. Рис. 11, 260; *Арсеньева*, 1984), подражающих ханским (*Гугуев*, *Трейстер*, 1995. С. 151), которые на рубеже II–III вв. постепенно вытесняют зеркала-подвески с ручкой.

¹⁸ Находки обломков зеркал зафиксированы и в сарматских погребениях Подунавья. См., например: *Drambogianu*, 1974. Fig. 2, 3. Л.А. Рыжова определяет близкое по форме кольцо у подвески из могильника Скалистое III как изображение полумесяца (*Рыжова*, 2005. С. 284. Рис. 3, 5). Не отрицая полностью такой возможности, заметим, что, скорее, здесь мы имеем дело с литейным браком.

зеркала (табл. 59, 12, 13; 213, 3, 4), другие – целое зеркало и обломок одного типа (погребения 238 – табл. 163, 7, 9 и 312 – табл. 208, 9, 10), или целое зеркало одного типа, а обломок – другого (погребение 281 – табл. 192, 2, 3).

А.М. Хазанов отмечал, что у сарматов был распространен обычай «умышленного разбивания зеркал», чтобы «привести зеркало (его магические силы) в соответствие с новым положением владельца» (Хазанов, 1964. С. 91, 94). Эта гипотеза была поддержана исследователями сарматской культуры (см., например: *Косяненко*, 1994. О магической роли зеркал см. также: *Литвинский*, 1978. С. 105–113); справедливой представляется она и нам. Против этой точки зрения выступила Т.М. Кузнецова, которая, собрав и проанализировав находки зеркал и их фрагментов из четырех крупных сарматских могильников, пришла к выводу, что находки фрагментов зеркал объясняются, скорее, высокой ценностью зеркал и невозможностью помещения целого экземпляра в погребение, что и вызывало появление в могилах символа зеркала в виде его обломка, а оставшаяся часть могла использоваться наследниками умершего (Кузнецова, 1988. С. 59–60). Отметим, впрочем, что если эта гипотеза и верна для дисковидных зеркал, то использование обломка небольшого зеркала-подвески вряд ли было возможно, поэтому здесь мы, несомненно, имеем дело с магическим обрядом. Зеркала-подвески и сами по себе являлись амулетами, между которыми их иногда и находят.

Свинцовая рамка стеклянного зеркала является редкой находкой не только для могильников Юго-Западного Крыма, но и для Северного Причерноморья в целом. Она происходит из погребения 281 и, к сожалению, сохранилась не полностью (табл. 192, 3). Скорее всего, она имела квадратную форму с круглым отверстием для стекла. Самого стеклянного зеркала в захоронении не обнаружено. Вероятно, оно было разбито перед погребением, или в могилу были положены лишь обломки рамки. Не исключено, что небольшой фрагмент аналогичного зеркала, с «прикипевшим» к нему язычком пряжки, происходит и из погребения 238 (табл. 164, 5).

Согласно сводке М.Ю. Трейстера, из Северного Причерноморья происходит 11 подобных зеркал, причем в Херсонесе найдено четыре экземпляра (*Трейстер*, 1991. С. 97–98. Рис. 4. Кат. 101–102; *Treister*, 1994a. В этой же статье см.: аналогии из Италии и римских провинций для этого типа зеркал. См также: *Treister*, 1996. Р. 121–124. Fig. 38–41. О херсонесских зеркалах см.: *Калашиник*, 1979; *Зубарь*, 1986; 1990). По мнению В.И. Кадеева и С.Б. Сорочана, зеркала такого типа являются продукцией западнопонтийских мастерских (*Кадеев*, *Сорочан*, 1989. С. 44), что подтверждается большим количеством находок в этом регионе, например в Радомире (*Любенова*, 1985. Обр. 18), Дуросторуме (*Museteanu, Elefterescu*, 1978. Fig. 3, 13–15) и других памятниках (*Intercisa II*, 1957. Taf. LXXV, 1). Правда, наибольшее распространение имели круглые, а не прямоугольные зеркала (см., например, публикацию коллекции Варненского музея: *Kouzov*, 2002. См. также: *Tudor*, 1959). Формы для отливки свинцовых рамок были найдены в Апулие (*Baluta*, 1997). Х. Кузов предполагает производство свинцовых зеркал на территории современной северо-восточной Болгарии (*Kouzov*, 2002. Р. 98).

В.М. Зубарь связывает их находки в Херсонесе с различными культами, в частности, Диониса-Сабазия (*Зубарь*, 1990. С. 71). В связи с малочисленностью этих зеркал он полагал, что они не всегда являлись предметами импорта, а могли быть также занесены в Северное Причерноморье их владельцами – выходцами из Дунайских провинций в составе римского гарнизона (*Зубарь*, 1987. С. 92). М.Ю. Трейстер считает, что появление этих зеркал в Северном Причерноморье нужно отнести за счет торговых связей, и выделяет закономерность: если в I–II вв. зеркала присутствуют на Боспоре, то в III–IV вв. они известны только в Херсонесе (*Трейстер*, 1991. С. 99). На наш взгляд, точка зрения М.Ю. Трейстера выглядит более обосновано и объясняет наличие сравнительно большого числа провинциально-римских зеркал в варварских погребениях. Комплекс погребения, из которого происходит это зеркало, датируется концом II – первой половиной III в. н.э., и из него также происходит зеркало-подвеска (табл. 192, 2).

Ручка от зеркала с краевой перфорацией происходит из погребения 75 (табл. 46, 1) (ср.: *Гайдукевич*, 1959a. С. 204; *Сорокина, Трейстер*, 1983. С. 150). Подобные литые зеркала, доработанные впоследствии на токарном станке, бытовали в основном в I в. н.э. (*Трейстер*, 1991. С. 94) или в I – середине II в. н.э. (*Незабитовска*, 2004. С. 206). Очень близка по форме нашему экземпляру ручка зеркала, найденного в Заветнинском могильнике (*Богданова*, 1989. С. 54; *Дашевская*, 1991. Табл. 73, 2; *Масякин*, 2007. Рис. 5, 2). Т.Н. Высотская в хронологической таблице помещает заветнинское зеркало в I в. до н.э. – I в. н.э. (*Высотская*, 1972. С. 151.

Рис. 48, 4). Такие зеркала хорошо известны в памятниках Центральной и Западной Европы (*Topál*, 1993. Pl. 75, 22; *Zotović, Jordović*, 1990. Tabl. XV, 5), в том числе в сарматских погребениях Венгрии (см., например: *Vaday*, 1985. Abb. 13, 3). Б. Незабитовска отмечает 11 экземпляров зеркал с перфорацией из этого региона (*Незабитовска*, 2004. С. 205, с подробной библиографией и каталогом находок). Небольшое количество таких зеркал известно и из Северного Причерноморья (*Кунина, Сорокина*, 1972. С. 150. Рис. 4, 33; *Ермолин*, 2004. С. 212, 215, 218–221. Рис. 8, 78; *Скрипкин*, 1990. С. 97. Рис. 36, 27), в том числе и из варварских погребений (*Rau*, 1927. S. 38–39; *Шилов*, 1972. С. 261–264. Рис. 1–2; *Сорокина, Трейстер*, 1983. С. 142–152; *Treister*, 1994. P. 424; *Незабитовска*, 2004. С. 204). Попутно интересно отметить изображение подобного зеркала на тулове лагиноса книдского производства из погребения 233 бельбекского некрополя (табл. 159). По всей вероятности, публикуемый фрагмент зеркала был использован варварами бельбекской долины как амулет. Интересно, что в Усть-Альминском могильнике был обнаружен обломок диска зеркала с краевой перфорацией, вероятно, также использовавшийся в качестве амулета (*Пуздровский*, 2007а. С. 154. Рис. 127, 10).

ШКАТУЛКИ

Для хранения туалетных принадлежностей, амулетов и украшений служили деревянные шкатулки с металлическими окладами и замками, найденные в 34 женских погребениях. Шкатулки практически всегда ставились в ногах погребенной, очень редко в головах – в погребениях 79 (без железных деталей) и 158; у руки – в погребении 172; у правого плеча – в погребении 185; на настиле – в погребении 221. Сами шкатулки в погребениях не сохранились, помимо тлена, до нас дошли только их железные и бронзовые части. Обычно от шкатулок остаются бронзовые замковые пластины, запирающие устройства, ключи, проволоочные петли, скобки и ручки, железные накладки. Размеры одной из шкатулок (из погребения 210) – 20 x 15 см – удалось проследить по следам древесного тлена.

Накладные бронзовые и железные пластины с прорезью для замочной скважины и одной или двумя прорезями для запирающих устройств. В основном они имеют прямоугольную форму, четыре заклепки по краям; прорезь для замочной скважины и прорезь для запирающего устройства. Найдены в погребениях 81, 96, 98, 100, 101, 172, 189, 198, 210, 217, 221, 223, 225, 226, 227, 233, 234, 238, 239, 241, 243, 245, 265, 269, 280, 281, 283, 310 (с вставленным ключом), 313 (табл. 50, 20; 55, 24; 56, 13; 57, 8; 59, 19; 110, 7; 123, 19; 131, 1; 138, 15; 145, 13; 148, 10; 152, 13; 153, 12; 154, 18; 155, 14; 160, 8; 161, 14; 165, 32; 166, 14; 168, 12; 169, 17; 171, 11; 184, 12; 186, 12; 191, 14, 15; 192, 14, 16; 193, 6, 7; 207, 11; 210, 12). Бронзовые пластины того же назначения встречаются значительно реже – в погребениях 96 и 176 (табл. 55, 24; 113, 5).

Круглые пластины также имеют заклепки по четырем сторонам и отверстие для замка. Найдены в погребениях 19, 121; 153, 158, 161, 183, 294 (очень фрагментирована) (табл. 12, 19; 72, 3; 94, 19; 99, 1; 101, 15; 118, 13; 198, 18). В тех же погребениях найдены железные накладки бабочковидной формы с шестью заклепками, конструктивно входящими в систему запора. Кроме уже указанных погребений с круглыми пластинами (табл. 12, 17; 72, 4; 94, 20, 21; 99, 2–5; 101, 11, 12; 118, 12; 198, 12, 13), они происходят из погребения 300 (202, 17, 18). По классификации А. Коковского они принадлежат к типам 4–6 (*Kokowski*, 1997).

Внешние запирающие устройства (одно или два на шкатулку) представлены железными пластинами, в нижней части которой имеется квадратная бородка, а в верхней – петля, в которую вставлялось бронзовое кольцо или проволока для прикрепления запирающей пластины к деревянной стенке шкатулки. Они обнаружены в погребениях 81, 96, 100, 172, 210, 217, 223, 226, 231, 234, 241, 243, 257, 265, 280, 283, 312, 314; кроме того, существует одна случайная находка (табл. 50, 18; 55, 25; 56, 18; 110, 8; 138, 17; 145, 14, 15; 152, 23, 24; 153, 17; 157, 13; 161, 14; 168, 10; 169, 16; 178, 9; 184, 16; 191, 12, 13; 193, 8; 209, 6, 7; 212, 28; 223, 17). Хорошо видна система запора на шкатулках из погребений 96 и 234 (табл. 55, 24; 161, 14).

Запирающие пластины могли быть выполнены в виде бронзовых герм. Три гермы найдены в погребениях 233, 253, 256 и одна – случайная находка (табл. 160, 1; 174, 11; 176, 10; 223, 16). Подобные запоры были очень широко распространены в античное время на территории римских провинций (*Марченко*, 1957. С. 170–171. Рис. 18; *Сокольский*, 1964. С. 117. Рис. 12, 2–3; *Кадеев*, 1970. С. 62. Рис. 5, 4–5; 1996. С. 42; *Высотская*, 1994. С. 121; *Treister*, 1996. Fig. 17–19; *Parlasca*, 1998; *Kouзов*, 2003. P. 29–30. No. 22–24; *Iacob*, 2004. Pl. IV; *Iconomu*, 2009. P. 279–281. Fig. 1). Некоторые авторы ошибочно считают бронзовые запоры в виде герм ключами (*Сымо-*

нович, 1983. С. 88; Богданова, 1990. С. 48; Дашевская, 1991. С. 40) или амулетами (Пуздровский, 2007а. Рис. 145, 1–2).

Внутреннее замковое устройство состояло из бронзовой пластины с одним или несколькими отверстиями для бородок ключа. Они представлены в погребениях 100, 217, 223, 225, 226, 233, 234, 241, 243, 245, 253, 256, 257, 265, 269, 313, 317; 331, а также случайной находкой (см. табл. 56, 20; 145, 20; 152, 27; 153, 11; 154, 16; 160, 3; 161, 13; 168, 13; 169, 14; 171, 12; 174, 14; 176, 14; 178, 4; 184, 10; 186, 8; 210, 14; 213, 6; 219, 7; 223, 3). Иногда эти пластины железные, например, у шкатулки из погребения 98 (табл. 57, 16).

Бронзовые и железные ключи различной формы (подробнее о ключах см., например: Лилчик, 1992. С. 201–212) найдены в погребениях 81, 98, 100, 121, 158 (на круглой пластине); 172, 183, 195, 198, 210, 217, 221, 223, 225, 226, 234, 238, 241, 243, 253, 256, 257, 265, 283, 310, 312, 313; существует также случайная находка (табл. 50, 16; 56, 19; 57, 7; 72, 5; 99, 1; 110, 9; 118, 14; 126, 11; 131, 8; 138, 11; 145, 17; 148, 9; 152, 9; 153, 16; 154, 19; 161, 14; 165, 30; 168, 13; 169, 32; 174, 12; 176, 17; 178, 2; 184, 10; 193, 11; 207, 11; 209, 8; 210, 13; 223, 6). В основном все наши ключи короткие, имеют Г-образную форму, с кольцом на одном конце и бородкой на другом – тип Е по классификации А. Коковского (Kokowski, 1997. Abb. 18).

Проволочные петли и скобки, служившие для крепления крышки шкатулки к стенкам найдены в погребениях 158, 172, 183, 198, 210, 217, 221, 223, 226, 227, 233, 234, 239, 243, 256, 257, 265, 269, 280, 281, 283, 294, 295, 312, 314, 320 (табл.: 99, 4; 110, 10, 11; 118, 15–17; 131, 2–4, 9; 138, 16; 145, 16; 148, 11; 152, 14–22; 153, 13–15; 155, 9–12; 160, 2; 161, 6–12; 166, 13; 169, 11–13, 15, 16, 29–31, 34–36; 176, 13, 15, 16, 19; 178, 3, 5–8; 184, 13, 17; 186, 11; 191, 15–22; 192, 7, 12–13, 15; 193, 10; 198, 1; 199, 11–16; 209, 9; 212, 24–26; 214, 15).

Дужки из бронзовой или железной проволоки – ручки на стенках или крышках шкатулок – найдены трижды: две в погребениях 161 и 245, и одна случайно (табл. 101, 16; 171, 10; 223, 7).

Шкатулки подобного облика и их детали встречаются как в некрополях античных городов, так и в варварских могильниках (Третеский, 1911. С. 127–133; Наливкина, 1965. Рис. 23; Арсеньева, 1977. Табл. XLII, 7; Сымонович, 1983. С. 88–89; Богданова, 1990. Табл. XV; Дашевская, 1991. Табл. 72, 3–6; Косяненко, 1991. Рис. 19; Крапивина, 1993. С. 131; Высотская, 1994. С. 121–123; Treister, 1996. Fig. 17; Пуздровский, 2007а. С. 154–155. Рис. 131). Множество деталей от таких шкатулок обнаружено на территории современной Болгарии (Буюклиев, 1986. Табл. 19, 256–258; Мънзова, 1963. С. 17–25. Рис. 1 – схема запорного механизма; 2–7 – разные варианты запирающего устройства). Существует несколько вариантов реконструкции таких шкатулок (Intercisa II, 1957. S. 260–266. Abb. 53–56; Гущина, 1969. С. 97; Сокольский, 1971. С. 123; Vicovala, 1977. Fig. 17; Сазонов, 1992. Рис. 15, 2–3; Высотская, 1994. Рис. 38; Храпунов, 1995. Рис. 2; Kokowski, 1997. Abb. 1–3, с подробной библиографией вопроса), а некоторые из них даже сохранились практически целиком (см., например: Radulescu et al., 1973. Tav. 1). Н.И. Сокольский отмечал распространение в античных городах шкатулок с металлическими деталями и замком, начиная с позднеэллинистического времени (Сокольский, 1971. С. 129).

Шкатулка из погребения 176 имела особую конструкцию: обычная бронзовая пластина с одной прорезью для ключа и двумя для запорных устройств (табл. 113, 1); бронзовая замковая пластина (табл. 113, 5). Шкатулка была украшена бронзовыми накладками (табл. 113, 2–4), по углам крепились четыре ручки (табл. 113, 11–14). Особенностью шкатулки являются костяные стержни, продетые в петли (табл. 113, 6–10; 243, 10). Нельзя исключить, что подобные костяные стержни могли использоваться в качестве шарниров для откидной крышки, как в шкатулках из Артюховского кургана (Максимова, 1979. Рис. 37. Арт. 35), одного из погребений кургана Васюринская гора (Власова, 2004. Рис. 39), кургана 17(18) Кепского некрополя (Журавлев и др., 2006. С. 22–28. Рис. 10–11; Žuravlev et al., 2007) или Херсонеса (Косцюшко-Валюжинич, 1907. С. 101; 1909. С. 59). Использование костяных пластин для декора шкатулок известно также в Беляусском некрополе и могильнике «Совхоз № 10» (Дашевская, 2001. С. 94. Рис. 3, 15; Стржелецкий и др., 2005–2009. С. 174–175. Рис. 32).

Н.А. Богданова в свое время считала находки шкатулок «символом частной собственности», «признаками социального неравенства, углубления процесса личного обогащения» (Богданова, 1989. С. 47–48). Следует отметить, что все шкатулки происходят из женских погребений различного достатка, что характерно и для других могильников Юго-Западного Крыма (см., например: Высотская, 1994. С. 123). Скорее всего, шкатулки импортировались жителями Бельбекской долины из Херсонеса (Кадеев, Сорочан, 1989. С. 85). Среди инвентаря, находимого

в шкатулках, часто присутствуют стеклянные бальзамари, зеркала, румяна и другие туалетные принадлежности.

КОСМЕТИЧЕСКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Помимо рассмотренных выше стеклянных бальзамариев, в косметических целях использовался еще ряд предметов.

Сосуд из алебаstra найден в обломках в погребении 172 (табл. 110, 6). Он имел тулово округлой формы, сужающееся к горлу (высота сосуда – 6,6 см, диаметр донца – 3,3 см). Подобные сосуды известны в сарматских памятниках Прикубанья, Поволжья и Приуралья I в. до н.э. – III в. н.э. (Смирнов, 1973. Рис. 1, IXa) и в некоторых памятниках Северного Причерноморья (Арсеньева, 1977. С. 132. Табл. XXVII, 5; Высотская, 1994. С. 86). Несмотря на возможное морфологическое сходство, необходимо отметить некоторые различия в материале, из которого они изготовлены. В.Б. Семенов, исследовавший подобные изделия, в том числе и бельбекский сосуд, писал, что он сделан из «мелкозернистого гипса, чистейшего белого цвета, насквозь пронизанного мельчайшими таблечными кристаллами гипса». Источником такого камня древние авторы называют территорию Турции и Сирии (Семенов, 1984. С. 121–122). В погребении он был найден рядом с зеркалом, и, вероятно, служил туалетным или ритуальным сосудом. Комплекс погребения датируется второй половиной I в. н.э.

Кроме того, алебастровый сосуд (миска?) голубого цвета был найден в погребении 131 (первая четверть II в. н.э.), но он полностью рассыпался, и реконструировать его форму не удалось.

Алебастровые сосуды иных форм встречаются и в других могильниках Юго-Западного Крыма, но достаточно редко (Loboda et al., 2002. Abb. 18, 1; Puzdrovskij, Zajcev, 2004. Abb. 4, 8).

Пиксида костяная: высота корпуса – 4,3 см, без крышки – 3,6 см; диаметр верхний – 3,8 см, диаметр нижний – 3,8 см; толщина корпуса – 0,3–0,4 см. Найдена в погребении 176 (табл. 114, 3; 236, 5), в шкатулке, рядом лежали кусочки мела. Корпус изготовлен из большой трубчатой кости животного, поверхность полирована. Пиксиды, получившие широкое распространение в античное время, изготавливались на токарном станке из дерева или кости и использовались для хранения парфюмерных изделий и мелких вещей (Сокольский, 1971. С. 199; Петерс, 1986. С. 68; Petkovic, 1995. Т. XXI, 6–10).

При широком распространении костяных пиксид в античных памятниках (Сокольский, 1971. С. 205. Табл. XXIX, 15; Петерс, 1986. С. 68; Зинько, 2003. Рис. 6, 4), их число в сарматских и позднескифских погребениях в Северном Причерноморье остается незначительным (Мелюкова, 1962. С. 204. Рис. 6, 5, 7; Вязьмитина и др., 1968. С. 44, 78, 85. Рис. 24, 4; 64, 4; 68, 6; Сокольский, 1971. С. 209–210; Петерс, 1986. С. 68–70. Табл. XIV; Ковпаненко, 1986. С. 80; Костенко, 1993. Рис. 16, 32; Веселовский, 1905. С. 357; Гущина, Засецкая, 1994. С. 33. Табл. 12, 115; 13, 127, 132; 32, 300; 34, 322; Гущина, Засецкая, 1989. Табл. I, 9; Высотская, 1994. С. 119; Grosu, 1995. Fig. 11, 7; Пуздровский, 2007а. Рис. 133, 12). Для других территорий, особенно для района междуречья Волги–Дона или Волги–Урала, это очень редкая находка (Мошкова, 1989а. С. 188; Сенигова, 1956. С. 144. Табл. IV, I; Фирсов, 1996. С. 56, рисунок). По мнению М.Г. Мошковой, основная масса сарматских женщин для хранения парфюмерии и других предметов женского туалета использовала не пиксиды, а небольшие кожаные или войлочные мешочки, остатки которых иногда встречаются в погребениях (Мошкова, 1989а. С. 188). Пиксиды, как правило, – принадлежность женских захоронений, однако иногда они встречаются и в мужских могилах (Сокольский, 1971. С. 200; Гущина, Засецкая, 1994. С. 33). Наиболее близки публикуемой пиксиде деревянные экземпляры групп 3 и 5 по Н.И. Сокольскому, датируемые I–II вв. н.э. (костяные пиксиды в той или иной степени являются подражанием деревянным) (Сокольский, 1971. С. 203, 205). В Усть-Альминском некрополе сохранилось некоторое количество деревянных пиксид (Пуздровский, 2007а. Рис. 136, 1–7), а в могильнике у с. Заветное найдены костяные пиксиды (Гущина и др., 2001. Рис. 7, 7; Cat. Rimini, 1995. P. 108–109. Cat. 10). Т.Н. Высотская считает пиксиды предметами роскоши (Высотская, 1994. С. 119).

Кроме пиксид в качестве своего рода туалетных коробочек служили *раковины*, в том числе и океанические каури (*Syncaea tigris*). (Обратим внимание, что находки раковин *Syncaea tigris* свидетельствуют о далеких торговых связях – ни в Эгейском, ни в Средиземном морях подобных раковин нет; они распространены лишь в Индийском и Тихом океанах (см.: Рибаров, 1990. С. 77–79). Раковины были обнаружены в ряде погребений (табл. 43, 5; 50, 17; 86, 15;

208, 12 и др.). Как туалетные коробочки они использовались и в античных городах, в частности в Херсонесе, причем иногда их находят непосредственно в шкатулках, а на некоторых сохраняются следы румян (*Высотская*, 1994. С. 130; *Кадеев*, 1995. С. 101). Подобные раковины найдены не только в Северном Причерноморье (*Малышев*, 2008. Рис. 29, 4), но и в некоторых некрополях римского времени на территории современной Румынии. Ряд исследователей связывает инвентарь этих могил с сарматским влиянием. В Румынии же известны близкие по форме раковины небольшого размера (каури), использовавшиеся в виде подвесок и амулетов (*Bicher*, 1972. Pl. VI, 14–17). Подобные находки обнаружены в сарматских погребениях Венгрии (*Párdutz*, 1944. Taf. XXX, 13; LIV, 3; *Vaday, Medgyesi*, 1993. Fig. 16, 36; *Vaday*, 1985. Abb. 8, 10, 12). У сарматов морские раковины использовались для растирания красок и иногда присутствуют в погребениях жриц (*Богданова*, 1980. С. 81).

Разумеется, часть раковин несла определенную магическую нагрузку и использовалась в погребальном ритуале. В некоторых крымских могильниках (Заветное, Кыз-Аул, у дер. Семеновка и др.) погребенные были засыпаны слоем раковин морских улиток (*Богданова*, 1980. С. 82). Спиралевидные раковины считались символами вечности, а улитка – смерти и возрождения (*Богданова*, 1980. С. 82). Они же могли использоваться и как заменители мела (*Смирнов*, 1964. С. 94–95). Кстати, в погребении 140 могильника Бельбек IV раковина была найдена рядом с кусочком мела. Раковины могли просто служить украшением. Находки таких раковин в северо-причерноморских памятниках сарматского времени встречаются повсеместно (*Сымонович*, 1983. Табл. XXV, 28; *Дашевская*, 1991. Табл. 70, 48; *Костенко*, 1993. Рис. 17, 16, 19 и др.); *Стржелецкий и др.*, 2005–2009. С. 180–181; *Пуздровский*, 2007а. С. 162. Рис. 148).

В погребении 239 найдена шкатулка, в которой лежали румяна и меловая бусина (табл. 166, 12), судя по ее местонахождению и сохранности уже использовавшаяся в косметических целях. Для растирания румян использовались окатанные морские гальки, на которых иногда сохраняются следы красной краски. Такая галька была найдена в погребении 155, в этом же погребении были найдены кусочки мела.

ПОДВЕСКИ и АМУЛЕТЫ

АМУЛЕТЫ ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ФАЯНСА

Среди амулетов в некоторых могилах бельбекского некрополя найдены подвески в виде гениталий (табл. 7, 8, 9; 36, 8; 125, 16, 17; 131, 18), скарабеи (табл. 17, 7, 8; 20, 2; 65, 10, 11; табл. 125, 7–13), фигурки львов (табл. 5, 5, 6; 15, 7; 20, 2; 132, 10), лягушек (табл. 10, 11), Беса (табл. 10, 10), Гарпократа (?) (табл. 181, 17, 18), амфор (табл. 17, 9, 10; 125, 18; 221, 10), подвески-медальоны (табл. 22, 6–8), изображения мужского божества с эрегированным половым органом (табл. 36, 6). Бусы и амулеты рассмотрены в Приложении 4 (см. также: *Столярова*, 2001). Отметим лишь, что подобные подвески были чрезвычайно популярны на всей территории античного мира (см., например: *Пиотровский*, 1931; *Алексеева*, 1972; 1975; *Коровина*, 1972; *Шеркова*, 1991), а также у поздних скифов и сарматов Юго-Западного Крыма (см., например: *Богданова*, 1980; *Дашевская*, 1991. С. 38; *Высотская*, 1994. С. 124–125) и у других варваров Северного Причерноморья (*Пьянков*, 1996). Широкое распространение этих амулетов, разумеется, не свидетельствует о повсеместном распространении египетских культов, но их использование в качестве апотропеев несомненно. Попав в иную этнокультурную среду, амулеты из египетского фаянса, по всей видимости, утрачивали свое первоначальное значение, но связывались с местными культами, издавна существовавшими среди варваров (соляным, плодородия и т.п.) и приобретали значение местных амулетов (*Пиотровский*, 1931. С. 30; *Виноградов*, 1968). Во всяком случае, предполагать, что поздним скифам или сарматам было известно значение, придаваемое египтянами этим амулетам (*Богданова*, 1980. С. 86), у нас никаких оснований нет. По предположению А.К. Коровиной, присутствие амулетов из египетского фаянса в детских погребениях свидетельствует, что родители погребенных могли быть последователями культов египетских богов (*Коровина*, 1972. С. 110). Нам представляется, что в первые века нашей эры эти амулеты уже не несли подобной семантической нагрузки. Большинство бельбекских амулетов происходит из могил последней четверти I – первой четверти II в. н.э., хотя отдельные экземпляры найдены и в более поздних комплексах.

АНТРОПОМОРФНЫЕ ПОДВЕСКИ-«ЧЕЛОВЕЧКИ»

В двух погребениях найдены бронзовые литые антропоморфные подвески, изображающие человечков в остроконечных головных уборах (шлемах?), с широко расставленными руками и ногами. Они были найдены парами в могилах девочек – погребения 130 (табл. 79, 2, 3) и 212 (табл. 140, 6, 7), а также происходят из случайных находок на территории могильника (табл. 221, 6, 7). Такие подвески известны как в античных, так и в варварских некрополях римского времени (Алексеева, 1982а. Табл. 41, 1–19; Высотская, 1972. Рис. 48; Зубарь, 1982. Рис. 66; 67; Зубарь, Мещеряков, 1983. Рис. 3; Сымонович, 1983. Рис. 5, 19. Табл. XLV, 1–4; Богданова, 1989. Табл. XV, 4–6; Дашевская, 1991. Табл. 70, 27–28; Стржецкий и др., 2005–2009. С. 178–179. Рис. 35, 11, 17; Пуздровский, 2007а. Рис. 145, 13, 14, 24, 25, 28–32; Волошинов и др., 2007. Рис. 5, 24; Cat. Rimini, 1995. P. 110–111. Cat. 13–14; Marčenko, Limberis, 2008. Taf. 127, 1) и датируются в целом I–III вв. н.э. (Зубарь, 1982. С. 102), а в материалах могильника – в пределах первой половины II в. н.э. Эта датировка согласуется с предложенной А.А. Труфановым для этой группы амулетов (Труфанов, 2005–2009. С. 230–232. Рис. 65, 23–26). Среди позднелатенских древностей существует ряд параллелей (или возможных прототипов?) таких фигурок. Часть их также изображает человека, но без головного убора (Pauli, 1975. Abb. 13, 12–15, 31–32; Horváth et al., 1987. Pl. XXIV, 1; Трейстер, 1992а. С. 46. Рис. 9, 8; см. также: Нефедова, 1992б; Warneke, 1999. Abb. 58).

Антропоморфные фигурки известны и во многих других культурах раннего железного века (см., например: Шрамко, 1985. Рис. 5; Зуев, 1993; Марковин, 1999; Marčenko, Limberis, 2008. Taf. 80, 13). В сарматских погребениях (женских и детских) также зафиксированы антропоморфные статуэтки (Скрипкин, 1991). Стоит, правда, отметить, что эти находки представлены не предметами античного импорта. Возможно, статуэтки использовались жителями Бельбекской долины в качестве апотропеев (Кагаров, 1913. С. 84–85; Высотская, 1976. С. 70; Богданова, 1980. С. 86).

ПОДВЕСКА в ВИДЕ ТОПОРИКА

Бронзовая подвеска в виде топорика достаточно стилизована, однако сходство с реальным плотницким инструментом несомненно. Она найдена в погребении 104 (табл. 61, 9), датированном концом II – первой половиной III в. н.э. Подвески в виде топорика или секиры широко распространены в Северном Причерноморье, в том числе и в погребениях савроматского времени (Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 27, 4), в Крыму (Алексеева, 1982а. Табл. 42, 5–8; Зубарь, 1982. С. 102–103. Рис. 68; Богданова, 1989. Табл. XV, 7; Стоянова, 2004а. С. 350; Труфанов, 2005–2009. С. 231. Рис. 65, 11, 15, 18, 29, 48. Специальное исследование на эту тему было написано А.А. Стояновой: Стоянова, 2004а. Табл. I), римских провинциях (Torbov, 2008. P. 62. Fig. 12ab), на Кавказе (Абрамова, 1966). Обычно их связывают с культом плодородия (Кагаров, 1913. С. 326) и солнечного божества. Эти подвески могли также служить апотропеями.

Двумя экземплярами представлены подвески аналогичной формы, сделанные из галата, из погребений 187 (табл. 121, 22) и 228 (табл. 156, 21). Вероятно, именно они были использованы А.А. Стояновой в классификации топоровидных подвесок Крыма. Правда, их датировка отнюдь не конец II – первая половина III в. н.э.: погребение 187 относится к последней четверти I в. н.э., а комплекс погребения 228 датируется второй–третьей четвертью II в. н.э. Поэтому связывать их с германскими элементами в культуре населения Крыма (Стоянова, 2004а. С. 349, 351) не следует.

ВЕДЕРКОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ

Бронзовые подвески в виде ведерка найдены в погребениях 11 (табл. 9, 4, 5), 12 (табл. 8, 15, 16), 143 (табл. 88, 2, 3), 144 (табл. 89, 5, 6), 191 (табл. 124, 12, 15), 209 (табл. 137, 8), 300 (табл. 202, 3), 303 (табл. 204, 1); размеры сильно колеблются. Такие подвески были широко распространены как в Восточной, так и в Центральной Европе (Căpitanu, 1989. Fig. 11, 16–19). Известны они в некрополях Юго-Западного Крыма (Мульд, Масыкин, 2003. Рис. 3, 10–11, 15–16; Пуздровский, 2007а. Рис. 144, 20), и в других регионах (Simonenko, 2008. Taf. 72, 2g). Согласно существующей в литературе точке зрения, их происхождение связано с подвесками-трубочками (амулетницами) (Пятышева, 1956. С. 59–60; Бажан, Каргапольцев, 1989. С. 164). В погребениях 29 и 169 могильника Бельбек IV найдены и бронзовые «двойные ведерки» (табл.

19, 6, 7; 107, 8), украшенные пуансонным орнаментом; возможно, к ним относятся находки и из погребения 303 (табл. 204, 3, 4). Такие «ведерки» изготавливались также и из египетского фаянса (Алексеева, 1975. Табл. 12, 25, 26). Н.А. Богданова связывает их с культом Диоскуров (Богданова, 1980. С. 86).

Погребальные комплексы с этими подвесками из могильника Бельбек IV датируются в пределах последней четверти I – первой четверти II в. н.э. (за исключением погребения 300). По мнению А.А. Труфанова, подобные подвески наиболее широко распространены в I в. н.э., в более позднее время встречаются реже (Труфанов, 2005–2009. С. 231). На самом деле, ведерковидные подвески находят и в погребениях III–IV вв., например, в могильниках Дружное, Совхоз № 10, Харакс и Бельбек III (Стоянова, 2004б. С. 297. Здесь же см. аналогичные находки в других памятниках Крыма) и связываются с проникновением в Крым германских элементов – носителей черняховской культуры. Более ранние подвески, подобные нашим, связываются А.А. Стояновой с сарматским влиянием (Стоянова, 2004б. С. 297). Правда, она тут же пишет, что «наличие подвесок-ведерок в позднескифских погребениях I в. до н.э. (Заветное и Усть-Альма) скорее обусловлено непосредственными контактами скифов с жителями древнегреческих городов».

Из погребения 305 происходят две золотые ведерковидные подвески (табл. 205, 1, 2). Такие находки встречаются в Юго-Западном Крыму не очень часто: например, в могильниках Усть-Альминском (I–II вв. н.э.), Бельбек III (с монетой 240–250 гг.), Заветном (Фирсов, 2009. Рис. 1, 16); найдены они и за его пределами (Стоянова, 2004б. С. 297; Mordvinceva, Treister, 2007. Taf. 28, A76.1). Публикуемые подвески найдены в могиле, относящейся к концу I – началу II в. н.э.

АМУЛЕТНИЦЫ

Амулетницы из погребений 238 (табл. 164, 10, 11), 261 (табл. 182, 7; 240, 15) и случайных находок (табл. 222, 5) в виде полого цилиндра с двумя петлями для подвешивания, иногда со стеклянными вставками по краям цилиндра. Они предназначались для хранения различных ароматических или лекарственных веществ (например, серы) (Зубарь, Мещеряков, 1983. С. 98–99), каких-либо амулетов, а в античном мире – папирусов с заклинаниями (Бажан, Каргапольцев, 1989. С. 164). Эти амулетницы в большом количестве найдены на территории Северного Причерноморья (Гайдукевич, 1952а. С. 124. Рис. 157а; Пяташева, 1956. Рис. 20. Табл. XIV; Зубарь, Рыжов, 1982. Рис. 8, 5) и в Юго-Западном Крыму в частности (Стржелецкий и др., 2005–2009. С. 177. Рис. 35, 7, 8; Труфанов, 2005–2009. С. 231. Рис. 65, 7, 8, 16. Интересно, что в трубочке из могилы 76б некрополя «Совхоз № 10» была найдена внутри деревянная палочка). Широкое распространение они получили и на территории римских провинций (Koščević, 1991. S. 47. No. 249–250).

ПОДВЕСКИ в ВИДЕ АМФОРЫ и ШИШКИ

Подвески-амфоры, подобные экземпляру из погребения 329 (табл. 218, 10), получили широкое распространение в Юго-Западном Крыму и Северном Причерноморье в целом (Алексеева, 1982а. Табл. 40, 66–68; Дашевская, 1991. Табл. 70, 32; Стржелецкий и др., 2005–2009. Рис. 35, 12; Cat. Rimini, 1995. P. 110–111. Cat. 16), равно как и подвески в виде шишки из погребений 106 (табл. 62, 5), 129 (табл. 78, 9) и 329 (табл. 218, 11) (Бабенчиков, 1963. С. 99–100; Алексеева, 1982а. Табл. 40, 50–55; Дашевская, 1991. Табл. 70, 14–15; Стоянова, 2004б. С. 296–297; Стржелецкий и др., 2005–2009. Рис. 35, 13, 14; Пуздровский, 2007а. Рис. 145, 21, 22; Труфанов, 2005–2009. С. 232. Рис. 65, 37, 38, 41, 42). При этом в погребении 329 эти подвески были найдены вместе. Все три бельбекские подвески сильно отличаются друг от друга формой и размерами. Из этих подвесок стоит выделить одну массивную шишку необычно большого размера – 7 см (табл. 62, 5) – из погребения 106 (вторая–третья четверть II в. н.э.). Точные аналогии публикуемой подвеске нам неизвестны.

Е.М. Алексеева считает, что все эти изделия производились в мастерских Западного Крыма (Алексеева, 1982а. С. 23). По наблюдению А.А. Стояновой, также ограничивающей ареал их распространения Юго-Западным и Центральным Крымом, большинство подвесок-шишечек происходит из комплексов конца II – первой половины III в. н.э., хотя известны и более ранние находки подобных изделий (Стоянова, 2004б. С. 296).

ПОДВЕСКА в ВИДЕ ГОЛОВЫ БЫКА

Эта интересная подвеска в виде головы быка с мощными рогами происходит из погребения 81 (табл. 49, 8; 240, 12). Интересно, что к этой подвеске были прикреплены три маленьких колокольчика полусферической формы (табл. 50, 6–8). Вероятно, эту подвеску так или иначе можно связывать с астральным культом (Богданова, 1980. С. 83). Полные аналогии нам неизвестны, наиболее близкая подвеска найдена на территории Дагестана (Давудов, 1996. Рис. 60, 28). Подвески с бычьими головами, хотя и иного облика, встречаются в поздне скифских могильниках (Дашевская, 1991. Табл. 70, 40). В античное время культ быка имел очень широкое распространение (Абрамова, 1966. С. 96; Иванов, 1991), и бронзовые или свинцовые подвески-букрании найдены на многих памятниках римского времени (Kaufmann-Heinimann, 1977. Taf. 178. No. 286; Menzel, 1986. Taf. 138. No. 427–429). Отметим, что относительно близкие подвески происходят и из памятников кельтов (см., например: Olmsted, 2001. P. 320. Pl. 122).

ПРОЧИЕ ПОДВЕСКИ

Подвески из фрагментов стеклянных сосудов. Такие подвески найдены в погребениях 39(2) и 58 (табл. 27, 3; 37, 7, 8) (Сорокина, Гущина, 1980. С. 97. Рис. 2, 3–5). Для одной из них была использована стенка сосуда типа *Rippenschale* (см. реконструкцию формы чаши: Сорокина, Гущина, 1980. Рис. 2, 3а). Два других амулета представлены обломками, вероятно, одного и того же сосуда – стенки и венчика – из опалового стекла малиново-красного цвета. Оба сосуда могут быть датированы в пределах I в. н.э. (Сорокина, Гущина, 1980. С. 97). Фрагменты стеклянных сосудов выступают в качестве амулетов достаточно редко (Haevernich, 1968. S. 120). В двух могилах (200 и 204), относящихся к последней четверти I в. н.э., найдены амулеты, представляющие собой подвешенные на проволоке небольшие фрагменты раковины или коралла (табл. 131, 19; 134, 2).

В погребении 209 была обнаружена подвеска из известняка круглой формы со сквозным отверстием (табл. 137, 13), а в погребении 70 – морская галька также с отверстием (табл. 43, 14). Находки таких камней с отверстиями фиксируются и в других памятниках римского времени (Simonenko, 2008. Taf. 72, 2g), а обычай их магического использования («куриный бог») с успехом существует и сегодня.

Оплетенный проволокой камень круглой формы найден в погребении 169 (табл. 107, 11), которое датируется первой половиной II в. н.э. Близкие по облику подвески были подробно рассмотрены М.И. Максимовой, которая связывала их с традициями в погребальном ритуале негреческого населения Северного Причерноморья (Максимова, 1962). Вероятно, от такой же подвески из погребения 108 была найдена и бронзовая проволочная оплетка (табл. 64, 14). В Усть-Альминском могильнике известна похожая подвеска – морская галька в бронзовой оплетке (Пуздровский, 2007а. Рис. 146, 1).

Меловая фигурная подвеска сложной формы происходит из погребения 223 (табл. 149, 8; 240, 14) (Ахмедов и др., 2001. Рис. 5, 3). Аналогичные подвески нам неизвестны. Отметим, что традиция использования мела как поделочного материала фиксируется и в других памятниках сарматского времени (Богданов, 1998. С. 44–52; Храпунов, 2006. С. 168. Рис. 36, 4).

Монетовидная подвеска найдена в погребении 313 (табл. 210, 7). Такие подвески известны во многих памятниках Крыма, например в более позднем некрополе Чатыр-Даг (Мыц и др., 2006. Табл. 14А, 1; 30, 1; 42, 3; 46, 1; 49, 7; 50, 1), и далеко за его пределами. Круглая бронзовая пластина с отверстием из погребения 211 (таб. 139, 5) также могла быть монетовидной подвеской. Несколько монет, найденных в могильнике Бельбек IV, также использовались в виде подвесок и имели отверстие для подвешивания. Так, например, из погребения 224, относящегося к периоду около середины II в. н.э., происходит медная монета императора Нерона (64–66 гг.) с отверстием (табл. 154, 1). В погребении 75, датирующемся первой четвертью II в. н.э., найден херсонесский тетрассарий 79–96 гг. н.э. с отверстием (табл. 46, 3). В погребении 221 третьей четверти II в. найден боспорский сестерций Римиталка (131–154 гг. н.э.) с отверстием (табл. 148, 5). В некрополе же находящегося неподалеку Херсонеса монеты чаще всего использовались в виде подвесок в составе медальонов (Калашник, 2008). Подробнее монеты из некрополя Бельбек IV рассмотрены в Приложении 2.

Подвеска из клыка кабана из погребения 169, с просверленным отверстием для ношения (табл. 107, 9). Подобные подвески использовались в качестве амулетов. Аналогии им

известны в позднескифских могильниках (*Дашевская*, 1991. Табл. 70, 41; *Пуздровский*, 2007а. С. 162. Рис. 147, 1–6, 9), в Херсонесе (*Зубарь, Мещеряков*, 1983. С. 98), в Прикубанье (*Гущина, Засецкая*, 1989. С. 124. Табл. I, 10; 1994. С. 21, Кат. № 318, 507, 512, 531, 533; *Marčenko, Limberis*, 2008. Taf. 81, 2), на Кавказе (*Абрамова*, 1993. Рис. 29, 32–38), а также в Мезии (*Petković*, 1995. Taf. XXVI, 5–8), и Далмации (*Zotović, Jordović*, 1990. Tabl. XLIII, 18–19). В погребении 300 были найдены два просверленных клыка животного меньшего размера (рис. 202, 6, 7).

КОЛЬЦА С ВЫСТУПАМИ

Одной из наиболее любопытных категорий находок в могильнике Бельбек IV являются литые круглопроволочные кольца или «браслеты» с тремя рядами округлых выступов по всему ободу (их часто называют еще кольцами с шишечками). Мы сознательно употребляем термин «браслет» в кавычках, поскольку исследуемые изделия не использовались как браслеты, несмотря на соответствующие размеры и форму. Диаметр этих колец – 5,5–9,2 см.

Их находки (включая обломки) зафиксированы в погребениях 3 (табл. 5, 2), 29 (табл. 19, 20, 21), 34 (табл. 23, 7), 38 (табл. 25, 4), 39(2) (табл. 26, 9, 10), 47 (табл. 32, 8), 62 (табл. 39, 10), 63 (табл. 40, 3), 70 (табл. 43, 3), 81 (табл. 49, 10), 106 (табл. 62, 9), 108 (табл. 64, 7, 8), 132 (табл. 81, 25), 156 (табл. 96, 13), 158 (табл. 99, 7, 13), 159 (табл. 97, 17), 175 (табл. 112, 7), 183 (табл. 118, 8), 191 (табл. 124, 11), 204 (табл. 134, 10), 230 (табл. 157, 7), 238 (табл. 164, 9, 13, 15), 286 (табл. 195, 11), 313 (табл. 210, 5), 325 (табл. 216, 7). В некоторых могилах они найдены в двух экземплярах – в погребениях 29, 108, 158, или даже в трех – в погребении 238.

Не только кольца большого диаметра («браслеты») имеют подобные выступы-шишечки, но и маленькие кольца диаметром от 1,2 до 2,4 см (*Журавлев*, 2006а; 2014). Они найдены в погребениях 11 (табл. 9, 8, 9), 113 (табл. 67, 2, 3), 122 (табл. 73, 5, 6), 123 (табл. 74, 3, 4), 126 (табл. 76, 6, 8), 129 (табл. 78, 7, 8), 135 (табл. 83, 5, 6), 144 (табл. 89, 11, 12), 160 (табл. 100, 6), 209 (табл. 137, 6, 7), 210 (табл. 138, 9), 212 (табл. 140, 5), 213 (табл. 141, 8, 9), 216 (табл. 142, 7, 8), 220 (табл. 147, 6, 7), 263 (табл. 183, 5, 6), 301 (табл. 202, 23).

Даже найденные по два, эти кольца не всегда были парными, и у них зачастую различается количество выступов-шишечек (см., например: табл. 73, 5, 6). Кроме того, заслуживает внимания тот факт, что кольца с выступами маленького диаметра никогда не встречались в одном погребальном комплексе с кольцами большого диаметра.

Несмотря на их различия в размерах, мы рассмотрим их вместе, поскольку схема их декора идентична.

Находки подобных изделий в большом количестве встречены не только в могильниках Юго-Западного Крыма (*Дашевская*, 1991. Табл. 72, 13–21; *Орлов*, 1987. Рис. 7, 3; *Высотская*, 1994. С. 111; *Пуздровский*, 2007а. Рис. 146), но и в других областях Северного Причерноморья (см., например: *Вірлич*, 1965. Рис. 1; *Коренько, Найденов*, 1977. Рис. 4, 1; *Гудкова, Фокеев*, 1982. Рис. 8, 1, 3; 11, 7), Подонья (*Раев*, 1979. Табл. 22, 20; *Косыненко*, 2008. Ил. 6, 2, 3), Кавказа (*Абрамова*, 1993. Рис. 29, 56, 60, 73) и иных регионов (*Ursachi*, 1987. Fig. 12, 24; *Căpitanu*, 1989. Pl. I, 3; Fig. 1, 1, 2; *Vaday*, 1985. Abb. 11, 15, 16). Кольца с выступами известны с III в. до н.э. Вплоть до VII–IX вв. н.э., а близкие по стилю оформления кольца найдены еще в памятниках скифского времени.

Все эти кольца или «браслеты» – литые, и хотя в целом они имеют сделаны по одной схеме, между ними есть много различий. Отдельные экземпляры имеют четкие, хорошо выраженные выступы, другие – уплощенные выступы округлой формы (см., например: *Мульд*, 2001. Рис. 2, 5). Ряд «браслетов» имеет три выпуклости в одной точке сечения кольца, другие же имеют одну выпуклость-утолщение, третьи – группы выступов на своей поверхности. Подавляющее большинство таких изделий изготовлено из бронзы, хотя встречаются и исключения: так, в погребении 144 могильника Бельбек IV были обнаружены два кольца, сделанные из свинца (табл. 89, 11–12). Возможно, использование этого металла связано с тем, что свинец в I в. н.э. стоил дешевле олова (*Plin.*, N.H. XXXIV. 161) и часто использовался в качестве лигатуры в бронзолитейном производстве (*Журавлев*, 2014. С. 61, сн. 11). Причина же изготовления упоминаемой пары колец не из бронзы, а из более мягкого металла вряд ли может быть достоверно установлена. Еще одно свинцовое кольцо аналогичной формы происходит из могильника у с. Левадки (*Мульд, Масякин*, 2003. Рис. 3, 5). Близкие по схеме декора кольца более раннего, скифского времени могли быть изготовлены из белого сплава или даже золота (*Мелюкова*, 1978. С. 228).

Кольца этого облика большинством исследователей традиционно связываются с древностями латенского круга (Кухаренко, 1959. С. 36; Zirra, 1971. Abb. 3, 17, 18; Нефедова, 1992а; Высотская, 1994. С. 111; ср.: Трейстер, 1992а. С. 44; Стржелецкий и др., 2005–2009. С. 154). Впервые эту гипотезу высказал Ю.В. Кухаренко (Кухаренко, 1959), учтя часть находок подобных колец в корпусе кельтских вещей с территории Восточной Европы. А.В. Богачев предполагает, что «подвески с выпуклинами» возникают, «по-видимому, как уменьшенное подражание гальштатским и латенским браслетам» (Богачев, 1998. С. 155; ср.: Кухаренко, 1959. С. 35; Высотская, 1972. С. 156). Лишь Н.А. Богданова в свое время выступала против латенской принадлежности этих браслетов (Богданова и др., 1976. С. 144; Богданова, 1980. С. 84), ссылаясь на их размеры и значительные морфологические отличия. Браслеты с шишечками второй половины IV – начала III в. до н.э. из скифских памятников были собраны В.Г. Петренко, которая также считает их кельтскими. Они были выделены в тип 11 ее классификации (Петренко, 1978. С. 55). Ряд скифских и фракийских колец с выступами был рассмотрен А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1978. С. 227–229. Рис. 48).

Специальную статью посвятил «кольцевым подвескам» небольшого диаметра (до 4–5 см) А.В. Богачев, который собрал подобные находки со всей территории Восточной Европы. Он разделил кольца «с выпуклинами» на два подтипа. К первому (подтип I) относятся кольца с тремя выпуклинами-шишечками в одной точке сечения кольца: одна на внешней стороне окружности, две другие – по сторонам (Богачев, 1998. С. 151, 153. Рис. 1). К этому подтипу как раз и относятся публикуемые кольца с выступами из могильника Бельбек IV.

Рассмотрим место находок колец с выступами в позднескифских и сарматских погребальных памятниках. Они обнаружены в ногах, на груди, около рук, в головах; в отдельных случаях – в мешочках для амулетов или в деревянной шкатулке. Заметим, что случаи утилитарного использования этих предметов как браслетов (на руку или ногу) или колец (на палец) уникальны. В могильнике Бельбек IV зафиксировано только два случая, когда кольца с выступами были надеты на левой руке погребенного как браслеты, причем рядом был надет и браслет другого типа. Этот необычный обряд зафиксирован в погребениях 159 и 191. Иногда в могиле кольца с выступами представлены в обломках или в нескольких экземплярах. Так, например, в погребении 238 могильника Бельбек IV одно кольцо найдено целым, а еще два – в обломках (табл. 164, 9, 13, 15), в погребении 39(2) найдено целое кольцо и обломок (табл. 26, 9, 10) и т.п. Иногда эти «браслеты» могли быть скреплены проволокой между собой (Пуздровский, 2007а. Рис. 146, 3). В могильнике Скалистое III «кольца с тройными шишечками» в двух погребениях были найдены на фалангах пальцев рук. Правда, учитывая их диаметр (7–8 см), трудно предположить их утилитарное использование в качестве обычных колец. Авторы публикации специально подчеркивают ритуальный характер подобных изделий (Богданова и др., 1976. С. 144). В Усть-Альминском некрополе кольца с выступами были найдены у левого или правого бедра, за пределами останков скелета, в засыпи могильной ямы. Лишь в одном случае браслет был найден в области локтя левой руки (Высотская, 1994. С. 111).

В погребении 335 могильника Бельбек IV два кольца с выступами, найденные слева от левого плеча погребенного, служили единственным инвентарем умершего (Журавлев, Фирсов, 2007. Рис. 7). В сарматском могильнике Валовый 1 (курган 9, погребение 1) подобные «браслеты» были найдены слева от височной кости скелета; в том же погребении обнаружена и подвеска-сфера, лежавшая среди амулетов (Беспалый и др., 2007. Табл. 27–28).

Отметим, что находки колец с выступами чаще встречаются в женских погребениях, реже – в детских (Косяненко, 2008. С. 139). К сожалению, отсутствие половозрастных определений не позволяет с точностью восстановить половую принадлежность погребенных.

Определенные вопросы вызывает и назначение колец с выступами. Чаще всего их находки фиксируются среди амулетов (погребения 81, 204, 210 и др.). Показателен мешочек для амулетов, открытый в склепе 853 Усть-Альминского некрополя, в котором среди различных предметов, включавших в себя окаменелости, обломки каменных молотков бронзового века, колокольчики, бусы и т.п., были найдены несколько колец с выступами (Пуздровский, 2007б. Рис. 1). В склепе 620 того же некрополя у головы погребенного было найдено скопление амулетов и других предметов (Loboda & al., 2002. Abb. 13; 15, 14, 15, 17, 19; Древние сокровища, 2005. С. 22. № 100–105). В могильнике Казан-Таш в женском погребении два кольца различного диаметра были найдены в мешочке, лежавшем около левого бедра. Показательно, что в том же погребении были найдены три лепные курильницы, возможно, говорящие об определенных сакральных функциях, которыми была наделена эта женщина

(Зайцев, 1997. С. 116. Рис. 65). В сарматском погребении I в. до н.э. в кургане «Крестовый» кольцо с выступами также найдено в мешочке для амулетов (Захаров, 2000. С. 35–36. Рис. 2, 23).

Таким образом, нет никаких сомнений, что кольца с выступами использовались в качестве амулетов и имели ритуальное назначение. Н.А. Богданова предполагает, что количество шишечек – три – не случайно и трактует эти кольца как амулеты-символы, отображающие единство трех элементов – водной стихии, солнца и земли (Богданова, 1980. С. 84). Не вдаваясь в семантику этих вещей, отметим, что подобный вывод представляется несколько преждевременным.

Судя по всему, некоторые кольца с выступами использовались как *детали украшений*. В 2004 г. при раскопках некрополя Бельбек IV в погребении 336 эти кольца (всего четыре – это уникальный случай) были найдены со вставленными в них стеклянными бусинами несколько меньшего диаметра (Журавлев, Фирсов, 2007. Рис. 10). По два кольца с продетыми в них мелкими бусинами были найдены ранее в погребении 216 (табл. 142, 7, 8) и 263 (табл. 183, 5–7). Интересно отметить и другие случаи использования подобных колец как деталей украшения – в частности, известна гривна из некрополя Фанагории с нанизанной бусиной и подобным кольцом (Алексеева, 1975. Табл. 17, 11).

Показательно, что в детском погребении 9 скифского могильника у с. Николаевка «три соединенных вместе кольца и два одинарных вместе с пастовыми бусами и бронзовыми пронизками входили в состав ожерелья и были найдены в области шеи» (Мелюкова, 1978. С. 228). Несмотря на значительные отличия этих колец от наших, надо отметить наличие на них тройных выступов-шишечек. Известны подобные колечки в кургане у с. Мастюгино, где они были найдены в области шеи детского скелета. В том же положении золотые кольца, датированные II–I вв. до н.э., были зафиксированы Н.И. Веселовским в женском погребении у с. Марьевка (Мелюкова, 1978. С. 228).

Специальную статью посвятил рассматриваемым «браслетам» с территории Дакии И. Глодариу (Glodariu, 1984. Р. 63–80). Автор рассмотрел все известные ему находки с территории Дакии, предложил собственную типологию этих изделий и пришел к выводу, что подобные предметы могли использоваться в качестве пряжек или распределителей ремней. Во Фракии подобные кольца находят с остатками кожаных ремней и трактуют как детали конской упряжи (Тончева, 1956. С. 54. Табл. I, 9, 10; 3, 13).

Похожие находки известны и в причерноморских степях: очень интересная находка «бронзового кольца с напаянными шариками», связанная с конской уздой, происходит из кургана 1, погребения 2 Кировского I могильника: «между малыми ажурными фаларами, на одинаковом удалении от них, находилось бронзовое литое кольцо с напаянными шариками, сгруппированными по три. Размер кольца 3,7 x 3,3 см». Южнее «были обнаружены два железных зажима из согнутых пополам прямоугольных пластинок... Фрагмент железной пластинки, возможно, еще от одного зажима, был найден вдоль сложенных пополам удила» (Ильюков, 2000. С. 103. Рис. 8, 2). Более ранние скифские кольца с тремя группами тройных выступов были найдены в мужских погребениях рядом с рукоятями мечей, например, в кургане XII у с. Кирикова (Мельник, 1902. С. 714–715. Рис. 119) или в кургане 487 у с. Капитоновка (Бобринский, 1910. С. 71. Рис. 11). В воинских же погребениях были найдены кольца, служившие портупейными застежками или пряжками, например в некрополе у с. Требениште на Охридском озере (Мелюкова, 1978. С. 229). Показательна в этом случае находка из погребения 123 (табл. 74, 3, 4, 6) могильника Бельбек IV двух колец с выступами вместе с бронзовой фигурно-рамчатой пряжкой на поясе погребенного.

Существует еще одна точка зрения на подобные кольца, близкие обнаруженным в скифских погребениях. Болгарский исследователь С. Топалов предполагает, что они могли использоваться в качестве платежного средства немонетного облика, подобно монетам-стрелкам, дельфинчикам и т.п. (Topalov, 2004).

В связи с тем, что интересующие нас кольца с выступами многими исследователями считаются кельтскими, имеет смысл кратко обратиться к собственно кельтским изделиям. Действительно, браслеты и кольца, на первый взгляд, близкие к рассматриваемым, присутствуют в кельтских памятниках Центральной и Западной Европы (см., например: Crisan, Milea, 1970. Pl. I, 2; II, 2; Horváth et al., 1987. Pl. VIII, 1; XII, 2, 3; XXI, 1; Kolník, 1991. Abb. 5, 8; Némethi, 1989. Fig. 1, 1, 2, 5; 4; 5; Walus, 1992. Рyc. 2, c, d; Cat. Leipzig, 2002. S. 172. Kat. No. 126).

Кольца меньшего диаметра также известны в европейских памятниках римского времени, например в Словакии (Filip, 1956. Tab. CIV, 11, 14, 15; Pieta, 1996. Abb. 3, 2). Небольшая

подвеска близкого облика найдена в некрополе Оравассо раннеримского времени (*Graue*, 1974. Abb. 12, 6). Эту подвеску действительно можно считать кельтской. Кольца с выступами были найдены также в Словении (*Bozic*, 1993. Abb. 1, 3, 4) и Чехии (*Filip*, 1956. Tab. XXVIII, 2). В Безансоне были обнаружены следы производства колец с выступами-шишечками, но несколько другого облика (*Feugère*, 1994. Fig. 6; 7, 4).

Выше уже отмечалось, что большинство отечественных ученых настаивают на кельтском происхождении данного типа изделий (*Берлизов, Еременко*, 1998. С. 25–27). О.Н. Мельниковская, рассмотревшая находки колец с выступами в Южной Белоруссии, считает их изготовленными под латенским влиянием (*Мельниковская*, 1956. С. 175–176; 1967. С. 78–80). Г.М. Залашко и В.Е. Еременко, говоря о сходных «браслетах с группами насечек или рубчиков», предполагают, что они были изготовлены кельтскими ремесленниками, скрывавшимися на милоградских городищах от скифов (*Залашко, Еременко*, 1986. С. 59–60).

Е.С. Нефедовой был собран 101 браслет латенского стиля с территории Европейской части СССР («латенские» черты этих браслетов – шишечки и рубчики). Даже беглого взгляда на эту работу достаточно, чтобы понять, что браслетов, подобных найденным в бельбекском некрополе, здесь просто нет! Наиболее близки к ним типы 6 и 7 ее классификации (*Нефедова*, 1992а. С. 22. Рис. 2; 2а), но и они скорее напоминают браслеты с выступами, обнаруженные в скифских и фракийских памятниках IV–III вв. до н.э. (ср.: *Мелюкова*, 1978. Рис. 48). Кстати, и хронология этих браслетов тоже совпадает (*Нефедова*, 1992а. С. 28. Табл. 1). В работе Я. Филипа собрано множество латенских браслетов, но и здесь нет ни одного, более-менее напоминающего крымские (*Filip*, 1956. Tab. XIII, 2; XXV, 15; XXVIII, 3; XXX, 8–12; XXXI, 13, 15; XXXIII и др.). Изделия галатского облика, происходящие из Малой Азии (*Müller-Karpe*, 1988. Abb. 3), лишь весьма отдаленно напоминают крымские находки.

Таким образом, морфологические различия между латенскими браслетами (см., например: *Procházka*, 1937. Tab. XII, 5; XXV, 16–18; *Raftery*, 1988. Fig. 38, 1, 3; 42, 4) и кольцами с выступами, обнаруженными в Северном Причерноморье, значительны. И.Н. Храпунов, А.А. Стоянова и С.А. Мульд также считают, что «у кельтов в эпоху латена бытовали похожие браслеты, но они имели либо прямоугольные «рубчики» или гофрированную поверхность, либо иное расположение шишечек» (*Храпунов и др.*, 2001. С. 136).

А.В. Захаров справедливо отмечает, что «почти все кубанские и вообще северопрichernоморские находки изготовлены довольно грубо, часто у них даже не спилены литники, и они явно отличаются от мелкой пластики собственно кельтского происхождения» (*Захаров*, 2000. С. 36). В этой связи вспомним и тезис Ю.В. Кухаренко об изготовлении значительной части «латенских» вещей в мастерских Северного Причерноморья (*Кухаренко*, 1959. С. 41–42).

Немаловажен тот факт, что браслеты кельтского облика найдены в погребении именно как изделия утилитарного назначения – браслеты были надеты на руки или ноги погребенных (в зависимости от диаметра).

Представляется, что исследуемые нами кольца с выступами близки по оформлению к кольцам из скифских памятников более раннего времени. На территории Северного Причерноморья такие «браслеты» появляются как минимум со второй половины IV в. до н.э. (*Петренко*, 1978. С. 55). Среди наиболее близких рассматриваемым «браслетам» можно считать серебряный экземпляр из погребения 1 кургана 14 Любарецкого поселка и бронзовый фрагмент из кургана Огуз (*Петренко*, 1978. С. 55. Табл. 44, 13, 14). По предположению М. Пардуца, рассмотревшего материалы из Артанда в Венгрии и отметившего достаточную близость браслетов из этих комплексов, они далеки от кельтских экземпляров, и, скорее, имеют фракийскую принадлежность (*Parducz*, 1965. Kér. 137). В.Г. Петренко, напротив, отстаивает латенскую принадлежность огузского и любарецкого экземпляров (*Петренко*, 1978. С. 55).

По мнению А.И. Мелюковой, несмотря на то, что на территории собственно Скифии таких колец было обнаружено больше, чем во Фракии, мы не можем говорить о скифском происхождении подобных предметов (*Мелюкова*, 1978. С. 229). Еще Б.Е. Деген обратил внимание на близость пары бронзовых колец «с шишечками» из слоя Троя VII к скифским и фракийским экземплярам (*Деген*, 1940. С. 94; см. также: *Мелюкова*, 1978. С. 229). В уже упомянутом некрополе у с. Требениште на юге Фракии находки близких колец относятся к VII–VI вв. до н.э. (*Мелюкова*, 1978. С. 229). Кроме того, кольца с выступами небольшого диаметра были найдены в комплексах первых веков н.э. в Одессе и связываются с фракийским влиянием в регионе (*Тончева*, 1956. С. 54. Табл. I, 9, 10; 3, 13).

Таким образом, согласно предположению А.И. Мелюковой, фракийцам Балкано-Дунайского региона кольца с тремя выступами из шишечек стали известны из более южных районов, возможно, из Малой Азии. Помимо Трои, укажем на находку подобных колец в Дидимах (*Bumke et al.*, 2000. Abb. 27), Приене (*Raeck*, 2003. S. 394. Abb. 50), Олинфе (*Robinson*, 1941. Pl. CLXVI, 2585) и других памятниках Анатолии (*Müller-Karpe*, 1988. S. 196. Abb. 3). В таком случае не стоит исключать их появления в Северном Причерноморье из более южных районов, возможно, из Малой Азии, через посредство фракийцев (*Мелюкова*, 1978. С. 229).

Уже в римское время находки украшений с выступами широко распространяются в Херсонесе (*Рыжова*, 2005. С. 283), что, по всей видимости, нельзя связывать лишь с усилением варварского влияния в городе. Кстати, Д.С. Раевский в свое время предполагал, что появление в позднескифских некрополях «браслетов» и колец с выступами наряду с другими категориями инвентаря свидетельствует о сарматском влиянии (*Раевский*, 1971б. С. 149).

Вопрос о происхождении колец с выступами действительно сложен. Надо отметить, что такого количества «браслетов» и колец с выступами, как в крымских могильниках первых веков н.э., не известно нигде. Вспомним и о том, что еще в IV–III вв. до н.э. подобные украшения известны в скифских памятниках Северного Причерноморья. Значительное число находок таких изделий как в Крыму, так и в других районах Причерноморья свидетельствует в пользу их местного производства. Формы для изготовления таких колец найдены в Ольвии (*Кадеев*, 1970. С. 56; *Археология Украинской ССР*, 1986. Рис. 171, 4). Более поздние формы для отливки подобных изделий известны в Волго-Камье (*Богачев*, 1998. С. 155).

Подчас наше определение украшений как предметов, созданных под влиянием кельтской культуры, основано лишь на отдаленном визуальном сходстве вещей двух культур. При этом ряд специалистов, работающих на территории распространения латенской культуры, имеет прямо противоположное мнение и считает, что эти кольца и «браслеты» с выступами появились в латенской культуре в результате взаимодействия с культурами скифского и фракийского мира.

На наш взгляд, различия северопричерноморских и кельтских «браслетов» и колец с выступами очевидны, и последние не могли стать прямыми прототипами для производства. Значительно большее сходство с крымскими имеют фракийские экземпляры, хотя и здесь мы не можем говорить об их идентичности. Наиболее близкие аналогии нашим кольцам есть на территории Гето-Дакии (*Bicher*, 1973. Pl. CLXXXIV, 2; 1984. Pl. XLIX, 3; *Glodariu*, 1984; *Alicu et al.*, 1994. Pl. 53. Cat. No. 806; *Rustoiu*, 1996. Fig. 54–57; 110, 4; *Babeş*, 1999. Abb. 7, 12). Нет никаких сомнений, что «браслеты» и кольца с выступами, обнаруженные в ареале распространения позднескифской культуры, имеют северопричерноморское происхождение. Возможно, они были линией развития подобных изделий более раннего скифского времени и испытали на себе определенное фракийское влияние. Мы не можем исключить некоторых параллелей и с латенскими экземплярами, но ведь могло быть и по-другому. И кельтские, и северопричерноморские изделия могли иметь единый прототип.

Что же касается колец меньшего диаметра, то очень показательным, что их появление в памятниках латенизированных культур Центральной Европы приходится на I в. н.э., т. е. на начало сарматской экспансии (см., например: *Párdutz*, 1941. Taf. 16, 37; XXIII, 13; XXVI, 3, 5; 1944. Taf. LIV, 1, 2). Как пишут Э. Иштванович и В. Кульчар, «самыми типичными находками второй сарматской волны, появившейся на Венгерской низменности уже после Маркоманнских войн, в конце II века, являются кольца с шишечками, весьма характерные для крымских находок» (*Иштванович, Кульчар*, 2005. С. 341). Таким образом, гипотетически возможен был и обратный путь этих колец – с востока на запад, а прижились они среди пост-кельтского населения благодаря близости к местным традициям. На наш взгляд, говорить о «браслетах» и кольцах с выступами из позднескифских и сарматских памятников как о кельтских не стоит. Вероятно, наши кольца с выступами связаны происхождением с экземплярами из Фракии или, скорее, Гето-Дакии (*Журавлев*, 2014. С. 80).

Что касается хронологии колец с выступами, заметим, что в бельбекском некрополе они фиксируются в комплексах последней четверти I – первой половины II в. н.э., со второй половины II в. их находки редки (погребения 123 и 230).

ПОДВЕСКИ в ВИДЕ СФЕРЫ

С рассмотренными выше кольцами, несомненно, были связаны литые ажурные подвески, сделанные из толстых круглопроволочных бронзовых колец с тремя рядами выпу-

клых шишечек. Кольца как бы вставлены одно в другое, образуя сферу. С одной стороны они имеют петлю для подвешивания, с другой – небольшое округлое утолщение. Диаметр их колеблется от 2 до 6,5 см, форма также несколько варьирует. Э.А. Симонович считал их «усложненными образцами рассматриваемых оберегов» (Симонович, 1983. С. 98). Как правило, в погребениях встречается по одной такой подвеске, изредка по две. Обычно они находятся среди других амулетов.

Интересно, что в погребении 108 найдены два кольца с выступами, одно целое, другое – фрагментированное (табл. 64, 7, 8) и две подвески-сферы различного типа (табл. 64, 17; 65, 1). В погребении 223 две подвески-сферы также были обнаружены вместе (табл. 150, 6, 7). В погребении 238 обнаружены одно целое и два фрагментированных кольца с выступами и подвеска-сфера (табл. 164, 9, 13–15).

Специальная работа, посвященная подвескам в виде сферы, опубликована Л.А. Рыжовой. Исследовательница разделила подобные подвески на четыре типа, рассмотрев их хронологию и возможные прототипы. Автор использовала в своей статье и шесть подвесок из бельбекского некрополя (Рыжова, 2005. С. 283–290. Табл. 1), известных ей по публикациям (Гущина, 1982. Рис. 4, 51, 68, 75; Ахмедов и др., 2001. Рис. 3, 6, 7).

Предлагаем классификацию, основанную на выводах Л.А. Рыжовой, с небольшими дополнениями.

К наиболее раннему варианту 1а по Л.А. Рыжовой относится подвеска из погребения 312 (табл. 208, 8), комплекс которого датируется рубежом I–II вв. н.э. Сюда же может быть отнесена и подвеска, высотой 7 см, из погребения 223 (табл. 150, 7), датируемого второй четвертью – серединой II в. н.э. Эти сферы имеют достаточно правильную форму, образованы двумя вертикальными кольцами (на сфере из погребения 312 дополнительно присутствует одно горизонтальное кольцо). Пространство внутри заполнено рельефными кольцами (у сферы из погребения 312 их восемь, из погребения 223 – четыре). На всей внешней поверхности равномерно расположены выступы-шишечки. В верхней части подвески – кольцо для подвешивания, частично обломанное у подвески из погребения 312¹⁹. Л.А. Рыжова пишет, что такие подвески известны в Усть-Альминском, Заветнинском и Неапольском могильниках и кургане Мамай-Оба и что по качеству изготовления они резко отличаются от остальных, более примитивных (Рыжова, 2005. С. 283. Рис. 1, 1–6).

К варианту 2а по Л.А. Рыжовой относятся подвески из погребений 218 (табл. 146, 5), 223 (табл. 150, 6), 233 (табл. 158, 10), 238 (табл. 164, 14) и 291 (табл. 197, 2). Подвески имеют размер 3,8–5,3 см. Эти подвески-сферы так же, как и экземпляры предыдущей группы, образованы перекрещивающимися вертикальными кольцами (иногда – и центральным горизонтальным), поверхность которых украшена шишечками. Их находки распространены в Крыму значительно шире (Рыжова, 2005. С. 283. Рис. 2, 1–12; Храпунов, 2006. С. 171. Рис. 38, 2. Ряд подобных подвесок имеет более стилизованную форму, см., например: Стоянова, 2005. Рис. 2, 25). Все пять комплексов, из которых они происходят, датируются не ранее второй–третьей четверти II в. н.э. или даже концом II – началом III в. н.э. По мнению А.А. Труфанова, период наибольшего распространения подобных подвесок-сфер приходится на конец I – II в. н.э. (Труфанов, 2005–2009. С. 234). Несколько отличается от них подвеска из погребения 325 (табл. 216, 6), у которой отсутствует петля для подвешивания. Эта могила датируется второй половиной II – началом III в. н.э.

К варианту 2b Л.А. Рыжова относит три бельбекские подвески. Две из них – одна из погребения 106 (табл. 62, 8), другая из погребения 108 (табл. 64, 17) (Zhuravlev, 2003. Fig. 5, 17) действительно однотипны – они имеют более вытянутую форму, образованы тремя вертикальными кольцами, поверхность которых украшена шишечками, имеют круглую большую петлю для подвешивания (экземпляр из погребения 108 имеет еще один длинный выступ в нижней части). Датировка комплексов погребений лежит в пределах первой половины – третьей четверти II в. н.э.

Вторая же подвеска из погребения 108 (табл. 65, 1) отличается от предыдущих тем, что ее образуют не вертикальные, а витые кольца (Zhuravlev, 2003. Fig. 5, 35). Высота подвески 3,9 см. Кольцо для подвешивания отсутствует, сверху она увенчана небольшим выступом. Аналогии нам неизвестны.

К варианту 3а по Л.А. Рыжовой (Рыжова, 2005. С. 284. Рис. 4, 1–3) относится подвеска из погребения 280 (табл. 191, 5), состоящая из трех вертикальных и одного горизонтального кольца. Комплекс погребения датирован второй половиной II в. н.э.

¹⁹ Л.А. Рыжова определяет близкое по форме кольцо у подвески из могильника Скалистое III как изображение полумесяца (Рыжова, 2005. С. 284. Рис. 3, 5). Не отрицая полностью такой возможности, заметим, что, скорее, здесь мы имеем дело с литейным браком.

Подобные подвески-сферы – достаточно частая находка в погребениях крымских могильников первых веков н.э. (Дашевская, 1991. Табл. 70, 22–24; Пуздровский, 2007б. Рис. 146, 8–13, 16; Cat. Rimini, 1995. P. 111. Cat. 17–19), а ареал их распространения простирается вплоть до региона Киева на севере (Бобринский, 1910. Рис. 44) и Нижнего Подунавья (Bicher, 1972. P. 155. Pl. XIII, 5; Turcu, 1979. Fig. 26, 45; Rustoiu, 1996. Fig. 108, 13) и Балкан (Todorović, 1974. Fig. 109) на западе. Известны подобные подвески и в ареале распространения сарматской культуры (Cat. Milano, 2005. P. 166. No. 141; Беспалый и др., 2007. Табл. 28, 4). В Крыму подвески-сферы (правда, оформленные более схематично) известны и в позднеримское время, например, в некрополе Чатыр-Даг (Мыц и др., 2006. Табл. 8Б, 3) или в могильнике Дружное (Храпунов, 2002. Рис. 92, 5).

Н.А. Богданова считает подобные сферические подвески символами небесного свода со звездами, солнцем и луной (Богданова, 1980. С. 84), а Л.А. Рыжова также не исключает связь этих подвесок с культом плодородия (Рыжова, 2005 С. 285).

Напоминающие по форме крымские подвески-сферы известны в ареале распространения кельтской культуры (Loeschke, 1909. S. 166. Здесь же см. аналогии с территории Швейцарии и Италии). Многие исследователи относят эти подвески, как и кольца с выступами к кругу латенских древностей (см., например: Сымонович, 1983. С. 98). Л.А. Рыжова отмечает также их возможную связь с изделиями из западных провинций Римской империи (Рыжова, 2005. С. 285), указывая и на прототипы среди балканских материалов начиная с VIII в. до н.э. (Bouzek, 1973. P. 60–61, 70. Fig. 21, 11–12).

Собственно говоря, ареал распространения этих подвесок совпадает с ареалом распространения колец с выступами. Вероятно, эти магические предметы были тесно связаны между собой. На наш взгляд, многочисленные находки сферических подвесок в Крымских могильниках римского времени говорят о местном производстве подобных изделий. В то же время, эти подвески-сферы также далеки от кельтских, как и рассмотренные выше кольца.

АМУЛЕТЫ в ВИДЕ ОБЛОМКОВ ПРЕДМЕТОВ

В качестве амулетов обитатели Бельбекской долины могли использовать обломки предметов более раннего времени. Так, в погребении 149 был найден обломок *бронзового псаля* (табл. 92, 17) (Zhuravlev, 2003. Fig. 9, 17); близкий ему по форме, правда, сделанный из железа, найден в Андреевском кургане (Степанов, 1980. С. 18, 64. Табл. 17). В качестве параллели этому обряду укажем находку предскифского бронзового псаля в погребении римского времени Усть-Альминского могильника, явно использованного в качестве амулета через тысячу лет после изготовления (Пуздровский, 1996. С. 36–37. Рис. 1). Из погребения 149 происходит и *круглый ажурный бронзовый предмет*, деформированный в центре (табл. 92, 1) (Zhuravlev, 2003. Fig. 9, 1), который можно интерпретировать либо как часть сломанного колесовидного псаля или другой части конской упряжи (ср., например: Palágyi, 1990. Abb. 17. Также интерпретирует бельбекскую находку и А.Е. Пуздровский: Пуздровский, 2007а. С. 162), либо как фрагментированную бронзовую пряжку с сарматской тамгой от ножен или кожаного пояса. Подобная обнаружена в кургане «Рошава Драгана» (Буюклиев, 1995. Рис. 1, 6; Симоненко, Лобай, 1991. Фото 38, 2). Предположительно в виде бывшей *подпругной пряжки* (?) можно трактовать сломанный бронзовый предмет из погребения 158 (табл. 99, 14). Не исключено, впрочем, что подобные предметы входили в состав поясного набора (Дашевская, 1991. Табл. 62, 11, 12).

В двух могилах были найдены *обломки стеклянных сосудов* (в частности, *Rippenshale* I в. н.э.), подвешенные на проволоке и использовавшиеся в качестве амулетов (табл. 27, 3; 37, 7, 8) (Сорокина, Гущина, 1980. С. 97). В некоторых погребениях найдены обломки стекла. Так, например, в погребении 132 (табл. 81, 16, 17) обнаружены два обломка ручек кувшинов из синего стекла от сосудов второй половины I – возможно, начала II в. н.э., по определению Н.П. Сорокиной, итальянского производства. Кроме того, в засыпи могильной ямы иногда встречены мелкие обломки венчиков чаш, бальзамариев и иных форм (табл. 54, 14; 158, 9 и др.). В других позднескифских некрополях также найдены фрагменты стеклянных сосудов, что дало Т.Н. Высотской основание считать их ритуальными предметами (Высотская, 1994. С. 85).

Как амулеты могли быть использованы обломки римской воинской амуниции, а также ручка от зеркала с краевой перфорацией (табл. 46, 1). В ряде погребений были найдены обломки бронзовых предметов (не исключено, что это обломки петелек от зеркал «сармат-

ского» типа), которые также могли использоваться жителями Бельбекской долины в качестве амулетов (табл. 54, 5, 13; 86, 6; 138, 8). В погребении 204 обнаружен фрагмент бронзового изделия с пуансонным орнаментом и отверстием посередине (табл. 134, 6).

Железный наконечник стрелы из погребения 14 – трехлопастной втульчатый (табл. 10, 12). Такие наконечники бытовали в IV–III вв. до н.э. В погребении, вероятно, был использован в качестве амулета, что характерно для сарматских или позднескифских погребений (Высотская, 1994. С. 130; Пуздровский, 2007а. С. 162). Для этой цели, как правило, использовались старые, вышедшие из употребления экземпляры (Гущина, Засецкая, 1994. С. 23).

КОЛОКОЛЬЧИКИ

В целом ряде захоронений были найдены бронзовые колокольчики. Эти предметы традиционно относятся к ритуальным – они считаются оберегами, которые своим звоном должны отгонять злых духов и отвращать несчастье (Кагаров, 1913. С. 83. Прим. 3; Высотская, 1976. С. 70; Богданова, 1980. С. 82–83; Косяненко, 1992. С. 63–64; 1997, 160; Гущина, Засецкая, 1994. С. 22–23). Некоторые исследователи также не исключают возможности их использования в качестве игрушек (Стржелецкий и др., 2005–2009. С. 180). По форме их можно разделить на четыре условные группы.

Полусферические колокольчики с гладкими стенками, с ушком из тонкой проволоки и железным билом, высотой до 3,8 см. Они обнаружены в комплексах погребений 5 (табл. 6, 1), 31 (табл. 21, 4), 34 (табл. 23, 9), 43 (табл. 27, 23), 132 (табл. 81, 8), 183 (табл. 118, 11).

Маленькие полусферические колокольчики не выше 1,5–2 см, с гладкими стенками или с чуть загнутыми краями, с ушком из тонкой проволоки и железным билом, отличающиеся от предшествующих лишь размером. Такие колокольчики найдены в погребениях 75 (табл. 45, 25), 104 (табл. 61, 6), 140 (табл. 86, 19), 151 (табл. 93, 15), 152 (табл. 94, 5), 169 (табл. 107, 10), 185 (табл. 119, 4), 196 (табл. 128, 5), 212 (табл. 140, 14).

В ряде могил было обнаружено по два колокольчика: погребения 187 (табл. 121, 11, 14) и 211 (табл. 139, 9, 10), а в некоторых – по три: погребения 53 (табл. 35, 5–7), 221 (табл. 148, 12, 13, 15, 16), 238 (табл. 165, 5–7), 276 (табл. 189, 9–11). В погребении 70 также обнаружены три полусферических колокольчика, один большой и два маленьких (табл. 43, 10–12). Несколько особняком стоят два колокольчика большего размера из погребения 231 (табл. 157, 23, 25), края которых отогнуты сильнее, чем у остальных экземпляров.

Обычно подобные экземпляры – самый распространенный тип среди колокольчиков, встреченных в крымских погребениях первых веков нашей эры.

Колокольчики в виде четырехгранной пирамиды, высотой от 2 до 4,8 см, с гладкими стенками, у основания имеют четыре выступа. Ушко в форме трапеции или многоугольное отлито вместе с колокольчиком. Било колокольчиков сделано из железа. Такие колокольчики встречены в погребениях 47 (табл. 32, 5), 108 (табл. 64, 5), 130 (табл. 79, 7), 158 (табл. 99, 12), 162 (табл. 100, 19), 212 (табл. 140, 13), 218 (табл. 146, 1), 221 (табл. 148, 14), 312 (табл. 208, 6), 313 (табл. 210, 4). В некоторых могилах найдено по два подобных колокольчика – в погребениях 93 (табл. 54, 6, 7), 169 (табл. 107, 5, 6) и 201 (табл. 132, 5, 11), а в погребении 81 их обнаружено три (табл. 50, 13–15). Наибольшее количество пирамидальных колокольчиков (четыре) происходит из погребения 238 (табл. 165, 1–4), причем они немного различаются по размерам.

Наиболее ранние находки пирамидальных колокольчиков, относящиеся ко второй половине I тыс. до н.э., сделаны в Египте. Их появление на территории Римской империи происходит после завоеваний римлян в Северной Африке, особенно в I–II вв. н.э.; тогда колокольчики распространяются в провинциях и являются нередкой находкой при раскопках римских лагерей (Морозовская, 1985. С. 76, со ссылкой на: Spear, 1978. Р. 185–186). Проникновение этой формы в Северное Причерноморье происходит, по мнению Т.В. Морозовской, не ранее I в. н.э., причем как из римских провинций, так и непосредственно из Египта. По производным образцам могло быть налажено собственное производство, причем типологическое сходство колокольчиков из Юго-Западного Крыма и их отличия в деталях от аналогичных изделий из междуречья Дуная и Днестра (Vadai, 1985. Abb. 6, 3; 15, 4–5) могут свидетельствовать об их локальном производстве (Морозовская, 1985. С. 76–77). При этом ряд колокольчиков из сарматских погребений Подунавья практически идентичен крымским экземплярам (см., например: Drambocianu, 1974. Fig. 2, 4).

Колокольчики цилиндрической формы, от 1,6 до 6 см в высоту, с многоугольным ушком, отлитым вместе с туловом. Они встречены в погребениях 27 (табл. 17, 4), 39(2) (табл. 26, 8), 55 (табл. 36, 2), 106 (табл. 62, 6), 117 (табл. 70, 13), 140 (табл. 86, 17), 156 (табл. 96, 6), 183 (табл. 118, 10), 190 (табл. 122, 9), 204 (табл. 134, 7), 213 (табл. 141, 16), 245 (табл. 171, 3). Такая форма колокольчиков известна еще с доримского времени (*Bouzek*, 1973. Fig. 44, 6). В погребении 115 обнаружен колокольчик с туловом конической формы, расширяющимся книзу (табл. 68, 7).

Как правило, в погребении находилось по одному колокольчику, но иногда – до пяти (погребение 221) и даже семи (погребение 238) экземпляров. Обычно колокольчики располагались в могиле около кистей рук и на груди. В погребении 181 три колокольчика были подвешены к поясу (табл. 240, 8, 11). В ряде памятников, например, в Ульпия Траяна, известны случаи, когда колокольчики, подвешенные на цепочке, входили в состав ожерелья (*Alicu et al.*, 1994. Pl. 36). Изредка разные типы колокольчиков встречены в одной могиле (например, в погребениях 55, 81, 140, 169, 183, 221 и 238). В погребении 81 три маленьких колокольчика были прикреплены к фигурке быка (возможно, находились в мешочке у левой руки), а три лежали на груди погребенной. В основном колокольчики обнаружены в детских и женских погребениях. Это же отмечено и другим исследователями (*Морозовская*, 1985. С. 77; *Богданова*, 1989. С. 53; *Косяненко*, 1992. С. 62–63; *Высотская*, 1994. С. 128). Все типы колокольчиков имеют широкие аналогии как варварских могильниках, так и в некрополях античных городов (*Абрамова*, 1972. Рис. 8, 39; 36; 1993. Рис. 60, 23–24; *Bicher*, 1972. Pl. XIII, 5; XIV, 1; *Рикман*, 1975. С. 37. Рис. 3, 12; *Gentscheva*, 1999. Abb. 5, 3–4; *Boucher et al.*, 1980. № 400–415; *Дашевская*, 1991. Табл. 70, 1–8; *Гудкова, Фокеев*, 1984. Рис. 9, 13; *Медведев*, 1990. Рис. 11, 8, 9; *Vaumann*, 1995. Pl. XXI, 7, 8; XXIII, 5; *Любенова*, 1985. Обр. 7; *Буюклиев*, 1986. Табл. 33, 523; *Алексеева*, 1997. Табл. 135, 11; *Косяненко*, 1997. Рис. 1; *Grosu*, 1995. Fig. 10, 8, 9; *Засецкая и др.*, 1999. Рис. 3, 10; *Труфанов*, 2005–2009. С. 235–237. Рис. 67. См. о колокольчиках: *Морозовская*, 1985. Там же подробная библиография и сводка находок. О распространении колокольчиков на территории Средней Азии см.: *Литвинский*, 1973. С. 48–53).

ДЕТАЛИ РИМСКОГО ВОИНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ

В некоторых крымских некрополях римского времени (Бельбек III, IV, Заветное) известны предметы, которые связываются с римской воинской амуницией. В число этих предметов входят детали конского убора, заклепки, поясные украшения, хорошо известные по находкам в местах дислокации римских войск. Впрочем, в могильнике Бельбек IV все они были использованы вторично, в качестве амулетов.

В погребении 108 (публикация комплекса: *Гущина*, 1982. Рис. 4, 67–83; *Журавлев*, 2001б. С. 104. Рис. 3) была найдена бронзовая заклепка высотой 1,4 см, диаметром 2 см (табл. 64, 6) (*Zhuravlev*, 2003. Fig. 4, 6), аналогии которой часто находят в местах дислокации римских легионеров (*Walke*, 1965. Taf. 98, 8; *Diaconescu, Opereanu*, 1987. Fig. 4, 35–37; *Corpus*, 1998. S. 90. Taf. 46, 3; *Voß*, 1994. Abb. 5, 2; *Unz, Deschler-Erb*, 1997. Taf. 74; *Oldenstein*, 1976. Taf. 46–47. Заклепка от щита: *Voisian*, 1997. Abb. 4, 1). Эта могила может датироваться первой половиной II в. н.э. Украшением коня является подвеска 4,1 x 2,7 см (*Zhuravlev*, 2003. Fig. 4, 1) из этого же комплекса (табл. 64, 9). Изготовленные по той же схеме предметы известны, например, из Виндониссы (*Unz, Deschler-Erb*, 1997. Taf. 50–53), Августа Раурика (*Deschler-Erb*, 1999. Taf. 21) и других римских военных центров (*Coja*, 1975. Fig. 3, 4; *Košćević*, 1991. S. 49. No. 383). Примечательно само по себе, что в этом погребении, наряду с многочисленными амулетами различного облика, присутствуют и два обломка римской амуниции и конского снаряжения. В погребении 81 (табл. 50, 1) также была найдена орнаментированная заклепка диаметром 3,9 см (*Zhuravlev*, 2003. Fig. 4, 3), по всей видимости, от щита (?), что подтверждается многочисленными аналогиями с территории Европы (см., например: *Petculescu*, 1994. Pl. 3, 5; *Tejral*, 1994. Abb. 10, 4–6; *Alicu et al.*, 1994. Pl. 30; *Oldenstein*, 1976. Taf. 48). Комплекс погребения датируется первой половиной II в. н.э.

Фаллические подвески 4,2 x 1,3 см, подобные экземпляру из погребения 223 (табл. 150, 4) (см. подробную публикацию этого комплекса: *Ахмедов и др.*, 2001. С. 175–176. Амулет также опубликован: *Zhuravlev*, 2003. Fig. 4, 7; *Журавлев*, 2006б. С. 90–91. № 94), найдены во многих местах дислокации римских легионеров (*Deschler-Erb*, 1999. Taf. 27) и были широко распространены по всей территории римского мира (*Kaufmann-Heinimann*, 1977. Taf. 179; 1994. Taf. 128–129; *Faider-Feytmans*, 1979. Pl. 117; *Menzel*, 1986. Taf. 136, 139; *Oldenstein*, 1976. Taf.

42, 406, 407 и др.; Museu Monográfico de Conimbriga, 2000. 167. Cat. 561. См. об этих подвесках также: *Dierichs*, 1997. S. 110–111). Могила 223 некрополя Бельбек IV с останками мужчины и женщины (семейной пары?), сопровождавшаяся богатым инвентарем, включавшим конскую упряжь, предметы вооружения, большое количество разнообразных амулетов, датируется второй четвертью – серединой II в. н.э. Еще одна подвеска – длиной 3,2 см вытянутой формы на проволочном кольце – происходит из погребения 276 (табл. 189, 3) (*Zhuravlev*, 2003. Fig. 4, 5), которое может быть отнесено ко второй половине II в. н.э. Вероятно, эту подвеску можно условно считать «фаллической», хотя полной уверенности в ее римском происхождении у нас нет.

Кроме того, в могильнике Бельбек IV найдено несколько предметов, которые могут считаться римскими весьма условно, но, тем не менее, имеют достаточно близкие параллели (а возможно и прототипы) среди римских материалов. Так, случайно на территории могильника был обнаружен бронзовый распределитель ремней от конской сбруи, размеры: 3,2 x 3,2 x 0,8 см (табл. 223, 5) (*Zhuravlev*, 2003. Fig. 4, 4). Подобные, но более массивные литые изделия найдены, например, в римской Британии (*White*, 1988. P. 142. Fig. 85, 5, 6). Впрочем, они также известны и в более ранних европейских латенских древностях (*Warneke*, 1999. Abb. 39). Среди позднескифских древностей также находятся литые распределители ремней, но они имеют некоторые отличия (см., например: *Дашевская*, 1991. Табл. 62, 22, 25; *Пуздровский*, 2007а. Рис. 95, 1–5).

В погребении 325 в качестве амулета был использован фрагмент ремennого наконечника, размерами 3,6 x 1,2 см (табл. 216, 9) (*Zhuravlev*, 2003. Fig. 4, 2); подобные находки также известны в римских воинских лагерях (*Daicoviciu et al.*, 1994. Pl. VI, 5; *Alicu et al.*, 1994. Pl. 33, 684–686; 1995. Fig. 22, 134–137; *Gazdac*, 1995. Fig. 4; *Unz, Deschler-Erb*, 1997. Taf. 47. Kat. 1300). Находки близких по форме наконечников ремней известны в Херсонесе (*Костромичев*, 2006. Рис. 15). Могила 325 относится ко второй половине II – началу III в. н.э. Впрочем, этот наконечник близок и типу H1 (по В.Ю. Малашеву), распространенному в позднесарматских древностях. Такие наконечники известны как в Крыму (*Труфанов*, 2005–2009. Рис. 59, 1, 2, 6, 11), так и в Венгрии (*Вадаи, Кульчар*, 1984. С. 250. Рис. 4, 7–9).

Вопрос о присутствии обломков римского воинского снаряжения в варварских погребениях также требует специального рассмотрения. Несомненно, было бы весьма заманчиво строить гипотезы о прямых контактах поздних скифов и сарматов с римскими legionерами. Однако следует отметить, что за редким исключением (пряжки провинциально-римского облика) все детали римского воинского снаряжения и конской упряжи были найдены в обломках и использовались своими новыми владельцами в качестве амулетов. Эта традиция была широко распространена между варварами, возможно, даже и не подозревавшими о подлинном назначении той или иной вещи.

Очень интересно, что аналогии перечисленным выше находкам римского воинского снаряжения происходят из римских лагерей I в. н.э., в частности Виндониссы. Факт их присутствия в почти синхронных варварских комплексах заставляет лишний раз поднять вопрос о путях проникновения этих предметов к варварам Юго-Западного Крыма. По всей видимости, детали снаряжения первоначально могли принадлежать legionерам, участвовавшим в экспедиции Тиберия Плавтия Сильвана (*Зубар*, 1988) между 63 и 66 г., а затем они тем или иным путем попали к варварам. Скорее всего, описанные детали римского военного костюма из могильника Бельбек IV являлись частью трофеев, полученных варварами в результате стычек с расквартированными неподалеку римскими войсками. Находки в варварских некрополях предметов римского воинского снаряжения, которые можно с большой долей вероятности считать трофеями, захваченными в ходе военных действий, уже неоднократно привлекали внимание исследователей (*Блаватский*, 1954. С. 119; *Попова, Гущина*, 1970. С. 81; *Кропоткин*, 1970. С. 39–40; *Гущина, Засецкая*, 1994. Табл. 46. Кат. 433; *Трейстер*, 2000. С. 118; *Масякин*, 2007. С. 125–138). Наиболее показательны среди них фрагменты бронзовых шлемов из святилища у перевала Гурзуфское седло, вероятно, принадлежавших римлянам, корабли которых разбились у скалистых берегов Крыма и которые погибли в бою с таврами (Тас. Апп., XII, 18–20) (см. подробнее: *Зубар*, 1993. 66–70).

ГЛИНЯНЫЙ «МЕДАЛЬОН» с ИЗОБРАЖЕНИЕМ ФАНТАСТИЧЕСКОГО СУЩЕСТВА

Из случайных находок с территории могильника происходит глиняный «медальон» округлой формы (табл. 221, 8) диаметром 4,7 см, с небольшим отверстием в верхней ча-

сти (вероятно, для подвешивания?). На «медальоне» сохранилось рельефное изображение существа, нижняя часть которого – хвост, лапы с когтями и шипами – птичьи (орлиные?), руки – человеческие, а голова – бычья. За спиной у фантастического существа – расправленные крылья. В поднятых вверх руках зажата змея. Аналогии этому изображению нам неизвестны.

В связи с публикуемым «медальоном» можно вспомнить изображения сирен – полуженщин-полуптиц (Сорокина, 1960. Рис. 2), а также находку в Херсонесе терракотовой пластинки с изображением фантастического существа, которое трактовалось Н.В. Пятышевой как «змееногая богиня» (Пятышева, 1947; Журавлев, Ильина, 2002. С. 74. № 275; Ustinova, 1999. Pl. 5, 1, 2; см. также: Иванова, 1951. С. 195; Артамонов, 1961; Бессонова, 1991. С. 92–93). Лишь в последнее время наметились важные изменения в трактовке образа змееногой богини. Впервые правильность такой атрибуции была поставлена под сомнение в работе Е.А. Савостиной (Савостина, 1996. С. 77). Она предложила новый термин – «прорастающая дева». В дальнейшем об этом сюжете писали М.Ю. Вахтина (Вахтина, 2005. С. 361) и М.Ю. Трейстер (Трейстер, 2001. С. 151). Мы полностью присоединяемся к А.В. Буйских, обратившей внимание на полное отсутствие змееногости у богинь; она пишет, что «пришло время полностью отказаться от термина “змееногая богиня”, оставив его в историографии как один из примеров заидеологизированной в недалеком прошлом отечественной археологической науки» (Буйских, 2006. С. 140. Подробнее об этом см.: Журавлев, Новикова, 2012. С. 80–97). Н.П. Сорокина отмечает, что пластинка из Херсонеса также является изображением сирены, причем архаизирующего стиля, и, по ее мнению, лишь фрагментарность херсонесского памятника ввела Н.В. Пятышеву в заблуждение (Сорокина, 1960. С. 96). Черты фигуры на нашем «медальоне» женские и близки, например, изображению сирены с глиняной пластинки из Пантикапея I–II вв. н.э. (Сорокина, 1960. С. 95, № 30). Однако бычья голова на бельбекском «медальоне» выделяет его из круга этих аналогий. Лишь на уже упомянутой пластинке из Херсонеса голова быка присутствует. Н.В. Пятышева связывает его образ с таврским мистическим культом (Пятышева, 1947. С. 218).

Что касается связи с таврскими культами, отметим, что роль быка в мифологии многих древних народов, а отнюдь не только тавров, была весьма значительной (Иванов, 1991). Не вдаваясь здесь в подробный анализ семантики публикуемого изображения, заметим, что все атрибуты – голова быка, образ сирены, змея в руках – на первый взгляд как будто бы свидетельствуют о хтонической символике изображения этого «медальона».

К сожалению, данная вещь происходит не из комплекса, а из случайных находок на территории памятника. Необычный вид этого «медальона» первоначально даже заставил нас сомневаться в его подлинности. Хотя эти сомнения еще остаются, отметим, что некоторые следы потертости и сколы, а также находка его на территории могильника свидетельствуют в пользу его древнего происхождения. Н.В. Пятышева относит пластинку из Херсонеса к I–II вв. н.э. (Пятышева, 1947. С. 218). К этому же периоду относится и пластинка из Пантикапея (Сорокина, 1960. С. 95). Вероятно, публикуемый «медальон» можно датировать лишь временем существования могильника – второй половиной I – первой половиной III в. н.э.

ОРУДИЯ ТРУДА

МЕДИЦИНСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ

В погребениях 155 (табл. 95, 11), 222 (табл. 147, 13), 256 (табл. 176, 9) и 257 (табл. 177, 21) найдены бронзовые щипчики или пинцеты, сделанные из уплощенного прута, длиной 4,5–5,5 см. Они были распространены по всей территории античного мира и считаются медицинскими инструментами (Нейгебауэр, 1884; Финогенова, 1967. Рис. 4; Boucher et al., 1980. № 430–432; Diaconescu, Opereanu, 1987. Fig. 3, 22; Matthäus, 1989. Abb. 31; Хомчик, 1991. Рис. 3, 9–11; Künzl, 1991. Abb. 11; Kancewa, 1994. Abb. 3; Кадеев, 1994. Рис. 3; 1996, 134; Aparaschivel, Matei, 2005. P. 154. Fig. 1–2). Однако нельзя исключить использования подобных пинцетов и в косметических целях. В одном погребении (табл. 149, 13) найдена бронзовая туалетная ложечка или копоушка с загнутым в петлю одним концом, длиной 7 см. Такие предметы также извест-

ны в позднеантичных памятниках Юго-Западного Крыма (Дашевская, 1991. С. 33; Симонов, 1983. Табл. XXXVIII, 30–33; Плздровский, 2007а. Рис. 133, 1–11; Трыфанов, 2005–2009. Рис. 66, 9–12) и в других регионах Северного Причерноморья и за его пределами (Penso, 1984. Fig. 204, 6; Matthäus, 1989. Abb. 11, 1, 6, 17; Diakonessu, Opreanu, 1987. Fig. 3, 21; Alicu et al., 1994. Pl. 40, 734–736; Krug, 1993. Abb. 37b). Как уже отмечалось, некоторые авторы связывают с античными инструментами и стеклянные вышитые палочки для извлечения жидкостей (благотовний, лекарств) из сосуда, подобные рассмотренной выше из потребности 283 (табл. 193, 23).

Кроме того, в потребности 39(2) был обнаружен бронзовый флакон (табл. 26, 7) (Zhuravlev, 2003. Fig. 11, 1) – с высоким туловом, стенками вертикальными, дно плоское, верхний край частично обломан. Размеры: высота – 7,6 см, диаметр донца – 2,5 см. В средней и верхней части тулова сделаны слабовыступающие каннелюры. В чем-то флакон соотносится с бронзовыми пиксидами (Simon, 1995. Fig. 1, 4, 5). Но наиболее вероятно, что перед нами футляр для медных инструментов, в деформированном виде вторично использованный в варварском погребении. Ближние по форме флаконы известны на территории Германии, где их иногда находят даже вместе с набором инструментов (Matthäus, 1989. Abb. 31; Kinzl, 1986. Abb. 8a), а также в Паннонии (Interčica II, 1957. Taf. LXXXIV, 13–14; Zalalovo, 1978. Abb. 73, 1) и других римских провинциях (Penso, 1984. Fig. 204; Krug, 1993. Abb. 19; Канев, Канева-Русева, 1996. Табл. IX, 4; XXI, 5). Флакон происходит из комплекса второй половины I в. н.э.

ПРЯСЛИЦА

Глиняные пряслица различной формы найдены в 44 погребениях могильника. Формы пряслиц разнообразны: биконические и усеченно-биконические (табл. 73, 20; 82, 4; 89, 13 и др.), конические и усеченно-конические (табл. 16, 6; 33, 6 и др.), округлые (табл. 36, 14; 42, 7 и др.), грушевидные (табл. 75, 2), яйцевидные (табл. 130, 7; 168, 27–27а), полусферические (табл. 28, 18). Поверхность пряслиц, как правило, залощена. Обычно пряслица находят по одному в могиле, лишь в погребении 238 обнаружено три экземпляра (табл. 164, 2, 3, 6). Пряслица были широко распространены как в крымских погребениях римского времени (Плздровский, 2007а. Рис. 33, 5, 7; 34, 6; 36, 4; 38, 8; 47, 7, 8; 56, 3–7 и др.), так и в захоронениях сарматов от Припутья до Закарпатья (Vaday, 1985. Abb. 6, 31, 32, 37; 12, 12; 15, 11, 12).

Пряслица традиционно считаются предметами обихода, типичными для женских погребений. Укажем на интересные выводы М.Г. Мошковой, собравшей все известные случаи нахождения глиняных пряслиц в мужских сарматских погребениях, где они были использованы в качестве амулетов (Мошкова, 2012. С. 189–194).

На нескольких пряслицах, найденных в погребениях 223, 242 и 283, были процарапаны пряслица, которые представляли собой схематические изображения животных – оленей (табл. 152, 28; 193, 5) и, возможно, собак (табл. 168, 27–27а) (эти пряслица были подробно рассмотрены: Лущина, 1990; Ахмедов и др., 2001. Рис. 7, 3. Пряслица на краснолаковой керамике, среди которых известно стилизованное изображение птиц, посвящена статья: Журавлев, 2001а). Похожие изображения известны на сосудах скифского и сарматского времени с Северного Кавказа (Маслов, 1995), а также на меотском сосуде из Старокорсунского второго городища (Шедьвер, 1987. Рис. 75, № 225; Анфимов, 1992), а в некрополе «Совхоз № 10» изобразены олень в виде пуансонного орнамента на ножках меча (Смржецкий и др., 2005–2009. С. 145). Несомненно, олень являлся священным животным для многих народов раннего железного века, и потому его изображение на пряслицах не случайно.

Пряслица в виде прочерченных линий были сделаны на пряслице из погребения 144 (табл. 89, 13). Достаточно близко к нему изображения на пряслице из могильника Дружное (Храпунцов, 2002. Рис. 189, 5).

Пряслица с графити встречаются и в других позднеантичных памятниках (Бозданова, 1963. С. 107. Рис. 6, 10; Бозданова и др., 1976. С. 126; Бабенчиков, 1963. С. 99. Табл. XIII, 7–9; Сымонович, 1983. Табл. XXIII, 3; Дашевская, 1991. Табл. 59, 1–5; Высотская, 1994. С. 91; Смржецкий и др., 2005–2009. С. 145–146. Рис. 24, 23), а также в сарматских погребениях в Закарпатье (Vaday, Medgyesi, 1993. Fig. 15, 1). В некрополе «Совхоз № 10» в грунтовой могиле 122 была найдена лепная соломка со стилизованными графити, изображающими какое-то растение, птицу и животное с рогами (Смржецкий и др., 2005–2009. С. 131, 133. Табл. XXIX, 13). Достаточно близко по технике исполнения графити зафиксированы на штыкатушке со стен

здания в Неаполе Скифском (*Дашевская*, 1962) и из «дома Хрисалиска» на Таманском полуострове (*Сокольский*, 1976. С. 90).

В погребении 209 (табл. 137, 12) найдена вогнутая костяная пластина круглой формы. В качестве аналогий можно указать подобные изделия из различных регионов Причерноморья (*Кадеев*, 1969. Рис. 2; *Петерс*, 1986. Табл. X–XI). Нельзя исключить, что это – костяные пряслица.

НОЖИ

В большинстве могил встречены железные ножи. Обычно в погребениях их клали в тарелку (миску) рядом с куском мяса. Преобладают ножи с горбатой спинкой, есть ножи с прямой спинкой и вогнутым лезвием и изогнутые. Часто на ножах заметны следы деревянной ручки. Подобные ножи распространены в Юго-Западном Крыму очень широко (см., например: *Дашевская*, 1991. С. 33; *Стржелецкий и др.*, 2005–2009. С. 145). Интересно положение ножей в некрополе «Совхоз № 10», там их в основном подвешивали к поясу, следовательно, они были найдены около тазовых костей острием вниз. Часто их клали между ног, и только семь ножей были найдены в тарелках или блюдах с напутственной пищей (*Стржелецкий и др.*, 2005–2009. С. 145). Чем объяснить подобное различие в размещении ножей в могиле, сказать затруднительно.

ИГЛЫ

Бронзовые иглы длиной от 3,8 до 7,5 см, сделанные из тонкой проволоки, заостренной с одного конца, и с ушком – с другого, входили в инвентарь некоторых женских погребений. Так, они найдены в погребениях 81, 96, 103, 155, 171, 231, 241, 243, 245, 253, 257, 269, 275, 318 и др. (табл. 50, 2; 55, 23; 60, 11; 95, 10; 109, 8; 157, 18; 167, 11; 169, 7; 170, 8; 174, 8 и т.д.). Примечательно, что иголки характерны для погребений II – начала III в. н.э.

Иногда вместе с ними встречены так называемые *игольницы* – бронзовые цилиндрические футляры с петлей на одном конце и проволочными петельками на другом. Длина подвесок-игольниц составляет 9–10 см. В могильнике они происходят из погребений 169 (табл. 108, 8), 217 (табл. 145, 1), 241 (табл. 167, 4) и 281 (табл. 192, 4); две первые могилы датируются первой половиной II в. н.э., а две последние – второй его половиной. Интересно обратить внимание на следующий факт: в погребении 241 игольница (табл. 167, 4) была найдена на груди погребенной, а игла (табл. 167, 11) – в шкатулке в ногах. Иглы и игольницы встречены во многих других могильниках Юго-Западного Крыма (*Богданова и др.*, 1976. С. 136; *Сымонович*, 1983. Табл. XXXVIII, 22–29, 34–36; *Дашевская*, 1991. С. 33. Табл. 59, 21–23; *Высотская*, 1994. С. 92; *Стржелецкий и др.*, 2005–2009. С. 145; *Храпунов*, 2004. Рис. 40, 1; *Пуздровский*, 2007а. Рис. 150; *Труфанов*, 2005–2009. Рис. 66, 1–5), в Северном Причерноморье (*Малышев*, 2008. Рис. 32, 3; 54, 8; 115; *Савельев*, 2009. Рис. 2, 4), а также за его пределами (*Grosu*, 1995. Fig. 11, 12; *Bicher*, 1972. Pl. XI, 4).

В погребении 305 была найдена булавка с круглой шляпкой (табл. 205, 10).

Некоторое удивление вызывает отсутствие в погребениях оселков. Вероятно, для погребального обряда местного населения они не были характерны. Кстати, и в других могильниках Юго-Западного Крыма их найдено совсем немного (*Богданова*, 1989. С. 57; *Высотская*, 1994. С. 92; *Стржелецкий и др.*, 2005–2009. С. 145. Рис. 24, 10). Лишь в погребении 95 был обнаружен лежащий в шкатулке камень, возможно, использовавшийся в качестве точильного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя некоторые итоги, рассмотрим место могильника Бельбек IV среди других синхронных памятников поздних скифов и сарматов, обитавших в Крыму в I–III вв. н.э. Несомненно, термин «позднескифская культура» не очень удачен, так как является этническим определением. Решение же вопросов об этническом составе населения Юго-Западного Крыма в целом или даже Бельбекской долины в частности выходит за рамки задач данной публикации. Поэтому мы используем устоявшийся в науке термин «позднескифская культура», прекрасно осознавая его условность.

Материал погребальных комплексов некрополя позволяет выделить три хронологические группы погребений. Первая датируется серединой/третьей четвертью I – началом/первой четвертью II в. н.э. Вторая группа включает в себя могилы начала – третьей четверти II в. н.э., а третья – погребения последней четверти II – первой половины III в. н.э. (см. об этом также: Журавлев, 2010).

Начало функционирования могильника относится к середине I в. н.э. (самое раннее погребение 3). Наиболее активно некрополь использовался для захоронений в последней четверти I – первой четверти II в. н.э. Со второй половины II в. количество захоронений уменьшается. Новый их всплеск приходится на рубеж II–III вв., и на первую четверть III в. н.э. Некрополь прекращает свое существование не позднее середины III в. н.э., возможно, уже в середине второй четверти столетия.

Интересно, что в ранней группе захоронений преобладают женские и детские захоронения, а во второй – мужские, хотя, разумеется, это может зависеть и от случайности выборки. Как уже отмечалось выше, из-за плохой сохранности костей антропологические исследования не производились. Пол погребенного в большинстве случаев определяется по набору инвентаря, а также по размеру могильной ямы (для детских погребений). Все это, разумеется, также не может не сказаться на точности наших предположений.

Наиболее ранние погребальные комплексы (второй половины I – первой четверти II в. н.э.) обнаружены на самой вершине холма. Важно, что подавляющее большинство этих погребений – подбойные могилы с южной ориентировкой. Впоследствии, в первой четверти II в., некрополь распространяется к западу. Компактная группа открытых здесь захоронений (погребения 79–176) представлена как подбойными, так и грунтовыми могилами с преимущественно северной ориентировкой. Очевидно, эти захоронения принадлежат другому населению, а не прежним обитателям Бельбекской долины. Скорее всего, это были пришедшие в Юго-Западный Крым сарматы.

Далее распространение некрополя шло на юг – со второй–третьей четверти II в. н.э. вновь преобладают могилы, ориентированные на юг, но основным погребальным сооружением становятся грунтовые ямы. Анализ, проведенный С.А. Яценко, показал, что целая серия тамг на зеркалах принадлежит женщинам одного клана (Яценко, 2001. С. 137–138). Именно в южной части этого участка представлены и наиболее поздние погребения могильника, хотя, разумеется, были и исключения.

Большинство могил принадлежит рядовому населению – по-настоящему богатых погребений обнаружено совсем немного, хотя значительная разница в инвентаре также имеет место. Правда, она говорит не столько о социальной стратификации, сколько о хронологических различиях. В целом инвентарь могил второй половины I – начала II в. н.э. значительно богаче погребений II в., и лишь несколько богатых комплексов датируется рубежом II–III вв. н.э.¹ Интересно, что в I в. н.э. большинство богатых погребений поздних скифов со-

¹ Ср. например: «В погребениях второй половины II – начала III в. н.э. повсеместно отмечается снижение качества и ассортимента погребального инвентаря, что могло быть вызвано изменениями в социально-экономической структуре общества после того, как в него влились оседающие на землю обедневшие представители различных сарматских группировок» (Луздровский, 2001. С. 112).

средоточено в Усть-Альминском некрополе, что позволило ряду исследователей предполагать, что он является своего рода позднескифским Герросом, аристократическим некрополем римского времени.

В середине I – начале II в. н.э. в могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма, а чуть позднее в Херсонесском некрополе появляются сарматские черты в погребальном обряде (гробы-колоды, скрещивание ног умерших и т.п.), а в инвентаре – отдельные предметы, связываемые обычно с сарматским присутствием или влиянием. В могилах обычными становятся находки зеркал-подвесок (в том числе и их фрагментов), украшенных сарматскими тамгами, появляются лепные курильницы². Следы разгрома на Неаполе Скифском, прекращение жизни на целом ряде позднескифских поселений, наряду с появлением сарматских черт в материальной культуре региона, рисуют нам убедительную картину сарматского проникновения в Крым. Справедливо предположение, что данные действия вряд ли носили мирный характер, они сопровождались уменьшением населения, во всяком случае, в Северо-Западном Крыму (Пуздровский, 1999. С. 108; Зубарь, 2004. С. 149).

Очевидно, что позднесарматская культура оказала большое влияние на материальную культуру населения Крыма. На территории Юго-Западного Крыма в курганах эпохи бронзы появляются впускные сарматские погребения. В.М. Зубарь и О.Я. Савеля предполагают, что поздние скифы и сарматы жили на одних городищах и хоронили своих умерших в одних могилах (Зубарь, Савеля, 1989. С. 82).

Вероятно, мы можем говорить о проживании оседлого сарматского населения на территории Юго-Западного Крыма начиная со второй половины I в. н.э. Как писал В.М. Зубарь, «пришлое кочевое сарматское и оседлое позднескифское население, видимо, после периода вооруженного противостояния в первой половине I в. н.э., постепенно интегрировались в рамках одной социально-политической и экономической системы, что достаточно ярко проявилось в синтезе культур и погребальном обряде... Сарматская социальная верхушка, слившись с местной аристократией или уничтожив ее, заняла ключевое положение в управленческой структуре» (Зубарь, 2004. С. 151).

На основании отсутствия в могильнике Бельбек IV характерных для позднескифской культуры склепов и поселения, к которому он мог бы принадлежать, И.Н. Храпунов считает, что этот некрополь был оставлен кочевниками-сарматами (Храпунов, 2004. С. 133). Выше мы уже писали о том, что, возможно, склепы на территории могильника и существовали, но были разграблены до прибытия археологов. Что же касается места обитания населения, оставившего бельбекский некрополь, то одно из поселений явно оказалось под постройками военной части и аэродрома «Бельбек». Мы не можем достоверно утверждать, что оно было позднескифским, поскольку никаких раскопок на нем не проводилось, но сам факт существования поселения неподалеку от некрополя сомнений не вызывает.

В могильнике прослежено значительное число сарматских черт, в то же время есть и черты обряда, которые традиционно считаются позднескифскими. Мы разделяем вывод И.Н. Храпунова о синкретичности позднескифской культуры и влиянии на нее сарматской культуры (Храпунов, 2004. С. 130–131), но вынуждены констатировать, что неполнота наших знаний о некрополе Бельбек IV, к сожалению, не дает нам права считать его полностью «сарматским» или «позднескифским». Поэтому однозначно утверждать, что некрополь «оставили сарматы, некоторое время прожившие в позднескифских поселениях, а затем, в силу неясных причин, изменившие образ жизни» (Храпунов, 2004. С. 137), мы, наверное, не вправе. Возможно, учитывая смену ориентировки погребенных уже в первой четверти II в. н.э., стоит вернуться к тезису о двух группах населения, оставивших этот могильник? Именно в это время возникает большинство других некрополей в регионе – Бельбек II и III, Скалистое II и III, Танковое, существующих и в III в. н.э. То, что в бельбекском некрополе целый ряд могил принадлежит сарматам, сомнений не вызывает. Помимо некоторых черт погребального обряда и ряда категорий инвентаря об этом говорят и антропологические данные: мы уже отмечали, например, редкую для Юго-Западного Крыма деформацию черепа из погребения 286.

Таким образом, могильник Бельбек IV хронологически входит в группу варварских могильников Юго-Западного Крыма (Бельбек I–III, Заветное, Усть-Альминский, Скалистое II, III и др.), но занимает среди них промежуточное место. Так, например, в Усть-Альминском и Заветнинском могильниках есть погребения I в. до н.э., в могильниках Скалистое II и III преобладает материал II–III в. н.э. (Высотская, 1972. С. 72; Гущина, 1974. С. 45; Богданова и др.,

² По мнению Д.С. Раевского, это был средний этап проникновения сарматов в Крым (первый он относит ко II–I вв. до н.э.) (Раевский, 1971б. С. 140–141).

1976. С. 147). Могильники Бельбек I, Инкерманский, Озерное III, Суворовский и ряд других имеют погребения IV в. н.э. (см., например: *Юрочкин*, 1997; *Зайцев*, 1997).

Вероятная активность варваров в середине I в. н.э. привела к военному конфликту с Херсонесом³. В начале 60-х годов I в. источниками фиксируется наступление варваров на Херсонес, отброшенное римскими войсками (IOSPE I², 369; CIL, XIV, 3608) (см. обзор проблемы и литературу: *Зубарь*, 2004. С. 153–163). На наш взгляд, увеличение количества античного импорта в погребениях начиная с третьей четверти I в. и большое количество греческих граффити на краснолаковой керамике 75–125 гг. н.э. в некрополе Бельбек IV (больше, чем в любом другом могильнике Юго-Западного Крыма, по крайней мере, судя по опубликованным материалам) (*Журавлев*, 2001а) могут быть косвенно связаны с военным походом легата провинции Мезия Тиберия Плавтия Сильвана в Херсонес в 60-х годах I в. н.э. (*Зубар*, 1988; *Зубарь*, 2004. С. 164–165) и размещением в Херсонесе и его округе римских военных отрядов. Возможно, обнаруженные в бельбекском могильнике обломки римского воинского снаряжения в виде амулетов являются трофеями варваров и косвенно свидетельствуют о каких-то военных столкновениях. Именно в это время между херсонеситами и варварским населением Таврики на короткий период установились мирные отношения, и Херсонес становится центром посреднической торговли (*Зубарь*, 1993. С. 55).

Территория Бельбекской долины в это время, несмотря на близость к Херсонесу и активные действия римских войск, по всей видимости, остается под контролем варварских племен. В I в. начался процесс укрепления тесных экономических связей между Херсонесом и Юго-Западным Крымом (*Сорочан*, 1981. С. 27). Зависимость Херсонеса от зерновых поставок из Юго-Западного Крыма очевидна (*Сорочан*, 1994. С. 69), в связи с чем в погребениях велико количество предметов античного облика, а количество оружия столь незначительно.

В первой половине II в. военно-политическая ситуация в Херсонесе вновь обостряется в связи с активизацией варваров (*Граков*, *Виноградов*, 1970. С. 127–129; *Кадеев*, 1981. С. 25). Аналогичная картина наблюдается и в долине реки Бодрак – могильниках Озерное I–III (*Кадеев*, *Сорочан*, 1989. С. 85).

Очередной этап сарматского проникновения в Юго-Западный Крым наступил после победы боспорского царя Савромата II над скифами (КБН, № 1237) и широким освоением боспорянами в конце II – начале III в. н.э. завоеванных территорий Таврики. В это время сюда проникают военные поселенцы – выходцы из сарматских племен. В конце II – первой половине III в. н.э. во многих районах Юго-Западного Крыма вновь наблюдается увеличение количества античного импорта, что, возможно, было связано с получением Херсонесом элевтерии и размещением римских гарнизонов в Таврике. Индивидуальные черты «позднескифской культуры» постепенно «практически исчезли под мощным напором нивелирующего фактора провинциально-римской культуры» (*Малюкевич*, 1992. С. 54). При этом отметим, что кардинальных изменений в погребальном обряде и общем облике культуры не происходит.

По предположению В.М. Зубаря (*Зубарь*, 1994. С. 112), Савромат II действовал против Крымской Скифии совместно с римлянами, в результате чего после победы Скифия была разделена победителями на сферы влияния по реке Альме. Возможно, именно в это время возникает ряд новых некрополей (Перевальное, Дружное – в «боспорской» зоне, у с. Танковое – в «римской»), что связано «не с изменением состава населения, а с естественной реакцией на последствия передела Крымской Скифии, приведшей к некоторым подвижкам населения» (*Труфанов*, *Юрочкин*, 1999. С. 243).

В Юго-Западном Крыму в это время создается и функционирует система римских дорог, водопроводов, военных постов, оборонительных сооружений и т.п., которая, по мнению ряда исследователей, близка римскому лимесу (*Филиппенко*, 1995. С. 64. Правда, далеко не все исследователи разделяют гипотезу о наличии лимеса в Таврике: см. *Зубарь*, 1995. С. 62–63). Широко известны многочисленные находки римских вещей на этой территории, в том числе и надгробия легионеров; в 1996 г. В окрестностях Балаклавы были открыты остатки римского храма (*Зубар* и др., 1997; *Sarnowski*, *Savelja*, 1998).

В настоящее время военный городок аэродрома «Бельбек» и расположенный неподалеку санаторий «Радость» полностью уничтожили то место, где в начале нашего столетия Н.М. Печенкин видел следы городища. Удобное географическое положение в устье реки Бельбек вполне могло стать основанием для дислокации неподалеку от некрополя небольшого римского военного отряда. Наиболее богатые импортом погребения могли принадлежать людям, так или иначе связанным с римским гарнизоном (так, например, бронзовые ковши,

³ А.Е. Пуздровский даже пишет о существовании военно-политического союза между сарматами и поздними скифами (*Пуздровский*, 2001. С. 114), но никакими источниками на эту тему мы не располагаем.

наряду с ведерками, часто входили в состав воинского инвентаря: *Шилов*, 1974. С. 65). Вне всяких сомнений, погребенные в Бельбекском могильнике не являлись римскими военнослужащими – у нас нет ни одного погребения, которое можно было бы считать римским. Даже не находясь на римской службе, а лишь проживая неподалеку от гарнизона, местные жители путем натурального обмена могли получать от него большее количество импортных товаров, нежели их более далекие соседи (наличие монет римской чеканки в двух погребениях могильника также не противоречит этой гипотезе).

Не позднее середины III в. н.э. многие позднескифские городища Юго-Западного Крыма были разгромлены. Именно к этому времени относится множество закрытых комплексов со следами разрушения на различных городищах – в Неаполе Скифском (*Раевский*, 1970. С. 105), Усть-Альме (*Высотская*, 1994. С. 145), Алма-Кермене (*Высотская*, 1970. С. 187–188). Аналогичная ситуация отмечена и для могильников: многие из них прекращают свое существование уже к середине III в. н.э. Только на некоторых памятниках открыты более поздние погребения – Озерном III, Инкерманском, Чернореченском, Перевальном, Суворовском, Бельбеке I, у совхоза «Севастопольский» и др. К концу второй четверти этого столетия относятся также монетные клады на территории поздней Скифии (*Дашевская*, 1991. С. 22). По мнению большинства исследователей, этот разгром связан с походом готского племенного союза (*Пиоро*, 1990. С. 25), в результате которого были разрушены многие северо-понтийские города⁴. Об этом косвенным образом свидетельствуют находки сарматских погребений на территории Неаполя.

Другие исследователи предполагают, что бывшая столица Скифии – Неаполь – была разрушена в 218/220 гг. н.э. боспорской армией, в результате чего город прекратил свое существование, тогда как жители Центрального Крыма и «римской зоны» не пострадали вовсе (*Труфанов, Юрочкин*, 1999. С. 244).

Во второй четверти III в. н.э. прекращает свое существование и могильник Бельбек IV, а население долины, видимо, передвигается вверх по течению реки Бельбек, где жизнь продолжается до IV–V вв. Памятники группы Озерное–Инкерман существуют вплоть до вторжения в Причерноморье гуннов, вынудивших население к переселению на юг, за внутреннюю гряду Крымских гор (*Труфанов, Юрочкин*, 1999. С. 247).

Т.Н. Высотская в свое время считала, что могильник Бельбек IV, также как и Скалистое II и III, оставлен жителями «небольших поселений, где жили зависимые от скифского государства сарматы» (*Высотская*, 1994. С. 142). В ее представлении это «сельский некрополь» (*Высотская*, 1983. С. 19). На наш взгляд, с этим утверждением трудно согласиться. Размер некрополя, большое количество римского импорта в погребениях, а также уже упомянутое выше разрушенное городище позволяют предполагать, что могильник был оставлен жителями крупного позднескифского населенного пункта, вероятно, со смешанным скифо-сарматским населением. На этом поселении или неподалеку от него, как на городище Алма-Кермен, во II–III вв. н.э., возможно, могли дислоцироваться римские части.

⁴ Д.С. Раевский предположил, что в этом походе могли принимать участие и аланы, которые «были увлечены в Крым готами и вместе с ними участвовали в разрушении позднескифской столицы» (*Раевский*, 1971б. С. 151).

ОПИСАНИЕ КОМПЛЕКСОВ ПОГРЕБЕНИЙ

И.И. Гущина, Д.В. Журавлев

Погребение 1 (табл. 4, 1–7). Расположено во втором капонири, полностью разрушено строительными работами. Из него происходит следующий инвентарь: краснолаковая миска и кувшин, лепной сероглиняный сосуд баночной формы, кружка, бронзовый браслет, железный нож, фрагмент ножки светлоглиняной амфоры. Конец I – начало II в. н.э.

Погребение 2 (табл. 4, 8–10). Обнаружено в третьем капонири, разрушено. В нем найдены краснолаковая миска, кувшин и тарелка. Вторая половина I – возможно, начало II в. н.э.

Погребение 3 (табл. 5). Раскрыто во втором капонири, разрушено. В нем найдены бронзовое кольцо с выступами-шишечками, бронзовая герма, две фаянсовые подвески в виде фигурок львов, разнообразные бусы, бронзовые проволочные серьги, глиняное пряслице, краснолаковый кувшин и итальянская чаша с клеймом ATEI в рамке *planta pedis*. Возможно, могила была женской. Середина – третья четверть I в. н.э.

Погребение 4 (табл. 6, 2, 3). Было обнаружено в южной стенке второго капонира, разрушено. В погребении открыты только меловая бусина и бронзовое кольцо.

Погребение 5 (табл. 6, 1). Располагалось в северной стенке второго капонира; из него происходит только бронзовый колокольчик.

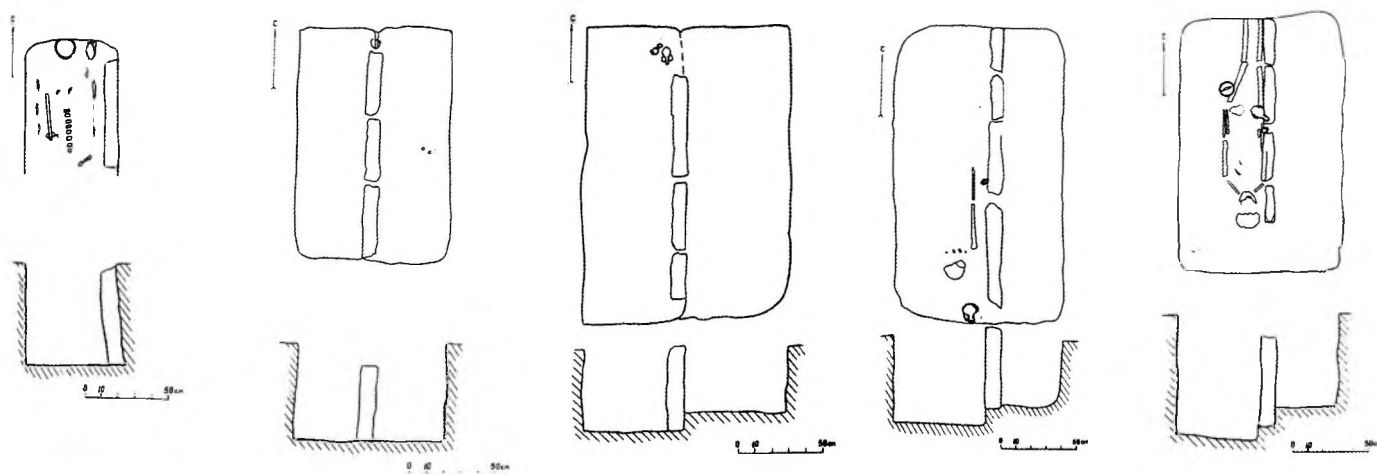
Погребение 6 (табл. 6, 4–13). Расположено в северной стенке второго капонира и было уничтожено строительными работами наполовину, сохранилась лишь северная часть могильной ямы (длина – 0,8 м, ширина – 0,6 м, глубина от современной поверхности¹ – 2 м). На дне ямы сохранились плечевая правая кость и несколько позвонков. Погребенный мужчина лежал вытянуто на спине, головой на север. В головах стояло краснолаковое блюдо с клеймом *planta pedis* с железным ножом и костью животного внутри и краснолаковая амфора, в области груди – две фибулы и бусины, у правой руки – проволочный браслет, бронзовое кольцо, фрагменты железного меча и мелкие обрывки золотой фольги. Здесь же в перемещенном состоянии найдены фрагмент еще одного железного ножа и острие. Вторая половина I в. н.э.

Погребение 7 (табл. 7, 1). Входная яма (1,4 x 0,4 x 1,4 м), ориентированная с севера на юг, имела в западной стене подбойную камеру. Погребение полностью ограблено и разрушено в древности, только во входной яме обнаружены обломки светлоглиняной амфоры.

Погребение 8 (табл. 7, 2–5). Входная яма (1,75 x 0,6 x 1,2 м) имела в западной стене подбойную камеру (1,8 x 0,6 x 1,3 м), ориентированную с севера на юг. Костей скелета не обнаружено. В северной части могилы находились три краснолаковых сосуда – амфора, миска и кубок. Вероятно, могила была ограблена в древности. Последняя четверть I в. н.э.

Погребение 9 (табл. 8, 1–11). Входная яма (1,95 x 0,6 x 0,9 м) имела в западной стенке подбойную камеру (1,90 x 0,6 x 1,1 м), отделенную вертикально стоявшими плитами. На дне могилы – скелет погребенного, ориентированный головой на юг, лежавший вытянуто на спине, ноги в голени перекрещены. В области шейных позвонков – стеклянные и фаянсовые бусины, на поясе – железная пряжка, в головах – краснолаковые кувшин, миска и тарелка с клеймом *planta pedis*, а также обломок железного ножа и фрагменты неопределенных железных предметов. Последняя четверть I в. н.э.

¹ В предварительных публикациях (Гущина, 1974; 1982) глубина погребений 6–176 указана от материка; в данной работе – везде от современной дневной поверхности могильника.

Погребения

6

7

8

12

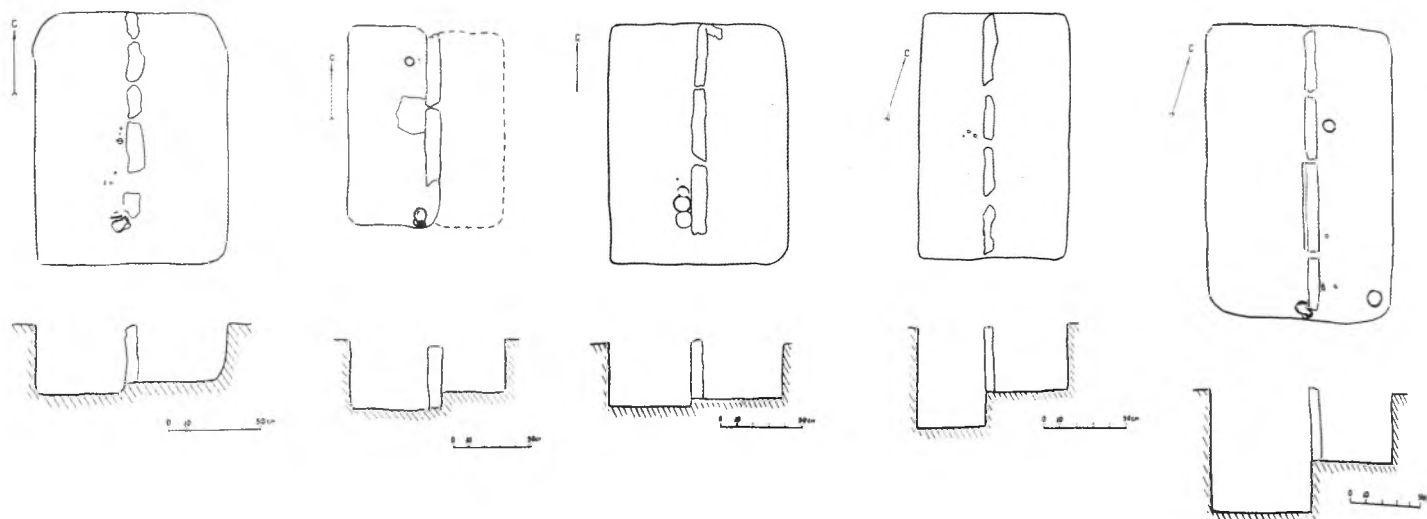
13

Погребение 10 (табл. 7, 6–13). Входная яма (1,70 x 0,4 x 1,6 м) имела в западной части подбойную камеру (1,75 x 0,6 x 1,7 м). Кости полностью истлели, но по направлению тлена можно предполагать, что погребенный лежал головой на юг. В южной части камеры под каменным закладом стояли краснолаковый кувшин, покрытый галькой, и краснолаковая миска с клеймом *planta pedis* с железным ножом внутри. В области груди найдены бронзовая фибула, две фаянсовые подвески в виде гениталий, бусы и виноградные косточки. Последняя четверть I в. н.э.

Погребение 11 (табл. 9). Входная яма (2,15 x 0,4 x 1,6 м), в западной стене имела подбойную камеру (2,15 x 0,6 x 1,6 м), закрытую вертикально стоявшими плитами. Один камень в ногах упал и лежал горизонтально. На дне подбойной камеры находился вытянутый на спине скелет, головой на юг. В головах, выше уровня черепа на 0,1 м, стоял краснолаковый кувшин, накрытый краснолаковым кубком, перевернутым кверху дном; под черепом – краснолаковая тарелка ESB с клеймом *planta pedis* с железным ножом внутри. У груди – фаянсовые и стеклянные бусы, два бронзовых кольца с шишечками, бронзовая фибула, куски белой глины, на костях правой руки – браслет со змеиными головками; на поясе – бронзовые пряжка и две ведековидные подвески. Третья четверть I в. н.э.

Погребение 12 (табл. 8, 12–16). Входная яма (2,0 x 0,4 x 1,25 м) в западной стенке имела подбойную камеру (2,0 x 0,7 x 1,4 м), закрытую вертикально стоявшими плитами. На дне камеры сохранился только тлен от костяка, лежавшего вытянуто на спине, головой на юг (сохранились только части черепа и кости правой руки). В головах погребенного стоял краснолаковый кувшин, горло которого было закрыто галькой. В области шейных позвонков найдены две бронзовые ведековидные подвески и несколько фаянсовых бусин. Вторая половина I в. н.э.

Погребение 13 (табл. 10, 1–4). Входная яма (1,7 x 0,45 x 1,2 м) имела в западной стенке подбойную камеру (1,7 x 0,6 x 1,4 м), закрытую вертикально стоявшими камнями. На дне лежал вытянутый на спине скелет погребенного, головой на юг. У бедра левой ноги находилась краснолаковая тарелка с клеймом ромбической формы в виде пересекающихся веток; внутри нее лежал железный нож. У костей правой руки, под камнями – небольшой красноглиняный горшочек. Погребение, очевидно, детское. Конец I в. н.э.

Погребения

14

15

16

17

18

Погребение 14 (табл. 10, 5–14). Входная яма (1,4 x 0,45 x 0,8 м) имела в западной стенке подбойную камеру (1,4 x 0,6 x 0,9 м), закрытую вертикально стоявшими камнями. Кости погребенного не сохранились. В южной части могилы найдены железный нож, железный наконечник стрелы, бронзовые бусы, две фаянсовые подвески – с изображением лягушки и бога Беса, а также железная пряжка с неподвижным язычком. Вторая половина I в. н.э.

Погребение 15 (табл. 10, 15, 16). Входная яма (1,25 x 0,4 x 0,75 м) в западной стенке имела подбойную камеру (1,3 x 0,6 x 0,95 м), ориентированную с севера на юг и отделенную вертикально стоявшими каменными плитами, один камень упал и лежал на дне ямы. Кости погребенного не сохранились. В северной части ямы стояла краснолаковая чаша. Погребение, очевидно, детское. Последняя четверть I – начало II в. н.э.

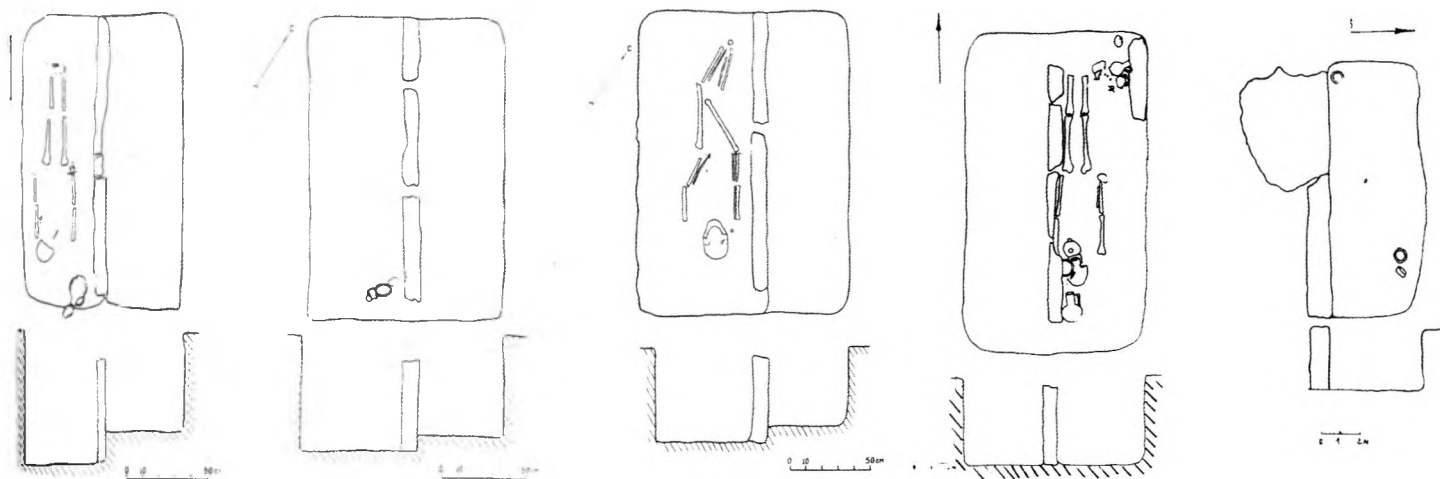
Погребение 16 (табл. 11, 1). Входная яма (1,5 x 0,5 x 0,92 м), ориентированная с севера на юг, в западной стенке имела подбойную камеру (1,5 x 0,6 x 1,1 м), отделенную вертикально стоявшими каменными плитами. Под стенкой найдены обломок краснолакового кувшина, фрагментированные краснолаковая миска и маленький сероглиняный сосуд, а также бусина. Погребение детское. Вторая половина I в. н.э. (?).

Погребение 17 (табл. 11, 2–4a). Входная яма (1,5 x 0,45 x 0,95 м) в юго-западной стенке имела подбойную камеру (1,5 x 0,45 x 1,1 м), отделенную вертикально стоявшими каменными плитами. Могила ориентирована с северо-запада на юго-восток. На дне ямы костей не прослежено. Обнаружено тонкое бронзовое кольцо с бусиной, несколько бусин, бисер, бронзовая пластина. В засыпи могильной ямы найдена фаянсовая подвеска в виде амфоры. Погребение, очевидно, детское. Вторая половина I в. н.э. (?).

Погребение 18 (табл. 11, 5–11). Входная яма (1,7 x 0,55 x 0,9 м) в северо-восточной стенке имела подбойную камеру (1,7 x 0,55 x 0,4 м, отделенную вертикально стоявшими каменными плитами. Могила ориентирована с северо-востока на юго-запад. На дне ямы костей не прослежено. У каменной стенки заклада находились краснолаковый кувшин, две бронзовые фибулы, бронзовый перстень со стеклянной вставкой. В северной части могилы – две краснолаковые миски. Последняя четверть – конец I в. н.э.

Погребение 19 (табл. 12). Входная яма (1,75 x 0,5 x 1,1 м) в западной стенке имела подбойную камеру (1,75 x 0,6 x 1,3 м), отделенную от ямы вертикально стоявшими камнями. Могила ориентирована с севера на юг. На дне ямы вытянуто на спине лежал скелет погребенной женщины, головой на юг. Вокруг всего костяка прослежен тонкий слой тлена – вероятно, от материи (кошма?), в которую была завернута погребенная. В головах стоял краснолаковый кувшин, накрытый небольшим грушевидным сосудом со срезанным венчиком, под кувши-

Погребения

19

20

21

22

23

ном был обнаружен кусочек мела. На груди лежал железный нож, у плеча левой руки – две фибулы, на шейных позвонках – бусы (гагат, сердолик), на руках – браслеты из гагатовых бисера и бус, железное кольцо со следами вставки. В ногах расчищены железные части деревянной шкатулки, в которой лежало плоское дисковидное бронзовое зеркало. Последняя четверть I – возможно, начало II в. н.э.

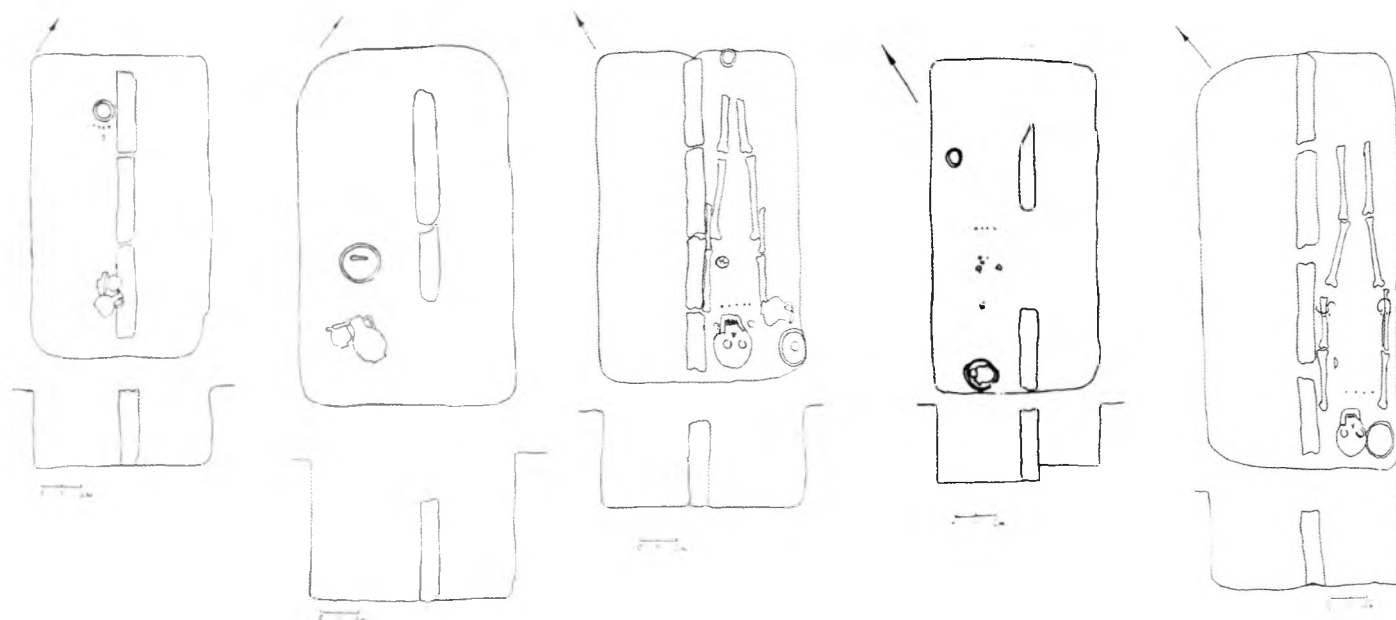
Погребение 20 (табл. 13, 1–3). Входная яма (1,8 x 0,5 x 1,1 м) имела в западной стенке подбойную камеру, закрытую вертикально стоявшими камнями. Подбойная камера (1,8 x 0,65 x 1,2 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, следов костей не содержала. В южной части камеры найдены краснолаковые сосуды: небольшой кувшинчик, ниже его тарелка с клеймом *planta pedis*, а также кусок белой глины. Последняя четверть I в. н.э.

Погребение 21 (табл. 13, 4–8). Входная яма (1,9 x 0,5 x 1,0 м) имела в северо-западной стене подбойную камеру (1,9 x 0,8 x 1,1 м), ориентированную с северо-запада на юго-восток, отделенную двумя вертикально стоящими каменными плитами. На дне камеры лежал на спине скелет погребенного, головой на юг. Кисть левой руки была положена на таз, правая нога согнута в колене. У черепа найдено глиняное пряслице (не сохранилось), около левой руки – бусы, на запястьях рук – браслеты из сердоликовых и гагатовых бус, в ногах – гагатовый бисер и железное кольцо (рассыпалось).

Погребение 22 (табл. 14). Входная яма (2,0 x 0,5 x 1,15 м) имела в восточной стенке подбойную камеру (2,0 x 0,6 x 1,1 м), ориентированную с севера на юг, отделенную от входной ямы четырьмя вертикально стоящими плитами. На дне ямы был найден скелет погребенного, лежавший вытянуто на спине, головой на юг, лицом повернут к востоку. Над головой – краснолаковые кувшин и тарелка с клеймом *planta pedis*, около тарелки – железный нож, на груди погребенного лежал перевернутый вверх дном краснолаковый кубок, в ногах стояли второй краснолаковый кувшин и краснолаковый кубок, рядом лежали два бронзовых браслета со змеиными головками, лучковая подвязная фибула и бусы. Вторая половина I в. н.э.

Погребение 23 (табл. 13, 9–13). Грунтовая яма (1,3 x 0,5 x 0,9 м), ориентированная с запада на восток. С южной стороны расположены две каменных плиты – одна стояла вертикально, другая – горизонтально. Следов костяка не обнаружено. На дне могилы найдены два лепных сосуда, краснолаковая чаша и несколько стеклянных бусин. Судя по размерам могильной ямы и сохранности костей, погребение, очевидно, детское. Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Погребение 24 (табл. 15, 1–8). Входная яма (1,5 x 0,55 x 1,0 м) имела в юго-западной стенке подбойную камеру (1,5 x 0,4 x 1,0 м), ориентированную с северо-запада на юго-восток.

Погребения

24

25

26

27

28

Кости погребенного не сохранились. На дне в юго-восточной части могилы стояли краснолаковые кувшин и тарелка с клеймом *planta pedis*, красноглиняный горшок, в противоположной части ямы – краснолаковая чаша с клеймом *planta pedis*, смычковая фибула, гагатый бисер и фаянсовая пронизь в виде фигурки льва. Вторая половина (скорее, последняя четверть) I в. н.э.

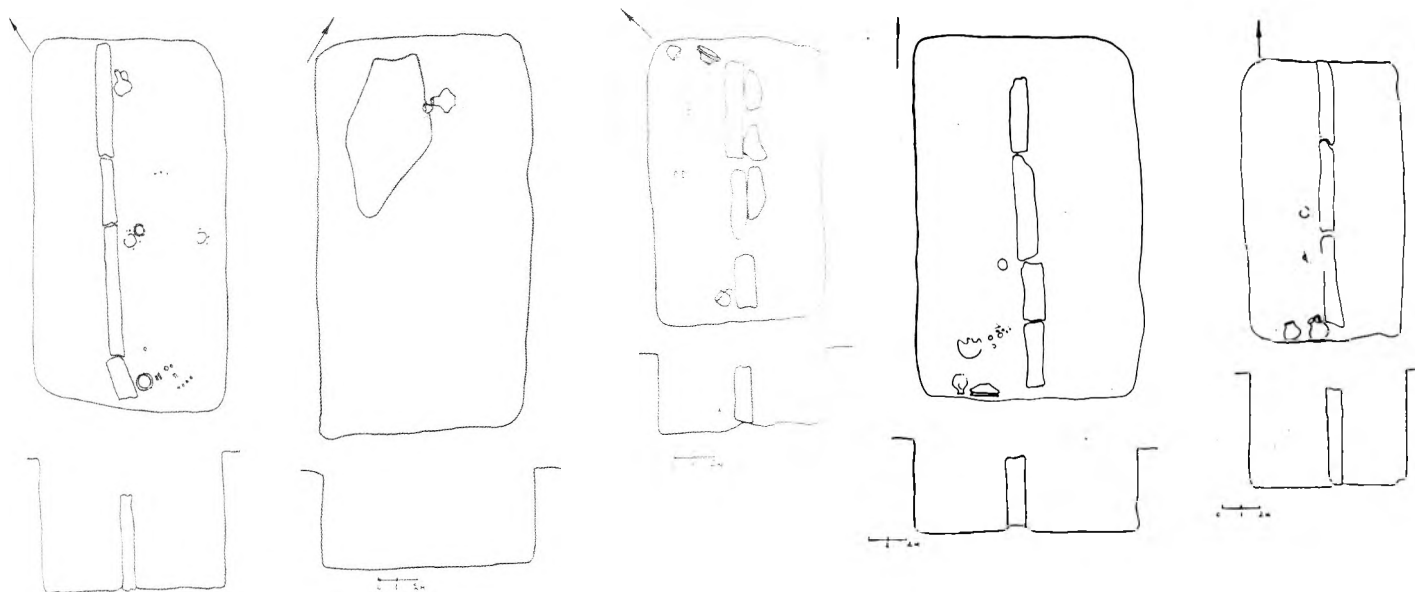
Погребение 25 (табл. 15, 9–12). Входная яма (1,8 x 0,4 x 1,3 м) имела в юго-западной стенке подбойную камеру (1,8 x 0,7 x 1,3 м), ориентированную с северо-запада на юго-восток, отделенную вертикально стоявшими камнями. На дне в юго-западной части камеры стояли краснолаковые кубок с орнаментом *en barbotine*, кувшин и тарелка с клеймом *planta pedis*, внутри которой находился железный нож. Под сосудом – черный тлен, следов костей нет. Вторая половина I в. н.э.

Погребение 26 (табл. 16). Входная яма (1,65 x 0,45 x 1,1 м) имела в юго-восточной стенке подбойную камеру (1,65 x 0,6 x 1,1 м), ориентированную по линии северо-восток – юго-запад, отделенную вертикально стоявшими камнями. На дне расчищен лежавший вытянуто на спине скелет погребенного (вероятно, женщины), головой на юго-запад. В головах стояли краснолаковая чаша, перевернутая кверху дном, и кувшин. У височных костей расчищены проволочные серьги (рассыпались), на груди – бусы и дисковидное зеркало. Вокруг запястий рук – бусы; в ногах стояла краснолаковая тарелка с железным ножом внутри, рядом лежало глиняное пряслице. Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Погребение 27 (табл. 17). Узкая входная яма (1,6 x 0,3 x 0,9 м) имела в северо-западной стенке подбойную камеру (1,6 x 0,5 x 0,98 м), ориентированную с северо-востока на юго-запад, закрытую рядом камней. Кости погребенного не сохранились. У юго-западной стены стояла краснолаковая чаша, в нее была помещена кружка, в центре подбойной камеры – бусы, два разнотипных бронзовых колокольчика, подвески-скарабеи и амфоры из египетского фаянса, в ногах – краснолаковая миска. Последняя четверть I в. н.э.

Погребение 28 (табл. 18). Входная яма (2,1 x 0,5 x 1,1 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стене подбойную камеру (2,1 x 0,6 x 1,1 м), закрытую четырьмя вертикально стоявшими плитами. На дне камеры лежал вытянуто на спине скелет погребенной женщины, головой на юго-запад. В головах стояла краснолаковая миска, на груди и руках расчищены бусы (сердолик, гагат, янтарь), на руках были надеты три браслета со стилизованными змеиными головками; здесь же лежал обломок железного предмета. На груди погребенной лежала лучковая фибула. Вторая половина I – начало II в. н.э.

Погребение 29 (табл. 19; 20, 1–2). Входная яма (1,85 x 0,43 x 1,3 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стене подбойную камеру (1,9 x 0,65 x 1,3 м),

Погребения

29

30

31

32

33

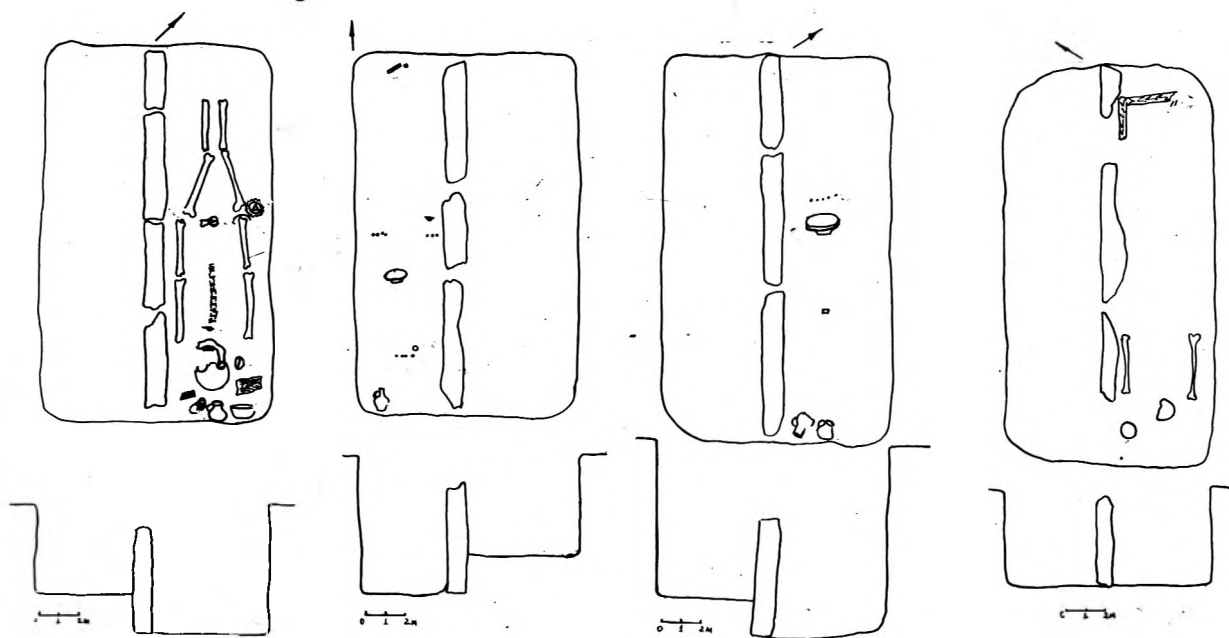
отделенную вертикально стоявшими камнями. Засыпь могильной ямы – песок вперемешку с галькой. Кости погребенного не сохранились. По следам тлена установлено, что покойный был ориентирован головой на юго-запад. В головах находились краснолаковая чаша, железные предметы, обломок бронзового медальона с изображением Афродиты и Эрота, обломки бронзового флакона, две бронзовые двойные ведровидные подвески и колокольчик, а также бусы (стекло, сердолик, фаянс) и фаянсовые подвески – четыре льва и два скарабея. В центре могилы в области костей рук находились два браслета, с расплюснутыми концами и со змеиными головками, два кольца различного диаметра с выступами-шишечками, бронзовые перстни со стеклянными вставками; на руках и ногах – сердоликовые и гагатовые бусы. В ногах погребенного стоял краснолаковый кувшин. Последняя четверть I – возможно, начало II в. н.э.

Погребение 30 (табл. 20, 3–4). Входная яма (2,0 x 0,5 x 1,1 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стене подбойную камеру (2,0 x 0,5 x 1,1 м), вход в которую перекрывала лежавшая горизонтально плита. Никаких следов костей в погребении не обнаружено. У камня стояли краснолаковый кувшин и лепная миска с галькой внутри. Вторая половина I – начало II в. н.э.

Погребение 31 (табл. 21, 1–9). Входная яма (1,45 x 0,4 x 1,0 м), ориентированная с юго-запада на северо-восток, имела в северо-западной стене подбойную камеру (1,45 x 0,4 x 1,0 м), закрытую вертикально стоявшими камнями. На дне могильной ямы – следы тлена от скелета, лежавшего, очевидно, головой на северо-восток. В головах стояла краснолаковая тарелка с клеймом *planta pedis* и лепной сосуд. В области груди зафиксированы бусы и фибула, на тазовых костях – бронзовый колокольчик и железный нож, в ногах был поставлен красноглиняный горшочек с отбитым венчиком. Вторая половина I в. н.э.

Погребение 32 (табл. 22, 1–8). Входная яма (1,9 x 0,7 x 1,1 м) ориентирована с севера на юг; в ее западной стенке сделана подбойная камера (1,9 x 0,5 x 1,1 м). Кости погребенного практически не сохранились, за исключением обломков черепа в южной части могилы. В головах стоял краснолаковый кувшин и краснолаковая чаша, а также лежали три подвески-медальона из египетского фаянса, бронзовая фибула, меловая бусина, в центральной части могилы найден небольшой бронзовый браслет. Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Погребение 33 (табл. 21, 10–16). Входная яма (1,5 x 0,4 x 1,2 м), ориентированная с севера на юг, имела в западной стенке подбойную камеру (1,5 x 0,5 x 1,2 м), закрытую вертикально стоявшими камнями. Кости не сохранились, но по направлению тлена можно предположить, что погребенный лежал головой на юг. У южной стены стояли два краснолаковых кувшина, у камней лежали бронзовые лучковая фибула и браслет и несколько бусин (фаянс и сердолик). Вторая половина I – начало II в. н.э.

Погребения

34

35

36

37

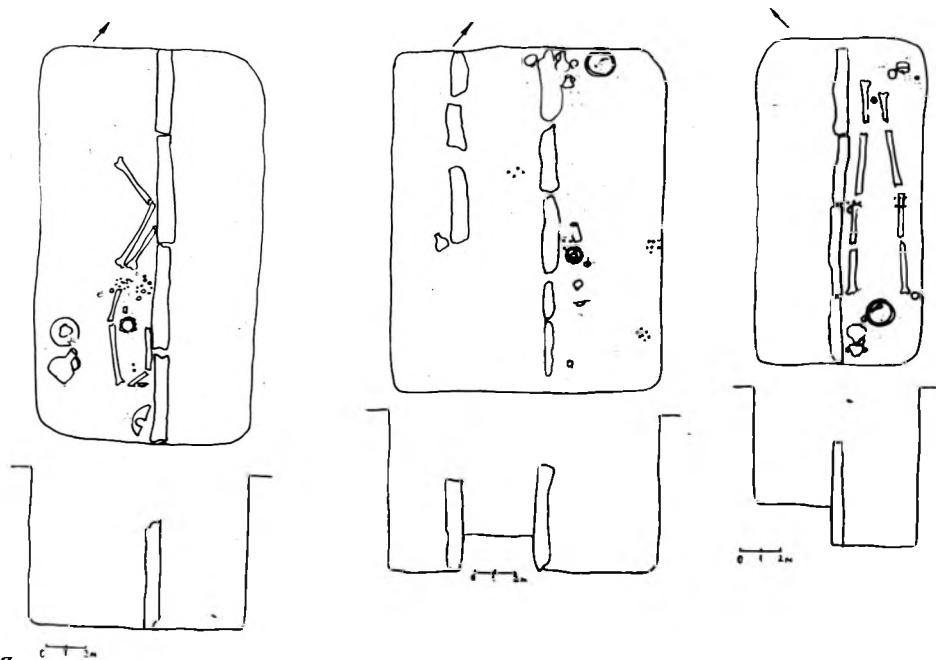
Погребение 34 (табл. 23). Входная яма (1,9 x 0,5 x 1,05 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стенке подбойную камеру (1,9 x 0,7 x 1,25 м). Подбой отделен от входной ямы четырьмя вертикально стоявшими плитами. На дне камеры лежал на спине скелет погребенной женщины, головой на юго-восток, лицо повернуто к юго-западу, руки вытянуты вдоль тела, голени ног сдвинуты. В головах покойной стояли краснолаковые кувшин и тарелка с клеймом *planta pedis*, в которой лежали кости животного. У головы прослежены фрагменты деревянной плахи, здесь же стояла краснолаковая миска ESB с четырехугольным клеймом и кружка с отбитым венчиком. На груди – бронзовая фибула, в области костей таза – железная пряжка, на правой руке – бронзовый браслет, у правого бедра – бронзовое кольцо с выступами-шишечками, глиняное пряслице и бронзовый колокольчик. У левой руки – обломок железного предмета. Конец I – начало II в. н.э.

Погребение 35 (табл. 22, 9–16). Входная яма (1,8 x 0,6 x 1,1 м), ориентированная с севера на юг, в западной стенке имела подбойную камеру (1,8 x 0,45 x 1,3 м), закрытую тремя вертикально стоявшими плитами. Кости погребенного не сохранились. У южной стены камеры стоял краснолаковый кувшин, а также лежали в несколько рядов гагатовые бусы; у каменного заклада в середине могилы находились бусы и фрагменты фибулы, краснолаковая тарелка ESB с клеймом-розеттой; в северной части ямы – железный предмет (гвоздь?) и куски краски. Судя по расположению инвентаря, погребенный был ориентирован головой на юг. Третья четверть I в. н.э.

Погребение 36 (табл. 24, 1–25). Входная яма (1,95 x 0,5 x 1,4 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стенке подбойную камеру (1,95 x 0,65 x 1,4 м), перекрытую каменным закладом. В подбое следов костей не обнаружено. В его юго-восточной части находились два краснолаковых сосуда – кувшин и кубок, в центральной части могилы лежали бронзовая пряжка с железным язычком, железная фибула, краснолаковая тарелка с клеймом овальной формы и бусы (сердолик, стекло, гагат). Первая половина II в. н.э.

Погребение 37 (табл. 24, 25–28). Входная яма (2,0 x 0,5 x 1,1 м) ориентированная с северо-востока на юго-запад, в юго-восточной стенке имела подбойную камеру (2,0 x 0,6 x 1,1 м), отделенную вертикально стоявшими камнями. На дне ямы лежал скелет погребенного (женщины?) вытянуто на спине, головой на юго-запад. В головах стоял красноглиняный горшок, в ногах прослежены следы дерева и обломки железных деталей шкатулки. Датирующих предметов нет, планиграфически комплекс расположен на участке рубежа I–II вв. н.э.

Погребение 38 (табл. 25, 1–15). Входная яма (2,0 x 0,45 x 1,4 м) ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела подбойную камеру (2,0 x 0,6 x 1,4 м), отделенную верти-

Погребения

38

39

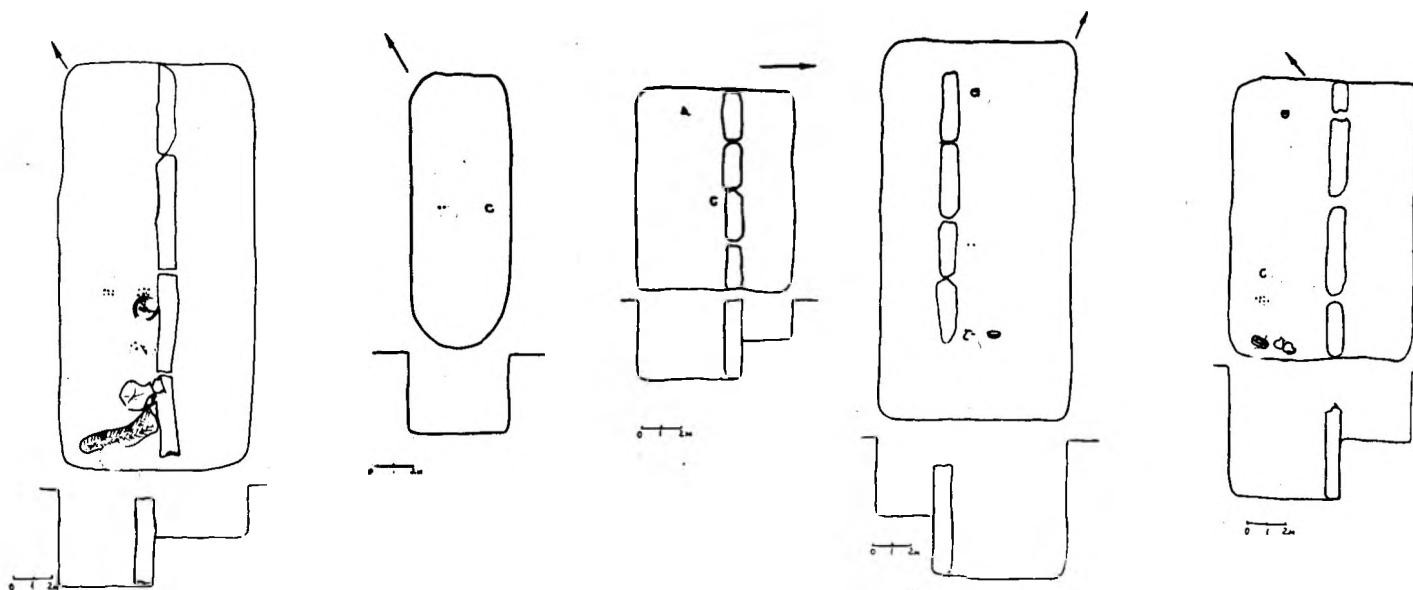
40

кально стоявшими каменными плитами. На дне – скелет погребенного очень плохой сохранности, лежавший на правом боку, ноги подогнуты в коленях. Около обломков черепа зафиксировано железное височное кольцо. На груди найдены бронзовая смычковая фибула и бусы; около костей рук – бронзовое кольцо с выступами-шишечками, на костях запястий обеих рук – бусы, на фалангах пальцев – перстни. У юго-западной стены стояли краснолаковые кувшин и тарелка с клеймом *planta pedis*, внутри последней находился небольшой красноглиняный горшочек. Рядом лежал фрагмент стеклянного сосуда. Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Погребение 39 (табл. 26; 27, 1–19). Входная яма (1,75 x 0,4 x 1,2 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела с двух сторон подбойные камеры, отделенные каменными плитами. В первой камере – **погребение 39(1)** (1,75 x 0,4 x 1,4 м) – кости не сохранились, на дне был найден лепной сосуд. Часть камней от заклада отсутствует, видимо, могила была ограблена. Во входной яме был найден лепной сосуд и бусы (может быть, выброшенные из подбойной камеры). Во второй камере – **погребение 39(2)** – кости погребенной женщины (?) также не сохранились. На дне камеры найдены серебряное и бронзовое височные кольца, бронзовые фибулы и обломки другой фибулы, зеркало-подвеска, кольцо с выступами-шишечками и фрагмент аналогичного кольца, колокольчик, цилиндрический бронзовый флакон, коралловая подвеска на бронзовой проволоке. В центральной части подбойной ямы (вероятно, в области запястий рук) зафиксировано скопление бус. В северо-восточной части камеры находилась краснолаковая тарелка с клеймом *planta pedis*, с костями животного внутри, нож, краснолаковые кувшин и кружка. Судя по расположению инвентаря, погребенная (?) была ориентирована головой на юго-восток. Вторая половина I – первая четверть II в. н.э.

Погребение 40 (табл. 28, 1–12). Входная яма (1,65 x 0,4 x 1,2 м) ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела подбойную камеру (1,65 x 0,45 x 1,4 м). На дне лежал скелет погребенного (женщины?) плохой сохранности, ориентированный головой на юго-запад. В головах стоял кувшин, сверху прикрытый перевернутым вверх дном краснолаковым кубком. На черепе лежала краснолаковая тарелка с клеймом *planta pedis*, в которой находился железный нож. Возле тарелки у правого плеча – бронзовое височное кольцо, с левой стороны черепа – такое же фрагментированное кольцо. На левом плече находились две бронзовые фибулы, на левом запястье – бронзовый браслет, вокруг запястий – бусы. В ногах – глиняное пряслице, обломок бронзового зеркала-подвески, небольшая краснолаковая чаша с бронзовой иглой внутри; около нее зафиксированы кусочки розовой краски. Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Погребение 41 (табл. 29). Входная яма (2,05 x 0,4 x 0,9 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-западной стенке заклад из вертикально стоявших каменных плит, закрывавших подбойную камеру (2,05 x 0,6 x 1,1 м). Кости погребенного (судя

Погребения

41

42

43

44

45

по инвентарю, женщины) не сохранились. По тлену от костей и расположению инвентаря можно предположить юго-западную ориентировку. В головах лежала обугленная деревянная плашка, у самых камней стояла краснолаковая амфора, горло которой было закрыто краснолаковым кубком, орнаментированным белой краской. Далее лежали бронзовые фибула и фрагмент зеркала-подвески, а также бусы, глиняное пряслице, краснолаковая тарелка *ESB* с железным ножом и костью животного внутри, под ней – небольшая краснолаковая чаша *ESB* с затертым именным клеймом, в области костей запястий рук – бусы и браслет. Последняя четверть I в. н.э.

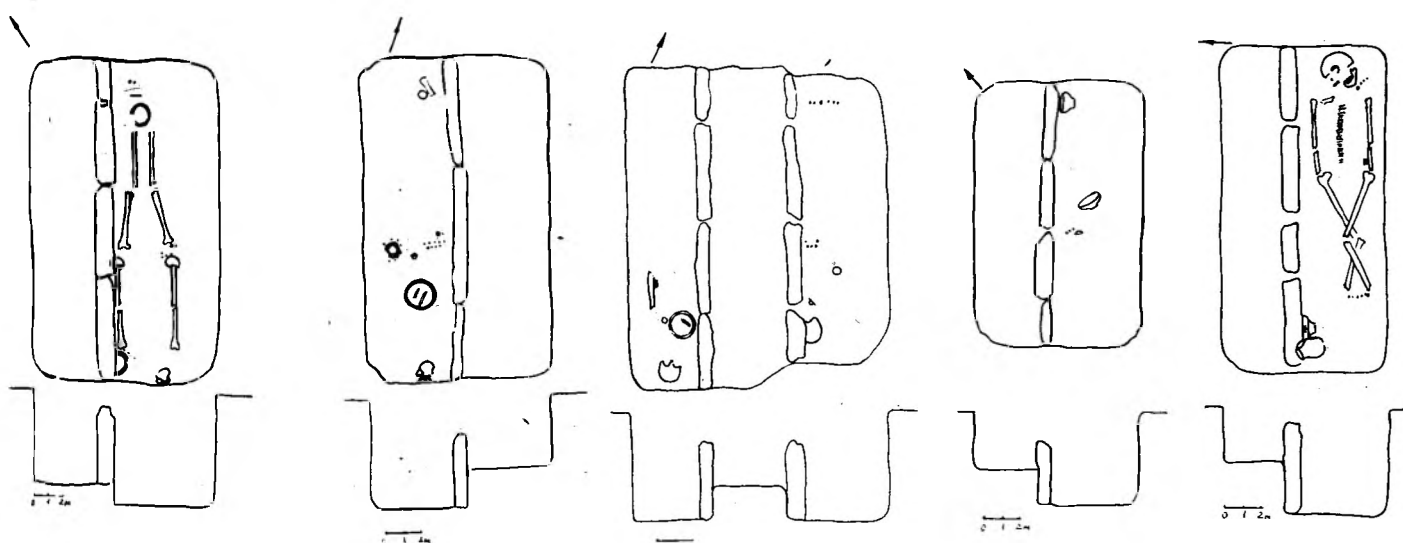
Погребение 42 (табл. 25, 16–19). Небольшая грунтовая яма (1,35 x 0,5 x 1,0 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. Могила, очевидно, детская. Следов костей не зафиксировано, в центре ямы найдены бронзовый витой браслет и фаянсовые бусины, а также краснолаковая тарелка с клеймом *planta pedis*. Вторая половина (последняя четверть?) I в. н.э.

Погребение 43 (табл. 27, 20–23). Входная яма (1,45 x 0,25 x 0,8 м), ориентированная с запада на восток, имела в южной стенке подбойную камеру (1,45 x 0,55 x 1,0 м), заложенную плитами. Кости погребенного не сохранились. В западной части ямы найдены бронзовый колокольчик и обрывок бронзовой проволоки; в середине ямы, у каменного завала – небольшой бронзовый браслет. Вероятно, погребение было детское. Планиграфически – вторая половина I – начало II в. н.э.

Погребение 44 (табл. 28, 13–19). Входная яма (1,9 x 0,3 x 1,05 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стенке подбойную камеру (1,9 x 0,7 x 1,3 м), отделенную вертикально стоявшими каменными плитами. Кости в могиле не сохранились. В северо-западной части у каменного заклада находилась краснолаковая чаша с клеймом *planta pedis*; в центре могилы найдены гагатые бусы, в юго-восточной части – краснолаковая миска с клеймом *planta pedis* и кружка, а также глиняное пряслице и фрагмент венчика краснолаковой чаши. Вторая половина I в. н.э.

Погребение 45 (табл. 30). Входная яма (1,4 x 0,45 x 0,95 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, с северо-запада имела подбойную камеру (1,4 x 0,6 x 1,35 м) с каменным закладом из четырех вертикально стоявших камней. Кости не сохранились, но по следам тлена можно предположить, что погребенный лежал головой на юго-запад. У юго-западной стены находились краснолаковые кувшин и тарелка с клеймом *planta pedis*, с железным ножом внутри, а также красноглиняный горшочек. Далее – бусы, бронзовый браслет, фаянсовая подвеска-амфора; у северо-восточной стены – краснолаковая чаша. Последняя четверть I в. н.э.

Погребение 46 (табл. 31). Входная яма (1,8 x 0,4 x 1,1 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стенке подбойную камеру (1,8 x 0,7 x 1,2 м), закрытую вертикально стоявшими плитами. На дне могилы – скелет плохой сохранности (воз-

Погребения

46

47

48

49

50

можно, женский), лежавший на спине вытянуто, головой на юго-запад. В головах стояли краснолаковая тарелка с клеймом *planta pedis* и кружка, лежали бусы и бронзовая фибула (рассыпалась). На костях рук – два бронзовых браслета со змеиными головками, на пальцах – перстни со стеклянными вставками, у правой руки – бусы. Около левой голени – бисер, в ногах – краснолаковая миска, железная проколка в обломках и кусочек краски. Последняя четверть I – начало II в. н.э.

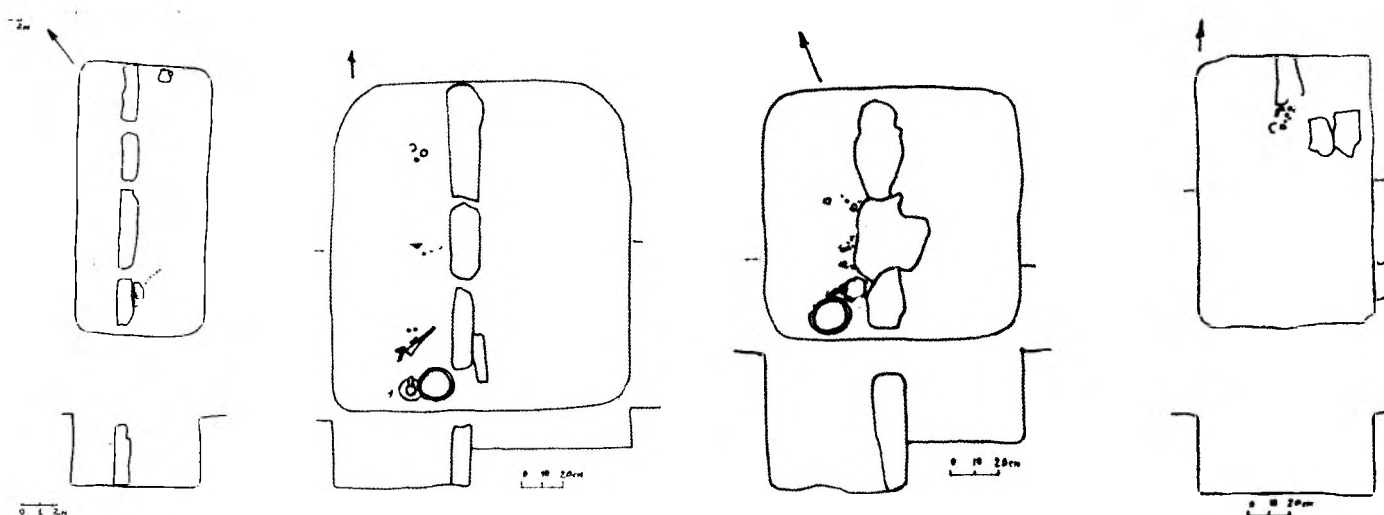
Погребение 47 (табл. 32). Входная яма (1,8 x 0,45 x 1,0 м) ориентирована с северо-запада на юго-восток. В ее юго-западной стенке сделана подбойная камера (1,8 x 0,6 x 1,2 м), заложённая вертикально стоявшими камнями. Кости не сохранились, но, судя по тлену от них, погребенный (вероятно, женщина) был ориентирован головой на юго-восток. У юго-восточной стены камеры стояла краснолаковая кружка. В области груди – краснолаковая тарелка с клеймом, с костью животного и ножом внутри. В центре могилы найдены бронзовые колокольчик и кольцо с выступами, бронзовый перстень со стеклянной вставкой, бусы (сердолик, гагат, янтарь), которыми, судя по всему, были расшиты рукава одежды. В ногах лежали зеркало с отколотой петелькой и стеклянный бальзамарий. Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Погребение 48 (табл. 33, 1–13). Входная яма (1,8 x 0,45 x 1,0 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, с обеих сторон имела подбойные камеры, заложённые вертикально стоявшими плитами. Первая камера – **погребение 48(1)** (1,8 x 0,45 x 1,2 м) – расположена в юго-западной стене входной ямы. В ней были обнаружены следы тлена от скелета, положенного головой на юго-восток. На груди стояла краснолаковая миска с железным ножом внутри, около миски – глиняное пряслице, около левой руки – железный предмет (рассыпался). Вторая камера – **погребение 48(2)** (1,6 x 0,6 x 1,2 м) – сделана в северо-восточной стенке входной ямы. Кости не сохранились, только в юго-восточной части могилы были прослежены следы тлена от черепа. У каменного заклада найдена бронзовая фибула, в середине ямы – бронзовые браслет и фрагментированная серьга, а также бусы. Вероятно, погребение было женским. Конец I – начало II в. н.э.

Погребение 49 (табл. 33, 14–23). Входная яма (1,45 x 0,35 x 0,9 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стенке подбойную камеру (1,45 x 0,6 x 1,1 м). Входная яма была засыпана галькой, в ее засыпи встречены обломки светлоглиняных амфор. Кости погребенного не сохранились. На дне подбойной камеры у северо-восточной стены найдена краснолаковая чаша, в середине могилы – еще одна краснолаковая чаша, бронзовая лучковая фибула и бусы. Последняя четверть I в. н.э.

Погребение 50 (табл. 34, 1–10). Входная яма (1,8 x 0,35 x 0,9 м), ориентированная с востока на запад, имела в южной стенке подбойную камеру (1,9 x 0,6 x 1,2 м), отделенную вертикально поставленными плитами. На дне – скелет, лежавший вытянуто на спине, голо-

Погребения

51

52

53

55

вой на восток, лицо повернуто к северу, кости ног перекрещены в берцовых костях и в голени (очевидно, ноги стояли с согнутыми коленями и впоследствии кости рассыпались). У черепа были найдены бусы, в ногах также найдены бусы, бисер и скарабей из египетского фаянса. У западной стены стоял краснолаковый кувшин и краснолаковая чаша с высоким бортиком и налепными ручками. Последняя четверть I в. н.э.

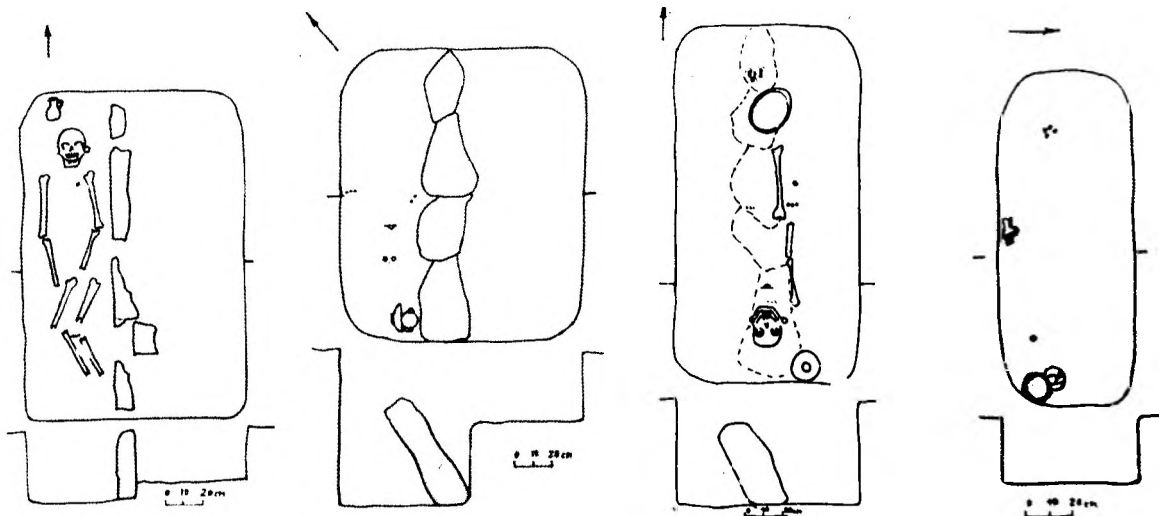
Погребение 51 (табл. 34, 11–16). Входная яма (1,5 x 0,25 x 1,0 м) ориентирована с северо-востока на юго-запад. В ее юго-восточной стенке сделана подбойная камера (1,5 x 0,5 x 1,0 м), отделенная вертикально стоявшими каменными плитами. Кости погребенного не сохранились. У северо-восточной стенки камеры стоял краснолаковый кувшин, у юго-западной – краснолаковая чаша, железный нож и бусы. Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Погребение 52 (табл. 34, 17–22). Входная яма (1,7 x 0,8 x 1,0 м) ориентирована с севера на юг. В ее западной стенке была сделана подбойная камера (1,7 x 0,7 x 1,15 м), на дне которой в южной части стояли краснолаковые кувшин и миска; рядом с миской лежали кость животного и бусы. В центре могильной камеры найдены бронзовые височное кольцо, фибула, перстень; в северной части – обломки неопределимых бронзовых предметов. Кости погребенного не сохранились. Конец I – начало II в. н.э.

Погребение 53 (табл. 35, 1–17). Входная яма (1,1 x 0,5 x 1,2 м) отделена от подбойной камеры (1,1 x 0,6 x 1,4 м), ориентированной с северо-востока на юго-запад, рядом вертикально стоявших камней (в средней части камеры заклад разрушен). Кости погребенного не сохранились. На дне подбойной камеры, в юго-западной части, найдены краснолаковая тарелка, железный нож, краснолаковый кубок, перевернутый вверх дном. В центре ямы были обнаружены три бронзовых колокольчика, лучковая фибула, неопределенный предмет в обломках, а также бусы и бисер. Конец I – первая половина II в. н.э.

Погребение 54 (табл. 35, 18–21). Входная яма (2,4 x 0,45 x 1,05 м) в юго-восточной стене имела подбойную камеру (2,1 x 0,7 x 0,8 м), отделенную рядом наклонно стоявших камней. На дне камеры скелет погребенного зафиксирован в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. У правой руки, на уровне локтя, стояла краснолаковая тарелка, в которой лежали железный нож и кость животного; рядом находился краснолаковый кувшин и кружка. У черепа найдены две большие гагатовые бусины, у пояса – железная пряжка (не сохранилась). Конец I – начало II в. н.э.

Погребение 55 (табл. 36, 1–11). Входная яма (1,4 x 0,4 x 1,2 м), ориентированная с севера на юг, в западной стенке имела подбойную камеру (1,4 x 0,5 x 1,2 м), каменный заклад нарушен. Кости не сохранились. На дне подбойной камеры возле камней от заклада зафиксировано скопление предметов: бронзовые разнотипные колокольчики, браслет с окончаниями в виде змеиных голов, бусы, подвески из египетского фаянса в виде задрапированной муж-

Погребения

56

57

58

60

ской фигуры и в виде гениталий. Конец I – начало II в. н.э.

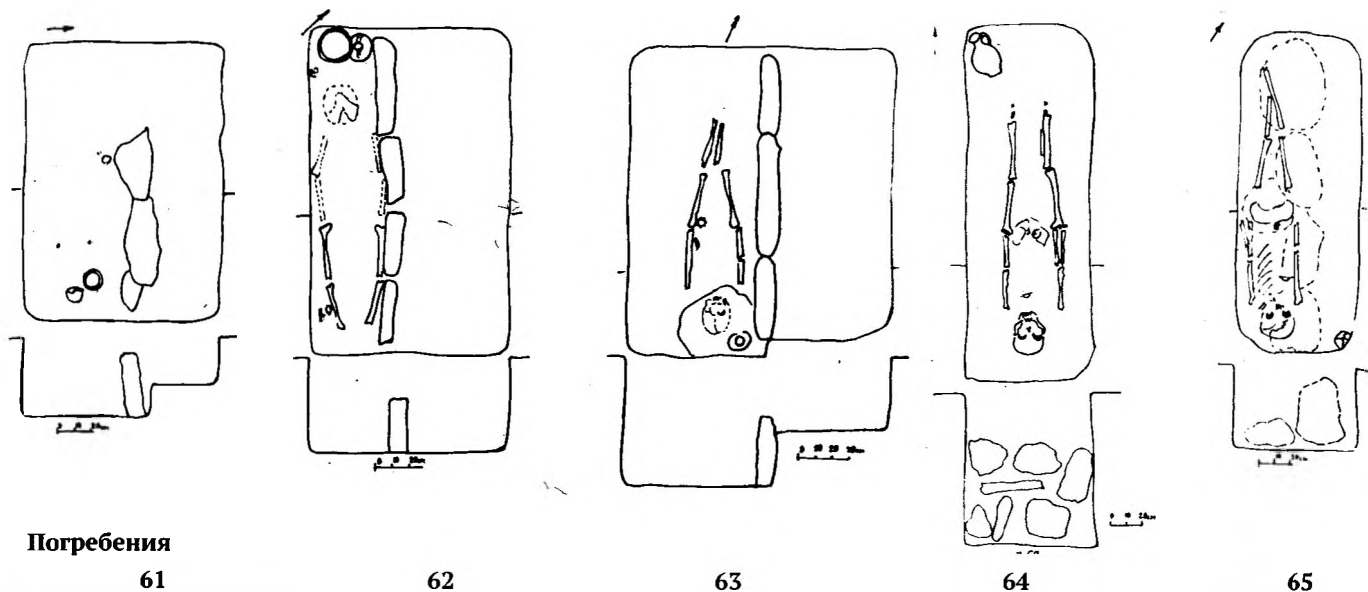
Погребение 56 (табл. 36, 12–17). Входная яма (1,8 x 0,6 x 1,1 м), ориентированная с севера на юг, имела в западной стенке подбойную камеру, закрытую вертикально стоявшими плитами (1,8 x 0,6 x 1,2 м). На дне подбойной камеры лежал вытянуто на спине скелет погребенного (женщины?), головой на север; ноги согнуты в коленях. В головах – краснолаковый кувшин, прикрытый галькой, под черепом – бронзовое височное кольцо (рассыпалось), на груди – бронзовая лучковая подвязная фибула, в ногах – бусы и глиняное пряслице. Первая половина II в. н.э.

Погребение 57 (табл. 36, 18–26). Входная яма (1,6 x 0,6 x 1,2 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, в северо-западной стене имела подбойную камеру (1,6 x 0,7 x 1,65 м), заложенную камнями, стоявшими наклонно. Кости не сохранились. На дне камеры, в юго-западной части размещались краснолаковый кубок и миска с клеймом-розеттой. В центральной части могилы находились бусы и бронзовая лучковая фибула. Первая половина II в. н.э.

Погребение 58 (табл. 37). Входная яма (1,8 x 0,45 x 1,25 м), ориентированная с севера на юг, имела в западной стороне подбойную камеру (1,8 x 0,8 x 1,75 м), заложенную камнями, лежавшими наклонно. На дне камеры у южной стены стояли два краснолаковых кувшина, лежали сердоликовые бусы, бронзовая ведерковидная подвеска, височное кольцо. В центре могилы найдены две подвески из фрагментов стеклянных сосудов на бронзовой проволоке. У северной стены лежала терракотовая «погремушка» с рельефным изображением Эрота и краснолаковая миска. Конец I – начало II в. н.э.

Погребение 59 (табл. 38, 1–15). Входная яма (2,0 x 0,4 x 1,45 м), ориентированная с севера на юг, имела в западной стене подбойную камеру (2,0 x 0,6 x 1,45 м), закрытую наклонно стоявшими камнями. Они покрывали скелет погребенного (очевидно, женщины), лежавший вытянуто на спине, головой на юг; кости фактически не сохранились. Над головой погребенной стоял краснолаковый кувшин, у черепа лежали два серебряных височных кольца, под черепом – бусы (гагат, стекло, сердолик) и две бронзовые фибулы (в обломках). У запястий обеих рук – бусы (были нашиты по краю рукавов или составляли браслеты), на пальце правой руки был надет бронзовый перстень, у правой ноги положена просверленная галька; в ногах – большая краснолаковая миска и следы деревянной шкатулки, в которой находились глиняное пряслице, бронзовый дисковидный медальон и железный предмет в обломках. Конец I – начало II в. н.э.

Погребение 60 (табл. 38, 16–21). Грунтовая яма (1,5 x 0,6 x 1,1 м) прямоугольной формы, ориентирована с запада на восток. На дне могилы, в восточной части, находились краснолаковые чаша и кувшин, два фрагментированных височных кольца; в центре ямы на остатках костей рук был найден бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок; у западной стенки ямы – бисер и бронзовая фибула. Погребение детское. Конец I – первая половина II в. н.э.

Погребение 61 (табл. 39, 1–7). Входная яма (1,7 x 0,4 x 1,1 м), ориентированная с запада на восток, имела в южной стенке подбойную камеру (1,7 x 0,8 x 1,3 м), отделенную наклонно стоявшими камнями (часть камней отсутствует). Кости погребенного не сохранились. У восточной стены камеры стояли краснолаковые кувшин и миска, в центре находились небольшая краснолаковая чаша, два бронзовых височных кольца и сердоликовые бусы. Конец I – первая половина II в. н.э.

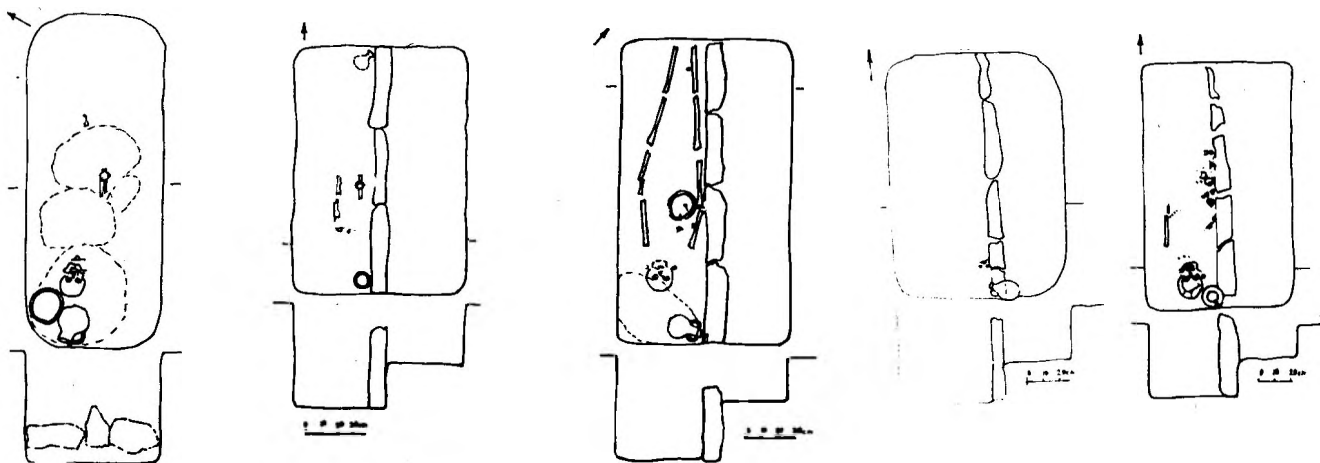
Погребение 62 (табл. 39, 8–13). Входная яма (2,0 x 0,6 x 1,4 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в юго-западной стенке подбойную камеру (1,0 x 0,6 x 1,4 м), закрытую плитами. На дне камеры был найден костяк плохой сохранности, лежавший вытянуто на спине, головой на северо-запад. В головах погребенного находились краснолаковые миска и кувшин, на груди – бронзовая фибула, у костей правой ноги – железный нож и бронзовое кольцо с выступами-шишечками. Около черепа стоял небольшой лепной сосудик со следами красной краски внутри. Конец I – первая половина II в. н.э.

Погребение 63 (табл. 40, 1–7). Входная яма (1,8 x 0,7 x 1,25 м), ориентированная с севера на юг (с небольшим отклонением к востоку), имела в западной стене подбойную камеру (1,9 x 0,9 x 1,62 м), отделенную вертикально стоявшими плитами. На дне камеры лежал скелет (пол неясен) вытянуто на спине, головой на юг (сохранность костей очень плохая, череп был под камнем и практически полностью рассыпался). В головах находились краснолаковый кувшин и лепная кружка, у костей левой руки – бронзовое кольцо с выступами и железный нож, на груди – бронзовая фибула и стеклянная бусина. Первая половина II в. н.э.

Погребение 64 (табл. 40, 8–17). Глубокая грунтовая яма (2,3 x 0,8 x 1,8 м) прямоугольной формы, ориентированная с севера на юг, забита камнями. На дне вытянуто на спине лежал скелет погребенного (вероятно, женщины), головой на юг. В ногах слева стоял краснолаковый кувшин, и лежали фрагменты неопределенных железных изделий; в области груди находились две бронзовых фибулы, на тазовых костях – железная пряжка с бронзовым язычком. На груди были найдены бусы. Первая половина II в. н.э.

Погребение 65 (табл. 41, 1–3). Грунтовая яма (2,1 x 0,8 x 1,35 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, забита камнями. На дне – скелет, лежавший вытянуто на спине, головой на юго-восток, ноги перекрещены в голени. В головах находились краснолаковые кувшин и миска. Вокруг черепа прослежен слой черного тлена и гальки. Под черепом найдены бусы, на груди – фибула, у пальцев правой руки – бусы, на тазовых костях – железная пряжка. Конец I – первая половина II в. н.э.

Погребение 66 (табл. 41, 4–8). Грунтовая яма (2,9 x 0,9 x 1,55 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, забита камнями. На дне ямы прослежены остатки скелета (сохранился только череп), ориентированного головой на юго-запад. В головах погребенного

Погребения

66

67

68

69

70

(пол неясен) стояли краснолаковые кувшин и миска, под черепом лежала фибула, на костях правой руки – железный браслет, оплетенный бронзовой проволокой, в ногах найден железный нож. Конец I – первая половина II в. н.э.

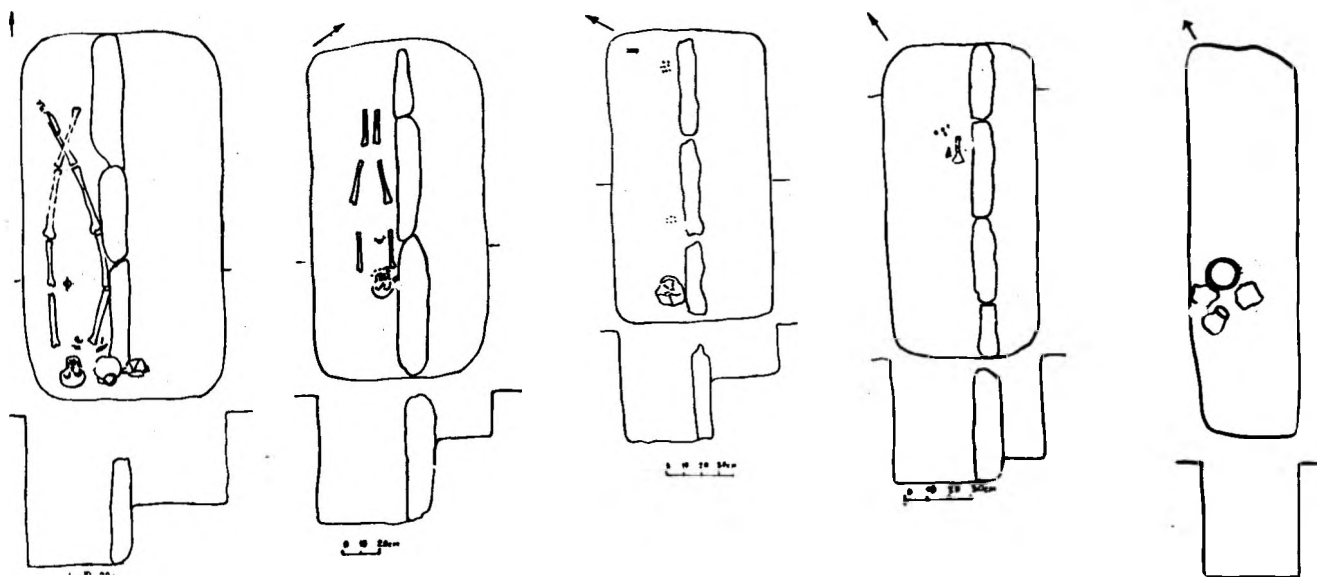
Погребение 67 (табл. 41, 9–12). Входная яма (1,6 x 0,5 x 1,2 м), ориентированная с севера на юг, имела в западной стене подбойную камеру (1,6 x 0,6 x 1,5 м), заложенную вертикально стоявшими плитами. На дне камеры сохранились отдельные кости, вероятно, от детского скелета, ориентированного головой на юг. У северной стенки стояла красноглиняная ойнохоя, у южной – краснолаковая чаша. На правой руке погребенного (в центральной части могилы) находился бронзовый браслет, на груди – фибула, над тленом от черепа – височное кольцо. Конец I – первая четверть II в. н.э.

Погребение 68 (табл. 42, 1–13). Входная яма (2,0 x 0,4 x 1,1 м) ориентированная с северо-запада на юго-восток, в юго-западной стенке имела подбойную камеру (2,0 x 0,65 x 1,5 м), заложенную вертикально стоявшими плитами. На дне камеры лежал вытянуто на спине скелет погребенной женщины, головой на юго-восток. У головы стояла краснолаковая амфора, на груди лежала бронзовая фибула, под черепом – височное кольцо, на костях таза – краснолаковая миска, в ней – железный нож, вокруг кистей рук – бусы, в ногах лежали россыпью мелкие бусы, а также глиняное пряслице. Бусами, вероятно, были расшиты рукава и подол платья. Первая половина II в. н.э.

Погребение 69 (табл. 42, 14–17). Входная яма (1,6 x 0,4 x 1,15 м), ориентированная с севера на юг, имела в западной стене подбойную камеру (1,6 x 0,7 x 1,4 м), закрытую вертикально поставленными плитами. У южной стены могильной ямы найдены краснолаковый кувшин, два бронзовых височных кольца, обломки фибулы и железного предмета неизвестного назначения (рассыпался). Конец I – начало II в. н.э.

Погребение 70 (табл. 43). Входная яма (1,6 x 0,4 x 1,0 м), ориентированная с севера на юг, имела в западной стенке подбойную камеру (1,6 x 0,55 x 1,3 м). На дне могилы лежал скелет очень плохой сохранности, головой на юг (сохранились лишь незначительные фрагменты черепа и части костей рук). В головах погребенного справа стоял краснолаковый кувшин. Около костей правой руки лежали бронзовая фибула, браслет с окончаниями в виде змеиных головок и набор амулетов (возможно, первоначально лежали в мешочке): кольцо с выступами, раковина каури, фрагмент стеклянного сосуда, бронзовый колокольчик, бусы, просверленная галька, бронзовые колокольчики. Конец I – первая половина II в. н.э.

Погребение 71 (табл. 44, 1–8). Входная яма (2,15 x 0,55 x 1,35 м), ориентированная с севера на юг, в западной стене имела подбойную камеру (2,15 x 0,65 x 1,7 м), заложенную вертикально стоявшими камнями. На дне лежал скелет погребенного, ориентированный головой на юг, вытянуто на спине, ноги перекрещены в голени. В головах справа – краснола-

Погребения

71

72

73

76

77

ковые кувшин и кубок; на груди – две бронзовые фибулы, железный нож, крупная гагатовая бусина, у костей таза – бронзовая пряжка. Начало II в. н.э.

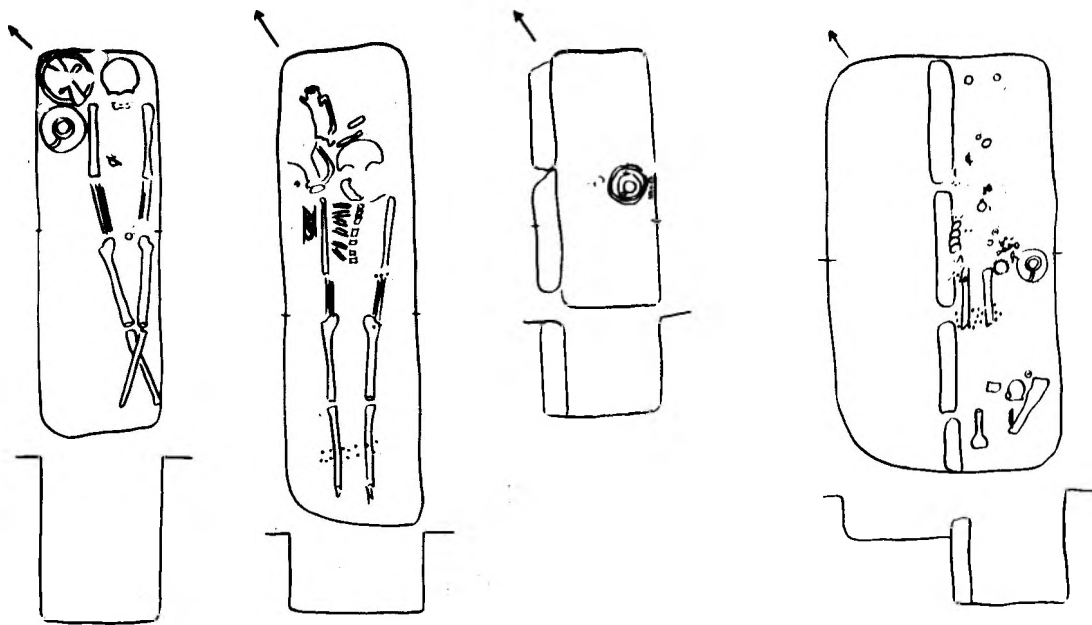
Погребение 72 (табл. 44, 9). Входная яма (2,0 x 0,4 x 1,05 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в юго-западной стенке подбойную камеру (2,0 x 0,6 x 1,55 м), отделенную вертикально поставленными каменными плитами. На дне ямы – скелет погребенного (пол неясен), лежавший вытянуто на спине, головой на юго-восток. Под черепом найдено височное кольцо (рассыпалось) и бусины, на груди – фибула (рассыпалась). Планиграфически – II в. н.э.

Погребение 73 (табл. 44, 10–18). Входная яма (1,7 x 0,4 x 1,1 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в северо-западной стенке подбойную камеру (1,7 x 0,5 x 1,45 м), отделенную вертикально стоявшими камнями. На дне камеры – остатки скелета (вероятно, женского), ориентированного головой на юго-запад. Под черепом и в ногах найдены бусы и бисер, в ногах – железная пластина обкладки шкатулки. II в. н.э.

Погребение 74 (табл. 45, 1–11). Входная яма (2,0 x 0,5 x 1,15 м), ориентированная с севера на юг, имела подбойную камеру (2,0 x 0,7 x 1,5 м), отделенную от входа вертикально поставленными каменными плитами. На дне камеры был найден тлен от скелета женщины, лежавшей головой на север. У северной стенки, в головах погребенной, найдены обломки железной обкладки шкатулки и ключ, кость животного, красноглиняная ойнохоя, стеклянный кубикос; в центре могилы лежали бусы, бисер и серебряное кольцо. Первая половина II в. н.э.

Погребение 75 (табл. 45, 22–30; 46). Входная яма, размеры которой не прослежены из-за ее разрушения, ориентированная с севера на юг, имела в западной стенке подбойную камеру (2,0 x 0,6 x 1,8 м), отделенную вертикально поставленными плитами. На дне камеры найден скелет погребенной женщины, лежавшей головой на юг (кости практически не сохранились). В головах стоял кувшин, под черепом – бусы, в области груди – краснолаковая кружка и тарелка с клеймом-розеттой, в которой лежал железный нож; около нее найдена бронзовая фибула. На левой руке погребенной был бронзовый браслет, рядом – глиняное пряслице, бусы, около которых лежали амулеты (возможно, в мешочке): круглый камень-галька, фрагмент стеклянного сосуда, бронзовая ручка от зеркала с краевой перфорацией, колокольчик, бронзовый херсонесский тетрассарий 96 г. н.э. с пробитым отверстием. Под тарелкой лежала железная пряжка с бронзовым язычком, около тарелки – бронзовые фибула, зеркало-подвеска и перстень. У костей правой руки – бусы, перстень со стеклянной вставкой, кабаньих клыков-подвеска. В ногах найдены краснолаковая чаша ESB с клеймом-розеттой, глиняное пряслице, кусочки розовой краски и железные части шкатулки. Первая четверть II в. н.э.

Погребение 76 (табл. 45, 12–21). Входная яма (1,5 x 0,3 x 1,3 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела подбойную камеру (1,5 x 0,4 x 1,3 м), заложенную неболь-

Погребения

78

79

80

82

шими вертикально поставленными камнями. На дне камеры следов костей не обнаружено. В северной части найден стеклянный бальзамарий и бусы, а также железный предмет – вероятно, фрагментированный перстень. Первая половина II в. н.э.

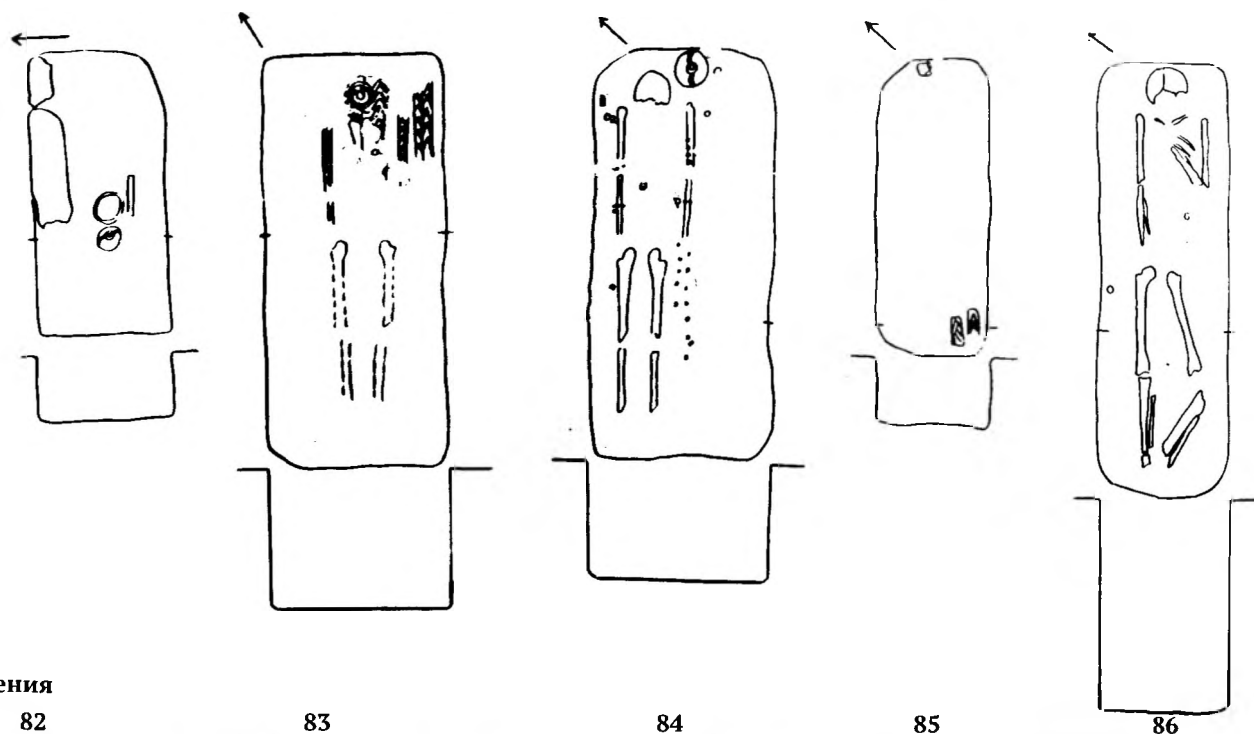
Погребение 77 (табл. 47, 1–5). Грунтовая яма прямоугольной формы (1,55 x 0,45 x 1,25 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. В засыпи могильной ямы найдена в обломках узкогорлая светлоглиняная амфора (части ее стенок были также обнаружены на дне могильной ямы). Костей погребенного не прослежено. В центральной части могилы стояла краснолаковая тарелка, в которой лежали обломок железного ножа и краснолаковая кружка. Первая половина – середина II в. н.э.

Погребение 78 (табл. 48, 1–7). Грунтовая яма прямоугольной формы (1,5 x 0,5 x 1,45 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. На дне ямы лежал скелет погребенного (пол неясен), головой на северо-восток, вытянуто на спине, ноги скрещены в голени, руки вытянуты вдоль туловища. Справа от черепа погребенного стояла краснолаковая тарелка, в которой лежали кость животного и железный нож, рядом – краснолаковый кувшин. На костях груди лежала бронзовая лучковая фибула, у берцовой кости – халцедоновая бусина. В засыпке могилы встречены мелкие обломки сосудов. Середина II в. н.э.

Погребение 79 (табл. 47, 6–9). Грунтовая яма прямоугольной формы (1,9 x 0,55 x 1,1 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. В засыпи могильной ямы найдены горла двух амфор. Скелет погребенного (вероятно, женщины) лежал на дне ямы вытянуто на спине, головой на северо-восток, лицо повернуто на восток, ноги вытянуты. У голени правой ноги лежала бронзовая игла, на левой руке был надет бронзовый перстень (рассыпался). В ногах погребенной – скопление голубого бисера, которым, видимо, был расшит подол платья, и кружка. Над костяком были прослежены следы дерева. Возможно, около черепа стояла деревянная шкатулка (без металлических деталей) или пиксида – сохранились остатки дерева и куски розовой краски (румян). Первая половина – середина II в. н.э.

Погребение 80 (табл. 48, 8–16). Грунтовая яма (1,0 x 0,4 x 1,2 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. У западной стены ямы стояли две вертикальные каменные плиты. Кости погребенного, вероятно, ребенка, не сохранились. В центральной части погребения найдена краснолаковая тарелка, в которой стояла кружка; рядом лежали два бронзовых браслета. Под миской находились бусы и бронзовый колокольчик. Первая половина II в. н.э.

Погребение 81 (табл. 49–50). Входная яма (1,8 x 0,45 x 1,0 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стене подбойную камеру (1,8 x 0,55 x 1,3 м), закрытую вертикально стоявшими камнями. На дне камеры сохранились только остатки костей голени погребенной женщины, лежавшей головой на северо-восток. На несохранившемся

Погребения

82

83

84

85

86

ся черепа – два бронзовых височных кольца, одно из которых рассыпалось. В месте предполагаемого нахождения левой руки стоял краснолаковый кувшин, рядом с которым были найдены бронзовое кольцо с выступами, три колокольчика, прикрепленные к бронзовому изображению головы быка, заклепка от щита во вторичном использовании, раковина, неопределенный железный предмет, бронзовое кольцо и бляшка (возможно, они лежали вместе в мешочке для амулетов). В месте предполагаемого нахождения правой руки лежали четыре бронзовых браслета, глиняное пряслице, престни – два бронзовых и один серебряный; у костей ног и на груди погребенной лежали бусы, зеркало-подвеска (орнаментом вверх), три бронзовых колокольчика, игла, смычковая фибула с медальоном с изображением, круглая бронзовая бляшка. В ногах найдены краснолаковая кружка, кость животного, железный нож, железные части обкладки деревянной шкатулки, внутри которой находились розовая краска (румяна), стеклянный бальзамарий, а также второе глиняное пряслице. Около середины II в. н.э.

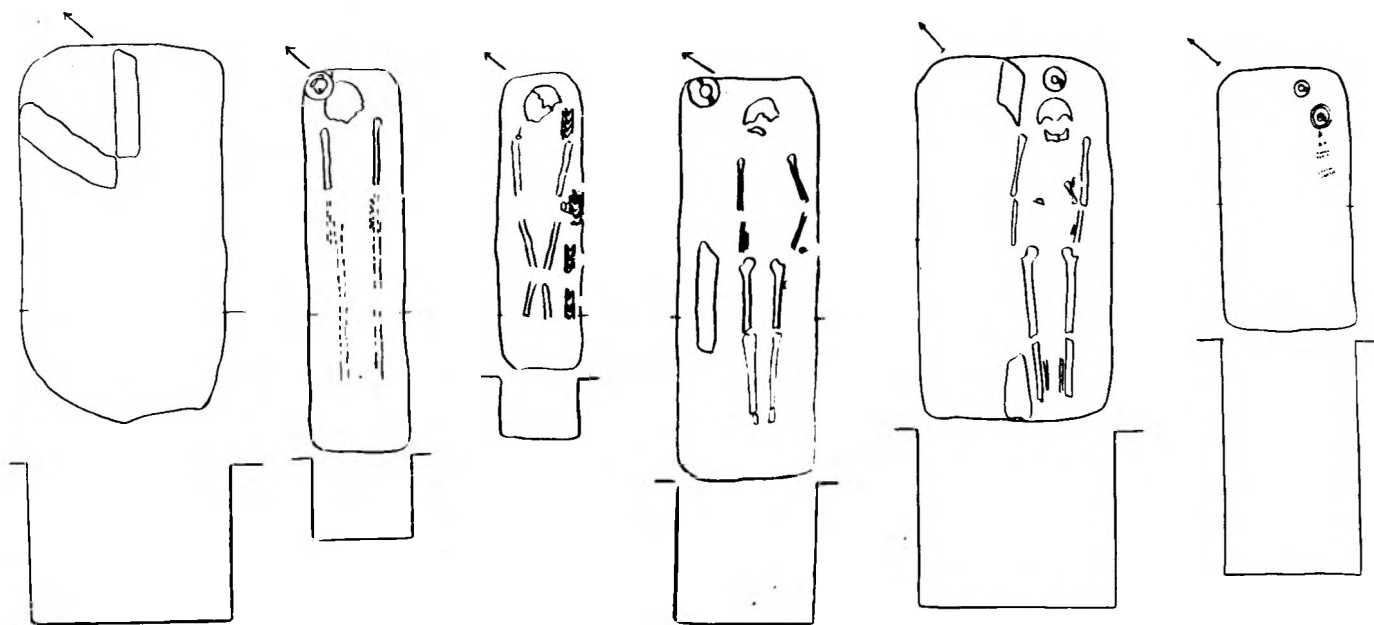
Погребение 82 (табл. 51, 1–3). Грунтовая яма (1,2 x 0,7 x 1,1 м) прямоугольной формы, ориентированная с запада на восток. У северной стены – два вертикально стоявших камня. На дне ямы сохранилась только одна трубчатая кость (могила, очевидно, детская), а также краснолаковые тарелка ESB и амфора. Конец I – первая четверть II в. н.э.

Погребение 83 (табл. 51, 4–8). Грунтовая яма (1,8 x 0,8 x 1,4 м) прямоугольной формы, ориентированная по линии северо-восток – юго-запад. На расстоянии 0,3 м от дна могильной ямы были прослежены следы деревянных плах (наибольшее скопление дерева зафиксировано у северо-восточной стенки могилы). У северо-восточной стены ямы стояла краснолаковая тарелка, в ней – краснолаковая кружка, кость животного и железный нож. На дне могильной ямы сохранился только тлен от скелета, лежавшего головой на северо-восток. В области груди погребенного – бронзовая лучковая фибула и кусочки мела. Вероятно, деревянные остатки – это следы деревянной колоды, на которую был поставлен погребальный инвентарь. Первая половина II в. н.э.

Погребение 84 (табл. 51, 9–15). Грунтовая яма (1,8 x 0,8 x 1,3 м) прямоугольной формы, ориентированная с северо-востока на юго-запад. На дне ямы прослежены остатки женского скелета, лежавшего вытянуто на спине, головой на северо-восток. В головах погребенной стояли краснолаковая амфора и кружка, лежали кусочки мела и обломки железного ножа; над всем погребением, особенно над костями левой руки и ноги прослежены угли. Около рук найдены гагатовые бусы, глиняное пряслице и бронзовая лучковая фибула, а также бронзовый перстень. Конец I – первая половина II в. н.э.

Погребение 85 (табл. 52, 1–2). Небольшая прямоугольная яма (1,3 x 0,5 x 1,1 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. На дне ямы, в северо-западном углу, стояла

Погребения

87

88

89

90

91

92

красноглиняная кружка, в юго-восточном углу прослежены куски дерева. Кости погребенного не сохранились, вероятно, погребение детское. Первая половина II в. н.э.

Погребение 86 (табл. 52, 3). Грунтовая яма прямоугольной формы (1,9 x 0,6 x 1,7 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. На дне ямы лежал скелет погребенного – на левом боку, головой на северо-восток, левая рука согнута в локте, левая нога также согнута. В области груди и ног найдены куски мела; инвентарь отсутствует.

Погребение 87 (табл. 52, 4). Разрушенная подбойная могила, ориентированная с северо-востока на юго-запад. Камни заклада откинuty. Размеры всей ямы – 1,7 x 1,0 x 1,5 м. В могиле встречены остатки костей и мелкие обломки сосудов. Могила была ограблена.

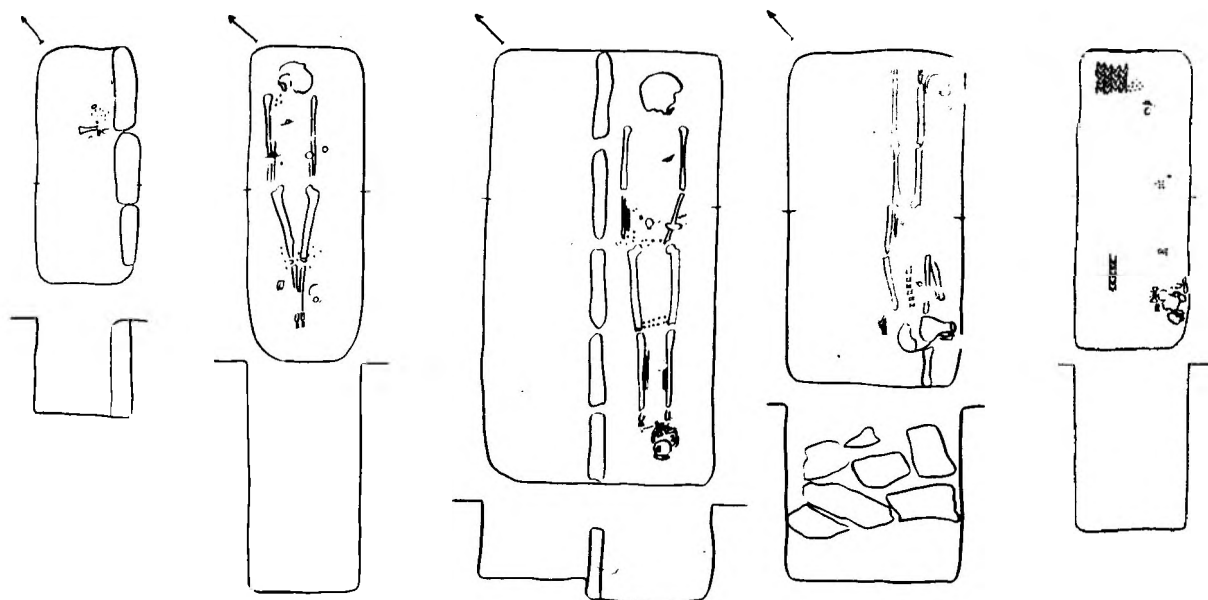
Погребение 88 (табл. 52, 5–10). Грунтовая яма (1,9 x 0,5 x 1,2 м) прямоугольной формы, ориентированная с северо-востока на юго-запад. На дне могильной ямы лежал вытянуто на спине скелет погребенного, головой на северо-восток. У черепа стояла краснолаковая тарелка ESB, в ней – фрагментированная кружка (без дна); в ногах лежало несколько стеклянных бусин. Конец I – первая половина II в. н.э.

Погребение 89 (табл. 52, 11–14). Грунтовая яма (1,45 x 0,4 x 1,1 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. Достаточно толстый слой древесного тлена (от гроба?) прослежен по всей площади могильной ямы. Скелет погребенного лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. У правой руки найден железный стержень; у левой руки стоял фрагментированный краснолаковый кувшин без горла, рядом с которым лежали железные нож и фибула. Первая половина II в. н.э.

Погребение 90 (табл. 52, 15–17). Грунтовая яма (2,0 x 0,7 x 1,5 м) прямоугольной формы, ориентированная с северо-востока на юго-запад. На дне под толстым слоем истлевшего дерева (возможно, следы гроба) лежал вытянуто на спине скелет погребенного, головой на северо-восток, лицо повернуто к востоку. В головах справа стоял краснолаковый кувшин, у левой руки лежали железная пряжка и куски мела. Первая половина II в. н.э.

Погребение 91 (табл. 53, 1–4). Грунтовая яма (1,7 x 1,0 x 1,7 м) прямоугольной формы, ориентированная с северо-востока на юго-запад. У юго-восточной стены стояли вертикально два камня, вероятно, от заклада подбойной могилы. На дне ямы на спине лежал скелет погребенного (пол неясен), вытянуто, головой на северо-восток. В головах стоял краснолаковый кувшин; у костей левой руки лежали железный нож и кость животного, на груди – бронзовая лучковая фибула. Над всеми костями прослежены следы истлевшего дерева. Первая половина II в. н.э.

Погребение 92 (табл. 53, 5–27). Грунтовая яма (1,35 x 0,7 x 2,0 м) прямоугольной формы, ориентированная с северо-востока на юго-запад. Кости погребенного (ребенка?) не со-

Погребения

93

95

96

97

98

хранились. На дне ямы обнаружены краснолаковые кувшин и тарелка, в которой лежала краснолаковая кружка; около сосудов найдены бронзовая смычковая фибула, четыре бронзовых перстня со стеклянными вставками и большое количество бус. Первая половина (скорее, первая четверть) II в. н.э.

Погребение 93 (табл. 54, 1–12). Грунтовая яма (1,2 x 0,55 x 1,3 м) прямоугольной формы, ориентированная с северо-востока на юго-запад. С юго-восточной стороны ямы сделана стенка из вертикально стоявших камней. Кости отсутствовали. На дне ямы найдены золотая проволочная серьга, обломок железного предмета, два бронзовых колокольчика, стеклянный бальзамарий и обломок бронзового зеркала-подвески, а также бусы. Вторая–третья четверти II в. н.э.

Погребение 94 (табл. 54, 13–15). Грунтовая яма (1,7 x 0,9 x 1,7 м) прямоугольной формы, ориентированная с северо-востока на юго-запад. Ни костей, ни инвентаря за исключением обломка железного ножа, фрагментов стеклянной чаши и бронзового предмета (зеркала?) не найдено. Вероятно, могила была ограблена. II в. н.э.

Погребение 95 (табл. 54, 16–28). Грунтовая яма (1,6 x 0,6 x 2,0 м) прямоугольной формы, ориентированная с северо-востока на юго-запад. На дне ямы лежал вытянуто на спине скелет погребенной женщины, головой на северо-восток, лицо повернуто к северу. Около головы и в ногах – бусы (при этом бусы располагались на уровне колен погребенной, возможно, фиксируя длину платья). У костей левой руки – крупная халцедоновая бусина и бронзовое зеркало-подвеска, у костей правой руки – две бронзовые фибулы (лучковая подвязная и смычковая). В ногах лежали железный браслет (в обломках), железные части от шкатулки, в которой находились бронзовая игла и камень, возможно, использовавшийся в качестве точильного. Середина – третья четверть II в. н.э.

Погребение 96 (табл. 55). Входная яма (2,2 x 0,55 x 1,2 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в северо-восточной стене подбойную камеру (2,2 x 0,65 x 1,3 м), закрытую вертикально поставленными плитами. На дне камеры вытянуто на спине лежал скелет погребенной женщины, головой на северо-восток. На груди умершей лежала бронзовая лучковая фибула, у пояса – зеркало-подвеска, на палец были надеты бронзовые перстни, на левой руке – бронзовый браслет со змеиными головками, в ногах – деревянная поделка и краснолаковая тарелка, в которой стояла кружка. Под тарелкой лежали стеклянный бальзамарий, железный предмет, бронзовая игла, бусина и кусочки румян. Бусы были найдены в районе пояса и колен погребенной, вероятно ими было расшито платье. Первая половина II в. н.э.

Погребение 97 (табл. 56, 1–8). Грунтовая яма (1,7 x 0,9 x 1,7 м) прямоугольной формы, ориентированная с северо-востока на юго-запад, засыпанная крупными камнями. На дне

вытянуто на спине лежал скелет погребенного, головой на юго-запад, правая рука была согнута в локте и подогнута к черепу. В головах находились краснолаковый кувшин и кость животного; на груди – бронзовая фибула, у левой руки – железный предмет, в ногах – краснолаковая тарелка *ESB*, кружка и железный нож. Над костяком в области черепа прослежены следы истлевшего дерева. Первая четверть II в. н.э.

Погребение 98 (табл. 57, 1–15). Грунтовая яма (1,9 x 0,7 x 1,85 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. На дне могилы – слой древесного

тлена, плахи идут по всей площади ямы. Костей погребенного не обнаружено (вероятно, могила женская). У юго-восточной стены ямы стояли краснолаковый кувшин, кружка, миска *ESB* и стеклянный бальзамарий, лежали железные пластины от замка шкатулки и бисер; в центре – бусы; у северо-восточной стенки находились лучковая подвязная фибула, зеркало-подвеска и бусы. Конец I – первая половина II в. н.э.

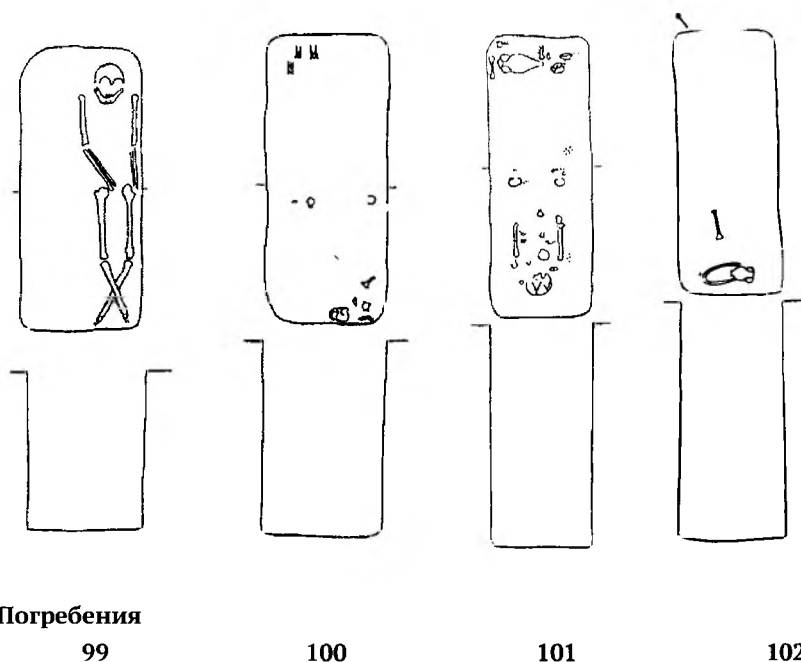
Погребение 99 (табл. 57, 16). Грунтовая яма (1,8 x 0,75 x 1,8 м) прямоугольной формы, ориентированная с северо-востока на юго-запад. На дне ямы найден скелет, лежавший вытянуто на спине, головой на северо-восток, правая рука согнута, кисть лежала на костях таза, ноги перекрещены в голени. Инвентаря при погребенном не обнаружено, лишь в засыпи могильной ямы были встречены мелкие обломки керамики.

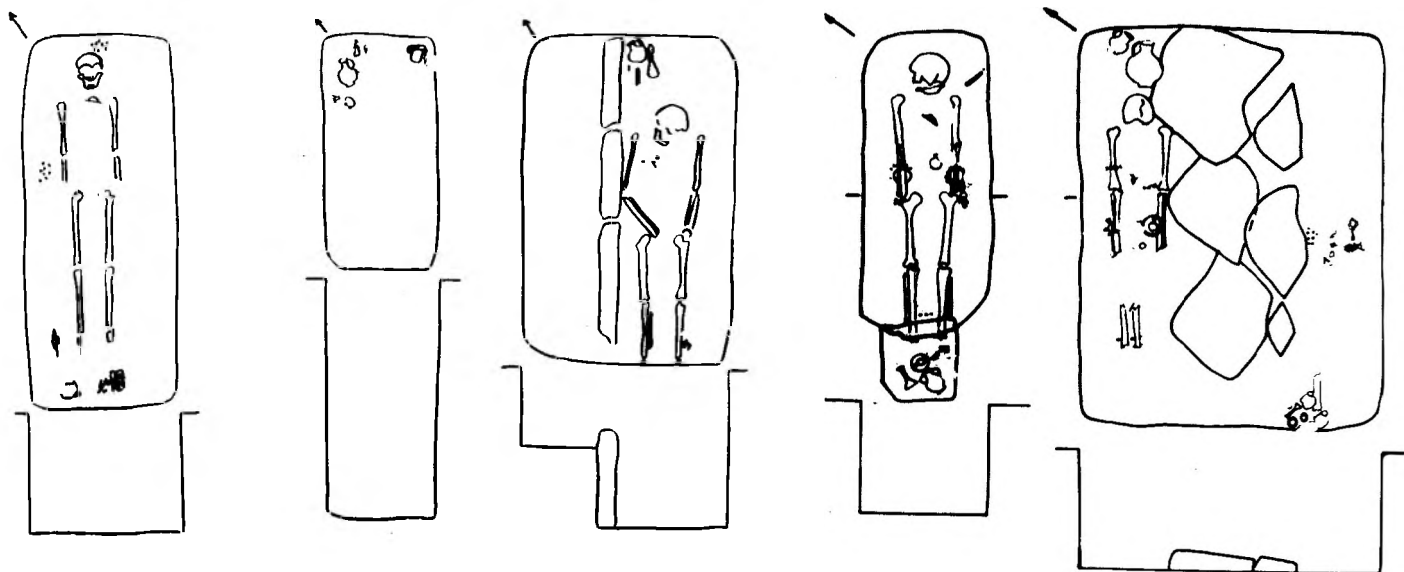
Погребение 100 (табл. 56, 9–20). Грунтовая яма (1,7 x 0,7 x 1,95 м), прямоугольной формы, ориентированная с северо-востока на юго-запад. От скелета погребенной женщины сохранились только фрагменты черепа у северо-восточной стенки могилы. В северной части могилы – следы истлевшего дерева; в южном углу ямы – скопление предметов инвентаря: краснолаковая кружка, стеклянные чаша и бальзамарий, раковина с кусочками краски в ней, железные и бронзовые пластины от замка шкатулки, железные ключ и нож; в центре могилы лежали бронзовые зеркало-подвеска и браслет со змеиными головками, а также глиняное пряслице. Первая половина II в. н.э.

Погребение 101 (табл. 58–59). Грунтовая яма (2,0 x 0,7 x 2,4 м) прямоугольной формы, ориентированная с северо-востока на юго-запад. От костей сохранился только тлен; погребенная женщина лежала головой на юго-запад. В ногах находились узкогорлая светлоглиняная амфора, кость животного, бронзовые и железные пластины от шкатулки, стеклянный бальзамарий, железный нож, краснолаковая миска, небольшая красноглиняная кастрюля с крышкой; в центральной части ямы (на поясе?) лежали бусы. На груди и в области рук найдены глиняное пряслице, бусы, бронзовое кольцо, бронзовые перстни с геммами, два серебряных перстня, бронзовые фибулы (лучковая подвязная с фигурной обмоткой и две смычковые, к одной из которых относилась бронзовая круглая бляха с изображением), два зеркала-подвески, серебряный браслет, два разнотипных височных кольца (серебряное и бронзовое), продетых одно в другое. Начало III в. н.э.

Погребение 102 (табл. 60, 1–4). Грунтовая яма (1,5 x 0,6 x 2,1 м) прямоугольной формы, ориентированная с северо-востока на юго-запад. В северо-восточной части могилы стояли краснолаковая тарелка *ESC* и кружка, а также стеклянный бальзамарий. Кости погребенного не сохранились. Около середины II в. н.э.

Погребение 103 (табл. 60, 5–19). Грунтовая яма (1,9 x 0,8 x 1,4 м) прямоугольной формы, ориентированная с северо-востока на юго-запад. На дне лежал вытянуто на спине скелет

Погребения

103

104

105

106

107–108

погребенного (женщины?), головой на северо-восток, руки и ноги вытянуты. В головах найдены бусы, на груди – лучковая и смычковая фибулы, в ногах – краснолаковая кружка, железные нож, ключ и остроконечный предмет, а также бронзовая игла. Рядом зафиксированы следы дерева (возможно, от шкатулки или пиксиды). Первая половина – середина II в. н.э.

Погребение 104 (табл. 61, 1–9). Грунтовая яма (1,2 x 0,6 x 2,0 м) прямоугольной формы, ориентированная с северо-востока на юго-запад. Кости погребенного не сохранились. В северо-восточной части могилы стояли краснолаковые кувшин и канфар, рядом с которыми были найдены железный нож, бронзовое кольцо с бусинами, кость животного, бронзовые подвеска в виде топорика и колокольчик. Конец II – первая половина III в. н.э.

Погребение 105 (табл. 61, 10–17). Входная яма (1,7 x 0,5 x 1,5 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела с юго-восточной стороны подбойную камеру, отделенную вертикально стоявшими каменными плитами. На дне ямы вытянуто на спине лежал скелет погребенного (женщины?), головой на северо-восток; кисть правой руки находилась на костях таза. В головах стоял кувшин, лежали кость животного и железный нож. На груди погребенной находились две бронзовые фибулы (рассыпались) и стеклянная бусина. На левой руке был надет браслет с окончаниями в виде змеиных головок. В ногах была найдена бронзовая игла и железный стержень. Вторая половина II в. н.э.

Погребение 106 (табл. 62). Грунтовая яма (1,6 x 0,6 x 1,35 м) прямоугольной формы, ориентированная с северо-востока на юго-запад. На дне могильной ямы вытянуто на спине лежал скелет погребенной женщины, головой на северо-восток. На правой руке умершей были надеты бусы (янтарь, гагат, стекло, египетский фаянс) и браслет с заходящими друг за друга и перевитыми концами. Около левой руки лежали фрагментированное бронзовое кольцо, ажурная подвеска с выпуклыми шишечками, колокольчик и подвеска-шишка. На груди лежала бронзовая фибула, на поясе – зеркало-подвеска, в ногах – бусы. В ногах погребенной лежал камень, за которым оказался «тайник». В нем находились краснолаковые амфора и кружка, стеклянный бальзамарий, железные пластины от оклада шкатулки и железный нож. Вторая–третья четверти II в. н.э.

Погребения 107–108. Подбойная могила с двумя камерами. Входная яма (2,0 x 0,5 x 1,4 м) ориентирована с северо-востока на юго-запад. Обе камеры были отделены от входной ямы камнями, лежавшими на дне последней.

Погребение 107 (табл. 63). На дне камеры, сделанной в северо-западной стене входной ямы (2,0 x 0,5 x 1,4 м), лежал вытянуто на спине скелет погребенного (женщины?), головой на северо-восток. В головах стояли краснолаковые кувшин и кружка. На правой руке надеты бусы, бронзовый браслет со змеиными головками на окончаниях, на пальце сохранились об-

ломки перстня; на левой – также браслет со змеиными головками, рядом лежали зеркало-подвеска и глиняное пряслице. На груди – бронзовая лучковая подвязная фибула и бусы; бусы также были найдены и в ногах (были нашиты на подол платья или на обувь). Первая половина II в. н.э.

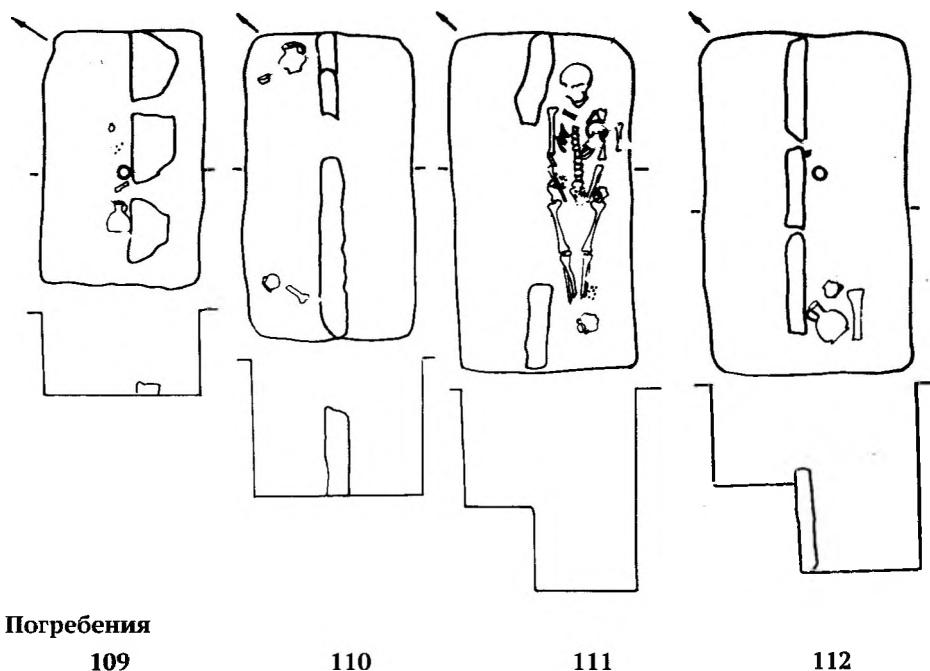
Погребение 108 (табл. 64; 65, 1–2). В юго-восточной стенке той же входной ямы была сделана вторая камера (2,0 x 0,6 x 1,4 м). На дне ямы скелет не сохранился, лишь тлен от костей указывает, что погребенный лежал головой на северо-восток. На правой руке погребенного найдены бусы; около левой руки, на пальцы которой были надеты бронзовые перстни со стеклянными вставками, лежали амулеты (два бронзовых кольца с выступами, пирамидальный колокольчик, две ажурные подвески, бронзовая фигурная подвеска (деталь римской упряжи), бронзовая заклепка, бронзовое кольцо, проволочная оплетка для вставки), а также бронзовая фибула в обломках. В ногах стояла кружка, рядом лежала кость крупного животного (коровы?), стеклянный бальзамарий, краснолаковые блюдце *ESB* и чаша *ESB*. Первая половина II в. н.э.

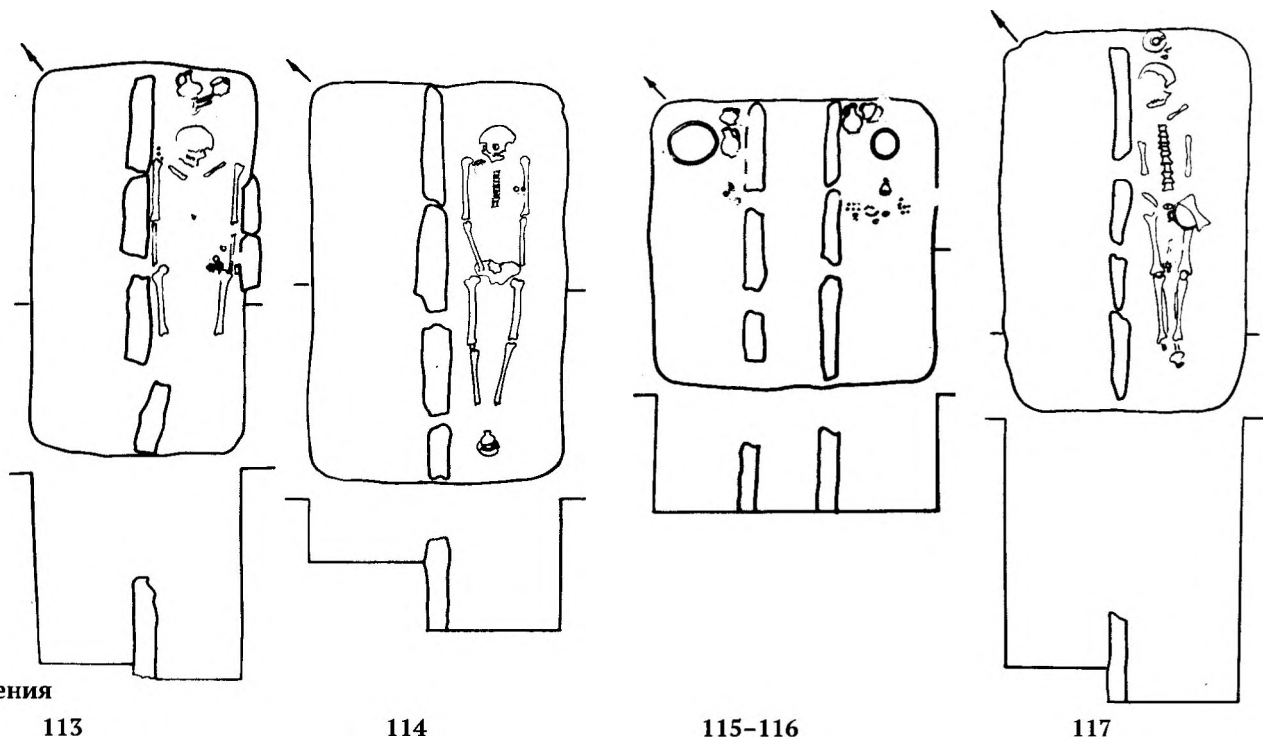
Погребение 109 (табл. 65, 3–20). Входная яма (1,5 x 0,4 x 1,4 м) имела в северо-западной стене подбойную камеру (1,5 x 0,5 x 1,4 м), ориентированную с северо-востока на юго-запад и перекрытую плоскими плитами, упавшими на дно входной ямы. Кости погребенного не сохранились, судя по тлену, умерший был ориентирован головой на северо-восток. На дне камеры, ближе к камням заклада были найдены бронзовое зеркало-подвеска, бусы (янтарь, сердолик, гагат, стекло, два скарабея из египетского фаянса), железный нож, краснолаковые кувшин и кружка. Вторая–третья четверти II в. н.э.

Погребение 110 (табл. 65, 21–23). Входная яма (1,8 x 0,4 x 1,6 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. В ее северо-западной стене сделана подбойная камера (1,8 x 0,4 x 1,6 м), отделенная вертикально стоявшими каменными плитами, частично разрушенными и сдвинутыми. Кости погребенного не сохранились. У северо-восточной стены стоял краснолаковый кувшин, закрытый галькой, и лепная миска с красной краской; у противоположной стены – красноглиняная кружка, рядом с которой лежала кость крупного животного. Могила засыпана перемешанной с гумусом землей, в ней встречены обломки посуды. Учитывая разрушение заклада, можно полагать, что погребение было ограблено. Первая половина – середина II в. н.э.

Погребение 111 (табл. 66, 1–15). Входная яма (2,0 x 0,4 x 1,45 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стенке подбойную камеру (2,0 x 0,6 x 2,0 м), закрытую вертикально стоявшими плитами (в середине они были откинута). На дне камеры вытянуто на спине лежал скелет погребенного (женщины?), головой на северо-восток, руки положены на кости таза. В ногах стоял краснолаковый кувшин; у левой ноги лежали бусы (гагат, стекло, янтарь), на груди – бронзовая лучковая подвязная фибула, над костями рук – краснолаковая тарелка *ESB*, в которой находились железный нож и кость животного, у левой руки – глиняное пряслице и перстень с геммой. У правой руки погребенной лежали бусы. На дне камеры также были найдены кусочки мела. Первая половина II в. н.э.

Погребение 112 (табл. 66, 16–20). Входная яма (2,0 x 0,6 x 1,4 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стенке подбойную камеру (2,0 x 0,6 x 1,9 м), отделенную вертикально стоявшими каменными плитами. Кости не сохранились, но судя

Погребения

113

114

115-116

117

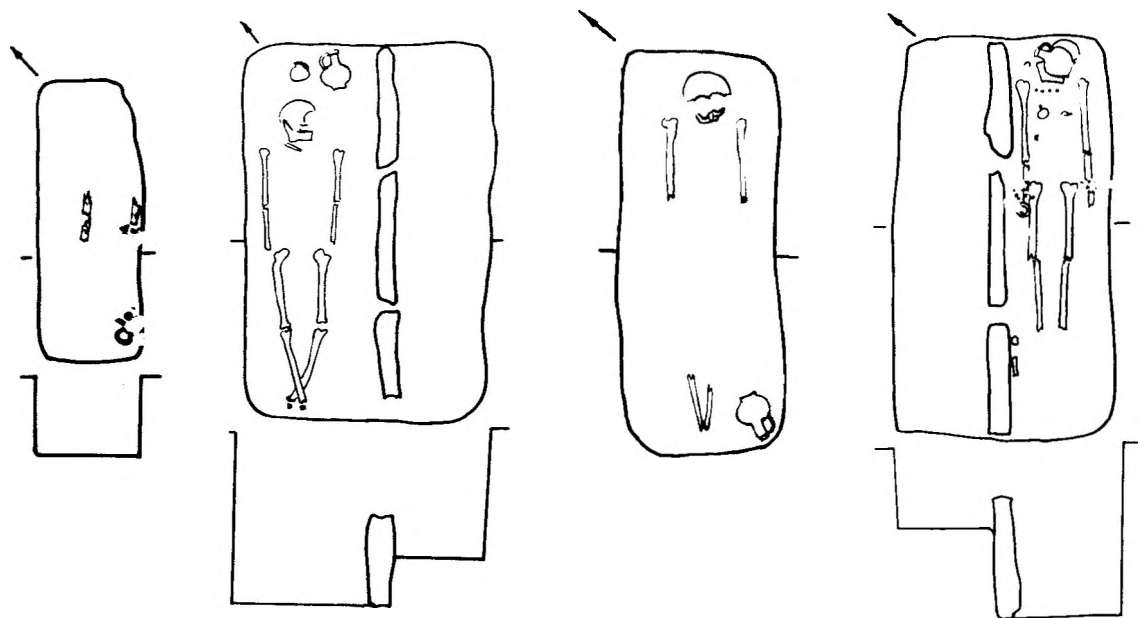
по тлену от них погребенный лежал головой на северо-восток. В ногах стоял краснолаковый кувшин, рядом с которым лежала сверху дном краснолаковая кружка, а рядом с ней – кость крупного животного. Около костей рук были найдены бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок и железная пряжка. Первая половина II в. н.э.

Погребение 113 (табл. 67, 1–7). Входная яма (2,1 x 0,6 x 1,8 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стенке подбойную камеру (2,1 x 0,5 x 1,9 м), отделенную вертикально стоявшими камнями. У противоположной стены камеры также стояли два небольших камня. На дне вытянуто на спине лежал скелет погребенного, головой на северо-восток. В головах находились краснолаковые кувшин и кружка, около них – железный нож и кость животного. На груди лежала бронзовая фибула, у костей левой руки – халцедоновая бусина, два бронзовых кольца с шишечками, железный предмет и кусок мела. В засыпи были найдены фрагменты светлоглиняной амфоры. На дне камеры, под погребенным, прослежены мелкие угольки. Первая половина II в. н.э.

Погребение 114 (табл. 67, 8–12). Входная яма (2,0 x 0,6 x 1,1 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стенке подбойную камеру (2,0 x 0,7 x 1,8 м), закрытую вертикально поставленными плоскими плитами. На дне вытянуто на спине лежал скелет погребенного, головой на северо-восток, лицо повернуто на восток. Правая рука погребенного была положена на таз. В ногах находилась перевернутая сверху дном краснолаковая кружка, под ней – краснолаковый кувшин, горло которого было закрыто галькой, а также железный нож. На груди у левой руки – две крупные гагатовые бусины, на груди у правого плеча – бронзовая фибула. Первая половина II в. н.э.

Погребения 115–116 (табл. 68–69). Входная яма (1,5 x 0,3 x 1,2 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела с двух сторон подбойные камеры, закрытые вертикально стоявшими каменными плитами. Первая камера – **погребение 115** (табл. 68), размерами – 1,5 x 0,5 x 1,4 м – была сделана в юго-восточной стене входной ямы. На дне сохранился только тлен от скелета, ориентированного головой на северо-восток. В головах погребенного находились краснолаковые кувшин и тарелка, в которой лежал кубок; рядом стояла краснолаковая чаша. Около кистей рук были найдены бусы (янтарь, стекло), обломок подвески и египетского фаянса, бронзовый колокольчик, бронзовый браслет с окончаниями в виде стилизованных змеиных головок. Вторая – третья четверти II в. н.э.

Погребение 116 (табл. 69, 1–7). Было сделано в северо-западной стене вышеописанной входной ямы. На дне подбойной могилы (1,5 x 0,6 x 1,4 м) был прослежен тлен от скелета, лежавшего головой на северо-восток. В головах погребенного стояли красноглиняный горшочек, краснолаковые тарелка и кувшин, рядом с которыми лежали две фибулы, же-

Погребения

118

119

120

121

лезная пряжка, бусина и браслет с завязанными концами. Вторая–третья четверти II в. н.э.

Погребение 117 (табл. 70). Входная яма (2,0 x 0,6 x 2,1 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стене подбойную камеру (2,0 x 0,7 x 2,3 м). На дне камеры сохранился только тлен от скелета, лежавшего головой на северо-восток. В головах стоял краснолаковый кувшин, на нем – кружка, закрытая галькой, около кувшина лежала железная лучковая подвижная фибула в обломках. В области тазовых костей – краснолаковая тарелка, внутри которой лежала кость крупного животного; рядом – бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок и железная пряжка. В ногах найдены железный нож, бронзовые колокольчик и небольшое кольцо с шишечками, а также лепной одноручный сосуд. Вторая–третья четверти II в. н.э.

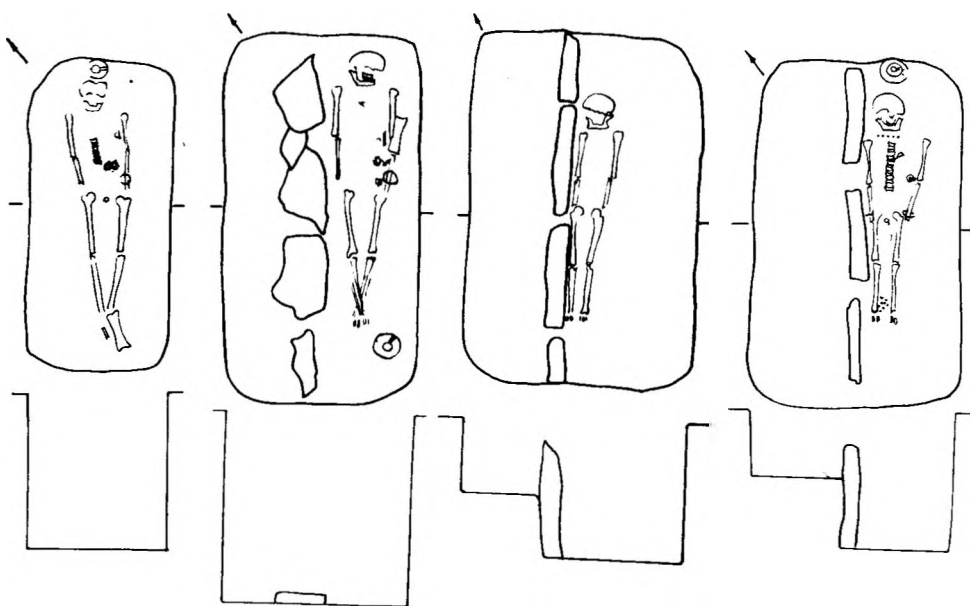
Погребение 118 (табл. 69, 8–12). Грунтовая яма (1,5 x 0,55 x 1,2 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. На дне ямы кости не сохранились, прослежен только тлен от дерева. Из инвентаря найдены: краснолаковая амфора, кружка, железный нож, стеклянная бусина и бронзовая фибула. Вторая–третья четверти II в. н.э.

Погребение 119 (табл. 71, 1–5). Входная яма (2,0 x 0,5 x 1,5 м) имела в северо-западной стене подбойную камеру (2,0 x 0,5 x 1,7 м), закрытую вертикально поставленными каменными плитами. На дне камеры вытянуто на спине лежал скелет погребенного, головой на северо-восток; ноги в голени перекрещены. Под челюстью лежал железный нож, в головах стояли краснолаковые кувшин и кружка (последняя – вверх дном), под черепом – бронзовая лучковая подвижная фибула. Первая половина II в. н.э.

Погребение 120 (табл. 71, 6–7). Грунтовая яма (1,8 x 0,7 x 1,4 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. Яма была забита камнями, под которыми лежал скелет погребенного очень плохой сохранности, вытянуто на спине, головой на северо-восток. В ногах стоял краснолаковый кувшин. В засыпи могилы встречены обломки керамики. Вторая–третья четверти II в. н.э.

Погребение 121 (табл. 72). Входная яма (2,0 x 0,5 x 1,2 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стенке подбойную камеру (2,0 x 0,6 x 1,6 м), заложенную вертикально стоявшими каменными плитами. На дне камеры – скелет плохой сохранности, лежавший вытянуто на спине, головой на северо-восток. На черепе погребенной женщины лежал краснолаковый кувшин, у правой руки – бронзовые перстни, браслет, глиняное пряслице. У рук находились бусы (янтарь, гагат, египетский фаянс), на груди – бронзовая сильно профилированная фибула и бронзовое зеркало-подвеска, под черепом – бронзовое височное кольцо. В ногах погребенной были расчищены железные пластины от шкатулки. Первая половина II в. н.э.

Погребения

122

123

124

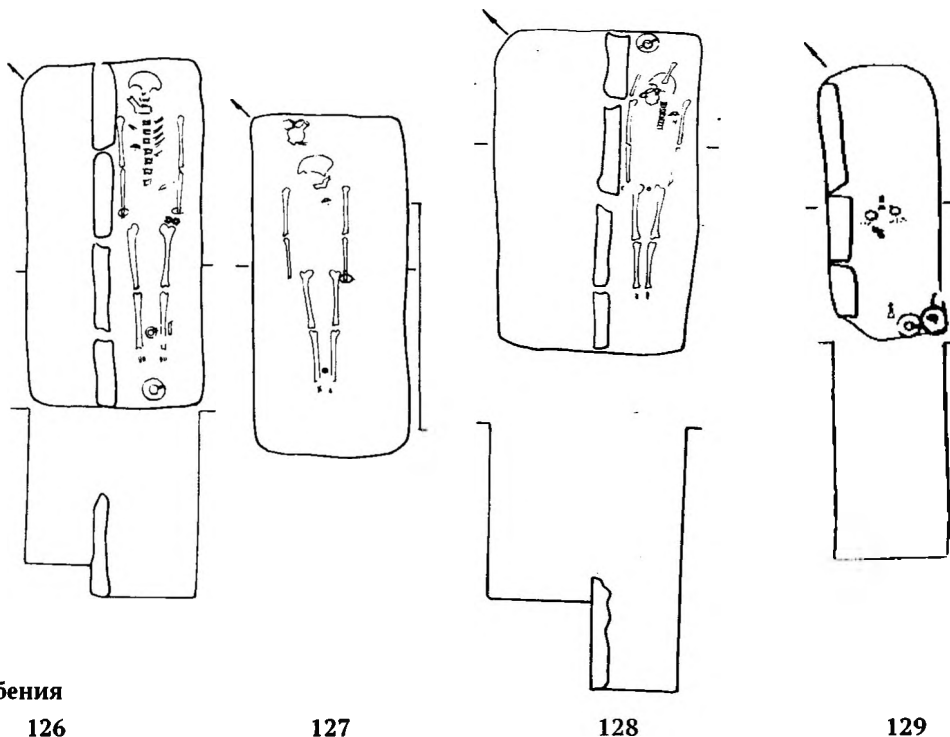
125

Погребение 122 (табл. 73, 1–8). Грунтовая яма (1,8 x 0,8 x 1,7 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. На дне расчищен скелет погребенного плохой сохранности, лежавший вытянуто на спине, головой на северо-восток. В ногах найдены кость крупного животного и железный нож, на левой руке – бронзовый браслет, рядом – два бронзовых кольца с шишечками, на костях таза – железная пряжка, у правого плеча – бронзовая лучковая подвязная фибула, стеклянная бусина (рассыпалась) и две янтарные бусины. В головах стояла краснолаковая амфора. Первая половина II в. н.э.

Погребение 123 (табл. 74, 1–8). Входная яма (2,1 x 0,5 x 1,9 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стене подбойную камеру (2,1 x 0,6 x 1,9 м), отделенную плоскими каменными плитами. На дне камеры вытянуто на спине, головой на северо-восток, лежал скелет плохой сохранности. Насколько можно судить, ноги в голени были перекрещены. На левой руке был надет бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок; рядом лежала кость крупного животного и железный нож. С левой стороны на тазовых костях найдена бронзовая пряжка, а рядом – два бронзовых кольца с шишечками. На груди находилась бронзовая лучковая подвязная фибула, в ногах стояла краснолаковая амфора. Вторая половина II в. н.э. Учитывая датировку пряжки провинциально-римского типа, нельзя исключить, что датировка комплекса погребения заходит и в первую половину III в. н.э.

Погребение 124 (табл. 73, 9–26). Входная яма (2,0 x 0,5 x 1,2 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стене подбойную камеру (2,0 x 0,4 x 1,6 м). На дне камеры лежал вытянуто на спине скелет погребенной женщины, головой на северо-восток. В головах погребенной земля сильно прокалена. Под головой лежали два бронзовых височных кольца, на груди – смычковая фибула, зеркало-подвеска, бусы (янтарь, гагат, стекло), на костях левой руки – бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок и два перстня, бронзовый и железный, в обломках. На костях таза найдено глиняное пряслице, в ногах – бусы. Первая половина II в. н.э.

Погребение 125 (табл. 75). Входная яма (2,0 x 0,55 x 1,2 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стене подбойную камеру (2,0 x 0,65 x 1,6 м), закрытую вертикально стоявшими плитами. На дне камеры вытянуто на спине лежал скелет женщины, головой на северо-восток. В головах стоял краснолаковый кувшин, накрытый перевернутым вверх дном одноручным сосудом. На груди погребенной лежали бронзовые фибулы и зеркало-подвеска с умбоновидной выпуклостью в центре. Вокруг запястья левой руки, на правой руке и под черепом найдены бусы, на левой руке обнаружен также бронзовый браслет. На костях таза – глиняное пряслице с граффити, в ногах – бусы, железная пряжка и нож. Конец I – первая половина II в. н.э.

Погребения

126

127

128

129

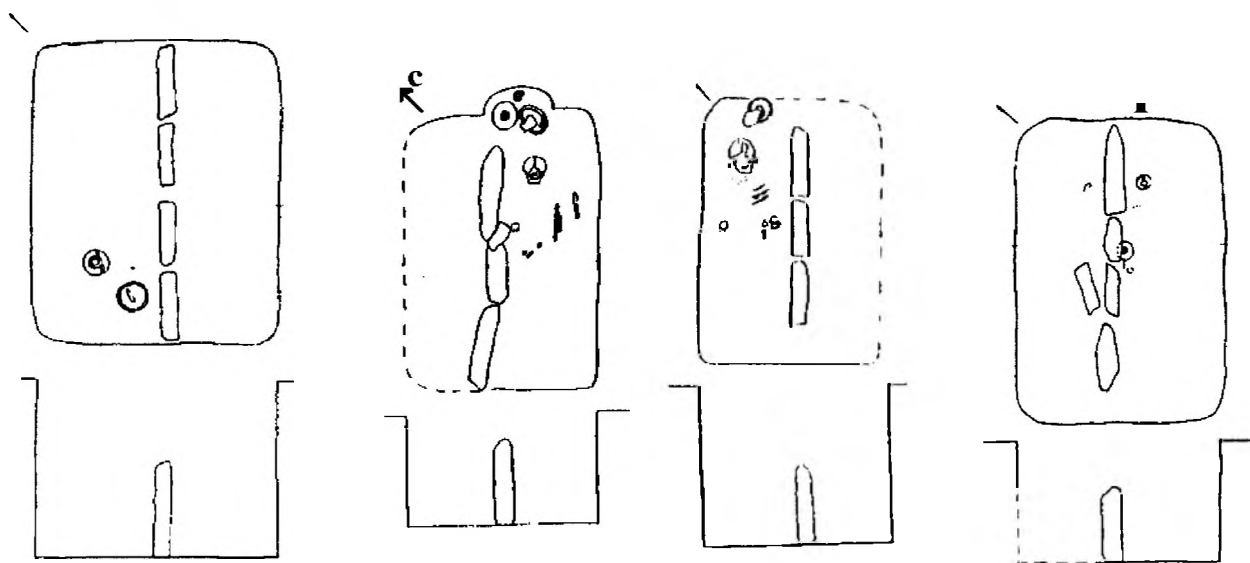
Погребение 126 (табл. 76). Входная яма (2,0 x 0,6 x 1,7 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стене подбойную камеру (2,0 x 0,5 x 2,0 м), перекрытую вертикально поставленными камнями. На дне камеры – остатки скелета, лежавшего вытянуто на спине, головой на северо-восток. На груди лежали две лучковые подвязные фибулы, в ногах – краснолаковые кувшин и кружка, рядом лежала кость животного. На обеих руках – по бронзовому браслету с окончаниями в виде змеиных головок, у левой руки – два бронзовых кольца с шишечками. Первая половина II в. н.э.

Погребение 127 (табл. 74, 9–15). Грунтовая яма (1,8 x 0,6 x 1,8 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, засыпана песком и галькой. Погребенный лежал на спине, головой на северо-восток. В головах стояли краснолаковые кувшин и кружка, возле них лежал железный нож. На груди – лучковая подвязная фибула, на левой руке – бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок, у ног – железная пряжка. Первая половина II в. н.э.

Погребение 128 (табл. 77). Входная яма (1,8 x 0,6 x 1,8 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стене подбойную камеру (1,8 x 0,7 x 2,3 м), отделенную вертикально стоявшими плитами. В засыпи могильной ямы найдены ножка и горло светлоглиняной амфоры. На дне камеры погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. В головах – краснолаковая амфора и железный нож, под черепом – краснолаковый канфар и кость животного. На груди умершего слева находилась лучковая подвязная фибула с обмоткой, у правой руки – халцедоновая и меловая бусины, бронзовое кольцо; на левой руке – бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок. Последняя четверть II в. н.э.

Погребение 129 (табл. 78). Грунтовая яма (1,5 x 0,6 x 2,0 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. У северо-западной стенки ямы на дне вертикально были поставлены три камня. Кости не сохранились. У юго-западной стенки ямы стояли краснолаковая амфора, краснолаковая тарелка *ESB* с фигурным клеймом; в тарелке стоял краснолаковый кубок и лежал железный нож, рядом – стеклянный бальзамарий. В центре могильной ямы (очевидно, в области груди погребенного) найдены подвеска в виде шишки, два бронзовых браслета, стеклянные бусы, два бронзовых кольца с шишечками, бронзовая лучковая подвязная фибула. Вероятно, детское погребение (?). Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Погребение 130 (табл. 79, 1–24). Входная яма (1,7 x 0,6 x 1,0 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в северо-западной стенке подбойную камеру (1,7 x 0,8 x 1,0 м), отделенную закладом из четырех вертикально стоявших каменных плит, под которыми был уложен ряд горизонтально лежавших камней. Кости не сохранились, но, судя по тлену, это была могила ребенка (девочки?), лежавшей головой на северо-восток. На дне камеры стояла

Погребения

130

131

132

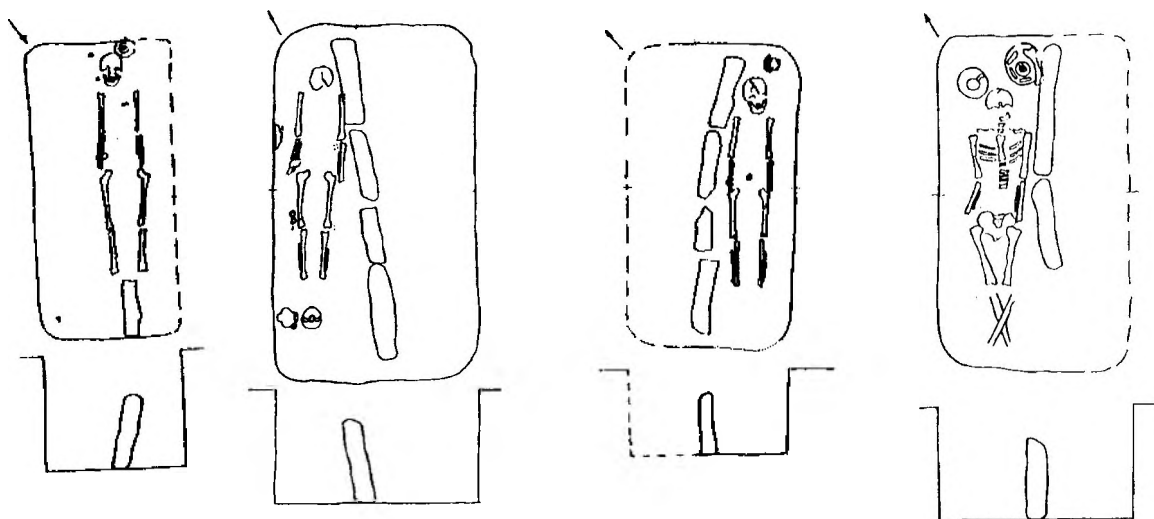
133

краснолаковая тарелка с железным ножом внутри, рядом – краснолаковый кувшин, накрытый кубком. У северо-восточной стены, у камней расчищено скопление вещей: бронзовый пирамидальный колокольчик, две бронзовые подвески в виде человеческих фигурок, бусы (гагат, янтарь), бронзовый перстень со стеклянной вставкой. У головы погребенной лежали куски розовой краски – румян. Первая половина II в. н.э.

Погребение 131 (табл. 80). Входная яма (2,0 x 0,5 x 1,4 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стенке подбойную камеру, отделенную от входной ямы тремя крупными вертикально стоявшими плитами. На дне камеры вытянуто на спине, головой на северо-восток лежал скелет плохой сохранности. В головах, в небольшой нише, стояли стеклянный кувшин с высоким узким цилиндрическим горлом и шаровидным туловом, алебастровая миска голубого цвета (рассыпалась), в которой лежали стеклянный стакан и железный нож, рядом – краснолаковый светильник с изображением быка на щитке. У правой руки погребенного – серебряный браслет, медная монета и сильно профилированная фибула с бусиной на тетиве, а также обломки еще одной фибулы. Около левой руки лежала кость животного; в центральной части могилы – круглая бронзовая пряжка. Первая половина II в. н.э.

Погребение 132 (табл. 81). Входная яма (2,0 x 0,55 x 1,8 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, закрытая тремя вертикально стоявшими камнями, в северо-западной стенке имела подбойную камеру (2,0 x 0,85 x 1,8 м). Погребенная женщина лежала на дне вытянуто на спине, головой на северо-восток. В головах стоял краснолаковый кувшин, накрытый краснолаковым кубком. Под черепом найдены бусы и серебряные височные кольца. На левой руке – бронзовый браслет с утолщенными концами, рядом – кольцо с выступами-шишечками и бронзовый колокольчик; на правой руке – браслет с окончаниями в виде стилизованных змеиных головок; в области пояса – бронзовая пряжка и бусы. На пальцах левой руки – два бронзовых перстня со стеклянными вставками; в ногах – голубой бисер и фрагменты железных деталей шкатулки. Кроме того, в могиле найдены фрагменты нескольких бронзовых фибул и два обломка стеклянных сосудов. Первая четверть II в. н.э.

Погребение 133 (табл. 79, 25–30). Входная яма (2,0 x 0,6 x 1,4 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела с юго-восточной стороны подбойную камеру (2,0 x 0,8 x 1,4 м). Камни, отделявшие яму от подбойной камеры, стояли наклонно в сторону от подбоя. Кости погребенного не сохранились. У северо-восточной стенки камеры стоял краснолаковый кубок и лежали бусы. У камней – краснолаковый кувшин с обломанной ручкой, около него – обломок железного ножа и часть бронзового браслета с перевитыми концами. Первая четверть II в. н.э.

Погребения

134

135

136

137

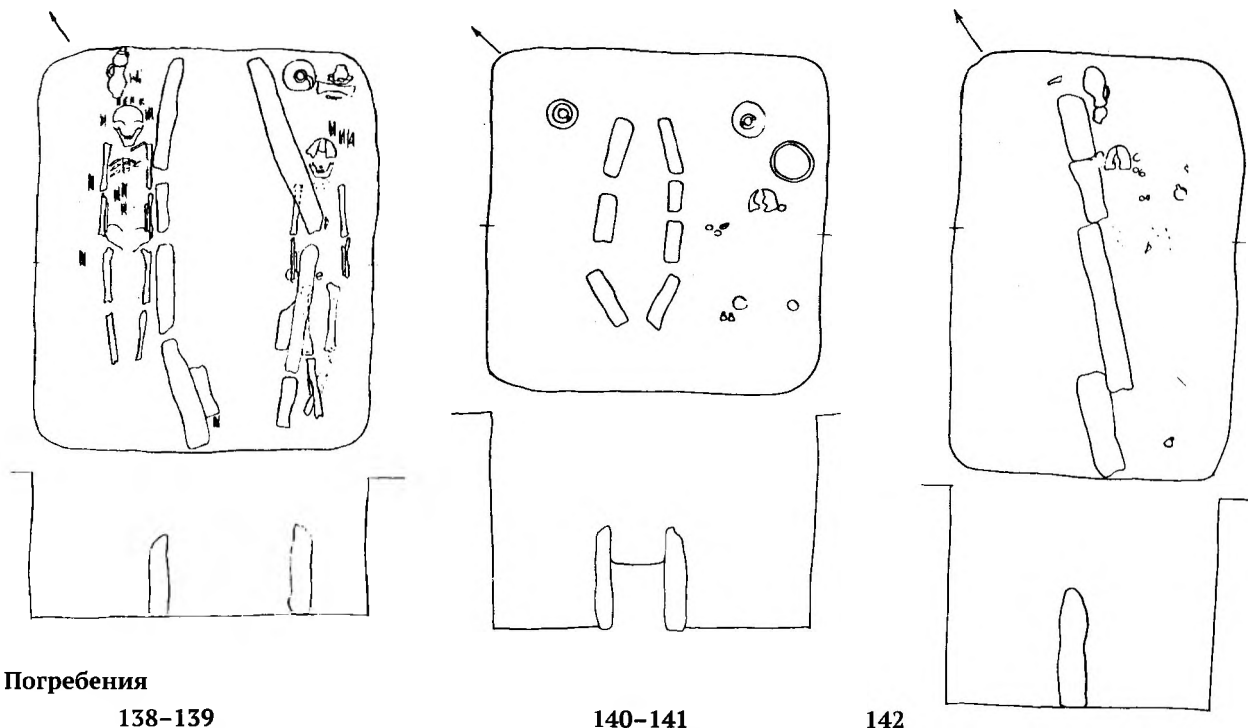
Погребение 134 (табл. 82, 1–14). Входная яма (2,05 x 0,4 x 1,4 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, в северо-западной стенке имела подбойную камеру (2,05 x 0,5 x 1,8 м), отделенную от входной ямы плитами, сильно наклоненными в сторону подбоя. На дне ямы сохранился лишь тлен от скелета (женщины?), ориентированного головой на северо-восток. На правой руке был надет круглопроволочный браслет со змеиными головками, на пальце – бронзовый перстень со стеклянной вставкой; у правой ноги – глиняное пряслице, на груди – фибула; у черепа – два серебряных круглопроволочных височных кольца, рядом с которым лежали румяна. В головах погребенной стоял краснолаковый кувшин, накрытый кружкой. Первая половина II в. н.э.

Погребение 135 (табл. 83). Входная яма (2,2 x 0,5 x 1,2 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в северо-западной стене каменный заклад, состоявший из четырех вертикально поставленных плоских плит, отделяющих подбойную камеру (2,2 x 0,65 x 1,3 м). На дне камеры вытянуто на спине лежал погребенный, головой на северо-восток. На правой руке был надет круглопроволочный браслет с округлыми утолщениями на концах. У правой ноги – два бронзовых кольца с выступами-шишечками и глиняное пряслице, около правой руки и ноги – бусы. У правой руки стояла краснолаковая тарелка с клеймом-розеттой. В ногах – краснолаковая амфора и кружка с обломанной ручкой. Конец I – начало II в. н.э.

Погребение 136 (табл. 82, 15–19). Входная яма (2,2 x 0,6 x 1,2 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, была отделена от подбойной камеры (2,2 x 0,7 x 1,2 м) четырьмя вертикально поставленными плитами. Погребенный лежал на дне камеры вытянуто на спине, головой на северо-восток. На груди находились две бусины (мел и гагат), на правой руке – круглопроволочный браслет с окончаниями в виде змеиных головок, у пояса – железная круглая пряжка. В головах стояли краснолаковая тарелка ESB и кружка. Первая четверть II в. н.э.

Погребение 137 (табл. 84, 1–6). Входная яма (2,1 x 0,5 x 1,3 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в северо-западной стенке подбойную камеру (2,1 x 0,7 x 1,3 м), отделенную двумя вертикально поставленными плитами. На дне камеры – скелет, лежавший вытянуто на спине, головой на северо-восток, ноги в голени перекрещены. В головах стоял краснолаковый кувшин, рядом с ним – краснолаковая тарелка с фигурным клеймом, в которой лежали кружка, кость животного и железный нож. В засыпке могильной ямы найдены куски мела и обломок железного предмета в виде крючка. Первая половина II в. н.э.

Погребения 138–139. Входная яма (2,5 x 0,55 x 1,5 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела с двух сторон подбойные камеры. В северо-западной стенке сделана

Погребения

138–139

140–141

142

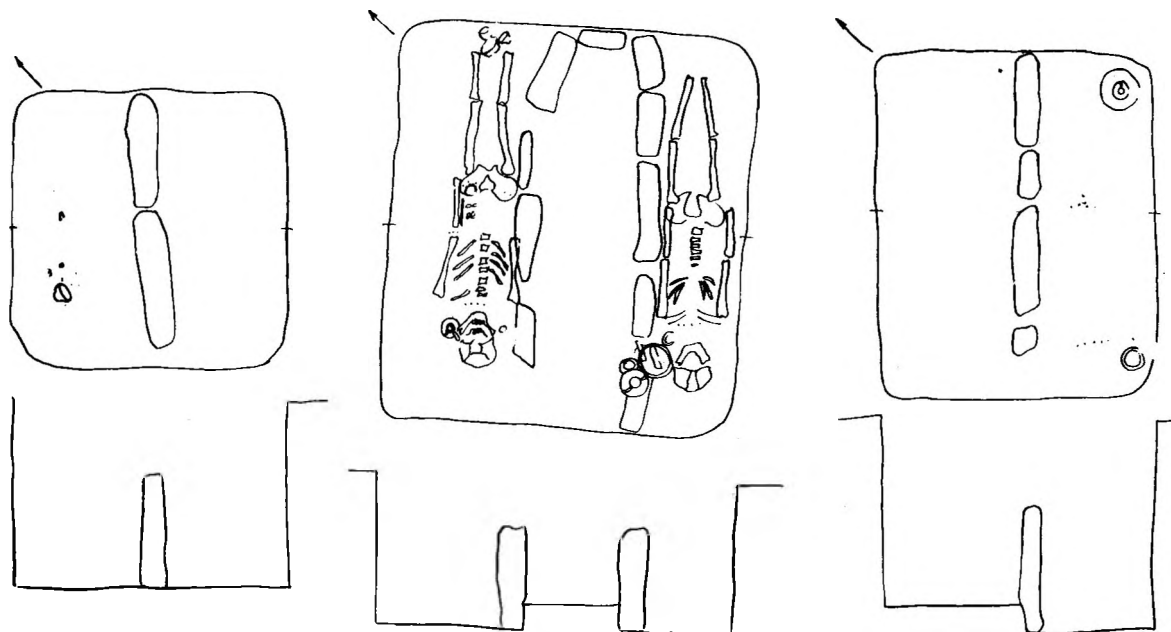
камера (2,5 x 0,85 x 1,5 м) – **погребение 138** (табл. 84, 7–10), – закрытая четырьмя вертикально стоявшими плитами. На дне лежал скелет погребенного, вытянуто на спине, головой на северо-восток. В головах сохранились следы от деревянных плах, лежавших вдоль могилы (остатки гроба или деревянного перекрытия?). За головой стоял краснолаковый кувшин; на нем – кружка, закрытая галькой. На груди лежала бронзовая лучковая подвязная фибула, а также мелкие угольки. Первая половина II в. н.э.

Погребение 139 (табл. 85). На дне камеры (2,5 x 0,55–0,8 x 1,5 м), ориентированной с северо-востока на юго-запад и заложенной каменными плитами, сдвинутыми в средней части в сторону подбойной камеры, лежал вытянуто на спине скелет погребенного, головой на северо-восток, ноги в голени скрещены. На тазовых костях лежала бронзовая пряжка (рассыпалась), на правой руке – круглопроволочный браслет с окончаниями в виде змеиных головок. Под черепом найдено несколько бусин: две стеклянные рубчатые и три цветные глазчатые. На груди – обломки железной фибулы. В головах стояли краснолаковые кувшин, миска с клеймом-розеттой, в которой стоял второй невысокий кувшин, перевернутый вверх дном, около миски – железный нож и кость крупного животного, а также кружка. Первая половина II в. н.э.

Погребения 140–141. Узкая входная яма (1,0 x 0,25 x 1,4 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела с двух сторон подбойные камеры. Сделанная в юго-восточной стенке ямы камера (1,6 x 0,75 x 1,6 м) – **погребение 140** (табл. 86, 1–19) – была отделена четырьмя вертикально стоявшими каменными плитами. На дне лежал детский скелет, головой на северо-восток (сохранились только обломки черепа). В головах стояла красноглиняная ойнохоя, накрытая краснолаковым кубком, рядом – краснолаковая тарелка *ESB* с именным клеймом. Вероятно, в области запястий рук лежали два браслета с заходящими друг за друга и перевитыми концами, бронзовые колокольчики, бусы (гагат, бронза), петелька от зеркала-подвески (?), серебряное височное кольцо, зернышко винограда, раковина и кусок мела. Последняя четверть I в. н.э.

Погребение 141 (табл. 86, 20–23). В северо-западной стенке вышеописанной входной ямы сделана подбойная могила (1,6 x 0,6 x 1,6 м). Кости не сохранились – могила, очевидно, детская. На дне найдены две гагатовые бусины и краснолаковый гуттус. Последняя четверть I в. н.э.

Погребение 142 (табл. 87). Входная яма (2,0 x 0,65 x 1,6 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стороне подбойную могилу (1,9 x 0,6 x 1,6 м), отделенную четырьмя наклонно стоявшими камнями, под которыми лежал ряд камней, положенных горизонтально. В засыпке подбойной могилы найдены горло светлоглиняной ам-

Погребения

143

144–145

146

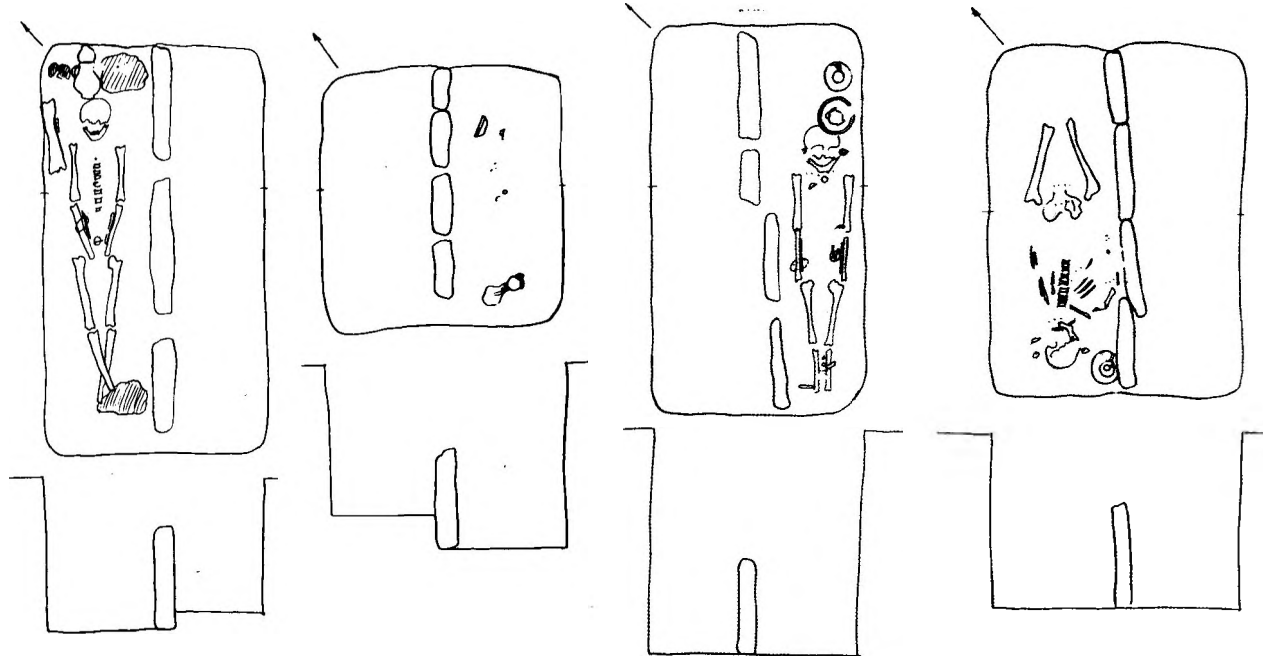
форы и раковина. Скелет погребенной женщины лежал головой на северо-восток (кости практически не сохранились). Под черепом найдены два серебряных височных кольца. В области груди и рук – бусы (гагат, сердолик), слева от скелета – бронзовые зеркало-подвеска и две фибулы, в ногах – глиняное пряслице. Около камней заклада стоял краснолаковый кувшин (в головах умершей). Около середины II в. н.э.

Погребение 143 (табл. 88, 1–14). Входная яма (1,15 x 0,65 x 1,4 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела с северо-западной стороны подбойную камеру (1,2 x 0,7 x 1,4 м), отделенную двумя вертикально поставленными каменными плитами. Кости погребенного не сохранились (возможно, погребение детское). На дне камеры обнаружены краснолаковая чаша с клеймом-розеттой, две бронзовые подвески-ведерка и бусы (бронза, гагат, стекло). Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Погребение 144–145. Входная яма (1,9 x 0,45 x 1,2 м) имела с двух сторон подбойные камеры. На дне первой (**погребение 144**, табл. 89) вытянуто на спине лежал скелет женщины, головой на юго-запад. Слева от черепа стояла краснолаковая тарелка *ESB* с клеймом-розеттой и кружка; у черепа найдены два бронзовых височных кольца. На груди и около левой руки – бусы, там же обнаружены две крупные стеклянных бусины, бронзовая фибула-брошь с медальоном с изображением ветвей, и две бронзовые ведерковидные подвески. На правой руке – перстень со стеклянной вставкой. На костях таза с левой стороны лежали два свинцовых кольца с шишечками и глиняное пряслице с граффити. В ногах – две краснолаковые чаши одинаковой формы, но различных центров производства (*ESB* и понтийская сигиллата) и стеклянный стакан. В одной из чаш лежала розовая краска. Конец I в. н.э.

Погребение 145 (табл. 88, 15–20). С юго-восточной стороны вышеописанной ямы сделана вторая подбойная камера (1,9 x 0,6 x 1,3 м). На дне вытянуто на спине лежал скелет мужчины, головой на юго-запад. В головах слева стояла краснолаковая тарелка с клеймом *planta pedis*, в которой лежали железный нож и кость мелкого животного, рядом стояли краснолаковые амфора с отбитым в древности венчиком, кружка и чаша. На груди погребенного – бусы (гагат, сердолик). Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Погребение 146 (табл. 90, 1–6). Входная яма (1,5 x 0,6 x 1,4 м) имела в юго-восточной стенке подбойную камеру (1,5 x 0,6 x 1,5 м), отделенную четырьмя стоявшими с наклоном в сторону камеры плитами. Кости погребенного (вероятно, ребенка) не сохранились. На дне камеры стояла краснолаковая тарелка с клеймом *planta pedis*, с отбитым в древности венчиком, в ней – гуттус. В центре могилы лежали несколько стеклянных бусин и обломок бронзовой фибулы, в южном углу – краснолаковая чаша. Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Погребения

147

148

149

150

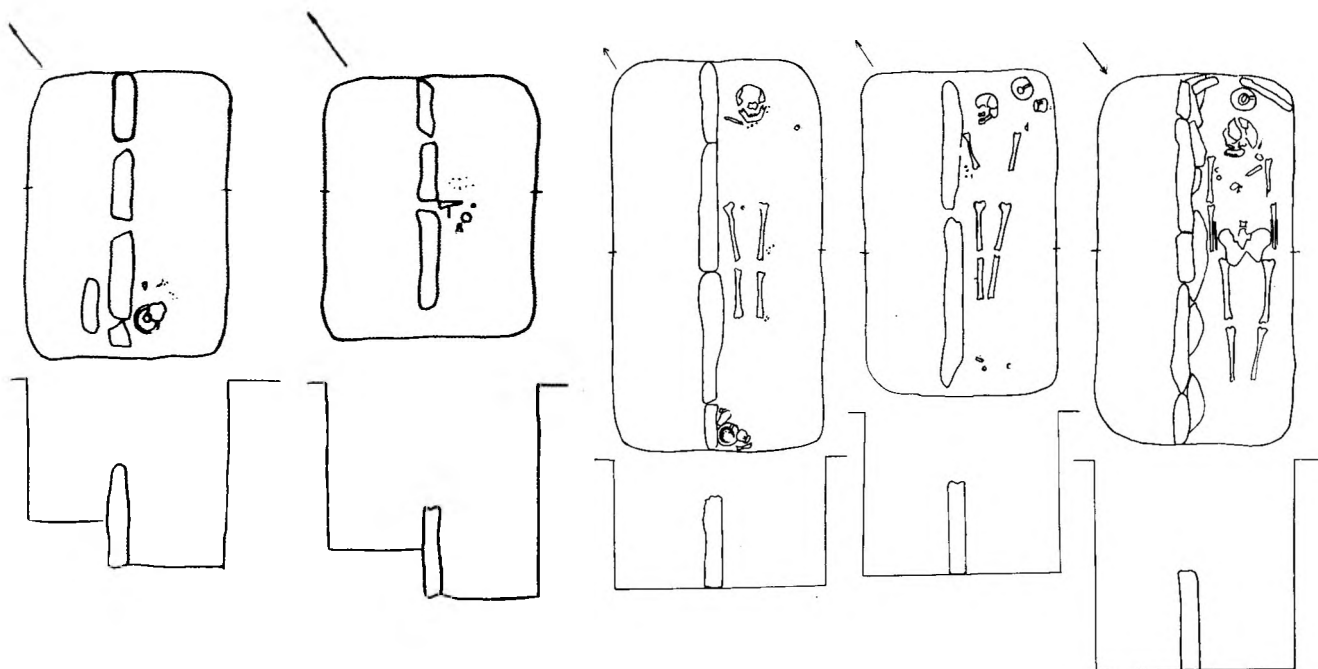
Погребение 147 (табл. 90, 7–17). Входная яма (2,2 x 0,5 x 1,3 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-западной стенке подбойную камеру (2,2 x 0,7 x 1,4 м). На дне лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток, погребенный мужчина. Кисти рук находились на костях таза, ноги перекрещены в голених. В головах стоял краснолаковый кувшин, на нем вверх дном – красноглиняный горшок. Недалеко стояла краснолаковая тарелка *ESB* с именным клеймом. Под сосудами и в ногах погребенного прослежены следы тлена (от деревянного гроба?). Справа от скелета лежала кость крупного животного, рядом с ней – железный нож; на груди – бронзовая фибула и гагатова бусина, на костях таза – железная пряжка, на правой руке – браслет. Конец I – первая четверть II в. н.э.

Погребение 148 (табл. 91, 1–18). Входная яма (1,4 x 0,6 x 1,4 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, в юго-восточной стенке имела подбойную камеру (1,4 x 0,7 x 1,6 м), закрытую вертикально поставленными плитами. Кости погребенного (ребенка?) не сохранились. На дне ямы стоял краснолаковый кувшин, на нем – кубок, у северо-восточной стены – краснолаковая миска и бронзовая лучковая подвязная фибула. В центре могилы – бусы, куски мела и угольки. Вторая–третья четверти II в. н.э.

Погребение 149 (табл. 91, 19–26; 92). Входная яма (2,2 x 0,5 x 1,9 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела с юго-восточной стороны подбойную камеру (2,2 x 0,7 x 1,9 м), отделенную четырьмя вертикально стоявшими плитами. На дне ямы вытянуто на спине лежал скелет погребенной женщины (?), головой на северо-восток. Над черепом находилась миска, в ней – краснолаковая кружка, рядом стоял краснолаковый кувшин. У черепа – две золотые серьги. На шее, у рук и у ног – бусы и бисер. Среди бус найдено бронзовое кольцо. На груди и руках – три бронзовые фибулы, два фрагментированных псаля, использовавшихся в качестве амулетов; бронзовая пластина (возможно, зеркало), два разнотипных бронзовых браслета с завершениями в виде змеиных головок, в ногах – железные пластины от шкатулки, нож, румяна и бронзовые бляшки. Конец I – начало II в. н.э.

Погребение 150 (табл. 93, 1–10). Входная яма (2,2 x 0,5 x 1,9 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стенке подбойную камеру (2,2 x 0,7 x 1,9 м), отделенную от входной ямы четырьмя сильно наклоненными в сторону подбоя плитами. На дне – скелет женщины 50–60 лет, лежавшей вытянуто на спине, головой на юго-запад, лицо повернуто вправо. В головах стоял краснолаковый кувшин, на нем – кружка. Справа от черепа – обломок железного предмета. На руках и груди, а также в нижней части тазовых костей – бусы (сердолик, гагат). Справа от черепа – проволочное височное кольцо, на груди – бронзовая фибула, железный нож, на фалангах пальцев правой руки – бронзовый перстень со стеклянной вставкой. Там же была найдена краснолаковая тарелка *ESB* с клеймом. Конец I – первая четверть II в. н.э.

Погребения

151

152

153

154

155

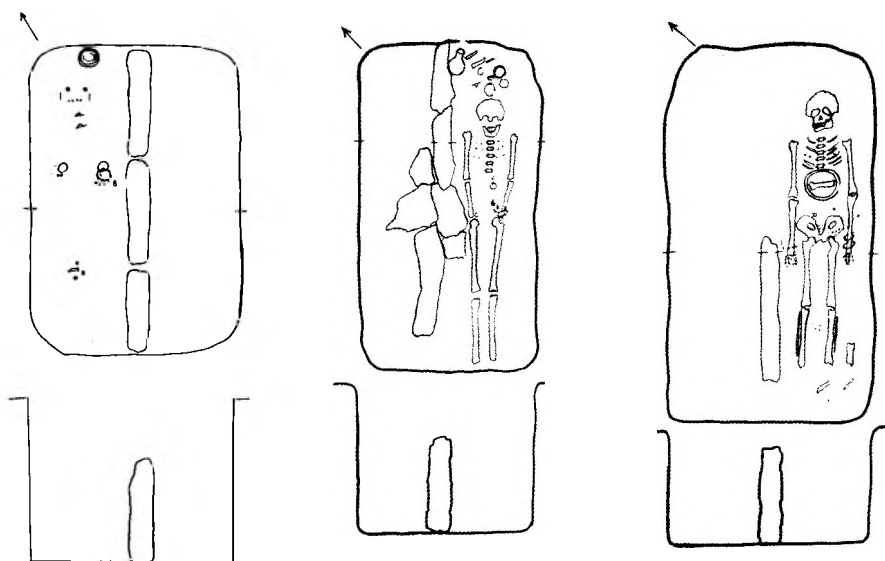
Погребение 151 (табл. 93, 11–17). Входная яма (1,2 x 0,4 x 1,2 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела с юго-восточной стороны подбойную камеру (1,2 x 0,5 x 1,4 м), отделенную вертикально поставленными плитами. Кости погребенного (ребенка?) не сохранились. На дне камеры – краснолаковая миска, под ней – красноглиняный горшок, закрытый камнем. Рядом лежали бусы, бисер, бронзовый колокольчик. Конец I – первая половина II в. н.э.

Погребение 152 (табл. 94, 1–13). Входная яма (1,1 x 0,4 x 1,3 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела с юго-восточной стороны подбойную камеру (1,1 x 0,5 x 1,5 м), отделенную тремя вертикально стоявшими плитами. Кости погребенного (ребенка?) не сохранились. На дне камеры лежали стеклянный бальзамарий, бусы, бронзовые кольцо, браслет, колокольчик. Первая четверть II в. н.э.

Погребение 153 (табл. 94, 14–30). Входная яма (2,4 x 0,65 x 1,4 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стенке подбойную камеру (2,4 x 0,65 x 1,4 м), отделенную четырьмя крупными каменными плитами. На дне камеры – скелет женщины, лежавший вытянуто на спине, головой на северо-восток. На груди и под черепом находились гагатовые бусы, вдоль левой бедренной кости – бисер. В ногах стоял краснолаковый кувшин, накрытый краснолаковой тарелкой с клеймом *planta pedis*, рядом с кувшином – кружка, железные пластины от шкатулки, глиняное пряслице. У головы и в ногах найдены кусочки мела. Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Погребение 154 (табл. 95, 1–7). Входная яма (2,0 x 0,5 x 1,6 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стенке подбойную камеру (2,0 x 0,7 x 1,6 м), отделенную двумя большими вертикально стоявшими плоскими каменными плитами. На дне камеры лежал вытянутый на спине скелет женщины, головой на северо-восток, лицо повернуто к западу. В головах стояли краснолаковые кувшин и кружка. У левого плеча найдена смычковая фибула, у запястья правой руки – гагатовые бусы, в ногах – железный нож, кусочки розовой краски, глиняное пряслице и куски мела. Конец I – первая половина II в. н.э.

Погребение 155 (табл. 95, 8–13). Входная яма (1,7 x 0,5 x 1,5 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела с северо-западной стороны подбойную камеру (2,3 x 0,75 x 1,9 м), закрытую вертикально стоявшими каменными плитами, под ними – ряд горизонтально лежавших камней. На дне камеры лежал вытянутый на спине скелет погребенного (возможно, женщины), головой на юго-запад, лицо повернуто к востоку. За головой стоял краснолаковый кувшин, закрытый камнем; у головы справа – бронзовая иголка, на груди – бронзовая бляшка (очевидно, имела золотое покрытие, которое было снято до положения ее в погребение – на краях есть следы позолоты), галька для расти-

Погребения

156

158

159

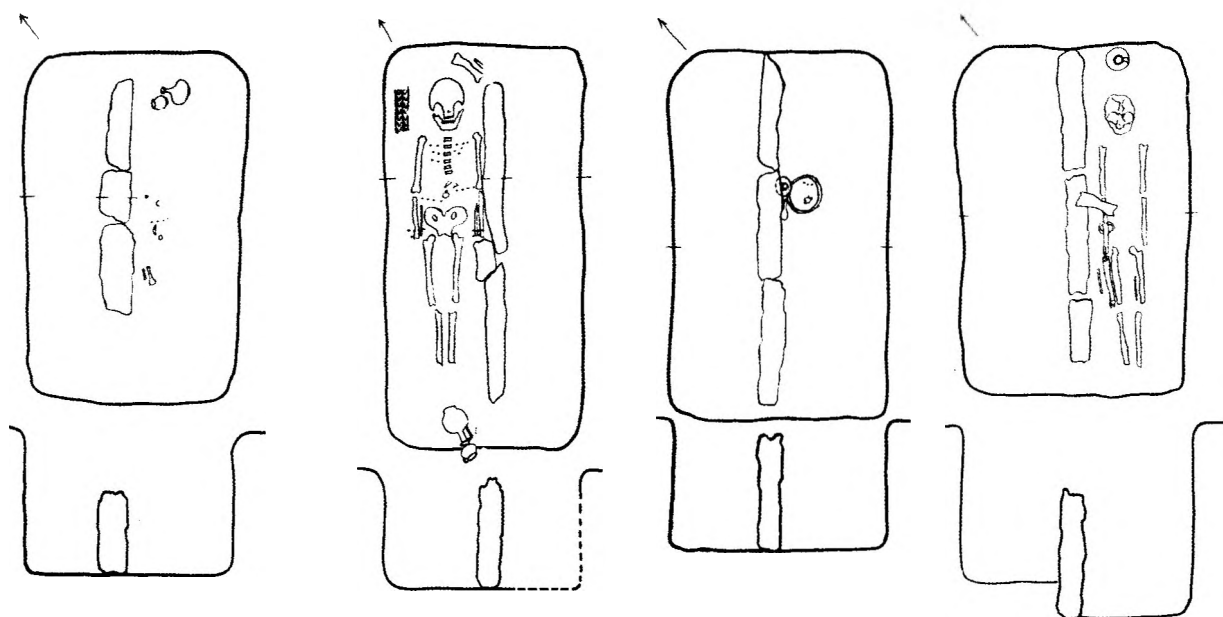
рания румян и бронзовые щипчики. У левой руки – железный нож, у правой – куски мела. Первая половина II в. н.э.

Погребение 156 (табл. 96). Входная яма (1,7 x 0,7 x 1,5 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела с северо-западной стороны подбойную камеру (1,7 x 0,5 x 1,5 м). На дне – скелет погребенной женщины, лежащей, судя по следам тлена, вытянуто на спине, головой на северо-восток. У черепа найдены пара височных колец и бусы; на костях ключицы – две фибулы, на руках – два бронзовых круглопроволочных браслета; у левой руки лежали бронзовые кольцо с шишечками и колокольчик. На пальцах левой руки – два бронзовых перстня, на правой руке – один перстень. В ногах – кусочки румян, железный нож, бронзовая бляшка круглой формы. У северо-восточной стены – краснолаковая тарелка, в которой стоял красноглиняный горшок; рядом с миской – краснолаковый кувшин. Конец I – первая четверть II в. н.э.

Погребение 157 (табл. 97, 1–8). Сильно разрушено, определить размеры и форму могильной ямы не удалось (вероятно, прямоугольная грунтовая яма, ориентированная с запада на восток). Кости погребенного (вероятно, женщины) в ней не сохранились. На дне найдены краснолаковые кувшин и кружка, бронзовое зеркало, а также бусы и обломок смычковой фибулы. Первая половина II в. н.э.

Погребение 158 (табл. 98–99). Входная яма (2,0 x 0,45 x 1,9 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стене подбойную камеру (2,0 x 0,65 x 1,9 м), закрытую вертикально стоявшими камнями. На дне лежал скелет погребенной женщины, вытянуто на спине, головой на северо-восток. В головах стоял краснолаковый кувшин, рядом – миниатюрный сосуд без ручки, две краснолаковые чаши *ESB*, кружка, железный нож, кость животного, обломки железных предметов (детали от шкатулки?). На груди – бусы (сердолик, гагат, янтарь, стекло), обломок бронзовой лучковой фибулы. На тазу и около рук лежали бронзовые зеркало-подвеска с умбоновидной выпуклостью в центре, два кольца с выступами-шишечками, пирамидальный колокольчик, пряжка; вокруг левого запястья – бусы (сердолик, гагат); у правой руки – бронзовый круглопроволочный перстень с круглым проволочным щитком (обломан). Вокруг костяка – темный тлен (вероятно, остатки подстилки или кошмы). Первая половина II в. н.э.

Погребение 159 (табл. 97, 9–19). Входная яма (2,0 x 0,5 x 1,6 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стене подбойную камеру (2,0 x 0,6 x 1,6 м), заложенную одним большим камнем. На дне ямы вытянуто на спине лежал скелет погребенной женщины, головой на северо-восток. На груди стояло краснолаковое блюдо, в нем – кость крупного животного. У костей правой руки – бронзовый перстень; на левой руке – браслет

Погребения

160

161

162

163

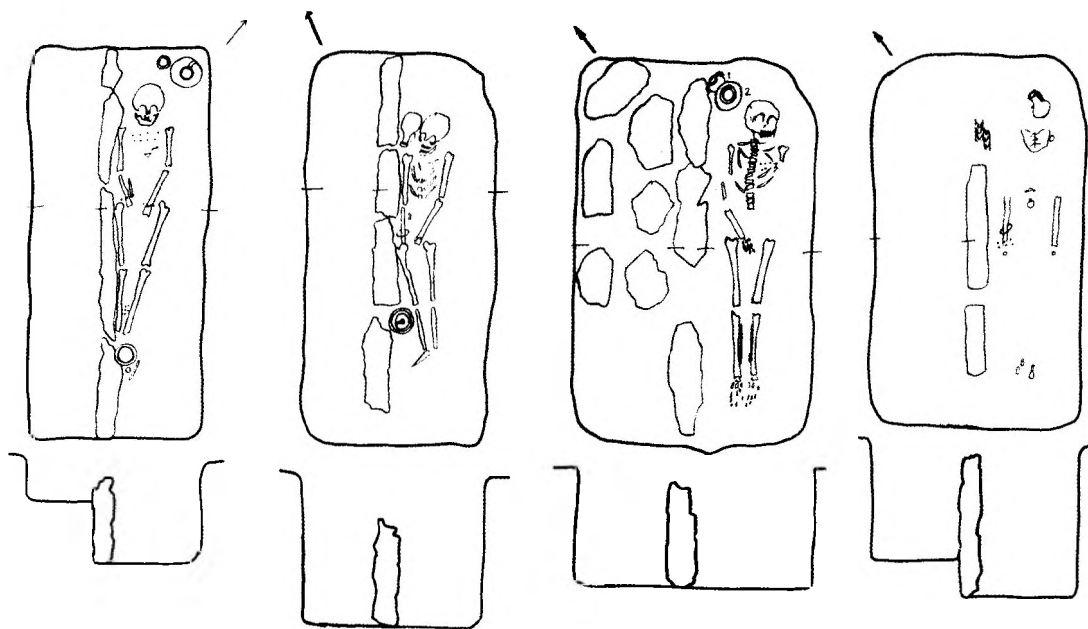
с окончаниями в виде змеиных головок и кольцо с выступами-шишечками, использованное здесь в качестве браслета (надето на руку). У таза лежала бронзовая пряжка и прослежена низка бус. В ногах – железный нож, железный предмет в виде острия, кусочки румян, мелкий бисер. На дне могилы найдены мелкие угли и мел. Первая половина II в. н.э.

Погребение 160 (табл. 100, 1–17). Входная яма (1,9 x 0,4 x 1,75 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стене подбойную камеру (1,9 x 0,4 x 1,75 м), закрытую вертикально поставленными каменными плитами. Кости погребенного (женщины?) не сохранились. У северо-восточной стены стояли краснолаковые кувшин и тарелка с клеймом. В центре камеры лежали обломки бронзового височного кольца, смычковая фибула, бронзовое кольцо с выступами, железный предмет с загнутым концом, стеклянный бальзамарий, бусы (сердолик, гагат, стекло). В засыпи могильной ямы встречены мелкие кусочки мела и угля. Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Погребение 161 (табл. 101). Входная яма (2,4 x 0,45 x 1,7 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в северо-западной стенке подбойную камеру (2,4 x 0,75 x 1,7 м), закрытую двумя большими вертикально стоявшими камнями. На дне вытянуто на спине лежал скелет погребенной женщины, головой на северо-восток. В головах – следы деревянных плашек, вероятно, от гроба, рядом с которыми лежали кость крупного животного и железный нож. На груди – две фибулы, зеркало-подвеска, бусы (сердолик, янтарь, гагат). Бусы располагались и вокруг запястий рук. В ногах стояла краснолаковая кружка, рядом лежали кувшин, венчик которого был обломан в древности и галька (вероятно, ранее закрывавшая один из сосудов), обломки железных пластин от шкатулки и румяна. Конец I – первая четверть II в. н.э.

Погребение 162 (табл. 100, 18–31). Входная яма (1,7 x 0,4 x 1,5 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стене подбойную камеру (1,7 x 0,6 x 1,5 м), отделенную тремя вертикально стоявшими камнями. Следов костей погребенного не обнаружено. У камней, в центре могилы, стояла краснолаковая тарелка, в ней лежали бусы (гагат, стекло, сердолик), бронзовый колокольчик, рядом – стеклянный бальзамарий и красноглиняный горшок. Первая половина II в. н.э.

Погребение 163 (табл. 102). Входная яма (1,8 x 0,55 x 1,8 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, была засыпана камнями и имела в юго-восточной стене подбойную камеру (1,8 x 0,7 x 2,0 м), заложенную вертикально стоявшими плитами. На дне лежал скелет погребенного мужчины – вытянуто на спине, головой на северо-восток. В головах стоял краснолаковый кувшин. У правого бедра лежал железный кинжал без навершия и перекрестья, с прямой тонкой рукояткой, и халцедоновая бусина. На клинке – следы деревянных ножен с двумя бронзовыми обоями с обеих сторон, рядом с кинжалом найден железный нож.

Погребения

164

165

166

167

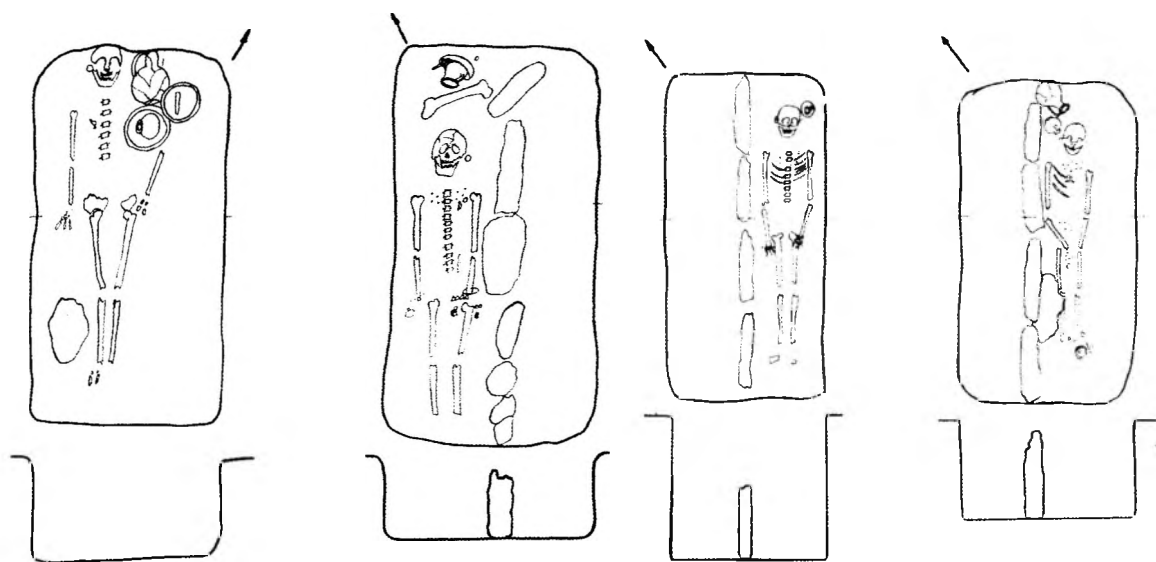
На правой руке был надет витой браслет с утолщениями на концах; кость крупного животного была положена на левую руку погребенного. В засыпке входной ямы было найдено горло светлоглиняной амфоры. Вторая половина II в. н.э.

Погребение 164 (табл. 103, 1–18). Входная яма (2,2 x 0,4 x 1,25 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, в северо-восточной стене имела подбойную камеру (2,2 x 0,6 x 1,6 м). На дне ее лежал скелет погребенной женщины – вытянуто на спине, головой на северо-запад; кисти рук – на костях таза. На груди – множество бус (сердолик, стекло) в две низки и две бронзовые фибулы (с левой стороны). На запястьях также было расчищено по низке бус. В головах слева размещались краснолаковый кувшин и горшок; в ногах – краснолаковая чаша, железный нож, глиняное пряслице, гагатовый бисер. Последняя четверть I – первая четверть II в. н.э.

Погребение 165 (табл. 104). Входная яма (2,3 x 0,4 x 1,9 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стенке подбойную камеру (2,3 x 0,7 x 1,9 м), заложенную вертикально стоявшими камнями. На дне ямы – лежавший на спине скелет погребенного мужчины, головой на северо-восток, левая рука на костях таза. Справа от головы найден краснолаковый кувшин, на груди – фибула (слева) и бусины. У правой руки – фрагментированный железный браслет и целый бронзовый браслет, в ногах – железный нож. На левом бедре лежала бронзовая пряжка. У правой ноги – краснолаковая тарелка, в ней стояла кружка. Первая половина II в. н.э.

Погребение 166 (табл. 103, 19–26). Входная яма (1,9 x 0,5 x 1,6 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стенке подбойную камеру (1,9 x 0,7 x 1,6 м), заложенную вертикально стоявшими камнями. На дне камеры – скелет погребенного (женщины?), лежавший вытянуто на спине, головой на северо-восток, лицо повернуто к востоку, кисть правой руки – на костях таза. В головах стояла вверх дном краснолаковая амфора, под ней – кубок. Вокруг головы – черный тлен (остатки подстилки?). На груди – гагатовые и стеклянные бусины. Первая половина II в. н.э.

Погребение 167 (табл. 105). Входная яма (2,0 x 0,5 x 1,6 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стенке подбойную камеру (2,0 x 0,7 x 1,8 м). Сохранились две каменные плиты, отделявшие подбойную камеру от входной ямы. От костей остался только тлен; вероятно, погребенная женщина была ориентирована головой на северо-восток. В головах стояла краснолаковая амфора. У несохранившегося черепа лежал обломок бронзового височного кольца; бронзовая смычковая фибула находилась на груди, зеркало-подвеска – в районе пояса; здесь также прослежены следы дерева. На правой руке – браслет с окончаниями в виде змеиных головок, два бронзовых перстня, бусы в две низки.

Погребения

168

169

170

171

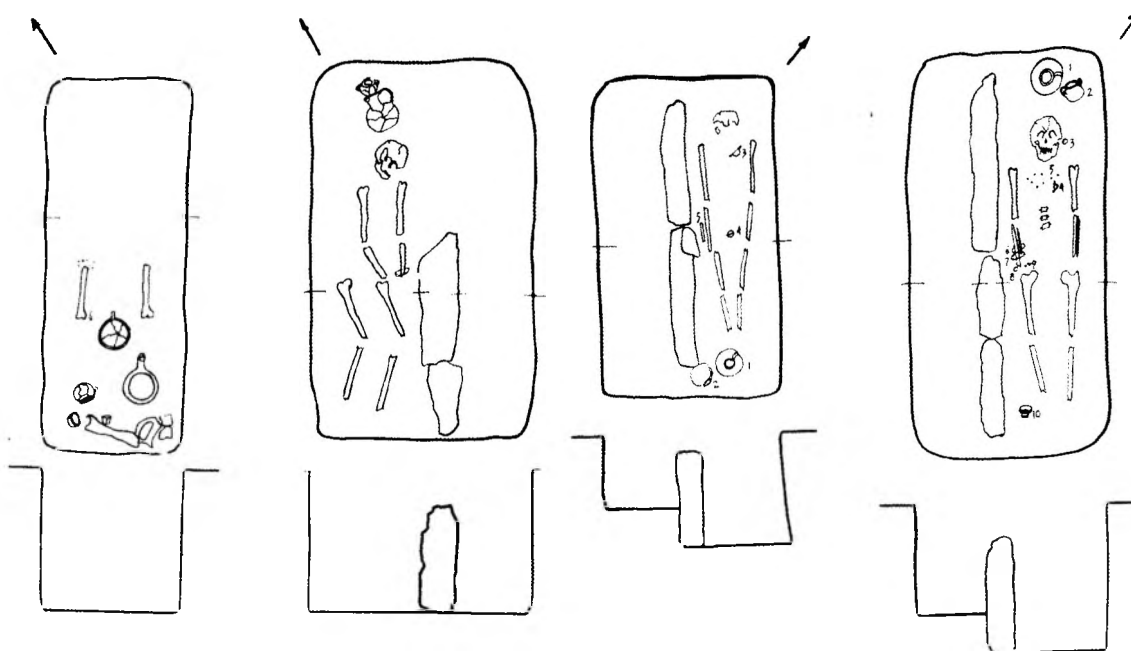
В ногах – железные пластинки от шкатулки и стеклянный бальзамарий. Вторая–третья четверти II в. н.э.

Погребение 168 (табл. 106, 1–6). Грунтовая яма (2,2 x 1,15 x 1,6 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток; на ее дне находился один камень. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. В головах стоял кувшин (во фрагментах), рядом – краснолаковая тарелка, в которой лежал кубок, и краснолаковая же чаша ESB с клеймом-розеттой, в которой находился железный нож. Под черепом – обломки бронзового височного кольца, на груди – фибула. Первая четверть II в. н.э.

Погребение 169 (табл. 107; 108, 1–18). Входная яма (2,4 x 0,45 x 1,5 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, в юго-западной стенке имела подбойную камеру (2,4 x 0,75 x 1,5 м), заложенную вертикально стоявшими камнями. Погребенная женщина лежала вытянуто на спине, головой на северо-восток. В головах стояли краснолаковая кружка и краснолаковая миска ESB с клеймом-розеттой, в которой находился железный нож, рядом с миской лежала кость крупного животного; под черепом – бронзовое височное кольцо. На груди – низки бус (янтарь, гагат, сердолик) и бронзовая лучковая подвязная фибула; около левой руки – бронзовая игольница с иглой, на левой руке – бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок, около руки – следы древесного тлена. В области таза, под левой рукой найдены четыре колокольчика (два миниатюрных полусферических и два крупных пирамидальной формы с железным язычком). Под правой рукой лежали бусы (гагат, сердолик), бронзовое зеркало-подвеска и каменная подвеска, оправленная в бронзовый ободок. На пальцах левой руки – два бронзовых перстня со стеклянными вставками. Между костями голени – бронзовая амулетница с точечным орнаментом, просверленный клык животного и кусочки румян. Первая половина II в. н.э.

Погребение 170 (табл. 106, 7–18). Входная яма (2,0 x 0,45 x 1,9 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стенке подбойную камеру (2,0 x 0,55 x 1,9 м), закрытую вертикально поставленными камнями. Погребенная женщина лежала вытянуто на спине, головой на северо-восток. В головах слева стоял краснолаковый кувшин, под черепом находились два бронзовых височных кольца. На груди и вокруг запястий рук – бусы. В ногах – глиняное пряслице, обломки железных пластин от шкатулки, небольшой кусок мела. Вторая четверть II в. н.э.

Погребение 171 (табл. 109). Входная яма (2,0 x 0,4 x 1,6 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стенке подбойную камеру (2,0 x 0,6 x 1,6 м), заложенную вертикально поставленными плитами. Скелет погребенной женщины лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. В головах стояли краснолаковые кувшин и кубок. Под черепом лежали два тонких проволочных височных кольца, на груди – две бронзовых фибулы и бусы (гагат, сердолик). Бусы также располагались в области таза и вокруг запястий

Погребения

172

173

174

175

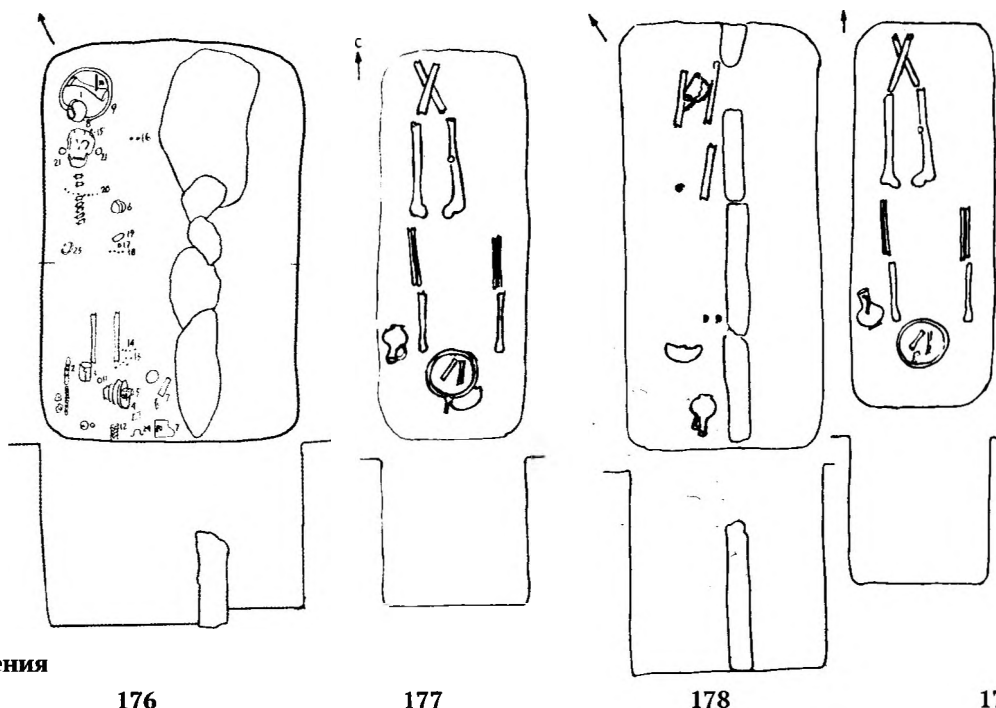
обеих рук. В ногах стояла краснолаковая миска ESB с клеймом-розеттой, в которой лежал железный нож, рядом – железный стержень, бронзовая игла и глиняное пряслице. На правой руке – перстень с гнездом для вставки (сама вставка отсутствует) и обломок второго перстня. Конец I – первая четверть II в. н.э.

Погребение 172 (табл. 110). Грунтовая яма (2,1 x 0,8 x 1,8 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. В засыпи могильной ямы встречены обломки амфоры. На глубине 0,3 м от верхнего края могилы в юго-восточном углу, прямо у стены могильной ямы, лежала разбитая красноглиняная амфора. На дне ямы найдены остатки скелета погребенного, лежавшего, вероятно, вытянуто на спине, головой на юго-запад. В головах стояла краснолаковая чаша ESB с именным клеймом, рядом – крупная кость животного, сосуд из белого алебастра и бронзовый ковш. На груди – бронзовое зеркало с короткой ручкой. У левой руки – обломки железных деталей шкатулки и низка бус. Могила была разрушена траншеей военного времени (кости ног не сохранились). Вторая половина (третья четверть?) I в. н.э.

Погребение 173 (табл. 108, 19–22). Входная яма (2,1 x 0,8 x 1,6 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в северо-западной стороне подбойную камеру (2,1 x 0,85 x 1,6 м), закрытую вертикально поставленными камнями. Погребенный лежал на левом боку, ноги согнуты в коленях, головой на северо-восток, лицо повернуто к востоку. В головах размещались большой и маленький кувшины (второй, видимо, выполнял функцию кружки). На левой руке был надет бронзовый круглопроволочный браслет с завязанными концами. Середина – вторая половина II в. н.э.

Погребение 174 (табл. 111, 1–6). Входная яма (1,75 x 0,4 x 1,3 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стороне подбойную камеру (1,75 x 0,6 x 1,5 м), отделенную вертикально стоявшими камнями. Скелет погребенного лежал на дне камеры вытянуто на спине, головой на северо-запад. В ногах стояли краснолаковые кувшин и кубок, у левого плеча лежала бронзовая фибула, у правой руки – железный нож, на поясе – бронзовая пряжка. Последняя четверть I в. н.э.

Погребение 175 (табл. 111, 7–11; 112, 1–14). Входная яма (2,25 x 0,4 x 1,6 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стенке подбойную камеру (2,25 x 0,7 x 1,8 м), отделенную вертикально стоявшими каменными плитами. На дне камеры лежал скелет погребенной женщины – вытянуто на спине, головой на северо-запад. В головах стояли краснолаковый кувшин и кубок. Под черепом находилось бронзовое височное кольцо, на груди – фибула, нож и бусы (гагат, сердолик), вокруг запястий рук – также бусы, у правой руки – бронзовый браслет, небольшие бронзовые заклепки, бронзовый перстень и кольцо с выступами-шишечками. В ногах стояла краснолаковая чаша ESB и кружка. Последняя четверть I в. н.э.

Погребения

176

177

178

179

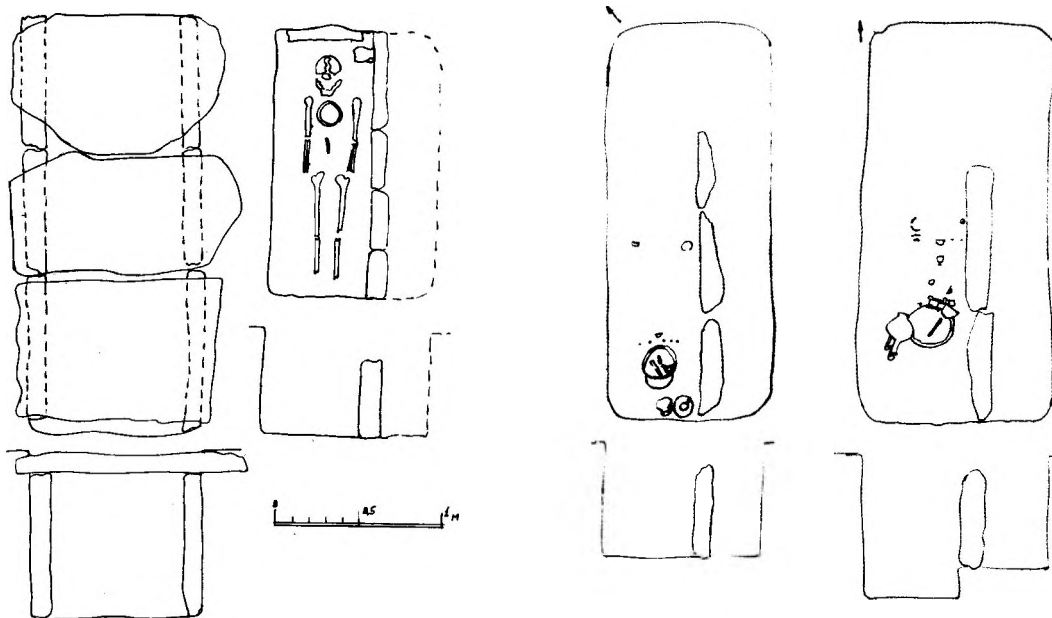
Погребение 176 (табл. 112, 15–19; 113, 114). Входная яма (2,4 x 0,5 x 2,1 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в северо-западной стенке подбойную камеру (2,4 x 1,0 x 2,2 м), заложенную вертикально стоявшими плитами. Погребенная женщина лежала вытянуто на спине, головой на северо-восток. В головах стояла краснолаковая тарелка с клеймом *planta pedis*, в которой лежали кость крупного животного, железный нож, краснолаковый кубок и кусочки угля. У черепа лежали две золотые серьги, обрывки золотой фольги (шесть фрагментов, вероятно, от погребального венка). На груди и вокруг запястья левой руки – бусы (гагат, янтарь, сердолик), у левой руки – бронзовые фибула и зеркало-подвеска (рассыпалось). На правой руке – бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок, на левой – круглопроволочный браслет (фрагментированный) и перстень с плоским щитком. В ногах лежали костяная пиксида, бронзовые и костяные детали от шкатулки, лепная реберчатая курильница, в ней – небольшая лепная курильница с отверстиями в стенках, рядом – кусочки мела. У юго-западной стены прослежены следы тлена от деревянных плашек. Последняя четверть I в. н.э.

Погребение 177 (табл. 115, 1–4). Грунтовая яма (2,1 x 0,6 x 1,25 м), ориентированная с севера на юг. По остаткам истлевших костей установлено, что погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-юго-запад, ноги в голени скрещены. В ногах погребенного вертикально стоял небольшой бесформенный камень. Слева от черепа находились краснолаковая кружка и железный нож с прямой спинкой. В центральной части ямы найден обломок горла амфоры. Первая половина II в. н.э.

Погребение 178 (табл. 115, 5–12). Входная яма (2,1 x 0,45 x 1,8 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в северо-западной стенке подбойную камеру (2,1 x 0,5 x 1,8 м), закрытую четырьмя камнями, наклоненными в сторону подбоя. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад (кости сохранились очень плохо). В головах стоял краснолаковый кувшин, накрытый крупной галькой; на груди лежали две бронзовые фибулы, у левой руки – бронзовая пряжка; между ногами стоял краснолаковый кубок. Первая половина II в. н.э.

Погребение 179 (табл. 116, 1–8). В грунтовой яме (1,9 x 0,7 x 1,5 м), ориентированной с севера на юг, на дне лежал вытянуто на спине скелет погребенного, головой на юг, ноги скрещены в голени. На черепе стояла краснолаковая миска с клеймом *planta pedis*, в которой лежали железный нож и кость животного. Под черепом найдены стеклянный бальзамарий с отбитым горлом и краснолаковый кубок. Слева от погребенного, около левого плеча, стоял краснолаковый кувшин; у берцовой кости правой ноги – бронзовый колокольчик (рассыпался) и обломки двух железных ножей. В погребении также найдена биметаллическая пластина (железо, белый металл) с отпечатками ткани. Конец I – первая четверть II в. н.э.

Погребения

180

181

182

183

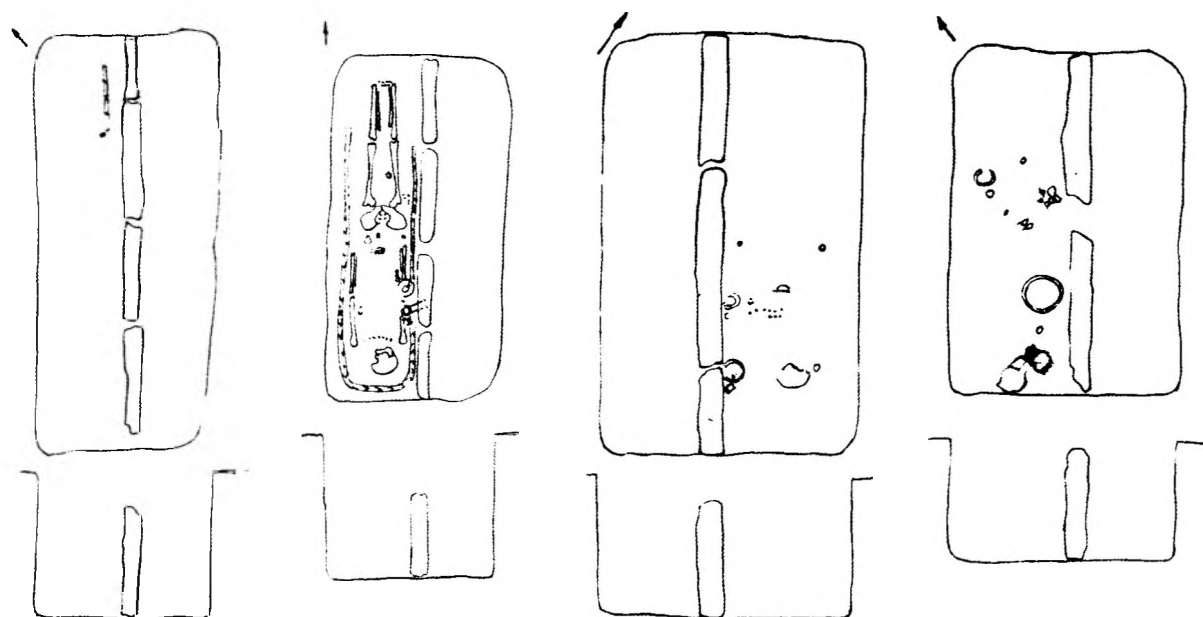
Погребение 180 (табл. 116, 9). Представляло собой грунтовую яму (2,5 x 0,85 x 1,75 м), на дне которой была сделана плитовая конструкция: два ряда вертикально стоявших каменных плит (по три с каждой стороны), перекрытые сверху тремя большими плитами, лежавшими горизонтально (две из них были сдвинуты, и только одна лежала *in situ*). Следов костей нет. Могила была полностью ограблена еще в древности – в ней найдены только обломок керамики и фрагмент неопределенного бронзового предмета.

Погребение 181 (табл. 117, 1–9). Входная яма (1,6 x 0,4 x 1,4 м), ориентированная с севера на юг, имела в западной стенке подбойную камеру (1,6 x 0,6 x 1,4 м), закрытую вертикально стоявшими плитами. На дне ямы лежал скелет (вероятно, детский), вытянуто на спине, головой на север. В головах стояла лепная сероглиняная кружка, на груди – краснолаковая тарелка, под ней – бусы. Одна гагатовая бусина лежала у запястья правой руки, около тазовых костей – железный нож. Конец I – первая четверть II в. н.э.

Погребение 182 (табл. 117, 10–19). Входная яма (2,2 x 0,4 x 1,6 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в северо-западной стенке подбойную камеру (2,2 x 0,5 x 1,64 м). На дне вытянуто на спине лежал скелет погребенного, головой на юго-запад. В головах стояли краснолаковые кувшин и кружка, рядом с черепом – краснолаковая тарелка, в которой находились кость животного и обломанный железный нож, а также стеклянный бальзамарий. На груди – бронзовая смычковая фибула и бусы (стекло, бронза); на запястье правой руки – бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок, у левой руки – бронзовая обойма. Первая половина II в. н.э.

Погребение 183 (табл. 118). Входная яма (2,3 x 0,45 x 1,45 м), ориентированная с севера на юг, имела в западной стенке подбойную камеру (2,3 x 0,6 x 1,6 м), отделенную от входной ямы двумя вертикально стоявшими плитами. На дне камеры лежала погребенная женщина, вытянуто на спине, головой на юг. У черепа стояла краснолаковая тарелка с клеймом *planta pedis*, в которой находился железный нож; рядом – две краснолаковые чаши (ESB и понтийского производства) и кувшин, закрытый галькой. На груди найдены бронзовая лучковая подвязная фибула, глиняное пряслице, два колокольчика и неопределенный бронзовый предмет. У правой руки – бусы (гагат, сердолик) и бронзовый круглопроволочный перстень со стеклянной вставкой, у левой – бусы и кольцо с выступами-шишечками. В ногах – железные части деревянной шкатулки. Конец I в. н.э.

Погребение 184 (табл. 119, 1–2). Входная яма (2,3 x 0,5 x 1,6 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в северо-западной стенке подбойную камеру (2,3 x 0,5 x 1,6 м), отделенную четырьмя вертикально стоявшими каменными плитами. Могила (мужская) была полностью ограблена. В засыпи встречены обломки железного меча, халцедоновая бусина

Погребения

184

185

186

187

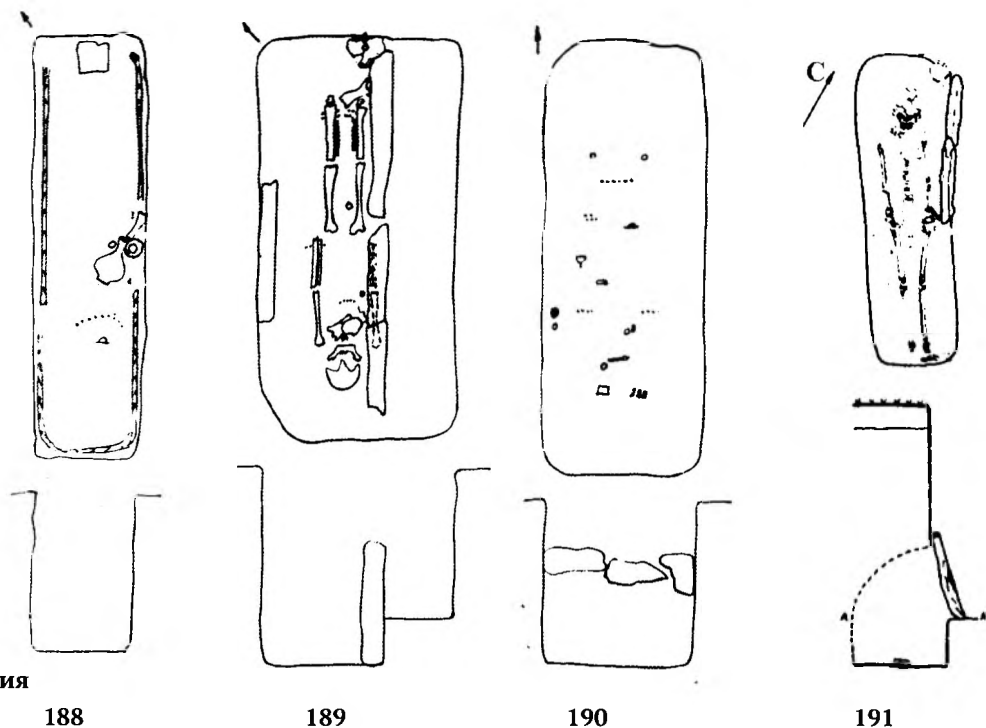
на металлическом стержне и четыре бронзовые бусины. *In situ* сохранились только кости голени в северо-восточной части ямы; исходя из этого можно предположить, что костяк был ориентирован головой на юго-запад. Середина – вторая половина II в. н.э.

Погребение 185 (табл. 119, 3–22). Входная яма (2,0 x 0,5 x 1,6 м), ориентированная с севера на юг, имела в западной стенке подбойную камеру (2,0 x 0,5 x 1,6 м). На дне камеры вытянуто на спине лежал скелет погребенной женщины, головой на юг, лицо повернуто на запад. Вокруг костей сохранились следы дерева – вероятно, от гроба. Около правого плеча найдены стеклянный бальзамарий, кусок розовой краски, глиняное пряслице, кость крупного животного, краснолаковые кувшин и кружка, кусок мела. На груди лежали бусы (гагат, стекло, янтарь) и бронзовая фибула с подвязным приемником; у пояса – бронзовые фибула-брошь с эмалью и зеркало-подвеска (орнаментом вниз). У бедра правой ноги – бусы, между берцовыми костями – бронзовый колокольчик полусферической формы; в ногах – стеклянные бусы (вероятно, были нашиты на подол платья). Середина – третья четверть II в. н.э.

Погребение 186 (табл. 120). Входная яма (1,8 x 0,5 x 1,4 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стене подбойную камеру (1,8 x 0,6 x 1,4 м). На дне сохранились фрагменты черепа и тлен от костей погребенного, лежавшего головой на юго-восток. В головах погребенного стояла краснолаковая тарелка *ESB* с именным клеймом, в которой находились железный нож, кость животного и обломки железной пластины; у правой руки – краснолаковая чаша *ESB* с клеймом-розеттой с раковиной мидии внутри; на груди – бусы и подвеска-амфорка из египетского фаянса, а также фибула; на пальцах рук – бронзовые перстни со стеклянными вставками (один на правой руке, два – на левой). Конец I – первая половина II в. н.э.

Погребение 187 (табл. 121). Входная яма (1,48 x 0,5 x 1,3 м), ориентированная с юго-запада на северо-восток, имела в северо-западной стене подбойную камеру (1,48 x 0,5 x 1,3 м), закрытую двумя вертикально стоявшими камнями. Кости не сохранились, но судя по тлену от них погребенный лежал головой на юго-запад. В головах стояли краснолаковые кувшин, кружка и миниатюрный сосуд, рядом с которыми обнаружен кусок розовой краски. Над головой находилась краснолаковая тарелка с клеймом *planta pedis*; на груди лежали две фибулы (смычковая и лучковая подвязная). У правой руки найдены стеклянные амфориск и бальзамарий, бронзовые обойма и треугольная по форме пластинка со сквозными отверстиями по углам. У левой руки – бронзовые колокольчики и браслет с окончаниями в виде змеиных голов. Последняя четверть I в. н.э.

Погребение 188 (табл. 122, 1–7). Грунтовая яма (2,3 x 0,6 x 1,65 м), ориентированная с юго-запада на северо-восток. У северо-восточной стены стоял камень четырехугольной

Погребения

188

189

190

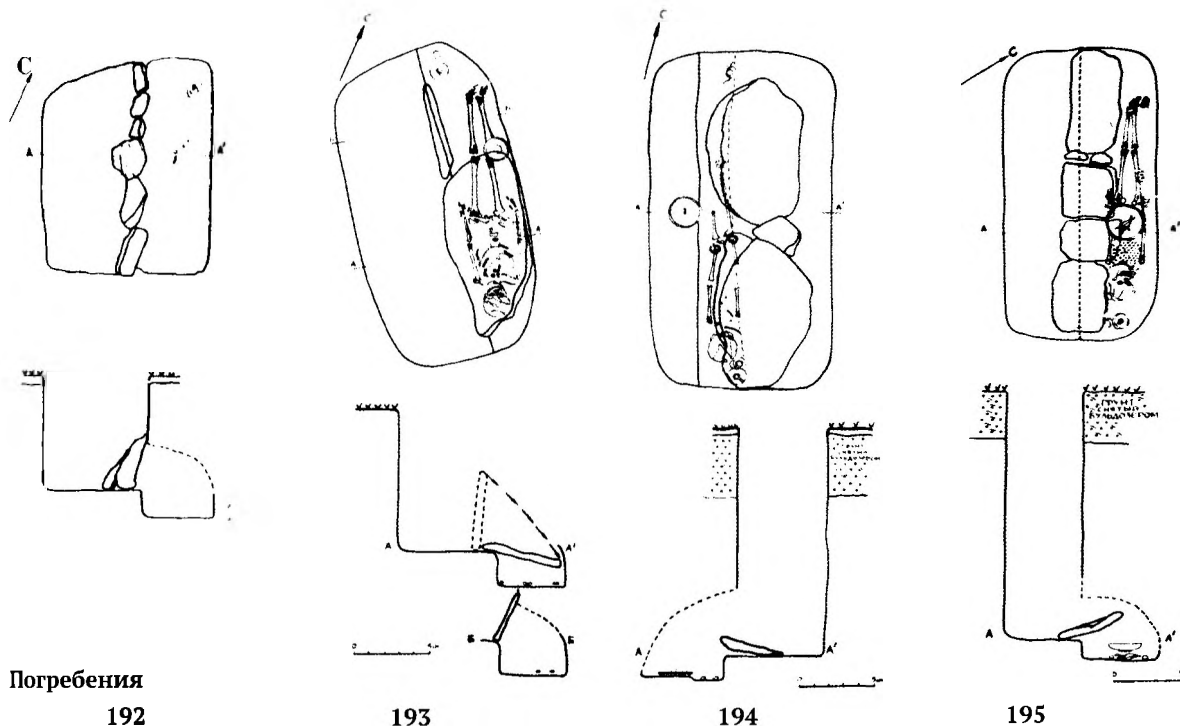
191

формы. По краям всей могилы были прослежены следы дерева (остатки гроба?). Скелет погребенного (женщины?) лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. В области таза лежали кость крупного животного, краснолаковые кувшин и кружка, железный нож, бронзовое кольцо и глиняное пряслице; на груди – бронзовая фибула и янтарные бусы. Вторая половина II – начало III в. н.э.

Погребение 189 (табл. 123). Входная яма (2,2 x 0,5 x 1,7 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в северо-западной стенке подбойную камеру (2,2 x 0,6 x 1,9 м), закрытую тремя большими вертикально поставленными камнями. У стены, противоположной закладу подбоя, вертикально поставленный камень. Кости погребенной женщины сохранились плохо, она лежала головой на юго-запад. В головах найдены проволоочные височные кольца; на груди – обломки двух бронзовых фибул, кость животного, краснолаковая кружка и бусы. Из них выделим крупную агатовую бусину на бронзовой проволоке. Браслет из бус зафиксирован вокруг левой руки умершей. Между ног лежало глиняное пряслице; в ногах – бусы, кость животного, краснолаковые тарелка ESB, кувшин и кубок, обломки железных деталей шкатулки и фрагменты стенки и ручки светлоглиняной амфоры. Около середины II в. н.э.

Погребение 190 (табл. 122, 8–19). Грунтовая яма (2,2 x 0,8 x 1,6 м), ориентированная с севера на юг. В засыпке ямы встречены некрупные бесформенные камни. Судя по тлену от костей, погребенная женщина лежала вытянуто на спине головой на север. У черепа найдены два бронзовых проволоочных височных кольца и бусы; на груди – бусы и бронзовая лучковая подвязная фибула; у правой руки – бронзовые обломки перстня, предмет в виде спирали, колокольчик и обойма, бусы (гагат, сердолик). В ногах лежали обломки железных предметов, глиняное пряслице, железный нож и бронзовая четырехугольная пластина (деталь шкатулки?). Середина II в. н.э.

Погребение 191 (табл. 124; 125, 1–24). Входная яма (длина – 1,9, высота – 1,3 м, ширина полностью не прослежена), ориентированная с северо-запада на юго-восток. В юго-западной стенке сделана подбойная камера (1,95 x 0,65 x 1,65 м), закрытая двумя вертикально стоявшими камнями. На дне камеры вытянуто на спине лежал скелет погребенной женщины, головой на северо-запад. В головах справа от черепа был поставлен краснолаковый кувшин, на котором стоял горшок, в свою очередь, накрытый камнем. Под черепом лежали бронзовые круглопроволочные подвески (рассыпались). На груди – бусы из сердолика, гагата, халцедона, стекла, янтаря; подвески из египетского фаянса в виде скарабеев и гениталий; около кувшина и на груди найдены мелкие кусочки угля. У кисти левой руки стояла краснолаковая тарелка, в которой лежала кость барана, у рук лежали сердоликовые и гагатовые бусы; у левого плеча – бронзовая фибула в обломках. На правой руке было надето два браслета – один с расплющен-

Погребения

192

193

194

195

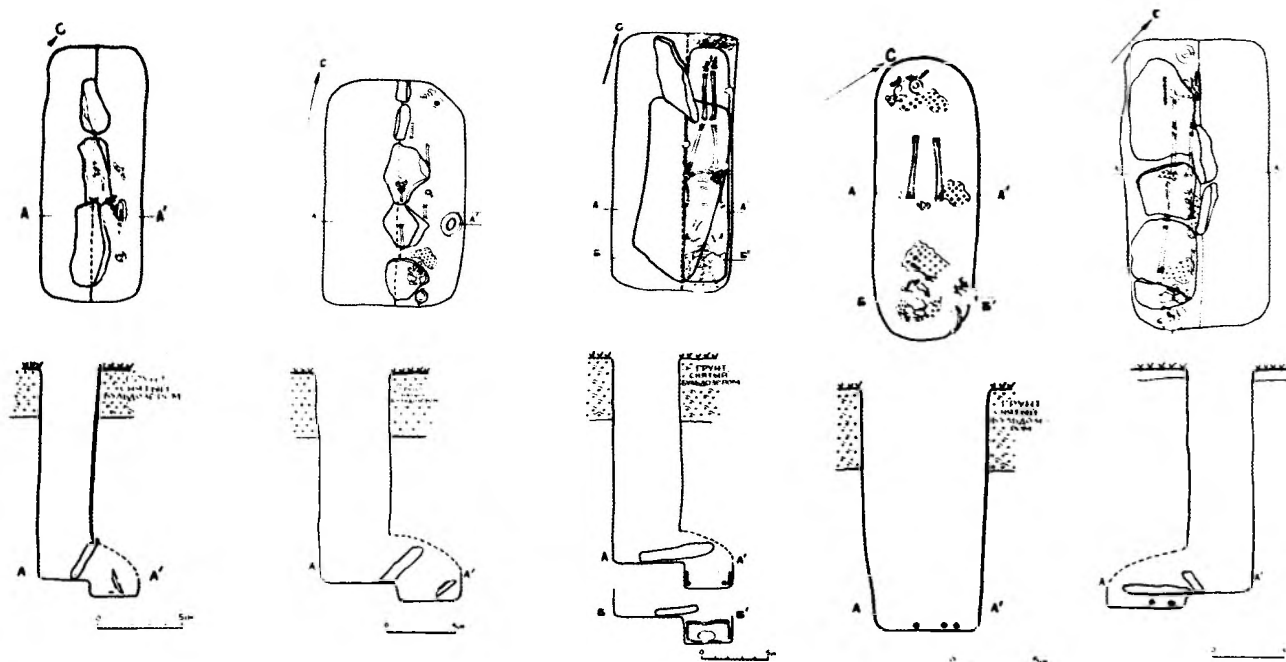
ными фигурными концами, другой – со змеиными головками. На левой руке – два таких же браслета; рядом найдено кольцо с выступами-шишечками, также использованное в качестве браслета. Под всем костяком прослежены следы тлена (подстилка или кошма?). У правого бедра лежало глиняное пряслице; между ног – два бронзовых колокольчика, ведровидная привеска и фаянсовые подвески-амфоры. В ногах зафиксированы кусочки румян. Конец I – первая четверть II в. н.э.

Погребение 192 (табл. 125, 25–31). Входная яма (1,45 x 0,75 x 0,72 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стенке подбойную камеру (1,53 x 0,45 x 1,0 м), закрытую рядом вертикально стоявших камней неправильной формы. На дне камеры – тлен от детского костяка, лежавшего головой на северо-запад. В головах стоял краснолаковый кувшин, накрытый краснолаковым кубком, перевернутым вверх дном. В центре могилы – бронзовая фибула и бусы из гагата и стекла. Последняя четверть I – первая четверть II в. н.э.

Погребение 193 (табл. 126, 1–4). Входная яма (2,1 x 0,6 x 0,95 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стенке подбойную камеру (2,15 x 0,5 x 1,2 м), закрытую двумя вертикально стоявшими камнями, один из которых упал на кости погребенного. Умерший лежал головой на юго-восток, вытянуто на спине. В ногах стоял краснолаковый кувшин и горшок, у правой ноги, на уровне колена – краснолаковая тарелка ESB, на груди – две гагатовые бусины. Последняя четверть I в. н.э.

Погребение 194 (табл. 127). Входная яма (2,3 x 0,7 x 1,55 м), ориентированная почти по линии север–юг с небольшим отклонением к северо-западу, имела в юго-западной стенке подбойную камеру, отделенную от ямы каменными плитами, упавшими на костяк. На дне камеры вытянуто на спине лежал скелет ребенка, головой на юго-восток. В головах стояли краснолаковые кубок и амфора, рядом с которыми лежало круглое бронзовое зеркало. У левой ноги, в своеобразной нише находилась краснолаковая тарелка с клеймом *planta pedis*. На левой руке – два бронзовых перстня и бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок. На правой руке – аналогичный браслет. На груди погребенного лежали сердоликовая бусина и бронзовая фибула, у костей правой ступни – бисер. У северной стены могилы стояла краснолаковая чаша, рядом с которой лежали железные острие и нож. В засыпи могилы найдено глиняное пряслице. Последняя четверть I в. н.э.

Погребение 195 (табл. 126, 5–18). Входная яма (2,15 x 0,55 x 1,85 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стенке подбойную камеру (2,15 x 0,55 x 2,0 м), отделенную несколькими вертикально стоявшими каменными плитами. На дне камеры вытянуто на спине лежал скелет погребенной женщины, головой на юго-

Погребения

196

197

198

199

200

восток. В головах стояли краснолаковые кувшин и кружка, у правого виска лежал бронзовый перстень, у нижней челюсти – обломок бронзового предмета, на груди – бронзовая фибула и бусы. На тазовых костях стояла краснолаковая миска с клеймом *planta pedis*, в которой лежали железный нож и кости барана. В ногах – бусы; у ступни правой ноги – румяна и железный ключ от шкатулки. Последняя четверть I – первая четверть II в. н.э.

Погребение 196 (табл. 128, 1–19). Входная яма (1,55 x 0,3 x 1,3 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стенке подбойную камеру (1,55 x 0,3 x 1,4 м), отделенную тремя вертикально стоявшими плитами. Кости погребенного (вероятно, ребенка) не сохранились; судя по тлену, он был ориентирован головой на юго-восток. В юго-восточной части камеры был найден краснолаковый кубок. В центре стояла краснолаковая миска с клеймом ромбовидной формы, в которой лежал железный нож. Рядом с ней найдены обломок бронзового зеркала, браслет, раздавленный стеклянный бальзамарий, бронзовый колокольчик, железный предмет неясного назначения, бронзовая лучковая подвязная фибула и бусы. Первая половина – середина I в. н.э.

Погребение 197 (табл. 129). Входная яма (1,7 x 0,55 x 1,6 м), ориентированная с севера на юг, с небольшим отклонением к северо-западу, имела в восточной стенке подбойную камеру (1,7 x 0,5 x 1,7 м), закрытую наклонно стоявшими каменными плитами. На дне камеры – тлен от скелета (женского?), лежавшего головой на юг с небольшим отклонением к востоку. В центре камеры вверх дном лежала краснолаковая тарелка; в головах был помещен краснолаковый кубок, ниже черепа найдены бусы (сердолик, гагат) и пара бронзовых височных подвесок; слева от черепа – бронзовая серьга. На пальцах правой руки – три бронзовых перстня, рядом стояла миниатюрная баночка из голубого стекла. На груди размещались две бронзовые фибулы. На запястье левой руки – бусы и браслет с окончаниями в виде змеиных головок; в ногах – лепной лощеный сероглиняный горшочек, миниатюрная краснолаковая чаша ESB, стеклянный арибалл, железное острие и румяна. Рубеж I–II вв. н.э.

Погребение 198 (табл. 130; 131, 1–16). Входная яма (2,0 x 0,55 x 1,65 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в юго-западной стене подбойную камеру (2,0 x 0,35 x 1,8 м), закрытую двумя наклонно стоявшими плоскими плитами. На дне камеры вытянуто на спине лежал скелет погребенной женщины, ориентированный головой на юго-восток. Вокруг костяка и над ним сохранились остатки дерева от гроба. В головах, за пределами гроба, лежали железный нож и кость барана. У правой руки – два бронзовых перстня, браслет с окончаниями в виде змеиных головок; у левой руки – два бронзовых перстня со стеклянными вставками и бусы. В ногах – краснолаковый кувшин, кружка, стеклянный бальзамарий, обломок бронзового зеркала-подвески, железный нож, ключ, пластина от обкладки шкатулки, румяна, обло-

мок бронзовой пластины – вероятно, от второго зеркала и глиняное пряслице. Все эти вещи, кроме сосудов, вероятно, лежали в шкатулке, поставленной рядом с гробом. Конец I – первая половина II в. н.э.

Погребение 199 (табл. 128, 20–31). Грунтовая яма (1,7 x 0,6 x 1,0 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток; на дне – скелет погребенной женщины плохой сохранности, лежавший головой на юго-восток. В головах с правой стороны стояли краснолаковые тарелка с клеймом *planta pedis*, кубок и ойнохоя; на груди, на правой руке и тазе – бусы; около головы и в ногах – мелкий бисер. В ногах стояла вверх дном краснолаковая чаша, рядом с которой лежали обломок бронзового дисковидного зеркала, куски дерева, угли, железное острие и румяна; у левой ноги – глиняное пряслице. Последняя четверть I – начало II в. н.э.

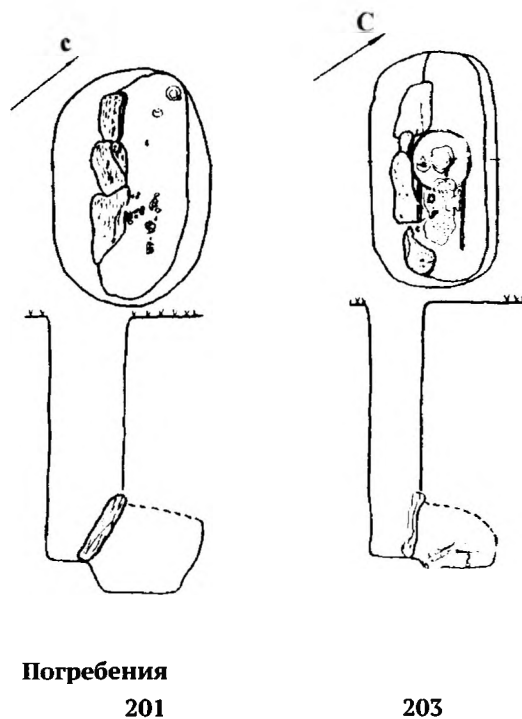
Погребение 200 (табл. 131, 17–37). Входная яма (1,9 x 0,5 x 1,5 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в юго-западной стенке подбойную камеру (1,9 x 0,5 x 1,6 м), закрытую камнями. Погребенная женщина лежала вытянуто на спине, головой на юго-восток. В головах стояла краснолаковая тарелка с клеймом *planta pedis*, в которой лежали железный нож и кость барана. У височных костей – две бронзовых проволочных серьги (рассыпались); на груди – бусы (гагат, сердолик). У рук – бусы (сердолик, гагат) и две подвески: из египетского фаянса и обломок раковины в бронзовой оплетке. У пояса найдена бронзовая обойма (рассыпалась), в ногах – голубой бисер (был нашит на подол платья), бронзовое дисковидное зеркало, краснолаковые миска и кувшин, закрытый сверху кубком, железный нож, глиняное пряслице. Вдоль ног прослежены следы черного тлена (от подстилки?). Последняя четверть I в. н.э.

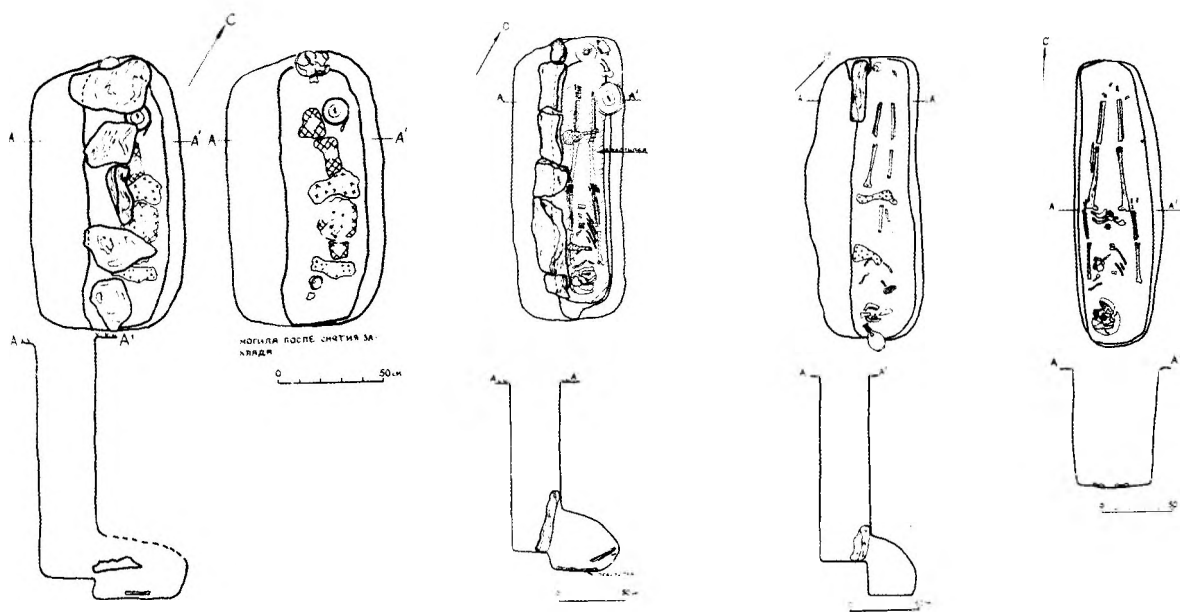
Погребение 201 (табл. 132). Входная яма (1,05 x 0,32 x 1,1 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в восточной стенке подбойную камеру (1,05 x 0,39 x 1,25 м), перекрытую тремя вертикально поставленными плитами, одна из плит стояла наклонно в сторону подбоя. Кости погребенного не сохранились, но, судя по тлену, это было детское погребение, ориентированное головой на северо-запад. В северной части камеры стояла кружка и миниатюрный краснолаковый горшочек. У черепа обнаружены два височных кольца, на руках и на груди – бусы (гагат, египетский фаянс, горный хрусталь, стекло), на левой руке – бронзовый браслет с завязанными концами, бронзовая фибула, бронзовый перстень со стеклянной вставкой, у каждой руки – по колокольчику пирамидальной формы. Также у левой руки найдены три ведровидные подвески, бронзовая бусина и подвеска из египетского фаянса. Конец I – начало II в. н.э.

Погребение 202. Полностью разрушено стеной из камней, ориентированной с северо-востока на юго-запад.

Погребение 203 (табл. 133). Входная яма (1,5 x 0,25 x 1,12 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стенке подбойную камеру (1,3 x 0,46 x 1,2 м), отделенную четырьмя некрупными камнями. Рядом с камнями стояла краснолаковая тарелка с клеймом *planta pedis*, под которой лежал тлен от детского скелета. Вероятно, погребенный лежал в деревянном гробу – следы от тлена прослежены вдоль всей могилы. Под тарелкой находился железный нож, а рядом с ней стоял краснолаковый гуттус. В засыпи могилы были найдены обломки лепного сероглиняного сосуда. Под камнями лежал краснолаковый кувшин, рядом с ним – чаша, бусы и мелкий стеклянный бисер, бронзовая фибула, бронзовый браслет, стеклянный бальзамарий, тонкое височное кольцо (рассыпалось). Вторая половина I – возможно, начало II в. н.э.

Погребение 204 (табл. 134). Входная яма (1,3 x 0,3 x 1,1 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стенке подбойную камеру

Погребения

204

205

206

207

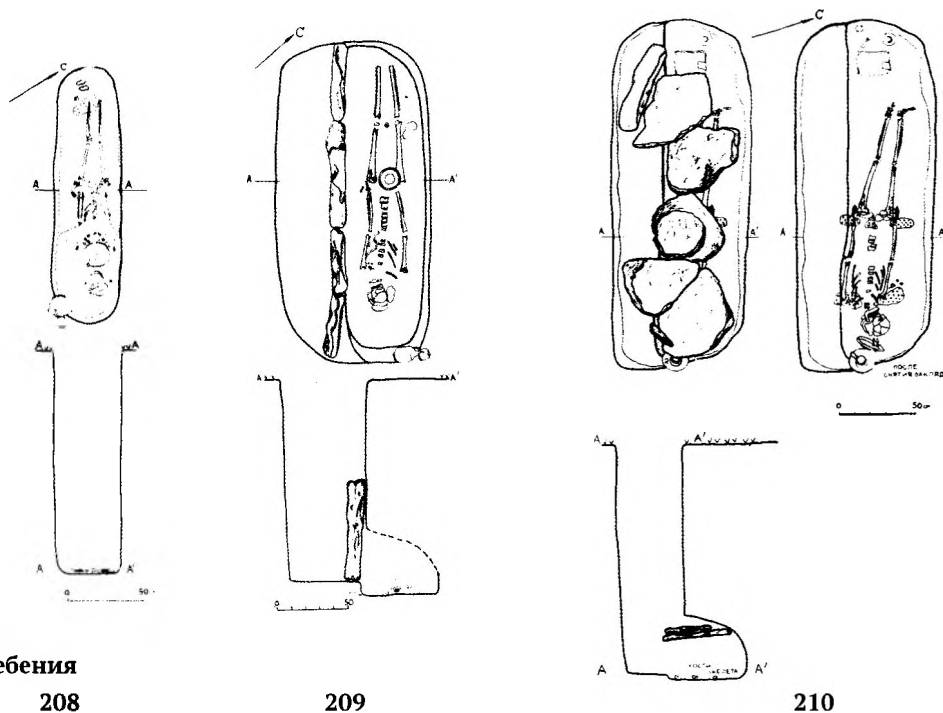
(1,3 x 0,46 x 1,24 м), отделенную наклонно стоявшими камнями. На дне камеры найдены следы тлена от детского скелета и молочные зубы; погребенный лежал головой на северо-запад. В головах располагались краснолаковые тарелка с клеймом *planta pedis* и кувшин, а также железный предмет. В ногах стояла краснолаковая чаша, рядом с ней – кусочки румян. На груди умершего лежали бусы; около левой руки – обломок бронзового кольца с шишечками, колокольчик, обломок бронзового предмета с отверстием. В центре могилы лежали перстень, обломок костяного предмета с отверстием, бронзовая проволоочная подвеска с кораллом, обломок петли от такой же подвески, плоский круглый известняковый предмет с отверстием и скопление бисера. Последняя четверть I в. н.э.

Погребение 205 (табл. 135, 1–9). Входная камера (2,15 x 0,31 x 1,5 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стенке подбойную камеру (2,15 x 0,5 x 1,4 м), закрытую четырьмя крупными плоскими камнями, наклоненными в сторону подбоя. В засыпи найдено много ракушечника и ручка амфоры. На дне камеры лежал скелет погребенного вытянуто на спине, головой на юго-восток, кисти рук – на тазовых костях. Вокруг костяка – черно-коричневый тлен с овальными очертаниями в изголовье (вероятно, это следы подстилки, на которую было положено тело покойного). На груди и около кистей рук, а также в ногах погребенного на уровне колен найдены стеклянные бусы (вероятно, ими была расшита одежда); в ногах стояли краснолаковые кувшин и чаши, и лежали бусы, около правой ноги у берцовых костей – краснолаковая тарелка с клеймом *planta pedis*, около нее – большой кусок румян; под тарелкой – железные нож и обломок острия. Последняя четверть I в. н.э.

Погребение 206 (табл. 135, 10–19). Входная яма (1,86 x 0,35 x 1,3 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стенке подбойную камеру (1,96 x 0,49 x 1,5 м), заложенную вертикально стоявшими камнями, сохранившимися только в ногах, так как часть заклада подбойной камеры была потревожена более поздней ямой. В засыпке могилы встречены обломки лепного сероглиняного сосуда и ручки амфоры. Скелет погребенной женщины лежал на дне вытянуто на спине, головой на юго-восток. В ногах лежали обломки раковины мидии, глиняное пряслице, фрагментированное бронзовое диско-видное зеркало; на груди – бусы, кусок мела; в головах – краснолаковая амфора и обломок железного ножа. Конец I – начало II в. н.э.

Погребение 207 (табл. 136, 1–5). Грунтовая яма (1,98 x 0,63 x 0,8 м), ориентированная с севера на юг, на дне которой вытянуто на спине лежал скелет погребенного, головой на юг. Около левой руки стоял краснолаковый кувшин, рядом с которым лежали бронзовая лучковая подвязная фибула и кружка. Около левой берцовой кости найден железный нож, на тазовых костях – железная пряжка. Конец I – первая половина II в. н.э.

Погребения
208

209

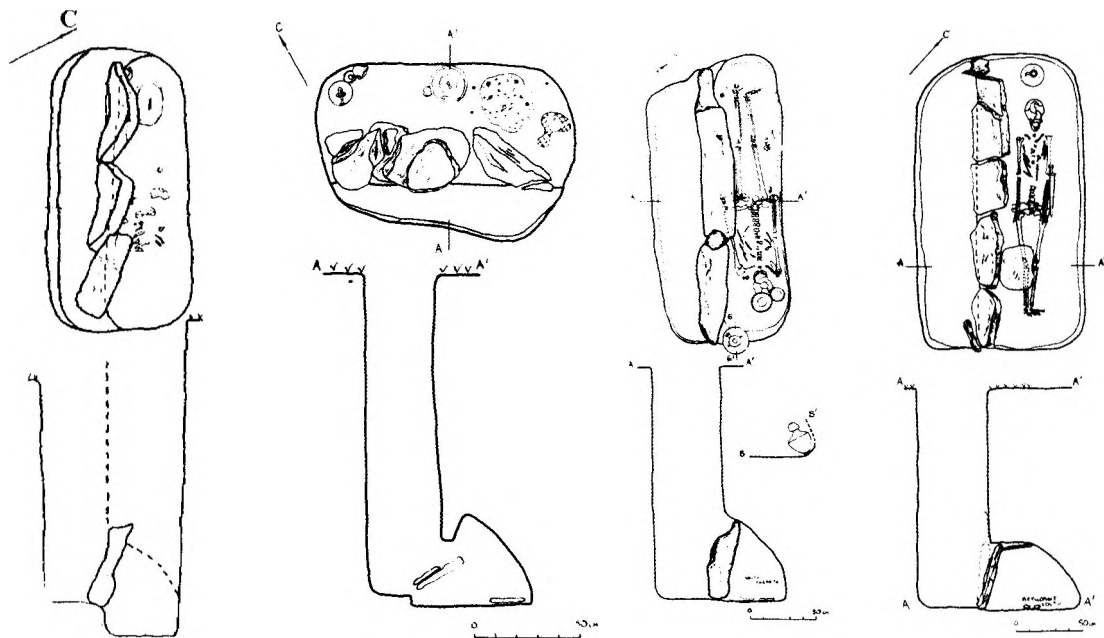
210

Погребение 208 (табл. 136, 6–23). Грунтовая яма (1,7 x 0,45 x 1,5 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, в засыпке которой присутствовало много углей. На дне ямы лежал вытянуто на спине скелет женщины, ориентированный головой на юго-восток. В головах стоял краснолаковый кувшин, накрытый перевернутой вверх дном кружкой без ручки; на груди стояла краснолаковая тарелка с клеймом *planta pedis* с костью животного внутри, под ней – бусы. На руках – бусы, у ног – бисер, розовые румяна, глиняное пряслице; около тарелки – бронзовая смычковая фибула-брошь с круглым медальоном с изображением орла; под черепом – бронзовая серьга. Найдеными бусами и бисером, вероятно, было расшито платье на груди, рукавах и подоле. Последняя четверть I в. н.э.

Погребение 209 (табл. 137). Входная яма (2,22 x 0,5 x 1,4 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стенке подбойную камеру (2,22 x 0,6 x 1,5 м), заложенную четырьмя вертикально стоявшими плитами. На дне камеры вытянуто на спине, головой на юго-восток, лежал скелет погребенного. В головах находился краснолаковый кувшин, накрытый кубком. На тазовых костях стояли краснолаковые тарелка с клеймом *planta pedis* и кружка, под тарелкой найден железный нож, у плеча левой руки – два бронзовых кольца с шишечками, две стеклянные бусины и бронзовая смычковая фибула. У правой ноги, справа от бедра, лежали две гагатовые бусины, справа от голени – ведерковидная и известняковая подвески; между колен – плоский круглый костяной предмет с отверстием в центре. Конец I – начало II в. н.э.

Погребение 210 (табл. 138). Входная яма (2,34 x 0,33 x 1,55 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стенке подбойную камеру (2,34 x 0,56 x 1,6 м), закрытую крупными камнями. В засыпи могилы найдены горло светлоглиняной амфоры, железный предмет и кусочки мела. Погребенная женщина лежала на дне камеры вытянуто на спине, головой на юго-восток. В головах стояла краснолаковая тарелка с клеймом GAIΟΥ, в которой лежали железный нож и кость животного. За тарелкой у юго-восточной стены были найдены краснолаковый кувшин и стоявший на нем горшок. У левого плеча располагалась бронзовая фибула, у локтя – железный ключ; у правого плеча – бронзовое дисковидное зеркало и кольцо с шишечками, обломок петельки от бронзового зеркала-подвески. Бусы лежали у плеч и на запястьях рук (ими была расшита одежда). В ногах находились железные детали от шкатулки, глиняное пряслице, краснолаковая чаша ESB с клеймом-розеттой и стеклянный бальзамарий. Конец I – первая четверть II в. н.э.

Погребение 211 (табл. 139). Входная яма (1,4 x 0,3 x 1,1 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стенке подбойную камеру (1,4 x 0,4 x 1,3 м), отделенную небольшими вертикально стоявшими камнями. На дне камеры сохранился толь-

Погребения

211

212

213

214

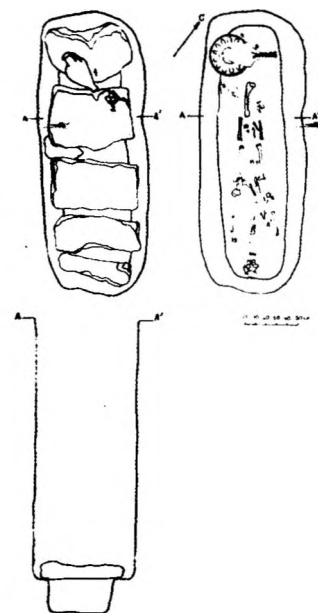
ко тлен от скелета ребенка, лежавшего головой на северо-запад. В северо-восточной части могилы у камней найдены краснолаковые тарелка *ESB* и кувшин. В центральной части могилы лежали два бронзовых колокольчика, две фибулы, железный нож, стеклянный бальзамарий, бронзовый перстень со стеклянной геммой-литиком, бусы и бисер, а также бронзовая пластина круглой формы с отверстием (монетовидная подвеска?). Начало II в. н.э.

Погребение 212 (табл. 140). Входная яма (1,2 x 0,2 x 1,25 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северной стене подбойную камеру (1,2 x 0,5 x 1,55 м), закрытую вертикально стоявшими необработанными камнями. На дне камеры – следы тлена от детского скелета, лежавшего головой на юг с небольшим отклонением к востоку. На груди погребенного (девочки?) находились два бронзовых колокольчика, две подвески – человеческие фигурки, круглая бронзовая пластина, острие, бронзовая подвеска, кольцо с шишечками, железная и бронзовая фибулы, бусы, румяна. В центре могилы стояла краснолаковая тарелка *ESB* с именным клеймом, рядом с которой лежали железный нож и бронзовый браслет с заходящими и перевитыми концами. В ногах стояли краснолаковая ойнохоя и гуттус, а также лепная кружка. Конец I – первая четверть II в. н.э.

Погребение 213 (табл. 141). Входная яма (2,2 x 0,59 x 1,8 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стенке подбойную камеру (2,2 x 0,5 x 1,8 м), отделенную вертикально стоявшими крупными камнями. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. У юго-восточной стенки могилы в неглубокой нише стоял краснолаковый кувшин, накрытый кубком; около черепа открыты краснолаковая тарелка *ESB* и миска. У левого плеча находились две большие гагатовые бусины, у правого – бронзовая фибула. У запястий правой руки найден бронзовый браслет с утолщениями на концах. На груди лежала вторая бронзовая фибула. У костей правой ноги обнаружены два бронзовых кольца с шишечками, бронзовый колокольчик и железный нож. В ногах, слева от погребенного, лежали три железные пряжки различного размера. Конец I – начало II в. н.э.

Погребение 214 (табл. 142, 1–5). Входная яма (2,26 x 0,47 x 1,6 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стенке подбойную камеру (2,26 x 0,8 x 1,63 м), закрытую тремя большими каменными плитами, стоявшими наклонно в сторону подбоя. В засыпи могилы найдены обломки стенок красноглиняного кувшина. Погребенный мужчина лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. В головах стоял краснолаковый кувшин; вдоль левой руки лежал железный кинжал с кольцевым навершием и прямым перекрестьем, на рукоятке отпечатались следы дерева. На груди – бронзовая фибула и железный нож, под кинжалом лежала стеклянная мозаичная бусина. Вторая–третья четверти II в. н.э.

Погребение 215 (табл. 143–144). Грунтовая яма (2,55 x 0,95 x 2,7 м), ориентированная с юго-востока на северо-запад, с заплечиками, на которых лежали пять больших плоских плит. В засыпке ямы встречались мелкие и крупные камни. На плите в северной части могилы обнаружены большой красноглиняный сосуд с одной ручкой и сероглиняная миска. Под плитами на дне ямы лежал погребенный мужчина в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Под костями прослежен слой обгорелого дерева (до 0,2 м толщиной), в том числе круглые в сечении плашки. В ногах была найдена узкогорлая светлоглиняная амфора, под которой находился бронзовый таз с каннелированным туловом и ручками, заканчивающимися изображениями птичьих голов. Под чашей лежали четыре бронзовые кольца-пряжки, рядом – кость крупного животного и железный нож. У правой руки погребенного – железный кинжал с прямым перекрестьем и кольцевым навершием и халцедоновые бусины, а также железный нож и бронзовая игла; на правой руке – серебряный браслет и обломки колец. На левом плече лежала бронзовая лучковая подвязная фибула со сплошной обмоткой, с сохранившимися остатками ткани; около правой ступни – фрагмент кожи (от обуви?). Вторая–третья четверти II в. н.э.

Погребение

215

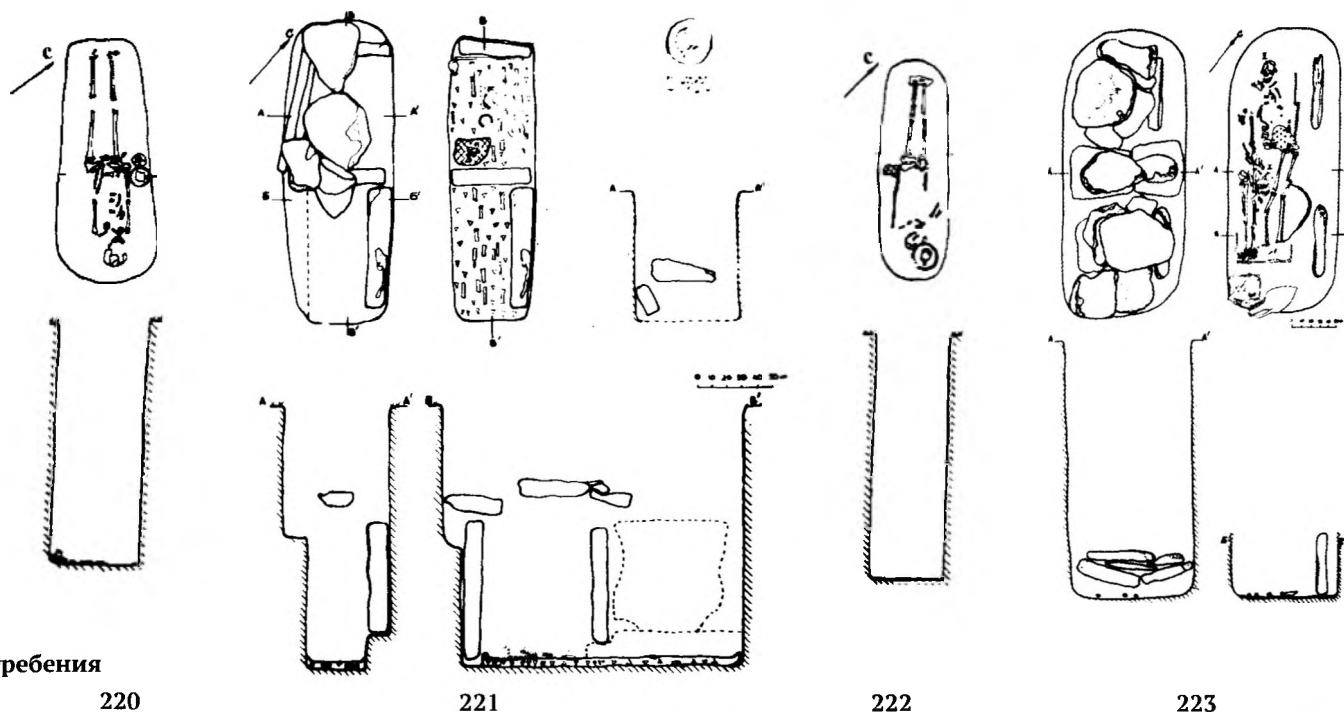
Погребение 216 (табл. 142, 6–12). Грунтовая яма (1,85 x 0,69 x 1,4 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. Погребенный лежал на дне ямы вытянуто на спине, головой на юго-восток. На груди находилась бронзовая лучковая подвязная фибула, на правой руке – бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок, рядом – два бронзовых кольца с шишечками, с продетыми в них бусинами, обломок железного предмета и халцедоновая бусина. В головах стояла краснолаковая кружка, в ногах – краснолаковые кувшин и тарелка ESB, в которой лежал железный нож. Вторая четверть II в. н.э.

Погребение 217 (табл. 145). Грунтовая яма (2,3 x 0,8 x 2,2 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. В засыпке могилы встречены камни небольшого размера. Погребенная женщина лежала на дне ямы вытянуто на спине, головой на юго-восток. В ногах находились краснолаковый кувшин, железный нож, бронзовые и железные детали шкатулки, глиняное пряслице, кость крупного животного, кусочки румян и мела; между берцовыми костями и на руках – бусы и бисер, на груди у левого плеча – две бронзовые фибулы, на левой руке – бронзовые зеркало-подвеска, игольница и железный предмет. Первая половина II в. н.э.

Погребение 218 (табл. 146). Грунтовая яма (1,8 x 1,0 x 1,9 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. На дне – следы тлена от костей погребенного, ориентированного головой на юго-восток, и лежавшие в беспорядке камни. У юго-восточного борта ямы – краснолаковые сосуды: тарелка, в которой стояла кружка, а рядом амфора. В центре могильной ямы найдены два бронзовых круглопроволочных браслета с заходящими и завязанными концами, две бронзовые бусины, также бронзовые: ажурная подвеска, фибула, четырехугольная пряжка с шишечками по углам и пирамидальный колокольчик. Тут же лежали две бусины и круглый предмет из зеленоватого непрозрачного стекла с отверстием (бусина или пронизь?). Вторая–третья четверти II в. н.э.

Погребение 219. Грунтовая яма (2,67 x 0,97 x 1,75 м), заложенная крупными камнями, ориентированная с северо-востока на юго-запад. В западной части могилы найдены куски обгорелого дерева, обломки железного ножа и фрагмент сосуда. Камни были сдвинуты, следов от костей нет. Вероятно, могила была ограблена.

Погребение 220 (табл. 147, 1–8). Грунтовая яма (1,8 x 0,65 x 1,75 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. Погребенная женщина лежала вытянуто на спине, голо-

вой на юго-восток. Левая рука положена на кости таза. У правой руки стояла краснолаковая тарелка, в которой находились краснолаковые кружка и кувшин, кость животного. На правой руке – бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок, у левого бедра – железная пряжка с бронзовым язычком. На груди – два бронзовых кольца с шишечками. Около правого плеча – бронзовая лучковая подвижная фибула, на груди – большая меловая бусина. В ногах лежали мелкие железные детали шкатулки. Первая половина II в. н.э.

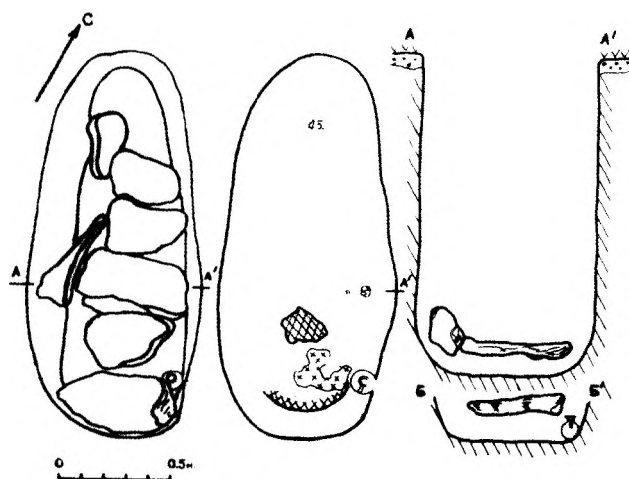
Погребение 221 (табл. 148). Грунтовая яма (2,0 x 0,7 x 1,65 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. На дне могильной ямы вертикально стояли прямоугольные плиты – одна вдоль северо-западной торцевой стены ямы, другая – параллельно ей в средней части ямы, разделяя последнюю на две части. В северо-западной части ямы над этими плитами лежали бесформенные каменные глыбы. В юго-восточной части могилы, вдоль ее северо-восточной стены стояла еще одна каменная плита. На дне всей могильной ямы были обнаружены следы деревянного настила.

На настиле в северо-западной части могилы, между двумя вертикально стоявшими поперек ямы плитами обнаружено скопление вещей. Здесь были найдены краснолаковая чаша, стеклянные кубикос и венчик бальзамария со старым сколом, краснолаковые чаша со штампованным орнаментом, блюдце и стакан, железный ключ и обкладки от деревянной шкатулки (не исключено, что все эти вещи лежали в шкатулке), стеклянный стакан. Около вертикально стоявшего камня в центре могилы обнаружено еще одно скопление вещей: бусы, бисер, пять бронзовых колокольчиков, фрагментированная фибула и боспорская бронзовая монета с отверстием. Никаких следов костей погребенного не обнаружено. Можно предположить, что в северо-западной части ямы было совершено детское захоронение, кости от которого не сохранились. Третья четверть II в. н.э.

Погребение 222 (табл. 147, 9–14). Грунтовая яма (1,6 x 0,55 x 1,1 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. Погребенный (женщина?) лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. В головах стояли краснолаковые тарелка и кувшин, рядом с которыми лежали фрагменты чаши; у правой руки найдены бронзовые шипчики, в районе таза и на груди – гагатые бусы и железный обломок перстня; на правой руке – бронзовый перстень с изображением ветви и греческими буквами NH на щитке; в ногах – глиняное пряслице. В засыпи ямы обнаружена бронзовая лучковая подвижная фибула со сплошной обмоткой. Вторая половина II в. н.э.

Погребение 223 (табл. 149–152). Грунтовая яма (2,8 x 1,1 x 2,37 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. У северо-восточной стены ямы два камня стояли вертикально, образуя каменную стенку. Сверху яма была перекрыта плитами. Яма была засыпана круп-

ными камнями неправильной формы. На дне могилы оказалось два костяка. Скелет из **погребения 223а** (ближе к камням у северо-восточной стены) лежал вытянуто на спине в направлении с северо-запада на юго-восток. Вероятно, первоначально он был ориентирован головой на северо-запад, но череп, кисти рук и ребра были сдвинуты к ногам. В ногах погребенного (у колен) лежали бронзовая статуэтка, изображающая Эрота, две бронзовые подвески-сферы, бронзовая бусина и подвеска. Погребение, вероятно, принадлежало мужчине. К юго-западу от первого

**Погребение
224 а**

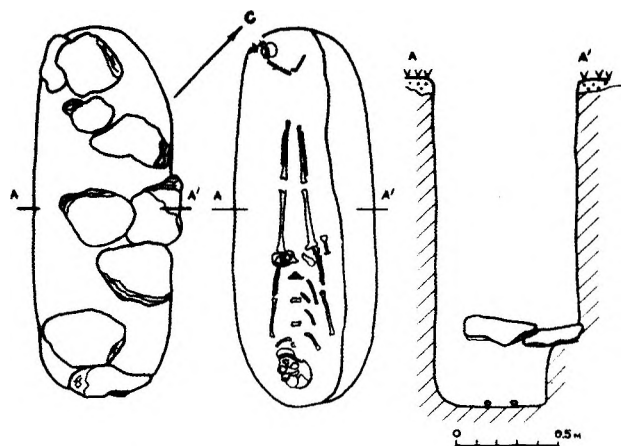
костяка на расстоянии 0,2 м открыто второе (женское) **погребение 223б**. Погребенная лежала вытянуто на спине, головой на северо-запад. У черепа найдены бронзовые булавка, игла, два височных кольца; на груди – бронзовые фибулы (круглая и в виде лягушки с эмалью, проволоочная лучковая), зеркало-подвеска и множество бус и бисера. На правой руке – серебряный браслет; на пальцах левой – два тонких серебряных перстня, один с белой стеклянной вставкой, второй – с сердоликовой геммой (изображение Фортуны). Около правой руки погребенной в беспорядке лежали остатки железных колесообразных псалий, фрагменты железной конской упряжи, крупные овальные меловые бусы и несколько бесформенных обрывков кольчужного плетения. Вероятно, эти вещи относились к первому погребению и были перемещены при совершении повторного захоронения. На ногах погребенной обнаружены мелкие золотые нашивные бляшки двух видов (вероятно, ими была расшита обувь). У юго-восточной стенки могильной ямы, в ногах, лежали остатки деревянной шкатулки и ее железные фрагменты, в шкатулке находились стеклянный бальзамарий, глиняное пряслице, румяна и железный ключ, а рядом – обломки сосуда и кость крупного животного. Тут же найдена узкогорлая светлоглиняная амфора.

Вероятно, первое погребение, к которому также относились конская упряжь и кольчуга, было мужским, впоследствии к нему была подзахоронена женщина, для чего кости первого погребенного были сдвинуты в сторону. Судя по анатомической целостности некоторых перемещенных костей первого костяка, можно предположить небольшой хронологический разрыв между двумя погребениями. Вторая четверть – середина II в. н.э.

Погребение 224 (табл. 154, 1–5). Полностью разрушено грабительскими раскопками, форму погребального сооружения восстановить не удалось. Вперемешку найдены следующие предметы инвентаря: зеркало-подвеска, обломок железного ножа, гагатый бисер, бронзовая лучковая подвижная фибула и обломки железных пластин от оклада шкатулки. Также найдена медная римская монета императора Нерона, просверленная в центре. Очевидно, погребение было женским. Около середины II в. н.э.

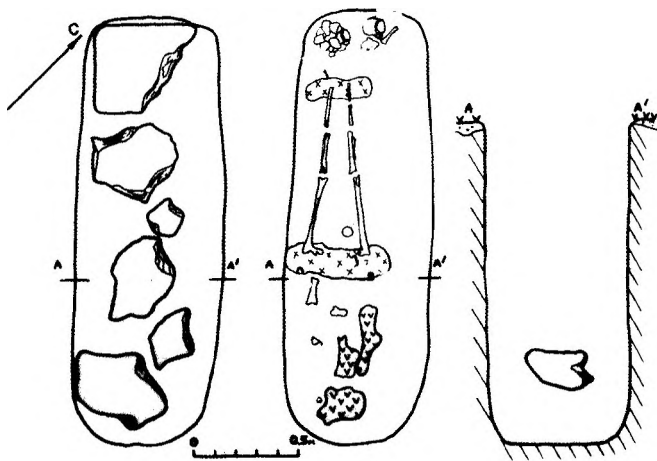
Погребение 224а (табл. 154, 6–12). Грунтовая яма (2,0 x 0,8 x 1,5 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. На глубине 1,35 м горизонтально на одном уровне лежали шесть камней, один камень был поставлен вертикально. На дне ямы лежал почти полностью истребленный детский скелет, головой на юго-восток. Справа от головы стоял краснолаковый кувшин, на груди лежали бусы (гагат, стекло), у правой руки – бронзовый перстень с утраченной вставкой. В ногах погребенного лежали румяна. Около середины II в. н.э.

Погребение 225 (табл. 154, 13–19). Грунтовая яма (1,85 x 0,75 x 1,65 м) с одним запле-
чиком, перекрытая камнями; ориентирована с северо-запада на юго-восток. На дне ямы ле-

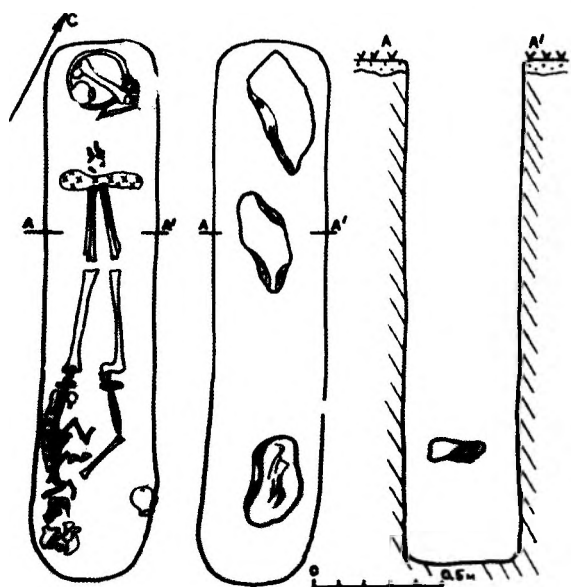

Погребения

225

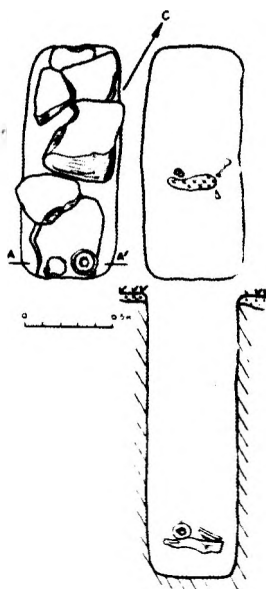

226

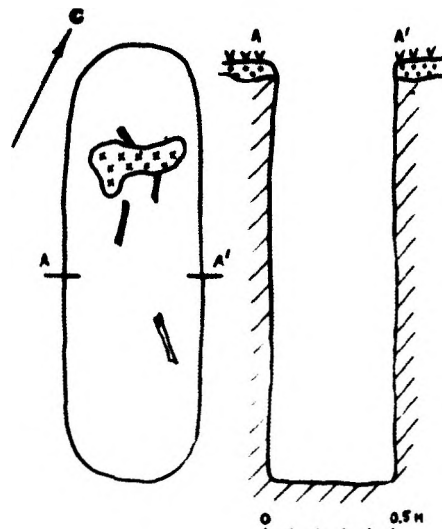

Погребения

227

228

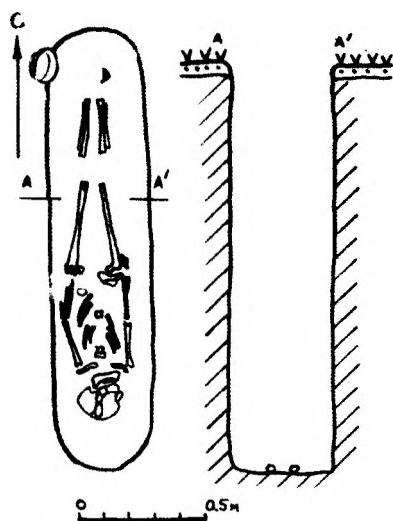

229

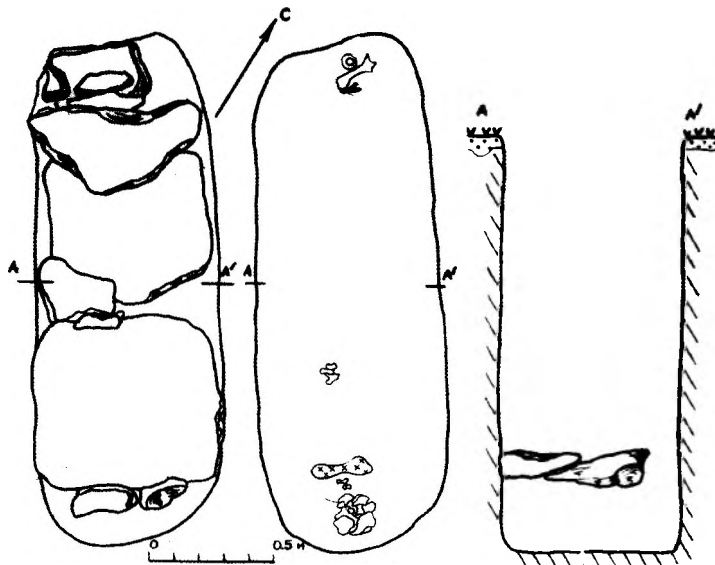
жал скелет погребенной женщины – вытянуто на спине, левая рука немного согнута в локте, и кисть положена на таз, голова ориентирована на юго-восток, череп немного склонен к левому плечу. Около правой кисти находился стеклянный бальзамарий; в ногах стояла шкатулка, от которой сохранились бронзовые и железные детали, а также ключ. В шкатулке лежал только кусочек румян; около шкатулки найдены кувшин и бронзовая фибула; около черепа – кусок зеркала-подвески. Вторая–третья четверти II в. н.э.

Погребение 226 (табл. 153). Грунтовая яма (2,1 x 0,7 x 1,55 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. В засыпи могильной ямы были найдены камни и обломки светло-глиняной амфоры. На дне лежал скелет погребенной женщины – вытянуто на спине, головой на юго-восток. В ногах стояли краснолаковые канфар и кувшин, рядом с ними – железные детали шкатулки с ключом, в которой находились глиняное пряслице, кусочки румян и железный нож. Между бедренными костями лежало бронзовое зеркало-подвеска; на руках было по одному бронзовому перстню, на груди – две бронзовые фибулы. У черепа – серебряная височная подвеска. Бусы, вероятно, украшавшие платье, были найдены в ногах, а также в районе тазовых костей. Вторая половина II в. н.э.

Погребение 227 (табл. 155; 156, 1–4). Грунтовая яма (2,13 x 0,43 x 2,0 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. Погребенная женщина лежала на спине (немного повернута на правый бок), головой на юго-восток; левая рука – вдоль тела, правая согнута в локте, кисти обеих рук – на тазу. В ногах находилась краснолаковая тарелка, в которой лежали кость крупного животного и кружка. Рядом с тарелкой была помещена краснолаковая

Погребения
230

231

чаша ESB, тут же были найдены румяна, глиняное пряслице с граффити, железный нож, стеклянный бальзамарий, железные детали от шкатулки. Справа, на некотором расстоянии от черепа, стоял краснолаковый кувшин; на правой руке надеты бронзовые кольцо и браслет с окончаниями в виде змеиных головок, на левой – близкий браслет. Вдоль левой руки лежала низка бус (обшивка рукава?), у щиколоток находились мелкие гагатовые и стеклянные бусы и бисер (обшивка подола платья). Вторая–третья четверти II в. н.э.

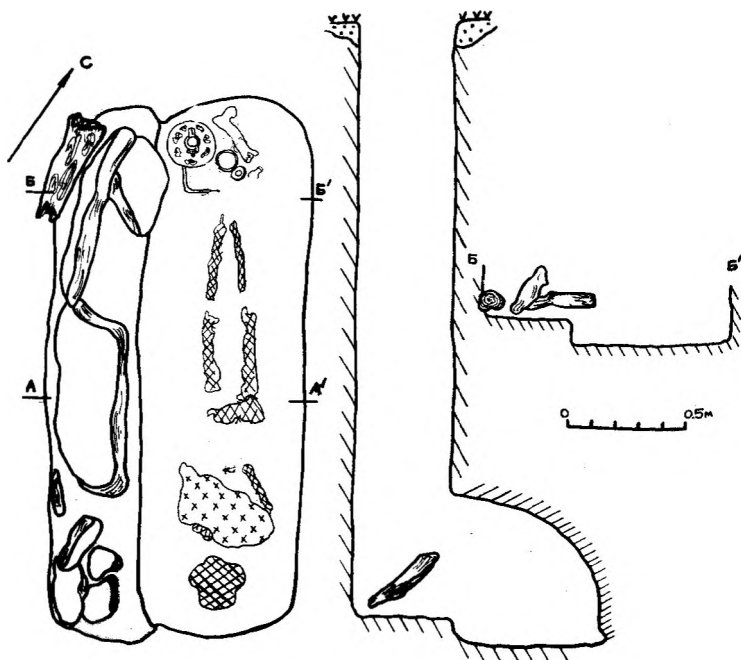
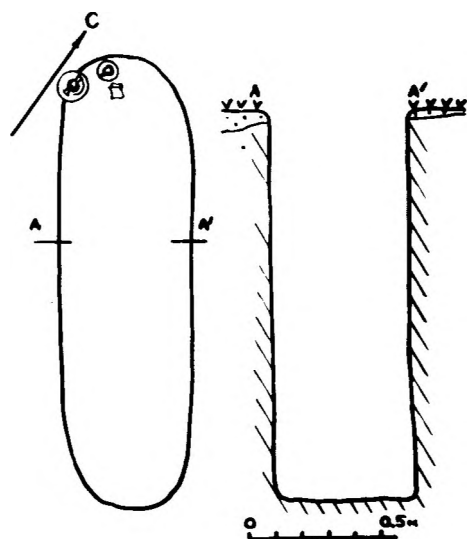
Погребение 228 (табл. 156, 5–21). Грунтовая яма (1,35 x 0,5 x 1,65 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. На глубине 0,2 м от дна могилы – настил из крупных плоских камней, лежавших плотно один к одному в горизонтальном положении. Кости погребенного (ребенка?) истлели полностью, вероятно, он был ориентирован головой на юго-восток. В южной части могилы, непосредственно на каменном настиле, стояли краснолаковые кувшин и тарелка. В центре могилы, под камнями, были найдены стеклянный бальзамарий, серебряная серьга с витой дужкой, бронзовая фибула, два бронзовых кольца с овальными щитками, одно – с утраченной вставкой, второе – с геммой прозрачного стекла. Рядом – скопление бус. Вторая–третья четверти II в. н.э.

Погребение 229 (табл. 157, 1–3). Грунтовая яма (1,7 x 0,5 x 1,6 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. Могила была практически полностью ограблена – на дне ямы *in situ* обнаружены лишь обломки трубчатых костей, по которым можно предположить, что умерший лежал головой на юго-восток. В северной части могилы найдены мелкие гагатовые бусы и одна сердоликовая бусина, а также обломки светлоглиняной амфоры. II в. н.э.

Погребение 230 (табл. 157, 4–9). Грунтовая яма (1,77 x 0,4 x 1,66 м), ориентированная с севера на юг. В засыпи могильной ямы встречены обломки светлоглиняной амфоры. Погребенный лежал на дне вытянуто на спине, головой на юг (череп повернут лицом к востоку), кисть левой руки на костях таза. В ногах, слева от скелета, стояла краснолаковая миска, под ней – кусочки румян. Около правой руки – два круглопроволочных бронзовых кольца, бронзовая игла и бусы; у левой руки – стеклянное кольцо с белой вставкой, у локтевой кости – бронзовые обломки кольца с шишечками и неопределенного предмета с отверстием. У черепа – две бронзовые серьги, просверленный камень с обрывком бронзовой проволоочки и фрагмент железного предмета с отпечатками ткани. Середина – вторая половина II в. н.э.

Погребение 231 (табл. 157, 10–25). Грунтовая яма (2,05 x 0,75 x 1,6 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. Скелет погребенной женщины лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. Над ним – перекрытие из плоских камней. На груди погребенной лежали три бронзовые фибулы, два бронзовых колокольчика, зеркало-подвеска и браслет, а также бусы. В ногах находились бронзовые и железные детали шкатулки, в которую были помещены глиняное пряслице, бронзовая игла, железный нож, острие, румяна и стеклянный бальзамарий. Вторая половина II в. н.э.

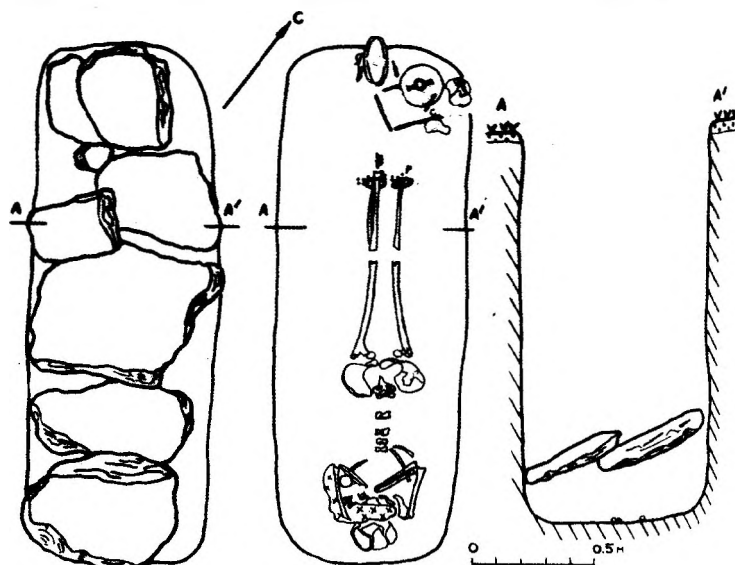

Погребения
232

233

Погребение 232 (табл. 158, 1–3). Грунтовая яма (1,75 x 0,5 x 1,5 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. В засыпке встречены мелкие обломки стенок светлоглиняной амфоры. На дне ямы у северной стены найдены краснолаковые амфора и кружка, а также обломок ножки светлоглиняной амфоры. Костей не обнаружено – возможно, могила была ограблена в древности. Вторая половина II – начало III в. н.э.

Погребение 233 (табл. 158, 4–12; 159; 160). Входная яма (2,3 x 0,7 x 2,65 м) ориентирована с северо-запада на юго-восток. В засыпке ямы найдены фрагменты стенок светлоглиняных амфор со старыми сколами, обломки стеклянного сосуда и железного предмета и большая деревянная плаха (0,4 x 0,15 м). Входная яма в северо-восточной стенке имела под-

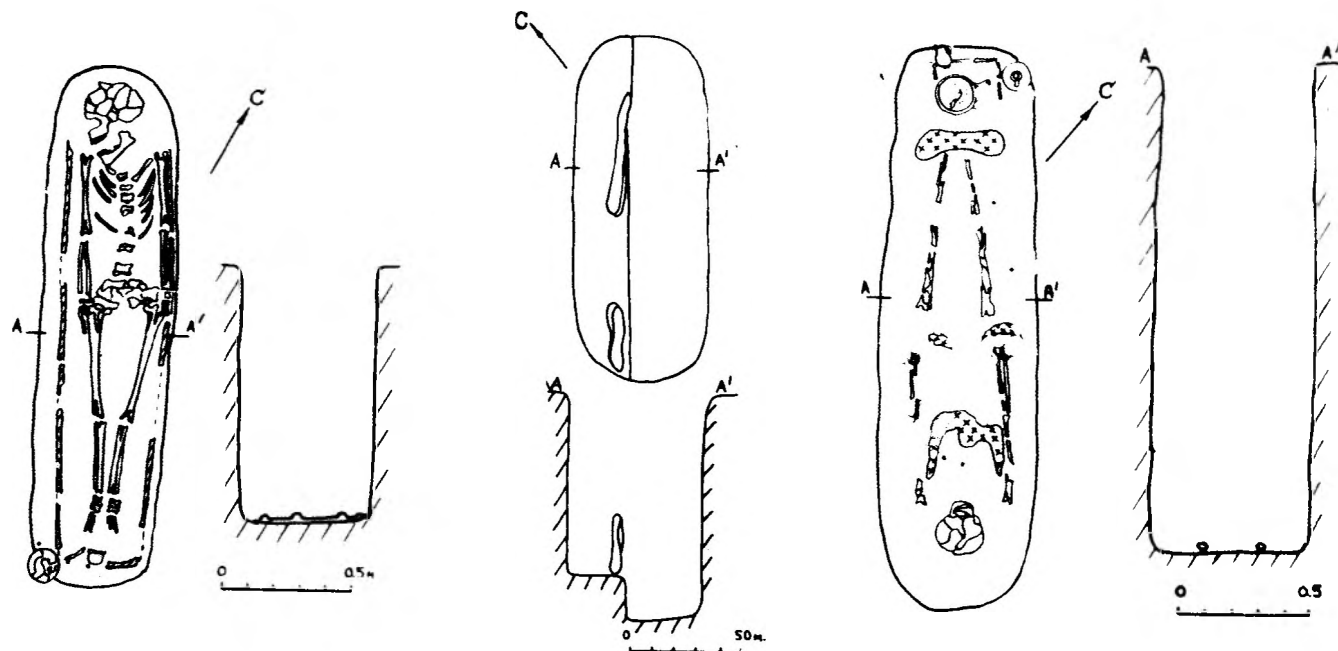

Погребение

234

бойную камеру (2,3 x 0,7 x 2,65 м), заложенную каменными плитами (очевидно, отодвинутыми еще в древности грабителями), на дне которой найдены следы тлена от скелета погребенной женщины, ориентированного головой на юго-восток. Возле черепа и на груди – янтарные и меловые бусы, на груди – бронзовое зеркало-подвеска, лучковая подвязная фибула с обмоткой, подвеска-сфера, крупный фрагмент железного кольчужного плетения и бронзовая подвеска с петлей в виде фигурки Эрота. В ногах погребенной стоял фигурный краснолаковый лагинос квидского производства, увенчанный гротескной головой. Рядом с лагиносом лежали куски дерева, кость крупного животного, краснолаковые канфар с обломанной ручкой и миска, сероглиняный лепной одноручный сосуд. Вероятно, в шкатулке, от которой сохранились металлические детали, находились железное острие, глиняное пряслице, крупная халцедоновая бусина, румяна и железный нож. Последняя четверть II – начало III в. н.э.

Погребение 234 (табл. 161). Грунтовая яма (2,15 x 0,75 x 1,5 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. На расстоянии 0,2–0,4 м от дна могильной ямы размещались восемь плоских камней, под которыми были прослежены следы истлевшего дерева (следы гроба?). На дне ямы лежал вытянуто на спине скелет погребенной женщины, головой на юго-

Погребения

236

237

238

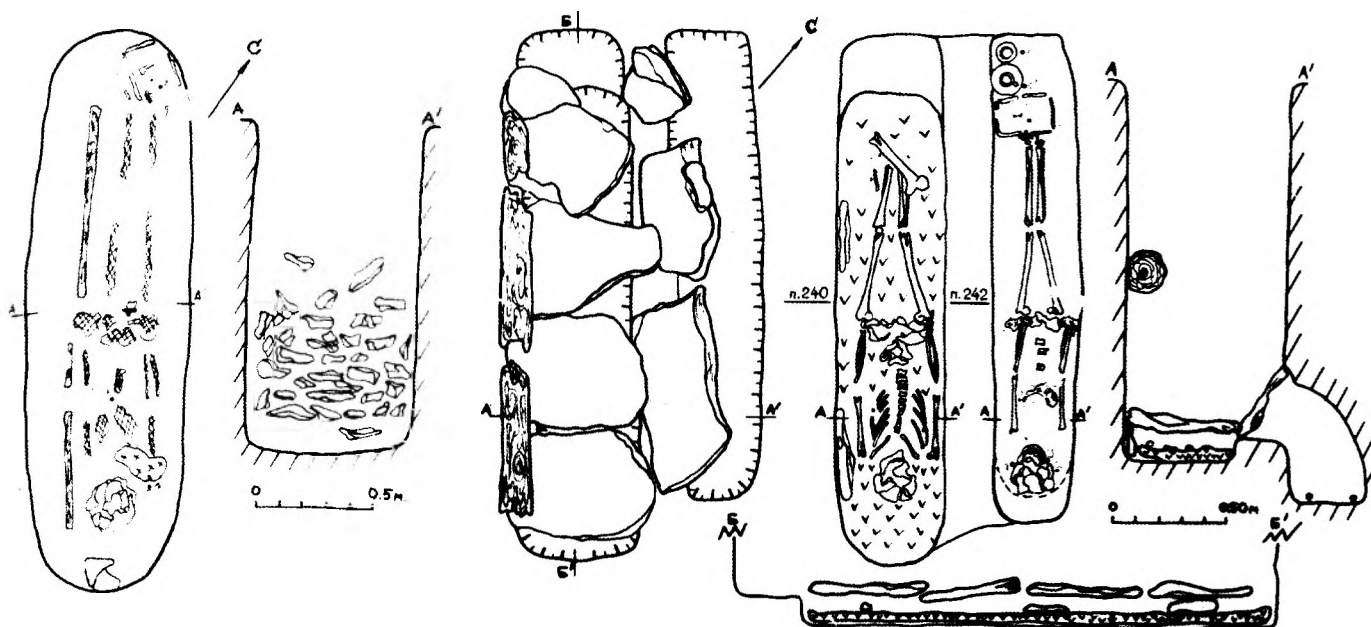
восток, руки согнуты в локтях, кисти положены на грудь. В ногах находились металлические детали шкатулки, железный нож, куски мела и глиняное пряслице. Здесь же стояли краснолаковые кувшин, амфора и тарелка ESB с клеймом-розеттой. Вокруг щиколоток ног – голубой бисер, вероятно, от обшивки одежды (штанов?) или браслетов. На груди погребенной лежали бронзовое зеркало-подвеска, железная фибула и бусы. Около середины II в. н.э.

Погребение 235 (табл. 162, 1–21). Полностью разрушенное погребение на склоне старого капонира. Форма могильной ямы не прослежена, найдено только несколько предметов: круглая бронзовая бляшка, круглопроволочное кольцо, бусы, краснолаковые кувшин, тарелка и миска ESB с клеймом-розеттой. Первая половина II в. н.э.

Погребение 236 (табл. 162, 22–25). Грунтовая яма (2,2 x 0,52 x 1,0 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. На дне ямы лежал вытянуто на спине скелет погребенной женщины, ориентированный на северо-запад, лицо повернуто к западу, ноги скрещены в голени. Покойная была положена в гроб, от которого сохранились следы дерева. В ногах, за пределами гроба, стояли краснолаковый кувшин, стеклянный стакан, лежали железный нож и железные части шкатулки. Под черепом и верхней частью туловища горизонтально лежали камни, вероятно, не связанные с погребальным обрядом. Вторая–третья четверти II в. н.э.

Погребение 237 (табл. 162, 26). Входная яма (1,6 x 0,25 x 0,85 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стенке подбойную камеру (1,6 x 0,3 x 1,05 м). На дне сохранились только вертикально стоявшие плиты от заклада подбойной камеры. Могила была полностью ограблена, что подтверждают осколки современной посуды.

Погребение 238 (табл. 163–165). Грунтовая яма (2,2 x 0,6 x 1,9 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. Погребенная женщина лежала вытянуто на спине, головой на юго-восток. Справа от черепа найдена бронзовая проволочная серьга, на груди – цилиндрическая амулетница со стеклянными вставками, а также бусы и бисер. У кисти правой руки находились бронзовый браслет с завязанными концами, четыре круглопроволочных перстня со стеклянными вставками, обломок спинки фибулы и бусы вокруг запястья (одна крупная халцедоновая, остальные – гагат, стекло). У предплечья левой руки лежали четыре бронзовых пирамидальных колокольчика, зеркало-подвеска, шарнирная фибула с ромбовидным щитком с эмалью, лучковая подвижная фибула, железный нож, бронзовое проволочное кольцо и обойма с остатками дерева. Вокруг ступней погребенной был рассыпан голубой стеклянный и гагатовый бисер, янтарные и стеклянные бусы (вероятно, остатки расшитого подола платья). У правой ноги находились глиняное пряслице и бронзовая цилиндрическая амулетница со стеклянной вставкой. В ногах стояла краснолаковая тарелка, в которой лежала кость животного; под тарелкой – стеклянный бальзамарий.

Погребения

239

240

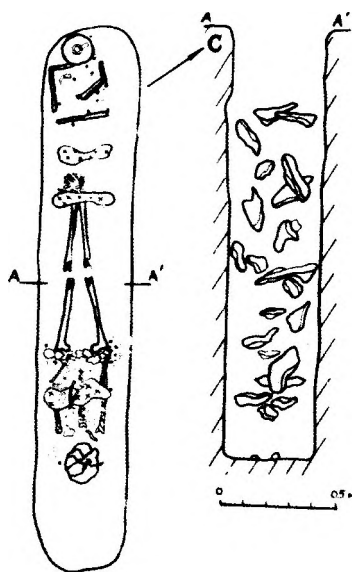
242

Рядом найдены железные детали шкатулки, в которую были помещены румяна, железный нож, два глиняных пряслица. Около шкатулки стояли краснолаковые кувшин и кружка. Там же был найден фрагмент свинцового изделия (возможно, рамки от стеклянного зеркала) с «прикипевшим» к нему язычком от пряжки и бронзовый предмет (втулка?). В области кисти левой руки лежали: два бронзовых браслета с окончаниями в виде змеиных головок, цилиндрическое навершие, три маленьких полусферических колокольчика, обломок зеркала-подвески, подвеска-сфера, три кольца с шишечками, которые, очевидно, были связаны вместе (одно целое, два – в обломках), пять круглопроволочных перстней, все со вставками (два с геммами, один – с рельефным изображением), треугольная подвеска, раковина каури. Очевидно, эти вещи, кроме браслетов со змеиными головками и перстней, находились в мешочке для амулетов. Вокруг запястья руки – бусы. Вторая–третья четверти II в. н.э.

Погребение 239 (табл. 166, 1–14). Грунтовая яма (2,5 x 0,75 x 1,4 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, забитая камнями среднего размера. Погребенная женщина лежала вытянуто на спине, головой на юго-восток. Вокруг скелета сохранились остатки дерева от гроба. В головах стоял краснолаковый кувшин. На груди – две бронзовые фибулы (рассыпались); на правом плече – бусы. В ногах стояла шкатулка, от которой сохранились только металлические части, в шкатулке лежали бронзовая игла, два глиняных пряслица, крупная бусина из мела и румяна. Вторая половина II в. н.э.

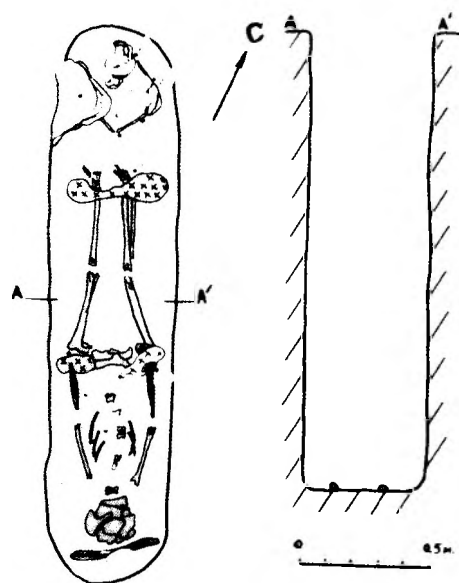
Погребение 240 (табл. 166, 15–20). Было сделано во входной яме (2,4 x 0,5 x 1,7 м) подбойной могилы (погребение 242 – см. ниже), ориентированной с северо-запада на юго-восток. Яма была перекрыта каменными плитами, над которыми вдоль юго-восточной стены лежала круглая в сечении деревянная плаха (диаметр – 0,1 м). В засыпке встречены обломки стенок амфоры. Дно ямы было полностью покрыто углями, на которых лежал вытянуто на спине скелет мужчины, головой на юго-восток, лицо повернуто на восток, кисти рук положены на бедра. В ногах находились железный нож, кости крупного животного и птицы. На груди умершего лежала бронзовая лучковая подвязная фибула. Сверху погребенный также был засыпан мелкими углями. Конец II – первая половина III в. н.э.

Погребение 241 (табл. 167; 168, 1–18). Грунтовая яма (2,35 x 0,4 x 1,9 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, почти доверху была забита камнями. Погребенная женщина лежала вытянуто на спине, головой на юго-восток, кисть левой руки – на тазовых костях. У черепа открыты две проволочные серьги со стеклянными вставками. На груди находились бронзовые игольница, зеркало-подвеска, лучковая подвязная фибула, перстень со стеклянной вставкой, мелкие бронзовые бляшки. На пальцах правой руки обнаружены

Погребения

241

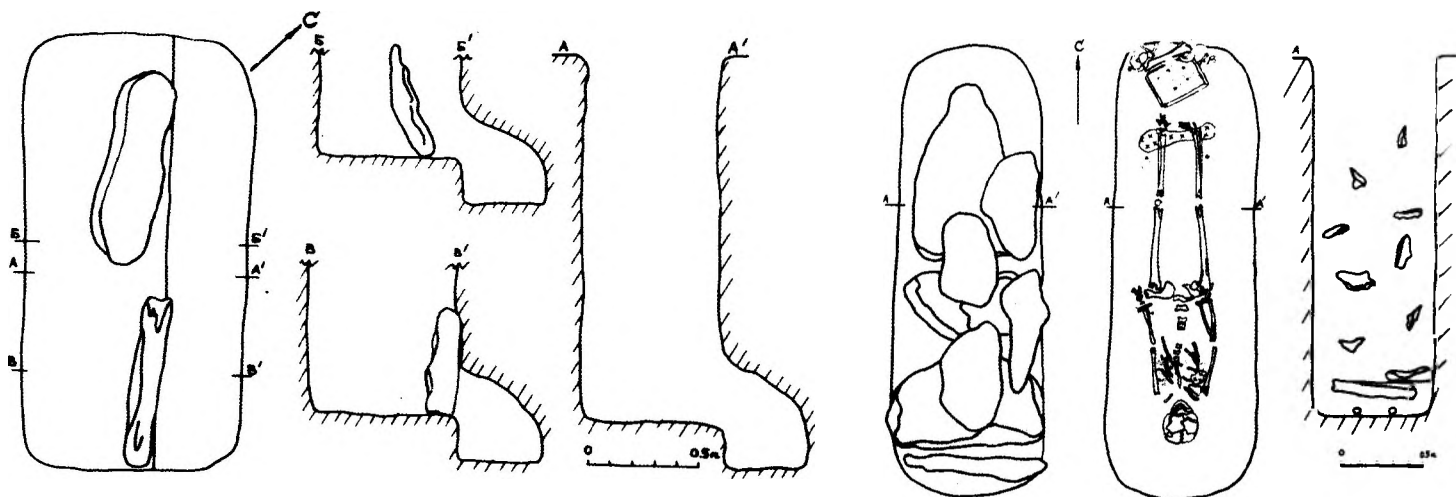
243

три бронзовых перстня, на левой – один; на обеих руках были надеты бронзовые браслеты с окончаниями в виде змеиных головок. В ногах стояли краснолаковые кувшин и кружка, лежали кость животного и железный нож; рядом находились металлические детали шкатулки, в которую были помещены стеклянный бальзамарий, глиняное пряслице, румяна, бронзовая иголка. Вокруг ног и в запястьях рук лежали бусы (ими были расшиты рукава и подол платья). Вторая половина II в. н.э.

Погребение 242 (табл. 168, 19–31). Подбойная камера (2,15 x 0,48 x 2,1 м), к северо-востоку от входной ямы, в которой было расположено погребение 240. В засыпке могилы были найдены куски дерева. Погребенная женщина лежала на дне камеры вытянуто на спине, головой на юго-восток. У черепа находились две проволочных серьги и один обломок. В ногах стояли краснолаковые кувшин и горшок. Рядом с кувшином – шкатулка, от которой сохранились металлические детали. В ней лежали глиняное пряслице с граффити и две бронзовые бляшки, или пуговицы. У кисти правой руки найден браслет с перевязанными концами, перстень, бусы (гагат, янтарь, стекло) и бисер. У левой кисти – браслет с перевязанными концами и аналогичные бусы. Вероятно, бусами были расшиты рукава платья. У правого бедра погребенной лежал железный нож. На груди находились две бронзовые фибулы, одна из которых с эмалью, зеркало-подвеска и янтарные бусы. Очевидно, сначала было сделано захоронение женщины в погребении 242, а затем во входную яму подзахоронили мужчину (погребение 240). Конец II – первая половина III в. н.э.

Погребение 243 (табл. 169). Грунтовая яма (2,2 x 0,5 x 1,8 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. На дне – скелет погребенной женщины, ориентированный головой на юго-восток. В головах – следы дерева. На груди погребенной лежала бронзовая лучковая подвязная фибула. На правой руке был надет витой браслет с окончаниями в виде змеиных головок, около левой найден бронзовый перстень и зеркало-подвеска. В ногах лежал большой камень, рядом размещались краснолаковый кувшин, кружка, обломок стенки амфоры, металлические детали деревянной шкатулки, в которой находились глиняное пряслице, кусочек мела, бронзовая иголка. Около ног и вокруг запястий рук прослежено скопление бус (обшивка рукавов и подола платья). Вторая – третья четверти II в. н.э.

Погребение 244 (табл. 170, 1–3). Входная яма (2,0 x 0,65 x 1,7 м), ориентированная с запада на восток, имела в северо-восточной стенке подбойную камеру (2,0 x 0,7 x 1,9 м). Вход в подбой был закрыт каменными плитами, одна из которых оказалась сдвинутой. На дне подбойной камеры обнаружены перемещенные человеческие кости, обломки железного предмета, осколки стеклянного бальзамария, обломки амфоры. Вероятно, могила была ограблена в древности. Вторая половина II в. н.э.

Погребение 245 (табл. 170, 4–15; 171, 1–12). Грунтовая яма (2,35 x 0,7 x 1,65 м), ориентированная с севера на юг, была заложена камнями, лежавшими горизонтально. На одном из камней – выбитое изображение. Вероятно, это надгробная стела, использованная вторично (лежала изображением вниз). В засыпке ямы, наряду с большим количеством камней, встречены обломки стенок амфор. Под камнями прослежены тлен от гроба и кости погребенной женщины, лежавшей вытянуто на спине, головой на юг. В ногах погребенной стояла шкатулка, от которой сохранились металлические части. В нее были помещены бронзовый колокольчик, раковина, железное кольцо, меловой предмет, бронзовая игла и железный нож. Рядом со шкатулкой лежала кость крупного животного, стояли краснолаковые кувшин, канфар, кружка, миска и обломки амфоры. У ступней ног – скопление бус (вероятно, от расшитого подола платья). На руках надето по бронзовому браслету со змеиными головками. С внешней стороны берцовых костей у правой ноги лежало бронзовое кольцо и по одной бронзовой пряжке с прямоугольным щитком у обеих ног. На груди – две бронзовые фибулы, халцедоновая бусина, бронзовая обойма и бусы. Первая четверть III в. н.э.

Погребение 246 (табл. 171, 13–14). Полностью разрушено грабителями. Сделано в простой грунтовой яме, ориентированной с северо-запада на юго-восток. В яме найден краснолаковый кувшин, глиняное пряслице и бусы. Вторая половина II в. н.э.

Погребение 247 (табл. 171, 15–18). Полностью разрушено грабителями. Погребение было совершено в грунтовой яме, ориентированной с северо-запада на юго-восток. В яме найдены обломки оклада шкатулки, бронзовая бляшка и железный нож. II–III вв. н.э.

Погребение 248 (табл. 172, 1). Полностью разрушено грабителями. Грунтовая яма, ориентированная с запада на восток. На дне найдены краснолаковый кувшин и стеклянная круглая бусина. Над могилой прослежены фрагменты дерева (от гроба). Конец II – начало III в. н.э.

Погребение 249 (табл. 172, 2–10). Входная яма (1,9 x 0,4 x 1,0 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стенке подбойную камеру (1,9 x 0,5 x 1,2 м), отделенную стенкой из беспорядочно лежавших некрупных камней. На дне – скелет погребенного, головой на юго-восток. Поза умершего из-за плохой сохранности костей не прослежена. Над черепом обнаружен слой древесного тлена. В головах лежало бронзовое кольцо, продетое в меловую бусину, бронзовое колечко в полтора оборота, обломок бронзовой фибулы. В центре могилы располагались краснолаковая тарелка, в ней – кружка, рядом – железные нож и острие. В ногах стоял краснолаковый кувшин, накрытый обломком стенки амфоры. Вторая половина II в. н.э.

Погребение 250 (табл. 172, 11–14). Входная яма (1,8 x 0,25 x 1,15 м), забитая камнями, ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной

Погребения

249

250

Погребения

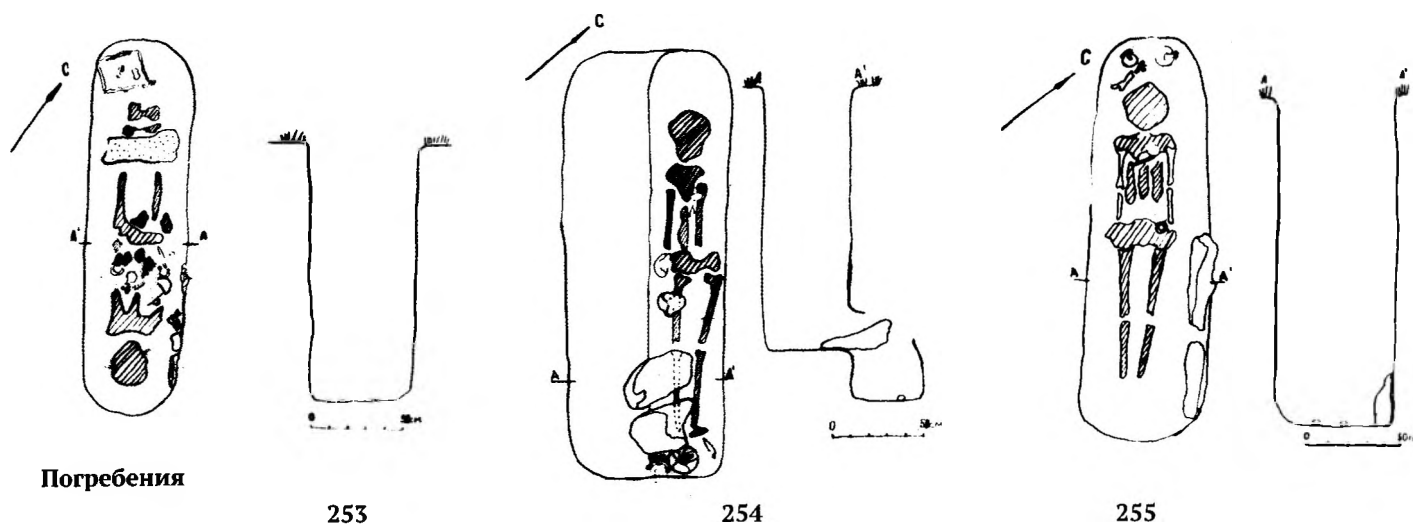
251

252

стенке подбойную камеру (1,8 x 0,4 x 1,2 м), отделенную грядой небольших камней. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. В головах стоял краснолаковый кувшин, закрытый камнем, у левой руки найдена бронзовая фибула, у левого бедра – две халцедоновые бусины, железный нож и кость животного. Вторая половина II – начало III в. н.э.

Погребение 251 (табл. 173, 1–8). Входная яма (2,15 x 0,55 x 1,1 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в юго-западной стенке подбойную камеру (2,25 x 0,45 x 1,22 м), закрытую двумя небольшими камнями, очевидно, откинутыми грабителями. На дне ямы лежал скелет погребенного мужчины, судя по тлену от костей, ориентированный головой на северо-запад. Около камней, в головах погребенного, стоял краснолаковый кувшин, накрытый обломком стенки амфоры, и краснолаковая кружка, также накрытая амфорным черепком. В головах и в ногах прослежен древесный тлен (следы гроба?). На груди погребенного лежали халцедоновая бусина и фибула, у таза – бронзовая круглорамчатая пряжка с железным язычком. В ногах найден железный предмет в виде острия со следами дерева. Вторая половина II в. н.э.

Погребение 252 (табл. 173, 9–13). Входная яма (2,2 x 0,65 x 1,2 м), ориентированная с запада на восток, имела в южной стене подбойную камеру (2,2 x 0,3 x 1,35 м), заложенную крупными камнями. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. На груди найдена бронзовая лучковая подвязная фибула с фигурной обмоткой, на левой руке – бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок, в ногах стояла краснолаковая кружка, рядом с которой находились железный нож и кость крупного животного. Вторая половина II – начало III в. н.э.

Погребения

253

254

255

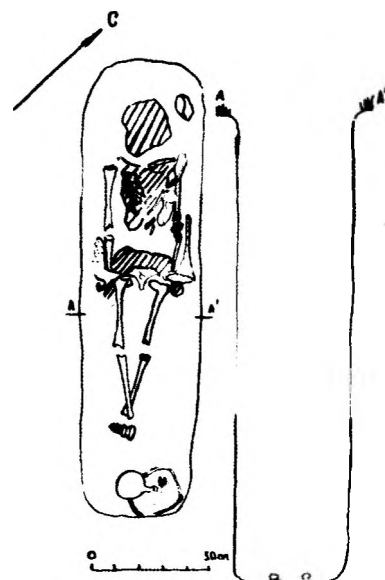
Погребение 253 (табл. 174; 175, 1–24). Грунтовая яма (2,1 x 0,55 x 1,4 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. На дне лежал скелет погребенной женщины, головой на юго-восток (поза не прослежена из-за плохой сохранности костей). Вокруг головы – небольшие камни. У черепа с двух сторон найдены височные кольца; на груди – бронзовые лучковая подвижная и смычковая фибулы, обломки третьей фибулы и зеркало-подвеска. На левой руке был надет бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок, рядом лежали бусы и фрагмент горла светлоглиняной амфоры. У правой руки – глиняное пряслице и две вставки от перстней. В районе щиколоток найдено скопление бус, вероятно, нашитых на подол платья. В ногах лежали остатки бронзовых деталей от оклада шкатулки, бронзовые ключ и запор от шкатулки в виде гермы; в шкатулку были положены румяна, бронзовая игла, железные острие и нож, бусы и бронзовые обоймы. Вторая половина II – начало III в. н.э.

Погребение 254 (табл. 175, 25–29). Входная яма (2,4 x 0,5 x 1,5 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стене подбойную камеру (2,4 x 0,4 x 1,8 м), на дне которой вытянуто на спине, головой на северо-запад, лежал скелет погребенного (пол неясен). На груди находилась бронзовая подвижная фибула, в ногах стоял краснолаковый кувшин, рядом с которым найдены железный нож, горло узкогорлой светлоглиняной амфоры и кость крупного животного. Вторая половина II в. н.э.

Погребение 255 (табл. 176, 1–6). Грунтовая яма (1,95 x 0,6 x 1,7 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. У северной стенки вертикально стояли два камня. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. В головах стояли краснолаковые кувшин и кружка, лежали кость животного и железный нож. На груди – бронзовая лучковая подвижная фибула и кольцо от железной пряжки. Вторая половина II в. н.э.

Погребение 256 (табл. 176, 7–23). Грунтовая яма (1,95 x 0,5 x 2,0 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. Погребенный (вероятно, женщина) лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад, ноги в голени скрещены. На груди – бронзовые лучковая подвижная фибула и шипчики, на правой руке – перстень со стеклянной вставкой (рассыпался); на обеих руках – стеклянные бусы (были нашиты на рукава?). В ногах стоял краснолаковый кувшин, под которым лежали обломки бронзовых деталей от шкатулки, ключ, железное острие, глиняное пряслице, железный нож. Вторая половина II в. н.э.

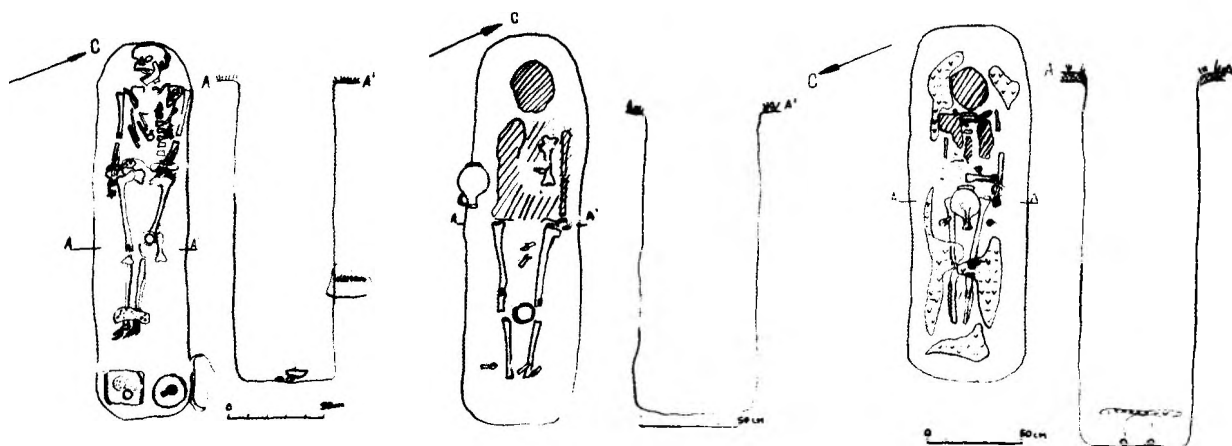
Погребение 257 (табл. 177; 178). Грунтовая яма (1,95 x 0,5 x 1,6 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. Вдоль всей ямы прослежен слой темного древесного тлена,

Погребение

256

Погребения

257

258

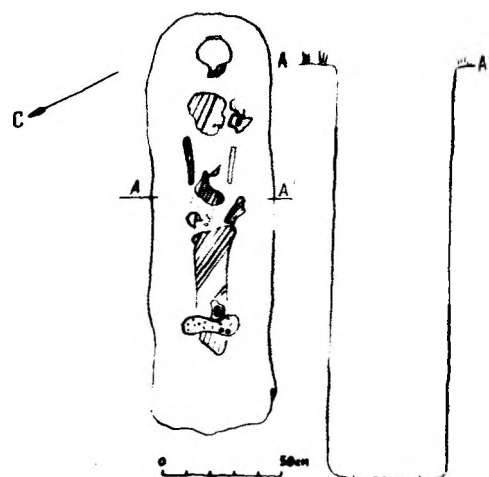
259

очевидно, от деревянного гроба. В засыпи могилы найден фрагмент амфорной ручки. Погребенная женщина лежала вытянуто на спине, головой на северо-запад, лицо повернуто к западу. Около черепа найдены два бронзовых височных кольца, на груди – три бронзовые фибулы, одна из которых была продета в бронзовое кольцо. У левой руки – бронзовое зеркало-подвеска, железный нож и бронзовая игла (рассыпалась). На руках – бронзовый и серебряный браслеты, бронзовые перстни со стеклянными вставками и бусы, которыми были расшиты рукава платья. На костях таза – краснолаковая миска, кружка и кость крупного животного. В ногах стоял кувшин, рядом с которым лежали бронзовые детали шкатулки, румяна, железное острие, глиняное пряслице, стеклянный бальзамарий. На уровне щиколоток – бусы, которыми был расшит подол платья. Конец II – первая четверть III в. н.э.

Погребение 258 (табл. 179). Грунтовая яма (2,1 x 0,6 x 1,6 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. Погребенный лежал на спине вытянуто, головой на северо-запад; над ним прослежен настил из деревянных плах. На груди погребенного найдены халцедоновая бусина, бронзовая подвязная фибула и железный нож, у правой руки стоял краснолаковый кувшин, на левой руке был надет бронзовый браслет. На тазовых костях – бронзовая пряжка. В ногах – стеклянная чаша, две бронзовые пряжки с длинной обоймой и кость крупного животного. Конец II – первая половина III в. н.э.

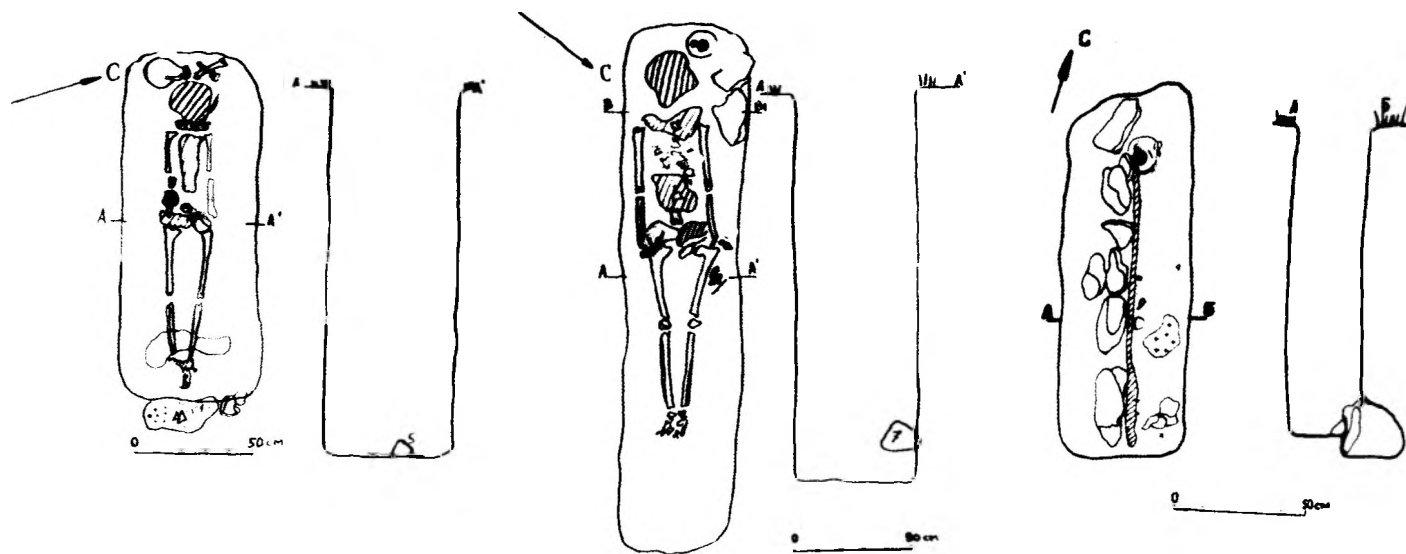
Погребение 259 (табл. 180). Грунтовая яма (1,9 x 0,6 x 2,0 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. В засыпи могильной ямы встречены обломки стенок амфор. На дне ямы – скелет погребенного, лежавший вытянуто на спине, головой на юго-восток. На груди находились лучковая подвязная фибула и железный нож, на левой руке – бронзовый браслет, у кисти – халцедоновая бусина. В области таза стояли краснолаковые кувшин и канфар, бронзовая пряжка с длинной обоймой (ближе к правому бедру), железное острие. Конец II – первая половина III в. н.э.

Погребение 260 (табл. 181, 1–18). Грунтовая яма (1,8 x 0,5 x 1,76 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. В засыпке ямы встречены фрагменты светлоглиняной амфоры. Погребенный (вероятно, женщина), судя по остаткам костей, был ориентирован на юго-восток. В головах стоял кувшин, и лежали обломки стенок амфоры. Под челюстью была обнаружена бронзовая лучковая фибула. У правой руки – бусы, перстень, две фаянсовые подвески и краснолаковая кружка, у левой руки – бусы (на обеих руках были расшиты рукава платья). На ногах лежали фрагменты стенок амфоры, а также бусы и бисер (украшали подол платья). Конец II – начало III в. н.э.

Погребение

260

Погребения

261

263

264

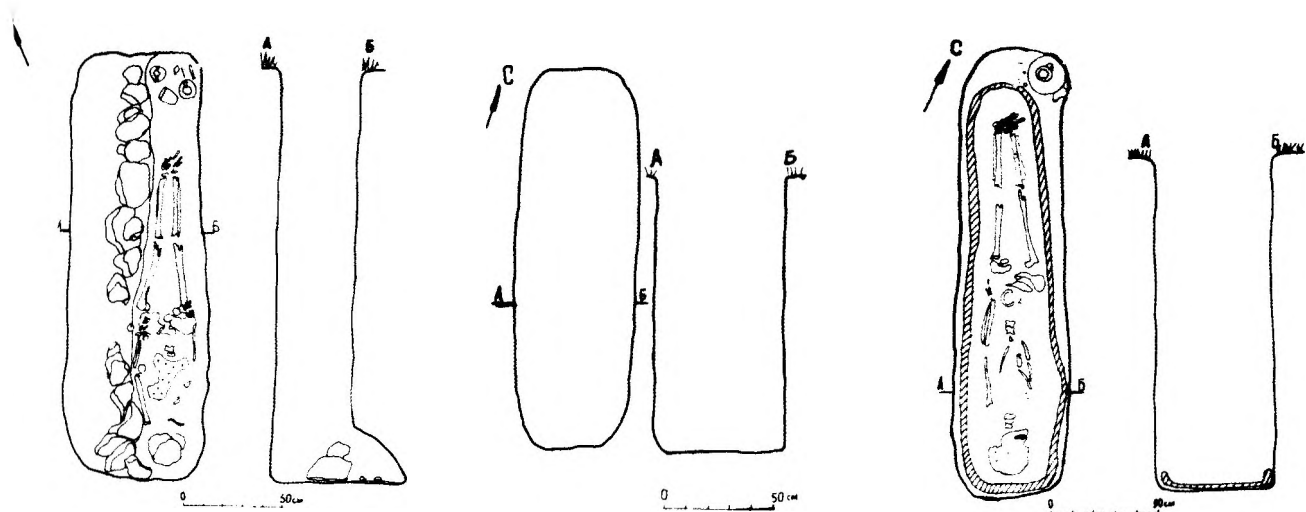
Погребение 261 (табл. 182). Грунтовая яма (1,5 x 0,56 x 1,6 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. Поверх погребения могила была перекрыта слоем деревянных плах. Погребенный (очевидно, мужчина) лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. В головах найдены краснолаковый кувшин, накрытый камнем, стеклянный бальзамарий, кость крупного животного и железный нож. На груди – фибула и несколько бусин (бронза), а также бронзовая амулетница. На обеих руках были надеты бронзовые браслеты. У тазовых костей обнаружены стеклянная чаша и бронзовая пряжка с обоймой. В ногах лежали еще две аналогичные пряжки (от обуви). Конец II – начало III в. н.э.

Погребение 262 (табл. 181, 19–23). Небольшая грунтовая яма (0,5 x 0,2 x 1,3 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, непосредственно примыкала к погребению 261. В засыпи найдены фрагменты светлоглиняной амфоры. Кости (вероятно, детские) не сохранились. В могиле найдены фрагменты двух круглопроволочных колец с продетыми в них бусинами, стеклянные бусы и краснолаковая амфора. Вторая половина II в. н.э.

Погребение 263 (табл. 183, 1–11). Грунтовая яма (2,3 x 0,5 x 1,6 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. В юго-западной части могилы находились два камня, один стоял вертикально, второй лежал горизонтально. Скелет погребенного лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Над всем скелетом прослежен слой углей и остатки ткани. В головах стоял краснолаковый кувшин, на груди лежали бронзовые обоймы, два кольца с шипечками, со вставленными в них меловыми бусинами (рассыпались) и янтарная бусина, в которую была продета бронзовая проволока (рассыпалась). У левой руки – бронзовая фибула. У левой ноги – бронзовые обоймы и железный нож. Вторая половина II в. н.э.

Погребение 264 (табл. 183, 12–27). Входная яма (1,4 x 0,26 x 1,2 м), ориентированная с севера на юг с небольшим отклонением по линии северо-запад – юго-восток, имела в восточной стенке подбойную камеру (1,45 x 0,24 x 1,3 м), отделенную небольшими камнями. Вдоль камней прослежен слой древесного тлена (от гроба?). Погребенный, судя по тлену костей, лежал головой на юг. В головах найдены стеклянный бальзамарий и кусочки румян. На груди погребенного – бронзовые зеркало-подвеска и смычковая фибула, бусы и бисер. Очевидно, у рук найдены глиняное пряслице и бронзовый перстень. В ногах размещалась краснолаковая тарелка, в которой лежал железный нож и стояла кружка, накрытая обломком стенки амфоры. В засыпи могилы встречены обломки амфоры и фрагменты железного кольца. Вторая половина II в. н.э.

Погребение 265 (табл. 184). Входная яма (2,19 x 0,4 x 2,1 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в юго-восточной стенке подбойную камеру (2,19 x 0,3 x 2,1 м), закрытую рядом небольших камней. Погребенный лежал на дне ямы вытянуто на спине, головой на юго-запад. На груди найдены две бронзовые фибулы – с подвязным приемником и смычковая (рассыпалась). У кистей рук – бусы и бисер (украшали рукава одежды), у правой –

Погребения

265

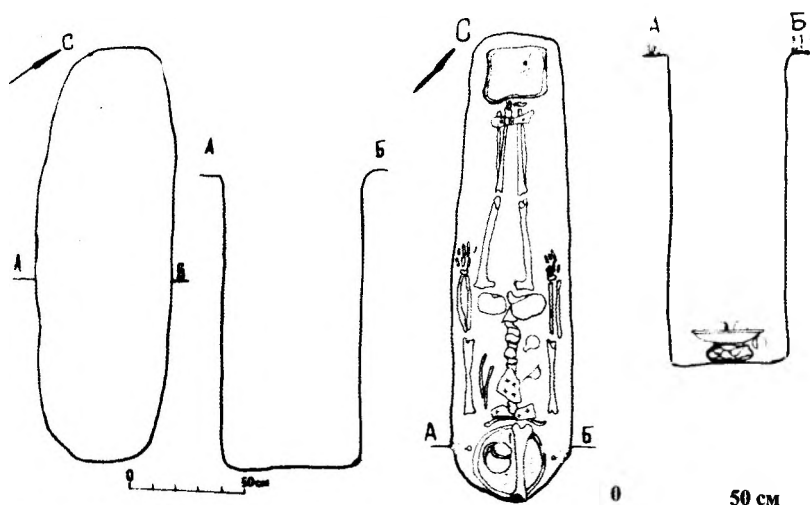
266

267

бронзовые перстни, около левой – бронзовое зеркало-подвеска и халцедоновые бусины. В ногах – железные пластины от шкатулки и ключ, железные нож, острие и фрагменты кольца, глиняное пряслице, стеклянный бальзамарий (вероятно, все эти вещи находились в шкатулке), а также краснолаковые канфар и амфора. В ногах – бисер (вероятно, от подола платья). Конец II – начало III в. н.э.

Погребение 266 (табл. 185, 1).

Грунтовая яма (1,8 x 0,52 x 1,3 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. Полностью ограблена – следов костей не обнаружено, из инвентаря найден фрагмент стенки амфоры.

Погребения

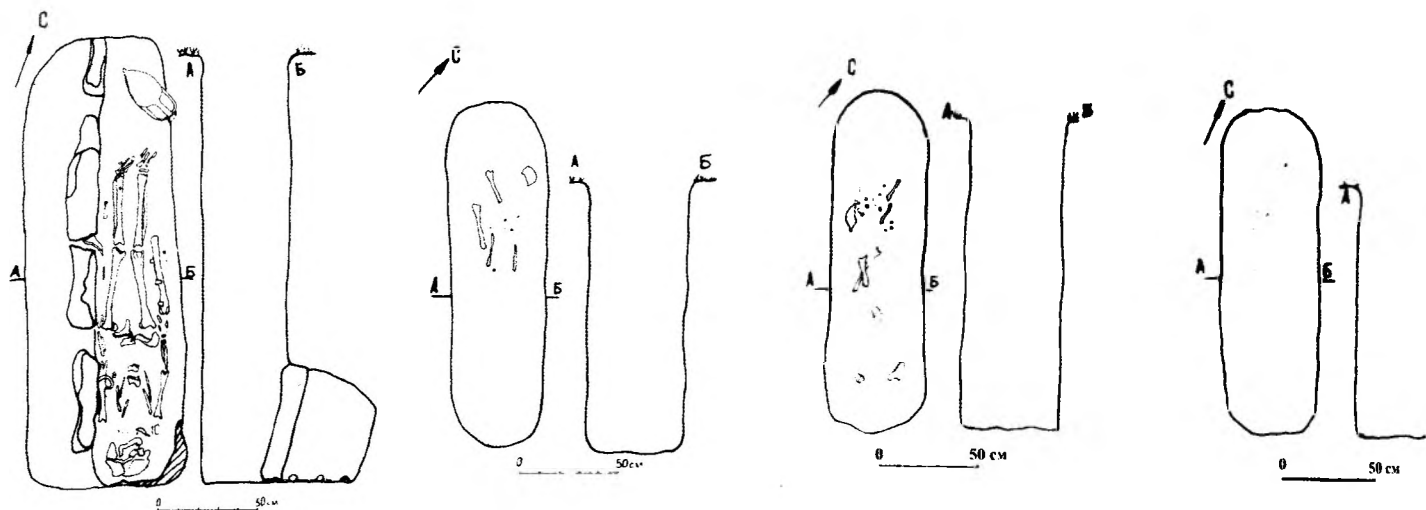
268

269

Погребение 267 (табл. 185, 3–9). Грунтовая яма (2,14 x 0,54 x 1,58 м), ориентированная с севера на юг с небольшим отклонением по линии северо-запад – юго-восток. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток, вероятно, в деревянном гробу, следы которого сохранились над скелетом по всей площади ямы. На груди погребенного находилась халцедоновая бусина и обломки железной фибулы, на левой руке был бронзовый браслет с окончанием в виде змеиных головок, в ногах – краснолаковый кувшин, закрытый обломками стенки амфоры, половина железной пряжки с бронзовым язычком, железные фрагменты шкатулки и нож. Вторая половина II – начало III в. н.э.

Погребение 268 (табл. 185, 2). Полностью разрушено грабителями. Из него происходит только краснолаковая тарелка. Вторая половина II – начало III в. н.э.

Погребение 269 (табл. 186). Грунтовая яма (1,8 x 0,45 x 1,20 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. Погребенный (очевидно, женщина) лежал на дне ямы вытянуто на спине, головой на юго-восток. На черепе стояла краснолаковая тарелка, в которой находились кружка, кость крупного животного и железный нож. Около черепа лежали две серьги. На груди, ближе к правому плечу, размещались бронзовая лучковая подвижная фибула и зеркало-подвеска, у правой руки – глиняное пряслице, у шейных позвонков – бусы. В ногах – тлен от деревянной шкатулки и ее металлические детали; в шкатулке лежали бронзовая игла (рассыпалась) и румяна. Рядом – фрагмент стенки амфоры. В области ступней ног найден бисер (был нашит на подол платья). Вторая половина II в. н.э.

Погребения

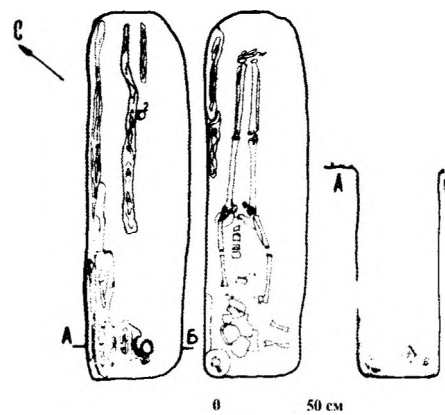
270

271

272

273

Погребение 270 (табл. 187). Входная яма (2,25 x 0,4 x 2,2 м), ориентированная с севера на юг с небольшим отклонением по линии северо-запад – юго-восток, имела в восточной стенке подбойную камеру, закрытую вертикально стоявшими камнями. В слое засыпи входной ямы найдены обломки амфорных стенок. По дну могилы сохранились следы тлена (от гроба?). Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. На груди найдены бронзовая лучковая подвязная фибула с фигурной обмоткой и железный нож, у левого плеча – обломки колокольчика. У правой руки лежал железный меч с бронзовыми заклепками полусферической формы (вероятно, от ножен) и две бронзовые пряжки (от портупейного ремня?), а также кусочки мела. На левой руке – серебряный браслет с перевитыми концами. В ногах погребенного, у северо-восточной стенки могилы, стояла светлоглиняная амфора, у левой ноги – две обувные пряжки с ремennыми пластинами. Последняя четверть II – первая четверть III в. н.э.

Погребение

274

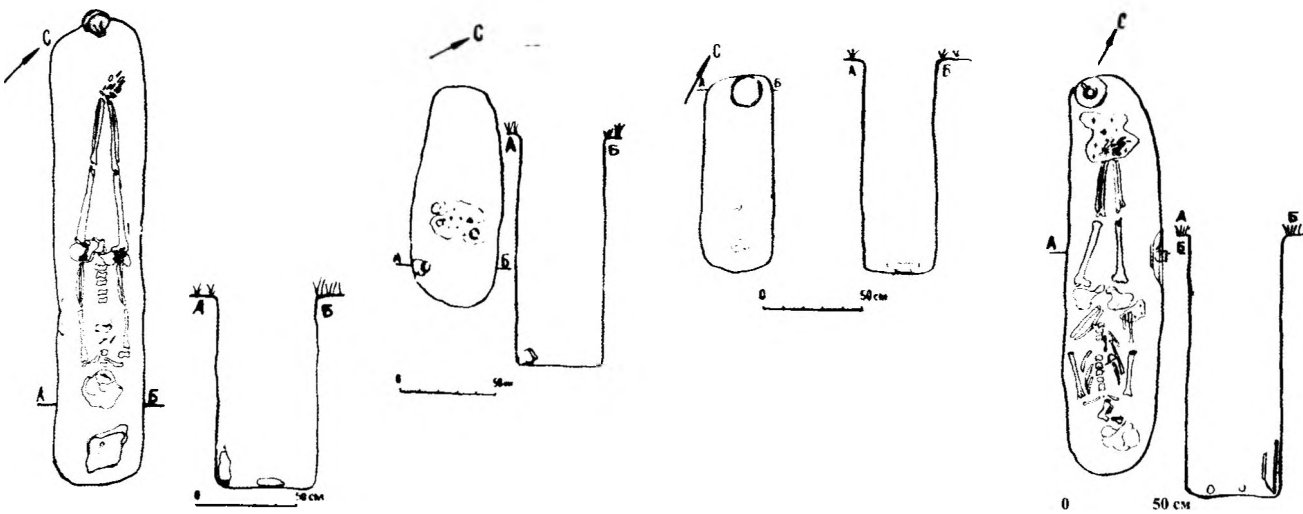
Погребение 271. Грунтовая яма (1,8 x 0,5 x 1,4 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, полностью ограблена. В заполнении найдены лежавшие в беспорядке человеческие кости, а также кости животного и бисер.

Погребение 272. Грунтовая яма (1,8 x 0,5 x 1,6 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, полностью ограблена. На дне ямы найдены лежавшие в беспорядке человеческие кости, мелкие обломки железного предмета и фрагменты стенки амфоры.

Погребение 273 (табл. 188, 1–6). Грунтовая яма (1,7 x 0,5 x 1,3), ориентированная с северо-запада на юго-восток, полностью ограблена. В заполнении найдены две небольшие кости животного, фрагмент бронзового предмета и несколько гагатовых бусин.

Погребение 274 (табл. 188, 7–11). Грунтовая яма (1,9 x 0,5 x 1,16 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. Вдоль северной стены могилы обнаружены три вертикально стоявших камня. На глубине 0,3 м от дна, над камнями, прослежен слой древесного тлена от деревянного гроба. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. В головах стояли краснолаковые амфора, накрытая камнем, и кружка, рядом с которыми лежали кость животного и железный нож. Кружка явно была поставлена на крышку гроба. В ногах стоял краснолаковый сосуд со срезанным верхом. Конец II – первая половина III в. н.э.

Погребение 275 (табл. 188, 12–18). Грунтовая яма (2,45 x 0,48 x 1,1 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. На дне лежал скелет погребенного – вытянуто на спине, головой на юго-восток, кисти рук положены на таз. На груди – обломок стенки амфоры, брон-

Погребения

275

276

277

279

зовая фибула и железное острие, около правого бедра – бронзовая игла. В ногах стоял краснолаковый кувшин. Первая половина – середина II в. н.э.

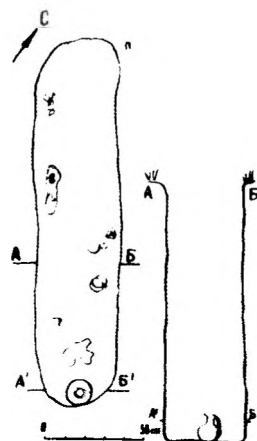
Погребение 276 (табл. 189, 1–27). Грунтовая яма (1,15 x 0,45 x 1,2 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, была засыпана галькой. На дне ямы найдены лишь следы костей (ориентировка и положение погребенного не прослеживались). На дне у южной стенки ямы найдена кружка, закрытая обломком стенки амфоры, в центре могилы – три бронзовых колокольчика, бронзовая смычковая фибула, два браслета, два кольца в полтора оборота, бронзовая подвеска, фрагменты железного предмета, бусы (сердолик, стекло, гагат) и бисер. Вторая половина II в. н.э.

Погребение 277 (табл. 189, 28–29). Грунтовая яма (1,1 x 0,35 x 1,11 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. От костей (вероятно, погребение детское, ориентированное головой на юго-восток) сохранился только тонкий слой тлена. На дне ямы найдены бронзовый колокольчик, бусина, тонкое колечко (рассыпалось) и краснолаковая тарелка (в северо-западной части ямы, у стенки). Вторая половина II – начало III в. н.э.

Погребение 278 (табл. 189, 30–35). Большая овальная яма (2,4 x 1,9 x 0,3 м), ориентированная с севера на юг, в которой было совершено захоронение коня. Конь лежал с подогнутыми ногами, по направлению север–юг. На ребрах скелета найдены железное кольцо и круглорамчатая пряжка, а также фрагменты железного предмета.

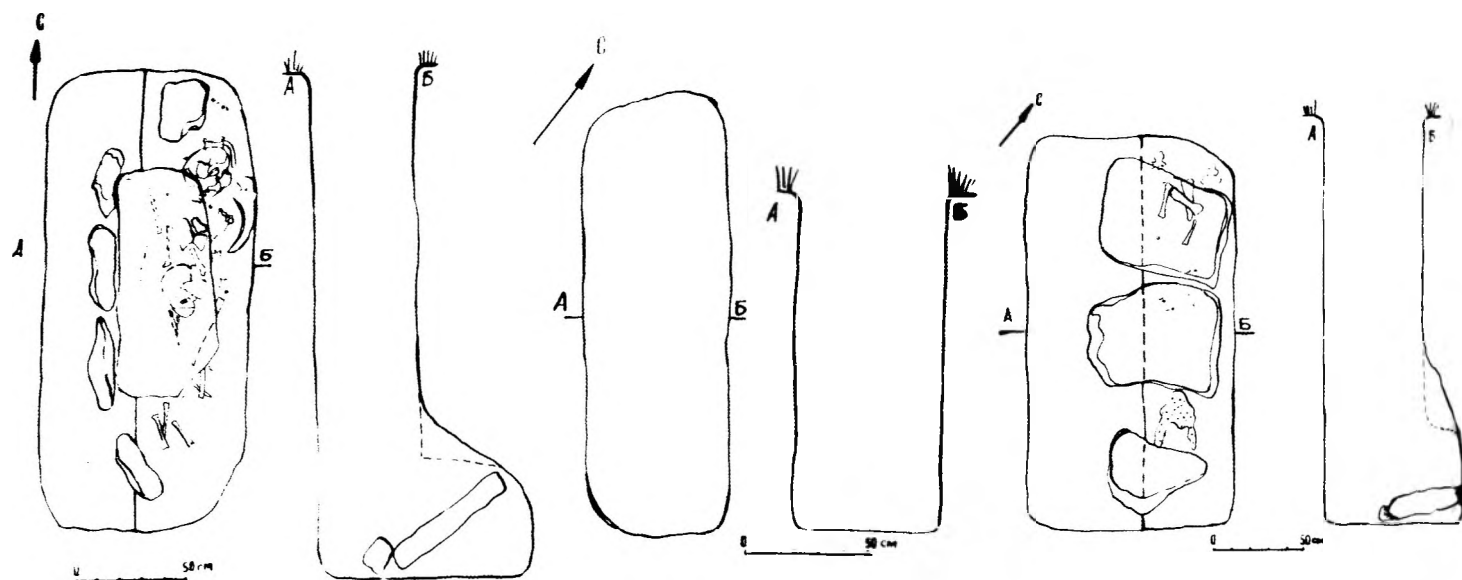
Погребение 279 (табл. 190). Грунтовая яма (2,05 x 0,48 x 1,4 м), ориентирована с северо-запада на юго-восток. На дне ямы лежал скелет погребенной женщины, вытянуто на спине, головой на юго-восток. На груди найдены бронзовые зеркало-подвеска и лучковая фибула, а также бусы. Бусы зафиксированы и в области таза и в ногах погребенной. У северо-восточной стены могилы стояло краснолаковое блюдо, в котором находились кружка и железный нож. В ногах, у стенки ямы, размещался краснолаковый кувшин. Конец II – первая половина III в. н.э.

Погребение 280 (табл. 191). Грунтовая яма (1,9 x 0,42 x 1,35 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. В засыпи найдены фрагменты стеклянной чаши. На дне ямы сохранился только тлен от скелета, лежавшего головой на юго-восток (судя по набору инвентаря, женщины). В головах стоял краснолаковый кувшин, на груди лежала бронзовая смычковая фибула, около правой руки – два бронзовых перстня (рассыпались), три бронзовых браслета

Погребения

280

Погребения

281

282

283

с завязанными и перевитыми концами, бусы, обломок ручки стеклянного канфара, бронзовая подвеска-сфера. В ногах погребенной найдены железные накладки шкатулки, железные предметы и румяна. Последняя четверть II в. н.э.

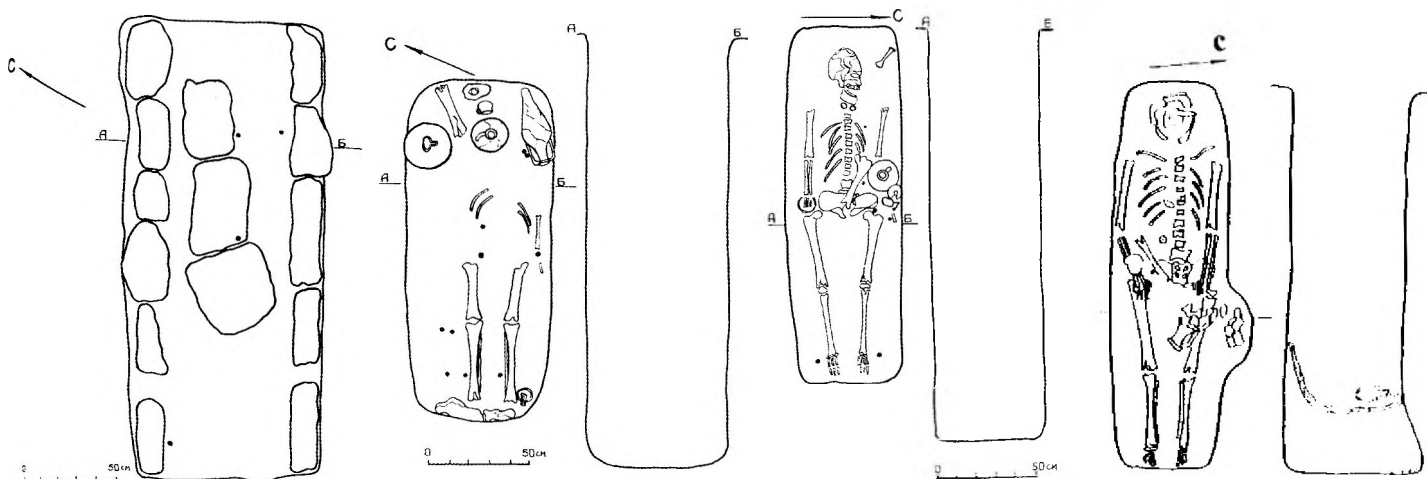
Погребение 281 (табл. 192). Входная яма (2,1 x 0,45 x 2,3 м), ориентированная с севера на юг, имела в восточной стенке подбойную камеру, отделенную рядом вертикально стоявших камней (один камень лежал горизонтально). На дне подбойной камеры в беспорядке лежали кости двух погребенных, а также амфора в обломках, фрагменты бронзового зеркала, глиняное пряслице, фрагменты железного ножа, бусина, бронзовый проволоочный предмет (крепление крышки шкатулки?), мелкие фрагменты стеклянного сосуда, обломки железного кинжала, железная пряжка, бронзовая игольница и фрагменты свинцового оклада стеклянного зеркала. Погребение было, очевидно, ограблено в древности. Вторая половина II в. н.э.

Погребение 282 (табл. 193, 1–3). Грунтовая яма (1,8 x 0,6 x 1,4 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. В засыпи найдены фрагменты ручки амфоры и мелкие обломки стеклянного сосуда. Следов костей не обнаружено. Конец II – начало III в. н.э.

Погребение 283 (табл. 193, 4–23). Входная яма (2,2 x 0,64 x 2,25 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, имела в северо-восточной стене подбойную камеру (2,2 x 0,5 x 2,25 м), закрытую тремя камнями (упали горизонтально). На дне в беспорядке лежали кости крупного животного, обломки стеклянного стакана и стеклянной палочки, железное острие, гагатовые бусины, железные детали шкатулки, фрагменты железного ножа и глиняное пряслице с граффити. Вероятно, могила была ограблена в древности. Конец II – первая половина III в. н.э.

Погребение 284 (табл. 193, 24–26). Плитовая могила (2,26 x 0,95 x 1,95 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад: большой каменный ящик, по длинным сторонам которого стояли вертикальные каменные плиты. В центре могилы лежали три сдвинутые с места плиты – две наклонно, одна горизонтально. Под плитами были обнаружены куски дерева. В перемешанном слое засыпи могилы встречены отдельные человеческие кости, фрагменты стенок красноглиняной амфоры, железный нож, мелкие фрагменты металлических предметов, проволоочная серебряная серьга, несколько бусин и каменная подвеска. Могила, вероятно, была ограблена в древности. Конец II – первая половина III в. н.э.

Погребение 285 (табл. 194). Грунтовая яма прямоугольной формы (1,72 x 0,72 x 2,25 м), ориентирована с запада на восток, пробита в скале, засыпана плотной глиной с камнями. В засыпи ямы найден фрагмент железного предмета со следами бронзовых окислов. На дне ямы прослежен скелет погребенного (сохранились только кости ног), ориентированный головой на восток. В головах погребенного лежала светлоглиняная амфора, бронзовые и железные кольца от уздечного набора, краснолаковые кружка, кубок и кувшин, бронзовая ойнохоя,

Погребения

284

285

286

287

кость крупного домашнего животного и стеклянная чаша, покрытая фрагментом стенки амфоры. На поясе погребенного найдены бронзовое кольцо от пряжки и бронзовая пластина (от ремня?). Слева от костей правой ноги – бронзовая пряжка и пластина. Серебряный браслет обхватывал фаланги пальцев левой ноги. Справа от левой ноги найдена бронзовая пряжка. У правой ноги лежали обломок железного предмета, пластинчатая обойма, серебряный денарий Клодия Альбина, шило. Первая четверть III в. н.э.

Погребение 286 (табл. 195). Грунтовая яма (1,8 x 0,55 x 2,1 м), ориентированная с запада на восток. В засыпи ямы найдены фрагменты стенок амфоры. Погребенный лежал на дне ямы на подстилке из ткани (?), вытянуто на спине, левая рука положена на кости таза, ориентирован головой на запад (череп имеет следы деформации), лицо повернуто к северу. Под черепом зафиксированы бронзовое кольцо и бусина, слева от черепа лежал стеклянный бальзамарий. На груди слева была найдена фрагментированная фибула, около правой руки – кольцо с шишечками, на левой был надет бронзовый пластинчатый браслет. У левого бедра лежали бронзовая пряжка и ременная пластина. У левой руки стояла кружка (кверху дном) и краснолаковый кувшин, рядом лежала кость крупного животного. У ступней ног – две пряжки с ременными наконечниками. Первая половина III в. н.э.

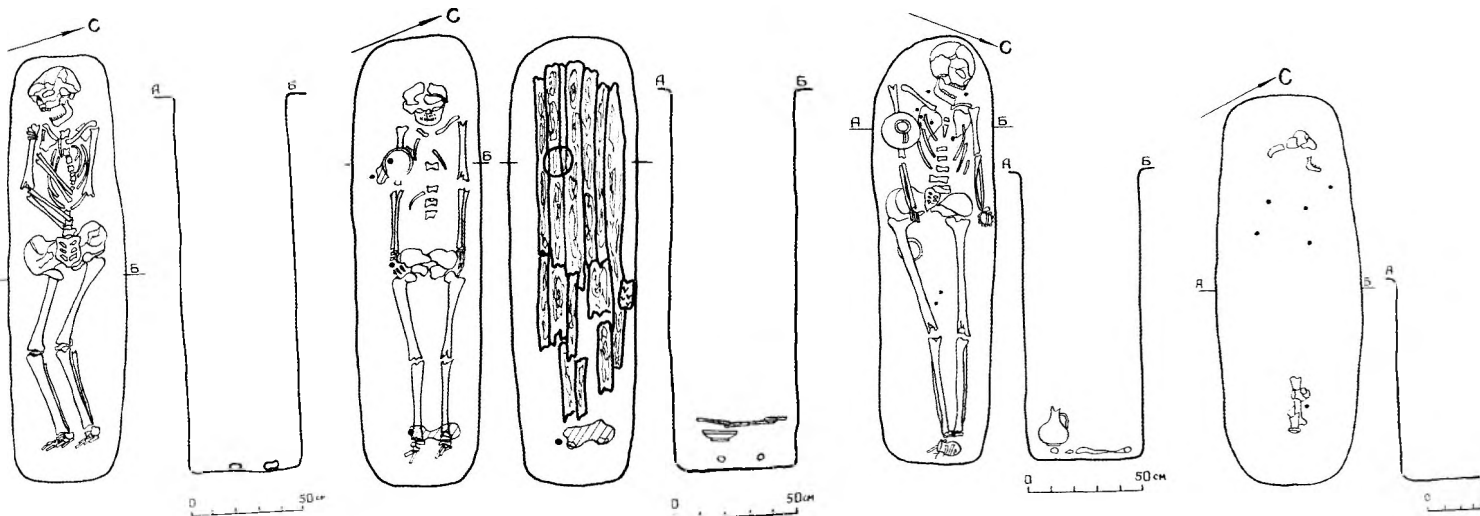
Погребение 287 (табл. 196, 1–6). Грунтовая яма (1,65 x 0,49 x 1,65 м), ориентированная с запада на восток. Над скелетом погребенного прослежены остатки деревянного настила (или верхней крышки гроба?), перекрывавшего всю могилу. На настиле, в центре ямы, стояли краснолаковые кувшин и канфар. На дне ямы вытянуто на спине, головой на запад, лежал скелет погребенного, правая рука находилась на костях таза. На груди погребенного найдена бронзовая фибула, на правой руке – бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок, на тазовых костях – халцедоновая бусина, железный нож и кость крупного животного. Первая половина III в. н.э.

Погребение 288. Грунтовая яма прямоугольной формы (1,8 x 0,8 x 2,05 м), ориентированная с запада на восток. Могила была полностью ограблена в древности.

Погребение 289. Грунтовая яма (1,9 x 0,5 x 1,8 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. Скелет погребенного лежал на правом боку, головой на северо-запад, лицо повернуто к югу, правая рука положена на кости таза, левая согнута и положена на правое плечо. Под костями прослежен слой темного тлена (от подстилки?). Инвентарь отсутствовал.

Погребение 290 (табл. 196, 7–20). Грунтовая яма (1,8 x 0,5 x 1,55 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. Над скелетом погребенного прослежены следы деревянного настила (или крышки гроба?). На настиле (над правым плечом умершего) стояла краснолаковая миска, под ней – бусина; рядом – фрагменты стенки амфоры и мелкие угли. На дне ямы

Погребения

289

290

291

292

лежал вытянуто на спине скелет погребенного, головой на северо-запад. На правой руке – бронзовый перстень (рассыпался), вокруг щиколоток – бусы (были нашиты на края штанов?). Первая половина III в. н.э.

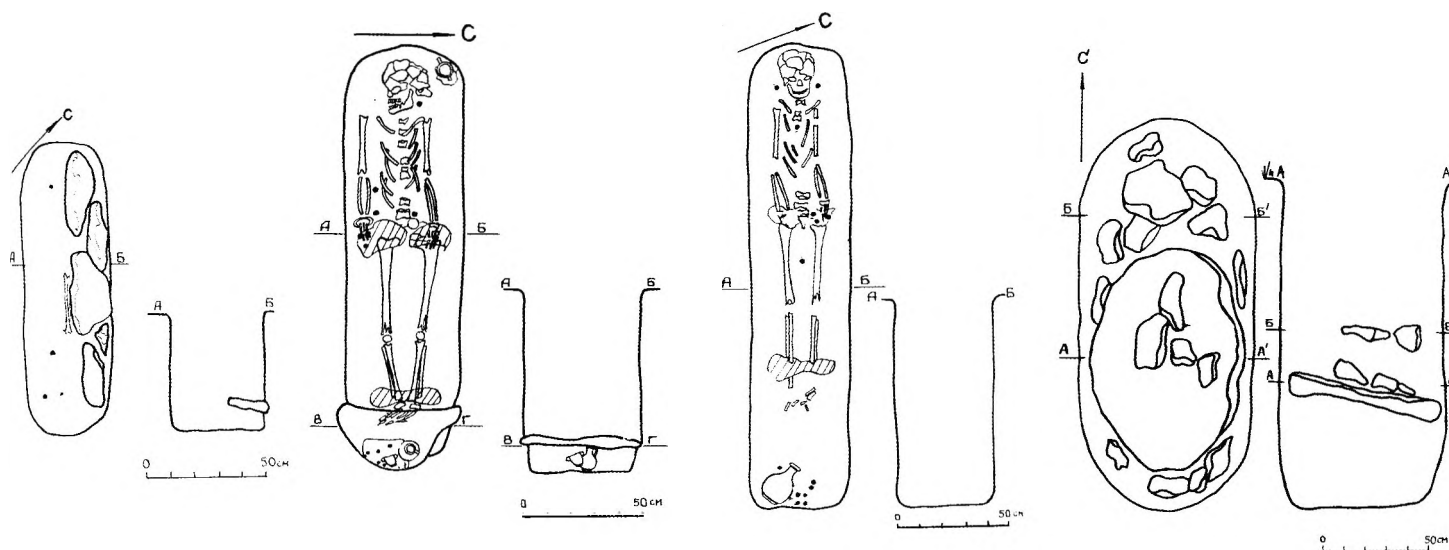
Погребение 291 (табл. 197, 1–7). Грунтовая яма (1,9 x 0,52 x 1,3 м), ориентированная с юго-запада на северо-восток. Погребенный лежал на дне ямы вытянуто на спине, головой на юго-запад, лицо повернуто на север, правая рука положена на таз. Под погребенным прослежен слой темного тлена (от подстилки?). В засыпке ямы справа от черепа, найдены кремь и фрагмент краснолакового сосуда со старыми сколами. Под черепом (ниже челюсти) лежали круглопроволочное кольцо и подвеска. На правом плече – сосуд, возле него – железный нож, кость птицы и железное острие. На груди погребенного находилась бронзовая фибула, у левой руки – бронзовая подвеска-сфера, у правого бедра – две бронзовые пряжки и браслет, в ногах – лепная кружка с отбитой ручкой. Конец II – первая половина III в. н.э.

Погребение 292 (табл. 197, 8–9). Грунтовая яма (1,8 x 0,68 x 0,94 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. На дне найдены перемешанные человеческие кости, а также кость крупного животного, краснолаковые кружка и кувшин, обломки железного ножа и бронзовой фибулы. Погребение было, вероятно, ограблено в древности. Первая половина III в. н.э.

Погребение 293. Грунтовая яма (1,2 x 0,5 x 1,4 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. У северной стены – ряд камней, лежавших горизонтально. В засыпи ямы найдены обломки костей. Инвентарь отсутствует. Погребение было, вероятно, ограблено в древности.

Погребение 294 (табл. 198). Грунтовая яма (1,83 x 0,5 x 0,8 м), ориентированная с запада на восток. В засыпи найдены обломки светлоглиняной амфоры. На дне вытянуто на спине лежал скелет погребенной женщины, головой на запад. Под скелетом прослежен слой темного тлена (от подстилки?). За головой погребенной найдена нижняя часть светлоглиняной амфоры, под черепом – бронзовая серьга. На груди находились бронзовая фибула (обломок), продетая в железное кольцо, и бронзовое зеркало-подвеска. На поясе – обломки бронзового предмета и янтарная бусина; на правой руке – бронзовый браслет, у кистей рук – бусы (украшение рукавов одежды) и по одному перстню. На щиколотках ног – стеклянные бусы, вероятно, некогда нашитые на подол платья. В ногах горизонтально лежал камень, за которым найдены краснолаковый кувшин, металлические детали шкатулки, краснолаковый канфар, накрытый стенкой амфоры, кость животного и железный нож. Первая половина III в. н.э.

Погребение 295 (табл. 199). Грунтовая яма (2,1 x 0,45 x 0,95 м), ориентированная с запада на восток, с небольшим отклонением к северу. В засыпи найдены фрагменты краснола-

Погребения

293

294

295

297

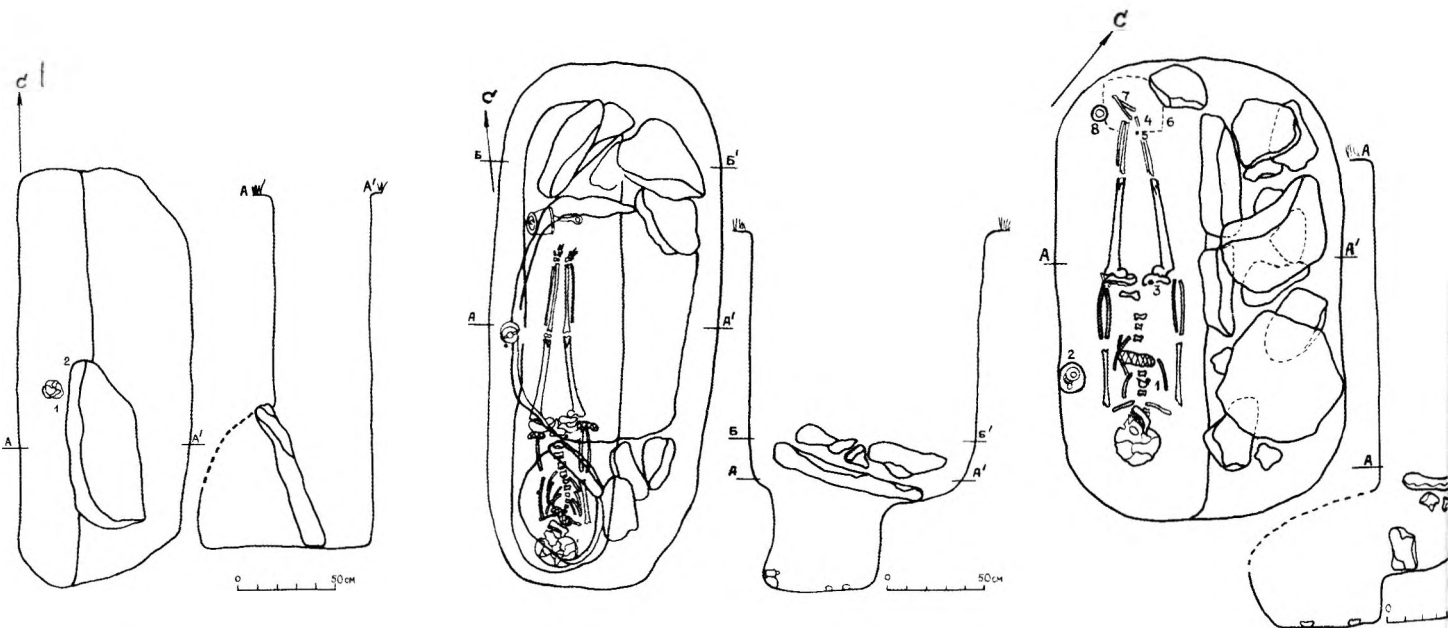
кового сосуда. На дне ямы вытянуто на спине лежал скелет погребенного (женщины), головой на запад, с небольшим отклонением к северу. Под ним – следы темного тлена (от подстилки?). У черепа найдены две серебряные серьги, под черепом – маленькое колечко и бусы. На груди лежали фрагменты бронзовой лучковой фибулы и обломки железного кольца. На правой руке – обломок бронзового перстня, на левой – только стеклянная вставка от аналогичного перстня. В области таза – бронзовое зеркало, глиняное пряслице и халцедоновая бусина. В ногах стоял краснолаковый кувшин, рядом лежали кость животного, железные гвоздь, нож, детали шкатулки, бронзовая замковая пластина. Вдоль щиколоток найдено множество бус из цветного стекла (были нашиты на подол платья), среди них находилась бронзовая обойма. Вторая половина II – начало III в. н.э.

Погребение 296 (табл. 200, 1–15). Грунтовая яма (2,2 x 0,38 x 1,2 м), ориентированная с запада на восток. Над погребением прослежены следы деревянного настила. На дне вытянуто на спине лежал скелет погребенного (вероятно, женщины), головой на запад, руки положены на кости таза. У восточной стенки ямы стояли краснолаковый кувшин и кружка, покрытая обломком красноглиняного сосуда. У щиколоток лежали бусы (стекло), нашитые на подол платья, и глиняное пряслице. Первая половина III в. н.э.

Погребение 297 (табл. 200, 16–18). Грунтовая яма (1,8 x 0,8 x 1,5 м), ориентированная с севера на юг. В засыпи найдено много камней, в том числе крупных. Следов костей не обнаружено – погребение было ограблено в древности. В яме беспорядочно лежали лишь обломок бронзового браслета (небольшой гривны?) и фрагмент железного ножа. Конец II – первая половина III в. н.э.

Погребение 298. Входная яма (2,1 x 0,5 x 1,8 м), ориентированная с севера на юг, имела в западной стенке подбойную камеру (2,1 x 0,4 x 1,8 м), закрытую одним крупным камнем. Яма была засыпана плотным суглинком с крупной галькой. В засыпи найдены фрагменты разбитого краснолакового сосуда, обломки ручки светлоглиняной амфоры, небольшой обломок бронзового предмета. Следов костей не обнаружено. Очевидно, погребение было ограблено в древности.

Погребение 299 (табл. 201). Грунтовая яма (2,6 x 1,15 x 1,8 м), ориентированная с севера на юг с небольшим отклонением по линии северо-восток-юго-запад, с заплечиками. На заплечики опиралось перекрытие из камней. Погребенная женщина лежала вытянуто на спине, головой на юго-запад. Ниже черепа находились бусы (сердолик, янтарь) и бронзовое височное кольцо. Вокруг запястий рук – бусы (гагат, сердолик) и полусферические золотые бляшки с двумя отверстиями: у левой руки лежало девять бляшек, у правой – пять. Вероятно, и бусы, и золотые бляшки украшали рукава женской одежды. У правой руки, рядом с костями

Погребения

298

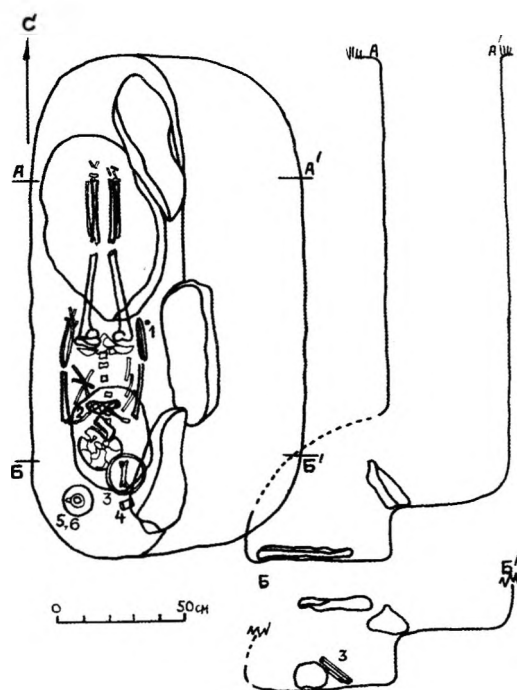
299

300

таза найдена бусина из голубого фаянса, у левой – бронзовая фибула. В ногах лежали глиняное пряслице и бронзовый ковш с длинной ручкой. Слева от тазовых костей – краснолаковый кубок, кувшин и обломки железного ножа. Последняя четверть I в. н.э.

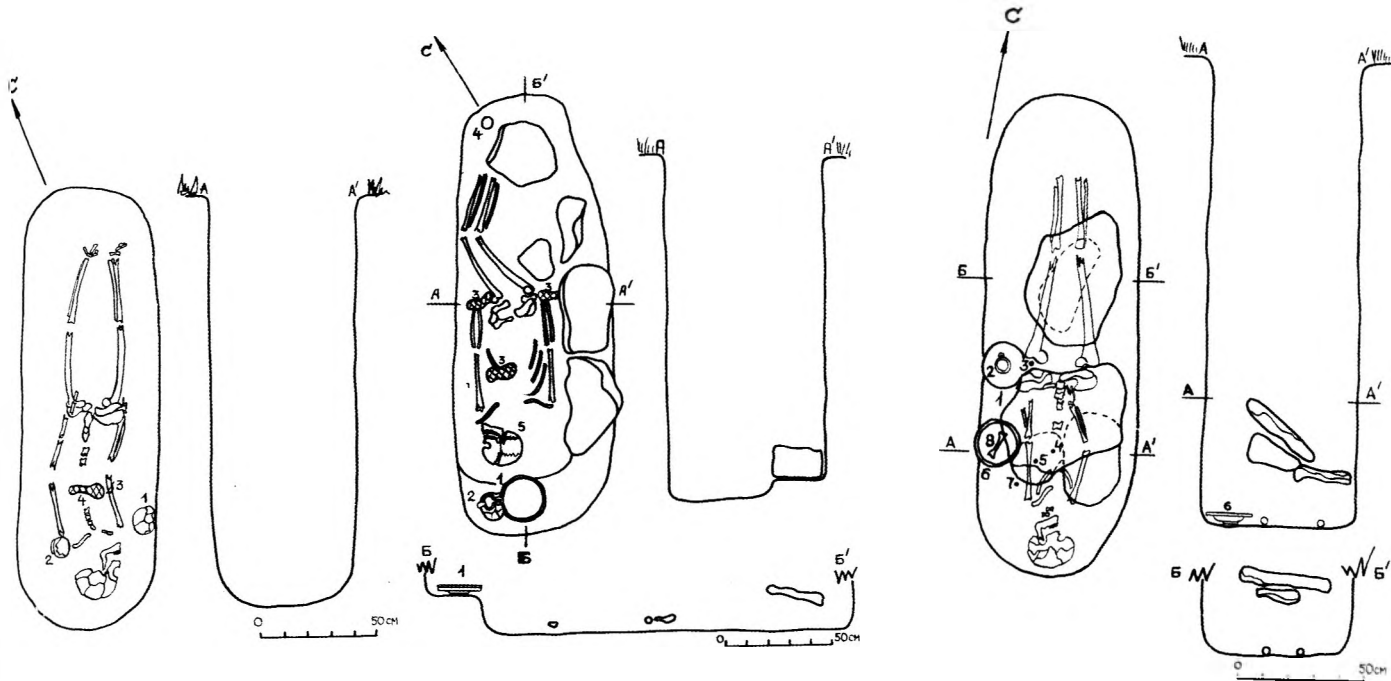
Погребение 300 (табл. 202, 1–18). Входная яма (1,85 x 0,6 x 1,7 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, забитая горизонтально лежащими камнями, имела в юго-западной стенке подбойную камеру (1,9 x 0,6 x 1,9 м), отделенную вертикально стоявшими камнями. Погребенная женщина лежала вытянуто на спине, головой на юго-восток, лицо повернуто к западу. Слева от левой плечевой кости стоял краснолаковый кувшин, накрытый краснолаковым канфаром. На поясе находилась бронзовая пряжка, на груди – бронзовая фибула и ведровидные подвески. В ногах – бусы (бронза, стекло), два просверленных клыка животного, бронзовое кольцо с выпуклыми шишечками, железный нож, фибула, кольцо и детали шкатулки. Вероятно, все вышеназванные вещи находились внутри этой шкатулки, следы тлена от которой также прослежены. Рядом с ней стояла краснолаковая миска (солонка) и лежали две кости мелкого животного. Последняя четверть II – первая четверть III в. н.э.

Погребение 301 (табл. 202, 19–23). Входная яма (2,0 x 0,49 x 1,8 м), ориентированная с севера на юг, имела в западной стенке подбойную камеру (2,0 x 0,6 x 2,0 м), заложенную вертикально стоявшими камнями (один лежал горизонтально). Погребенный лежал на дне вытянуто на спине, головой на юг. На черепе стояла краснолаковая тарелка с клеймом *planta pedis*, в ней – кость мелкого животного. За тарелкой размещался небольшой лепной горшок. В головах стоял краснолаковый кувшин, накрытый красноглиняным горшком. На груди – две стеклянные бусины и бронзовая фибула. На правом бедре – бронзовое кольцо с выступами-шишечками. Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Погребение

301

Погребения

302

303

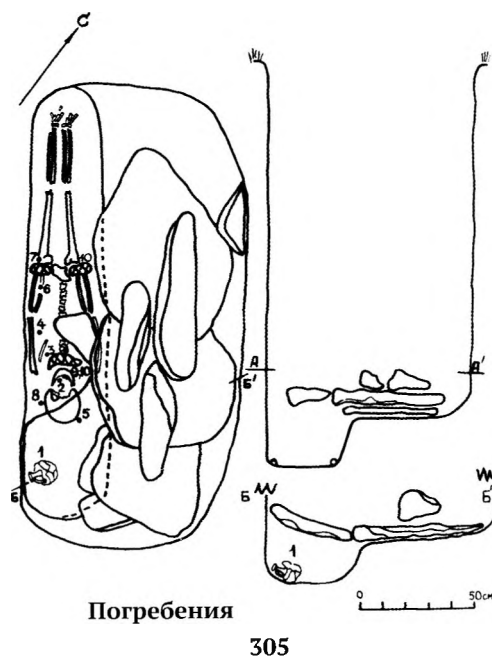
304

Погребение 302 (табл. 203, 1–8). Грунтовая яма (1,85 x 0,62 x 1,7 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад, левая рука – на костях таза. На левом плече стояла краснолаковая чаша. У правой руки был помещен краснолаковый кувшин. На груди обнаружены бронзовая лучковая подвязная фибула (справа) и бусы (гагат, стекло). Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Погребение 303 (табл. 204). Грунтовая яма (2,0 x 0,75 x 1,6 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. Погребенная женщина лежала на дне ямы вытянуто на спине, головой на юго-запад, лицо повернуто на запад, ноги чуть согнуты в коленях. С правой стороны от погребенной прослежен ряд камней. В головах, на невысокой приступке, стояли краснолаковая тарелка с тремя клеймами *planta pedis* и ойнохоя. У височных костей – тонкое проволочное бронзовое кольцо (рассыпалось), на груди – бусы (гагат, стекло) и бронзовые обойма, обломок предмета цилиндрической формы, ведерковидная подвеска и смычковая фибула. На запястьях рук – бусы (гагат, сердолик), составлявшие браслет или обшивку рукава. В ногах лежало бронзовое дисковидное зеркало. Конец I – начало II в. н.э.

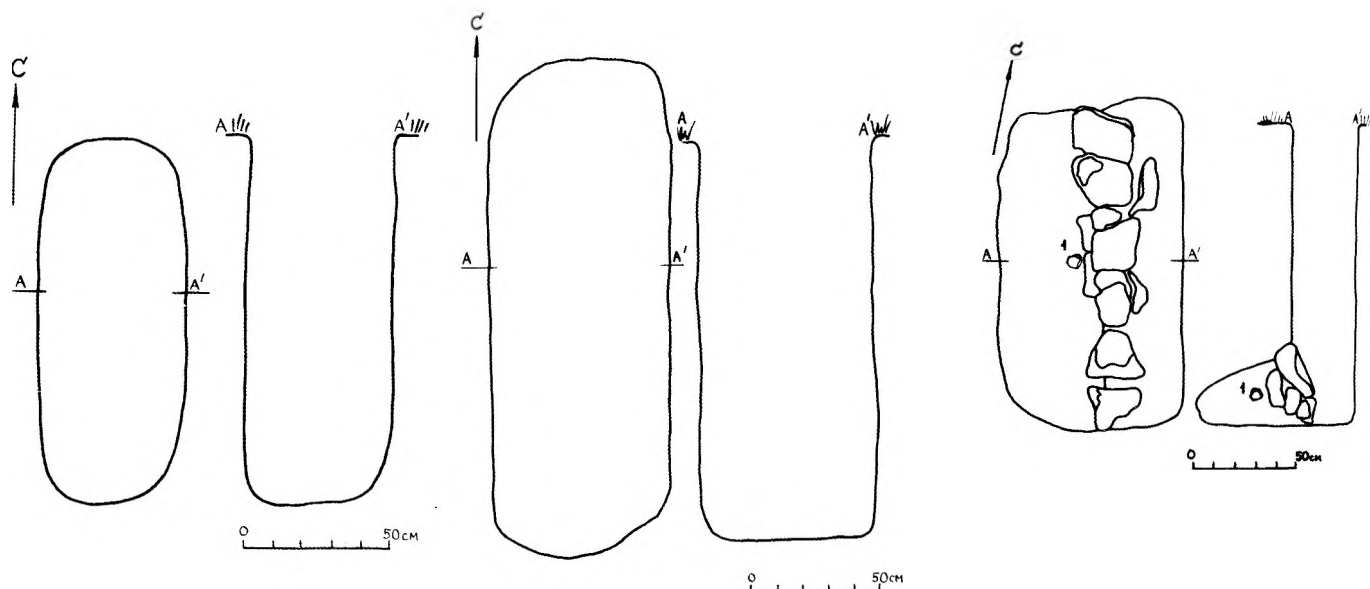
Погребение 304 (табл. 203, 9–19). Грунтовая яма (1,8 x 0,6 x 1,8 м), ориентированная с севера на юг с небольшим отклонением к востоку и забитая крупными камнями. В насыпи найден обломок бронзовой иглы. Погребенный лежал на дне ямы вытянуто на спине, головой на юг. На груди обнаружены железная и бронзовая (рассыпалась) фибулы; у левой руки – краснолаковый кувшин, накрытый красноглиняным горшком, и тарелка с клеймом *planta pedis*, в которой находился железный нож. У левого бедра найдена бронзовая пряжка. Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Погребение 305 (табл. 205, 1–18). Грунтовая яма (1,9 x 0,9 x 1,7 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. Дно вдоль юго-западной стены углублено на 0,2 м. Яма перекрыта крупными каменными блоками. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. В головах стоял краснолаковый кувшин, под черепом и на груди находились две бронзовые фибулы, бусы (гагат, сердолик), две золотые ведерковидные подвески. У черепа лежали две золотые серьги и рифленая стеклянная бусина. На запястьях рук – бусы (сердо-

Погребения

305

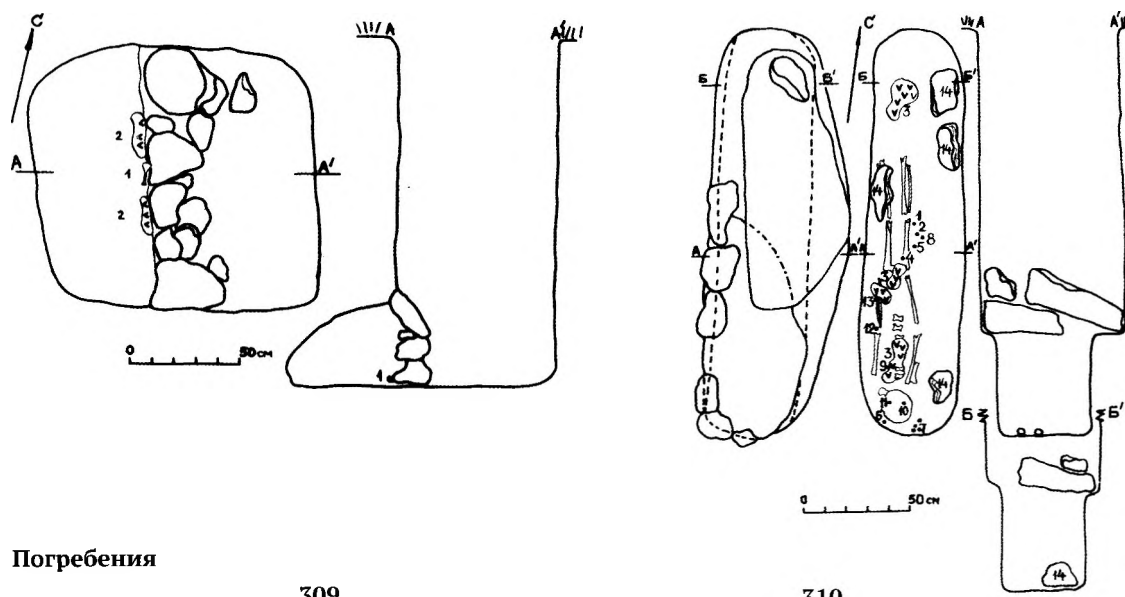

Погребения

306

307

308

Погребения

309

310

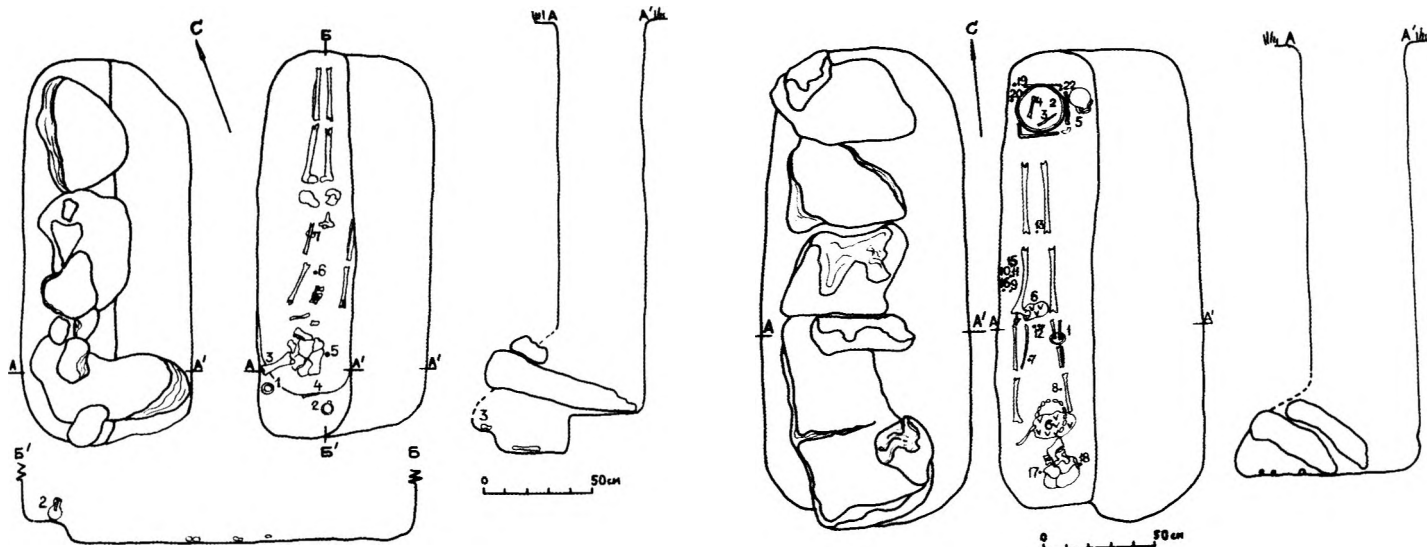
лик, гагат) и мелкий гагатовый бисер, очевидно, служившие для обшивки рукавов или в качестве браслетов. У левой руки – три небольшие кости животных и обломок железного ножа; на пальцах левой руки – бронзовый перстень с овальным щитком; в ногах – детали шкатулки и бронзовая булавка. Конец I – начало II в. н.э.

Погребение 306. Грунтовая яма (1,2 x 0,5 x 1,2 м), ориентированная с севера на юг. Инвентарь и кости отсутствуют. Могила была ограблена.

Погребение 307. Грунтовая яма (1,9 x 0,7 x 1,5 м), ориентированная с севера на юг. Инвентарь и кости отсутствуют. Могила была ограблена.

Погребение 308 (табл. 205, 19–20). Входная яма (1,5 x 0,35 x 1,4 м), ориентированная с севера на юг, имела в западной стенке подбойную камеру, отделенную вертикально стоявшими камнями. Кости погребенного не сохранились. Инвентарь представлен красноглиняной кружкой, найденной на дне в центре могильной ямы. Первая половина II в. н.э.

Погребение 309 (табл. 206, 1–2). Входная яма (1,24 x 0,75 x 1,65 м), ориентированная с севера на юг, с небольшим отклонением к западу; имела в западной стенке подбойную камеру, закрытую рядом небольших камней. На дне обнаружены следы тлена от детского скелета

Погребения

311

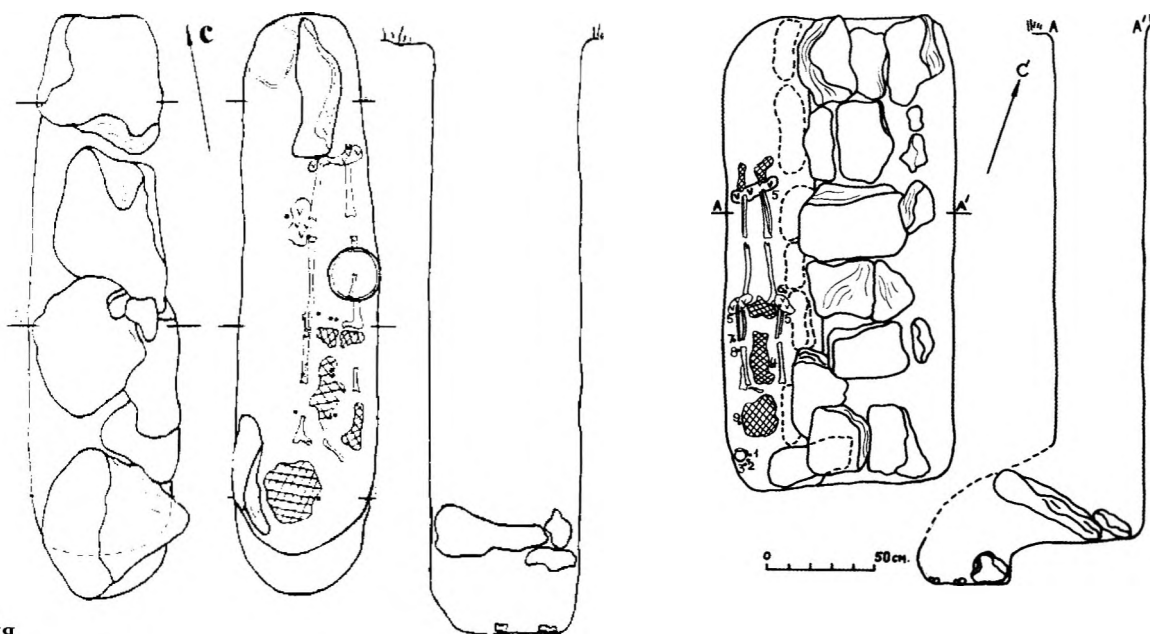
312

(ориентировка и положение костяка неопределимы). Вдоль каменного заклада найдены бусы в россыпи (гагат, стекло, сердолик), бисер и стеклянный бальзамарий. Первая половина II в. н.э.

Погребение 310 (табл. 207). Грунтовая яма с заплечиками (1,9 x 0,45 x 0,45 м), ориентированная с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. Погребенный лежал на дне ямы вытянуто на спине, головой на юг, лицо повернуто к западу. В ногах стояли вертикально три камня, в головах – один небольшой камень. У южной стены могильной ямы, над черепом, найдены краснолаковые кувшин, кружка и тарелка с клеймом HAIOC в рамке *planta pedis*. Около последней лежали железный нож и кость животного. Под черепом – две серебряные серьги; на груди – бронзовая смычковая фибула и бусы (гагат, янтарь), вторая фибула (лучковая) найдена у левой руки. На запястьях рук – бусы (гагат, янтарь), украшавшие рукава, а на левой руке – бронзовый браслет. На пальцах правой руки – два бронзовых перстня со стеклянными вставками. У правой ноги прослежен тлен от деревянной шкатулки, от которой сохранились только железные детали. В шкатулке лежали дисковидное зеркало с ручкой и румяна. В ногах – россыпь мелкого гагатого бисера, нашитого на обувь. Последняя четверть I – начало II в. н.э.

Погребение 311 (табл. 206, 3–11). Входная яма (1,7 x 0,35 x 1,82 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в северо-западной стенке подбойную камеру (1,75 x 0,4 x 2,0 м), заложенную грядой горизонтально лежавших камней. Погребенный лежал на дне камеры вытянуто на спине, головой на юго-запад. В головах найдены кости крупного животного и курицы, альчик, красноглиняный кувшин и кружка, железный нож. На груди – две гагатые бусины и бронзовая фибула. На левой руке – бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок, у правой руки – бронзовая фибула. Вторая четверть II в. н.э.

Погребение 312 (табл. 208–209). Входная яма (2,15 x 0,5 x 2,0 м), ориентированная с севера на юг, имела в западной стенке подбойную камеру (2,1 x 0,4 x 2,0 м), отделенную каменным закладом (один камень стоял вертикально с наклоном, остальные лежали горизонтально, непосредственно над погребенным). Умершая женщина лежала на дне ямы вытянуто на спине, головой на юг. Под ней был обнаружен слой темного тлена (от подстилки?). На груди погребенной покоилось ожерелье из янтарных бус; также найдена россыпь мелких гагатых бусин (украшали ворот платья). Ближе к левой руке лежали бронзовое зеркало-подвеска и обломок второго зеркала. У левой руки – бронзовое кольцо с выступами, гладкое кольцо, ажурная подвеска и колокольчик. На правую руку был надет бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок. У запястий обеих рук найдены бусы (сердолик, гагат), вероятно, украшавшие обшлага рукавов одежды. Над правой голенью – бронзовая подвеска в полтора оборота, у левой ноги – раковина каури. В ногах стояла краснолаковая миска, внутри кото-

Погребения

313

314

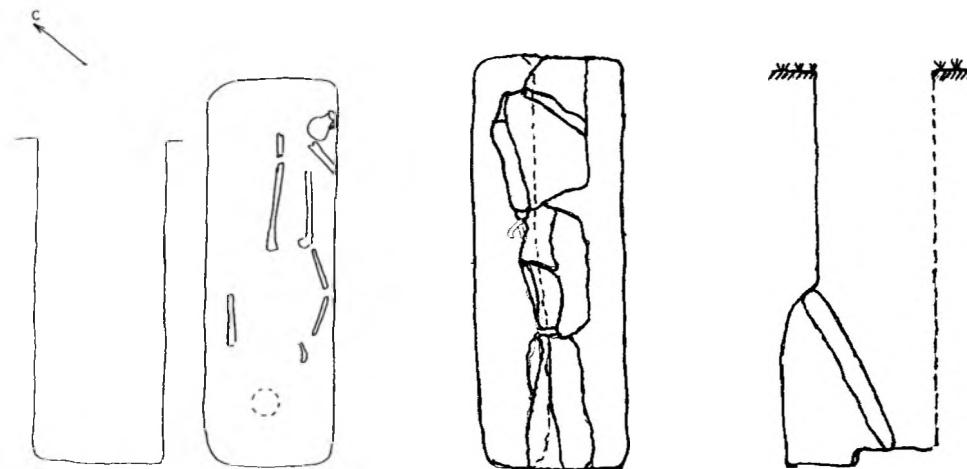
рой лежали железный нож и кость животного. Там же были найдены краснолаковый кувшин и стеклянный арибалл. Под миской находились металлические детали от оклада шкатулки. Конец I – начало II в. н.э.

Погребение 313 (табл. 210; 211, 1). Грунтовая яма (2,05 x 0,5 x 2,1 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, была частично покрыта горизонтально лежавшими плитами. Погребенная женщина лежала на дне вытянуто на спине, головой на юг, с небольшим отклонением к юго-западу. Справа от черепа найдена бронзовая серьга и краснолаковый кубок; на груди – обломки зеркала-подвески и бронзовая фибула, а также бронзовая монетовидная подвеска. У правой руки – фрагменты бронзового предмета, на пальцах – бронзовый перстень. В области таза – бусы и глиняное пряслице. На правом бедре стояла краснолаковая тарелка с клеймом, в которой лежала кость животного. У левой ноги – бронзовое кольцо с шпечками, бусы, бронзовый колокольчик. У ступней ног также обнаружены бусы (украшение подола платья или обуви). Рядом зафиксированы следы древесного тлена и металлические части от деревянной шкатулки. Конец I – начало II в. н.э.

Погребение 314 (табл. 212). Входная яма (2,15 x 0,6 x 2,4 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток, была забита камнями и имела в юго-западной стене подбойную камеру, отделенную стенкой из вертикально стоявших камней. Над северной частью могилы прослежены следы деревянного настила, сделанного поперек ямы. Погребенная женщина лежала на дне вытянуто на спине, головой на юго-восток. В головах стоял краснолаковый кубок, прикрытый обломком стенки сосуда, под ним – кость мелкого животного и фрагменты железного ножа. Под костями черепа – фрагменты серебряной серьги или височной подвески. На груди – бронзовая фибула, на запястьях – бусы (сердолик, гагат), которыми были расшиты рукава платья. У правой руки лежали румяна, за локтевой костью левой руки – бронзовое зеркало-подвеска и вторая фибула в обломках. В районе щиколоток найдены стеклянные и гагатовые бусины (вероятно, ими был расшит подол платья). В ногах сохранились металлические детали от деревянной шкатулки. Конец I – первая половина II в. н.э.

Погребение 315 (табл. 211, 2–5). Грунтовая яма, выдолбленная в скале (2,67 x 0,84 x 1,43 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. На глубине 0,79 м от современной поверхности прослежена материковая скала, по краям которой, очевидно, было положено деревянное перекрытие (следы дерева сохранились в профиле стенки могилы). Погребение было полностью ограблено. В засыпи могильной ямы обнаружены остатки инвентаря: железный нож, бронзовая лучковая фибула, обломки бронзового браслета и фрагменты бронзовых поясных пластинчатых накладок.

Погребения

322

323

Погребение 316 (табл. 213, 1–2). Грунтовая яма, полностью разрушенная грабителями, в засыпи которой обнаружены фрагменты бронзовой пронизи и глиняное пряслице.

Погребение 317 (табл. 213, 3–7). Грунтовая яма (1,75 x 0,31 x 1,47 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. Полностью ограблена. В засыпи ямы обнаружены остатки инвентаря: бронзовая лучковая подвижная фибула, два бронзовых фрагментированных зеркала, обломок железного ножа, фрагменты железных деталей шкатулки, а также венчик узкогорлой светлоглиняной амфоры и низка янтарных бус. Первая половина II в. н.э.

Погребение 318 (табл. 214, 1–7). Полностью ограбленная подбойная могила. В засыпи были обнаружены фрагменты инвентаря: обломок краснолакового канфара, фрагменты двустольной ручки и стенок узкогорлой светлоглиняной амфоры, часть бронзового браслета, обломки бронзового сосуда, бронзовая игла, янтарные бусы.

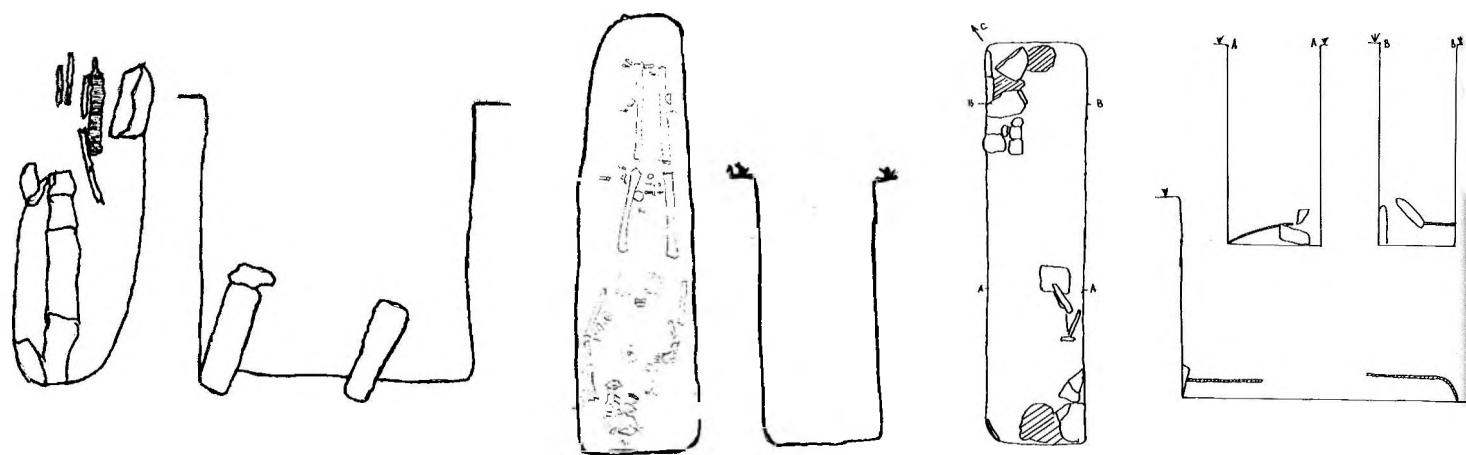
Погребение 319 (табл. 214, 8–14). Входная яма (1,6 x 0,45 x 1,58 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад имела с двух сторон подбойные камеры, обозначенные как **погребение 319а** (1,87 x 0,35 x 1,58 м) и **погребение 319б** (1,84 x 0,36 x 1,58 м). Могила была полностью ограблена, поэтому материал был взят из них суммарно: обломок бронзовой фибулы, фрагменты горла краснолакового кувшина и узкогорлой светлоглиняной амфоры, а также несколько железных обломков, стеклянные и гагатые бусины.

Погребение 320 (табл. 214, 15–26). Входная яма (2,07 x 0,71 x 1,29 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в западной стене подбойную камеру (2,57 x 0,36 x 1,59 м). Погребение полностью ограблено. В засыпи обнаружены остатки инвентаря: бусы (гагат, стекло, сердолик), фрагменты бронзового перстня, детали шкатулки, обломки краснолакового кувшина. Вторая половина II – начало III в. н.э.

Погребение 321. Грунтовая яма, полностью разрушенная грабителями. В засыпи найден обломок ручки узкогорлой светлоглиняной амфоры.

Погребение 322 (табл. 215, 1–6). Грунтовая яма (1,9 x 0,65 x 1,60 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. На дне вытянуто на спине лежал погребенный (пол неясен), головой на юго-запад, правая рука немного согнута в локте. Под костяком прослежен плотный слой темного тлена, в ногах сохранились следы дерева. На груди найдены две бронзовые фибулы (в обломках). У правой ноги стояли краснолаковый кувшин и кружка, рядом с которыми лежали кость крупного животного и железный нож. Вторая половина II в. н.э. В слое, к югу от погребения 322 обнаружены обломки узкогорлой светлоглиняной амфоры (очевидно, от другого, разрушенного ранее погребения).

Погребение 323 (табл. 215, 7–10). Входная яма (1,9 x 0,40 x 1,82 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в северо-западной стене подбойную камеру (1,90 x 0,30 x 1,90 м), отделенную стенкой из четырех каменных плит, поставленных наклонно в сторону подбоя. На дне могилы лежал скелет погребенного, вытянуто на спине, головой на юго-запад. Вокруг костей прослежены следы дерева (от гроба?). Около левого предплечья обнаружены фрагменты бронзовой фибулы, рядом с левым бедром – железная пряжка, рядом с правым – железный нож и кость животного. Вторая половина II в. н.э.

Погребения

324

326

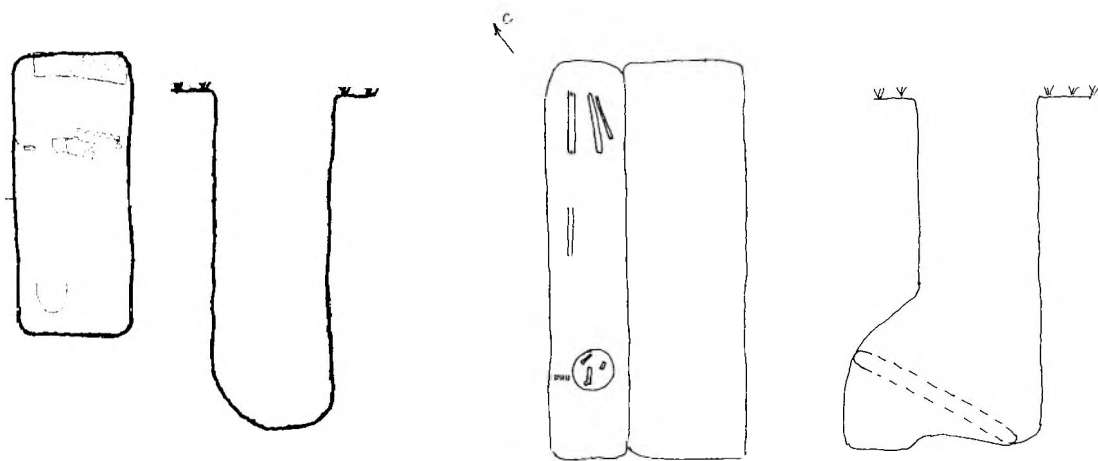
327

Погребение 324 (табл. 215, 11–17). Входная яма (2,15 x 0,75 x 1,40 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад имела подбойную камеру (1,75 x 0,58 x 1,40 м), в которой были обнаружены остатки костяка плохой сохранности, ориентированного головой на юго-запад. Вход в подбой был закрыт каменными плитами. Затем во входной яме было сделано второе погребение – в каменном ящике. Одна его сторона была образована плитами, закрывавшими вход в подбойную камеру, а вторая – поставленными вертикально каменными плитами. Следов костяка не обнаружено, сохранился лишь костный тлен в юго-западной части могилы. Погребение было ограблено в древности. В засыпи встречены лишь остатки инвентаря: краснолаковый кувшин, кружка, обломки железного ножа, бронзового стержня и железного изделия, а также бусы. Вторая половина II – начало III в. н.э.

Погребение 325 (табл. 216). Грунтовая яма (1,60 x 0,60 x 1,15 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. Погребенная женщина лежала на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад, правая рука положена на таз. На костях левой руки найдена краснолаковая тарелка, в которой находились кость крупного животного и железный нож. В области костей таза обнаружены две бронзовые пряжки. В ногах погребенной стоял кувшин. Под скелетом прослежен слой темного тлена (следы подстилки?). На кости левой руки были надеты браслеты, под пальцами лежала бронзовая пряжка. Около левого бедра – железный нож, кольцо с несомкнутыми концами, маленькие колечки с остатками органики, зеркало-подвеска, подвеска-сфера, кольцо с выступами, а также несколько небольших обломков. Вторая половина II – начало III в. н.э.

Погребение 326 (табл. 217). Грунтовая яма (2,04 x 0,55 x 1,25 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. В ногах яма сужалась. В засыпи были найдены фрагменты стенок узкогорлой светлоглиняной амфоры. На дне отмечены следы темного тлена, а в юго-западной части – слой меловой подсыпки толщиной до 0,05 м. Погребенный (вероятно, женщина) лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад, лицом к востоку, левая рука на тазовых костях. В головах находился разбитый стеклянный бальзамарий. У левого плеча стоял краснолаковый кувшин, у предплечья – краснолаковая кружка и бронзовая фибула, на груди – горшок. У костей правого плеча и правого бедра – бусы. У левой бедренной кости найдены бронзовая пряжка (с внешней стороны костяка) и бронзовый браслет (с внутренней). У ног с внешней стороны лежали две бронзовых пряжки. Конец II – первая четверть III в. н.э.

Погребение 327. Грунтовая яма (2,10 x 0,60–0,64 x 1,30 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. Вдоль северо-западной стены на дне лежали разбитые камни. По всей поверхности дна прослежен слой прокаленной глины. В засыпи погребения найден фрагмент венчика кувшина со старыми сколами. Расчистка могилы больше ничего не дала, вероятно, она была ограблена еще в древности.

Погребение 328 (табл. 218, 1–3). Грунтовая яма (1,63 x 0,40 x 1,30 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад. Погребенный лежал на дне вытянуто на спине, головой на юго-запад, ноги перекрещены в голени. В области костей правой руки найдена краснолаковая кружка, на ребрах с правой стороны – стеклянная бусина. Вторая половина II в. н.э.

Погребение 329 (табл. 218, 4–18). Грунтовая яма (1,45 x 0,55 x 1,25 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. У северо-западной стенки – два вертикально стоявших камня. Вдоль всей могильной ямы лежали горелые плахи. Над ними у восточной стены стояли краснолаковые тарелка и чаша. Под плахой – два бронзовых браслета, бусы (гагат, стекло) и зеркало-подвеска. Погребенный был, очевидно, ребенком, лежавшим головой на юго-восток на правом боку. Под камнем – обломок стенки амфоры и кувшин. В области черепа найдены обломки серьги и бусы, ниже черепа – бронзовые подвеска-амфора и подвеска-шишечка. В области пальцев правой руки – перстень (белый металл) со стеклянной вставкой, две меловые бусины и одна бронзовая. В области правого плеча – фибула. Под тарелкой лежали стеклянный бальзамарий и обломок бронзового перстня с овальным щитком. Вторая–третья четверти II в. н.э.

Погребение 330 (табл. 219, 1). Грунтовая яма (1,25 x 0,50 x 1,40 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. У торцевых сторон ямы сохранились обожженные деревянные плашки, положенные, очевидно, поперек могильной ямы. В погребении найдены обломки стенок амфоры. Следов костей нет. Вероятно, это безынвентарное погребение ребенка, головой на юго-восток.

Погребение 331 (табл. 219, 2–13). Входная яма (1,70 x 0,50 x 1,50 м), ориентированная с северо-востока на юго-запад, имела в северо-западной стенке подбойную камеру (1,67 x 0,34 x 1,50 м). На дне обнаружен скелет погребенного, лежавший вытянуто на спине, головой на юго-запад. В головах найдены краснолаковая амфора и краснолаковая тарелка с костями животных и железным ножом внутри. Рядом с тарелкой – бронзовое кольцо. У костей левой ноги – железный нож (не сохранился), у костей правой – бусы. Погребение было частично разрушено грабителями, из раскопок которых удалось найти следующие вещи: бронзовую фибулу, обломок зеркала-подвески, обломки других бронзовых и железных предметов. Середина – вторая половина II в. н.э.

В юго-западной части раскопа 1991 г., на глубине около 1 м от современной поверхности, было обнаружено скопление фрагментов узкогорлых светлоглиняных амфор (как минимум от трех сосудов). Размеры скопления приблизительно 2,5 x 2,3 м. Погребения под этим скоплением обнаружено не было. Нам представляется, что данное скопление вряд ли является остатками разрушенного погребения. Об этом свидетельствует как малая глубина залегания находок, недостаточная для погребения, так и наличие обломков нескольких амфор при полном отсутствии остатков костей или инвентаря. Условно это скопление было названо нами «тризной».

Монеты из могильника

Бельбек IV

Н.А. Фролова†

Всего в могильнике и среди случайных находок на его территории было обнаружено шесть монет (табл. 246, 1–6).

1. Денарий. Клодий Альбин (чекан 193–195 гг.). Серебро.

Найден в погребении 285. Аналогии: *Sear*, 1981. S. 15. No. 48.

Л.с. D. CLOD. SEPT. ALBIN CAES. Голова Клодия Альбина без венка вправо.

О.с. MINER. PACIF. COS. II. Минерва стоит влево, держа в правой руке оливковую ветвь, в левой – копье, у ног справа – щит.

2. Рим. Император Нерон (54–68 гг.). Медь. Год чекана – 64–66 гг. н.э.

Найдена в погребении 224. Аналогии: *Sear*, 1981. S. 105. No. 585.

Л.с. надпись: NERO. CLAVD. CAESAR. AVG. GER. P. M. TR. P. IMP [I. I.]. Голова Нерона в венке вправо.

О.с. плохой сохранности. [VICTORIA] AVGVSTI [S. C.]. Виктория влево.

В центре монеты пробито круглое отверстие.

3. Пантикапей. Чекан времени Асандра (49/48–20 гг. до н.э.). Медь.

Найдена в погребении 131. Аналогии: *Зограф*, 1951. Табл. XLIV, 9.

Л.с. Голова Аполлона вправо.

О.с. Пьющий Пегас, влево, надпись в две строки ΠΑΝΤΙ / ΚΑΠΑΙΩΝ. Точечный ободок.

Плохая сохранность.

4. Сестерций. Боспор. Царь Римиталк (131–154 гг. н.э.). Медь.

Происходит из погребения 221. Аналогии: *Зограф*, 1951. Табл. XLVII, 18.

Л.с. Бюст царя Римиталка вправо. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΟΙΜΗΤΑΛΚΟΥ

О.с. Венки, в середине ΜΝ (.....). Точечный ободок.

В монете сделано отверстие.

5. Херсонес. Третья четверть II в. н.э. Медь.

Случайная находка. Аналогии: *Анохин*, 1964. Табл. XI, 1–9.

Л.с. Дева в рост влево, поражает копьем лань.

О.с. ΧΕΡ. Бодающий бык влево.

Вес – 2,9 г. Диаметр – 17 мм.

6. Тетрассарий. Херсонес. 79–96 гг. н.э. Медь.

Найден в погребении 75. Аналогии: *Зограф*, 1951. Табл. XXXVII, 9.

Л.с. Голова Херсонас вправо. Легенда не читается.

О.с. Дева с луком в левой руке, вправо; ΧΕΡ.

Плохая сохранность. В середине – отверстие.

Геммы из могильника

Бельбек IV

О.Я. Неверов†

Памятники глиптики – геммы и металлические перстни-печати – среди других археологических материалов выделяются большой информативностью. Уже сам факт их находки в греко-варварских поселениях и могильниках говорит об эллинизации их населения, а статистические данные позволяют делать выводы об интенсивности этого процесса. Можно только пожалеть, что крупнейшие европейские коллекции глиптики содержат геммы, как правило, без археологического паспорта. Это относится к собраниям из Флоренции, Берлина, Парижа, Лондона. Прежде чем попасть в музей, геммы и перстни прошли через множество рук, иногда начав свою миграцию в XIII–XIV вв.

Важность регионального изучения предметов глиптики подчеркивалась еще на пороге XX в. А. Фуртвенглером, крупнейшим знатоком этого искусства. Однако и до сих пор такого рода исследований появилось отнюдь не много. В западной литературе, после издания «Римских перстней Рейнской области» (*Henkel*, 1913) можно привести лишь «Корпус римских гемм из поселений Британии» (*Hering*, 1974) и посвященные Германии «Римские геммы из находок» (*Krug*, 1975; 1980a; 1980b; 1995). «Корпус памятников глиптики древней Грузии» является первым опытом регионального изучения материала в отечественной науке (*Лордкипанидзе*, 1969). Остальные публикации касаются лишь находок в отдельных центрах античного мира.

В данном приложении представлены десять гемм, найденных к настоящему времени на могильнике Бельбек IV. Их публикация представляется нам, наряду с прочими подобными публикациями, небольшим вкладом в будущий «Корпус памятников глиптики Северного Причерноморья». Из десяти рассмотренных предметов два являются целиком металлическими перстнями, один из которых имеет рельефное, а другой – углубленное изображение на щитке; остальные восемь – металлические перстни (один серебряный, шесть бронзовых, один железный) со вставкой-печатью. Пять вставок выполнены из стекла, три – из камня (сердолика и яшмы). Прежде чем рассмотреть эту группу находок, дадим их краткое описание:

Перстни с металлическим щитком

1. **Голова Аполлона** в профиль вправо в рельефе в окружении точечного орнамента (табл. 165, 13). Перстень из бронзы с овальным щитком. Найден в погребении 238. Высота перстня – 1,5 см, размеры щитка 1,0 x 0,8 см. I в. н.э. Аналогии: *Димитрова*, 1980. № 51–52. Могила датирована второй–третьей четвертями II в. н.э.

2. **Пальмовая ветвь**, над нею буквы – NH (NIKH?) (табл. 147, 14). Перстень из бронзы с овальным щитком. Найден в погребении 222. Высота перстня – 2 см, размеры щитка – 1,3 x 1,0 см. I в. н.э. Аналогии: *Sena Chiesa*, 1966. № 1534. При этом комплекс могилы датируется второй половиной II в. н.э.

Перстни со вставкой-печатью

3. **Юпитер на троне со скипетром и чашей** (табл. 156, 11; 245, 2). Овальный чуть выпуклый литик в бронзовом перстне. Высота перстня – 1,6 см, размеры вставки – 0,7 x 0,5 см. Происходит из погребения 228. I–II вв. н.э. Аналогии: *Высотская*, 1980. Рис. 1. № 14; *Димитрова*, 1980. № 1–7; *Sena Chiesa*, 1966. № 9–16. Комплекс могилы датируется второй – третьей четвертями II в. н.э.

4. **Стоящая богиня со скипетром (Юнона)** (табл. 139, 6; 245, 4). Овальный чуть выпуклый литик в бронзовом перстне. Высота перстня – 1,7 см, размеры вставки – 0,7 x 0,5 см. I–II вв. н.э. Найден в погребении 211. Аналогии: *Димитрова*, 1980. № 19; AGDS, I, 3, № 3, 224, 2466, 2467.

5. Стоящая Немезида с уздой и лирой (табл. 64, 11; 245, 9). Овальный чуть выпуклый литик во фрагменте бронзового перстня. Размеры вставки – 0,7 х 0,5 см. Найден в погребении 108. I–II вв. н.э. Аналогии: *Высотская*, 1980. Рис.1. № 31; *Захаров*, 1928. № 159; *Неверов*, 1978. № 27–29, 40; *Sena Chiesa*, 1966. № 634–642.

6. Стоящая Фортуна (табл. 149, 5; 245, 6). Сердолик во фрагменте серебряного перстня. Найден в погребении 223. Размеры вставки – 1,0 х 0,6 см. II в. н.э. Аналогии: *Высотская*, 1980. Рис.1. № 5, 9, 34; *Димитрова*, 1980. № 80–85; *Sena Chiesa*, 1966. № 576–599.

7. Стоящая Деметра с чашей и колосьями (табл. 245, 10). Овальный чуть выпуклый литик в бронзовом перстне. Высота перстня – 1,7 см, размеры вставки – 0,7 х 0,5 см. Найден в погребении 108. I–II вв. н.э. Аналогии: *Sena Chiesa*, 1966. № 563–569; AGDS, II. № 524.

8. Муравей (табл. 218, 8; 245, 8). Сердолик в обломке железного перстня. Перстень найден в погребении 329. Размеры вставки 0,7 х 0,5 см. II в. н.э. Аналогии: *Hering*, 1974. № 711; *Димитрова*, 1980. № 218–220; *Sena Chiesa*, 1966. № 1366–1369; ГЭ. Инв. № П.1877.78; X.1899.47. *Высотская*, 1980. Рис.1. № 21; *Henkel*, 1913. Taf. III, 58.

9. Птица (табл. 59, 2; 245, 5). Яшма во фрагменте бронзового перстня. Размер вставки 0,7 х 0,5 см. Перстень найден в погребении 101. II в. н.э. Аналогии: *Sena Chiesa*, 1966. № 1318.

10. Неясная фигура, дополненная тремя выпуклыми шариками (табл. 130, 12; 245, 7). Плоский овальный литик в бронзовом перстне. Высота перстня – 1,7 см, размеры вставки – 0,7 х 0,5 см. Найден в погребении 198, датированном концом I – первой половиной II вв.

Как видно, большинство гемм в этой группе выполнены из стекла и вставлены в скромные бронзовые или железные перстневые оправы. Это тот вид произведений глиптики римской эпохи, о которой упоминал вскользь Плиний (Plin, HN, XXXV, 48) – «стеклянные геммы в перстнях простонародья» (*vitreis gemmis ex vulgi anulis*). Однако и в этих скромных изделиях художественного ремесла, также как и в роскошных каменных печатях, оправленных в золото, выбор сюжета был, несомненно, делом сугубо индивидуальным. Он может многое рассказать о намерениях владельца печати, его надеждах и притязаниях, его вере и социальном ранге.

Раннехристианский писатель Климент Александрийский противопоставляет выбор тем на перстнях язычников и христиан: «Мы не должны вырезать на них идолов, на которых нам даже смотреть не подобает; также меч или лук, так как мы все сторонники мира; также – хмельной кубок, так как мы трезвенники. Многие развратники носят на своих перстнях разные изображения их обнаженных любимцев или любовниц» (Clemens Alexandrinus, Paedag., II, 11).

Увы, здесь нет указания на то, что носитель перстня мог быть воином, легионером римской армии. Перстни легионеров «несут изображения орлов», которые были, по выражению Тацита, «римскими птицами, исконными святынями легионов» (Тас., *Летописи*, II, 17). На гемме из Усть-Альминского некрополя это – орел, сидящий на алтаре, на нескольких геммах из некрополя Херсонеса он представлен в окружении знамен когорт (*Высотская*, 1980. Рис.1. № 2; *Захаров*, 1928. № 221; ГЭ. Инв. № X.1905.18; X.1905.22; Херсонесский музей. Инв. № 6229, 9/37006). На гемме из Археологического музея в г. София это изображение сопровождается красноречивая надпись: «XI Легиона Клавдиева, Благочестивого Верного» (*Димитрова*, 1980. № 208 – [Legionis] XI C[laudiae] P[ia]e F[fidelis]). Клейма на кровельной черепице из Херсонеса и городища Алма-Кермен называют тот же легион: Le[gio] XI Cl[audia] (см.: *Зубарь*, 1994. С. 48, 71; ср.: *Соломоник*, 1964. № 59 – «Тит Флавий Цельсин, бенефициарий консулара XI Клавдиева Легиона»). Отряды этого легиона, расквартированного в Нижней Мезии, как раз и присылались в Таврику.

Если изображение головы Аполлона на первом бельбекском перстне (№ 1) говорит о мирных, литературных или религиозных занятиях его владельца, то второй перстень (№ 2), с пальмовой ветвью, больше подходит воину, гладиатору или спортсмену. На одной из гемм, найденных в Аквилее, пальмовая ветвь и венок сопровождаются надписью «Успеха (тебе) Геренний!» (*Sena Chiesa*, 1966. № 1534). Среди материала глиптики с поселений римской Британии, учтенных Херингом, четыре перстня из серебра и золота несут изображение пальмовой ветви (*Hering*, 1974. № 768–771).

Одна сердоликовая гемма сохранила изображение Виктории, несущей венок и пальмовую ветвь, в окружении надписи: «Рубрий Коринус Ориенталис» (*Hering*, 1974. № 297). И сами изображения, и сопровождающие их надписи «Победа», «Удача», делают подобного рода перстни своего рода талисманами, гарантирующими успех (*Шербакова*, 1981. С. 63, сл.).

Юпитер, восседающий на троне, держа скипетр и патеру (№ 3), это – схематичное изображение Юпитера Капитолийского – высшего божества римской триады богов. «Наилучший», «Величайший» были его обычными эпikleзами. Бельбекской находке соответствует гемма из Усть-Альминского некрополя. Почти все надписи с посвящениями Юпитеру Капитолийскому исходят из среды римских гарнизонов Таврики. Вот одна из них: «Кай Валерий Валент, моряк Мезийского Флавмева флота, либурна “Стрела”, поставил алтарь Юпитеру Лучшему Величайшему» (Соломоник, 1973. № 189). Вторая надпись на алтаре Юпитеру называет «ординатора и писца флота», третья – некого Теренция, совместно с флотскими центурионами и тетрархами (Зубарь, 1994. С. 55). Три алтаря Юпитеру Капитолийскому были воздвигнуты в крепости Харакс, причем один из них был поставлен бенефициарием XI Клавдиева легиона Титом Флавием Цельсином, служившим и в Херсонесе (Зубарь, 1994. С. 42).

Итак, культ Юпитера Капитолийского, главного бога Римской Империи, внедрился во все подвластные Риму города и в опорные пункты римских войск. Печати из Бельбека и Усть-Альмы могли принадлежать как солдату, так и любому человеку, прикоснувшемуся к жизни римских когорт в Таврике. То же самое относится к Юноне, второму божеству римской триады (№ 4). Эпikleзой этой богини было имя «Царица Небесная», связанное с ее сакральной властью, а кроме того, имена «Воительница», «Помощница», связанные с войсками.

Немезида (№ 5) – божество, получившее широкое распространение в период Римской Империи. На геммах повторяются обычно статуарные типы, известные по культовым статуям в Смирне: одна, крылатая, с колесом у ног, другая, бескрылая, с мерной линейкой и уздой в руках. Символы ясно трактуются в эллинистической эпиграмме:

С лирой, с уздой в руках, Немезида вещает нам ясно:

Меру в деяньях храни, дерзкий язык обуздай

(Античные поэты, 1938. С. 52).

Ее эпikleзами были имена «Величайшая», «Охранительница»; подобно Фемиде и Нике, Немезида была богиней высшей справедливости. Из двух алтарей, поставленных ей в Херсонесском театре, один был воздвигнут во II в. н.э. римским воином. Латинская надпись гласит: «Богине Немезиде Хранительнице Тит Флавий Цельсин, бенефициарий консуляра XI Клавдиевого Легиона, за спасение себя и детей поставил по обету» (Соломоник, 1964. № 59). Геммы Усть-Альминского некрополя дают оба статуарных изображения Немезиды из Смирны – крылатой и бескрылой, печать из Бельбека – только бескрылой.

Любопытно, что Фортуна-Тюхе, получившая широчайшее распространение в глиптике римской эпохи (№ 6), в солдатской среде почитается как Охранительница, как богиня, «возвращающая на родину». В таком качестве призывают ее в надписях пограничный солдат и военный трибун из Британии (Hering, 1974. Р. 185).

Также Деметра, чье почитание греками связано с хлебопашеством прежде всего (№ 7), как Законодательница-Фесмофора гарантировала социальный порядок. Ее латинский вариант – Церера, Фидес Публика, Фидес Августорум – источник неприкосновенности, гарантия безопасности в полисе, а не только богиня произрастающих злаков. Это она научила размежеванию полей и была гарантом против потравы и хищения урожая, она же играла важнейшую роль в присяге воинов, карала за клятвopепреступления. Тип богини Фидес с колосьями и чашей засвидетельствован начиная с монет Домициана.

Изображение муравья (№ 8) связано с кругом Цереры-Деметры, богини-покровительницы злаков. Это – символ усердия и богатства, образ скромности и дисциплины. Мы находим его на печатях из некрополя Бельбек IV и из Усть-Альминского могильника, в некрополях Херсонеса и Пантикапея. На одной из гемм Флорентийского Археологического музея, муравей предстает, держа семь колосков в челюстях (Reinach, 1895. Pl. 71). Муравей, держащий в челюстях зерно, вырезан на геммах I в. н.э., хранящихся в Археологических музеях Болоньи и Неаполя (см.: Mandrioli Bizzari, 1987. № 110; Pannuti, 1994. № 251). На одной из гемм Аквилеи рядом с муравьем вырезаны три звезды. Автор исследования считает, что все восемь изображений муравья, опубликованных ею, связаны с культом Цереры-Фидес Публика и являются символом трудолюбия, верности и благого исхода дел (Sena Chiesa, 1966. № 563, сл.; 1366, сл.). Возможно, «F», сопровождающее муравья на гемме из Луни, надо расшифровывать как Фидес – Верность (Sena Chiesa, 1978. № 148).

Трудно ответить на вопрос, являются ли печати бельбекского некрополя римским импортом. М.И. Максимова еще в 1937 г. показала, что в Херсонесе первых веков нашей эры существовала камнерезная мастерская. Открытие стеклоделательной мастерской на городище Алма-Кермен не исключает, что стеклянные геммы могли изготавливаться даже в округе Херсонеса мастерами, следовавшими за войском и обслуживавшими его нужды.

Конечно, рассмотренные нами десять гемм и перстней слишком небольшая группа материала для того, чтобы делать какие-либо окончательные выводы. Однако находки, сделанные на городище Усть-Альминском, Алма-Кермен и вблизи Балаклавы, позволяют считать, что здесь располагались римские военные посты. Ныне разрушенное городище близ устья р. Бельбек, по-видимому, было в системе подобных постов. Владельцами печатей могли быть представители вспомогательных сил или люди, так или иначе связанные с римскими войсками.

БУСЫ НЕКРОПОЛЯ

БЕЛЬБЕК IV

Е.К. Столярова

Бусы – самый массовый материал могильника Бельбек IV. Однако для подробного изучения нами было взято 7169 бусин из 96 погребений могильника, что составляет примерно половину комплексов, содержащих бусы. Несмотря на то, что изучению были подвергнуты не все бусы, выборка случайна, представительна, и ее размер достаточен для надежных выводов – установлено, что в археологических исследованиях для выводов и гипотез оказывается достаточной та степень точности, которую представляет выборка в 100 наблюдений (Щапова, 1988. С. 102).

В исследованных комплексах обнаружены бусы из стекла, фаянса, янтаря, гагата, полудрагоценного камня, кости, металла. Помимо бус нами были изучены стеклянные вставки в перстни (табл. 1).

Таблица 1. Материал украшений могильника Бельбек IV

Категория	Материал	Кол-во	%
Бусы	Стекло	2498	34,8
	Гагат	2373	33
	Фаянс	1024	14,3
	Сердолик	931	13
	Янтарь	297	4,12
	Халцедон	19	0,26
	Металл	13	0,18
	Горный хрусталь	11	0,15
	Кость	2	0,03
	Агат	1	0,01
Вставки	Стекло	11	0,15
Итого		7180	100

Украшения из стекла (бусы и вставки) доминируют и в сумме составляют около 35%, что лишь немногим больше гагатовых бус (33%). Бус из фаянса и сердолика приблизительно поровну (14,3 и 13% соответственно). Бусы из остальных материалов не превышают 4%. Таким образом, находки не стеклянных бус (из гагата, фаянса, камня, янтаря и других материалов), в отличие от большинства археологических памятников, составляют две трети всех изученных изделий (Довгалюк, Левина, 1995. С. 205).

Было сопоставлено количество бус из различных материалов и количество погребений, в которых они найдены. Оказалось, что чем больше процент бус, тем чаще они встречаются. Например, доминирующие стеклянные украшения (бусы и вставки в перстни) найдены в 77 из изученных 96 погребений, что составляет 80,2%. Бусы из гагата, которые по количеству уступают только стеклянным украшениям, найдены в 59 погребениях (61,5%). Следующие количественные группы – фаянсовые и сердоликовые бусы найдены в 52 и 42 погребениях соответственно, что составляет 54,2% и 43,8%. Янтарные и халцедоновые бусы – следующие по количеству отмечены в 35 (36%) и в 14 (14,6%) погребениях соответственно. Две бусины из кости, также как и единственная агатовая бусина встречены в одном погребении (по 1%). И только для бус из горного хрусталя и металла можно отметить иную зависимость. Приблизительно одинаковое количество бус из этих материалов (0,15% и 0,18%) найдено в разном количестве погребений. Бусы из горного хрусталя сосредоточены в трех погребениях (3,1%), а металлические бусы, которых не на много больше хрустальных, отмечены в девяти погребениях (9,4%).

Мы произвели подсчет бус в погребениях (табл. 2). По этому признаку комплексы могильника были разделены на следующие группы: 38 погребений содержат от 1 до 9 бусин,

20 – от 10 до 60, 16 – от 65 до 105, 15 – от 110 до 235 и 7 – свыше 240. Иными словами, почти 40% погребений содержат 1,5% бус, а всего 7,3% погребений – почти 36% бус. Таким образом, бусы могильника распределены по погребениям неравномерно.

Таблица 2. Распределение бус могильника Бельбек IV по погребениям

№ группы	Кол-во бус в погребении	Погребения		Бусы		Встречаемость материалов	Датировка
		Кол-во	%	Кол-во	%		
1	1–9	38	39,6	110	1,5	От 1 до 4	Сер. I – пер. пол. III в.
2	10–60	20	20,8	761	10,7	От 1 до 5	Вт. четв. I – пер. пол. III в.
3	65–105	16	16,7	1390	19,5	От 1 до 5	Вт. пол. I – пер. пол. III в.
4	110–235	15	15,6	2306	32,4	От 2 до 6	Вт. пол. I – II в.
5	Свыше 240	7	7,3	2554	35,9	От 4 до 5	Кон. I – пер. пол. III в.
Итого		96	100	7121	100		

Для каждого погребения мы произвели подсчет встречаемости материалов, из которых изготовлены бусы (табл. 2). Оказалось, что чем больше бус содержится в погребении, тем больше разнообразие материалов, из которых они сделаны. К примеру, в погребениях с небольшим количеством бус (от 1 до 9) отмечено от одного до четырех материалов. Но при этом большая часть захоронений (33 погребения) содержит бусы только из одного или двух материалов, чаще всего это стекло и фаянс. В погребениях, в которых найдено от 10 до 105 бус, отмечено от одного до пяти материалов. При этом преобладающее количество захоронений (25 погребений) содержит бусы из трех или четырех материалов, чаще всего это стекло, гагат, полудрагоценные камни, янтарь. В погребениях, содержащих от 110 до 235 бус, отмечено от двух до шести материалов. Преобладающими среди них (10 погребений) являются захоронения с бусами из четырех или пяти материалов. Это стекло, фаянс, гагат, полудрагоценные камни, янтарь. В погребениях с наибольшим количеством бус (более 240) отмечено только четыре или пять материалов (стекло, фаянс, гагат, камень, янтарь).

Для каждой группы мы подсчитали долю материалов, из которых сделаны бусы (табл. 3). Оказалось, что в группе с минимальным количеством бус отмечено все разнообразие материалов, но преобладают стеклянные (34,5%) и фаянсовые (28,2%) украшения. В группах с количеством бус от 10 до 235 использованы все виды материала кроме кости, а преобладают бусы из гагата, и на втором месте находятся стеклянные украшения. В группе с максимальным количеством бус отмечены все виды материала кроме кости и металла. При этом значительно преобладают бусы из стекла (55,5%), следующие по количеству гагатовые бусы (25,7%). Иначе говоря, бусы из стекла, фаянса, гагата, янтаря и камня присутствуют во всех группах погребений, украшения из кости – только в группе погребений с минимальным количеством бус, а металлические бусы – в группах погребений с минимальным количеством, а также с количеством бус от 65 до 235.

Таблица 3. Доля материалов бус по группам

	Кол-во бус в погребении	Количество бус в группе	Стекло		Фаянс		Камень		Гагат		Янтарь		Металл		Кость
			Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
1	1–9	110	38	34,5	31	28,2	6	5,5	21	19,1	3	2,7	9	8,2	2
2	10–60	761	189	24,8	172	22,6	127	16,7	224	29,4	49	6,5	-	-	-
3	65–105	1390	319	23	209	15	260	18,7	553	39,8	47	3,4	2	0,1	-
4	110–235	2306	529	22,94	330	14,3	445	19,3	876	38	125	5,42	1	0,04	-
5	Свыше 240	2554	1419	55,5	282	11	124	4,9	656	25,7	73	2,9	-	-	-
Итого		7121	2494		1024		962		2330		297		12		2

Погребения, выделенные по количеству бус, мы сопоставили с датировками комплексов (табл. 2). Оказалось, что раньше других, а именно во второй четверти I в. н.э. появляются захоронения с количеством бус от 10 до 60. Серединой I в. н.э. датируются самые ранние комплексы с минимальным количеством бус. Во второй половине I в. н.э. появляются погребения с количеством бус от 65 до 235. Самые ранние захоронения с максимальным количеством бус датируются концом I в. н.э. Все эти комплексы встречаются в течение всего времени существования могильника вплоть до первой половины III в. н.э. Исключение составляют погребения с количеством бус от 110 до 235, которые, появившись во второй половине I в. н.э., исчезают к III в. н.э.

Для большинства археологических культур и памятников, в том числе и для населения, оставившего могильник Бельбек IV, бусы являются предметом импорта, поэтому главной темой для нас стало их происхождение.

Описание всех изделий было проведено по программе изучения древнего стекла, предложенной Ю.Л. Шаповой (Шапова, 1989). Суть ее заключается в разделении всей информации, содержащейся в любой стеклянной вещи, на сегменты: морфологию, подразделяющуюся на форму изделия, его размеры, декор, цвет и прозрачность стекла; технологию изготовления изделия, декора, покрытий и прокладок; материал (химический состав).

Стекланные украшения

Бусы

Формы стекланных бус могильника Бельбек IV представлены в табл. 4. Наиболее многочисленны округлые цилиндрические и шаровидные бусы, а также плоские прямоугольные. Последнюю форму Е.М. Алексеева называет наиболее популярной в римское время, особенно в период II–III вв. н.э. (Алексеева, 1984. С. 238) (погребения 101, 284, 294–296).

Размеры бус упорядочены нами по системе, предложенной Ю. Кальмером (Callmer, 1977. Р. 35). Исследователь подразделяет бусы по величине диаметра тулова на четыре группы: малые (до 0,89 см); средние (от 0,90 до 1,79 см); большие (от 1,80 до 2,79); гиганты (свыше 2,80 см).

Среди стекланных бус могильника наиболее многочисленны малые бусы (табл. 5). Видимо, в этом проявляется результат действия мини-макстного закона, когда стремление достичь максимального результата при минимальных затратах является основным.

Таблица 4. Форма стекланных бус и бус с металлической прокладкой могильника Бельбек IV

Форма тулова		Кол-во	%
Округлые	Цилиндрические	979	39,2
	Шаровидные	829	33,2
	Эллипсоидные	140	5,6
	Яйцевидные	30	1,2
	Биконические	14	0,6
	Глобоидальные	8	0,32
	Грушевидные	6	0,24
	Конусовидные	2	0,08
Плоские	Прямоугольные	271	10,8
	Круглые	2	0,08
	Овальные	1	0,04
	Глобоидальные	1	0,04
Граненые	Призматические	153	6,12
	Эллипсоидные	21	0,84
	Кубические	1	0,04
Ребристые	Шаровидные	18	0,72
	Цилиндрические	10	0,4
Бугристые	Шаровидные	11	0,44
	Цилиндрические	1	0,04
Итого		2498	100

Таблица 5. Диаметр тулова стекланных бус и бус с металлической прокладкой могильника Бельбек IV

Диаметр тулова		Кол-во	%
Малые	до 0,89	2258	90,4
Средние	0,90–1,79	231	9,24
Большие	1,80–2,79	7	0,28
Нельзя установить		2	0,08
Итого		2498	100

Орнаментированные бусы редки (3,5%). Декор представлен геометрическими (пятно, глазок, полоса, волна, спираль, фестон, ромб, крест, мраморировка) и растительными (четырехлистник и пальметта) элементами. Наиболее часто встречены глазки (погребения 3, 9, 12, 53, 55, 63, 80, 191, 197, 200, 208, 218, 222, 303, 313), полосы (погребения 9, 53, 197, 208, 296, 312), пятна (погребения 3, 108, 158, 197, 216, 221, 302). Чаще всего декорированы бусы округлых форм (шаровидные, цилиндрические и глобоидальные).

Для характеристики цвета основы и декора использована шкала, разработанная на кафедре археологии МГУ. Все разнообразие цветов сведено в ней к 21 цветовому тону, идентифицированному с атласом цветов Е.Б. Рабкина (Рабкин, 1956). Каждый тон по насыщенности разделен на восемь оттенков.

Цвет основы изученных бус представлен 17 основными тонами: бежевым, бирюзовым, желто-зеленым, желтым, зеленым, коричневым, красно-коричневым, красно-оранжевым, оливковым, оранжевым, пурпурным, светлым ахроматическим (белым), серо-голубым, серым, сине-зеленым, сине-фиолетовым, темным ахроматическим (черным). Наиболее многочисленны бусы из стекла красно-оранжевого (35,5%) (погребения 3, 12, 53, 55, 80, 81, 84, 92, 93, 96, 101, 107, 108, 191, 192, 195–197, 200, 205, 208, 218, 221, 222, 284, 290, 294–296, 301, 303), белого (21%) (погребения 3, 12, 79–81, 92, 93, 95, 96, 101, 103, 107–109, 111, 197, 200, 208, 215, 216, 221–223, 284, 290, 294–296, 302, 303, 309, 313, 329) и зеленого (15,3%) (погребения 3, 53, 81, 96, 101, 108, 191, 200, 208, 218, 221, 222, 284, 290, 294–296) цветов. Отметим, что самые многочисленные в нашей выборке красно-оранжевые бусы являются таковыми и для других памятников Северного Причерноморья этого периода (Алексеева, 1984. С. 238).

Цветовая гамма накладных декоративных элементов (61 экз.) представлена 11 тонами: бежевым, бирюзовым, желто-зеленым, желтым, красно-коричневым, красно-оранжевым, светлым ахроматическим (белым), серо-голубым, сине-зеленым, сине-фиолетовым, темным ахроматическим (черным). Чаще всего встречается декор желтого (погребения 3, 9, 12, 53, 55, 158, 159, 200, 208, 222, 302), белого (погребения 55, 93, 197, 218, 303, 313,) и сине-фиолетового (погребения 3, 12, 55, 197, 218, 302, 303, 313) цветовых тонов.

Декор бус, изготовленных методом сварки, и бус, сделанных однократным обертыванием (так называемые бусы миллефиори и бусы из слоистого стекла), имеет тот же цветовой тон, что и цвет основы и обозначен как декор в цвете предмета (27 экз.). Для изготовления декора (и одновременно основы) таких бус использовано стекло десяти цветовых тонов: белое, желто-зеленое, желтое, коричневое, красно-оранжевое, пурпурное, серо-голубое, серое, сине-фиолетовое. Наиболее часто применялось стекло желтого (погребения 3, 9, 11, 12, 63, 106, 108, 214), белого (погребения 3, 6, 12, 214) и красно-оранжевого цветов (погребения 3, 12, 96, 214, 296).

Для изучения технологии изготовления бус могильника Бельбек IV применялась методика, разработанная З.А. Львовой (Львова, 1979. С. 90–104; 1980. С. 75–85). Руководствуясь ею, удалось установить, что бусы Бельбека IV изготовлены семью основными технологическими приемами (табл. 6).

Таблица 6. Технология изготовления стеклянных бус и бус с металлической прокладкой могильника Бельбек IV

Технологический прием	Кол-во	%
Вытягивание трубочки	1831	73,3
Вытягивание палочки	545	21,8
Обертывание многократное	45	1,8
Навивка	43	1,72
Сварка кусков	20	0,8
Обертывание однократное	7	0,3
Прессование в форму	1	0,04
Нельзя установить	6	0,24
Итого	2498	100

Вслед за Н.А. Школьниковой, сгруппируем бусы на группы изделий, полученных серийными приемами, индивидуальными приемами, и сочетанием обоих приемов (Школьникова, 1978. С. 97–106):

- бусы, сделанные индивидуально – 1,96%. Это бусы, изготовленные индивидуальной на-

вивкой (1,16%), многократным обертыванием (0,4%), сваркой (0,36%), а также прессованием в форму (0,04%);

- бусы, для изготовления которых использовали как индивидуальные, так и серийные приемы – 24,46%. Это бусы, сделанные из тянутой палочки (21,8%), при помощи многократного (1,4%) и однократного (0,3%) обертывания, с помощью серийной навивки (0,56%) и сварки (0,4%);
- бусы, сделанные серийно – 73,7%. Это бусы из различных трубочек – вытянутых (73,3%), и полученных при помощи сварки (0,04%). Таким образом, большинство стеклянных бус изготовлено серийно.

Происхождение стеклянных бус из могильника Бельбек IV определялось в соответствии с гипотезой Ю.Л. Шаповой (*Шапова*, 1975. С. 135; 1983. С. 105) о существовании в древности стеклоделательных центров или «школ». Они различались сырьевыми материалами, используемыми для изготовления стекла на разных территориях и в разные хронологические отрезки, приемами обработки стекла и морфологией изделий. Для решения проблемы происхождения стеклянных изделий, характеризующихся единством времени и места, необходимо сопоставить данные их морфологического, технологического и химического исследования.

К продукции ближневосточной школы в стеклоделии, на наш взгляд, можно отнести большинство бус могильника: бусы из тянутой трубочки – стеклянные и с металлической прокладкой (73,3%). К египетской школе, вероятно, принадлежат бусы, изготовленные из тянутой палочки, с помощью однократного и многократного обертывания, сварки, прессования, навивки (26,46%). Отметим, что производство изделий в технике миллефиори в период эллинизма и римского времени было характерно для мастерских Александрии (*Шапова*, 1983. С. 113).

При установлении происхождения стеклянных изделий важным является не только определение стеклоделательного центра, но и типа мастерской, в которой они были сделаны. Изготовление бус из заготовок-трубочек, полученных различными способами, и палочек предполагает свободное владение материалом и различными инструментами, которые обеспечивали получение большого объема продукции. Изготовление бус при помощи сварки полос и заготовок (так называемая техника слоистого стекла и миллефиори), а также с помощью однократного обертывания (в нашем случае для изготовления этих бус также использовалась сварка заготовок) требовали от мастера свободного владения температурными режимами и умения работать со стеклом разного состава, находившимся в различных агрегатных состояниях. Такие бусы могли производить как из жидкого стекла, так и из разогретого полуфабриката. Таким образом, большинство бус могильника (бусы из вытянутых трубочек, палочек, бусы, изготовленные сваркой, однократным и многократным обертыванием, серийной навивкой, прессованием) являлись продукцией специализированных мастерских по производству бус и полуфабрикатов с полным или неполным производственным циклом. Такие мастерские располагались в районах традиционного стеклоделия (Египте и Передней Азии) и были связаны, по мнению ряда исследователей, с международной торговлей (*Лихтер, Шапова*, 1991. С. 244–260).

Иначе можно оценить изготовление бус индивидуальной навивкой, которая является одним из самых простых технических приемов, характеризующих зарождение новой школы. Для изготовления бус таким способом мастер необязательно должен был знать особенности состава стекла и виртуозно владеть инструментами. Позднее, в период средневековья в мастерских Византии и Древней Руси такие бусы являлись второстепенным продуктом и дополняли производство основного, например, посуды (*Столярова*, 1996. С. 13–15; *Stolyarova*, 1996. Р. 38). При изготовлении открытых сосудов, в процессе отшибания стеклянной заготовки от стеклянной трубки остается так называемый колпачок, из которого можно производить мелкие поделки, например, бусы. Поэтому суть изготовления таких бус заключалась в утилизации отходов посудного производства. В период, которым датируется могильник Бельбек IV, выдувные сосуды были уже довольно распространены (способ раздувания горячего стеклянного шара был открыт в начале I в. до н. э.) и являлись продукцией римской стеклоделательной школы (*Шапова*, 1983. С. 119, 123). Возможно, что бусы из могильника Бельбек IV, изготовленные индивидуальной навивкой, также были второстепенной продукцией римских мастерских, специализирующихся на производстве посуды. Действительно, в I в. н. э. появляется 70 новых типов бус, из них более половины из прозрачного цветного и бесцветного стекла, из которого в основном и производили сосуды (*Алексеева*, 1978. Рис. 15). Большинство навитых бус из могильника Бельбек IV относятся к группе средних и крупных и изготовлены небрежно, что выдает руку неумелого мастера (погребения 159, 169, 200, 216, 294, 303, 312, 313).

Таким образом, можно предположить, что бусы, найденные в погребениях могильника Бельбек IV, являлись продукцией мастерских двух типов: специализированных с полным или неполным производственным циклом (98,6%) и универсальных с полным производственным циклом (1,16%).

Интересно проанализировать бусины могильника с точки зрения составления наборов бус. Андрэ выделяет три вида составления наборов: образцовые, основные и сборные. Образцовые комбинации составлялись изготовителем или торговцем, сборные – потребителем. Основные комбинации занимают промежуточное положение (Andrae, 1975). Изученные нами погребения с бусами представляют, по нашему мнению, сборные комбинации, которые формировались на месте. Вероятно, сам потребитель подбирал бусины одинаковые по форме или цвету, не учитывая их происхождение. Об этом говорит присутствие в одном погребении красно-оранжевых, зеленых и белых бусин округлой цилиндрической и плоской прямоугольной форм. Они изготовлены двумя различными способами: из тянутой трубочки и тянутой палочки и относятся к двум разным стеклоделательным центрам – Египту и Сирии (погребения 101, 221, 284, 294–296). Бусы, скорее всего, поступали от нескольких торговцев, привозивших изделия разного происхождения.

Вставки

Среди небольшого количества изученных вставок (11 ед.) встречены округлые шаровидные усеченные (погребения 18, 101, 159, 295, 305) и плоские овальные вставки (погребение 101). Соотношение их почти равное (шесть и пять экземпляров соответственно). Изучение размерных характеристик позволяет отнести все вставки к группе малых (диаметр округлых или ширина плоских колеблется от 0,5 до 0,8 см). Цветовая гамма довольно разнообразна и представлена пятью тонами: светлым ахроматическим (белым), красно-оранжевым, пурпурным, сине-фиолетовым, серо-голубым. Самый популярный цвет, использованный для изготовления вставок – белый. Все плоско-выпуклые вставки одноцветные, все плоские – многоцветные. Они состоят из четырех цветовых тонов, два из которых – светлый и красно-оранжевый, два других установить не удалось. (Вероятно, у одной плоской вставки верхние слои цветного стекла были утрачены. Об этом говорят следы холодной обработки на ее внешней поверхности).

Изготовлены вставки двумя способами: литьем на плоскость или в форму и наложением. Все плоско-выпуклые вставки получены с помощью литья, а четыре плоские – при помощи наложения слоев разноцветного стекла. В одном случае технику изготовления не удалось установить.

Гагатовые бусы

Как уже указывалось, гагатовые¹ бусы составляют треть всех изученных бус могильника Бельбек IV. Бусы из этого материала уступают по количеству лишь стеклянным (табл. 1).

Формы гагатовых бус приведены в таблице 7. Среди них значительно доминируют бусы с округлыми туловами, а самые многочисленные – округлые цилиндрические (погребения 12, 19, 21, 59, 79, 81, 84, 92, 95, 96, 98, 101, 103, 107–109, 111, 158, 159, 161, 169, 170, 191, 195, 198–200, 203, 206, 208, 210, 217, 221, 222, 224, 284, 295, 296, 299, 303–305, 309, 310, 313, 329). Отметим, что, по данным Е.М. Алексеевой, цилиндрические бусы-«нарезки» были популярны в Северном Причерноморье во все периоды бытования гагатовых бус (Алексеева, 1984. С. 239).

Размерные характеристики гагатовых бус приведены в таблице 8. Наиболее многочисленными являются малые бусы.

Таблица 7. Форма гагатовых бус могильника Бельбек IV

Форма тулова		Кол-во	%
Округлые	Шаровидные	41	1,73
	Эллипсоидные	11	0,47
	Цилиндрические	2231	94,01
	Конические	1	0,04
	Биконические	29	1,23

¹ Гагат (от греч. *gagates* – черный янтарь) – минерал органического происхождения, разновидность каменного угля.

Граненные	Эллипсоидные	12	0,52
	Призматические	26	1,09
	Пирамидальные	2	0,08
	Бипирамидальные	16	0,67
	Глобоидальные	1	0,04
Плоские	Круглые	1	0,04
	Овальные	1	0,04
	Прямоугольные	1	0,04
Итого		2373	100

Таблица 8. Диаметр тулова гагатовых бус могильника Бельбек IV

Диаметр тулова	Кол-во	%
Малые	2290	96,5
Средние	78	3,29
Большие	4	0,17
Гиганты	1	0,04
Итого	2373	100

Встречено несколько декорированных гагатовых бус (0,17%). Это граненные призматические бусы, украшенные кругами (так называемый циркульный орнамент), расположенными продольно, т. е. параллельно каналу бусины (погребение 158). Этот вид орнамента, по данным Е.М. Алексеевой, является характерным признаком римского времени (Алексеева, 1978. С. 8).

Техника изготовления гагатовых бус специально не изучалась. Отметим лишь, что бусы из гагата изготовлены в холодную с применением обычных для холодной обработки приемов: резания, шлифования, полирования, сверления. Декор на бусах исполнен также в холодную (отмеченный нами «циркульный» орнамент выполнен, по мнению Е.М. Алексеевой, сверлом типа «перка») (Алексеева, 1978. С. 6–7).

Месторождения гагата известны в Ирландии, Англии, Франции, Испании, Закавказье, в районе Геленджика и Новороссийска, в Юго-Западном Крыму. Скорее всего, изделия из гагата производили там же, где и добывали. Это связано с необходимостью постоянно поддерживать гагат во влажном состоянии, что исключает перевозку сырья (Алексеева, 1978. С. 6).

Существует две версии происхождения северопричерноморских гагатовых находок. Одна связывает бусы из этого материала с Закавказьем, где известны крупные и доступные месторождения гагата. Единичные находки гагатовых изделий на самих закавказских памятниках могут свидетельствовать о производстве этого вида украшений на продажу в те области, где они пользовались наибольшим спросом (Алексеева, 1978. С. 6, 10). По другой версии центром производства гагатовых изделий является Северный Кавказ. Здесь гагатовые изделия находят при раскопках могильников в большом количестве. Однако здесь до сих пор не определен возможный район производства гагатовых украшений (Алексеева, 1978. С. 10).

Е.М. Алексеева, публикуя гагатовые бусы Северного Причерноморья, отнесла несколько форм, находки которых отмечены лишь в Западном Крыму, к местной продукции (Алексеева, 1978. С. 10). Основанием для этого является наличие в этом районе месторождения гагата. Нам представляется, что ряд гагатовых бус из могильника Бельбек IV, которым не были найдены аналогии, могут являться продукцией этого же центра. Это плоские круглые, овальные и прямоугольные бусы (погребения 208, 221, 303) (табл. 7). Как нам кажется, они близки по форме бусам, которые Е.М. Алексеева назвала специфическими и отнесла к западно-крымскому месторождению (Алексеева, 1978. Табл. 20, 50–51).

Фаянсовые бусы и амулеты

Бусы и амулеты из фаянса по количеству занимают третье место после стеклянных и гагатовых бус и составляют чуть более 14%. Среди изделий из фаянса преобладают бусы (почти 98%), амулетов отмечено чуть более 2% (погребения 3, 10, 14, 17, 55, 109, 191, 200).

Бусы из фаянса имеют геометрические формы, амулеты – фигурные. Формы бус не слишком разнообразны, амулеты же имеют больше разновидностей. Среди бус преобладающими являются округлые цилиндрические формы (погребения 21, 53, 56, 58, 60, 79, 81, 84, 92, 93, 95, 98, 101, 111, 158, 161, 194–196, 199, 200, 203, 208, 217, 221–223, 309, 310), среди аму-

летов – скараabei (погребения 109 и 191) и амулеты в виде гениталий (погребения 10, 55, 191 и 200) (табл. 9). Формы фаянсовых изделий могильника Бельбек почти полностью соответствуют тем, которые приводит Е.М. Алексеева для исследованных ею памятников Северного Причерноморья (Алексеева, 1975. С. 28).

Таблица 9. Форма фаянсовых изделий могильника Бельбек IV

Категория	Форма тулова		Кол-во	%
Бусы	Округлые	Шаровидные	6	0,6
		Цилиндрические	960	93,7
	Ребристые	Шаровидные	36	3,5
Амулеты	Фигурные	Скарабей	8	0,8
		Гениталии	6	0,6
		Лев	2	0,2
		Амфора	2	0,2
		Лягушка	1	0,1
		Гроздь винограда	1	0,1
		Бог Бес	1	0,1
		Мужчина в плаще	1	0,1
Итого			1024	100

Количество фаянсовых бус по всем памятникам Северного Причерноморья, также как и в могильнике Бельбек, значительно преобладает над количеством амулетов. Кроме того, массовое количество фаянсовых бус (в среднем около 95%) не дает большого разнообразия форм, а наиболее характерными являются округлые цилиндрические и ребристые шаровидные бусы. С другой стороны, при весьма незначительном количестве находок амулетов (2,5–5,0%) для них отмечено многообразие форм как на нашем памятнике, так и на памятниках, изученных Е.М. Алексеевой. Эти данные позволяют сделать вывод о серийном и массовом производстве бус, с одной стороны, и о малосерийности и кратковременном использовании форм при изготовлении амулетов, с другой.

Размеры фаянсовых изделий представлены в таблице 10. Среди всех фаянсовых изделий преобладают малые, средних и больших заметно меньше. У бус доминирующими также являются малые, у амулетов наоборот – средние, больших не отмечено совсем.

Таблица 10. Диаметр тулова фаянсовых украшений могильника Бельбек IV

Категория	Бусы		Амулеты	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Малые	961	93,8	1	0,1
Средние	34	3,3	21	2,1
Большие	7	0,7	-	-
Итого	1022	97,8	22	2,2

Интересно соотношение размерных характеристик и форм бус. Все округлые шаровидные бусы в нашей выборке являются средними, все округлые цилиндрические – малыми, а среди ребристых шаровидных отмечены все три характеристики, причем преобладающими являются средние бусы.

Среди всех фаянсовых изделий отмечено лишь несколько декорированных бус, что составляет чуть более полпроцента (0,6%). Все они декорированы многократными полосами, расположенными наклонно или вертикально (погребения 3, 104, 116, 160, 196, 221). Интересно отметить, что все декорированные бусы из фаянса имеют округлую шаровидную форму. Причем, недекорированных бус этой формы не отмечено совсем.

Цветовая гамма фаянсовых изделий менее разнообразна, по сравнению со стеклянными бусами. Нами отмечено всего четыре цветовых тона. Преобладают фаянсовые изделия бирюзового цвета. Интересно, что среди бус также доминирует бирюзовый (погребения 3, 6, 9, 11, 12, 17, 21, 53, 56, 58, 60, 79–81, 84, 92, 93, 95, 98, 101, 104, 158, 160, 161, 194–197, 199, 200, 203, 208, 217, 221–223, 300, 301, 302, 305, 309, 310), а среди амулетов – сине-зеленый (погребения 55, 191, 200) (табл. 11).

Таблица 11. Цветовая гамма фаянсовых украшений могильника Бельбек IV

Категория Цвет	Бусы		Амулеты	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Бирюзовый	980	95,6	6	0,6
Сине-зеленый	19	1,9	11	1,1
Желто-зеленый	2	0,2	3	0,3
Сине-фиолетовый	1	0,1	2	0,2
Итого	1002	97,8	22	2,2

Технология изготовления фаянсовых изделий состоит из двух этапов. Первый этап заключался в холодном формовании и сушке предметов из фаянсовой массы. Часть изделий, например бусы, могли формовать свободно на каком-либо стержне. Декор на бусину наносился в холодную после формования тулова. Другие изделия, в частности амулеты, вероятно, изготавливали при помощи шаблонов и форм. Во время второго этапа происходил обжиг изделия при температуре 950°, в ходе которого на поверхности изделия образовывалась стекловидная пленка-глазурь.

Вопрос о происхождении фаянсовых изделий римской эпохи не решен окончательно. Е.М. Алексеева полагает, что производство этих предметов в период позднего эллинизма и в римское время продолжалось в Египте. Возможно, оно возродилось в Навкратисе, который специализировался на выпуске изделий из фаянса в более раннее время – в VI в. до н.э. (Алексеева, 1975. С. 25–28). В качестве аргументации этого предположения исследовательница приводит факт существования в Египте собственной сырьевой базы – монополии на соду, необходимую в производстве фаянса. Помимо этого, в Египте существовала давняя традиция изготовления изделий из фаянса. Была выдвинута и гипотеза о местном, северопричерноморском происхождении фаянсовых изделий этого периода (Коровина, 1972). Основанием для такой версии послужило большое количество находок из фаянса на территории нашей страны. Однако многочисленные примеры из истории древних производств убеждают нас, что одной массовости находок еще недостаточно для решения вопроса о происхождении изделий.

Янтарные бусы

Бусы из янтаря² составляют чуть более 4% среди всех изученных бус могильника Бельбек IV.

Формы янтарных бус достаточно разнообразны (табл. 12). Наиболее часто встречаются плоские овальные и треугольные бусы (погребения 81, 88, 95, 96, 101, 103, 108, 109, 111, 158–160, 161, 169, 170, 195, 198, 208, 217, 222, 223, 229, 294, 295, 304, 310, 312, 313). По мнению Е.М. Алексеевой, именно эти формы наиболее характерны для I–II вв. н.э. (Алексеева, 1978. С. 22).

Таблица 12. Форма янтарных бус могильника Бельбек IV

Форма тулова		Кол-во	%
Округлые	Шаровидные	14	4,71
	Эллипсоидные	19	6,40
	Цилиндрические	3	1,01
	Конусовидные	11	3,70
	Линзовидные	29	9,76
Граненные	Эллипсоидные	1	0,34
	Призматические	12	4,04
	Пирамидальные	7	2,36
	Нельзя установить	2	0,67
Плоские	Круглые	1	0,34
	Овальные	161	54,21
	Треугольные	37	12,46
Итого		297	100

Размерные характеристики янтарных бус отличаются от аналогичных данных по стеклянным, гагатовым и фаянсовым бусам (табл. 13). В отличие от них, среди янтарных очень распространены бусы средних размеров (погребения 81, 88, 95, 96, 101, 103, 108, 109, 158–160,

² Янтарь (от *латыш. dzintars, литов. gintaras*) – ископаемая смола хвойных деревьев верхнемелового-палеогенового периодов.

161, 169, 170, 191, 195, 208, 222, 295, 296, 299, 303, 304, 310, 312), а также встречается большое количество бус из группы больших (погребения 101, 158, 161, 169, 299, 303).

Таблица 13. Диаметр тулова янтарных бус могильника Бельбек IV

Диаметр тулова	Кол-во	%
Малые	109	36,7
Средние	175	58,9
Большие	13	4,4
Итого	297	100

Технология изготовления янтарных бус осуществлялась в холодную и включала такие механические операции как резание, сверление, шлифование и полирование. Изготовление канала могло производиться не только механически, но и термически – при помощи прожигания канала раскаленным инструментом (Алексеева, 1978. С. 22).

Скопления янтаря третичного периода есть в Дании, Швеции, Польше, в районе Львова, по р. Припять и в Калининградской области, где находится уникальное по запасам Пальменикенское месторождение. По мнению Е.М. Алексеевой, в Северное Причерноморье янтарь поступал от племен, населявших Прибалтику, а также из мастерских Рима, где производили обработку янтаря-сырья. В качестве примера продукции северного источника янтарных изделий Е.М. Алексеева приводит бусы неправильной формы, сделанные из слегка подработанной янтарной гальки – тип 44 (Алексеева, 1978. С. 21. Табл. 24, 31–44). Из мастерских Средиземноморья поступали, вероятно, фигурные подвески с изображениями южных плодов и головы Силена (Алексеева, 1978. С. 22). Среди янтарных бус могильника Бельбек IV две трети составляют бусы типа 44 (погребения 79, 81, 88, 95, 96, 101, 103, 108, 109, 111, 158–160, 161, 169, 170, 191, 195, 198, 208, 217, 222, 223, 229, 294, 295, 304, 310, 312, 313), сделанные из так называемой янтарной гальки. Именно эти бусы являются наиболее характерными для периода I–II вв. н.э. Бусы из второго источника в нашей коллекции не отмечены.

Бусы из полудрагоценных камней

Морфологические характеристики

Сердолик

Сердоликовые бусы (сердолик – красноватая разновидность халцедона) составляют 13% от всех изученных нами украшений Бельбека IV. Среди каменных бус они образуют самую многочисленную группу. Такую же картину можно наблюдать среди каменных бус и других памятников Северного Причерноморья, исследованных Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1982а. С. 14).

Формы сердоликовых бус достаточно разнообразны (табл. 14). Наиболее многочисленны округлые шаровидные бусы (погребения 3, 19, 21, 53, 59, 61, 79, 95, 96, 101, 107–109, 158–161, 169, 170, 191, 194–198, 200, 206, 208, 222, 295, 296, 299, 303, 305, 309, 312, 313).

Согласно исследованию Е.М. Алексеевой, в римский период помимо ранее существующих округлых шаровидных и эллипсоидных сердоликовых бус появляется много новых форм. Это усеченно-биконические и призматические бусы, а также некоторые другие формы (Алексеева, 1982а. С. 15). Эти новые формы отмечены и среди сердоликовых бус могильника Бельбек (погребения 101, 103, 195, 299, 305, 310).

Таблица 14. Форма сердоликовых бус могильника Бельбек IV

Форма тулова		Кол-во	%
Округлое	Шаровидное	822	88,3
	Эллипсоидное	86	9,3
	Биконическое	14	1,5
Граненое	Призматическое	6	0,6
Плоское	Круглое	3	0,3
Итого		931	100

Среди украшений из сердолика могильника Бельбек IV отмечены только малые и средние бусы, причем малых в два раза больше средних (погребения 3, 12, 19, 21, 53, 61, 79,

92, 95, 96, 101, 103, 107, 158–161, 169, 170, 191, 194–198, 200, 206, 208, 222, 295, 296, 299, 303, 305, 309, 310, 312, 313) (табл. 15).

Таблица 15. Диаметр тулова бус из сердолика могильника Бельбек IV

Диаметр тулова	Кол-во	%
Малые	625	67,1
Средние	306	32,9
Итого	931	100

Халцедон

Бусы из халцедона (волоконистой разновидности кварца) представлены в могильнике Бельбек IV 19 экземплярами, что составляет 0,26% изученных нами бус. Согласно данным Е.М. Алексеевой, на памятниках Северного Причерноморья эта группа бус также немногочисленна (Алексеева, 1982а. С. 11).

Формы бус, несмотря на их небольшое количество, довольно разнообразны (табл. 16). Среди них значительно преобладают яйцевидные (погребения 78, 96, 101, 113, 208, 295, 287), а также шаровидные и эллипсоидные бусы.

По размерным показателям бусы из халцедона распались на три группы: малые, средние и большие. При подсчете оказалось, что по этому признаку не наблюдается ярко выраженного пика, а наоборот – каждая размерная группа представлена приблизительно одинаковым количеством находок.

Таблица 16. Форма халцедоновых бус могильника Бельбек IV

Форма тулова		Кол-во
Округлое	Шаровидное	4
	Яйцевидное	8
	Эллипсоидное	4
	Цилиндрическое	1
	Биконическое	1
Граненое	Бипирамидальное	1
Итого		19

Горный хрусталь

Бусы из горного хрусталя (разновидности кварца) в могильнике Бельбек IV, также как и на других памятниках Северного Причерноморья немногочисленны. Украшения из этого материала составляют 0,15% исследованных бус могильника Бельбек. Е.М. Алексеева отмечает, что большинство учтенных ею в Северном Причерноморье изделий из горного хрусталя характерно для римского времени, особенно для I–II вв. (Алексеева, 1982а. С. 7).

Несмотря на такое небольшое количество находок, формы их достаточно разнообразны (табл. 17). Наиболее многочисленны округлые бусы (погребения 196 и 208), они преобладают и на других памятниках Северного Причерноморья (Алексеева, 1982а. С. 7).

Таблица 17. Форма бус из горного хрусталя могильника Бельбек IV

Форма тулова		Кол-во
Округлое	Шаровидное	7
	Эллипсоидное	1
Граненое	Призматическое	1
Плоское	Овальное	1
Фигурное	Амфора	1
Итого		11

Среди бус из горного хрусталя выделены три размерные группы: малые, средние и большие. Значительно преобладают бусы из группы средних (погребения 196 и 208). В группах малых и больших бус по одному экземпляру.

Агат

Наша выборка представлена единственной агатовой бусиной (агат – тонкополосчатая разновидность халцедона). Ею является округлая эллипсоидная бусина из группы средних (погребение 108). Эта форма – самая распространенная среди агатовых бус, которых немного и на других памятниках Северного Причерноморья. Отметим также, что бусы из агата в Северном Причерноморье характерны для периода I–II вв. (Алексеева, 1982а. С. 20).

Технологические характеристики

Технологическая схема изготовления украшений из полудрагоценных камней состоит из четырех основных операций: резания (в другой терминологии окалывание), сверления, шлифования и полирования. Суть первой операции заключается в придании кусочкам камня нужной формы. Для изготовления канала у каменных бус могильника Бельбек IV, судя по внешним признакам, применялось абразивное сверление (Лемлейн, 1947. С. 23). Основная масса бус (99%) просверлена с одной стороны. Бус с двусторонним сверлением чрезвычайно мало. Следующая операция – шлифование предполагает грубое заглаживание поверхности, для этого использовали крупнозернистый абразивный порошок. Последней операцией является полирование поверхности изделия, для которой использовали более мягкий и мелкозернистый абразивный материал. По данным Г.Г. Лемлейна, в качестве такого материала использовали пепел олова или порошок окиси железа (Алексеева, 1982а. С. 6).

Все бусы из полудрагоценных камней являются импортами. Однако без специальных исследований определить их точное происхождение невозможно. Поэтому мы ограничимся списком возможных мест добычи полудрагоценных камней. Территория распространения сердолика достаточно широка и приурочена к современным вулканическим областям. Он встречается в Исландии, по р. Рейн, на Сицилии, в Иране, Индии, Сибири, на Кавказе, в Средней Азии и Крыму. В римское время, по мнению Плиния, сердолик добывали главным образом в Индии, а также в Аравии и Египте (Plin. N.H. 37, VII, 31). Территория распространения и добычи халцедона достаточно обширна. Он есть в Египте, Китае, Крыму, Сибири, Средней Азии и других местах (Довгалик, Левина, 1995. С. 205–206). Античным авторам, в частности Плинию, были известны изделия из горного хрусталя, добывавшегося в Азии, на Кипре, в Альпийских горах. Однако, больше всего ценился камень, добытый в Индии (Plin. N.H. 37, II). По свидетельству того же Плиния, агат был известен на Сицилии, в Египте, Малой Азии, на островах Эгейского моря, в Греции (Plin. N.H. 3).

Костяные бусы

Среди исследованных нами украшений могильника Бельбек IV присутствуют две бусины из кости (погребение 300). По данным Е.М. Алексеевой, на памятниках Северного Причерноморья находки костяных бус немногочисленны (Алексеева, 1982а. С. 28). Бусины из нашей коллекции имеют округлую шаровидную форму. Обычные геометрические формы бус из кости – шаровидные, цилиндрические, эллипсоидные – встречаются в Северном Причерноморье во все хронологические периоды. По размерным признакам обе бусины отнесены в группу средних.

По мнению ряда исследователей, в Северном Причерноморье существовало собственное косторезное ремесло, поэтому исследованные нами костяные украшения, скорее всего, являются продукцией местного производства (Алексеева, 1982а. С. 28).

Металлические бусы

Группа металлических (бронзовых) бус представлена в нашей выборке 13 экземплярами. Металлические бусы из могильников Северного Причерноморья, учтенные Е.М. Алексеевой, также не слишком многочисленны (Алексеева, 1982а. С. 21).

Среди металлических бус могильника Бельбек IV значительно преобладают ребристые биконические (погребения 14, 218, 300, 329) (табл. 18). Они характерны только для римского времени, в отличие от них округлые бусы встречаются как в ранних, так и в поздних комплексах (Алексеева, 1982а. С. 22–23).

Таблица 18. Форма металлических бус могильника Бельбек IV

Форма тулова		Кол-во
Округлые	Шаровидные	2
	Цилиндрические	1
	Эллипсоидные	1
	Биконические	1
Ребристые	Шаровидные	1
	Биконические	7
Итого		13

Все исследованные нами металлические бусы могильника по размерным характеристикам отнесены в группу средних.

Сделанный ранее исследователями вывод о существовании в Северном Причерноморье собственной металлообработки и ювелирного ремесла, причем, высокого уровня, позволяют принять версию о наличии здесь местного производства по изготовлению мелких украшений из бронзы. По данным Е.М. Алексеевой, наиболее четко выделяется западная группа бус и подвесок из бронзы, связанная главным образом с могильником «Совхоз № 10». Эти изделия относятся к периоду римского и поздне римского времени. Большинство среди них составляют фигурные подвески, а также ребристые бусы. Последние в нашей выборке являются преобладающими (погребения 14, 209, 218, 300, 329), фигурные же отсутствуют полностью. Основываясь на этих доводах, Е.М. Алексеева предполагает существование в Западном Крыму собственного производства бронзовых украшений, которое началось, вероятно, в I в. н.э. и существовало до второй половины IV в. н.э.

КОСТЮМ ПОГРЕБЕННЫХ В МОГИЛЬНИКЕ БЕЛЬБЕК IV

С.А. Яценко

В период существования некрополя Бельбек IV одежда различных групп сармато-аланов была весьма привлекательна для их соседей, в том числе «поздних скифов», и оказала на костюм последних определенное влияние, что можно назвать его «сарматизацией» (Яценко, 1983; Yatsenko, 2007). Неорганические украшения одежды и фибулы отмечены в подавляющем большинстве случаев у женщин.

Для крепления различных частей наплечной одежды широко использовались *фибулы*. Они найдены примерно в каждой второй могиле; этот показатель близок сельскому населению Европейского Боспора (Ново-Отрадное) (Михлин, 1980. С. 210). В Бельбеке IV отмечено восемь вариантов устойчивого положения фибул на костях умерших. Широко бытовал **вариант 1** – крепление вертикального разреза женского платья с горизонтальным воротом одной фибулой, лежавшей в верхней части груди на позвонках, чаще всего – дужкой к черепу (погребения 11, 34, 46, 59, 64, 66, 71, 103, 106, 113, 123, 167, 200, 254, 286, 291, 295, 300, 301, 313, 322; пол костяков в погребениях 66, 254 и 322 неясен). Иногда фибула лежит ниже, на позвонках в нижней части груди (погребения 72, 78, 91, 107, 147, 260; в погребениях 72, 78 и 91 пол костяков неясен) (табл. 260, I. 1). Наиболее популярен **вариант 2** – положение фибулы у левой ключицы или рядом, у края ребер, обычно приемником к левому плечу (погребения 19, 28, 63, 75, 121, 122, 127, 128, 134, 138, 165, 169, 174, 175, 185, 190, 193, 197, 211, 214, 216, 217, 257, 258, 263, 304, 311; в погребениях 63, 138, 165 и 258 пол костяков неясен; погребение 214 мужское), или же ниже, внизу левого края ребер (погребения 83, 84, 158, 209, 323(2), 259, 294; в погребениях 83 и 259 пол костяков неясен). Этот вариант связан с закалыванием слева на груди женского платья или мужской рубахи-косоворотки (табл. 260, I. 2). Такой способ (включая положение приемником к плечу) был наиболее распространенным и в других частях Сарматии (см., например: Рыков, 1925. С. 95; Михлин, 1980. С. 193. Прим. 1; Кондрашов, 1987. С. 42). Реже фибула крепила разрез такого косога ворота справа – **вариант 3** (погребения 65, 70, 81, 97, 168, 194, 249, 251, 269, 279, 287, 302, 326; в погребениях 65, 97, 168 и 279 пол костяков неясен; погребение 251 мужское) (табл. 260, I. 3). Разновидностью первого варианта был **вариант 4** – скалывание вертикального разреза ворота женского платья в центре двумя фибулами одна над другой в верхней (погребения 156, 201 и 227) или в нижней части груди (погребения 161 и 187) (табл. 260, I. 4). Разновидностью второго варианта было использование двух фибул подобным образом слева – **вариант 5** (погребения 164 и 310) (табл. 260, I. 5). В одном случае слева отмечен вертикальный ряд из трех фибул (погребение 305); этот **вариант 6** (табл. 260, I. 6) документирован и в боспорском искусстве – примером может служить женское надгробие рубежа н.э. из Мирмекия (Молева, 1963. С. 111–112. Рис. 6а; Яценко, 2006. Рис. 94, 2). Особый интерес представляет редкий **вариант 7**, когда две фибулы в верхней части груди размещались в линию поперек позвоночника в центре (погребения 6 и 227) или справа (погребения 68 и 201), скрепляя сложнопрофильный разрез ворота женского платья (табл. 260, I. 7). Плащи сарматов со II–I вв. до н.э. крепились у мужчин чаще фибулой на правом плече, у женщин – без определенного предпочтения (Яценко, 2006. С. 141, 146–147). В частности, в Бельбеке IV фибула скалывала женский плащ как у правого (погребения 213 и 270; в погребении 270 пол костяка неясен), так и у левого плеча – **вариант 8** (погребения 210 и 215; погребение 215 мужское) (табл. 260, I. 8). Вообще крепление плаща здесь отмечено редко. Совершенно отсутствует распространенное с середины II в. н.э. по всей Сарматии женское платье типа греческого *chiton* с бретельками, сколотыми на плечах однотипными фибулами, хотя его носили в соседнем Заветном ранее названного времени (Яценко, 1993. С. 101; 2006. С. 146).

Иногда фибулы помещались не на костюме, а отдельно от умершего: за головой (два экземпляра из женского погребения 117) или в миске (из детского погребения 195). Послед-

ний вариант неоднократно отмечен в синхронных могильниках Озерное II (Юго-Западный Крым) и Кобяково (устье Дона) (Яценко, 2006. С. 355).

В костюме женщин часто встречаются *бусинные и бисерные обшивки* краев отдельных частей платья. Причем заметна разница в использовании подобных обшивок в зависимости от ориентировки погребенных в северном или южном направлении.

Обшивка края подола известна в трех вариантах. Первый – линия бус поперек середины берцовых костей – наиболее распространен у сарматок (Яценко, 1987. С. 169). В Бельбеке IV он отмечен у женщин лишь из могил с северной ориентировкой (погребения 79, 96, 149, 159, 257) (табл. 260, I. 13); при этом кайму подчас образовывали два (погребения 79 и 96) и более ряда бус (погребение 257) (табл. 260, I. 14). Обшивка низкого подола (на уровне щиколоток) выявлена у погребенных, ориентированных как в южном, так и северном направлениях (погребения 81, 124, 189, 260, 294, 295, 313, 314), причем в южноориентированных также отмечены два (погребение 189) и более ряда бус (погребение 260) (табл. 260, I. 15). Очень короткий подол (обшивка выше колен) выявлен в одной южноориентированной могиле (погребение 217) (табл. 260, I. 16). Обшивки платья поперек груди бусами, которые, вероятно, отмечали границу высокой кокетки, в Сарматии редки, обычно преобладают золотые украшения (Яценко, 1987. С. 173; 2006. С. 145; Пуздровский, 2007а. Рис. 76. Цветная табл. 7). А.Е. Пуздровский считает, что в четырех усть-альминских могилах такие линии бус обшивали ворот с треугольным вырезом (Пуздровский, 2007а. Рис. 115–118); в нашем могильнике они представлены рядами бус из трех пород камня и известны в погребениях с покойными, ориентированными головой в обоих направлениях (погребения 176 и 302) (табл. 260, I. 9). Рукава обшиты в двух северо-ориентированных комплексах (погребения 92 и 257). В последнем случае рукава довольно короткие (выше запястий) и при этом широкие (15 см) (табл. 260, I. 10), что в Сарматии изредка известно в среднесарматское время (Яценко, 1987. С. 171). В первом из этих комплексов на левом рукаве по краю нашиты четыре ряда бус из голубой пасты и гагата (табл. 260, I. 11). Обшивка пояса (?) из ряда бус поперек верхнего края таза отмечена у женщин из погребений 159 и 161 (северная ориентировка) (табл. 260, I. 12). В Сарматии подобные случаи (Яценко, 2006. С. 155) известны и в других могильниках: в Юго-Западном Крыму (Заветное, могила 17; раскопки Н.А. Богдановой 1955 г.), в Золотой Балке, могила 94/1 (Вязьмитина, 1972. С. 86) и на Нижнем Дону (Мило-Яковлевка, могила 121; раскопки В.Е. Максименко 1972 г.).

В женских могилах на руках погребенных часто встречаются, помимо металлических, *бусинные браслеты*. Большое разнообразие вариантов и размещения характерно для могил с северной ориентировкой. В комплексах обоих типов ориентировки наиболее распространено ношение на запястьях бусинных браслетов (без металлических) (погребения 19, 35, 38, 41, 50, 159, 161, 170, 190, 198, 299, 303, 305, 310, 312, 314); особенно они характерны для южноориентированных могил. Парные бусинные браслеты могли носиться у локтей (погребение 115) и выше (погребение 96), а также посередине между локтем и запястьем (погребение 183) – все эти комплексы североориентированные. Изредка на левой руке браслет носился у локтя, а на правой – ниже (запястье или чуть выше) (погребения 81, 107, 111, 144). Иногда бусинный браслет сочетался с металлическим (который располагался чуть выше на руке) на запястье правой (погребение 175) или левой руки (погребения 158, 176), или на одной руке – бусинный браслет, на другой – металлический (погребения 101, 125, 129, 132, 156, 168; все погребения – североориентированные). Одиночный бусинный браслет у запястья или чуть выше известен только в комплексах с южной ориентировкой покойного (погребения 183, 185, 189, 217). Напротив, только в погребениях с северной ориентировкой известны одиночные браслеты, надетые высоко – на локте (погребение 79) или почти у плеча (погребение 190).

ЗНАКИ-ТАМГИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ БЕЛЬБЕК IV

С.А. Яценко

Тамги обнаружены на вещах из 29 женских погребений Бельбека IV. Они образуют самую большую коллекцию такого рода среди могильников Евразии раннего железного века (Яценко, 2001. С. 37–43. Рис. 18). Корпус тамг могильника характеризуется определенными особенностями. Во-первых, почти все вещи с тамгами – миниатюрные зеркала-подвески, лишь в одном случае тамга представлена на бронзовом медальоне (погребение 149). Во-вторых, многие тамги вписаны в орнаментальную «рамку» двух сходных типов, один из которых является также и самостоятельным орнаментом (табл. 260, II. 14): экземпляры из погребений 169 (табл. 108), 227 (табл. 155) и 294 (табл. 198). «Рамка» представляет собой крест или трехлучевую фигуру, концы которых расходятся из круга с точкой в центре (Яценко, 2001. Рис. 18, 14–19). В-третьих, довольно значительное количество тамг Бельбека IV имеет аналогии лишь на востоке иранского мира – в Центральной Азии.

И, наконец, четвертой особенностью коллекции является резкое преобладание в ней одного-двух типов фамильных тамг.

Тип 1 – ориентированная против часовой стрелки свастика, с кружком и точкой в его центре – представлен на зеркалах из 15 (!) погребений. В 11 могилах тамги этого типа изображены на фоне указанного орнамента: погребения, 96 (табл. 55), 100 (табл. 56), 234 (табл. 161), 241 (табл. 167), 243 (табл. 169), 253 (табл. 174), 265 (табл. 184), 269 (табл. 186), 281 (табл. 192), 317 (табл. 213), 329 (табл. 218), и в четырех погребениях – в «чистом виде» (табл. 260, II. 1, 15): погребения 81 (табл. 50), 167 (табл. 105), 238 (табл. 163), 317 (табл. 213). Данный тип свастики редок в Сарматии и встречен лишь на конской узде и зеркалах-подвесках I–III вв.; у нас нет оснований считать его лишь одним из солярных символов.

Иными словами, довольно высокий процент похороненных в Бельбеке IV женщин принадлежал к одному клану. Эти тамги типа 1 имеют больше всего аналогий в памятниках Крыма I–III вв. н.э.: зеркала из семи могил в Усть-Альме, могилы 88 в Битаке у Неаполя Скифского (Высотская, 1994. Табл. 21, 9; Пуздровский, 2007а. Рис. 130, 7, 9, 11–12, 14, 18), Партизанского / Саблы, а также Нижнего Поднепровья (Драчук, 1975. Табл. XVI, 40–41). Такая же тамга обнаружена на узде из окрестностей Неаполя Скифского I–II вв. (Пуздровский и др., 1991. Рис. 3, 6–8) и узде из склепа Ашика 1841 г. в Пантикапее (третья четверть III в. н.э.). Важно, что вторым районом концентрации зеркал с этой тамгой в Крыму является расположенный к северо-западу Усть-Альминский могильник. Здесь тамги типа 1 представлены, в основном, в более ранних комплексах: в склепах 43/41, 53, 54, 424А, 640/3 (вписанные в орнаментальную рамку); в склепе 94 (без рамки) (Высотская, 1994. Табл. 9, 35; 13, 36; 14, 43; 32, 44; Пуздровский, 2007а. Рис. 130, 1, 16). В 1990-х годах на антикварном рынке в Севастополе предлагалось еще несколько зеркал с такой тамгой.

Очень близкий по типу знак (без точки в центре) известен в Крыму, в том числе на фоне указанного крестовидного орнамента (в шести могилах Усть-Альминского некрополя), а также на Кубани, на зеркалах I – начала II в. из Чернышева (Шедевры, 1987. С. 138), и в окрестностях Сочи. С первой половины III в. этот знак встречается на Боспоре – на клейме гончарного сосуда из подвала «Г» в Танаисе первой половины III в. н.э. и на узде из склепа Ашика 1841 г. в Пантикапее (Яценко, 2001. С. 38).

Типы 2 и 3. Знаки другого облика – в виде триквестра (трехлучевой свастики) известны в двух зеркально отраженных вариантах (табл. 260, II. 2, 3, 16, 17) (типы 2 и 3). Преобладает вариант знака, ориентированный против часовой стрелки: погребения 101 (табл. 59), 107 (табл. 63), 257 (табл. 177); случайная находка (табл. 223, 1), но известен и экземпляр, ориентированный в противоположном направлении – из погребения 231 (табл. 157). Комплексы с такими тамгами датируются от рубежа I–II вв. (могилы 101, 107) до середины II в. (могила 231). В Сарматии оба

зеркально отраженных варианта известны лишь на фаларах из Лебедевки в далеком Южном Приуралье во II–III вв. н.э. (Nomads, 1989. P. 49).

Остальные десять типов тамг представлены каждый всего одной находкой.

Тамги типа 4 (табл. 260, II. 4, 18) – погребение 75 (табл. 46) – известны на зеркалах из некрополя Неаполя Скифского (раскопки 1957 г.), а также из Днепропетровского музея и Краснодара (Яценко, 2001. С. 39; Драчук, 1975. Табл. XVI. № 49–50).

Тип 5 (табл. 260, II. 5) – погребение 106 (табл. 62), вторая–третья четверти II в. н.э. – имеет лишь отдаленную аналогию в синхронном памятнике Сарматии – на свинцовой гире из Танаиса II–III вв. (Драчук, 1975. Табл. XI. № 874), но очень близкую (с более массивным центром без точки) – на городище Канка на Средней Сырдарье (Смагулов, Яценко, 2010. Рис. 5, Д).

Тамги типа 6 (табл. 260, II. 6, 19) – случайная находка (табл. 221, 12) – не имеют аналогов в Сарматии, весьма отдаленную – на керамике Кангюя на Средней Сырдарье (табл. 260, II. 21), но идентичены тамге на монетах индо-сакского царя Гондофара (ок. 20–55 гг. н.э.) (Яценко, 2001. С. 39).

Тип 7 (табл. 260, II. 7) – погребение 95 (табл. 54) – близок знаку неизвестного соправителя (?) боспорского царя Евпатора (154–170 гг.) (табл. 260, II. 23). Оба знака (правителя и соправителя?) отливались рядом на серии бронзовых ажурных поясных пряжек (Соломоник, 1959. № 75–85; Treister, 2000. Fig. 1, 2, 6). Однако наша тамга имеет по сравнению с боспорским знаком зеркально отраженную верхнюю часть. Подобный знак (табл. 260, II. 24), видимо, довольно небрежно высечен на ольвийском льве № 2 (Драчук, 1975. Табл. LI. № 76). Несомненно, он связан с правящей элитой Боспора II в. н.э.

Тамга типа 8 (табл. 260, II. 8) из погребения 149 конца I в. н.э. (табл. 92) изображена не на зеркале, а на ажурном бронзовом диске (табл. 260, II. 27). Несомненно, это не амулет, а ставшая им деталь ножен меча. Очень близкий и синхронный предмет, на котором также представлена серия однотипных тамг, имеющих в центре общий элемент – круг (табл. 260, II. 26), известен на сарматском трофейном мече во фракийской могиле 2 в Рошава-Драгаче (Буюклиев, 1995. Рис. 3). Сходные тамги, но с одной добавочной короткой черточкой известны в сельских районах Европейского Боспора в I – начале II в. (Яценко, 2009. Рис. 1, I, 1, 3–4; Yatsenko, 2010. Fig. 12. No. 4). Однако идентичный нашему знак в иранском мире представлен лишь на монетах кушанского императора Васудевы (164/184–200/220) как один из вариантов его тамги. Более отдаленную аналогию видим на керамике Средней Сырдарьи (табл. 260, II. 25).

Еще пять знаков изображены на интереснейшем зеркале-«энциклопедии» из погребения 101 второй четверти II в. н.э. (табл. 59, 12) (табл. 260, II. 9–13, 28), где три из пяти типов имеют только центральноазиатские аналогии. Аналогия этому зеркалу в Сарматии – экземпляр I–II вв. н.э. из могилы 6 в с. Кобяково в устье Дона (раскопки С.И. Капошиной 1956 г.). В обоих случаях вокруг центрального круга размещены пять-шесть знаков, причем один из типов повторяется дважды. Однако знаки на этих зеркалах не имеют ничего общего.

Тип 9 (табл. 260, II. 9) пока имеет аналогии лишь на керамике Средней Сырдарьи, а также на кирпичях Южного Хорезма (Гертман, 1991. Рис. 2. № 91). Однако для упомянутого зеркала именно он – «формообразующий» (повторен дважды на противоположных концах центрального диска, а остальные знаки композиционно дополняют его).

Тип 10 (из греческой буквы?) (табл. 260, II. 10) документирован в Крыму II–III вв. в виде четырех одинаковых знаков, вписанных в квадратную рамку, на зеркале из могилы 19 в Битаке у Неаполя Скифского (Пуздровский, 2007а. Рис. 129, 19). В более раннее время он широко распространен в Сарматии: на серебряном блюде I–II вв. из кургана 8/2 в Бердия на Нижнем Дону (раскопки И.В. Сергеевца 1993 г.); на плитах из Пантикапея (Соломоник, 1959. № 18, 51); на скоплении сарматских знаков в одном из гротов Каменной Могилы под Мелитополем (Михайлов, 1994. С. 245, рисунок). Также ранее подобные тамги известны и в Западном Туркестане: кирпичи из древнейшего слоя укреплений Афрасиаба (Самарканд) VII–VI вв. до н.э., римского времени из Балха (Бактр), Южного Хорезма (Елхарас), на керамике Кой-Кырган-калы (Хорезм) и Средней Сырдарьи, на петроглифах раннего железного века Монголии по С.П. Окладникову (г. Тэбш; Тайхар–Чулун) (Яценко, 2001. С. 40).

Тип 11 (табл. 260, II. 11) имеет близкую аналогию в степной Евразии лишь в Бикчите в Центральной Монголии (Окладников, 1981. Табл. 40, 8).

Тип 12 (табл. 260, II. 12) встречен только на керамике Средней Сырдарьи (Кангюй).

Наконец, последний **тип 13** (табл. 260, II. 13) известен и в Сарматии I–II вв. н.э.: на предмете узды из кургана 1/1 группы 37 трассы канала Волга–Чограй второй половины

I в. н.э. (раскопки Н.И. Лапы 1988 г.); на керченской плите-«энциклопедии» (Драчук, 1975. Табл. XL, 417–418). Он также встречается на кушанских кирпичях из Балха и в скоплении парфяно-сасанидских (?) тамг в Квире, Южный Иран (Huff, 1984. S. 227. Abb. 5).

В целом с конца I в. н.э. до середины II в. н.э. на поселении, оставившем могильник, около половины типов тамг имело аналогии либо в Центральной Азии (типы 6, 9, 11, 12), либо на востоке Сарматии (типы 2, 3, 10) – на территориях, с которыми тесно связан этногенез многих «сарматских» группировок. Лишь в одном случае аналогия происходила из Европейского Боспора (тип 7). Женщины – представительницы этих кланов (а также клана с тамгой типа 13) попали на Бельбек на самом рубеже I–II вв. и умерли в первой половине II в. н.э. Описанные нами зеркала-подвески найдены в погребениях взрослых (вероятно, замужних) женщин. Роль зеркала в свадебных ритуалах индоиранских народов общеизвестна (Раевский, 1977. С. 97–98), на них, видимо, представлен знак родного клана невест (от которого они затем были оторваны).

Около середины II в. н.э. Неаполь Скифский был разгромлен некой группировкой «варваров», что происходило на фоне экспансии в Приазовье носителей новой «позднесарматской культуры». Вслед за этим на Бельбеке IV начали хоронить женщин из «сарматских» кланов совершенно иного происхождения. Их родовые тамги имеют аналогии не на востоке, как в предшествующий период, а поблизости – в Приазовье (типы 1, 5, 8).

Интересен нетипичный для Сарматии ареал распространения тамг типов 1 (основной сарматский клан, представленный в данном могильнике?) и 4: в I – начале III в. он включает Крым, Кубань и Нижний Днепр. Вероятно, такое распределение не случайно и связано с конкретным этносом, к которому относились данные кланы. Только один сарматский этнос ранее (в середине I – начале II в. н.э.) мог занимать все три названных района. Это были сираки, основной территорией которых до похода Савромата II в 193 г. н.э. было Прикубанье. Однако после завоеваний Аспурга в начале I в. н.э. они, видимо, появляются в крымских предгорьях, а часть этого этноса расселилась и на Нижнем Днепре (Plin. NH. 4. 82).

Еще один клан этого времени с тамгой типа 7 находился в родстве с влиятельным кланом из столицы Боспора. Это подтверждает господствующее мнение о тесной политической связи крымских «варваров» с Боспором во второй половине II в. н.э.

Выявление двух различных по происхождению групп тамг, сменивших друг друга, не означает резкой смены жителей на поселении, оставившем могильник. В течение всего времени функционирования последнего его этнокультурный состав не претерпел заметных изменений. Речь идет скорее о смене ориентации в брачных контактах в соответствии с обычаем экзогамии. Судя по тамгам, если на рубеже I–II вв. н.э. мужчины – «поздние скифы» с Бельбека – брали иногда в жены женщин из разных кланов какой-то недавно пришедшей с востока кочевой группы, то в середине II в. н.э. жен стали подчас выбирать из живших в Крыму еще с первой половины – середины I в. н.э. сираков (?), причем в основном из одного клана (тип 1). На Усть-Альминском городище местные мужчины выбирали женщин этого и родственного клана (знак без точки в центре) в брачные партнеры, в основном, в более раннее время.

Показательно также распределение женских могил с тамгами наиболее распространенных типов на территории некрополя. Знаки типов 2 и 3 известны у женщин, похороненных в конце I – середине II в. парами в южной (могилы 231, 257) и северо-западной (могилы 101, 107) частях некрополя. Еще интереснее распределение самого распространенного типа 1 (вторая половина II – начало III в.). Эти знаки встречены в различных частях некрополя, главным образом, в южной (могилы 234, 241, 243, 253, 265, 269, 281), но также и в восточной (могилы 317, 329) и северо-западной (могилы 317, 329) – на этих участках они в каждом случае представлены парой соседних могил и, вероятно, принадлежат близким родственницам. Такие комплексы совершенно отсутствуют лишь на самом раннем, северо-восточном участке (середина – конец I в. н.э. по Д.В. Журавлеву).

В целом анализ тамг на зеркалах из Бельбека IV имеет существенное значение для уточнения некоторых деталей истории античного Крыма, и в будущем он может быть дополнен.

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА БЕЛЬБЕК IV В 2004 ГОДУ

Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов

В июле 2004 г. Крымская археологическая экспедиция ГИМ провела охранные раскопки позднескифского некрополя Бельбек IV (материалы этих раскопок уже были опубликованы: Журавлев, Фирсов, 2007. С. 233–248). Могильник Бельбек IV считается полностью разрушенным грабителями, которые в период 1991–1996 гг. раскопали более 300 погребений некрополя. В связи с этим в 2004 г. было принято решение возобновить здесь спасательные раскопки.

Основными задачами сезона были поиски восточной границы некрополя и оценка возможности продолжения работ на полностью разграбленном памятнике. Общая площадь раскопа составила 150 кв. м, при мощности культурного слоя от 0,3 до 1,55 м.

Учитывая сильную степень повреждения памятника и задачи, стоявшие перед нами, были заложены перпендикулярно друг другу две траншеи (табл. 250). Первая траншея размерами 5,0 x 20,0 м была заложена по трассе запад-восток (квадраты В1, В2, В3 и В4) и прирезана к восточному борту раскопа И.И. Гушиной 1990 г. В эту траншею было включено и погребение 331, раскопанное грабителями и доследованное И.И. Гушиной в 1991 г. Вторая траншея размерами 5,0 x 10,0 м была прирезана к западному борту квадрата В1 первой траншеи (соответственно, квадраты А1 и Б1) и ориентирована по трассе север-юг.

На квадратах А1, Б1 и В1 непосредственно под дерном слой был образован очень плотным желтоватым тяжелым суглинком с включениями известковой крошки. На глубине 0,20–0,43 м от современной дневной поверхности выявлен скальный выход, точнее, скопление известковой крошки и мелких камней известняка, находившееся над скалой. Никаких следов некрополя здесь не обнаружено. Не вызывает никаких сомнений, что нами обнаружена восточная граница некрополя. Скальный массив в этом месте подходит очень близко к дневной поверхности, исключая, таким образом, возможность создания здесь погребально-го сооружения из-за высоких трудозатрат.

На квадрате В2 слой образован очень плотным желтоватым суглинком, местами переходящим в глину. В слое в большом количестве присутствовала известковая крошка. Мощность слоя 0,4–0,6 м от современной дневной поверхности. Материк образован плотной белой известковой крошкой. Подобная же стратиграфия характерна и для квадрата В3 и В4, за тем исключением, что мощность слоя желтоватого суглинка уменьшается к западу, и у западного борта квадрата В4 он почти выклинивается.

Описание погребальных комплексов

Погребение 332, полностью разрушенное современной грабительской ямой (табл. 250), было обнаружено в юго-восточном углу квадрата В3, на границе с квадратом В2, в 0,65 м к северу от борта квадрата. Погребение представляло собой вытянутую подпрямоугольную яму со скругленными углами, ориентированную по трассе северо-северо-восток – юго-юго-запад. Размеры ямы 1,12 x 0,65–0,68 м, глубина от материка – 0,25 м. Заполнение – желто-коричневый суглинок, перемешанный с коричневым слабогумусированным суглинком. Судя по отсутствию камней в яме, можно предположить, что эта детская (судя по размеру) могила была грунтовой. Стенки ямы практически вертикальны. Никаких следов человеческих костей или инвентаря не обнаружено, за исключением фрагмента лепного горшка из грабительской ямы.

Погребение 333. Подбойная могила, обнаружена в 0,85 м к юго-западу от погребения 334 и в 2,40 м к северу от южной стенки квадрата В3. Входная яма размерами 1,06 x 0,10–0,15 м ориентирована по трассе северо-восток – юго-запад (табл. 251). Размеры каменного заклада: 0,96 x 0,42 м. Заклад сложен из средних камней известняка со следами суммарной отески. Размеры камней: 0,29 x 0,18 x 0,12 м; 0,51 x 0,37 x 0,21 м. Все камни были положены горизонтально, за исключением двух крайних в юго-западной части заклада.

Погребенный был положен в деревянный гроб, следы которого слабо фиксировались в отдельных местах по всему периметру ямы, которая имела размеры 1,08 x 0,32–0,40 м. Размеры гроба: 0,73 x 0,36 м при толщине стенок 0,02–0,04 м. В юго-западной части, в головах, на гроб были поставлены краснолаковая тарелка (табл. 252, 2) и краснолаковая кружка (табл. 252, 1), закрытая плоским камнем.

Кости погребенного ребенка не сохранились. У места расположения правой руки найден обломок известняка вытянутой формы, размерами 12,0 x 2,1 см. Рядом с ним лежали по линии ямы четыре стеклянные бусины (табл. 252, 3–7). В центре ямы, вероятно, в районе таковых костей, найдено скопление цветных бус и бисера (табл. 252, 8).

На дне могилы прослежены слабые следы тлена. Глубина могильной ямы от современной поверхности – 1,06–1,08 м. Заполнение ямы – желтоватый очень плотный суглинок.

Дата погребения – вторая четверть II в. н.э.

Погребение 334. К северо-северо-востоку от погребения 332 на расстоянии 1,60 м расчищена подбойная могила 334 (табл. 253). Она находилась в квадрате В2, на границе с квадратом В3. Входная яма размерами 1,20 x 0,40 м, ориентированная по трассе северо-северо-восток – юго-юго-запад, имела с двух сторон подбойные камеры.

Сохранились камни заклада от западного подбоя. Это отесанные плиты (средние размеры: 0,30 x 0,32 x 0,10; 0,50 x 0,37 x 0,09 м), некогда стоявшие вертикально. В настоящее время камни лежат практически горизонтально, за исключением одной плиты в южной части могилы. В ее центральной части найдено два мелких камня – подпорки под более крупные.

В восточной части входной ямы (погребение 334б) сохранились лишь несколько небольших камней.

Погребение 334а сделано в западной стенке входной ямы, и имеет размер 1,24 x 0,27–0,37 м. Дно ямы находится на глубине 1,20 м от современной дневной поверхности. Кости погребенного не сохранились. В головах погребенного ребенка лежали краснолаковая тарелка (табл. 254, 2), в которой была найдена кость овцы (козы), и краснолаковая кружка (табл. 254, 1). На правом плече – расстегнутая лучковая подвязная фибула варианта 3 по А.К. Амброзу (табл. 254, 4). На запястье левой руки найден бронзовый браслет с заходящими концами (табл. 254, 3), три стеклянные (две рассыпались) и одна гагатова бусины (табл. 254, 5–6), а также мелкий бисер (рассыпался). Заполнение ямы – желто-коричневый суглинок средней плотности.

Погребение 334б сделано в восточной стенке входной ямы, и имеет размер 1,19 x 0,34 м. Дно ямы находится на глубине 1,17–1,20 м от современной дневной поверхности. Кости погребенного ребенка (девочки?) не сохранились.

Слева в головах стояли краснолаковая тарелка – при расчистке она обнаружена стоявшей вертикально на бортике (табл. 255, 3), и краснолаковый кубок, накрытый небольшим плоским камнем (табл. 255, 2). На правой руке погребенной был надет бронзовый браслет со змеиными головками (табл. 255, 4), рядом лежал стеклянный бальзамарий (табл. 255, 1). К западу от бальзамария на расстоянии 0,14–0,22 м от западной стенки могильной ямы было расчищено скопление предметов, по-видимому, лежавших в мешочке, прикрепленном к поясу (табл. 255, 5–6, 10). Здесь найден бронзовый пирамидальный колокольчик с железным язычком (табл. 255, 5), затертый херсонесский тетрассарий¹ с пробитым отверстием (табл. 255, 10) и бронзовая подвеска с шишковидными выступами (табл. 255, 6). К северу и северо-востоку от этого скопления вещей найдены бусины и бисер – из сердолика, стекла и египетского фаянса (табл. 255, 11). В ногах погребенной была найдена стеклянная бусина зеленого цвета с белыми полосками (табл. 255, 8).

Слой заполнения могилы – плотный желто-коричневый суглинок, в котором присутствует известковая крошка. Также в заполнении ямы найдены мелкие фрагменты стенок краснолакового и лепного сосудов.

Оба погребения могут быть датированы второй четвертью – серединой II в. н.э.

Погребение 335. Обнаружено в 2,75 м к западу от погребения 332, на квадрате В3 на глубине 0,62–0,79 м. Юго-западный край входной ямы расположен в 0,4 м к северу от южной границы квадрата (табл. 256).

Погребальная конструкция представляла собой подбойную могилу с погребальной камерой, частично перекрытой камнями. Входная яма неправильной вытянутой овальной формы размерами около 2,05 x 0,32–0,59 м ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Дно входной ямы находится на глубине 1,08 м от современной поверхности.

В северо-восточной стенке входной ямы сделан подбой, вход в который в юго-западной части частично перекрыт наклонным каменным закладом. Размеры каменного заклада:

¹ Определение Е.Я. Туровского.

0,73 x 0,32 м. Он сложен в юго-западной части ямы и состоит из трех средних камней известняка со следами суммарной отески. Размеры камней: 0,27 x 0,21 м; 0,25 x 0,16 м; 0,29 x 0,17 м. Камни были положены под углом около 45°. Высота заклада – 0,25 м.

Размеры погребальной камеры – 0,50–0,70 м x 2,09 м. Реконструируемая высота – до 0,38 м. Дно входной ямы – на одном уровне с дном подбоя. Материковое дно подбоя находится на глубине 1,98 м от уровня поверхности. В этом погребении прослежена интересная деталь погребальной практики (Журавлев, Фирсов, 2005. С. 32–33; 2007. С. 236). Земляная конструкция могилы была подготовлена заранее и какое-то время не использовалась, вследствие чего на дне погребальной камеры образовался слой земли, осыпавшейся со свода. Впоследствии костяк погребенного был положен на эту своеобразную «подсыпку», а не лежал непосредственно на материковом дне, что и было зафиксировано (табл. 256). Таким образом, отмечен случай предварительной подготовки погребальных сооружений у поздних скифов. Фактически погребенный был положен на «подсыпку» на отметке -0,71–0,72 м. Высота «подсыпки» из плотного материкового суглинка – 0,15–0,17 м.

Скелет погребенного лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на юго-запад и был смещен в подбоя ближе к входной яме (к юго-востоку). Костяк находился на уровне – 0,71–0,72 м и сохранился частично. Его длина от затылочной части черепа до пяточных костей правой ноги погребенного – 1,56 м. Череп был фрагментирован и лежал на затылке, слегка повернут к западу. Частично сохранились кости плечевого пояса, ребра в правой половине костяка, отдельные позвонки и фрагменты костей таза. Расчищены правые плечевая и локтевая кости, фрагменты правой бедренной кости, правой большой и малой берцовых, правой стопы, а также левые большая и малая берцовые кости. Правая рука погребенного была вытянута вдоль тела.

Слева от левого плеча погребенного, на расстоянии 0,10–0,12 м найдены два кольца с выступами (табл. 256, 2, 3), которые лежали на расстоянии 0,05 м друг от друга. Диаметр – 2,3–2,5 см.

Слой заполнения могилы – плотный желто-коричневый суглинок, в котором присутствует известковая крошка.

Погребение может быть датировано первой половиной II в. н.э.

Погребение 336. Погребение обнаружено в квадрате В3, на его северной границе, и выходит за пределы раскопа (табл. 257). Оно располагалось в 1,8 м к северо-западу от северо-западного края погребения 334 и в 1,5 м к северо-востоку от северо-восточного края погребения 335. Совершено в грунтовой яме с заплечиками. Яма неправильной овальной формы размерами 2,23 x 0,78–1,10 м, ширина заплечиков – 0,22–0,41 м. Погребение ориентировано по трассе северо-восток – юго-запад. Яма была перекрыта плоскими суммарно обтесанными плитами известняка. Общий размер каменного перекрытия – 1,93 x 0,46–0,77 м. Плиты имеют неправильную форму; размеры: 0,75 x 0,25 x 0,12; 0,71 x 0,52 x 0,18; 0,40 x 0,36 x 0,14 м. Щели между плитами были забиты более мелкими камнями. Выше плит перекрытия было найдено несколько мелких и средних камней, которыми была забита входная яма.

Сохранились очень слабые следы тлена от гроба, размерами 1,72 x 0,41 м. На крышке гроба в головах найден краснолаковый кувшин (табл. 258, 1). В ногах погребенного стояла краснолаковая тарелка с клеймом *planta pedis* (табл. 258, 2), в которой находились две кости – быка и овцы (козы)². Рядом лежал фрагмент железного ножа с прямой спинкой (табл. 258, 10). На груди обнаружена бронзовая фибула (табл. 258, 7), на правой руке – браслет (табл. 258, 8), у левой – мешочек (?) с амулетами – четыре бронзовых кольца с выступами (табл. 258, 3–6) и три бусины (стекло, мел) (табл. 258, 11–13). В районе пояса найдена фрагментированная железная поясная пряжка (табл. 258, 9).

Дно ямы зафиксировано на глубине 1,52 м от современной поверхности. Заполнение ямы – желтый плотный суглинок с включениями известковой крошки.

Таким образом, в результате полевого сезона 2004 г. была установлена восточная граница некрополя, образованная материковой скалой. Помимо ограбленных могил, исследовано пять неразграбленных погребений, содержащих интересный инвентарь первой половины – середины II в. н.э. Как нам представляется, наиболее важный вывод состоит в том, что даже на ограбленном участке могильника возможно проведение масштабных археологических работ широкой площадью. Грабители, действующие с помощью щупов, не могут проследить все погребальные сооружения, в особенности могилы грунтовые и детские, а также погребения, расположенные между рядами. Все это дает основание надеяться, что в будущем при регулярных раскопках широкой площадью удастся исследовать еще целый ряд неповрежденных комплексов. Кроме того, исследование грабительских ям может дать не только пропущенные вещи, но и возможность фиксации погребального обряда.

² Определение О.П. Журавлев.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов А.П., 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. М. Вып. 3. С. 4–135.
- Абрамова М.П., 1962. Взаимоотношение сармат с населением позднескифских городищ Нижнего Днепра // Памятники скифо-сарматской культуры. МИА. М. 115. С. 274–283.
- Абрамова М.П., 1966. О пережитках культа двойной секиры в раннесредневековом Дагестане // Археологический сборник. Труды ГИМ. М. Вып. 40. С. 89–96.
- Абрамова М.П., 1971. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. ГИМ. М. С. 121–132.
- Абрамова М.П., 1972. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик.
- Абрамова М.П., 1974. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры (по материалам Северной Осетии и Кабардино-Балкарии) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. ГИМ. М. С. 3–31.
- Абрамова М.П., 1987. Подкумский могильник. М.
- Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.
- Абрамова М.П., 1996. Фибулы Хумаринского могильника (II–III вв. н.э.) // Историко-археологический альманах. Армавир; М. Вып. 2. С. 100–105.
- Абрамова М.П., 1998. Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков нашей эры // МАИЭТ. Симферополь. Вып. VI. С. 209–229.
- АГСП, 1984 – Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. Т. 9. М.
- Алексеева Е.М., 1972. Предметы из египетского фаянса VI в. до н.э. – IV в. н.э. В Северном Причерноморье // КСИА. М. Вып. 130. С. 3–11.
- Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. М. Вып. Г1–12.
- Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. М. Вып. Г1–12.
- Алексеева Е.М., 1982а. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. М. Вып. Г1–12.
- Алексеева Е.М., 1982б. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. II. Краснодар. С. 5–116.
- Алексеева Е.М., 1984. Бусы и подвески // АГСП. М. С. 237–239.
- Алексеева Е.М., 1997. Античный город Горгиппия. М.
- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э. САИ. М. Вып. Д1–30.
- Анохин В.А., 1964. Монетное дело Херсонеса I–III вв. н.э. // НЭ. М. Вып. IV. С. 3–88.
- Античные поэты, 1938 – Античные поэты об искусстве. М.
- Анфимов Н.В., 1952. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИИМК. Вып. XLVI. С. 72–85.
- Анфимов Н.В., 1979. Импорт бронзовой итальянской посуды в Прикубанье (II в. до н.э. – III в. н.э.) // Проблемы античной истории и культуры. 2. Ереван. С. 232–238.
- Анфимов Н.В., 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар.
- Анфимов Н.В., 1992. Меотский сосуд с мифологическими сценами // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. С. 287–293.
- Арсеньева Т.М., 1970. Могильник у деревни Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. МИА. М. 155. С. 82–149.
- Арсеньева Т.М., 1977. Некрополь Танаиса. М.
- Арсеньева Т.М., 1984. Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. С. 20–23.
- Арсеньева Т.М., 1985. Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса // КСИА. М. Вып. 182. С. 77–84.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А., 1992. Усадьбы Танаиса. М.
- Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б., 1974. Раскопки юго-западного участка Танаиса // Археологические памятники Нижнего Подонья. М. С. 123–171.
- Артамонов М.И., 1961. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. Л. Вып. 2. С. 57–87.
- Артеменко И.И., Левченко Б.М., 1983. Сарматское погребение у с. Баштечки Черкасской области // СА. № 2. С. 144–151.
- Археология Украинской ССР, 1986 – Археология Украинской ССР. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев.
- Ахмедов И.Р., 1995. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники среднего Поочья. Рязань. С. 89–111.
- Ахмедов и др., 2001 – Ахмедов И.Р., Гущина И.И., Журавлев Д.В. Богатое погребение II в. н.э. из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. Труды

- ГИМ. М. Вып. 118. С. 175–186.
- Бабенчиков В.П., 1963. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ. Т. XIII. С. 90–123.
- Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1989. Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе // СА. № 3. С. 163–170.
- Барцева Т.Б., 1971. Предварительные результаты спектрального изучения зеркал-подвесок Центрального Кавказа // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. ГИМ. М. С. 133–138.
- Безуглов С.И., 2000. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону. Вып. I. С. 169–193.
- Бейлин Д.В., Зинько А.В., 2007. Сакральный (?) комплекс из цистерны первой половины III в. на городище Тиритака // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святые места и сакральные объекты. Материалы VIII Боспорских чтений. Керчь. С. 14–18.
- Белов Г.Д., 1965. Стеклоделие в Херсонесе // СА. № 3. С. 237–239.
- Белов Г.Д., 1969. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // КСИА. М. Вып. 116. С. 80–84.
- Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., 1953. Квартал XV и XVI (раскопки 1937 г.) // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). МИА. М.; Л. 34. С. 32–108.
- Белов и др., 1953 – Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). МИА. М.; Л. 34. С. 160–236.
- Белый О.Б., Неневоля И.И., 1994. Охранные работы на территории Бахчисарайского района в 1993 г. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь. С. 251–255.
- Берлизов Н.Е., Еременко В.Е., 1998. Латенские импорты в сарматских памятниках Причерноморья: проблема интерпретации // Древности Кубани. Краснодар. Вып. 7. С. 25–27.
- Беспалый и др., 2007 – Беспалый Е.И., Беспалая Н.Е., Раев Б.А. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1». Ростов-на-Дону.
- Бессонова С.С., 1990. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев. С. 17–40.
- Бессонова С.С., 1991. «Мужское» и «женское» в сакральной сфере у скифов // Духовная культура древних обществ на территории Украины. Киев. С. 84–96.
- Блаватская Т.В., 1952. Надпись на сосуде из Киммерика // КСИА. М. Вып. 43. С. 69–73.
- Блаватский В.Д., 1941. Раскопки некрополя Тиритаки в 1933 г. // МИА. М.; Л. 4. С. 61–74.
- Блаватский В.Д., 1951. Харакс // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. I. МИА. М. 19. С. 250–291.
- Блаватский В.Д., 1954. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Бобринский А., 1910. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1908 г. // ИАК. СПб. Вып. 35. С. 61–85.
- Богачев А.В., 1998. Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс. н.э. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции 17–20 ноября 1997 г. Самара. С. 151–166.
- Богданов С.В., 1998. Идолы и амулеты сарматских погребений Урало-Казахстанских степей // Уфимский археологический вестник. Уфа. 1. С. 44–52.
- Богданова Н.А., 1961. Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму // СА. № 2. С. 249–252.
- Богданова Н.О., 1963. Могильник I ст. до н.э. – III ст. н.э. біля с. Завітного Бахчисарайського району // Археологія. Київ. Т. XV. С. 95–109.
- Богданова Н.А., 1965. Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника // СА. № 3. С. 233–237.
- Богданова Н.А., 1980. Семантика и назначение некоторых амулетов из могильников первых веков н.э. Юго-Западного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным. Труды ГИМ. М. Вып. 51. С. 79–88.
- Богданова Н.А., 1982. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. М. Вып. 54. С. 31–38.
- Богданова Н.А., 1989. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. М. Вып. 70. С. 17–70.
- Богданова Н.А., 1990. Роль огня в погребальном ритуале могильника первых веков нашей эры у с. Заветное // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ). Труды ГИМ. М. Вып. 74. С. 53–58.
- Богданова Н.А., Гущина И.И., 1967. Новые могильники II–III вв. н.э. у с. Скалистое в Крыму // КСИА. М. Вып. 112. С. 132–139.
- Богданова и др., 1976 – Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в. в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // СА. № 4. С. 121–152.
- Бугрова Н.А., Журавлев Д.В., 2010. «Темрюкские древности» в собрании Национального музея Республики Татарстан // Античное наследие Кубани. Т. III. М. С. 479–490.
- Буйских А.В., 2006. Sofa-капители из Херсонеса: к проблеме стилистических заимствований // БИ. Симферополь; Керчь. Вып. XI. С. 127–145.
- Бураков А.В., 1976. Козырьское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев.
- Буюклиев Х., 1986. Тракийский могилен некрополь при Чаталка, Старозагорски окръг // Разкопки и проучвания. София. XVI. С. 1–151.
- Буюклиев Х., 1995. К вопросу о фракийско-сарматских

- отношениях в I – начале II в. н.э. // РА. № 1. С. 37–46.
- Вадаи А., Кульчар В., 1984. К вопросу о так называемых сарматских пряжках // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest. 36. С. 239–261.
- Вальдгауер О.Ф., 1914. Императорский Эрмитаж. Античные глиняные светильники. СПб.
- Вахтина М.Ю., 2005. Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII–IV вв. до н.э. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб. С. 297–399.
- Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г., 1994. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь. С. 82–88.
- Веселовский Н.И., 1905. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе // Труды XII Археологического Съезда в Харькове. I. М. С. 350–370.
- Виноградов В.Б., 1968. Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев // Археолого-этнографический сборник. Грозный. Т. 2. С. 39–54.
- Виноградов В.Б., Петренко В.А., 1977. К происхождению сарматских зеркал-подвесок Северного Кавказа // КСИА. М. Вып. 148. С. 44–49.
- Винокуров Н.И., 2007. Исследование некрополя городища Артезиан в 2000 г. // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье. С. 351–401.
- Вірлич А.Е., 1965. Сарматське поховання в Білозерському районі Херсонської області // Археологія. Київ. Т. XIX. С. 177–178.
- Власов В.П., 1997. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь. Вып. 1. С. 204–303.
- Власова Е.В., 2004. Курганы Васюринская гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб. С. 158–174.
- Внуков С.Ю., 2006. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Ч. II (Петрография, хронология: проблемы торговли). СПб.
- Внуков С.Ю., Лагутин А.Б., 2001. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. М. Вып. 118. С. 96–121.
- Волкович А.М., 1941. К южным связям Прикамья в последние века до н.э. и в первые века н.э. // Государственный Эрмитаж. Труды отдела истории первобытной культуры. Т. I. Л. С. 219–236.
- Волошинов А.А., 1997. Новое антропоморфное изваяние из позднескифского некрополя у с. Красное // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь. Вып. 1. С. 39–41.
- Волошинов А.А., 2001. Новые памятники позднескифской скульптуры из Юго-Западного и Центрального Крыма // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. М. Вып. 118. С. 147–155.
- Волошинов А.А., 2004. Два позднескифских надгробия из Качинской долины // БИ. Симферополь; Керчь. Вып. VII. С. 340–355.
- Волошинов А.А., Масыкин В.В., 2007. Погребения с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное в Юго-Западном Крыму (раскопки 2005–2006 гг.) // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской. Симферополь. С. 291–302.
- Волошинов и др., 2007 – Волошинов А.А., Масыкин В.В., Неневоля И.И. Два комплекса с римскими импортами из Краснотаринского некрополя // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской. Симферополь. С. 303–318.
- Висотська Т.М., 1964. Про виробництво скла в пізньоантичному Криму // Археологія. Київ. Т. XVI. С. 7–20.
- Висотська Т.М., 1966. Липна кераміка городища Алма-Кермен // Археологія. Київ. Т. XX. С. 185–195.
- Висотська Т.М., 1970. Городище Алма-Кермен у Криму // Археологія. Київ. Т. XXIV. С. 179–192.
- Висотская Т.Н., 1972. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев.
- Висотская Т.Н., 1976. Культы и обряды поздних скифов // ВДИ. № 3. С. 51–73.
- Висотская Т.Н., 1979. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев.
- Висотская Т.Н., 1980. Геммы Усть-Альминского некрополя // ВДИ. № 1. С. 96–105.
- Висотская Т.Н., 1983. Своеобразие культуры поздних скифов в Крыму // Население и культура Крыма в первые века нашей эры. Киев. С. 5–28.
- Висотська Т.М., 1993. Червонолакова кераміка Усть-Альмінського городища // Археологія. Київ. № 4. С. 90–105.
- Висотская Т.Н., 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.
- Висотская Т.Н., Махнева О.А., 1983. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев. С. 66–80.
- Вязкова и др., 2001 – Вязкова О.Е., Дмитриев А.В., Малышев А.А. Поселение Мысхако – юго-восточный форпост Боспора // ПИФК. М.; Магнитогорск. Вып. X. С. 188–213.
- Вязьмитина М.И., 1954. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // Вопросы скифо-сарматской археологии. М. 220–244.
- Вязьмитина М.И., 1962. Золота балка. Киев.
- Вязьмитина М.И., 1972. Золотобалковский могильник. Киев.
- Вязьмитина и др., 1968 – Вязьмитина М.И., Іллінська В.А., Покровська Е.Ф., Тереножкін О.І., Ковпаненко Г.Т. Курганы біля с. Новопилипівка та радгоспу Аккермень // АП УРСР. Київ. Т. 8. С. 22–135.
- Гайдукевич В.Ф., 1940. Находка античного бронзового штампа в Тиритаке // СА. М. VI. С. 298–303.
- Гайдукевич В.Ф., 1952а. Раскопки Тиритаки

- в 1935–1940 гг. // Боспорские города. МИА. М.; Л. 25. С. 15–134.
- Гайдукевич В.Ф., 1952б. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // Боспорские города. МИА. М.; Л. 25. С. 135–220.
- Гайдукевич В.Ф., 1959а. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов) // МИА. М. 69. С. 154–238.
- Гайдукевич В.Ф., 1959б. Мирмекий. II. Варшава.
- Гайдукевич В.Ф., 1963. Керамический комплекс II в. н.э. из Мирмекия // КСИА. М. Вып. 95. С. 25–32.
- Галанина Л.К., 1973. Впускное погребение I в. н.э. Курджипского кургана // СА. № 2. С. 35–59.
- Гей О.А., 1999. Проблема выделения скифо-сарматских элементов в черняховской культуре // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М. С. 133–150.
- Гей О.А., 2001–2002. Проблема выделения скифо-сарматских элементов в черняховской культуре // Stratum plus. № 4. С. 296–314.
- Генчева Е., 1987. Типология и датирование на ранноримските фибулы от Южна България // Археология. София. 4. С. 30–43.
- Генчева Е., 2009. Римският ажурен коалан от България // Археология. София. 3–4. С. 11–27.
- Гертман А.Н., 1991. Сырцовый кирпич Капараса и Елхараса // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М. Т. XVI. С. 277–286.
- Головкова Н.Н., 1994. Светлоглиняные амфоры с двустовальными ручками в сарматских могильниках Нижнего Дона // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 году. Азов. Вып. 12. С. 143–162.
- Горнчаровский В.А., 1993. Золотой медальон III в. н.э. из раскопок Илурата // Археологические вести. СПб. № 2. С. 80–84.
- Гороховський и др., 1985 – Гороховський Е.Л., Зубар В.М., Гаврилюк Н.О. Про пізню дату деяких античних городищ Ольвійської хори // Археологія. Київ. № 49. С. 25–40.
- Граков Б.Н., Виноградов Ю.Г., 1970. Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. № 3. С. 127–134.
- Грач Н.Л., 1999. Некрополь Нимфея. СПб.
- Гриневич К.Э., 1926. Стены Херсонеса Таврического. I. Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса. ХСБ. Севастополь. I.
- Гросу В.И., 1990. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.
- Гугуев В.К., Трейстер М.Ю., 1995. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // РА. № 3. С. 143–156.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М., 1982. Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев. С. 55–113.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М., 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная в I–IV вв. н.э. Киев.
- Гущина И.И., 1967. О сарматах в Юго-Западном Крыму (по материалам некоторых могильников I–IV вв.) // СА. № 1. С. 40–51.
- Гущина И.И., 1969. Могильник Бельбек II // Экспедиции Государственного Исторического музея. М. С. 94–102.
- Гущина И.И., 1970. Раскопки могильника Бельбек III в Крыму // КСИА. М. Вып. 124. С. 39–47.
- Гущина И.И., 1971. К вопросу об экономических связях населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. ГИМ. М. С. 110–120.
- Гущина И.И., 1973. О результатах исследования нового могильника I–II вв. н.э. в Юго-Западном Крыму // КСИА. М. Вып. 133. С. 80–85.
- Гущина И.И., 1974. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. ГИМ. М. С. 32–64.
- Гущина И.И., 1978. Изображение женского божества на бляшках из погребений Бельбекской долины Крыма // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М. С. 25–30.
- Гущина И.И., 1982. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины в первые века н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. II. Труды ГИМ. М. Вып. 54. С. 20–30.
- Гущина И.И., 1990. Глиняные пряслица с граффити из могильников Юго-Западного Крыма первых веков нашей эры // Проблемы археологии Евразии. Труды ГИМ. М. Вып. 74. С. 68–70.
- Гущина И.И., 1997. О погребальном обряде населения Бельбекской долины (по материалам могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму) // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды ГИМ. М. Вып. 93. С. 29–37.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В., 1996. Римский импорт из могильника Бельбек IV // Тезисы докладов Отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М. С. 45–50.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В., 1999. Погребения с бронзовой посудой из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // РА. № 2. С. 157–171.
- Гущина И.И., Засецкая И.П., 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. М. Вып. 70. С. 71–141.
- Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.
- Гущина И.И., Попова Т.Б., 1970. Воздвиженский курган – памятник III тысячелетия – I в. до н.э. // Ежегодник ГИМ. 1965–1966. М. С. 71–90.
- Гущина И.И., Сорокина Н.П., 1984. Новые находки стеклянных сосудов в могильнике Бельбек IV в юго-за-

- падном Крыму // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. С. 43–53.
- Гущина И.И., Сорокина Н.П., 1995. Фигурный кувшин-лягинос из могильника Бельбек IV в Крыму // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ. М. Вып. 87. С. 370–373.
- Гущина и др., 2001 – Гущина И.И., Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. Позднескифские коллекции в собрании Государственного Исторического музея // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. М. Вып. 118. С. 230–238.
- Давудов О.М., 1996. Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Махачкала.
- Дашевская О.Д., 1962. Граффити на стенах здания в Неаполе Скифском // СА. № 1. С. 173–194.
- Дашевская О.Д., 1980. О скифских курительницах // СА. № 1. С. 18–29.
- Дашевская О.Д., 1984. О подбойных могилах у поздних скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. С. 53–60.
- Дашевская О.Д., 1989. Поздние скифы (III в. до н.э. – III в. н.э.) // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М. С. 125–145.
- Дашевская О.Д., 1991. Поздние скифы в Крыму. САИ. М. Вып. Д1–7.
- Дашевская О.Д., 1994. О разорении греческих и скифских могил в древности // РА. № 4. С. 79–84.
- Дашевская О.Д., 2001. Земляной склеп № 39 в Беляусском некрополе // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. М. Вып. 118. С. 87–95.
- Деген Б.Е., 1940. О «загадочных предметах» из скифских погребений // КСИИМК. Вып. VII. С. 93–97.
- Демиденко Ю.В., 1994. Сарматские погребения из могильника хутора Глинище // Древности Волго-Донских степей. Волгоград. Вып. 4. С. 136–142.
- Демкин В.А., 1997. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. Пушино.
- Дзиговський О.М., 1993. Сармати на західі степового Причорномор'я наприкінці I ст. до н.е. – першій половині IV ст. н.е. Київ.
- Диденко С.В., Липатов К.С., 2007. Ольвийский склеп римского времени с семейными захоронениями // Древности Северного Причерноморья в античное время. МАИЭТ. Supplementum. Симферополь. Вып. 4. С. 158–161.
- Димитрова А., 1980. Античны геми и камеи от Национального Археологически Музей в София. София.
- Димитрова и др., 1984 – Димитрова Д., Чичикова М., Балканска А., Огненова-Маринова Л. Севтополис. Т. 1. София.
- Довгалик Н.П., Левина Л.М., 1995. Бусы из джетыасарских памятников // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V. Джетыасарская культура. Ч. 5. М. С. 202–228.
- Домжалский К., Чистов Д.Е., 2003. Итоги работ на участке «Н» (1994–1998) // Материалы Нимфейской экспедиции. СПб. Вып. I. С. 3–41.
- Драчук В.С., 1975. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев.
- Древние сокровища, 2005 – Древние сокровища Юго-Западного Крыма. Каталог вставки. Симферополь.
- Дьячков С.В., 1998. Клейма на краснолаковой керамике из раскопок Херсонесской «казармы» // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. Труды ГИМ. М. Вып. 102. С. 88–93.
- Ермолин А.Л., 2004. Античные склепы хоры Европейского Боспора (по материалам охранных исследований) // У Понта Евксинского. Симферополь. С. 212–225.
- Ермолин и др., 2007 – Ермолин А.Л., Гецко П.П., Куликов А.В. Краснолаковая керамика и нумизматический материал из мастерской короппаста Пантикапея (к вопросу о датировке) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб. С. 106–112.
- Жуглев К., Калудова Й., 1963. Могилни находки от с. Садово, Асеновградско // Археология. София. 4. С. 33–39.
- Журавлев Д.В., 1997а. Краснолаковая керамика группы Восточная сигиллята В из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Древности Евразии. М. С. 227–260.
- Журавлев Д.В., 1997б. Коллекции из Херсонеса в собрании Государственного Исторического музея // ВДИ. № 3. С. 194–207.
- Журавлев Д.В., 2000. О сарматских мотивах в краснолаковой керамике // ΣΥΣΤΙΓΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб. С. 331–342.
- Журавлев Д.В., 2001а. Граффити на краснолаковой керамике из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. М. Вып. 118. С. 187–193.
- Журавлев Д.В., 2001б. О датировке *Eastern sigillata* В из Юго-Западного Крыма // Археология. Київ. № 3. С. 99–118.
- Журавлев Д.В., 2001в. К вопросу о клеймах *planta pedis* на римской керамике // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Юрия Германовича Виноградова. ХСб. Севастополь. XI. С. 90–99.
- Журавлев Д.В., 2002а. Еще раз о деталях римского военного костюма и конской сбруи из Херсонеса и Юго-Западного Крыма // Археология. Київ. № 1. С. 90–98.
- Журавлев Д.В., 2002б. Керамический комплекс римского времени с акрополя Пантикапея // БИ. Керчь. Вып. II. С. 193–218.
- Журавлев Д.В., 2002в. К истории освещения на Боспоре в VI–V вв. до н.э. // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы Международной научной конференции. СПб. С. 177–186.
- Журавлев Д.В., 2004. Терракотовая «погремушка» из могильника Бельбек IV // БИ. Симферополь; Керчь. Вып. VII. С. 271–287.

- Журавлев Д.В., 2005. Понтийские тарелки с вертикальным бортиком из могильника Бельбек IV // Памяти М.И. Золотарева. ХСб. Севастополь. XIV. С. 141–168.
- Журавлев Д.В., 2006а. Об одной группе «браслетов» или Кельтский мираж в Крыму // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Оікоз. VII Боспорские чтения. Керчь. С. 98–103.
- Журавлев Д.В. (Ред.), 2006б. Любовь и эрос в античной культуре. Каталог выставки. М.
- Журавлев Д.В., 2007. Понтийская сигиллата из могильников Бельбек III и Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // БИ. Симферополь; Керчь. Вып. XVI. С. 366–448.
- Журавлев Д.В., 2010. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). МАИЭТ. Supplementum. Вып. 9. Симферополь.
- Журавлев Д.В., 2014. «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья // ПИФК. М.; Магнитогорск. № 1. С. 59–85.
- Журавлев Д.В., Ильина Т.А., 2002. Терракотовые статуэтки // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки в Государственном Историческом музее. М. С. 61–75.
- Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А., 1999. Керамический комплекс II в. н.э. с акрополя Пантикапея // ДБ. М. 2. С. 98–113.
- Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А., 2002а. Керамика и изделия из глины // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки в Государственном Историческом музее. М. С. 20–39.
- Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А., 2002б. Изделия из гипса и кости // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки в Государственном Историческом музее. М. С. 76–78.
- Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А., 2005. Новые комплексы римского времени из Пантикапея // БИ. Симферополь; Керчь. Вып. VIII. С. 284–307.
- Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю., 2012. Бляшка с изображением *Ranckenfrau* из кургана Куль-Оба // Образы времени. Из истории древнего искусства. К 80-летию С.В. Студзицкой. Труды ГИМ. М. Вып. 189. С. 80–97.
- Журавлев Д.В., Трейстер М.Ю., 2005. Инвентарь богатого Горгиппийского (?) склепа II в. н.э. в собрании Государственного Исторического музея // ДБ. М. 8. С. 184–196.
- Журавлев Д.В., Фирсов К.Б., 2001. Позднескифский курган Саблы в Центральном Крыму // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. М. Вып. 118. С. 223–229.
- Журавлев Д.В., Фирсов К.Б., 2005. Об одном аспекте погребальной практики в позднескифское время // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. М. С. 32–33.
- Журавлев Д.В., Фирсов К.Б., 2007. Новые раскопки могильника Бельбек 4 // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской. Симферополь. С. 233–248.
- Журавлев и др., 2004 – Журавлев Д.В., Зубарь В.М., Сорочан С.Б. О торговле Херсонеса Таврического в середине I – первой половине III в. н.э. // БИ. Симферополь; Керчь. Вып. VII. С. 183–207.
- Журавлев и др., 2006 – Журавлев Д.В., Ильина Т.А., Ломтадзе Г.А., Сударев Н.И. Материалы курганного некрополя Кеп: курган 17 (18) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П. Сорокиной. Труды ГИМ. М. Вып. 159. С. 12–46.
- Забелина В.С., 1984. Эллинистическая импортная керамика из Пантикапея // Сообщения ГМИИ. М. Вып. 7. С. 133–152.
- Зайцев Ю.П., 1997. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь. С. 102–116.
- Зайцев Ю.П., 2003. Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2007. Элитный некрополь 2 в. н.э. у центральных ворот Неаполя Скифского // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской. Симферополь. С. 81–108.
- Зайцев Ю.П., Неневоля И.И., 1996. Отчет об охранных археологических исследованиях могильника первых веков нашей эры у села Красная Заря Бахчисарайского района в 1996 г. Научный архив КФ ИА НАНУ. Симферополь.
- Зайцев и др., 2007 – Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Кюнелът Э., Масякин В.В., Мордвинцева В.И., Фирсов К.Б., Флесс Ф. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) 1–3 вв. н.э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской. Симферополь. С. 249–290.
- Залашко Г.М., Еременко В.Е., 1986. К вопросу о датировке кладов браслетов латенского времени в Поднепровье // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тезисы докладов III конференции молодых ученых ИА РАН СССР. М. С. 59–60.
- Засецкая и др., 1999 – Засецкая И.П., Илюков Л.С., Косяненко В.М. Погребальный комплекс среднесарматской культуры у хут. Алитуб // Донская археология. Ростов-на-Дону. № 2. С. 51–60.
- Захаров А.А., 1928. Геммы и античные перстни Государственного Исторического музея. Труды Секции археологии РАНИОН. М. Т. III.
- Захаров А.В., 2000. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их соседи на Дону.

- Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону. Вып. I. С. 27–45.
- Зинько В.Н., 2003. Пантикапейский погребальный комплекс I в. н.э. // МАИЭТ. Симферополь. Вып. XI. С. 32–37.
- Зограф А.Н., 1951. Античные монеты. МИА. М.; Л. 16.
- Золотарев М.И., 1981. Кубок с посвящением Зевсу Димеранскому из округа Херсонеса // КСИА. М. Вып. 168. С. 56–58.
- Зубар В.М., 1977. Підбійні могили Херсонеського некрополя // Археологія. Київ. № 24. С. 68–73.
- Зубарь В.М., 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев.
- Зубарь В.М., 1986. О свинцовых зеркалах из некрополя Херсонеса // Проблемы античной культуры. М. С. 150–154.
- Зубарь В.М., 1987. Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков нашей эры (по материалам некрополя) // Материалы к этнической истории Крыма. VII в. до н.э. – VII в. н.э. Киев. С. 78–105.
- Зубар В.М., 1988. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. Київ. № 63. С. 19–27.
- Зубарь В.М., 1990. О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического в позднеантичный период // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев. С. 61–84.
- Зубарь В.М., 1993. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). Киев.
- Зубарь В.М., 1994. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев.
- Зубарь В.М., 1995. По поводу вопроса о Таврическом лимесе // Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК. СПб. С. 62–63.
- Зубарь В.М., 2004. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев.
- Зубарь В.М., Мещеряков В.Ф., 1983. Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса (по материалам некрополя первых веков н.э.) // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев. С. 96–114.
- Зубарь В.М., Рыжов С.Г., 1982. О датировке нового погребального комплекса из некрополя Херсонеса // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев. С. 113–125.
- Зубар В.М., Савеля О.Я., 1989. Новый сарматский могильник другої половини I – початку II ст. н.е. в Південно-Західном Криму // Археологія. Київ. № 2. С. 74–83.
- Зубарь В.М., Сорочан С.Б., 1984. Светильники в погребальном обряде античных городов Северного Причерноморья // Античная культура Северного Причерноморья. Киев. С. 147–156.
- Зубарь В.М., Сорочан С.Б., 1986. Новый погребальный комплекс II–IV вв. н.э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. Киев. С. 101–129.
- Зубар и др., 1997 – Зубар В.М., Савеля О.Я., Сарновський Т. Нові латинські надписи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. Київ. № 4. С. 67–88.
- Зуев В.Ю., 1993. «Пляшущие человечки» Сапоговского клада // Ad polus. СПб. С. 95–102.
- Зуев В.Ю., 1996. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб. С. 54–68.
- Иванов В.В., 1991. Бык // Мифы народов мира. Т. 1. М. С. 203.
- Иванова А.П., 1950. К вопросу о культе Афродиты на Боспоре (Образ Афродиты в боспорском искусстве) // ВДИ. № 3. С. 104–109.
- Иванова А.П., 1951. Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора // СА. XV. С. 188–203.
- Игнатов В., 1996. За някои аспекти на погребалния обред в Тракия през I–IV в. // Археология. София. 2–3. С. 59–64.
- Ильинская В.А., 1968. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев.
- Илюков Л.С., 2000. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону. Вып. I. С. 100–140.
- Иштванович Э., Кульчар В., 2005. Северопричерноморские (?) золотые ювелирные изделия в культуре сарматов Карпатского бассейна // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб. С. 335–342.
- Кабакчиева Г., 1983. Типология и хронология на глинените червоолакови паници от Тракия (I–IV вв. н.э.) // Археология. София. XXV. 4. С. 1–12.
- Кагаров Е.Г., 1913. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб.
- Кадеев В.И., 1969. Косторізне виробництво у пізньюантичному Херсонесі (I–IV ст.н.е.) // Археологія. Київ. Т. XXII. 236–240.
- Кадеев В.И., 1970. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I–IV вв. н.э. Харьков.
- Кадеев В.И., 1981. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков.
- Кадеев В.И., 1994. О медицине в Херсонесе Таврическом // Древности. Харьков. С. 58–65.
- Кадеев В.И., 1995. Парфюмерия и косметика в античном Херсонесе // Древности. Харьков. С. 98–111.
- Кадеев В.И., 1996. Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н.э.). Харьков.
- Кадеев В.И., Сорочан С.Б., 1989. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков.
- Калашник Ю.П., 1979. Свинцовые рамки стеклянных зеркал из собрания Эрмитажа // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л. С. 116–123.

- Калашиник Ю.П., 2008. Римские монетные медальоны из Херсонеса в Эрмитаже // *Античный мир. Труды ГЭ*. СПб. Вып. XLI. С. 146–157.
- Каменецкий И.С., 1965. Население Нижнего Дона в I–III вв. н.э. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Каменецкий И.С., 1989. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР*. М. С. 224–251.
- Каменецкий И.С., 1993. Городища донских меотов. Вопросы датировки. М.
- Карасев А.Н., 1951. Раскопки Неаполя Скифского в 1949 г. // *КСИИМК. Вып. XXXVII*. С. 161–172.
- Карасев А.Н., 1953. Раскопки Неаполя Скифского в 1950 г. // *КСИИМК. Вып. XII*. С. 78–85.
- Кастанаян Е.Г., 1952. Обряд тризны в боспорских курганах // *СА*. XVI. С. 124–138.
- Каишуба и др., 2001–2002 – Каишуба М.Т., Курчатова С.И., Щербакова Т.А. Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с. Мокра) // *Stratum plus*. № 4. С. 180–252.
- Кияшко А.В., Мысиков Е.П., 2000. Ритуал элитного сарматского погребения на реке Есауловский Аксай (предварительное исследование) // *Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона*. Ростов-на-Дону. Вып. I. С. 46–60.
- Кленина Е.Ю., Созник В.В., 2004. Керамические сосуды II–III в. н.э. из усадьбы «Близнецы» (Хора Херсонеса Таврического). Познань.
- Книпович Т.Н., 1949. Танаис. Историко-археологическое исследование. М.; Л.
- Книпович Т.Н., 1952. Краснолаковая керамика первых веков н.э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935–1940 гг. // *Боспорские города*. МИА. М.; Л. 25. С. 289–326.
- Ковачев Г., 1998. Малки глиненни амфорки от Североизточна Тракия от римската епоха // *Археология*. София. 1–2. С. 58–64.
- Ковпаненко Г.Т., 1986. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев.
- Кожухов С.П., 1994. Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья меото-сарматского времени (III в. до н.э. – III в. н.э.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Кожухов С.П., 1999. Закубанские катафракты // *Материальная культура Востока*. М. С. 159–190.
- Козуб Ю.И., 1986. Стекланные бальзамарии из некрополя Ольвии // *Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры*. Киев. С. 41–52.
- Козуб Ю. И., 2002. Скляний фігурний келих з некрополя Ольвії // *Северное Причерноморье в античное время. Сборник научных трудов. К 70-летию С.Д. Крыжицкого*. Киев. С. 67–75.
- Кондрашов А.В., 1987. Фибулы грунтового могильника в ст. Старокорсунской // *Древности Кубани (Материалы семинара)*. Краснодар. С. 23–24.
- Копылов В.П., Ларенок П.А., 1994. Таганрогское поселение (каталог случайных находок у Каменной лестницы, г. Таганрог, сборы 1988–1994). Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. Ростов-на-Дону. Вып. II.
- Коренько В.А., Найденов А.В., 1977. Погребения раннего железного века в курганах на р.Томузловке (Ставропольский край) // *СА*. № 3. С. 230–248.
- Коровина А.К., 1972. Фаянсовые подвески из некрополей Тиамбы и Фанагории // *ВДИ*. № 1. С. 104–112.
- Корпусова В.Н., 1983. Некрополь Золотое. К этнокультурной истории европейского Боспора. Киев.
- Костенко В.И., 1993. Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника). Днепропетровск.
- Костромичев Д.А., 2006. Римское военное снаряжение из Херсонеса // *МАИЭТ. Симферополь*. Вып. XII. 1. С. 43–128.
- Косцюшко-Валюжинич К.К., 1902. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 г. // *ИАК. СПб. Вып. 2*. С. 1–39.
- Косцюшко-Валюжинич К.К., 1907. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // *ИАК. СПб. Вып. 25*. С. 61–171.
- Косцюшко-Валюжинич К.К., 1909. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1906 г. // *ИАК. СПб. Вып. 33*. С. 50–65.
- Косяненко В.М., 1987. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // *СА*. № 2. С. 45–62.
- Косяненко В.М., 1991. Детали шкатулок из некрополя Кобяковского городища // *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 году*. Азов. Вып. 10. С. 82–85.
- Косяненко В.М., 1992. К вопросу о роли бронзовых колокольчиков в погребальном обряде (по материалам некрополя Кобякова городища) // *XVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов)*. Майкоп. С. 62–64.
- Косяненко В.М., 1994. К вопросу о хронологии и ритуально-магической роли бронзовых зеркал из некрополя Кобякова городища // *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 г*. Азов. Вып. 13. С. 70–83.
- Косяненко В.М., 1997. Роль бронзовых колокольчиков в погребальном обряде (по материалам позднеантичных памятников) // *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г*. Азов. Вып. 14. С. 153–164.
- Косяненко В.М., 2008. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.). Донские древности. Азов. Вып. 9.
- Крапивина В.В., 1993. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев.
- Кропоткин В.В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.). САИ. М. Вып. Д1–27.
- Кропотов В.В., 2001. Фибулы из могильников Дружное

- и Нейзац // *Археологические вести*. СПб. № 8. С. 175–187.
- Кругликова И.Т., 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.
- Ксенофонта И.А., 1984. Керамика первых веков н.э. из раскопок поселения на острове Березань (по материалам Эрмитажа) // *Культура и искусство античного мира*. Труды ГЭ. Л. Вып. XXIV. С. 138–146.
- Кубланов М.М., Хршановский В.А., 1989. Некрополь Илурата: раскопки 1984–1988 годов // *Проблемы религиоведения и атеизма в музеях*. Л. С. 6–42.
- Кузнецова Т.М., 1988. Зеркала в погребальном обряде сарматов // *СА*. № 4. С. 52–61.
- Кунина Н.З., 1997. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб.
- Кунина Н.З., Сорокина Н.П., 1972. Стекланные бальзамарии Боспора // *Труды ГЭ. Л. Вып. XIII*. С. 146–177.
- Кухаренко Ю.В., 1959. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // *СА*. № 1. С. 31–51.
- Кънчев М., Кънчева-Русева Т., 1996. Спасательные раскопки на Дългата могила до с. Караново, Новоагорско // *Проучвания на надгробни могили в Новоагорско*. Нова Загора. С. 17–70.
- Кюнелт Э., 2007. Краснолаковая керамика эгейского происхождения из некрополя у с. Заветное // *Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской*. Симферополь. С. 139–148.
- Лазаренко Е.И., 1993. Лапидарная коллекция Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника. Каталог // *История и археология Юго-Западного Крыма*. Симферополь. С. 246–295.
- Лемлейн Г.Г., 1947. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе // *КСИИМК. М.; Л. Вып. XVIII*. С. 22–30.
- Лилчик В., 1992. Прилог кон античкиот клуч // *Macedoniae Acta Archaeologica*. Скопје. No. 13. С. 201–212.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2004. Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Краснодар. Вып. 4. С. 221–241.
- Литвинский Б.А., 1973. Украшения из могильников Западной Ферганы. Могильники Западной Ферганы. III. М.
- Литвинский Б.А., 1978. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. Могильники Западной Ферганы. IV. М.
- Литвинский Б.А., 1991. Семиреченские жертвенники (индоиранские истоки сакского культа огня) // *Проблемы интерпретации памятников культуры Востока*. М. 66–87.
- Лихтер Ю.А., Шапова Ю.Л., 1991. Гнездовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселения // *Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города)*. М. С. 244–258.
- Лобода И.И., 1977. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // *СА*. № 4. С. 236–252.
- Лордкипанидзе М.Н., 1969. Корпус памятников глиптики древней Грузии. I. Тбилиси.
- Львова З.А., 1979. Технологическая классификация изделий из стекла // *АСГЭ. Л. Вып. 20*. С. 90–103.
- Львова З.А., 1980. Признаки способа изготовления изделий из стекла // *АСГЭ. Л. Вып. 21*. С. 75–84.
- Любенова В., 1985. Античен производствен и търговски център край Радомир (предварително съобщение) // *Археология*. София. 3. С. 26–37.
- Максимов Е.К., 1957. Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской области // *СА*. № 4. С. 157–161.
- Максимова М.И., 1962. Амулет из Горгиппии и так называемые «шарики-подвески» // *СА*. № 2. С. 226–230.
- Максимова М.И., 1979. Артюховский курган. Л.
- Малашев В.Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // *Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона*. Ростов-на-Дону. Вып. I. С. 194–232.
- Малашев В.Ю., Обломский А.М., 2002. Поясная центрально-европейская гарнитура римского времени на территории Днепровского Левобережья // *РА*. № 4. С. 113–124.
- Мальшев А.А. (Ред.), 2008. Аспургинане на юго-востоке Азиатского Боспора (по материалам Цемдолинского некрополя). Некрополи Черноморья. II. М.
- Мальшев А.А., Трейстер М.Ю., 1994. Погребение Зубовско-Воздвиженского типа в окрестностях Новороссийска // *БС. М. Вып. 5*. С. 59–86.
- Малюкевич А.Е., 1991. О торговых контактах поселений Нижнего Поднестровья в первые века н.э. // *Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур*. Киев. С. 71–82.
- Малюкевич А.Е., 1992. Феномен позднескифской культуры // *Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза. Тезисы докладов семинара*. Одесса. С. 52–54.
- Малюкевич А.Е., 1993. Этнические признаки погребального обряда могильника Молога II // *Древности Причерноморских степей*. Киев. С. 94–106.
- Малюкевич А.Е., Желтонозов С.А., 1995. Итоги работ Моложской археологической экспедиции в 1992 г. // *Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тезисы докладов научной конференции*. Белгород-Днестровский. С. 34–36.
- Марковин В.И., 1999. Бронзовые «терафимы» Кавказа и их почитание // *Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи*. М. С. 206–218.
- Марченко И.Д., 1947. О художественной обработке металла на Боспоре // *Памятники искусства. ГМИИ. М. № 2*. С. 37–39.
- Марченко И.Д., 1957. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея // *Пантикапей. МИА. М. 56*. С. 160–173.

- Марченко И.Д., 1977. О культе Афродиты на Тамани // История и культура античного мира. М. С. 121–126.
- Марченко И.И., 1996. Сираки Кубани. Краснодар.
- Масленников А.А., 1990. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.
- Маслов В.Е., 1995. Образ «бегущего» оленя на керамике скифского времени с Северного Кавказа // Историко-археологический альманах. Армавир; М. Вып. 1. С. 77–84.
- Масякин В.В., 2007. Римские фибулы и детали ременной гарнитуры из некрополя Заветное // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской. Симферополь. С. 125–138.
- Медведев А.П., 1984. Погребение позднесарматского времени на Верхнем Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. С. 183–188.
- Медведев А.П., 1990. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж.
- Мельник Е.Н., 1902. Раскопки курганов в Харьковской губ. в 1900–1901 гг. // Труды XII Археологического съезда. I. М. С. 673–743.
- Мельниковская О.Н., 1956. Клад браслетов в д. Горошков (Южная Белоруссия) // ВДИ. № 1. С. 173–176.
- Мельниковская О.Н., 1967. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. Минск.
- Мелюкова А.И., 1962. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты (Молдавская ССР) // СА. № 1. С. 195–208.
- Мелюкова А.И., 1978. Скифия и фракийский мир. М.
- Михайлов Б.Д., 1994. Сарматские знаки на холме Каменная Могила в Северном Приазовье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Тирасполь. С. 243–247.
- Михлин Б.Ю., 1975. Сарматское погребение в южном Донбассе // СА. № 4. С. 185–192.
- Михлин Б.Ю., 1980. Фибулы Беляусского могильника // СА. № 3. С. 194–213.
- Молева Н.В., 1963. Группа антропоморфных надгробий из некрополя Мирмекия // АМА. Саратов. Вып. 3. С. 97–105.
- Мордвинцева В.И., 2010. Прикубанские броши (по материалам Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника) // БИ. Симферополь; Керчь. Вып. XXIII. С. 302–320.
- Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю., 2007. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. 2 в. до н.э. – 2 в. н.э. Симферополь; Бонн.
- Морозовская Т.В., 1985. Бронзовые пирамидальные колокольчики римского времени в археологических памятниках Северного Причерноморья // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев. С. 70–78.
- Морозовская Т.В., 1987. Бронзовые зеркала из коллекции ОАМ АН УССР // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев. С. 118–129.
- Морозовская Т.В., 1993. Орнаментированные бронзовые зеркала из погребальных комплексов первых веков н.э. Северо-Западного Причерноморья // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса. С. 111–116.
- Мосберг Г.И., 1946. К изучению могильников римского времени Юго-Западного Крыма // СА. VIII. С. 113–119.
- Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ. М. Вып. Д1–10.
- Мошкова М.Г., 1978. Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на Нижнем Дону // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М. С. 71–77.
- Мошкова М.Г., 1983. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов. С. 18–34.
- Мошкова М.Г., 1989а. Среднесарматская культура // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. С. 177–191.
- Мошкова М.Г., 1989б. Позднесарматская культура // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. С. 191–202.
- Мошкова М.Г., 1997. Фібули кочовиків Південного Приуралля // Археологія. Київ. № 3. С. 72–81.
- Мошкова М.Г., 2012. О назначении пряслиц в погребениях мужчин // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И.И.Гущиной. Труды ГИМ. М. Вып. 191. С. 189–200.
- Мошкова М.Г., Рындина Н.В., 1975. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья // Очерки технологии древних производств. М. С. 117–134.
- Мульд С.А., 2001. Позднесарматское погребение в Центральном Крыму // МАИЭТ. Симферополь. Вып. VIII. С. 51–66.
- Мульд С.А., Масякин В.В., 2003. Позднескифский склеп № 20 могильника у с. Левадки // МАИЭТ. Симферополь. Вып. XI. С. 5–31.
- Мънзова Л., 1963. Ключалки на касетки от римската епоха в Археологическия музей – София // Археология. София. 1. С. 17–25.
- Мыц и др., 2006 – Мыц В.Л., Лысенко А.В., Шукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.
- Найденова В., 1985. Римската вила в с. Кралев дол, Пернишки окръг // Разкопки и проучвания. София. XIV.
- Наливкина М.А., 1965. Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960–1961 гг.) // Древности Нижнего Дона. МИА. М. 127. С. 130–168.
- Неверов О.Я., 1978. Изображения на геммах-печатах // Кобылина М.М. Изображение восточных божеств в Северном Причерноморье. М. С. 163–167.
- Незабитовская Б., 2004. Прямоугольные зеркала и зеркала с перфорацией из сарматских погребений –

- римский импорт или боспорское подражание // БИ. Симферополь; Керчь. Вып. V. С. 196–262.
- Нейгебауэр Л.А., 1884. О древних хирургических и генетических инструментах, найденных в развалинах городов Помпей и Геркуланум // Варшавские университетские известия. № 4–5. С. 64–125.
- Нессель В.А., 2000. Столовая посуда // *Sarnowski T., Savelja O. Ja. Balaklava. Römische Militärstation und Heiligtum des Iupiter Dolichenus.* Warschau. С. 140–154.
- Нефедова Е.С., 1992а. К вопросу о браслетах «латенского стиля» // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. Л. С. 21–34.
- Нефедова Е.С., 1992б. Мелкая пластика латенского стиля в Закарпатье // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ. М. С. 69–77.
- Николаева Э.Я., 1974. Терракоты города Кеп // Терракотовые статуэтки. Подонье и Таманский полуостров. САИ. М. Вып. Г1–11. Ч. IV. С. 13–16.
- Николов Д., 1961. Златни фиали от с. Даскал Атанасово, Старозагорско // Изследвания в памет на Карел Шкорпил. София. С. 367–386.
- Новиченкова Н.Г., 1993. Святилище біля перевалу Гурзуфське Сідло // Археологія. Київ. № 1. С. 54–66.
- ОАК, 1886 – Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1886 г. СПб.
- ОАК, 1895 – Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1895 г. СПб.
- Одесский археологический музей, 1983 – Одесский археологический музей АН УССР. Альбом. Киев.
- Окладников А.П., 1981. Петроглифы Монголии. Л.
- Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.
- Онайко Н.А., 1970. Раскопки поселения на Малой земле // КСИА. М. Вып. 124. С. 73–80.
- Онайко Н.А., 1983. Погребение воина у поселка Мысхако // КСИА. М. Вып. 174. С. 82–86.
- Орлов К.К., 1987. Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма. VII в. до н.э. – VII в. н.э. Киев.
- Орлов К.К., Скорый С.А., 1989. Комплекс с бронзовым посудом римского часу с поховання в Центральном Криму // Археологія. Київ. № 2. С. 63–73.
- Островерхов А.С., 2005–2009. Стекланные парфюмерные палочки из античных городов Северного Причерноморья (опыт комплексного исследования) // *Stratum plus.* № 4. С. 410–427.
- Петерс Б.Г., 1976. Краснолаковая керамика из раскопок Михайловского поселения // КСИА. М. Вып. 145. С. 88–91.
- Петерс Б.Г., 1986. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Петренко В.Г., 1978. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. САИ. М. Вып. Д4–5.
- Печенкин Н.М., 1905. Раскопки могильника I–V вв. н.э. в окрестностях Севастополя // ИТУАК. 38. С. 29–37.
- Пиоро И.С., 1990. Крымская Готия. Киев.
- Пиотровский Б.Б., 1931. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае // СГАИМК. Л. № 6. С. 28–30.
- Погребова Н.Н., 1958. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гариловское) // Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. МИА. М. 61. С. 103–247.
- Погребова Н.Н., 1961. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Северном Причерноморье. МИА. М. 96. С. 103–213.
- Прохорова Т.А., Гузев В.К., 1992. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. № 1. С. 142–161.
- Пуздровский А.Е., 1992. Новый участок восточного некрополя Неаполя Скифского // РА. № 2. С. 181–199.
- Пуздровский А.Е., 1994. О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н.э. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь. С. 114–126.
- Пуздровский А.Е., 1996. Набор бронзовых амулетов из Усть-Альминского могильника // Крымский музей. 1995–1996. Симферополь. С. 36–38.
- Пуздровский А.Е., 1997. Граффити на краснолаковой посуде из раскопок Усть-Альминского некрополя в 1993–1995 гг. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь. Вып. 1. С. 167–180.
- Пуздровский А.Е., 1999. Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. № 4. С. 97–119.
- Пуздровский А.Е., 2001. Погребения Битакского могильника первых веков н.э. с оружием и конской уздой // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. М. Вып. 118. С. 122–140.
- Пуздровский А.Е., 2002. К вопросу о культе женского божества у поздних скифов Крыма // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб. С. 105–115.
- Пуздровский А.Е., 2007а. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь.
- Пуздровский А.Е., 2007б. Ритуальные предметы из погребения «жриц» Усть-Альминского некрополя // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб. С. 278–285.
- Пуздровский А.Е., Лобода И.И., 1993. Отчет об охранных раскопках Усть-Альминского могильника в 1993 г. Симферополь; Бахчисарай. Архив Крымского филиала Института археологии НАН Украины.
- Пуздровский А.Е., Соломоненко А.Е., 2007. Грунтовый склеп I–II вв. н.э. с предметами из дерева из Усть-Альминского некрополя // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской. Симферополь. С. 207–229.

- Пуздровский и др., 1991 – Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Новиков И.И. Сарматское погребение из окрестностей Неаполя Скифского // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Херсон. С. 116–122.
- Путуридзе Р.В., 1965. Краснолаковая керамика из Сухумской древней крепости // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Т. IV. Тбилиси. (на груз. яз., резюме на рус. яз.). С. 95–106.
- Пьянков А.В., 1996. Амулеты «египетского фаянса» из могильника Мостового у станицы Отрадной // Историко-археологический альманах. Армавир; М. Вып. 2. С. 93–99.
- Пятышева Н.В., 1947. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе // ВДИ. № 3. С. 213–218.
- Пятышева Н.В., 1956. Ювелирные изделия Херсонеса. Памятники культуры. ГИМ. М. Вып. 18.
- Рабкин Е.В., 1956. Атлас цветов. М.
- Раев Б.А., 1978а. Металлические сосуды кургана «Хохлач» // Проблемы археологии. Л. Вып. 2. С. 89–94.
- Раев Б.А., 1978б. Ковани кани от римските провинции и техните италийски прототипове // Археология. София. 3. С. 1–8.
- Раев Б.А., 1979. Каталог археологических коллекций. Музей истории донского казачества. Новочеркасск.
- Раевский Д.С., 1970. Комплекс краснолаковой керамики из Неаполя // Ежегодник ГИМ за 1965–1966. М. С. 91–105.
- Раевский Д.С., 1971а. Позднескифская семья по археологическим данным // СЭ. № 2. С. 60–62.
- Раевский Д.С., 1971б. Скифы и сарматы в Неаполе // Проблемы скифской археологии. МИА. М. 177. С. 143–151.
- Раевский Д.С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.
- Рафикова Я.В., 2008. Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблемы парных погребений эпохи бронзы // РА. № 4. С. 72–83.
- Репников Н.И., 1927. Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г. // ХСб. Севастополь. II. С. 187–256.
- Рибаров Г., 1990. Проучване на останките от мекотели от археологически обекти в Югоизточна България // Интердисциплинарни изследвания. София. XVII. С. 66–82.
- Рижов и др., 1987 – Рижов С.Г., Бородинська Т.Г., Новокрещенова О.А. Охоронні розкопки Херсонеського некрополя в 1981 р. // Археологія. Київ. № 59. С. 92–96.
- Рикман Э.А., 1975. Этническая история населения Приднестровья и прилегающего Подунавья в первые века н.э. М.
- Романовская М.А., 1974. Две терракоты из Ново-Отрадного // СА. № 1. С. 160–170.
- Русяева А.С., 1979. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев.
- Рыжова Л.А., 2005. Бронзовые ажурные подвески из раскопок в Юго-Западном Крыму // ХСб. Севастополь. XIV. С. 283–290.
- Рыков П.С., 1925. Суловский курганный могильник. Саратов.
- Рябцева С.С., 1999. Змеи и драконы. О продолжении одной античной традиции в ювелирном деле эпохи средневековья // Stratum plus. № 3. С. 228–240.
- Савельев О.К., 2005–2009. Богатое позднесарматское погребение из кургана 2 у с. Дивизия (вопросы датировки) // Stratum plus. № 4. С. 365–373.
- Саверкина И.И., 1986. Греческая скульптура V в. до н.э. в собрании Эрмитажа. Оригиналы и римские копии. Л.
- Савостина Е.А., 1996. «Змееногая богиня» – «произрастающая дева» (двусторонний антропоморфный акротерий из Пантикапея) // Историко-археологический альманах. Армавир; М. Вып. 2. С. 72–83.
- Садыхова М.Х., 1962. Сарматские памятники Башкирии // Памятники скифо-сарматской культуры. МИА. М. 115. С. 242–273.
- Сазонов А.А., 1992. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. С. 244–274.
- Секерская Н.М., 1984. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из Никония // Северное Причерноморье. Киев. С. 129–135.
- Семенов В.Б., 1984. Селенит. Свердловск.
- Сенигова Т.Н., 1956. Отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции в 1953 г. // Труды ИИАЭ КазССР. Алма-Ата. Т. I. С. 140–156.
- Сергацков И.В., 2009. Погребальный обряд среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб. С. 41–64.
- Сидорова и др., 1985 – Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика из собрания ГМИИ им. А.С.Пушкина. М.
- Силантьева Л.Ф., 1958. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // Боспорские города. II. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. МИА. М. 85. С. 283–311.
- Силантьева П.Ф., 1974. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Ч. III. Пантикапей. САИ. М. Вып. Г 1–11. С. 5–37.
- Симоненко А.В., 1979. О сарматских погребениях // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев. С. 51–55.
- Симоненко А.В., 1984. Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. Киев. С. 129–147.
- Симоненко А.В., 2009. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.
- Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев.
- Скалон К.М., 1941. Изображение животных на керамике сарматского периода // ТОИПК. Л. Т. 1. С. 173–218.
- Скобелев Д.А., 2004а. Иконография как источник по изучению размеров сарматских копий // Para Bellum.

- № 3. С. 87–106.
- Скобелев Д.А., 2004б. Иконография как источник по изучению размеров сарматских копий // *Para Bellum*. № 4. С. 77–102.
- Скржинская М.В., 2002. Посвящение боспорян в Элевсинские таинства // Северное Причерноморье в античное время. Сборник научных трудов к 70-летию С.Д. Крыжицкого. Киев. С. 173–185.
- Скрипкин А.С., 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. № 2. С. 100–120.
- Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.
- Скрипкин А.С., 1991. Антропоморфные статуэтки в погребальном обряде сарматов // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов. Вып. 2. С. 126–134.
- Скрипкин А.С., 2005. Сарматские мечи с кольцевым навершием // II Городцовские чтения. М. С. 171–185.
- Смагулов Е.А., Яценко С.А., 2010. Знаки-нишан (тамги) и сюжетные граффити V–VIII вв. на керамике городища Сидак на Сердней Сырдарье // Отзвуки Великого Хорезма. К 100-летию со дня рождения С.П. Толстова. М. 190–221.
- Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.
- Смирнов К.Ф., 1972. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. № 1. С. 73–81.
- Смирнов К.Ф., 1973. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. С. 166–179.
- Смирнов К.Ф., 1975а. Сарматы-огнепоклонники // Археология северной и центральной Азии. Новосибирск. С. 155–159.
- Смирнов К.Ф., 1975б. Сарматы на Илеке. М.
- Смирнов К.Ф., 1980. О мечях синдо-меотского типа // КСИА. Вып. 162. М. 38–45.
- Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ. М. Вып. Д1–9.
- Соколова Е.К., 1984. Краснолаковые лагиносы римского времени из некрополя Пантикапея (собрание Эрмитажа) // Культура и искусство античного мира. Труды ГЭ. Л. Вып. XXIV. С. 125–137.
- Соколовский Н.И., 1954. Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. МИА. М. 33. С. 123–196.
- Соколовский Н.И., 1964. Святилище Афродиты в Кепях // СА. № 4. С. 101–118.
- Соколовский Н.И., 1971. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. МИА. М. 178.
- Соколовский Н.И., 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.
- Соколовский Н.И., 1978. Фрагмент стелы с изображением Афродиты // Проблемы советской археологии. М. С. 128–132.
- Соломоник Э.И., 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.
- Соломоник Э.И., 1964. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев.
- Соломоник Э.И., 1973. Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени (по эпиграфическим памятникам) // ВДИ. № 1. С. 55–77.
- Сон Н.А., Сорочан С.Б., 1988. Античные светильники из Тиры // Античные древности Северного Причерноморья. Киев. С. 115–133.
- Сорокина Н.П., 1960. Навершие боспорского надгробия с фигуркой сирены из собрания Государственного Исторического музея // Археологический сборник. Труды ГИМ. М. Вып. 37. С. 85–98.
- Сорокина Н.П., 1962. Раскопки некрополя Кеп в 1959–1960 гг. // КСИА. М. Вып. 91. С. 98–108.
- Сорокина Н.П., 1965. Стекланные сосуды из Танаиса // Древности Нижнего Дона. МИА. М. 127. С. 202–248.
- Сорокина Н.П., 1977. Стекланные сосуды из некрополя Кеп // АМА. Саратов. Вып. 3. С. 115–143.
- Сорокина Н.П., 1982. Стекланная посуда как источник по истории экономических связей Причерноморья и локального стеклоделия первых веков н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. 2. Труды ГИМ. М. Вып. 54. С. 40–42.
- Сорокина Н.П., 1997а. Анатолийские стекланные сосуды I–II вв. из Северного Причерноморья // Античный мир. Византия. Харьков. С. 214–224.
- Сорокина Н.П., 1997б. Религия и короoplastика в античности (фигурные сосуды из собрания ГИМ). Труды ГИМ. М. Вып. 91.
- Сорокина Н.П., Гущина И.И., 1980. Стекланные изделия из могильников первых веков н.э. Юго-Западного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным. Труды ГИМ. М. Вып. 51. М. С. 89–100.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И., 2002. Способы обращения с телами погребаемых в некрополе Кеп // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб. С. 279–284.
- Сорокина Н.П., Трейстер М.И., 1983. Две группы бронзовых зеркал из собрания Государственного Исторического музея // СА. № 4. С. 142–153.
- Сорочан С.Б., 1981. Экономические связи Херсонеса со скифо-сарматским населением Крыма в I в. до н.э. – V в. н.э. // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе. С. 26–37.
- Сорочан С.Б., 1994. Мифы и реалии херсонесского хлебного экспорта // Древности. Харьков. С. 66–72.
- Спицын А.А., 1906. Серогозские курганы // ИАК. СПб. Вып. 19. С. 157–174.
- Степанов П.Д., 1980. Андреевский курган. Саранск.
- Столярова Е.К., 1996. Стекланные изделия Москвы XII–XIV вв. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М.

- Столярова Е.К., 2001. Бусы могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. М. Вып. 118. С. 194–222.
- Стоянова А.А., 2004а. Металлические подвески в форме топориков из Крыма // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V Боспорские чтения. Керчь. С. 349–352.
- Стоянова А.А., 2004б. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // БИ. Симферополь; Керчь. Вып. V. С. 263–319.
- Стоянова А.А., 2004в. Подбойная могила № 193 из могильника Нейзац в Центральном Крыму // МАИЭТ. Симферополь. Вып. XI. С. 153–168.
- Стржелецкий и др., 2005–2009 – Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10» // *Stratum plus*. № 4. С. 27–277.
- Симонович Э.А., 1963. Фибулы Неаполя Скифского // СА. № 4. С. 139–151.
- Симонович Э.А., 1983. Население столицы позднескифского царства. Киев.
- Тайны терракоты, 1987 – Тайны терракоты. Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского края. Краснодар.
- Толстиков и др., 2005 – Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Цистерна римского времени на Западном плато Первого кресла горы Митридат // ДБ. М. 8. С. 340–376.
- Тончева Г., 1956. Тракийское влияние в Одессе // Известия на археологическое дружество гр. Варна. Кн. X. С. 51–64.
- Трейстер М.Ю., 1991. Итальянские и провинциально-римские зеркала в Восточной Европе // СА. № 1. С. 90–103.
- Трейстер М.Ю., 1992а. Кельты у Північному Причорномор'ї // Археологія. Київ. № 2. С. 37–50.
- Трейстер М.Ю., 1992б. Бронзолитейное ремесло Боспора // Сообщения ГМИИ им. А.С.Пушкина. М. Вып. 10. С. 66–110.
- Трейстер М.Ю., 1993. Еще раз об ожерельях с подвесками в виде бабочек I в. н.э. из Северного Причерноморья // ПАВ. СПб. № 4. С. 87–95.
- Трейстер М.Ю., 1998. К находке бронзовых и серебряных статуэток в святилище у перевала Гурзуфское седло // ВДИ. № 2. С. 68–80.
- Трейстер М.Ю., 2000. Местные подражания деталям римского военного костюма на Боспоре // РА. № 3. С. 118–123.
- Трейстер М.Ю., 2005. Херсонесский вариант греко-скифского стиля в торевтике Северного Причерноморья // ХСб. Севастополь. XIV. С. 307–314.
- Третеский Н.И., 1911. О древних херсонесских замках и ключах // ИАК. СПб. Вып. 42. С. 127–133.
- Труфанов А.А., 1997. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь. Вып. 1. С. 181–193.
- Труфанов А.А., 1998. Вырубной склеп из позднескифского могильника у с. Брянское в Юго-Западном Крыму // ХСб. Севастополь. IX. С. 141–145.
- Труфанов А.А., 1999. Могила 656 Усть-Альминского позднескифского некрополя // ХСб. Севастополь. X. С. 226–231.
- Труфанов А.А., 2001. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. М. Вып. 118. С. 71–77.
- Труфанов А.А., 2004а. Некоторые датирующие признаки в конструкции лучковых фибул Северного Причерноморья // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2. СПб. С. 152–158.
- Труфанов А.А., 2004б. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. № 3. С. 160–170.
- Труфанов А.А., 2005–2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // *Stratum plus*. № 4. С. 117–328.
- Труфанов А.А., 2007а. Зеркала-подвески первых веков н.э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской. Симферополь. С. 173–186.
- Труфанов А.А., 2007б. Могила № 914 из Усть-Альминского могильника в Юго-Западном Крыму // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской. Симферополь. С. 229–232.
- Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю., 1999. Боспорско-херсонесские отношения и этно-политическая ситуация в Крымской Скифии III–IV вв. н.э. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб. С. 241–251.
- Тульпе И.А., 1999. Амфора на некрополе: хтонический аспект // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб. С. 338–343.
- Уженцев В.Б., 2006. Эллины и варвары Прекрасной Гавани. Симферополь.
- Филиппенко А.А., 1995. Организация римских укреплений в окрестностях Херсонеса // Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК). СПб. С. 63–64.
- Финогенова С.И., 1967. Античные медицинские инструменты // СА. № 1. С. 147–161.
- Фирсов К.Б., 1996. Комплексные исследования сарматских памятников в Калмыкии в 1993–1995 гг. // Тезисы докладов Отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М. С. 53–58.

- Фирсов К.Б., 2002. Мир варваров // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки в Государственном Историческом музее. М. С. 92–115.
- Фирсов К.Б., 2009. Ювелирные изделия из некрополя первых веков н.э. у с. Заветное в Юго-Западном Крыму // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб. С. 437–449.
- Хазанов А.М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4. С. 58–71.
- Хазанов А.М., 1964. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. № 3. С. 89–96.
- Хазанов А.М., 1967. Сарматские мечи с кольцевым навершием // СА. № 2. С. 169–180.
- Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
- Харко Л.П., 1946. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском // КСИИМК. Вып. XIII. С. 137–141.
- Хачатурова Е.А., 2002. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки в Государственном Историческом музее. М. С. 132–137.
- Ходза Е.Н., 2008. Об интерпретации и иконографии греческих герм // Античный мир. Искусство и археология. Труды ГЭ. СПб. Вып. XLI. С. 249–262.
- Хомчик М.А., 1991. Хірургічні інструменти з Ольвії // Археологія. Київ. № 3. С. 63–68.
- Храпунов И.Н., 1995. Погребение середины III в. из могильника Дружное // МАИЭТ. Симферополь. Вып. IV. С. 529–544.
- Храпунов И.Н., 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.). Monumenta Studia Gothica II. Lublin.
- Храпунов И.Н., 2004. Этническая история Крыма в раннем железном веке. БИ. Симферополь; Керчь. Вып. VI.
- Храпунов И.Н., 2006. Погребения детей в могильнике Нейзац // МАИЭТ. Симферополь. Вып. XII. 1. С. 161–250.
- Храпунов И.Н., 2007. Погребение воина 2 в. н.э. из могильника Опушки // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской. Симферополь. С. 115–124.
- Храпунов И.Н., 2010. Изделия, сплетенные из железных колец // БИ. Симферополь; Керчь. Вып. XXIII. С. 459–462.
- Храпунов и др., 2001 – Храпунов И.Н., Стоянова А.А., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Левадки // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь. Вып. 2. С. 105–168.
- Христановский В.А., 1998. Погребения I–II вв. н.э. с краснолаковой керамикой из некрополя Илурата // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. Труды ГИМ. М. Вып. 102. С. 77–87.
- Цветаева Г.А., 1979. Боспор и Рим. М.
- Шаров О.В., 2007. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: хронология комплексов с римскими импортами. СПб.
- Шедевры, 1987 – Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М.
- Шелов Д.Б., 1961. Некрополь Танаиса. МИА. М. 98.
- Шелов Д.Б., 1965. Раскопки северо-восточного участка Танаиса // Древности Нижнего Дона. МИА. М. 27. С. 56–129.
- Шелов Д.Б., 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.
- Шелов Д.Б., 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. М. Вып. 156. С. 16–21.
- Шелов Д.Б., 1983. Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе // СА. № 4. С. 57–69.
- Шеркова Т.А., 1991. Судьбы египетских вещей в кушанской культуре // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М. С. 122–150.
- Шилов В.П., 1959. Калиновский курганный могильник // Памятники Нижнего Поволжья. МИА. М. 60. С. 323–523.
- Шилов В.П., 1968. Позднесарматское погребение у с. Старица // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л. С. 310–323.
- Шилов В.П., 1972. Южно-италийские зеркала в Волго-Донских степях // СА. № 1. С. 261–264.
- Шилов В.П., 1973. Металлические сосуды из кургана у с. Большая Дмитриевка // СА. № 4. С. 252–255.
- Шилов В.П., 1974. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // КСИА. М. Вып. 138. С. 60–65.
- Школьникова Н.А., 1978. Стекланные украшения конца I тысячелетия нашей эры на территории Поднепровья // СА. № 1. С. 97–104.
- Шкорпил В.В., 1905. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. // ИАК. СПб. Вып. 17. С. 1–76.
- Шкорпил В.В., 1909. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 году // ИАК. СПб. Вып. 30. С. 1–50.
- Шкорпил К., Шкорпил Х., 1912. Балчик // Известия на Варненского Археологическо Дружество. Варна. Кн. V.
- Шкроб О.Б., 1991. Методика изучения и классификации краснолаковой керамики // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Херсон. С. 131–142.
- Шрамко Б.А., 1985. Культовые скульптуры Гелона // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск. С. 10–13.
- Шапова Ю.Л., 1975. Из истории древнейшей технологии стекла // Очерки технологии древнейших производств. М. С. 134–155.
- Шапова Ю.Л., 1983. Очерки истории древнего стеклоделия. М.
- Шапова Ю.Л., 1988. Естественнонаучные методы в археологии. М.
- Шапова Ю.Л., 1989. Древнее стекло. Морфология, технология и химический состав. М.
- Щербакова В.С., 1981. Изображения Ники на античных

- печатах из Херсонеса // КСИА. М. Вып. 168. С. 63–67.
- Щукин М.Б., 1989. Фибулы типа «Алезия» из Среднего Поднепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже нашей эры // СА. № 3. С. 61–70.
- Щукин М.Б., 1991. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (К методике историко-археологических сопоставлений) // АСГЭ. Л. Вып. 31. С. 90–106.
- Юрочкин В.Ю., 1997. О хронологии Суворовского позднеантичного могильника // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса. С. 304–310.
- Яценко С.А., 1983. «Сарматизация» и «эллинизация» костюма этносов Северного Причерноморья // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп. С. 55–56.
- Яценко С.А., 1987. К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии // СА. № 3. С. 166–176.
- Яценко С.А., 1992. Антропоморфные изображения Сарматии // Аланы и Кавказ. Alanica–II. Владикавказ; Цхинвал. С. 189–214.
- Яценко С.А., 1993. Основные волны появления новых элементов костюма в Сарматии и политические события I в. до н.э. – III в. н.э. Происхождение стиля «клаузоне» // ПАВ. СПб. № 4. С. 97–105.
- Яценко С.А., 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.
- Яценко С.А., 2006. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.
- Яценко С.А., 2009. Знаки собственности сарматского облика (gakk/nishan) в сельских районах Боспорского царства в I–III вв. н.э. // ДБ. М. 13. С. 539–552.
- AGDS I, 3 – Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. I. Staatliche Münzsammlung München. 3. Brandt E., Krug A. et al. Gemmen und Glaspasten der römischen Kaiserzeit sowie Nachträger. München. 1972.
- AGDS II – Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. II. Zwielerlein-Diehl E. Staatliche Museen Preussischer Kulturbesitz. Antikenabteilung Berlin. München. 1969.
- Alarcão J. de., 1975. Bouteilles carrées a fond décoré du Portugal romaine // JGS. 17. P. 47–53.
- Alicu et al., 1994 – Alicu D., Cocis S., Ilies C., Soroceanu A. Small Finds from Ulpia Traiana Sarmizegetusa. Biblioteca Musei Napocensis. IX. Cluj-Napoca.
- Alicu et al., 1995 – Alicu D., Popa V., Bota E. Cercetari arheologice la Ulpia Traiana Sarmizegetusa. Campania 1994 // Acta Musei Napocensis. Preistorie – Istorie veche – arheologie. Cluj-Napoca. 32. I. P. 665–719.
- Almgren O., 1923. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzial-römischen und südrussischen Formen. Leipzig.
- Anderson-Stojanović V.R., 1992. Stobi. The Hellenistic and Roman Pottery. Princeton.
- Andrae R., 1975. Mosaikaugenperlen. Untersuchungen zur Verbreitung und Datierung karolingischer Millefiorglasperlen in Europa // Acta Prachistorica et Archaeologica. Berlin. No. 4. S. 101–198.
- Apakidze A., Nikolaishvili V., 1994. An aristocratic tomb of the Roman period from Mtshheta, Georgia // The Antiquaries Journal. Vol. 74. P. 16–54.
- Apasaschivei D., Matei I., 2005. Instrumente medicale de epocă Romană din Dobrogea // Arheologia Moldovei. XXXVIII. P. 149–158.
- Arsen'eva T.M., Böttger B., 1999. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1998 // Eurasia antiqua. Bd. 5. S. 411–443.
- Art, 1985 – Art of the Ancient World. Greek, Etruscan, Roman, Egyptian and Near Eastern Antiquities. Rogal-Athena Galleries. No 71. Vol. VIII. Pt. II (January).
- Arvanitopullos A.S., 1912. Ein thessalischer Gold- und Silber- Fund // AM. 39.
- Babes M., 1970. Zu den Bestattungsarten im nördlichen Flachgräberfeld von Romula. Ein Beitrag zur Grabtypologie des römischen Daziens // Dacia. București. T. XIV. S. 167–206.
- Babeș M., 1971. Necropola dako-romană da la Enisala // SCIVA. T. 22. P. 19–45.
- Babeș M., 1999. Ein Tamga-Zeichen aus der Dakischen Siedlung von Ocnița (Buridava) // Transilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des Südöstlichen Mitteleuropa. Gedankenschrift für Kurt Horedt. Internationale Archäologie. Rahden/Westf. S.223–239.
- Bailey D.M., 1996. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. IV. Lamps of Metal and Stone, and Lampstand. London.
- Baluta C., 1997. Tipar trivalv pentru oglinzi cu rama din plumb descoperit la Apulum // Acta Musei Napocensis. Preistorie – Istorie veche – Arheologie. Cluj-Napoca. Vol. 34. P. 559–570.
- Barca V., 1994. Consideratii privind armamentul, tipul de trupe si tactica militara la sarmati // Acta Musei Napocensis. Preistorie – Istorie veche – Arheologie. Cluj-Napoca. Vol. 31. P. 55–68.
- Baumann V.H., 1995. Asezari rurale antice on zona Gurilor Dunarii. Contributii arheologice la cunoasterea habitatului rural (sec. I–IV p. Chr.). Biblioteca Istro-Pontica, Seria Arheologie. Tulcea.
- Belivanova A., 1999. Early Roman Glass from Bulgaria (1st – the first half of the 2nd century) // Archaeologia Bulgarica. Sofia. 3.1. P. 35–49.
- Berlin A., 1997. The Fine Ware // Tel Anafa. II, i. The Hellenistic and Roman Pottery. Ann Arbor. P. 1–211.
- Besques S., 1986. Musée du Louvre. Catalogue Raisonné des Figurines et Reliefs en terre-cuite Grecs, Etrusques et Romains. IV–I. Époques Hellénistique et Romaine Italie Méridionale – Sicilie – Sardaigne. Paris.
- Beyll D., 1993. Terra sigillata aus der Marienkirche in Ephesos erste Zwischenbilanz. Berichte und Materialien des Österreichischen Archäologischen Institutes. Bd. 5. Wien.
- Bicher Gh., 1967. La civilisations des Carpes (II-e – III-e siècle de n.). A la lumière des Fouilles archéologiques

- de Poiana-Dulcești, de Butnărești et de Pădureni // Dacia. București. T. XI. P. 177–224.
- Bicher Gh.*, 1972. Sarmatii la Dunărea de Jos în Luminia ultimelor cercetări // Pontica. V. P. 137–175.
- Bicher Gh.*, 1973. Cultura Carpică. București.
- Bicher Gh.*, 1976. The Archaeology and History of the Carpi from the Second to the Fourth Century A. D. BAR. Suppl. Series. Oxford. 8.
- Bicher Gh.*, 1984. Geto-Dacii din Muntenia în epoca romană. București.
- Bicher Gh.*, 1993. Date noi cu privire la Pătrunderea sarmatilor în teritoriul Geto-Dacic // SCIVA. T. 44. No. 2. P. 135–169.
- Bojovic D.*, 1977. Rimska keramika Singidunuma. Beograd.
- Boucher et al.*, 1980 – *Boucher S., Perdu G., Feugère M.* Bronzes antiques du musée de la Civilisation Gallo-Romaine à Lyon. II. Instrumentum – Aegyptiaca. Lyon.
- Boucher S., Tassinari S.*, 1976. Bronzes antiques du musée de la Civilisation Gallo-Romaine à Lyon. I. Lyon.
- Bounegru et al.*, 1989 – *Bounegru O., Hasotti P., Murat A.* Asezarea Daco-Romana de la Hirsova și unele aspecte ale romanizării în Dobrogea // SCIVA. T. 40. No. 3. P. 273–293.
- Bouzek J.*, 1973. Graeco-Macedonian Bronzes (Analysis and Chronology). Praha.
- Bovon A.*, 1966. Lampes d'Argos. Etudes Péloponnésienne 5. Paris; Vrin.
- Bozic D.*, 1993. Slovenija in srednja Evropa v poznolatskem obdobju // Arheološki vestnik. Ljubljana. 44. P. 137–152.
- Breščak D.*, 1982. Antično Bronasto posodje Slovenije. Ljubljana.
- Brescic D.*, 1995. Roman bronze vessels from Slovenia. New finds 1982–1991 // Acta of the 12th International Congress on ancient bronzes. Nederlandse archeologische rapporten. Nijmegen. 18. P. 15–21.
- Broneer O.*, 1930. Terracotta Lamps. Corinth IV. 2. Cambridge.
- Bucovalea M.*, 1977. Atestari arheologice ale practicilor Medico-Farmacentice în Dobrogea // Pontica. X. P. 91–96.
- Bumke H. et al.*, 2000 – *Bumke H., Herda A., Röver E., Schattner G.* Bericht über die Ausgrabungen 1994 an der Heiligen Strasse von Milet nach Didyma // AA. S. 57–97.
- Callmer J.*, 1977. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A.D. Acta Archaeologica Lundensia. Lund; Bonn. Series in 4°. No. 11.
- Căpitanu V.*, 1989. Obiecte de podoabă și piese vestimentare descoperite în dăva de la Răcățău, jud. Bacău // Carpica. XX. P. 97–124.
- Căpitanu V., Ursachi V.*, 1976. Brad und Racatau, zwei getisch-dakische befestigte Siedlungen (Kreis Bacau) // Thraco-Dacica. București. Vol. I. S. 271–277.
- Cat. Frankfurt, 2003 – Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don. Archäologisches Museum Frankfurt. 11.
- October 2003 – 1. Februar 2004. Frankfurt am Main.
- Cat. Leipzig, 2002 – Fromm – fremm – barbarisch. Die Religion der Kelten. Ausstellungskataloge. Mainz am Rhein.
- Cat. Milano, 2005 – I Tesori della Steppa di Astrakhan. Milano.
- Cat. Rimini, 1995 – Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Rimini, Sala dell'Arengo e Palazzo del Podestà, 5 marzo – 25 giugno 1995. Milano.
- Cermanović-Kuzmanović A.*, 1994. Einige Bemerkungen zu den Bronzegegenständen aus Transdierna (Tekija) // Зборник Народног Музеја археологија. Београд. XV–1. S. 77–80.
- Chrzanowski L., Zhuravlev D.*, 1998. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum, Moscow. Roma.
- Cociș S.*, 1985–1986. Fibule romane din muzeul de istorie al Transilvaniei (I) // Acta Musei Napocensis. Cluj-Napoca. XXII–XXIII. P. 527–535.
- Cociș S.*, 1994. Fibule Romane din muzeul de Istorie a Transilvaniei (II) // Acta Musei Napocensis. Preistorie – Istoria veche – Archeologie. Cluj-Napoca. 26–30. I/1. P. 269–289.
- Cociș S.*, 2004. The Brooches from Roman Dacia. Cluj-Napoca.
- Coja M.*, 1975. Importuri Italice la Histria. În legătură cu un non mormint de incinerare din epoca Romană // SCIVA. T. 26. No. 4. P. 551–560.
- Comfort H., Waagé F.O.*, 1936. Selected Pottery from Beht-Shan // Palestine Exploration Fund Quarterly. London. P. 221–224.
- Conspectus formarum, 1990 – *Ettlinger E., Hedding B., Hoffmann B., Kenrick P.M., Pucci G., Roth-Rubi K., Schneider G., Schnurbein S., Wells C., Zabehlicky-Scheffenecker S.* Conspectus formarum terrae sigillatae Italico modo confectae. Materialien zur römisch-germanischen Keramik. 10. Bonn.
- Cordie-Hackenberg R.*, 1992. Fingerringe // Hundert Meisterwerke Keltischer Kunst. Schmuck und Kunsthandwerk zwischen Rhein und Mosel. Katalog. Trier. S. 189–191.
- Corpus, 1998 – Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Deutschland. Bd 3. Bundesland Mecklenburg – Vorpommern. Bonn.
- Cramer M.*, 1908. Griechische Altertümer südrussischen Fundorts, aus dem Besitze des Herrn A. Vogell, Karlsruhe. Kassel.
- Crisan I.M., Milea Z.*, 1970. Descoperiri celtice la Papui – Ilarian (Jud. Mures) // Acta Musei Napocensis. Cluj-Napoca. VII. P. 65–78.
- Czarnecka K.*, 1989. Ein Ring aus Roggendorf in Niederösterreich und seine keiserzeitlichen Parallelen im Barbaricum // Fundberichte aus Österreich. Wien. Bd. 27.
- Daicoviciu et al.*, 1994 – *Daicoviciu H., Alicu D., Cociș S.* Săpăturile arheologice din 1984 de la Ulpia Traiana Sarmizegetuza // Acta Musei Napocensis. Preistorie –

- Istorie veche – Arheologie. Cluj-Napoca. Vol. 26–30 (1998–1993). 1/2. P. 409–433.
- Deneauve J., 1974. Lampes de Carthage. Paris.
- Deschler-Erb E., 1999. Ad arma! Römische Militär des 1. Jahrhunderts n. Chr. in Augusta Raurica. Forschungen in Augst. Bd. 28. Augst.
- Diaconescu A., Opereanu C., 1987. Bronzuri Romane din Castrul de la Gilau // SCIVA. T. 38. No. 1. P. 52–71.
- Diaconu Gh., 1971. Über die Fibel mit umgeschlagenem Fub in Dazien // Dacia. București. T. XV. P. 239–267.
- Dierichs A., 1997. Erotik in der Römischen Kunst. Mainz.
- Dmitriev et al., 1999 – Dmitriev A.V., Malyšev A.A., Vjazkova O.E. Die Siedlung von Myschako. Ein südöstlicher Vorposten des Bosporianischen Reiches // Eurasia antiqua. Bd. 5. S. 445–486.
- Domžalski K., Zin'ko V., 1999. Roman Fine Pottery from rescue excavations conducted outside defensive walls of the town of Nymphaion in 1995 // Archaeologia. Warsaw. L. P. 73–82.
- Drambocianu V., 1974. Un mormint sarmatic descoperit la Luciu (jud. Buzau) // SCIVA. T. 25. No. 2. P. 303–307.
- Dusenbery E., 1967. Ancient Glass from the Cemeteries of Samothrace // JGS. 9. P. 34–49.
- Dusenbery E.B., 1998. Samothrace. The Necropolis. Catalogues of Objects by Categories. Princeton.
- Dyczek P., 1994. Harpocrates on a bronze handle from the valetudinarium at Nove // Acten der 10. Tagung über antike Bronzen. Freiburg 18–22 Juli, 1988. Stuttgart. P. 135–139.
- Eggers H.J., 1951. Der Römische Import in Freien Germanien. Hamburg.
- Eros Grec, 1989 – Eros Grec, Amour des Dieux et des Hommes. Athens.
- Ettlinger E., 1973. Die römischen Fibeln in der Schweiz. Bern.
- Faider-Feytmans G., 1979. Les Bronzes Romains de Belgique. Mainz.
- Feugère M., 1985. Les fibules en Gaule méridionale – de la conquête à la fin du 5-e s. après J.C. Revue Archéologique Narbonnaise. Supplementum 12. Paris.
- Feugère M., 1994. Les fouilles du Parking de la Mairie de Besançon (Doubs) (1989–1990). Petits objets des niveaux laténiens // Die spätkeltische Zeit am südlichen Oberrhein. Kolloquium Basel, 17/18 Oktober 1991. Basel. P. 146–155.
- Filip J., 1956. Keltové ve Střední Evropě. Praha.
- Firsov K.B., 1999. The Roman Period necropolis of Zavetnoe in southwest Crimea. Burial structures and mortuary ritual // Grave Matters. Eight studies of First Millennium AD burials in Crimea, England and southern Scandinavia. Papers from a session held at the European Association of Archaeologists Fourth Annual Meeting in Göteborg 1998. BAR. Intern. Series. Oxford. 781. P. 1–18.
- Furtwängler A., 1878. Eros in der Vasenmalerei. München.
- Gabler D., Márton A., 2008. Römische Kopfgefäße und eine Wienkanne mit Kopfmündung im Museum der Bildenden Künste von Budapest // RCRF Acta. Bonn. 40. S. 163–172.
- Gasparri C., 1970. Sigillata Orientali // Le Terme del Nuotatore. Scavo dell'ambiente I, Ostia II, Studi Miscellanei. P. 66–67.
- Gazdac C., 1995. Bronzuri romane de la Gherla // Acta Musei Napocensis. Cluj-Napoca. 32. I. P. 401–430.
- Genčeva E., 1998. Zapinki rzymskie I późnoantyczne z Novae // Novensia. Warszawa. 11. S. 7–80.
- Gentscheva E., 1999. Neue Angaben bezüglich des Militärlagers von Novae im Unterdonaubecken aus der früheren Kaiserzeit // Archaeologia Bulgarica. Sofia. 3. 1. S. 21–33.
- Glodariu I., 1984. "Bratarile" cu nodozitati latene tirzii in Dacia // Acta musei Napocensis. Vol. XXI. P. 63–80.
- Gonzenbach V. von., 1995. Die römischen Terracotten in der Schweiz. Untersuchungen zu Zeitstellung, Typologie und Ursprung der mittelgallischen Tonstatuetten. Tübingen. Bd. A.
- Graepler D., 1997. Tonfiguren im Grab. Fundkontexte hellenistischer Terrakotten aus der Nekropole von Tarent. München.
- Graue J., 1974. Die Gräberfelder von Ornavasso. Eine Studie zur Chronologie der später Latene- und frühen Kaiserzeit // Hamburger Beiträge zur Archäologie. Beiheft 1.
- Grosu V., 1995. Sarmatii in spatiul geto-dacic sararitean // Arheologia Moldovei. XVIII. P. 133–186.
- Guillaumet J.P., 1984. Les Fibules de Bibracte. Technique et typologie. Dijon.
- Haevernick Th.E., 1968. Perlen und Glasbruchstücke als Amuletten // Jahrbuch der Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz. 15. S. 120–133.
- Hayes J.W., 1972. Late Roman Pottery. London.
- Hayes J.W., 1973. Roman Pottery from the South Stoa at Corinth // Hesperia. 42. P. 416–470.
- Hayes J.W., 1975. Roman and pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum. Toronto.
- Hayes J.W., 1983. The Villa Dionysos Excavations, Knossos: The Pottery // BSA. 78. P. 97–169.
- Hayes J.W., 1985. Sigillate orientali // Ceramica fine Romana nell'basino Mediterraneo (tardo-ellenismo e primo impero). Atlante delle forme ceramiche. II. Enciclopedia dell'arte antica. Classica e orientale. Roma. P. 1–96.
- Hayes J.W., 1991. The Hellenistic and Roman Pottery. Paphos. Vol. III. Nicosia.
- Hayes J.W., 1997. Handbook of Mediterranean Roman Pottery. London.
- Hellström et al., 2009 – Hellström K., Hochmuth M., Zajcev J.P. Dreschgerät und Totenbett. Hölzerne Dreschschlittenfragmente des 1. Jahrhunderts aus einer Nekropole auf der Krim // Praehistorische Zeitschrift. 84. S. 73–89.
- Henkel F., 1913. Die römischen Fingerringe der Rhenlande. Berlin.
- Herakleia, 1972 – Herakleia Pontike. Forschungen zur

- Geschichte und Topographie. Forschungen an der Nordküste Kleasiens. Bd. 1. Wien.
- Heres G., 1972. Die Römischen Bildlampen der Berliner Antiken-Sammlung. Berlin.
- Hering M.A., 1974. Corpus of Roman Engraved Gemstones from British Sites. BAR. Oxford. 8. Part I–II.
- Hill D.K., 1946. Roman jugs with barbotine decorations // The Journal of the Walter Art Gallery. Vol. 9. P. 69–79.
- Histria, 1966 – Histria. Vol. II. București.
- Horváth L. et al., 1987 – Horváth L., Kelemen M., Uzsoi A., Vadász É. Corpus of Celtic Finds in Hungary. Vol. I. Transdanubia. 1. Budapest.
- Huff D., 1984. Das Felsreliefs von Qir // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Berlin. Bd. 17. S. 221–247.
- Iacob M., 2004. Piese Romane de bronz descoperite la Argamum // Peuce. S.N. II (XV). Tulcea. P. 161–168.
- Iconomu C., 1967. Opaite Greco-romane. București.
- Iconomu C., 1968. Cercetari arheologice la Magnalia si Neptun // Pontica. I. P. 235–268.
- Iconomu C., 2009. Încuietore de casetă descoperită la Brăști-Iași // Arheologia Moldovei. XXXII. P. 279–281.
- Intercisa II, 1957 – Alföldi M.R., Barkóczy L. Intercisa II (Dunapentele – Sztálinváros). Geschichte der Stadt in der Römerzeit. Archaeologia Hungarica. Budapest. XXXVI.
- Irimia M., 1987. Consideratii privind unele morminte tumulare din epoca romana descoperite in Dobrogea // Pontica. XX. P. 107–136.
- Isings C., 1957. Roman Glass from dated Finds. Groningen; Djakarta.
- Jablonska-Taracha J., 1997. Eros Lampadophoros on a bone plaque from Tell Atrib // Archeologia. Warszawa. XLVIII. P. 25–29.
- Japp S., 2003. Sigillata und dünnwandige Hartware aus Pergamon. Bemerkungen zu Westlichen Importen und stilistischer Einflussnahme // RCRF Acta. Abingdon. 38. S. 243–246.
- Jones F.F., 1950. The Pottery // Excavations at Güzlu Kule, Tarsus. Vol. 1. The Hellenistic and Roman Periods. Princeton.
- Kabakčieva G., 1992. Römische Keramik aus den Provinzen Untermösien und terra sigillata Pontica // RCRF Acta. 31–32. S. 497–514.
- Kancewa T., 1994. Bronzene Chirurgische Instrumente im Museum N. Zagora // Acten der 10. Tagung über antike Bronzen. Freiburg 18–22 Juli, 1988. Stuttgart. S. 233–236.
- Kaufmann-Heinimann A., 1977. Die Römischen Bronzen der Schweiz. I. Augst und das Gebiet der Colonia Augusta Raurica. Mainz am Rhein.
- Kaufmann-Heinimann A., 1984. Der S. Merschatz von August. August.
- Kaufmann-Heinimann A., 1994. Die römischen Bronzen der Schweiz. V. Neufunde und Nachträge. Mainz am Rhein.
- Kellner H.-J., Zahlhaas G., 1993. Der Römische Tempelschatz von Wessenburg i. Bay. Mainz am Rhein.
- Kenrick P.M., 1985. The Fine Pottery, Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Vol. III. Part 1. Tripoli.
- Knipowitsch T., 1929. Untersuchungen zur Keramik römischer Zeit den aus den Griechenstädten an der Nordküste des Schwarzen Meeres; I. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Eremitage // Materialien zur römisch-germanischen Keramik. IV. Frankfurt am Main.
- Kokowski A., 1997. Schlossbeschläge und Schlüssel im Barbaricum in der Römischen Kaiserzeit und der Frühen Völkerwanderungszeit. Klassifizierung. Verbreitung. Chronologie. Lublin.
- Kolnik T., 1991. Zu den ersten Römern und Germanen an der mittleren Donau im Zusammenhang mit den geplanten römischen Angriffen gegen Marbod 6 n. Chr. // Die römische Okkupation nördlich der Alpen zur Zeit des Augustus. Kolloquium Bergkamen 1989. Vorträge (Bodenaltertümer Westfalens, 26). Münster. 71–84.
- Košević R., 1980. Antičke fibule s područja Siska. Zagreb.
- Košević R., 1991. Antička bronco iz Siska. Umjetničko-obrtna metalna produkcija iz razdoblja Rimskog carstva. Zagreb.
- Kousov C., 2002. Lead Roman mirrors in Varna Archaeological Museum // Archaeologia Bulgarica. Sofia. 6. 3. P. 63–99.
- Kousov C., 2003. Bronze metalwork for decoration of toilet boxes from the Roman period in the Archaeological Museum in Varna // Archaeologia Bulgarica. Sofia. 7. 3. P. 23–34.
- Krug A., 1975. Römische Gemmen und Fingerringe im Museum für Vor- und Frühgeschichte Frankfurt a. M. // Germania. 53. 113–125.
- Krug A., 1980a. Römische Fundgemmen, 4. Neuwied, Freiburg, Florstadt, Darmstadt, Hanau, Aschaffenburg und Koblenz // Germania. 58. S. 117–135.
- Krug A., 1980b. Antike Gemmen im Römisch-Germanischen Museum Köln // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 61. S. 151–260.
- Krug A., 1993. Heilkunst und Heilkult: Medizin in der Antike. München.
- Krug A., 1995. Römische Fundgemmen im Rheinischen Landesmuseum Trier // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 76. S. 159–218.
- Kühnelt E., 2008a. Ostsigillata und andere Feinkeramik Ägäischer Provenienz in der Nekropole von Alma Kermen, Krim // RCRF Acta. Bonn. 40. S. 199–209.
- Kühnelt E., 2008b. Terra sigillata aus Alma-Kermen, Südwest-Krim. Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontischen Sigillata. Dissertationarbeit, Freien Universität, Berlin. Berlin.
- Künzl E., 1986. Operationsräume in römischen Thermen. Zu einem chirurgischen Instrumentarium aus der Colonia Ulpia Trajana // BJ. Bd. 186. S. 491–509.
- Künzl E., 1991. Die medizinische Versorgung der römischen Armee zur Zeit des Kaisers Augustus und die Reaktion der Römer auf die Situation bei den Kelten und Germanen // Die römische Okkupation nördlich der

- Alpen zur Zeit des Augustus. Kolloquium Bergkamen 1989. Vorträge. (Bodenaltertümer Westfalens, 26). Münster. S. 185–202.
- La Baum P., Salomonson J. W., 1977. Römische Kleinkunst Sammlung Karl Löffler. Wissenschaftliche Kataloge des Römisch-Germanischen Museums Köln. Bd. III. Köln.
- Laszczewska T., 1992. Rzymskie importy przemysłowe terenu Polski. Szlak bursztynowy. Łódź.
- Lightfoot C.S., Arslan M., 1992. Ancient Glass of Asia Minor: the Yüksel Frimtan Collection. Ankara.
- LIMC – Lexicon iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich; München; Düsseldorf. 1981–1999.
- Loboda I. u. al., 2002 – Loboda I.I., Puzdrovskij A.E., Zajcev J.P. Prunkbestattungen des 1. Jhs. N. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma, Krim. Die Grabungen des Jahres 1996 // *Eurasia antiqua*. Bd. 8. 295–346.
- Loeschcke S., 1909. Keramische Funde in Haltern. Mitteilungen der Altertumskommission für Westfalen. V. Münster.
- Loeschcke S., 1912. Sigillata-Topfereien in Tschandarli // *AM*. XXXVII. P. 344–407.
- Loeschcke S., 1919. Lampen aus Vindonissa. Ein Beitrag zur Geschichte von Vindonissa und des antiken Beleuchtungswesens. Zürich.
- Lund J., 2007. The Circulation of Ceramic Fine Wares and Transport Amphorae from the Black Sea Region in the Mediterranean, c. 400 BC – AD 200 // *The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchanges*. Black Sea Studies. Aarhus. 6. P. 183–194.
- Mandel U., 1988. Kleinasiatische Reliefkeramik der mittleren Kaiserzeit: die "oinophorengruppe" und verwandtes. PF. Berlin; New York. Bd. 5.
- Mandel U., 2000. Die frühe Produktion der sog. Oinophorenware-Werkstätten von Knidos // *RCRF Acta*. Abingdon. 36. S. 57–68.
- Mandrioli Bizzari A.R., 1987. La collezione di Gemme del Museo Civico Archeologico Bologna. Bologna.
- Mano A., 2006. Apolonie d'Ilyrie. Recherches et études archéologiques. Tirana.
- Marabini Moevs M.T., 1973. The Roman Thin Walled Pottery from Cosa (1948–1954). *Memoirs of the American Academy in Rome*. Vol. XXXII.
- Marčenko I.I., Limberis N.Ju., 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // *Simonenko A., Marčenko I., Limberis N. Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unteren Donau und Kuban. Archäologie in Eurasien*. 25. Mainz. S. 265–624.
- Matei Cr., 1985. Cercetari perieghetice pe malui, de sud al lagului tasaul // *Pontica*. XVIII. P. 125–139.
- Matthäus H., 1989. Der Arzt in römischen Zeit. Medizinische Instrumente und Arzneien. Stuttgart.
- Mayet F., 1975. Les céramiques a parois fines dans la péninsule Ibérique. Paris.
- Menzel H., 1986. Die Römischen Bronzen aus Deutschland. III. Bonn; Mainz am Rhein.
- Meriç R., 2002. Späthellenistisch-römische Keramik und Kleinfunde aus einem Schachtbrunnen am Staatsmarkt in Ephesos. *Forschungen in Ephesos*. IX/3. Wien.
- Meyer-Schlichtmann C., 1988. Die Pergamenische Sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon. Mitte 2. Jh v.Chr – mitte 2. Jh n. Chr. PF. Berlin; New York. Bd. 6.
- Michałowski K., 1958. Mirmeki. Wykopalska odcinka Polskiego w r. 1956. Warszawa.
- Miglbauer R., 1994. Ein römerzeitlicher Verwahrfund aus Wels, Oberösterreich // *Acten der 10. Tagung über antike Bronzen*. Freiburg 18–22 Juli, 1988. Stuttgart. S. 285–291.
- Mitreă I., 1989. Noi contribuții arheologice la cunoașterea istoriei și civilizației dacilor liberi de la est de Carpați în secolele II – III // *Carpica*. XX. P. 149–192.
- Mitrofan I., Cociș S., 1995. Fibulele romane de la Micasasa // *Acta Musei Napocensis. Preistorie – Istoria veche – Archeologie*. Cluj-Napoca. 32. I. P. 431–449.
- Mitsopoulos-Leon V., 1991. Die Basilika am Staatsmarkt in Ephesos. Kleinfunde. 1. Teil: Keramik hellenistischer und römischer Zeit. *Forschungen in Ephesos* IX, 2/2. Wien.
- Mordvinceva V., Treister M., 2007. Toreutik und Schmuck in Nördlichen Schwarzmeergebiet. 2. Jh. v. Chr. – 2. Jh. n. Chr. Bd. I–III. Simferopol; Bonn.
- Müller-Karpe A., 1988. Neue galatische Funde aus Anatolien // *IstMitt*. 38. S. 189–199.
- Museteanu C., Elefterescu D., 1978. Oglini Romane din plumb de la Durostorum // *Pontica*. XI. P. 105–111.
- Museteanu C., Lungu R., 1977. Arme sarmatice descoperite in judetul Ialomita // *SCIVA*. T. 28. No. 2. P. 247–251.
- Museu Monográfico de Conimbriga, 2000 – Museu Monográfico de Conimbriga. Catalogue. Lisbon.
- Németi I., 1989. Necropola Latène de la Piscolt, jud. Satu Mare. II // *Traco-Dacica*. București. T. X. No. 1–2. P. 75–114.
- Nicolae C., 1996. Descoperiri de epoca Romana si Bizantina la Carsium // *Pontica*. XXVIII–XXIX. P. 135–160.
- Nikolić S., Pop-Lazić S., 2005. Ostaci antičke urbane zone na Dunavskoj Padni // *Singidunum*. Belgrade. 4. S. 7–43.
- Nomads, 1989 – *Nomads of Eurasia*. Los Angeles.
- Nuber H.U., 1973. Kanne und Griffschale. Ihr Gebrauch im täglichen Leben und die Beigabe in Gräbern der römischen Kaiserzeit // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*. Frankfurt am Mein. 53. S. 1–232.
- Oldenstein J., 1976. Zur Ausrüstung römischer Auxiliarenheiten, Studien zu Beschlägen und Zierat an der Ausrüstung der römischen Auxiliarenheiten des obergermanisch-raetischen Limesgebietes aus dem zweiten und dritten Jahrhundert n. Chr. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*. 57. Frankfurt am Mein.
- Olmsted G., 2001. Celtic Art in Transition during the First Century BC. An Examination of the Creations of Mint Masters and Metal Smith, and an Analysis of Stylistic Development During the Phase between La Tène and Provincial Roman. Budapest.

- Opaiț A., 1978a. Troemis – asezarea romana timpurie de pe Platou // Peuce. Papoarte asupra cercetarilor de arheologie, numismatica si istorie. Tulcea. VIII. P. 197–217.
- Opaiț A., 1978b. Consideratii preliminare asupra ceramicii romane timpurii de la Troemis // Peuce. Rapoarte asupra cercetarilor de arheologie, numismatica si istorie 1977–1978. Tulcea. VIII. P. 328–366.
- Opaiț A., 2003. “Table” amphora versus “table” pitcher in the Roman Dobrudja // RCRF Acta. Abingdon. 38. P. 215–219.
- Oxé et al., 2000 – Oxé A., Comfort H., Kenrick P. Corpus Vasorum Arretinorum. A Catalogue of the Signatures, Shapes and Chronology of Italian Sigillata. Second edition. Bonn.
- Palágyi S.K., 1990. Römerzeitliches Pferdegrab in Tihany // Alba Regia. Annales Musei Stephani Regis. Székesfehérvár. XXIV. S. 17–45.
- Pannuti U., 1994. Museo Archeologico Nazionale di Napoli. La collezione Glittica. II. Roma.
- Paraschiv D., 2004. Noi descoperiri arheologice de epocă Romană la Măcin // Peuce. S. N. Tulcea. II (XV). P. 143–152.
- Párdutz M., 1941. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. I. Budapest.
- Párdutz M., 1944. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. II. Budapest.
- Párdutz M., 1965. Graves from the Skythian age at Ártánd (county Hajdu-Bihar) // Acta Archaeologica Hungaricae. XVII. P. 137–231.
- Parisinou E., 2000. The Light of the Gods. The Role of Light in Archaic and Classical Greek Cult. London.
- Parlasca K., 1998. Aphrodite als Kasten-Riegel // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. Warszawa. No. 1–2. S. 159–166.
- Pauli L., 1975. Keltischer Volksglaube. Amulette und Sonderbestattungen am Dürrnberg bei Hallein und im eisenzeitlichen Mitteleuropa. München.
- Penso G., 1984. La médecine Romane. L’art d’Esculape dans la Rome antique. Paris.
- Perlzweig J., 1961. Lamps of the Roman Period. The Athenian Agora. VII. Princeton.
- Peškař I., 1972. Fibeln aus der römischen Keiserzeit in Mähren. Praha.
- Petcovic S., 1995. Rimski predmeti od kosti i roga sa teritorije Gornje Mezije. Beograd.
- Petculescu L., 1994. Roman military equipment in the Dacian hill-fort at Ocnița // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Acten des 2. Internationalen Kolloquiums in Marburg a.d. Lahn, 20. bis 24. Februar 1994. Lublin; Marburg. P. 61–77.
- Pfrommer M., 1990. Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks. Istanbuler Forschungen. Tübingen. 37.
- Philipp H., 1981. Bronzeschmuck aus Olympia. Olympische Forschungen. Berlin. Bd. XIII.
- Pieta K., 1996. Römischer Import der Spätlatènezeit in der Slowakei // Arheoloski vestnik. Ljubljana. 47. S. 183–195.
- Plesnicar-Gec J., 1972. Severno Emonsko Grobovišče. The Northern Necropolis of Emona. Ljubljana.
- Popovic Lj., 1958. Radoliste (Contribution a l’étude illyro-grecque en Macédoine) // Зборник радова народног музеја. 1956/57. Београд.
- Popovici R., 1990. Antroponim Dacic seris cu litere latine in asezarea de la Bornis – Neamt (secolele II – III e.n.) // Arheologia Moldovei. XIII. P. 155–160.
- Poulsen E., 1995. Remarks on Roman Bronze Suillets with Deep Grooves under the Base // Acta of the 12th International Congress on ancient bronzes. Nijmegen. P. 59–67.
- Procházka A., 1937. Gallská kultura na Vyškovsku (La Tène Středomoravský). Slavkov u Brna.
- Puzdrovskij A.E., Zajcev J.P., 2004. Prunkbestattungen des 1. Jhs. N. Chr. in der Nekropole Ust’-Al’ma, Krim. Die Grabungen des Jahres 1999 // Eurasia antiqua. Bd. 10. S. 229–267.
- Radnoti A., 1938. Die Römischen Bronzegefäße von Pannonien. Dissertationes Pannonicae. Budapest. Ser. II. No. 6.
- Rădulescu A., 1975. Contributii la cunoasterea ceramicii Romane de uz comun, din Dobrogea // Pontica. VIII. P. 331–360.
- Radulescu et al., 1973 – Radulescu A., Coman E., Stavru C. Un Sarcophago di eta Romana Scoperto nella necropoli Tumulare di Callatis (Mangalia) // Pontica. VI. P. 247–265.
- Raeck W., 2003. Priene. Neue Forschungen an einem alten Grabungsort // IstMitt. 53. S. 313–423.
- Raev B.A., 1977a. Die Bronzegefäße der römischen Keiserzeit in Thrakien und Mö sien // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 58. S. 607–642.
- Raev B.A., 1977b. Les “Blechkannen” de province et leurs prototypes italiques // Actes du IV Colloque international sur les bronzes antiques. Lyon. P. 155–162.
- Raev B., 1979. Metal vessels from “Hohlac” (Novocerkassk) // Bronzes hellénistiques et romains. Tradition et renouveau. Actes du V-e colloque international sur les bronzes antiques. Lausanne 8–13 Mai 1978. Lausanne. P. 235–240.
- Raev B., 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR. International Series. Oxford. 278.
- Raftery B., 1988. Hollow Two-Piece Metal Rings in La-Tène Europe. Marburger Studien zur Ur- und Frühgeschichte. Marburg/Lahn. Bd. 11.
- Rau P., 1927. Die Hügelgräber Römischer Zeit an der unteren Wolga (Ergebnisse der Gräberforschung in der Wolgadeutschen Republik // Mitteilungen des Zentralmuseums der Autonomen Sozialistischen Räte-Republik der Wolgadeutschen. Pokrowsk.
- Ravich I., 1991. Study of the Composition of Scythian and Sarmatian Mirrors and Technologies of their Manu-

- factures // Bulletin of the Metals Museum. Vol. 16. P. 20–32.
- Reinach S., 1895. Pierres gravées des collections Marlborough et d'Orléans. Paris.
- Ricci A., 1985. Ceramica a pareti sottili // Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo impero). Atlante delle forme ceramiche II. Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Roma. P. 231–356.
- Ridder A. de., 1913. Les Bronzes Antiques du Louvre. T. 1. Les Figurines. Paris.
- Riflessi di Roma, 1997 – Riflessi di Roma. Impero Romano e Barbari del Baltico. Milano, Altri Musei a Porta Romana. 1 marzo – 1 giugno 1997. Roma.
- Riha E., 1979. Die römischen Fibeln aus August und Kaiseraugst. Forschungen in August. 3. August.
- Riha E., 1994. Die römischen Fibeln aus August und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975. Forschungen in August. 18. August.
- Robinson D.M., 1941. Metal and Minor Miscellaneous Objects. An original Contribution to Greek Life. Excavation at Olynthus. X. Baltimore.
- Robinson H.S., 1959. Pottery of the Roman Period. Chronology. The Athenian Agora. Vol. V. Princeton.
- Rogozen, 1989 – The Rogozen Treasure. Sofia.
- Ruseva-Skokoska L., 1991. Roman Jewellery. A Collection of the National Archaeological Museum – Sofia. London.
- Rustoiu A., 1996. Metalurgia bronzului la Daci (sec. II î. Chr. – sec. I d. Chr.). Tehnici, ateliere și produse de bronz. București.
- Rutti B., 1991. Die Römischen Gläser aus August und Kaiseraugst. Katalog und Tafeln. Augst.
- Ružić M., 1994. Rimsko staklo u Srbiji. Beograd.
- Saldern A., 1975. Gläser der Antike. Sammlung Oppenlander. Köln.
- Salomonson J.W., 1980. Der Trunkenbolb und die Trunkene Alte: Untersuchungen zur Herkunft, Bedeutung und Wanderung einigen plastischer Gefasstypen der römischen Kaiserzeit // BABesch. 55 (1). S. 65–135.
- Sanie S., 1981. Civilizația Romană la est de Carpați și Romanitatea pe teritoriul Moldovei. Secolele II î. e.n. – III e.n. Iași.
- Sarnowski T., Savelja O., 2000. Balaklava. Römische Militärstation und Heiligtum des Jupiter Dolichenus. Warschau.
- Schäfer J., 1962. Terra sigillata aus Pergamon // AA. P. 778–802.
- Schauer C., 2008. Das Neugefundene Hellenistische Bad in Olympia. Datierende Keramik aus Bauzeit, Umbau- und Zerstörungsschicht // RCRF Acta. Bonn. 40. S. 227–235.
- Scorpan C., 1976. Origini și linii evolutive ceramica Romano-Bizantina (sec. IV – VII) din spațiul Mediteranean și Pontic // Pontica. IX. P. 155–185.
- Sear D.R., 1981. Roman Coins and their Values. London.
- Sellye I., 1939. Les bronzes émaillés de la Pannonie romaine. Dissertationes Pannonicae. Budapest. Ser. II. Fasc. 8.
- Sena Chiesa G., 1966. Gemme del Museo Nazionale di Aquileia. Aquileia.
- Sena Chiesa G., 1978. G-Gemme di Luni. Roma.
- Simon G., 1984. Descoperiri noi în necropola de la Noviodunum. Report preliminary // Peuce. Papoarte asupra cercetarilor de arheologie, numismatică și istorie. Tulcea. IX. P. 75–96.
- Simon G., 1995. Methodes de datation et de localization des centres de production des bronzes romains découverts dans la région du Bas-Danube // Acta of the 12th International Congress on ancient bronzes. Nijmegen. P. 215–228.
- Simonenko A.V., 2001. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet // Eurasia antiqua. Bd. 7. S. 187–327.
- Simonenko A.V., 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // Simonenko A., Marčenko I., Limberis N. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unteren Donau und Kuban. Archäologie in Eurasien. Mainz. 25. S. 1–264.
- Sorokina N.P., 1987. Glass Aryballoi (1st – 3rd Centuries A.D.) from the Northern Black Sea Region // JGS. 29. P. 40–46.
- Sorokina N.P., 1990. Die kleinasiatische Gruppe von Gläsern des 1.–2. Jh. n. Chr. // Annales du 11-e Congrès de L'Association Internationale pour l'Histoire du Verre. Amsterdam. S. 55–60.
- Spear N., 1978. A Treasury of archaeological Bells. New York.
- Stoian I., 1961. La città Pontica di Tomis. Saggio storico // Dacia. București. T. V. P. 233–274.
- Stolyarova E., 1996. Technological aspects of the study of glass from Moscow, 12th – 14th centuries AD // European Association of Archaeologists. 2nd Annual Meeting. Abstracts. Riga. P. 38.
- Suceveanu A., 1982. Les thermes romains. Histria. București. VI.
- Suceveanu A., 2000. La céramique romaine des Ier – IIIe siècles a. J.–C. Histria. București. X.
- Tassinari S., 1993. Il vasellame Bronzео di Pompei. Cataloghi 5. Roma.
- Tejral J., 1994. Römische und germanische Militärausrüstungen der antoninischen Periode im Licht norddanubischer Funde // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Acten des 2. Internationalen Kolloquiums in Marburg a.d. Lahn, 20. bis 24. Februar 1994. Lublin; Marburg. S. 27–60.
- Todor S., Tau S., 1996. Obiecte de port și podoaba din asezarea geto-dacică de la Poiana, jud. Galați. (I). Fibule // Arheologia Moldovei. XIX. P. 57–105.
- Todorović J., 1974. Skordisci. Istorija i kultura. Novi Sad; Beograd.
- Topál J., 1993. Roman Cemeteries of Aquincum, Pannonia. The Western Cemetery (Bécsi Road) I. Budapest.
- Topalov S., 2004. Nichtmonetäre austauschgegenstände im Rahmen des Kleinhandels der Thrakischen Regionen

- während des ersten Jahrtausends v. Chr. // *Archaeologia Bulgarica*. 6. 2. S. 35–45.
- Torbov N.*, 2004. Chain-mails from Northern Bulgaria (III–I C BC) // *Archaeologia Bulgarica*. Sofia. VIII. No. 2. P. 57–69.
- Torbov N.*, 2008. Silver antique adornments from Northwest Bulgaria (I c. BC – III c. AD) // *Archaeologia Bulgarica*. Sofia. XII. No. 3. P. 57–67.
- Traci*, 1989 – *Traci*. Arte e cultura nelle terre di Bulgaria dalle origini alla tarda romanità. Venezia, Palazzo Ducale, 13 maggio 1989 – 30 Novembre 1989. Venezia.
- Treister M.Yu.*, 1994a. Italic and provincial-roman mirrors in Eastern Europe // Akten der 10. Tagung über antike Bronzen. Freiburg, 18–22 Juli 1988. Stuttgart. P. 417–427.
- Treister M.Yu.*, 1994b. New Finds of a Relief Lagynos from Asia Minor in South-West Crimea // *Colloquenda Pontica*. 1. P. 32–35.
- Treister M.Yu.*, 1996. Essays on the Bronzeworking and Toreutics of the Pontus // *Colloquia Pontica* 1. New Studies on the Black Sea Littoral. P. 73–134.
- Treister M.Yu.*, 2000. Local Imitations of the Details of Roman Military Costume in the Bosporan Kingdom // *Kölner Jahrbuch*. 33. P. 363–373.
- Treister M.*, *Zhuravlev D.*, 2006. Grave-goods from a rich tomb in Gorgippia (?) dating from the 2nd century AD and now in the collection of the State Historical Museum (Moscow) // *ACSS*. Vol. 12, 3–4. P. 273–289.
- Tudor D.*, 1959. Le dépôt de miroirs de verre doublé de plomb trouvé à Săcădaș // *Dacia*. București. T. III. P. 415–432.
- Turcu M.*, 1979. Găsești din Cămpia Munteniei. București.
- Unz Ch.*, *Deschler-Erb E.*, 1997. Katalog der Militaria aus Vindonissa. Militärische Funde, Pferdegeschirr und Jochteile bis 1976 (Veröffentlichungen der Gesellschaft pro Vindonissa). Bd. XIV. Brugg.
- Ursachi V.*, 1987. Cetatea dacică de la Brad // *Traco-Dacica*. București. T. VIII. No. 1–2. P. 100–126.
- Ustinova Yu.*, 1999. The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God. Religions in the Graeco-Roman World. Leiden; Boston; Köln. Vol. 135.
- Vaday A.H.*, 1985. Sarmatisches Gräberfeld in Törökszentmiklós-Surján-Ujtelep // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest. 37. S. 345–390.
- Vaday A.H.*, 2003. Cloisonné brooches in the Sarmatian Barbaricum in the Carpathian basin // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest. 54. P. 314–421.
- Vaday A.H.*, *Medgyesi P.*, 1993. Rectangular vessels in the Sarmatian Barbaricum in Carpathian basin // *Communicationes Archaeologicae Hungariae*. Budapest. P. 63–89.
- Velickovic M.*, 1972. Rimska sitna bronzana plastika u Narodnom Muzeju. Antika IV. Beograd.
- Vessberg O.*, 1952. Roman Glass in Cyprus. *Opuscula Archaeologia*. Lund. VII.
- Voisian V.*, 1997. In Ulpia Traiana Sarmizegetusa Entdeckte bestandteile militärischer Ausrüstung // *Acta Musei Napocensis*. Preistorie – Istorie veche – arheologie. Cluj-Napoca. 34. S. 201–211.
- Voß H.-U.*, 1994. Römische Waffen in Mecklenburg – Vorpommern – Bilanz der Materialaufnahme für des “Corpus römischer Funde” // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Acten des 2. Internationalen Kolloquiums in Marburg a.d. Lahn, 20. bis 24. Februar 1994. Lublin; Marburg. S. 261–270.
- Walke N.*, 1965. Das römische Donaukastell Straubing – Sorviodurum. Limesforschungen. Berlin. Bd. 3.
- Walus A.*, 1992. Zabytki metalowe kultury lateńskiej z Rembielina, woj. Ostrołęckie // *Barbaricum* '92. T. 2. Studia z archeologii ludów barbarzyńskich z wybrzeży Bałtyku i dorzecza Wisły. Warszawa. S. 89–101.
- Warneke T.F.*, 1999. Hallstatt- und frühlatènezeitlicher Anhänger Schmuck. Studien zu Metallanhängern des 8. – 5. Jahrhunderts vor Chr. zwischen Main und Po. Internationale Archäologie. Rahden/Westf. Bd. 50.
- Warner Slane K.*, 1990. The Sanctuary of Demeter and Kore. The Roman Pottery and Lamps. Corinth. Princeton. XVIII, 2.
- Werner J.*, 1990. Die Beinschnalle des Leodobodus // *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*. 23. S. 273–313.
- White R.H.*, 1988. Roman and Celtic Objects from Anglo-Saxon Graves. A Catalogue and an Interpretation of their use. BAR. British Series. Oxford. Vol. 191.
- Yatsenko S.A.*, 2007. “Scythization” and “Sarmatization” of the Costume of the Northern Pontic Greeks and Barbarians // *Eirene*. Prague. Vol. XLIII. P. 57–67.
- Yatsenko S.A.*, 2010. Problems and Study Methods of the Ancient and Early Medieval Iranian-speaking Peoples' Nishan-Signs // *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. London; Dover. P. 111–131.
- Zahn R.*, 1904. Thongeschirr // *Wiegand T.*, *Schrader H.* Priene. Ergebnisse der Ausgrabungen und untersuchungen in den Jahren 1895–98. Berlin. S. 394–468.
- Zaitsev Yu.P.*, 2002. Imported lamps and candelabra from Ust'-Alma Necropolis (Crimea, Ukraine) // *Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World*. BAR International Series. Oxford. 1019. P. 41–59.
- Zalalövo*, 1978 – Römische Forschungen in Zalalövo // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 30. S. 349–430.
- Zelle M.*, 1997. Die Terra Sigillata aus der Westtor-Nekropole in Assos. Asia Minor Studien. Bonn.
- Zhuravlev D.*, 1999. The Late Skythian burial Rite in the Belbek Valley of southwest Crimea in the Roman Period // *Grave Matters*. Eight studies of First Millennium AD burials in Crimea, England and southern Scandinavia. Papers from a session held at the European Association of Archaeologists Fourth Annual Meeting in Göteborg 1998. BAR International Series.

- Oxford. 781. P. 19–31.
- Zhuravlev D.*, 2000. Terra sigillata and red slip pottery from the late Skythian necropoleis of the South-Western Crimea (1st – 3rd centuries AD) // RCRF Acta. Abingdon. S. 36. 151–160.
- Zhuravlev D.*, 2002a. Late scythian grave with a lamp from Belbek IV necropolis in the South-Western Crimea // Fire, light and light equipment in the Graeco-Roman world. BAR International Series. Oxford. 1019. P. 75–80.
- Zhuravlev D.*, 2002b. Terra sigillata and Red Slip Pottery in the Northern Pontic region (a short bibliographical survey) // ACSS. 2002. Vol. 8, 3–4. P. 237–309.
- Zhuravlev D.*, 2003. New data on details of Roman military equipment and horse's harness from Chersonesos and its environs // ACSS. Vol. 9, 1–2. P. 87–116.
- Zhuravlev D.*, 2005. Sarmatian motifs in red slip ware // Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet. Kolloquium in Zschortau/Sachsen vom 13.2–15.2. 2003. Rahden/Westf. S. 145–151.
- Zhuravlev D.*, 2009. Pontic Sigillata Plates with a Vertical Rim from the Belbek IV Necropolis in the South-Western Crimea // ACSS. Vol. 15, 1–2. P. 25–94.
- Zhuravlev D.*, 2011. Early Roman Fine Ware from Pompeiopolis // Pompeiopolis. I. Eine Zwischenbilanz aus der Metropole Paphlagoniens nach fünf Kampagnen (2006–2010). Schriften des Zentrum für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes. 21. Langenweißbach. P. 149–162.
- Zhuravlev et al.*, 2007 – *Žuravlev D., Il'ina T., Lomtadze G., Sudarev N.* Kurgan 17 (18) aus der Nekropole der bosporanischen Stadt Kepoi // Eurasia antiqua. Bd. 13. S. 215–255.
- Zirra V.*, 1971. Beiträge zur Kenntnis des Keltischen Latène in Rumänien. // Dacia. București. T. XV. S. 171–238.
- Zotović L., Jordović Č.*, 1990. Viminacium. Nekropole "Više Grobalja" Belgrade.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГСП** – Античные государства Северного Причерноморья // Археология СССР. М. 1984
- АМА** – Античный мир и археология. Саратов
- АП УРСР** – Археологічні пам'ятки УРСР
- АСГЭ** – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
- БИ** – Боспорские исследования
- ВДИ** – Вестник древней истории
- ГИМ** – Государственный исторический музей
- ГМИИ** – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
- ГЭ** – Государственный Эрмитаж
- ДБ** – Древности Боспора
- ЗООИД** – Записки Одесского общества истории и древностей
- ИАК** – Известия Императорской археологической комиссии
- ИИМК** – Институт истории материальной культуры
- ИГАИМК** – Известия Государственной Академии Истории материальной культуры
- ИИАЭ КазССР** – Институт истории, археологии, этнографии Казахской ССР
- ИГУАК** – Известия Таврической ученой архивной комиссии
- КБН** – Корпус Боспорских надписей. М.; Л. 1965
- КСИА** – Краткие сообщения Института археологии СССР
- КСИИМК** – Краткие сообщения института истории материальной культуры
- МАИЭТ** – Материалы по археологии, истории, этнографии Таврики
- МИА** – Материалы и исследования по археологии СССР
- НЭ** – Нумизматика и эпиграфика
- ОАК** – Отчет Императорской Археологической Комиссии
- ОАМ** – Одесский археологический музей
- ПАВ** – Петербургский археологический вестник
- ПИФК** – Проблемы истории, филологии, культуры
- РА** – Российская археология
- РАНИОН** – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
- СА** – Советская археология
- САИ** – Свод археологических источников
- СГАИМК** – Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
- СЭ** – Советская этнография
- ТОИПК** – Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
- Тр. ГЭ** – Труды Государственного Эрмитажа
- ХСБ** – Херсонесский сборник
- АА** – *Archaeologischer Anzeiger*
- AJA** – *American Journal of Archaeology*
- AM** – *Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Instituts. Athenische Abteilung*
- ACSS** – *Ancient civilizations from Skythia to Siberia*
- BABesch** – *Bulletine antieke beschaving*
- BAR** – *British Archaeological Reports*
- BJ** – *Jahrbuch des Vereins von Altertumsfreunden im Rheinland. Bonn*
- BSA** – *The Annual of the British School at Athens*
- CIL** – *Corpus Inscriptiones Latinarum*
- JGS** – *Journal of Glass Studies*
- JHS** – *Journal of Hellenic Studies*
- IstMitt** – *Istanbuler Mitteilungen*
- LIMC** – *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*
- PF** – *Pergamenische Forschungen*
- RA** – *Reveu Archeologique*
- RCRF** – *Rei Cretariae romanae Fautorum*
- SCIVA** – *Studii si cercetări de istorie veche si arheologie. Bucuresti*

Staatliches Historisches Museum

Publikationen des Staatlichen Historischen Museums

Band 205

Irina Guščina, Denis Žuravlev

BEL'BEK IV

EINE NEKROPOLE RÖMISCHER ZEIT IM SÜDWESTEN DER KRIM

TEIL 1

Unter Mitwirkung der
Eurasien-Abteilung
des Deutschen Archäologischen Instituts

Moskau
2016

Einleitung (<i>I. I. Guščina, D. V. Žuravlev</i>)	3
Kapitel 1. Grabritual und Nekropolenstruktur (<i>I. I. Guščina, D. V. Žuravlev</i>)	8
Kapitel 2. Die Grabbeigaben	17
Transportamphoren (<i>D. V. Žuravlev</i>)	
Handgeformte Keramik und Räuchergefäße (<i>I. I. Guščina, D. V. Žuravlev</i>)	
Feinkeramik mit rotem Glanztonüberzug (<i>D. V. Žuravlev</i>)	
Weitere Töpferwaren (<i>D. V. Žuravlev</i>)	
Bronzegefäße (<i>I. I. Guščina, D. V. Žuravlev</i>)	
Bronzestatuetten und Elemente von Bronzengeschirr (<i>D. V. Žuravlev</i>)	
Glasgefäße (<i>I. I. Guščina, D. V. Žuravlev</i>)	
Bewaffnung und Pferdegeschirr (<i>I. I. Guščina, D. V. Žuravlev</i>)	
Bekleidungszubehör und Schmuck (<i>I. I. Guščina, D. V. Žuravlev</i>)	
Toilettenutensilien (<i>I. I. Guščina, D. V. Žuravlev</i>)	
Anhänger und Amulette (<i>D. V. Žuravlev</i>)	
Werkzeuge (<i>I. I. Guščina, D. V. Žuravlev</i>)	
Schlussbetrachtung (<i>I. I. Guščina, D. V. Žuravlev</i>)	116
Anhang	
1. Beschreibung der Grabkomplexe (<i>I. I. Guščina, D. V. Žuravlev</i>)	121
2. Münzen aus der Nekropole Bel'bek IV (<i>N. A. Frolova</i>)	196
3. Gemmen aus der Nekropole Bel'bek IV (<i>O. Ja. Neverov</i>)	197
4. Perlen aus der Nekropole Bel'bek IV (<i>E. K. Stoljarova</i>)	201
5. Totentracht in der Nekropole Bel'bek IV (<i>S. A. Jacenko</i>)	214
6. Tamga-Zeichen in der Nekropole Bel'bek IV (<i>S. A. Jacenko</i>)	216
7. Ausgrabungen 2004 in der Nekropole Bel'bek IV (<i>D. V. Žuravlev, K. B. Firsov</i>)	219
Literatur	222
Abkürzungsverzeichnis	247

EINLEITUNG

Die Nekropole Bel'bek IV liegt im Südwesten der Krim am rechten Ufer des Flusses Bel'bek, etwa 1,5 Kilometer von dessen Mündung entfernt auf einem hohen Hügel, in der Siedlung Ljubimovka, an den nordöstlichen Ausläufern der Stadt Sevastopol'.

Das Gräberfeld wurde 1901 bei der Anlage einer Plantage entdeckt und von N. M. Pečenkin unter der Bezeichnung „Ust'-Bel'bekskij“ erwähnt. In den 1960er Jahren wurde die Nekropole Bel'bek IV erneut von O. Ja. Saveljať, Mitarbeiter des Chersonesischen Museums, untersucht, der dort herumliegende Steinplatten als Verschlusssteine zerstörter Nischengräber identifizierte.

Im Jahre 1969 nahm die Archäologische Expedition des Staatlichen Historischen Museums (GIM) unter Leitung von I. I. Guščina Feldarbeiten in der Fundstätte auf, die den Namen Bel'bek IV erhielt, da zu dem Zeitpunkt bereits unweit dieser Stelle drei Nekropolen römischer Zeit – Bel'bek I, II und III – entdeckt worden waren. Die Erforschung des Gräberfeldes dauerte zunächst bis 1976 an, wurde für einige Zeit unterbrochen, im Jahre 1979 wieder aufgenommen und bis 1991 fortgeführt. 2004 nahm die Archäologische Krim-Expedition erneut Arbeiten in der Nekropole auf; die Ausgrabungen wurden unter Leitung von D. V. Žuravlev und K. B. Firsov durchgeführt. Aus einer Reihe von Gründen musste das GIM jedoch nach der Kampagne von 2004 seine Arbeiten einstellen.

Während der gesamten Archäologischen Krim-Expedition des GIM in den Jahren 1969–1991 wurden 331 Gräber auf einer Fläche von 2.000 m² untersucht. Ein Teil der Nekropole (ca. 6 ha), darunter auch der zentrale, früheste Bereich, war durch Grabenlagen während des Zweiten Weltkrieges, Garagen und Militäranlagen, aber auch durch eine Vielzahl von Raubgrabungen beschädigt worden. Die angelegte Struktur der Grabungsflächen erklärt sich auch aus diesen Gründen. Ein Teil des Nekropolenareals ist heute teilweise mit Gartengrundstücken überbaut. Die Ausgrabungen wurden auf Betreiben des GIM und mit Hilfe vieler seiner Mitarbeiter durchgeführt. Alles in Bel'bek IV gefundene Material wird in den Depots der Abteilung ‚Archäologische Denkmäler‘ des Staatlichen Historischen Museums verwahrt.

Die Autoren möchten Allen, die in den verschiedenen Jahren im Rahmen der Archäologischen Krim-Expedition des GIM tätig waren oder sie unterstützten, ihren tiefen Dank erweisen. Ohne ihren selbstlosen Einsatz wären weder die Ausgrabungen noch insbesondere die Herausgabe dieses Buches möglich gewesen. Herzlich danken wir auch den Kollegen der Abteilung ‚Archäologische Denkmäler‘ des GIM und ihrer Leiterin von 1987 bis 2006, Irina Belocerkovskaja, für ihre Teilnahme an der wissenschaftlichen Diskussion vieler Teile dieses Buches und für ihre ständige Unterstützung.

Die Autoren möchten allen danken, deren Konsultationen, Rat oder Literaturhinweise sehr wichtig waren in der Vorbereitung dieser Publikation. Genannt seien Maja Abramova †, Il'ja Achmedov, Natal'ja Bogdanova †, Sergej Demidenko, Krzysztof Domżański, Jurij Zajcev, Irina Zaseckaja, Georgij Lomtadze, Vladimir Malašev, Valentina Mordvinceva, Marina Moškova, Oleg Neverov †, Hermann Parzinger, Nina Sorokina †, Ekaterina Stoljarova, Kirsten Hellström, Kirill Firsov, Nina Frolova †, Irina Jacenko † und Sergej Jacenko. Unser Dank gilt auch vielen anderen, hier ungenannt bleibenden Kollegen.

Die Arbeit wurde finanziert von der Russischen Stiftung für Humanwissenschaften im Rahmen des Projektes „Die Chronologie der Südwestlichen Krim in römischer Zeit: Das Gräberfeld Bel'bek IV im System der taurischen Fundstätten“. Das Manuskript dieser Monographie war im Ganzen bereits im Frühjahr 2000 abgeschlossen. Verschiedene Umstände führten dazu, dass es sich für eine lange Folgezeit ‚im Druck‘ befand, wovon die zahlreichen Verweise in der wissenschaftlichen Literatur ein beredtes Zeugnis ablegen. Die Arbeit an einer neuen Variante des Buches konnte viele Jahre später dank finanzieller Unterstützung durch die Stiftung ‚Kimmerida‘ (Stiftungspräsident und korrespondierendes Mitglied der Russischen Akademie der Wissenschaften: V. D. Piš'mennyj) wieder aufgenommen werden. Im Jahre 2010 wiederum erhielt einer der Autoren dank eines Stipendiums der Alexander von Humboldt-Stiftung und der großzügigen Unterstützung des Direktors der Eurasien-Abteilung des Deutschen Archäologischen Instituts (DAI), Prof. Svend Hansen und Dr. Udo Shlotzhauer, die Möglichkeit, diesen Text in den Bibliotheken der Eurasien-Abteilung und der Zentrale des DAI in Berlin aufzuarbeiten für die Drucklegung vorzubereiten.

Das Manuskript wurde im Januar 2011 abgeschlossen und an den Verlag übergeben. Änderungen und nachträgliche Verweise auf neue Literatur waren daher ab diesem Zeitpunkt nicht mehr möglich, auch wenn diese die Nekropolen der Krim direkt betraf.

KAPITEL 1

GRABRITUAL UND NEKROPOLENSTRUKTUR

Das Gräberfeld Bel'bek IV ist durch ein vergleichsweise homogenes Bestattungsritual charakterisiert. Im Wesentlichen lassen sich hier zwei Typen von Grabanlagen unterscheiden: Flachgräber und Nischengräber.

Konstruktion der Grabanlagen

Die einfachen *Flachgräber* belaufen sich auf etwa 37 % aller untersuchten Bestattungen. Sie haben eine im Grundriss rechteckige Form mit abgerundeten Ecken, die sich manchmal zu den Füßen hin leicht verjüngt, sind überwiegend nach Südosten ausgerichtet und verteilen sich gleichmäßig über das gesamte Nekropolenareal. Eine Anhäufung lässt sich nur in Abschnitten des westlichen Hügelhanges beobachten. Eine Besonderheit dieses Grabtyps sind mit Steinen aufgefüllte Gruben. Die Steine – kleine, darunter aber durchaus auch größere – lagen in einer oder mehreren Reihen in Form einer Pflasterung auf dem Grab, die manchmal den Grubenrand erreichte. Es wurden 20 dieser in Gruppen über die Nekropole verteilten Gräber festgestellt (i. e. 6 %). Außerdem fanden sich drei geschulterte Flachgräber, die mit geringen Abweichungen gen Süden ausgerichtet waren. Die Schultern dienten als Auflage der die Gräber abdeckenden Steinplatten.

Steinplattengräber sind Anlagen, deren Grubenlängsseiten mit vertikal aufgestellten flachen Steinplatten verkleidet wurden (gewöhnlich vier je Seite). In der Form gleichen sie einer Steinkiste, nur dass sie keine Platten an den Stirnseiten aufweisen. Von diesen Gräbern fanden sich nur zwei (Grab 180 und 284), von denen eines nach Süden und eines nach Osten ausgerichtet war. Beide waren bereits in antiker Zeit vollständig ausgeraubt worden.

Das Flachgrab 223 mit vertikaler Steinwand, Abdeckung aus Steinplatten und Steinaufschüttung unterscheidet sich von den übrigen Grabanlagen der Nekropole. Diese Bestattungsweise ist nicht ganz typisch für die Bevölkerung der südwestlichen Krim römischer Zeit und stellt offenbar einen Mischtyp dar.

Nischengräber belaufen sich auf etwa 50 % aller Grabanlagen in Bel'bek IV. Es überwiegt die Ausrichtung nach Südosten. Eine enge rechteckige Eingangsgrube weist an einer ihrer Langseiten (meist der westlichen) eine Nischenkammer auf. Die Kammer ist mit vertikal aufgestellten Steinplatten verschlossen, die sich unter dem Gewicht der Erde in stark geneigter Lage fanden. Sehr selten wurden Gruben mit zwei Nischen (an beiden Langseiten) angetroffen. Nischengräber fanden sich gleichmäßig über die gesamte Nekropole verteilt, überwogen jedoch in einigen Bereichen.

Sechs Nischengräber wiesen eine mit Steinen verfüllte Eingangsgrube auf (Gräber 233, 250, 264, 265, 300, 305); in 11 weiteren Gräbern fanden sich Spuren dieses Ritus (Gräber 166, 223, 240, 249, 250, 264, 265, 308, 309, 311, 314). Die Verfüllung der Eingangsgrube (wie auch die der Flachgräber) geht wahrscheinlich auf spätskythische Gebräuche zurück.

Holzkonstruktionen. Leider trägt der Boden im Flusstal des Bel'bek nicht zur Erhaltung organischer Materialien bei. Insgesamt wurden 47 Komplexe mit Holzresten dokumentiert. Spuren von Holz in Gräbern sind häufig Reste eines trogähnlichen Sarges. In einigen Bestattungen lässt sich der Länge nach gut ein Bretterbelag erkennen (Gräber 138, 258, 261, 287 u. a.) – nicht auszuschließen, dass es sich hier um den Deckel eines Sarges handelt, dessen unterer Teil sich nicht erhalten hat. Manchmal standen auf dieser Abdeckung Grabbeigaben (Grab 287 u. a.). Praktisch alle Holzsärge fanden sich in Gräbern des 2. und der ersten Hälfte des 3. Jhs. n. Chr. (Gräber 257, 267, 270 u. a.).

In Grab 34 wurden am Kopf des Bestatteten Fragmente eines hölzernen Brettes festgestellt; in Grab 41 fand sich ebenfalls am Kopf ein verkohltes Stück Holz. Diese Komplexe gehören zu den frühesten auf dem Territorium der Nekropole und datieren in das dritte Viertel des 1. Jhs. n. Chr. In einigen Fällen wurden Bretterreste in der Verfüllung der Grabgrube gefunden (Gräber 233, 242), und manchmal waren die Spuren von Holz in einem Grab so unbedeutend, dass wir lediglich seine Präsenz feststellen konnten (Gräber 85, 97, 100, 199 u. a.). Des Öfteren ließen sich Feuerspuren – Reste verkohlter Holzbretter – auf den Holzabdeckungen bemerken (Gräber 41, 240, 329, 330 u. a.). Die weiteste Verbreitung erfuhren hölzerne Konstruktionen in der ersten Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. (überwiegend Nischengräber) und im Zeitraum vom Ende des 2. bis in die erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr. (überwiegend Flachgräber).

Grabmarkierungen. In antiker Zeit waren die Gräber oberhalb der Erdoberfläche wahrscheinlich durch Aufschüttungen gekennzeichnet, da sich Bestattungen auch weit auseinander liegender Zeitstellung nicht überlagerten. Zudem lässt sich praktisch in allen Bereichen der Nekropole eine Aneinanderreihung der Gräber verfolgen. Allerdings haben sich keinerlei Grabmarkierungen bis in heutige Zeit erhalten. Nur in Grab 245 fand sich eine anthropomorphe Stele mit einer Maske (Taf. 244), die wahrscheinlich irgendwann als Grabstein über einer Bestattung aufgestellt gewesen war und erst später, in zweiter Verwendung, als Verschlussstein des Nischengrabes diente.

Lage des Bestatteten

Nahezu alle Gräber waren Einzelbestattungen, mit Ausnahme von Grab 223, wo sich das Skelett eines Mannes zur Seite geschoben fand; daneben lag das einer Frau. Ein interessanter Ritus ließ sich in den Gräbern 240 und 242 beobachten: Zunächst war hier in der Nischenkammer eine Frau bestattet worden und später in der Eingangsgrube, ohne reiche Beigaben, ein Mann. Beide Komplexe datieren in die zweite Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. Eine ähnliche Situation fand sich in Grab 324, welches jedoch durch Raubgrabungen beschädigt worden war und sich daher nur schwer genau rekonstruieren lässt.

Die Bestattung der Toten erfolgte in der Regel ausgestreckt auf dem Rücken liegend mit den Armen entlang des Körpers. Dies ist die charakteristische Körperlage in der Mehrzahl der untersuchten Nekropolen römischer Zeit auf der südwestlichen Krim – sie beläuft sich in den einzelnen Gräberfeldern auf 70–90 %. Eine gekrümmte Lage der Bestatteten wurde in sechs Gräbern beobachtet, die Hände auf dem Becken in 18 Gräbern, gekreuzte Unterschenkel in elf Gräbern. In vier Bestattungen des 2. Jhs. n. Chr. (Gräber 38, 86, 173, 329) lag der Körper des Toten gekrümmt auf der Seite, die Beine in den Knien angewinkelt. In einigen Fällen war das Gesicht des Toten nach Osten hin gewendet und seltener (z. B. Gräber 154, 300, 310) nach Westen.

Ausrichtung

Die Gräber sind mit 36 % überwiegend nach Süden ausgerichtet, mit jeweiligen Abweichungen nach Westen und Osten. Es bleibt natürlich zu berücksichtigen, dass sich bei einer Reihe von Gräbern die ursprüngliche Ausrichtung des Bestatteten nicht mehr mit Sicherheit bestimmen ließ. Für die frühen Komplexe der zweiten Hälfte des 1. und der ersten Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. lässt sich jedoch eine klare Dominanz südlich ausgerichteter Gräber konstatieren. Eine Ausrichtung nach Norden (mit Abweichungen) beläuft sich auf etwa 28 % und ist eher für die späteren Bestattungen, beginnend mit der zweiten Hälfte des 2. Jhs., charakteristisch. In dieser Periode ist sie absolut vorherrschend. Interessanter Weise ließ sich beobachten, dass sich Gräber mit nördlicher Ausrichtung auf den nordwestlichen Teil der Nekropole konzentrieren, wo sie den Großteil der Bestattungen einnehmen. Sie fanden sich aber auch in anderen Bereichen der Nekropole. Ausrichtungen nach Westen oder Osten belaufen sich auf 2,9 bzw. 1,4 %. In Gräberfeldern der spätskythischen Zeit lässt sich eine allgemeine Tendenz im Grabitus feststellen: Etwa in der Mitte des 2. Jhs. n. Chr. findet ein Wechsel von südlicher zu nördlicher Ausrichtung der Gräber statt. Die Ausrichtung nach Norden wird traditionell als sarmatische Grabsitte gesehen. N. A. Bogdanova verband den Wandel in der Ausrichtung der Toten mit den zwei sarmatischen Einwanderungswellen auf die Südwestkrim. Diese Besonderheit lässt sich auch in den Befunden der Nekropole Bel'bek IV beobachten.

Spuren ritueller Handlungen

In einigen Fällen ließen sich Feuerspuren unterschiedlicher Art am und um den Körper des Toten beobachten (Kohlestückchen, Ascheschichten, teilweise Kremation). Diese Sitte war auf der Südwestkrim weit verbreitet und wird häufig mit sarmatischem Einfluss in Verbindung gebracht. Wahrscheinlich wurde im Grab ein reinigendes Feuer entzündet, wobei dieses manchmal bis zur Bestattung selbst vordrang, wofür eine Ascheschicht oder verrußte Erde unter dem Skelett oder nur unter dem Schädel sprechen; und manchmal scheinen glühende Kohlen oder brennende Zweige auf den Toten gestreut worden zu sein. In einigen Gräbern fanden sich zudem Reste verkohlter Holzbretter.

Rotes Farbpulver wurde sowohl zur Schmückung von Gesicht und Körper verwendet, als auch für rituelle Zwecke, vielleicht zur Imitation von Feuer. In einer Reihe von Gräbern wurde rotes Farbpulver in einem Kästchen gefunden, wo es zweifellos als Schminkutensil fungierte. In anderen

Fällen, wie beispielsweise in Grab 62, wo sich das Farbpulver in einem kleinen handgeformten Gefäß befand, ließe sich sowohl eine rituelle als auch eine kosmetische Bedeutung vermuten.

Vergleichsweise selten wurden Kreidestückchen oder eine Kreidestreuung in den Bestattungen beobachtet (27 Gräber). Dieser Brauch ist aus vielen Nekropolen der Südwestkrim bekannt und wird gewöhnlich auf sarmatischen Einfluss zurückgeführt. Manchmal fand sich die Kreide zusammen mit rotem Schminkpulver (in einem Kästchen oder Beutelchen), so zum Beispiel in den Gräbern 154, 170, 176, 185 u. a. In diesen Fällen erfüllte sie kosmetische Zwecke. In anderen Gräbern lagen die Kreidestückchen in der Grubenverfüllung, auf dem Boden der Nischenkammer, am Kopf, auf der Brust, bei den Händen, an den Füßen usw. Hier können wir von einer rituellen Bedeutung ausgehen. Des Weiteren fanden sich in einigen Gräbern Bruchstücke von Feuerstein – soweit ersichtlich, ohne Bearbeitungsspuren.

In einzelnen Gräbern der Nekropole Bel'bek IV wurden Kieselsteine gefunden (z. B. Grab 65), die wahrscheinlich ebenfalls mit bestimmten Bestattungsbräuchen in Verbindung zu sehen sind. Die Grabgrube der Bestattungen 29 und 297 war verfüllt mit Sand- oder Lehmboden, durchmischt mit Kieselsteinen, und in den Gräbern 49 und 276 war die gesamte Eingangsgrube mit Kieselsteinen aufgefüllt. In einigen Gräbern konnten Spuren vergangener Stoffreste eines Gewandes (einer Unterlage?) oder eines Filzteppichs festgestellt werden, in den der Verstorbene eingewickelt worden war.

Pferdbestattung

In der Nekropole Bel'bek IV wurde lediglich eine Bestattung eines Pferdes gefunden. Das Pferd lag mit unterschlagenen Beinen in einer Grube ovaler Form und war N–S ausgerichtet. Im Grab 278 fanden sich eine eiserne Trense mit Ringenden und eine Sattelgurtschnalle (Taf. 189, 30–35). Wahrscheinlich kann dieses Pferdegrab mit einer nahe gelegenen Bestattung in Verbindung gebracht werden – am ehesten mit Grab 270, in dem ein männliches Skelett mit Waffenbeigabe lag.

Weitere Elemente des Grabritus

Spuren einer Totenfeier (*Trizna*) wurden in Bel'bek IV nur selten nachgewiesen. Zu diesen können unter bestimmten Bedingungen Fragmente von Amphoren und Tafelgeschirr sowie vereinzelte Tierknochen in der Verfüllung einer Grabgrube gezählt werden. Lediglich 1991 wurde eine Anhäufung von Fragmenten zerschlagener Amphoren des 2. Jhs. n. Chr. dokumentiert, unter der sich kein Grab befand.

Die Lage der Beigaben im Grab entspricht der für den lokalen Grabritus typischen: Gefäße wurden am Kopf des Bestatteten abgestellt (selten an den Händen oder Füßen), Teller fanden sich manchmal unter den Kopf des Verstorbenen geschoben. In einigen Fällen stand das Geschirr auf dem Deckel des Sarges. Der Schmuck lag in der Regel dort, wo er auch zu Lebzeiten getragen worden war. In dem bereits erwähnten Grab 223 wurden für die Grablege der Frau die Beigaben der früheren Bestattung an die Seite geschoben. Gelegentlich waren die Gefäße – bis zu fünf in einem Grab – ineinander gestellt (der Becher auf den Teller z. B.), oder ein umgedrehter Becher oder eine Tasse wurden auf einen Krug gestülpt. In einer Reihe von Gräbern waren ein Krug oder Becher mit einem flachen Stein oder dem Wandfragment einer Amphore verschlossen. In Grab 221 waren die Gefäße auf eine hölzerne Unterlage gestellt worden.

In der Fachliteratur wurde mehrfach auf das Fehlen einer Gesetzmäßigkeit in der Beigabe der Feinkeramik mit rotem Überzug (*“Terra Sigillata”*) in die Gräber hingewiesen. Dennoch lassen sich in Bel'bek IV einige Regelmäßigkeiten beobachten. So wurde im 1. und 2. Jh. n. Chr. die Keramik überwiegend am Kopf des Bestatteten abgestellt, während am Ende des 2. und im 3. Jh. n. Chr. ein großer Teil der Gefäße an den Füßen platziert wurde. Möglicherweise ist auch dies mit den zwei sarmatischen Expansionswellen auf die Südwestkrim verbunden. Eine erwähnenswerte Abhängigkeit zwischen der Lage des Toten und den Typen der beigegebenen Gefäße lässt sich nicht beobachten.

In den Gräbern fand sich praktisch immer eine Totenspeise (Fleisch vom Rind oder kleinen Hornvieh, wie Schaf oder Ziege; manchmal von einem Vogel), häufig begleitet von einem Eisenmesser. Diese Geleitspeise war meistens auf einem Teller platziert. In zwei Gräbern (10 und 140) lagen Traubenkerne. In Grab 186 bestand die Speise auf einem Teller aus einer Miesmuschel. Flüssige Beigaben füllte man in Schalen, Tassen, Krüge und andere Gefäße. Leider wurden seinerzeit keinerlei Analysen der Speisereste in den Gefäßen durchgeführt, so dass es uns nicht möglich ist, ihre genaue Zusammensetzung zu rekonstruieren.

Der schlechte Erhaltungszustand der Knochen in der Nekropole erlaubte keine anthropologischen Bestimmungen. Nur in einigen Gräbern waren vorläufige Beobachtungen möglich – so ließ sich z. B. in Grab 286 eine Schädeldeformierung dokumentieren; in der Mehrzahl der Fälle aber wurde das Geschlecht des oder der Verstorbenen über das Beigabeninventar bestimmt.

Struktur der Nekropole

Eine Besonderheit der Nekropole Bel'bek IV ist die gute Differenzierbarkeit chronologischer Zonen, in denen sich jeweils die verschiedenen Gräbergruppen versammeln. Die Bestattungen breiteten sich offenbar vom Zentrum aus nach allen Seiten hin aus. Da der zentrale Teil der Nekropole leider bebaut oder beschädigt wurde, konnten die frühesten Gräber, die sich dort wahrscheinlich befanden, nicht untersucht werden. Allem Anschein nach erfolgte die Anlage der Nekropole also schrittweise: Es ist kein Fall bekannt, in dem ein Grab ein anderes überlagerte, was dafür spricht, dass in antiker Zeit irgendeine Art von Markierung oder Zeichen die Gräber sichtbar machte. Auch wenn manche Bestattung späterer Zeit in einer früheren Zone angelegt wurde, ändert dies nichts an dem Gesamtbild. Im Ergebnis der Untersuchungen lassen sich Bestattungszonen differenzieren, die jeweils sicher bestimmten Zeitfenstern zugewiesen werden können.

Auf dem Plan der Nekropole (Taf. 2) ist erkennbar, dass ihrem Zentrum am nächsten jene Gräber liegen, die in die zweite Hälfte des 1. bis Anfang des 2. Jhs. n. Chr. datiert werden können. In alle Richtungen vom Zentrum der Nekropole her breiten sich Komplexe aus, die in das 2. Jh. n. Chr. datieren. An der Peripherie der ergrabenen Bereiche des Gräberfeldes liegen schließlich jene Bestattungen, die vom Ende des 2. bis in die erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr. datieren.

KAPITEL 2

DIE GRABBEIGABEN

Tongefäße

Transportamphoren. In Bel'bek IV wurden insgesamt acht archäologisch intakte Amphoren und eine Vielzahl an Fragmenten gefunden. Die am häufigsten vertretene Gruppe bilden die enghalsigen helltonigen Amphoren, die nach S. Ju. Vnukov der spätherakleischen Ware angehören.

Die Amphoren vom Typ C nach D. B. Selov aus Grab 77 (Taf. 47, 3) und Grab 223 (Taf. 149, 3) datieren in die erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. Die Amphoren des Übergangstyps C–D aus den Gräbern 101 (Taf. 58, 6), 215 (Taf. 143, 15), 270 (Taf. 187, 3) und 294 (Taf. 198, 14) gehören dem Zeitraum von der zweiten Hälfte des 2. bis in die erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr. an. Die Amphora aus Grab 285 ist eine frühe Variante des Typs D (Taf. 194, 4) und datiert in das erste Viertel des 3. Jhs. n. Chr.

Für zwei Amphoren ließ sich die Provenienz nicht bestimmen. Das Gefäß aus Grab 172 (Taf. 110, 13) datiert in die zweite Hälfte des 1. Jhs. n. Chr., und die Amphore aus Grab 281 (Taf. 192, 5) an das Ende des 2. bzw. in die erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr.

In Grab 215 wurde ein *hoher Krug* mit bikonischem Körper gefunden (Taf. 143, 14) – wahrscheinlich ein Import von der westpontischen Küste, der in das zweite oder dritte Viertel des 2. Jhs. n. Chr. datiert.

Handgeformte Keramik und Räuchergefäße. Aus den Gräbern 23, 63, 117 und 182 (Taf. 13, 14; 40, 7; 70, 12; 117, 8; 230, 1; 231, 1) stammen einhenklige *Becher*, die in die erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. oder wenig später datieren. Ein kleiner Becher aus Grab 291 datiert an das Ende des 2. bzw. in die erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr.

Henkellose Becher bzw. *Töpfchen* wurden in den Gräbern 1 (Taf. 4, 6), 39 (Taf. 26, 2–3; 231, 2–3) und 301 (Taf. 202, 19; 231, 5) gefunden; sie gehören dem letzten Viertel des 1. bzw. Anfang des 2. Jhs. n. Chr. an. Schälchen bzw. *Näpfe* sind durch drei Exemplare aus den Gräbern 78 (Taf. 48, 7), 215 (Taf. 143, 7; 231, 6) und 233 (Taf. 158, 8) vertreten. Erstere zwei stammen aus Gräbern des zweiten bzw. dritten Viertels des 2. Jhs. n. Chr., und das Gefäß aus Grab 233 datiert vom letzten Viertel des 2. bis Anfang des 3. Jhs. n. Chr.

In Grab 176 wurden, ineinander gestellt, zwei *Räuchergefäße* gefunden (Taf. 114, 5–6; 230, 6–7). Die Verbreitung dieser Räuchergefäße entspricht dem Einflussgebiet der sarmatischen Kultur,

sie sind aber auch aus späskythischen Fundstätten bekannt. In dem großen Räuchergefäß wurde ein Feuer entzündet, in das kleine aromatische Gräser und harzige Naturprodukte gelegt: das Feuer und der entstehende Rauch hatten reinigende Funktion.

Ein kleines handgeformtes Gefäß mit flachem Standboden und Resten roter Farbe im Inneren fand sich in Grab 62 (Taf. 39, 13), das an das Ende des 1. bzw. in die erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. datiert. Ein handgeformter *Guttus* mit kleinem Fuß gehört zu den Zufallsfunden der Nekropole.

FEINKERAMIK MIT ROTEM GLANZTONÜBERZUG

Italische Sigillata

Conspectus Form 23 aus Grab 3 (Taf. 5, 9). Auf dem Innenboden der Stempel ATEI *in planta pedis*. Pisa. – Zweites / drittes Viertel des 1. Jhs. n. Chr.

Eastern Sigillata B (ESB)

Teller

Hayes 1985, Form 58 aus den Gräbern 35 (Taf. 22, 16), 41 (Taf. 29, 2), 97 (Taf. 56, 3), 111 (Taf. 66, 15), 147 (Taf. 90, 9), 193 (Taf. 126, 2), 213 (Taf. 141, 6), 234 (Taf. 161, 35) und Zufallsfund des Jahres 1970 (Taf. 227, 3). – 75–125 n. Chr.

Hayes 1985, Form 58. Miniaturgefäß aus Grab 108 (Taf. 64, 2). – Ende 1. / erstes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

Hayes 1985, Form 60 aus den Gräbern 11 (Taf. 9, 13), 82 (Taf. 51, 2), 88 (Taf. 52, 7), 129 (Taf. 78, 5), 136 (Taf. 82, 19), 140 (Taf. 86, 2), 150 (Taf. 93, 4), 186 (Taf. 120, 3), 189 (Taf. 123, 2), 211 (Taf. 139, 2), 212 (Taf. 140, 3) und 216 (Taf. 142, 14), sowie Zufallsfund des Jahres 1987 (Taf. 227, 1). – Zweite Hälfte des 1. bis erste Hälfte / Mitte des 2. Jhs. n. Chr.

Hayes 1985, Form 62B aus Grab 144 (Taf. 89, 1). – Letztes Viertel des 1. Jhs. n. Chr.

Hayes 1985, Form 63. Zufallsfund (Taf. 227, 2). – Letztes Viertel des 1. / erstes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

Tassen

Hayes 1985, Form 29 aus Grab 143 (Taf. 88, 5). – Zweite Hälfte des 1. Jhs. n. Chr.

Hayes 1985, Form 32 aus Grab 41 (Taf. 29, 4). – Zweite Hälfte des 1. Jhs. n. Chr.

Hayes 1985, Form 65 aus den Gräbern 183 (Taf. 118, 2) und 197 (Taf. 129, 2). – Ende des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

Hayes 1985, Form 70 aus den Gräbern 75 (Taf. 46, 9), 108 (Taf. 64, 1), 144 (Taf. 89, 2), 158 (Taf. 98, 5), 168 (Taf. 106, 2), 172 (Taf. 110, 2), 175 (Taf. 111, 8), 186 (Taf. 120, 2), 210 (Taf. 138, 5) und 227 (Taf. 155, 5). – 50/75–125/150 n. Chr.

Hayes 1985, Form 74 aus Grab 158 (Taf. 98, 4). – Letztes Viertel des 1. / erstes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

Schalen

Hayes 1985, Form 71 aus den Gräbern 34 (Taf. 23, 4), 98 (Taf. 57, 4), 169 (Taf. 107, 2), 171 (Taf. 109, 3) und 235 (Taf. 162, 2). – Letztes Viertel des 1. / erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Keramik unbekannter Herkunft, im Ton vergleichbar mit ESB

Tiefer Teller aus Grab 96 (Taf. 55, 5). – Erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Becher / kleiner Krug aus Grab 113 (Taf. 67, 7). – Erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Krug aus Grab 35 (Taf. 22, 15). – Ende des 1. – erstes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

Eastern Sigillata C (ESC, Çandarlı-Ware)

Loeschke 1912, Form 26B. Teller aus Grab 102 (Taf. 60, 3). – Mitte des 2. Jhs. n. Chr.

Knidische Reliefkeramik

Lagynos aus Grab 233 (Taf. 159). – Mitte / zweite Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Moesische oder dakische Sigillata

Form 1. Zweihenklige Becher aus den Gräbern 41 (Taf. 29, 3) und 175 (Taf. 111, 11). – Zweite Hälfte des 1. / vielleicht Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

Pontische Sigillata

Die überwiegende Mehrheit der in den Gräbern von Bel'bek IV gefundenen Feinkeramik mit rotem Überzug ist der Pontischen Sigillata (*Pontic Sigillata*) zuzuweisen, die J. Hayes erstmals klassifizierte. Entstanden im zweiten Viertel, spätestens in der Mitte des 1. Jhs. n. Chr., wird die Pontische Sigillata in den folgenden mehr als zwei Jahrhunderten zur dominierenden Keramik im nördlichen Schwarzmeerraum. Ihre Heterogenität lässt darauf schließen, dass es eine ganze Reihe an Fertigungszentren gab. Dabei produzierten diese Werkstätten sehr ähnliches Geschirr, das sich nur in Kleinigkeiten unterschied und offenbar auf denselben Prototypen beruhte. So fußen zum Beispiel die Teller der pontischen Formen 1–4 (Hayes' Form I), der am weitesten verbreitete Gefäßtyp der Pontischen Sigillata, auf den Tellern der Form Consp. 20 aus arretinischen Töpferwerkstätten, und die pontischen Tassen der Form 30 (Hayes' Form V) auf Consp. 22–23 usw. Auch die charakteristischen Ornamente kamen aus Italien, wenn auch vermittelt durch vergleichbare Gruppen der östlichen Sigillata, in erster Linie der ESB. So weist zum Beispiel die Tasse aus Grab 67 auf ihrem Steilrand eine modellierte Doppelspirale auf, die sich in gleicher Weise an Gefäßen italischer wie kleinasiatischer Provenienz finden. Deren Spiralen waren in unterschiedliche Richtungen gebogen, wobei das pontische Gefäß den Dekor der ESB wiederholt.

Der Einfluss der Italischen Sigillata zeigt sich besonders in der Stempelung der Gefäße. Zum vorherrschenden Typ in der Pontischen Sigillata wurde der Stempel *in planta pedis*, der sich erstmals auf Keramik italischer Herkunft in nachaugusteischer Zeit beobachten lässt (15–20 n. Chr.). Der einzige Unterschied zum italischen Prototyp ist, dass die pontischen Stempel analoger Fuß- oder Schuhsohlenform, von wenigen Ausnahmen abgesehen, anepigraphisch waren. Vielleicht ist auch der Stempel *GAIOU in tabula ansata* auf einem unserer Teller dem Einfluss italischer Traditionen auf die frühe Produktion Pontischer Sigillata zuzuschreiben. Der römische Name Gaius, geschrieben in griechischer Weise, könnte einem Töpfer eigen gewesen sein, der extra aus Italien oder den Provinzen zur Arbeit eingeladen wurde.

Stempel *in planta pedis* erscheinen auf Pontischer Sigillata erstmals in der Mitte des 1. Jhs. n. Chr. und kommen mindestens bis in das erste Viertel des 2. Jhs. n. Chr. hinein in zunehmend stilisierter Erscheinung vor. In der zweiten Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. werden offene Gefäße nicht mehr gestempelt. Als einziger Gefäßschmuck bleibt das primitive konzentrische Gurtornament im Zentrum des Innenbodens von Tellern und Schalen (*Rouletting*).

Eine große Gruppe pontischer Feinkeramik mit rotem Überzug imitiert andere italische Gefäße des 1. Jhs. v. Chr., die im gesamten Mittelmeerraum weit verbreitet waren. Hierbei handelt es sich um die dünnwandige Hartware bzw. *Ceramica a parieti sottili*. Wahrscheinlich fußen beispielsweise die Tassen der Form 31 auf dieser Gruppe von Gefäßen italischer Provenienz.

Heute geht man zurecht von einer Entstehung der Pontischen Sigillata nicht später als im zweiten Viertel des 1. Jhs. n. Chr. unter dem Einfluss Italischer Sigillata und dünnwandiger Hartware, aber auch der rot überzogenen Feinkeramik östlicher Herstellung, insbesondere der ESB, aus. Auch ein bestimmter Einfluss pergamenischer Keramiktradition auf die Pontische Sigillata ist anzunehmen (siehe z. B. Formen 11–13).

Wie es scheint, wurde die Pontische Sigillata lediglich für einen weitestgehend lokalen Gebrauch innerhalb des Schwarzmeerraumes hergestellt. Außerhalb dieser Region findet sie sich nur in geringer Zahl; dennoch dürfen die Funde Pontischer Sigillata in Italien, Kleinasien, Griechenland und sogar Nordafrika nicht unberücksichtigt bleiben. Aller Wahrscheinlichkeit nach gelangten pontische Gefäße in den östlichen Mittelmeerraum – blickt man auf ihre Zahl und auch ihre vergleichsweise geringe Qualität – nur episodisch und hatten keine ernsthafte ökonomische Bedeutung. Vielleicht nahmen sie die Kaufleute auf dem Rückweg als Tafelgeschirr mit, zusammen mit der Ladung, die sie aus dem pontischen Raum exportierten (Getreide, Bauholz u. a.), oder sie ergänzten die freien Stellen auf ihrem Schiff mit den Gefäßen, um sie im Bestimmungshafen billig zu veräußern.

Pontische Sigillata A

Zu den Hauptmerkmalen dieser Gruppe zählt ein dichter, in unterschiedlichen Schattierungen hellbrauner oder rotbrauner, gut aufbereiteter Ton ohne nennenswerte Einschlüsse. Manchmal sind Glimmerpartikel zu beobachten, selten auch Kalkeinschlüsse. Der Überzug hat verschiedene Schattierungen von hellrot und orange bis graubraun-rot. Eine charakteristische Besonderheit der Pontischen Sigillata ist, dass der Fuß der Gefäße nicht mit Glanzton überzogen ist, der untere Gefäßteil mit Fuß aber praktisch immer Farbflecken aufweist. Für Teller und andere offene Gefäße des 1. bis Anfang des 2. Jhs. n. Chr. ist im Zentrum des Innenbodens ein Stempel *in planta pedis* charakteristisch.

Teller

Form 1. Kleine Teller mit Ringfuß und hohem, praktisch vertikalem Steilrand.

1.1.1. Teller aus den Gräbern 26 (Taf. 16, 4) und 38 (Taf. 25, 10). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

1.1.2. Teller aus den Gräbern 13 (Taf. 10, 3), 20 (Taf. 13, 2), 24 (Taf. 15, 3), 156 (Taf. 96, 21), 181 (Taf. 117, 7), 197 (Taf. 129, 3), 204 (Taf. 134, 4) und 209 (Taf. 137, 3). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

1.2. Kleine Teller aus den Gräbern 42 (Taf. 25, 19) und 45 (Taf. 30, 3). – Letztes Viertel des 1. Jhs. n. Chr.

1.3.1. Großer Teller (Platte) aus Grab 6 (Taf. 6, 12). – Zweite Hälfte des 1. Jhs. n. Chr.

1.3.2. Teller aus Grab 145 (Taf. 88, 16). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

Form 2. Kleine Teller mit Steilrand; die Tellertiefe ist fast gleich der Randhöhe.

2.1.1. Teller aus den Gräbern (Taf. 8, 7), 54 (Taf. 35, 20), 153 (Taf. 94, 17) und 191 (Taf. 124, 17). – Zweite Hälfte des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

2.1.2. Teller aus den Gräbern 160 (Taf. 100, 5), 187 (Taf. 121, 5) und 313 (Taf. 210, 2). – Letztes Viertel des 1. / erstes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

2.2. Teller aus den Gräbern 22 (Taf. 14, 9), 31 (Taf. 21, 3), 135 (Taf. 83, 3), 199 (Taf. 128, 21), 205 (Taf. 135, 2), 208 (Taf. 136, 9), 301 (Taf. 202, 21), 304 (Taf. 203, 12), 310 (Taf. 207, 4) sowie ein Zufallsfund von 1970 (Taf. 227, 4). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

Form 3. Teller ähnlich Form 2, aber die Gefäßtiefe ist gleich groß der Randhöhe, manchmal auch größer.

3.1.1. Teller aus den Gräbern 2 (Taf. 4, 9), 25 (Taf. 15, 11), 34 (Taf. 23, 2), 39(2) (Taf. 26, 6), 40 (Taf. 28, 5) und 210 (Taf. 138, 4). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

3.1.2. Teller aus den Gräbern 176 (Taf. 112, 17) und 183 (Taf. 118, 5). – Zweite Hälfte des 1. / vielleicht Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

3.2. Großer Teller (Platte) aus Grab 203 (Taf. 133, 4). – Zweite Hälfte des 1. / vielleicht Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

3.3. Teller aus den Gräbern 200 (Taf. 131, 21) und 182 (Taf. 117, 12). – Letztes Viertel des 1. – erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Form 4. Tiefe Teller mit senkrechtem oder leicht eingestelltem niedrigen Steilrand.

4.1. Tiefe Teller aus den Gräbern 137 (Taf. 84, 6), 168 (Taf. 106, 4) und 47 (Taf. 32, 3). – Ende des 1. / erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

4.2. Teller aus den Gräbern 36 (Taf. 24, 4), 53 (Taf. 35, 2), 77 (Taf. 47, 5), 80 (Taf. 48, 15), 83 (Taf. 51, 8), 92 (Taf. 53, 7), 115 (Taf. 68, 4), 116 (Taf. 69, 4), 117 (Taf. 70, 4), 130 (Taf. 79, 4), 218 (Taf. 146, 12), 220 (Taf. 147, 9), 227 (Taf. 155, 2), 228 (Taf. 156, 6), 235 (Taf. 162, 1), 238 (Taf. 163, 3), 249 (Taf. 172, 4), 261 (182, 6), 264 (Taf. 183, 16), 268 (Taf. 185, 2), 277 (Taf. 189, 29), 325 (Taf. 216, 2) und 329 (Taf. 218, 5) sowie zwei Zufallsfunde (Taf. 227, 7, 9). – Diese Tellerform kommt im Verlauf des gesamten 2. Jhs. n. Chr. vor.

Form 5. Teller aus Grab 269 (Taf. 186, 2). – Zweite Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Form 6. Teller mit halbrundem Gefäßkörper.

6.1. Teller aus Grab 46 (Taf. 31, 2). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

6.2. Teller aus Grab 75 (Taf. 46, 10). – Erstes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

6.3. Tiefe Teller aus Grab 78 (Taf. 48, 3) und Zufallsfund von 1981 (Taf. 227, 10). – Diese Tellervariante datiert von der Mitte des 2. bis Anfang (erste Hälfte?) des 3. Jhs. n. Chr.

Form 7. Flache Teller und Platten mit halbrundem Gefäßkörper.

7.1. Teller aus Grab 159 (Taf. 97, 10). – Erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

7.2. Teller aus den Gräbern 146 (Taf. 90, 6), 162 (Taf. 100, 21), 165 (Taf. 104, 4), 196

(Taf. 128, 3), 303 (Taf. 204, 7). – Ende des 1. / erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Form 8. Großer Teller / Schüssel aus Grab 279 (Taf. 190, 4). – Ende des 2. / erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr.

Form 9. Niedriger Teller aus Grab 331 (Taf. 219, 4). – Mitte / zweite Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Schalen

Form 10. Tiefe Schalen mit halbrundem Gefäßkörper aus den Gräbern 179 (Taf. 116, 4) und 195 (Taf. 126, 6). – Letztes Viertel des 1. / erstes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

Form 11. Schalen mit halbrundem Gefäßkörper.

11.1. Schale aus Grab 57 (Taf. 36, 24).

11.2. Schale aus Grab 139 (Taf. 85, 1). – Erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Form 12. Schalen mit halbrundem Gefäßkörper aus den Gräbern 2 (Taf. 4, 10), 10 (Taf. 7, 13) und 44 (Taf. 28, 14). – Zweite Hälfte des 1. Jhs. n. Chr.

Form 13. Kleine Schalen mit halbrundem Gefäßkörper.

13.1. Schale aus Grab 58 (Taf. 37, 3). – Ende des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

13.2. Schale aus Grab 300 (Taf. 202, 1). – Letztes Viertel des 2. / erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr.

Form 14. Tiefe Schalen mit halbrundem oder leicht konischem Gefäßkörper.

14.1. Schalen aus den Gräbern 9 (Taf. 8, 8), 52 (Taf. 34, 21) und 61 (Taf. 39, 6). – Letztes Viertel des 1. / erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

14.2. Schale aus Grab 18 (Taf. 11, 9). – Letztes Viertel des 1. Jhs. n. Chr.

14.3. Schalen aus den Gräbern 46 (Taf. 31, 3) und 200 (Taf. 131, 22). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

14.4. Dickwandige Schale aus Grab 290 (Taf. 196, 9). – Erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr.

Form 15. Dickwandige Schale aus Grab 18 (Taf. 11, 11). – Letztes Viertel des 1. Jhs. n. Chr.

Form 16. Halbrunde Schalen.

16.1. Schale aus einem Zufallsfund von 1970 (Taf. 227, 6).

16.2. Schale aus Grab 151 (Taf. 93, 13). – Ende des 1. / erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

16.3. Schale aus Grab 8 (Taf. 7, 4). – Letztes Viertel des 1. Jhs. n. Chr.

Form 17. Tiefe Schalen mit gedrunken konischem Gefäßkörper.

17.1.1. Schalen aus den Gräbern 1 (Taf. 4, 5), 48 (Taf. 33, 5), 59 (Taf. 38, 2), 66 (Taf. 41, 8), 68 (Taf. 42, 13) und 73 (Taf. 44, 19). – Ende des 1. / erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

17.1.2. Schalen aus den Gräbern 101 (Taf. 58, 5) und 257 (Taf. 177, 2). – Ende des 2. / erstes Viertel des 3. Jhs. n. Chr.

17.2. Schale aus Grab 62 (Taf. 39, 12). – Ende des 1. / erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Form 18. Kleine Schale aus Grab 213 (Taf. 141, 2). – Ende des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

Form 19. Schale aus Grab 230 (Taf. 157, 9). – Mitte / zweite Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Form 20. Schale aus Grab 233 (Taf. 158, 8). – Letztes Viertel des 2. / Anfang des 3. Jhs. n. Chr.

Form 21. Halbrunde Schalen mit großem Durchmesser.

21.1. Schale aus Grab 312 (Taf. 208, 4). – Ende des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

21.2. Schale aus Grab 222 (Taf. 147, 17). – Mitte / zweite Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Tassenförmige Gefäße

Form 22. Schälchen aus Grab 61 (Taf. 39, 5). – Ende des 1. / erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Form 23. Schälchen aus Grab 45 (Taf. 30, 2). – Letztes Viertel des 1. Jhs. n. Chr.

Form 24. Halbrunde Schälchen.

24.1. Schälchen aus den Gräbern 26 (Taf. 16, 2), 40 (Taf. 28, 4), 164 (Taf. 103, 4) und 194 (Taf. 127, 4). – Zweite Hälfte des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

24.2. Schälchen aus den Gräbern 24 (Taf. 15, 4) und 44 (Taf. 28, 15). – Zweite Hälfte des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

24.3. Niedriges Schälchen aus Grab 27 (Taf. 17, 2). – Zweite Hälfte des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

Form 25. Tasse aus Grab 183 (Taf. 118, 3). – Ende des 1. Jhs. n. Chr.

Form 26. Tasse aus Grab 49 (Taf. 33, 22). – Letztes Viertel des 1. Jhs. n. Chr.

Form 27. Tasse aus Grab 49 (Taf. 33, 23). – Letztes Viertel des 1. Jhs. n. Chr.

Form 28. Tassenförmige Gefäße aus den Gräbern 50 (Taf. 34, 2) und 51 (Taf. 34, 16). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

Form 29. Tassenförmiges Gefäß aus Grab 32 (Taf. 22, 3). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

Form 30. Konische Tassen mit vertikalem Steilrand.

30.1. Tasse aus Grab 67 (Taf. 41, 13). – Ende des 1. / erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

30.2. Tassen aus den Gräbern 15 (Taf. 10, 16), 23 (Taf. 13, 10), 29 (Taf. 19, 3), 115 (Taf. 68, 1), 144 (Taf. 89, 3), 145 (Taf. 88, 17), 146 (Taf. 90, 2), 199 (Taf. 128, 23), 203 (Taf. 133, 2) und 204 (Taf. 134, 3). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

30.3. Tassen aus den Gräbern 204 (Taf. 134, 16), 218 (Taf. 146, 13) und 221 (Taf. 148, 17). – Zweites / drittes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

Becher

Form 31. Becher aus den Gräbern 36 (Taf. 24, 2), 53 (Taf. 35, 3), 57 (Taf. 36, 23), 115 (Taf. 68, 2), 129 (Taf. 78, 6), 130 (Taf. 79, 6), 148 (Taf. 91, 4), 166 (Taf. 103, 26), 176 (Taf. 112, 16), 178 (Taf. 115, 6), 196 (Taf. 128, 4), 209 (Taf. 137, 2), 313 (Taf. 210, 3) und 314 (Taf. 212, 3). – Ende des 1. / erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Form 32. Glockenförmige Becher.

32.1. Becher aus den Gräbern 71 (Taf. 44, 6) und 213 (Taf. 141, 3). – Ende des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

32.2. Becher aus Grab 11 (Taf. 9, 12). – Zweite Hälfte des 1. Jhs. n. Chr.

32.3. Becher aus den Gräbern 22 (Taf. 14, 11), 40 (Taf. 28, 3), 140 (Taf. 86, 1), 171 (Taf. 109, 2), 174 (Taf. 111, 3), 179 (Taf. 116, 2) und 200 (Taf. 131, 23). – Letztes Viertel des 1. Jhs. n. Chr.

32.4. Becher aus Grab 285 (Taf. 194, 7). – Anfang des 3. Jhs. n. Chr.

32.5. Becher aus den Gräbern 22 (Taf. 14, 10), 25 (Taf. 15, 10), 168 (Taf. 106, 3), 199 (Taf. 128, 31) und 299 (Taf. 201, 6). – Zweite Hälfte des 1. Jhs. n. Chr.

Form 33. Becher aus den Gräbern 8 (Taf. 7, 5), 132 (Taf. 81, 2), 133 (Taf. 79, 27), 189 (Taf. 123, 6), 192 (Taf. 125, 27), 194 (Taf. 127, 3), 197 (Taf. 129, 4) und 205 (Taf. 135, 3) sowie ein Zufallsfund von 1970 (Taf. 226, 2). – Letztes Viertel des 1. / erstes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

Kantharoi

Form 34. Kantharoi mit zylindrischem Gefäßkörper.

34.1. Kantharoi aus den Gräbern 104 (Taf. 61, 2), 128 (Taf. 77, 2), 226 (Taf. 153, 5), 233 (Taf. 158, 6), 287 (Taf. 196, 4), 294 (Taf. 198, 3) und 300 (Taf. 202, 3). – Zweite Hälfte des 2. / erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr.

34.2. Kantharoi aus den Gräbern 245 (Taf. 170, 12), 259 (Taf. 180, 4) und 265 (Taf. 184, 3). – Zweite Hälfte des 2. / erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr.

Pontische Sigillata B

Charakteristisch für die Gefäße der Pontischen Sigillata B ist ein homogener rotbrauner, gut aufbereiteter Ton ohne bemerkenswerte Einschlüsse. Der Überzug ist von ähnlich rotbrauner Farbe oder orange-rot, innen etwas dunkler, weist einen metallischen Glanz auf und ist homogen, sehr dick und dicht aufgetragen. Stellenweise finden sich Flecken etwas dunklerer Schattierung. Die Gefäße sind vollständig mit Glanzton überzogen, einschließlich der Innenfläche des Ringfußes.

Form 1. Niedriges Schälchen aus Grab 221 (Taf. 148, 3). – Mitte / drittes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

Form 2. Hoher Becher aus Grab 221 (Taf. 148, 4). – Mitte / drittes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

Form 3. Kleiner, flacher Teller aus Grab 221 (Taf. 148, 2). – Mitte / drittes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

Form 4. Flaches Schälchen aus Grab 245 (Taf. 170, 5). – Erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr.

Form 5. Konische Tassen.

5.1. Tasse aus Grab 234 (Taf. 161, 2). – Mitte des 2. Jhs. n. Chr.

5.2. Tasse aus Grab 329 (Taf. 218, 4). – Zweites / drittes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

Tischamphoren

Form 1. Amphoren mit birnenförmigem Gefäßkörper.

1.1. Amphoren aus den Gräbern 6 (Taf. 6, 13), 8 (Taf. 7, 3), 62 (Taf. 39, 11), 68 (Taf. 42, 8) und 145 (Taf. 88, 20). – Letztes Viertel des 1. / erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

1.2. Amphora aus Grab 122 (Taf. 73, 3). – Erste Hälfte / Mitte des 2. Jhs. n. Chr.

1.3. Amphoren aus den Gräbern 135 (Taf. 83, 4), 194 (Taf. 127, 2) und 206 (Taf. 135, 12). – Ende des 1. / erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Form 2. Amphoren mit kugelförmigem Gefäßkörper.

2.1. Amphora aus Grab 129 (Taf. 78, 3). – Erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

2.2. Amphora aus Grab 311 (Taf. 206, 5). – Zweites / drittes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

2.3. Amphoren aus den Gräbern 234 (Taf. 161, 4) und 262 (Taf. 181, 19). – Mitte / zweite Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

2.4. Amphoren aus den Gräbern 81 (Taf. 49, 6), 106 (Taf. 62, 3), 123 (Taf. 74, 2), 128 (Taf. 77, 3), 232 (Taf. 158, 3) und 274 (Taf. 188, 9). – 2. Jh. n. Chr.

Form 3. Amphora aus Grab 41 (Taf. 29, 5) und Zufallsfund von 1969 (Taf. 226, 6). – Zweite Hälfte des 1. Jhs. n. Chr.

Form 4. Amphora aus Grab 218 (Taf. 146, 3). – Zweites / drittes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

Form 5. Amphora aus Grab 118 (Taf. 69, 12). – Zweites / drittes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

Form 6. Amphoren aus den Gräbern 82 (Taf. 51, 3), 84 (Taf. 51, 10), 167 (Taf. 105, 3), 265 (Taf. 184, 8) und 331 (Taf. 219, 3). – 2. Jh. n. Chr.

Oinochoen

Form 1. Oinochoe aus Grab 67 (Taf. 41, 12). – Ende des 1. / erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Form 2. Oinochoe aus Grab 212 (Taf. 140, 4). – Letztes Viertel des 1. / Anfang (erstes Viertel?) des 2. Jhs. n. Chr.

Krüge

Form 1. Krug aus Grab 160 (Taf. 100, 4). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

Form 2. Krüge mit bikonischem Gefäßkörper.

2.1. Krüge aus den Gräbern 2 (Taf. 4, 8), 9 (Taf. 8, 5), 11 (Taf. 9, 11), 22 (Taf. 14, 12), 26 (Taf. 16, 3), 39(2) (Taf. 26, 4), 125 (Taf. 75, 4), 130 (Taf. 79, 5), 134 (Taf. 82, 3), 137 (Taf. 84, 2), 149 (Taf. 91, 20), 154 (Taf. 95, 4), 156 (Taf. 96, 4), 161 (Taf. 101, 3), 168 (Taf. 106, 7a), 175 (Taf. 111, 10), 182 (Taf. 117, 13), 183 (Taf. 118, 4), 193 (Taf. 126, 4), 195 (Taf. 126, 8), 198 (Taf. 130, 3), 203 (Taf. 133, 5), 204 (Taf. 134, 5), 213 (Taf. 141, 7), 300 (Taf. 202, 18), 301 (Taf. 202, 22) und 325 (Taf. 216, 3) sowie ein Zufallsfund von 1970 (Taf. 226, 5). – Zweite Hälfte des 1. / erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

2.2. Krug aus Grab 139 (Taf. 85, 6). – Erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

2.3. Krüge aus den Gräbern 226 (Taf. 153, 9) und 275 (Taf. 188, 15). – 2. Jh. n. Chr.

2.4. Krüge aus den Gräbern 90 (Taf. 52, 17) und 254 (Taf. 175, 27). – Zweites Viertel / zweite Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

2.5. Krug aus Grab 110 (Taf. 65, 22). – Erste Hälfte / Mitte des 2. Jhs. n. Chr.

2.6. Krug aus Grab 191 (Taf. 124, 2). – Ende des 1. / erstes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

Form 3. Kleine Krüge mit bikonischem Gefäßkörper.

3.1. Krüge aus den Gräbern 92 (Taf. 53, 8), 98 (Taf. 57, 2), 105 (Taf. 61, 12), 107 (Taf. 63, 3), 111 (Taf. 66, 2), 113 (Taf. 67, 5), 217 (Taf. 145, 4), 220 (Taf. 147, 4), 235 (Taf. 162, 3), 243 (Taf. 169, 3), 249 (Taf. 172, 3), 263 (Taf. 183, 3), 280 (Taf. 191, 3) und 305 (Taf. 205, 7). – 2. Jh. n. Chr.

3.2. Krug aus Grab 29 (Taf. 19, 4). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

Form 4. Krüge mit kugelförmigem Gefäßkörper aus den Gräbern 71 (Taf. 44, 3), 78 (Taf. 48, 5), 111 (Taf. 66, 2), 117 (Taf. 70, 3), 120 (Taf. 71, 7), 126 (Taf. 76, 3), 208 (Taf. 136, 10), 222 (Taf. 147, 12), 242 (Taf. 168, 21), 246 (Taf. 171, 14) und 279 (Taf. 190, 2). – Krüge dieser Form kommen von der zweiten Hälfte des 1. bis Anfang des 3. Jhs. n. Chr. vor. Die meisten Gefäße stammen aus Fundkomplexen des 2. Jhs.

Form 5. Krüge mit bikonischem Gefäßkörper aus den Gräbern 36 (Taf. 24, 3), 89 (Taf. 52, 14), 115 (Taf. 68, 3), 116 (Taf. 69, 3) und 170 (Taf. 106, 11). – 2. Jh. n. Chr.

Form 6. Krug aus Grab 61 (Taf. 39, 7). – Ende des 1. / erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Form 7. Krug aus Grab 75 (Taf. 46, 7). – Erstes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

Form 8. Krüge aus den Gräbern 114 (Taf. 67, 12), 119 (Taf. 71, 2), 133 (Taf. 79, 30), 158 (Taf. 98, 3), 178 (Taf. 115, 7), 179 (Taf. 116, 3) und 189 (Taf. 123, 5). – Erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

- Form 9.** Krüge mit eiförmig gewölbtem Gefäßkörper.
- 9.1.** Krug aus Grab 38 (Taf. 25, 8). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.
- 9.2.** Großer Krug aus Grab 19 (Taf. 12, 4). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.
- Form 10.** Krug aus Grab 33 (Taf. 21, 11). – Zweite Hälfte des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.
- Form 11.** Krüge mit oval gewölbtem Gefäßkörper.
- 11.1.** Krüge aus den Gräbern 12 (Taf. 8, 13), 18 (Taf. 11, 10), 22 (Taf. 14, 15), 58 (Taf. 37, 4), 69 (Taf. 42, 17) und 312 (Taf. 208, 7). – Ende des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.
- 11.2.** Krug aus Grab 24 (Taf. 15, 2). – Letztes Viertel des 1. Jhs. n. Chr.
- 11.3.** Krug aus Grab 228 (Taf. 156, 7). – Zweites / drittes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.
- 11.4.** Krug aus Grab 236 (Taf. 162, 24). – Zweites / drittes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.
- Form 12.** Krüge mit kugelförmig gewölbtem Gefäßkörper.
- 12.1.** Krug aus Grab 260 (Taf. 181, 3). – Ende des 2. / Anfang des 3. Jhs. n. Chr.
- 12.2.** Krug aus Grab 248 (Taf. 172, 1). – Übergang vom 2. zum 3. Jh. n. Chr.
- Form 13.** Krug aus Grab 239 (Taf. 166, 4). – Zweite Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.
- Form 14.** Krüge aus den Gräbern 40 (Taf. 28, 2), 205 (Taf. 135, 4) und 209 (Taf. 137, 5). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.
- Form 15.** Krug aus Grab 153 (Taf. 94, 16). – Zweite Hälfte des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.
- Form 16.** Krug aus Grab 324 (Taf. 215, 13). – Zweite Hälfte des 2. / Anfang des 3. Jhs. n. Chr.
- Form 17.** Krug aus Grab 174 (Taf. 111, 2). – Letztes Viertel des 1. Jhs. n. Chr.
- Form 18.** Krüge mit halbrundem Gefäßkörper.
- 18.1.** Krüge aus den Gräbern 109 (Taf. 65, 4), 112 (Taf. 66, 18), 121 (Taf. 72, 2), 127 (Taf. 74, 10), 214 (Taf. 142, 2), 251 (Taf. 173, 3), 255 (Taf. 176, 4), 256 (Taf. 176, 8) und 322 (Taf. 215, 3). – 2. Jh. n. Chr.
- 18.2.** Krug aus Grab 165 (Taf. 104, 3). – Erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.
- 18.3.** Krüge aus den Gräbern 185 (Taf. 119, 5) und 188 (Taf. 122, 6). – Zweite Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.
- 18.4.** Krüge aus den Gräbern 267 (Taf. 185, 9), 295 (Taf. 199, 4) und 320 (Taf. 214, 26). – Zweite Hälfte des 2. / Anfang des 3. Jhs. n. Chr.
- Form 19.** Krüge mit eiförmig gewölbtem Gefäßkörper.
- 19.1.** Krug aus Grab 1 (Taf. 4, 4). – Ende des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.
- 19.2.** Krüge aus den Gräbern 56 (Taf. 36, 17), 59 (Taf. 38, 3), 66 (Taf. 41, 7), 132 (Taf. 81, 3), 138 (Taf. 84, 9) und 155 (Taf. 95, 13). – Ende des 1. / erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.
- 19.3.** Krug aus Grab 148 (Taf. 91, 5). – Zweites / drittes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.
- Form 20.** Krüge mit rundem, manchmal eiförmig gewölbtem Gefäßkörper.
- 20.1.** Krüge aus den Gräbern 54 (Taf. 35, 21), 104 (Taf. 61, 4), 171 (Taf. 109, 4), 187 (Taf. 121, 7), 216 (Taf. 142, 12), 241 (Taf. 167, 3), 245 (Taf. 170, 7), 258 (Taf. 179, 3), 259 (Taf. 180, 5), 261 (Taf. 182, 4), 285 (Taf. 194, 19), 286 (Taf. 195, 3), 287 (Taf. 196, 3), 292 (Taf. 197, 9), 296 (Taf. 200, 2), 310 (Taf. 207, 3) und 326 (Taf. 217, 3). – Ende des 2. / erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr.
- 20.2.** Krüge aus den Gräbern 163 (Taf. 102, 2) und 173 (Taf. 108, 20). – Zweite Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.
- Form 21.** Krüge aus den Gräbern 34 (Taf. 23, 3), 97 (Taf. 56, 4), 142 (Taf. 87, 3), 147 (Taf. 90, 15), 164 (Taf. 103, 3), 210 (Taf. 138, 3) und 304 (Taf. 203, 10). – Letztes Viertel des 1. / erstes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.
- Form 22.** Krüge mit birnenförmigem Gefäßkörper.
- 22.1.** Krüge aus den Gräbern 50 (Taf. 34, 6), 65 (Taf. 41, 3) und 150 (Taf. 93, 3). – Letztes Viertel des 1. / erstes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.
- 22.2.** Krüge aus den Gräbern 10 (Taf. 7, 12), 19 (Taf. 12, 2), 20 (Taf. 13, 3), 30 (Taf. 20, 4), 32 (Taf. 22, 2), 33 (Taf. 21, 13), 44 (Taf. 28, 16), 45 (Taf. 30, 5), 51 (Taf. 34, 12) und 58 (Taf. 37, 2). – Zweite Hälfte (letztes Viertel) des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.
- Form 23.** Krüge aus den Gräbern 173 (Taf. 108, 21), 211 (Taf. 139, 3), 224a (Taf. 154, 7), 227 (Taf. 155, 6) und 234 (Taf. 161, 3). – ca. Mitte des 2. Jhs. n. Chr.
- Form 24.** Krug aus einem Zufallsfund (Taf. 226, 4) mit Henkel in Form eines stehenden Hundes. – Ende des 1. / 2. Jh. n. Chr.
- Form 25.** Krug aus Grab 60 (Taf. 38, 21). – Ende des 1. / erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.
- Form 26.** Krug aus einem Zufallsfund (Taf. 226, 3). – Zweite Hälfte des 1. / erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.
- Form 27.** Krug aus Grab 238 (Taf. 163, 4). – Zweites / drittes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.
- Form 28.** Krug aus Grab 52 (Taf. 34, 22). – Ende des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.
- Form 29.** Krug aus Grab 91 (Taf. 53, 4). – Erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

- Form 30.** Krug aus Grab 70 (Taf. 43, 4). – Erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.
Form 31. Krug aus Grab 3 (Taf. 5, 8). – Zweite Hälfte des 1. Jhs. n. Chr.
Form 32. Krug aus Grab 157 (Taf. 97, 3). – Erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.
Form 33. Krug aus Grab 64 (Taf. 40, 11). – Erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.
Form 34. Krug aus Grab 63 (Taf. 40, 4). – Erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.
Form 35. Krug aus Grab 250 (Taf. 172, 13). – Zweite Hälfte des 2. / Anfang des 3. Jhs. n. Chr.
Form 36. Krug aus Grab 299 (Taf. 201, 5). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

Guttus

- Form 1.** Guttus aus Grab 141 (Taf. 86, 23). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.
Form 2. Guttus aus Grab 203 (Taf. 133, 3). – Zweite Hälfte des 1. / vielleicht Anfang des 2. Jhs. n. Chr.
Form 3. Guttus aus Grab 212 (Taf. 140, 2). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.
Form 4. Guttus aus Grab 146 (Taf. 90, 1). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

Becher

Form 1. Becher aus den Gräbern 27 (Taf. 17, 3), 34 (Taf. 23, 8), 39(2) (Taf. 26, 5), 46 (Taf. 31, 4), 47 (Taf. 32, 2), 54 (Taf. 35, 19), 77 (Taf. 47, 2), 79 (Taf. 47, 9), 83 (Taf. 51, 7), 88 (Taf. 52, 6), 100 (Taf. 56, 12), 102 (Taf. 60, 2), 103 (Taf. 60, 6), 107 (Taf. 63, 2), 108 (Taf. 64, 3), 111 (Taf. 66, 3), 112 (Taf. 66, 17), 118 (Taf. 69, 9), 119 (Taf. 71, 3), 126 (Taf. 76, 2), 134 (Taf. 82, 2), 135 (Taf. 83, 2), 136 (Taf. 82, 16), 137 (Taf. 84, 3), 139 (Taf. 85, 13), 144 (Taf. 89, 4), 145 (Taf. 88, 19), 153 (Taf. 94, 15), 154 (Taf. 95, 3), 158 (Taf. 98, 2), 161 (Taf. 101, 2), 165 (Taf. 104, 2), 175 (Taf. 111, 9), 177 (Taf. 115, 2), 182 (Taf. 117, 14), 185 (Taf. 119, 6), 187 (Taf. 121, 6), 188 (Taf. 122, 2), 189 (Taf. 123, 3), 195 (Taf. 126, 7), 198 (Taf. 130, 2), 201 (Taf. 132, 2), 207 (Taf. 136, 3), 208 (Taf. 136, 11), 216 (Taf. 142, 13), 220 (Taf. 147, 10), 232 (Taf. 158, 2), 241 (Taf. 167, 2), 243 (Taf. 169, 2), 245 (Taf. 170, 6), 249 (Taf. 172, 7), 251 (Taf. 173, 2), 252 (Taf. 173, 10), 255 (Taf. 176, 3), 257 (Taf. 177, 5), 264 (Taf. 183, 15), 269 (Taf. 186, 3), 276 (Taf. 189, 4), 286 (Taf. 195, 2), 292 (Taf. 197, 8), 296 (Taf. 200, 1), 308 (Taf. 205, 20), 310 (Taf. 207, 2), 312 (Taf. 208, 5), 324 (Taf. 215, 12), 326 (Taf. 217, 2) und 328 (Taf. 218, 1) sowie Zufallsfunde der Jahre 1970 (Taf. 226, 1) und 1987 (Taf. 226, 7). – Die frühesten Becher dieser Form begegnen in Gräbern aus dem letzten Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr., die größte Verbreitung erfuhr diese Gefäßform jedoch im weiteren Verlauf des 2. Jhs.

- Form 2.** Becher aus Grab 227 (Taf. 155, 3). – Zweites / drittes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.
Form 3. Kleine Becher rundlicher Form aus den Gräbern 81 (Taf. 49, 2), 85 (Taf. 52, 2), 92 (Taf. 53, 6), 110 (Taf. 65, 23) und 260 (Taf. 181, 2). – Erste Hälfte / Mitte des 2. Jhs. n. Chr.
Form 4. Becher aus den Gräbern 75 (Taf. 46, 8), 80 (Taf. 48, 14), 96 (Taf. 55, 4), 97 (Taf. 56, 2), 106 (Taf. 62, 4), 114 (Taf. 67, 10), 117 (Taf. 70, 2), 127 (Taf. 74, 15), 138 (Taf. 84, 10), 150 (Taf. 93, 2), 157 (Taf. 97, 2), 169 (Taf. 107, 4), 279 (Taf. 190, 3) und 311 (Taf. 206, 4). – Erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.
Form 5. Becher aus Grab 274 (Taf. 188, 10). – Ende des 2. / erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr.
Form 6. Becher aus Grab 322 (Taf. 215, 2). – Zweite Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.
Form 7. Becher aus den Gräbern 98 (Taf. 57, 3), 109 (Taf. 65, 5), 209 (Taf. 137, 4) und 238 (Taf. 163, 2). – Ende des 1. bis drittes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.
Form 8. Becher aus Grab 285 (Taf. 194, 20) und Zufallsfund von 1991 (Taf. 226, 8). – Ende des 2. / erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr.
Form 9. Becher aus Grab 149 (Taf. 91, 21). – Ende des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

Weitere Gefäße seltener Form

- Form 1.** Henkelloser Becher aus Grab 326 (Taf. 217, 4). – Ende des 2. / erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr.
Form 2. Töpfchen aus Grab 242 (Taf. 168, 25). – Ende des 2. / erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr.
Form 3. Niedriges Töpfchen aus Grab 223 (Taf. 149, 4). – Zweites Viertel / Mitte des 2. Jhs. n. Chr.
Form 4. Niedriges Töpfchen aus Grab 158 (Taf. 98, 7). – Erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.
Form 5. Töpfchen mit kugelförmigem Gefäßkörper aus Grab 201 (Taf. 132, 4). – Ende des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.
Form 6. Töpfchen aus Grab 19 (Taf. 12, 3). – Letztes Viertel des 1. / Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

Form 7. Unterer Teil eines flachbodigen Gefäßes aus Grab 274 (Taf. 188, 8). – Ende des 2. / erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr.

Form 8. Miniaturbecher aus Grab 187 (Taf. 121, 4). – Zweite Hälfte / (wahrscheinlicher) letztes Viertel des 1. Jhs. n. Chr.

Form 9. Schale aus Zufallsfund von 1970 (Taf. 227, 8). – Zweite Hälfte des 1. bis erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr.

WEITERE TÖPFERWAREN

Zur Zahl der für indigene Grabungsstätten sehr seltenen Funde kann ein zweihenkliger rottoniger *Kochtopf* mit flachem Boden gezählt werden (Taf. 58, 4), der in Grab 101 gefunden wurde, das an den Beginn des 3. Jhs. n. Chr. datiert.

Kleine rottonige *Töpfchen* mit kugeligem Gefäßkörper sind durch 19 Exemplare vertreten, die sich unter anderem in den Gräbern 13 (Taf. 10, 4) und 24 (Taf. 15, 5) fanden. Die Mehrzahl der Komplexe datiert in die zweite Hälfte des 1. bis erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. Nicht ausgeschlossen ist, dass ihre Herkunft mit der italienischen *Ceramica a pareti sottili* (dünnwandige Hartware) verbunden werden muss. Weiterhin wurden in der Nekropole drei Exemplare *rotoniger Oinochoen* in den Gräbern 74 (Taf. 45, 11), 140 (Taf. 86, 3) und 303 (Taf. 204, 6) gefunden, die in das letzte Viertel des 1. bis erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. datieren.

Aus Grab 131 stammt eine *Öllampe mit rotem Glanztonüberzug* mit der Darstellung eines Stieres auf dem Spiegel (Taf. 80, 12) und *planta pedis*-Stempel. Das publizierte Stück datiert in die erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. Lampen sind seltene Einzelfunde in spätskythischen oder sarmatischen Gräbern, da sie für das indigene Grabritual nicht typisch sind.

In Grab 58 wurde eine importierte Terrakotta-‘Klapper’ in Wiegenform mit der Darstellung eines fackeltragenden Eros gefunden (Taf. 37, 16; 235). Terrakottastatuetten fanden praktisch keinen Eingang in das Grabinventar indigener Nekropolen römischer Zeit auf der südwestlichen Krim. Das auf unserer ‘Klapper’ dargestellte Motiv entspricht dem Typus ‘Kind auf Bett / Wiege’.

BRONZEGEFÄSSE

Bronzegefäße gehören zu den seltenen Funden in indigenen Gräberfeldern römischer Zeit auf der Südwestkrim und verweisen auf einen vergleichsweise hohen wohlhabenden oder sozialen Status der Verstorbenen.

Das aus dünnem Blech geschmiedete *Bronzebecken* aus Grab 215 (Taf. 144; 234) hat einen halbrunden Körper mit innen wie außen kannelierten Wänden und einen niedrigen angelöteten Ringfuß. Die Enden der in angelötete Ösen eingehängten Henkel haben die Form von Vogelköpfen. Das Gefäß datiert in den Zeitraum von der ersten Hälfte bis zur Mitte des 2. Jhs. n. Chr. und stammt wahrscheinlich aus einer Werkstatt in den westlichen Provinzen des Römischen Reiches.

In der Nekropole wurden drei durch Guss hergestellte und auf der Drehbank nachbearbeitete *Stielkasserollen* gefunden. Zwei Exemplare aus den Gräbern 172 (Taf. 110, 4; 233, 2) und 299 (Taf. 201, 8; 233, 1) aus der zweiten Hälfte des 1. Jhs. n. Chr. sind dem Typ Eggers 140 zuzuweisen. Das dritte Gefäß ist ein Zufallsfund und dem Typ Eggers 136 nahe, hat jedoch eine andere Griffform, der hier in drei Vorsprüngen endet (Taf. 220, 4; 233, 3). Eine praktisch identische Kasserolle stammt aus den Ausgrabungen in Pompeji. Das publizierte Stück datiert in den Zeitraum vom Ende des 1. Jhs. v. Chr. bis in die erste Hälfte des 1. Jhs. n. Chr.

Eine bronzene *Oinochoe* (Taf. 194, 1; 233, 4) fand sich in Grab 285 (erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr.) und ist dem Typ Eggers 128 nahe. Es ist nicht auszuschließen, dass die Oinochoe vom so genannten ‘thrakischen’ Typ etwas früher datiert (Mitte / drittes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.), da sie bereits ohne Henkel in das Grab gelangte.

BRONZESTATUETTEN UND ELEMENTE VON BRONZEGESCHIRR

In Grab 223 fand sich die gegossene Bronzefigur eines Eros (Taf. 150, 2; 236, 3), die in antiker Zeit quer zerschnitten wurde. Die Figur diente ursprünglich wohl zur Verzierung eines Bronzegefäßes oder einer Schatulle und datiert in das 1. oder den Anfang des 2. Jhs. n. Chr. (das Grab wurde im zweiten Viertel des 2. Jhs. n. Chr. angelegt).

Ein weiterer interessanter Anhänger aus Bronze wurde in Grab 233 gefunden: die Figur ei-

nes schreitenden Eros mit Flügeln hinter dem Rücken und über die Schultern gelegtem Mantel (Taf. 158, 11; 236, 1). Wahrscheinlich wurde hier in zweiter Verwendung eine ursprüngliche Gefäßsattasche zu einem Amulett umfunktioniert. Der Fundkontext der Figurine, Grab 233, datiert in das letzte Viertel des 2. – Anfang des 3. Jhs. n. Chr. Der seltene Fund einer *Hermenstatuette* stammt aus Grab 3 (Taf. 5, 7; 236, 2), das nicht später als in das dritte Viertel des 1. Jhs. n. Chr. zu datieren ist.

GLASGEFÄSSE

Die große Zahl an Glasgefäßen in der Nekropole Bel'bek IV hebt sich klar aus denen anderer Gräberfelder der Südwestkrim heraus (62 archäologisch intakte Gefäße, die zahlreichen Fragmente nicht berücksichtigt). Insgesamt jedoch begegnen Glasgefäße in spätskythischen Fundstätten eher selten. Balsamarien lagen gewöhnlich an den Füßen einer weiblichen Bestattung (häufig in einem Kästchen), die übrigen Gefäße am Kopfende. Manchmal bestätigen Ausnahmen diese Regel – so wurden Balsamarien auch unter dem Kopf, an der Schulter, nahe den Händen o. ä. gefunden.

Balsamarien nehmen einen großen Teil der Glasgefäße aus dem Gräberfeld ein (41 Exemplare, d. h. mehr als 60 %). In der Charakteristik der Balsamarien beziehen wir uns auf die Typologie, die N. Z. Kunina und N. P. Sorokina für die Balsamarien aus bosporanischen Nekropolen erarbeiteten.

Typ I, 2, A. Balsamarien dieses Typs haben einen birnenförmigen Bauch, dessen Höhe etwa der des Halses entspricht. Sie fanden sich in den Gräbern 160 (Taf. 100, 2), 203 (Taf. 133, 7) und 211 (Taf. 139, 4), die vom letzten Viertel des 1. bis Anfang des 2. Jhs. n. Chr. datieren. Eine Ausnahme bildet der Fundkomplex des Gefäßes aus Grab 101 (Taf. 58, 2), der mindestens 100 Jahre später einzuordnen ist.

Typ I, 2, B. Der Körper dieser Gefäße hat deutlich konischere Umrisse. Sie wurden in den Gräbern 152 (Taf. 94, 2), 162 (Taf. 100, 32) und 182 (Taf. 117, 11) gefunden, die in die erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. datieren.

Typ I, 2, B. Der Hals des Gefäßes ist doppelt so hoch wie der Bauch. Zu diesem Typ zählt nur das Balsamarion aus Grab 47 (Taf. 32, 4) aus dem letzten Viertel des 1. bis Anfang des 2. Jhs. n. Chr.

Typ I, 2, F. Dies ist der häufigste Balsamariotyp in den Gräbern von Bel'bek IV. Die Gefäße haben einen niedrigen konischen Bauch und einen hohen Hals; der Boden ist oft konkav gewölbt. Sie fanden sich in den Gräbern 81 (Taf. 49, 5), 96 (Taf. 55, 3), 129 (Taf. 78, 4), 167 (Taf. 105, 2), 179 (Taf. 116, 5) und anderen. Praktisch alle Fundkomplexe datieren in das 2. Jh. n. Chr., nur vereinzelt datiert ein Grab in die erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr.

Typen I, 2, D und I, 2, E. Dies sind die spätesten Balsamarien mit konischem Bauch. Sie stammen aus den Gräbern 100 (Taf. 56, 10), 102 (Taf. 60, 4), 231 (Taf. 157, 19) und 326 (Taf. 217, 5), die in das 2. Jh. bzw. – Grab 326 – an das Ende 2. bis in die erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr. datieren.

Typ II, 2. Dieser Typ vereint Balsamarien aus den Gräbern 93 (Taf. 54, 2), 98 (Taf. 57, 6), 106 (Taf. 62, 2) und 223 (Taf. 149, 2). Der Hals der Gefäße ist zylinderförmig und weist einen Einzug am Übergang zum Bauch auf; der Boden ist stark konkav gewölbt. Die Fundkontexte datieren vom Ende des 1. bis in das zweite / dritte Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

Typ III ist das Balsamarion aus Grab 187 (Taf. 121, 3) zuzuweisen, dessen Bauch rundlich und dessen Boden flach ist. Der Fundkomplex kann in das letzte Viertel des 1. Jhs. n. Chr. datiert werden.

Die Qualität aller dieser Gefäße ist ziemlich gering, die Form vieler asymmetrisch. Wahrscheinlich handelt es sich bei allen Balsamarien um lokale Produkte aus chersonesischen Werkstätten.

Das Balsamarion aus Grab 198 (Taf. 130, 5) mit kugeligem, oben abgeflachtem Körper und leicht geplättetem Boden ist eindeutig mediterraner Herkunft und datiert vom Ende des 1. bis erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Der eiförmige *Becher* aus Grab 144 (Taf. 89, 16) hat einen leicht konkav gewölbten Boden und datiert in die Mitte bis zweite Hälfte des 1. Jhs. n. Chr. Der Becher aus Grab 131 (Taf. 80, 2) datiert nicht später als Anfang des 2. Jhs. n. Chr. Seine Wände sind fast gerade, der Körper weitet sich etwas zum Boden hin. Die Becher aus den Gräbern 221 (Taf. 148, 7) und 236 (Taf. 162, 23) haben eine zylindrische Form mit vertikalen Wänden; der Boden ist in der Mitte konkav gewölbt, die Randlippe ausgebogen. Diese Gefäße können in das zweite und dritte Viertel des 2. Jhs. n. Chr. datiert werden. Drei Becher gehören zu den Zufallsfunden (Taf. 225, 1, 2). Das *Schälchen* aus Grab 100 ist unbekannter Provenienz und datiert vom Ende des 1. bis in die erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Der *kubische Krug* aus Grab 74 (Taf. 45, 10) hat einen niedrigen quaderförmigen Körper, eine horizontal ausgebogene und nach innen umgeschlagene Randlippe. Auf dem Außenboden des Kruges findet sich in jeder Ecke und in der Mitte ein so genannter Stempel in Form eines erhabenen Kreises mit zentraler Punktwölbung. Ein ähnlicher kubischer Krug wurde in Grab 221 gefunden (Taf. 148, 6); auf seinem Boden findet sich ein großer ‚Stempel‘ in Form einer Rosette. Die Gefäße sind Erzeugnisse syrischer oder kleinasiatischer Werkstätten aus der Zeit vom Ende des 1. bis in die erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Die *Ballonflasche* aus Grab 131 (Taf. 80, 3) mit kugelförmigem Körper und Röhrenhals ist wahrscheinlich anatolischer Provenienz. Datieren lässt sich dieses Gefäß in die zweite Hälfte des 1. Jhs., auch wenn der Grabkomplex erst im ersten Viertel des 2. Jhs. n. Chr. angelegt wurde.

Der *Amphoriskos* aus Grab 187 (Taf. 121, 2) hat einen elliptischen Körper, der fließend in den Röhrenhals übergeht, dessen Rand horizontal ausgebogen und leicht nach innen umgeschlagen ist; der Boden läuft spitz zu. Die wahrscheinliche Werkstattregion ist Norditalien, die Datierung Mitte des 1. Jhs. n. Chr. *Aryballoi* wurden in den Gräbern 197 (Taf. 129, 6) und 312 (Taf. 208, 3) gefunden. Ihre Provenienz lässt sich vermutlich auf den östlichen Mittelmeerraum eingrenzen, ihr Produktionszeitraum auf den Übergang vom 1. zum 2. Jh. n. Chr.

Die *Miniaturtasse* aus Grab 197 (Taf. 129, 5) datiert an den Übergang vom 1. zum 2. Jh. n. Chr. Gegen Ende des 2. bis in die erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr. ist eine Serie *halbkugelförmiger Tassen* einzuordnen. Sie fanden sich in den Gräbern 258 (Taf. 179, 2), 261 (Taf. 182, 2), 282 (Taf. 193, 2) und 285 (Taf. 194, 2).

Fragmente eines *Glasstabes*, der zum Verrühren von Düften und Entnehmen von Parfüm aus gläsernen Behältnissen diente, fanden sich in Grab 283 (Taf. 193, 23), das an das Ende des 2. – erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr. datiert.

BEWAFFNUNG UND PFERDEGESCHIRR

Elemente der Bewaffnung fanden sich nur wenige in Bel‘bek IV. Hauptsächlich bestehen sie aus eisernen Messern und Dolchen und Fragmenten dieser.

Ringknaufschwerter mit gerader Parierstange fanden sich in den Gräbern 214 und 215 (Taf. 142, 5; 143, 12; 242, 1,4), die in das zweite und dritte Viertel des 2. Jhs. n. Chr. datieren. Die Schwerter waren in hölzernen Scheiden in die Gräber gelegt worden, von denen sich nur wenige Spuren erhalten haben. Auch fanden sich Klingenfragmente von Langschwertern (die Griffe haben sich nicht erhalten, doch waren sie – offenbar spindelförmig – gefertigt worden). Sie stammen aus dem bereits in der Antike ausgeraubten Steinplattengrab 184 und aus Zufallsfunden auf dem Territorium der Nekropole (Taf. 119, 2; 222, 1; 242, 6,7).

Durch drei Exemplare sind *Dolche ohne Metallknauf und ohne Parierstange* (mit Griffangel in Spindelform) vertreten. Der erste Dolch dieses Typs stammt aus Grab 163 (Taf. 102, 6; 242, 5). An Klinge und Griff haben sich Holzreste der Scheide erhalten, zu der vermutlich auch die zwei Bronzeschellen gehörten, die direkt neben dem Dolch gefunden wurden (Taf. 102, 4–5) sowie eine Chalzedonperle (Taf. 102, 8). Ein ähnlicher Dolch stammt aus Grab 128 (Taf. 77, 5), neben dem ebenfalls eine Chalzedonperle lag, die als Knauf diente (Taf. 77, 10). In Grab 223 fand sich ein weiterer fragmentierter Dolch (Taf. 152, 5). Die Komplexe in Bel‘bek IV datieren alle in den Zeitraum vom zweiten Viertel bis in die zweite Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Des Weiteren wurde in dem Nischengrab 270, das im letzten Viertel des 2. oder ersten Viertel des 3. Jhs. n. Chr. angelegt wurde, das Fragment eines *Breitschwertes* ohne Knauf, mit Resten einer Parierstange gefunden (Taf. 187, 4). Schwertfragmente fanden sich auch in Grab 281 (Taf. 192, 8), das in die zweite Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. datiert. Noch ein weiteres Schwertfragment stammt aus dem älteren Grab 6 (Taf. 6, 7), das bei Bauarbeiten beschädigt wurde.

Eine massive blattförmige *Lanzenspitze* mit kurzer Tülle zählt zu den Zufallsfunden (Taf. 222, 4; 242, 2). Solche Lanzen wurden in den ersten Jahrhunderten n. Chr. von den Sarmaten verwendet, zu deren Kriegstaktik es gehörte, schwer bewaffnete Reiter einzusetzen.

Fragmente eines eisernen Kettenpanzers fanden sich in den Gräbern 223 und 233 (Taf. 152, 1–4; 160, 12).

Pferdeggeschirr ist unter den Funden des Gräberfeldes nur fragmentarisch erhalten. Elemente davon fanden sich lediglich in zwei Gräbern (223 und 285), wo sie möglicherweise ersatzweise ein Pferd symbolisierten, sowie in der Grabgrube mit der Pferdbestattung, Grab 278 (Taf. 189, 30–35). Letztere ist vielleicht mit Grab 270 zu verbinden, in dem sich das oben genannte Breitschwert und Beigaben aus dem letzten Viertel des 2. bzw. ersten Viertel des 3. Jhs. n. Chr. befanden.

BEKLEIDUNGSZUBEHÖR UND SCHMUCK

Fibeln

Zwei *Scharnierfibeln* aus Grab 149 (Taf. 91, 22, 23) sind Importe aus römischen Provinzen, wo sich derartige Stücke – erstere eine Scharnierfibel mit seitlichen Flügeln, die zweite eine Scharnierfibel mit eingefügten Platten – weit verbreitet in den römischen Lagern fanden. Die rheinischen Originale datieren etwas früher als der Grabkomplex in Bel'bek IV.

Die *Scharnierfibeln* aus Grab 6 (Taf. 6, 11), 114 (Taf. 67, 9) und 314 (Taf. 212, 6) sind pontischer Herkunft und imitieren lediglich importierte Vorbilder.

Broschenfibeln mit Scharnier wurden in den Gräbern 161 (Taf. 101, 10), 185 (Taf. 119, 21), 2236 (Taf. 150, 3,5) 238 (Taf. 163, 8) und 242 (Taf. 168, 23) gefunden, die im zweiten bzw. dritten Viertel des 2. Jhs. n. Chr. angelegt wurden. Ein weiteres Stück gehört zu den Zufallsfunden (Taf. 221, 1). Alle Scharnierfibeln, die in Bel'bek IV gefunden wurden, sind Importe und können in den Zeitraum vom Ende des 1. bis zur Mitte des 2. Jhs. n. Chr. datiert werden. Einige Fibeln waren zerbrochen, und einer war eine Öse angelötet worden. Dies zeugt einmal mehr davon, dass Emaillefibeln von den indigenen Bewohnern geschätzt wurden und erst nach langer Nutzungszeit in ihre Gräber gelangten – und dies nicht immer in ihrer ursprünglichen Funktion.

Kräftig profilierte Fibeln, die ebenfalls zu den Importobjekten aus römischen Provinzen zählen, wurden in den Gräbern 164 (103, 7) und 305 (205, 6) gefunden, die an das Ende des 1. bzw. in die erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. datieren. *Kräftig profilierte Fibeln mit Bügelknopf* stammen aus den Gräbern 97 (Taf. 56, 8), 121 (Taf. 72, 6), 131 (Taf. 80, 4), 161 (Taf. 101, 9), 225 (Taf. 154, 14) und anderen. Die Datierung all dieser Komplexe fällt in die ersten drei Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

Spiralfibeln mit glattem Bügel und Zierknopf am Ende des Nadelhalters fanden sich in den Gräbern 186 (Taf. 120, 4) und 311 (Taf. 206, 6) und datieren in die erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Fibeln mit spiral- oder S-förmigem Schmuckfortsatz am Ende des Nadelhalters wurden in den Gräbern 7 (Taf. 7, 7), 11 (Taf. 9, 3), 18 (Taf. 11, 6), 19 (Taf. 12, 6), 31 (Taf. 21, 5) und anderen gefunden. Die Fundkomplexe datieren hauptsächlich in den Zeitraum vom letzten Viertel des 1. bis in das erste Viertel bzw. die erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Am häufigsten in Bel'bek IV vertreten sind *Drahtbogenfibeln* mit eingliedriger Spirale und umgeschlagenem Fuß, in deren Typologie wir A. K. Ambroz folgen.

Fibeln der Serie 'Lebjaž'inskaja' fanden sich in den Gräbern 6 (Taf. 6, 9), 18 (Taf. 11, 7), 52 (Taf. 34, 20), 59 (Taf. 38, 6), 64 (Taf. 40, 10) und anderen, die an das Ende des 1. und in die erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. datieren – wenngleich einzelne Grabkontexte, wie z. B. Grab 6, bereits der zweiten Hälfte des 1. Jhs. angehören.

Bogenfibeln der Variante 2 stammen unter anderem aus den Gräbern 28 (Taf. 18, 2), 34 (Taf. 23, 10), 39(2) (Taf. 27, 2), 49 (Taf. 33, 15) und 71 (Taf. 44, 4) des letzten Viertels des 1. bzw. vom Anfang des 2. Jhs. n. Chr. Einige Exemplare wurden in Gräbern der ersten Hälfte des 2. Jhs. gefunden.

Bogenfibeln der Variante 3 wurden in den Gräbern 56 (Taf. 36, 12), 57 (Taf. 36, 22), 63 (Taf. 40, 2), 64 (Taf. 40, 9), 71 (Taf. 44, 2) und anderen Komplexen angetroffen, die mehrheitlich der ersten Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. zugewiesen werden können.

Bogenfibeln der Variante 4–5 fanden sich unter anderem in den Gräbern 95 (Taf. 54, 18), 105 (Taf. 61, 17), 119 (Taf. 119, 22), 123 (Taf. 74, 5) und 148 (Taf. 91, 11). In Bel'bek IV datieren diese Komplexe überwiegend in die zweite Hälfte des 2. Jhs. n. Chr., einige jedoch können dem Übergang vom 2. zum 3. und der ersten Hälfte des 3. Jhs. n. Chr. zugeordnet werden.

Bogenfibeln mit ornamentaler Drahtumwicklung des Bügels wurden in den Gräbern 101 (Taf. 58, 9), 215 (Taf. 143, 2), 233 (Taf. 158, 12), 242 (Taf. 168, 26), 252 (Taf. 173, 11) und 270 (Taf. 187, 2) gefunden, die an das Ende des 2. und in die erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr. datieren.

Bogenfibeln mit durchgängiger Drahtumwicklung des Bügels stammen aus den Gräbern 128 (Taf. 77, 4), 222 (Taf. 147, 13), 234 (Taf. 161, 15), 238 (Taf. 163, 6), 257 (Taf. 177, 6, 12, 18) und 259 (Taf. 180, 7). Diese Komplexe datieren mehrheitlich an das Ende des 2. bzw. in die erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr., wobei die Fibeln offenbar schon früher, um die Mitte des 2. Jhs., vorkommen.

Bogenfibeln mit durchgängiger Drahtumwicklung bis zur halben Bügelhöhe wurden unter anderem in den Gräbern 249 (Taf. 172, 8), 251 (Taf. 173, 4), 254 (Taf. 175, 28), 261 (Taf. 182, 8) und 294 (Taf. 198, 9) gefunden.

Bogenfibeln mit plattem Bügel, verziert mit einem Schlangenornament aus Draht stammen aus Gräbern der ersten Hälfte des 3. Jhs. n. Chr.: 188 (Taf. 122, 3), 245 (Taf. 170, 10), 258 (Taf. 179, 5), 286 (Taf. 195, 6), 287 (Taf. 196, 2) und 291 (Taf. 197, 1).

Violinbogenfibeln – eingliedrige Drahtfibeln mit hohem Nadelhalter, meistens mit unterer Sehne – fanden sich in den Gräbern 24 (Taf. 15, 8), 38 (Taf. 25, 2), 48 (Taf. 33, 8), 59 (Taf. 38, 5), 60 (Taf. 38, 18) und anderen, hauptsächlich zusammen mit Inventar vom Ende des 1. und aus dem 2. Jh. n. Chr. Einige Violinbogenfibeln wurden mit runden Broschen mit figürlicher Darstellung versehen. In Grab 208, das in das letzte Viertel des 1. Jhs. n. Chr. datiert, fand sich eine *Bronzescheibe mit dem Bild eines Adlers*, der seine Flügel ausbreitet (Taf. 136, 8). In Grab 144 vom Ende des 1. Jhs. n. Chr. lag neben der Fibel eine fragmentierte *Bronzescheibe mit der Darstellung zweier Zweige* (Taf. 89, 10).

In drei Gräbern der Nekropole wurden *Medaillons mit anthropomorphen Darstellungen* gefunden. Eines stammt aus Grab 29 (Taf. 19, 2) vom Ende des 1. Jhs. n. Chr. In seinem Zentrum ist eine weibliche Gottheit (wahrscheinlich Aphrodite) mit Eros dargestellt. Das bereits in antiker Zeit zerbrochene Medaillon wurde am Kopf der Bestattung neben weiteren Amuletten gefunden, vermutlich in sekundärer Verwendung. Weitere Medaillons mit zentraler anthropomorpher Darstellung stammen aus dem in die Mitte des 2. Jhs. n. Chr. datierenden Grab 81 (Taf. 49, 7) und aus Grab 101, das dem letzten Viertel des 2. bzw. ersten Viertel des 3. Jhs. n. Chr. angehört (Taf. 58, 3).

Elemente der Gürtelgarnitur sowie Schuh- und Schultergurtschnallen

1. Eine *beschlaglose Schnalle mit unbeweglichem Dorn* fand sich in Grab 159 (Taf. 97, 18) zusammen mit Beigaben aus der ersten Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

2. *Beschlaglose Schnallen mit beweglichem Dorn*:

a) *Runde* Bronzeschnallen fanden sich unter anderem in den Gräbern 11 (Taf. 9, 2), 71 (Taf. 44, 7), 131 (Taf. 80, 6), 178 (Taf. 115, 11) und 285 (Taf. 194, 17). Alle lagen in Gürtelhöhe, mit Ausnahme der Schnalle aus Grab 178, die sich an der Hand des Bestatteten fand. Die Mehrzahl der Schnallen gehört dem letzten Viertel des 1. bzw. ersten Viertel des 2. Jhs. n. Chr. an, nur die Exemplare aus den Gräbern 285 und 300 datieren in das letzte Viertel des 2. bzw. erste Viertel des 3. Jhs. n. Chr.

Bronzeschnallen mit eisernem Dorn wurden in zwei Gräbern jeweils in Gürtelhöhe gefunden: Grab 36 (Taf. 24, 6) und 251 (Taf. 173, 5).

Eiserne Schnallen fanden sich in den Gräbern 14 (Taf. 10, 13), 90 (Taf. 52, 16), 112 (Taf. 66, 20), 127 (Taf. 74, 12), 136 (Taf. 82, 17) und anderen. Während die Schnallen in den Gräbern 136 und 147 in Gürtelhöhe lagen, befanden sie sich in den Gräbern 90 und 112 nahe der Handknochen und in Grab 127 bei den Füßen. Die Fundkomplexe der Schnallen datieren hauptsächlich in die erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Kleine Schnallen konnten auch eine Rolle als Schuhschnallen erfüllen. In einzelnen Fällen konnten sie auch zusammen mit den Riemen genutzt worden sein, mit denen die Beine des Verstorbenen verbunden waren (z. B. Taf. 194, 15–16).

b) *D-förmige Eisenschnallen* stammen aus den Gräbern 255 (Taf. 176, 6) und 323 (Taf. 215, 9), die in die zweite Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. datieren.

Einige Eisenschnallen (Sattelturmschnallen?) wurden zusammen mit Trensen und anderen Elementen des Pferdegeschirrs gefunden (Grab 223).

c) Eine *figürlich geformte Bronzeschnalle* stammt aus Grab 165 (Taf. 104, 11) aus der ersten Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

In Grab 207 (Taf. 136, 4) wurde eine eiserne ‚8-förmige‘ Schnalle aus der ersten Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. gefunden.

3. *Schnallen mit Beschlag*

a) Bronzene und silberne *ovale und runde Schnallen mit beweglichem Dorn und rechteckigem unverzierten Beschlag* fanden sich in den Gräbern 245 (Taf. 171, 1–2, 4), 258 (Taf. 179, 7–8), 261 (Taf. 182, 9, 10, 17), 259 (Taf. 180, 12) und 286 (Taf. 195, 14–15), manchmal zusammen mit bronzenen Riemenzungen (Taf. 195, 7–9, 12–13; 179, 7; 180, 12). Die Fundkomplexe datieren vom Ende des 2. bis in das erste Viertel / die erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr. In Grab 245 können zwei Schnallen als Schuhzubehör gewertet werden, die dritte fand sich auf der Brust des Bestatteten (Taf. 171, 4).

In Grab 270, das in das letzte Viertel des 2. bzw. erste Viertel des 3. Jhs. n. Chr. datiert, fanden sich zwei weitere Schnallen dieses Typs (Taf. 187, 14, 16) zusammen mit Riemenzungen (Taf. 187, 13, 15); sie können mit den Schuhen in Verbindung gebracht werden.

Eine ovale Eisenschnalle mit rechteckigem Beschlag fand sich in Grab 122 (Taf. 73, 4a). Eine weitere Eisenschnalle stammt aus Grab 116 (Taf. 69, 5). Die Datierung dieser Komplexe fällt in den Zeitraum zwischen der ersten Hälfte und dem zweiten bis dritten Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

b) Zwei *rechteckige Bronzeschnallen mit rechteckigem Beschlag* wurden in Grab 270 gefunden (Taf. 187, 17–18). Wahrscheinlich gehörten sie zu einem Schultergurt; sie datieren in das letzte Viertel des 2. bzw. erste Viertel des 3. Jhs. n. Chr.

Einige Schnallen aus Bel'bek IV weisen provinzialrömische Formen auf – z. B. die Exemplare aus den Gräbern 258 (Taf. 179, 6) und 291 (Taf. 197, 6) –, die an das Ende des 2. bzw. in die erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr. datieren.

Ringe von runder Form, die als Elemente der Gürtelgarnitur gewertet wurden, fanden sich unter anderem in den Gräbern 81 (Taf. 49, 11), 101 (Taf. 58, 8), 108 (Taf. 64, 13), 149 (Taf. 92, 4) und 238 (Taf. 164, 8).

Armringe

Armringe aus rundem Draht mit zusammenlaufenden und umeinander verdrehten Enden wurden in den Gräbern 80 (Taf. 48, 9–10), 81 (Taf. 49, 9), 106 (Taf. 62, 7), 133 (Taf. 79, 28), 152 (Taf. 94, 3) und anderen vom Ende des 1. bis in die erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr. gefunden.

Armringe aus rundem Draht mit beweglichem Verschluss in Form zweier Spiralen fanden sich unter anderem in den Gräbern 81 (Taf. 49, 12; 50, 10), 140 (Taf. 86, 5, 7), 156 (Taf. 96, 10), 173 (Taf. 108, 22) und 220 (Taf. 147, 3).

Armringe aus rundem Draht mit geplätteten Enden, die nicht zusammenlaufen oder schließen und schematisch als „Schlangenköpfe“ geformt sind, stellen die häufigste Gruppe von Armringen unter den Funden der Nekropole dar. Sie fanden sich unter anderem in den Gräbern 1 (Taf. 4, 1), 11 (Taf. 9, 14), 29 (Taf. 19, 10), 43 (Taf. 27, 22) und 70 (Taf. 43, 7).

Armringe aus rundem Draht mit kugel- oder „zapfenförmig“ verdickten, nicht zusammenlaufenden Enden wurden in den Gräbern 6 (Taf. 6, 10), 135 (Taf. 83, 14), 175 (Taf. 112, 5) und 213 (Taf. 141, 17) gefunden, die von der zweiten Hälfte des 1. bis in das erste Viertel des 2. Jhs. n. Chr. datieren.

Armringe aus stabdicke Draht mit gleichmäßig behauenen oder verdickten nicht zusammenlaufenden Enden wurden in den Gräbern 258 (Taf. 179, 9), 261 (Taf. 182, 16, 18), 310 (Taf. 207, 14) und 326 (Taf. 217, 10) gefunden, die in das letzte Viertel des 2. und erste Viertel des 3. Jhs. n. Chr. datieren – mit Ausnahme des ritzielinienverzierten Armringes aus Grab 310, das dem letzten Viertel des 1. bzw. Anfang des 2. Jhs. n. Chr. angehört.

Armringe aus rundem Draht mit nicht gesondert bearbeiteten Enden stammen aus den Gräbern 32 (Taf. 22, 4) und 67 (Taf. 41, 11) vom letzten Viertel des 1. bzw. ersten Viertel des 2. Jhs. n. Chr.

Ein breiter Armreif aus getriebenem Silberblech mit nicht gesondert bearbeiteten und nicht zusammenlaufenden Enden stammt aus Grab 286 (Taf. 195, 5), das in die erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr. datiert; er ist stark deformiert.

Die *Grivna* (Taf. 220, 3) wurde aus scheinbar gedrehtem Bronzedraht gefertigt, die Enden sind abgebrochen. Drei Bronzeperlen sind auf der Grivna aufgereiht. In Grab 262 fand sich das Fragment eines bronzenen Schmuckstücks (Schläfenring?) mit eingehängter Glasperle (Taf. 181, 21). Der Komplex datiert in die zweite Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. Ein weiterer kleiner Bronzering mit je einer aufgereihten Glas- und Bronzeperle stammt aus Grab 104 (Taf. 61, 5, 7, 8), das an das Ende des 2. bzw. in die erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr. datiert.

Fingerringe

Schmale Fingerringe aus im Schnitt rundem Draht mit plattem, glattem Schild ovaler Form wurden in den Gräbern 59 (Taf. 38, 9), 96 (Taf. 55, 9, 20), 101 (Taf. 59, 10–11), 107 (Taf. 63, 6), 176 (Taf. 114, 1) und anderen gefunden.

Schmale Fingerringe aus im Schnitt rundem Draht mit Nest für eine Steineinlage stammen aus den Gräbern 18 (Taf. 11, 8), 38 (Taf. 25, 5), 47 (Taf. 32, 7), 84 (Taf. 51, 14), 111 (Taf. 66, 5) und anderen. In einigen Ringen haben sich eingelegte Gemmen erhalten.

Schmale Fingerringe aus im Schnitt rundem Draht mit einem Schild aus schneckenförmig gedrehtem Draht fanden sich in den Gräbern 38 (Taf. 25, 6), 52 (Taf. 34, 18), 158 (Taf. 99, 15), 189 (Taf. 123, 7) und 195 (Taf. 126, 12) vom Ende des 1. – erstes Viertel / erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Schläfen- und Ohringe

Schläfenringe aus dünnem Draht mit anderthalb Windungen wurden in den Gräbern 4 (Taf. 6, 3), 276 (Taf. 189, 13–14), 291 (Taf. 197, 5) und 312 (Taf. 208, 2) gefunden. Diese Schmuckgehänge stammen aus Komplexen vom Anfang (Grab 312) bzw. der ersten Hälfte des 2. Jhs. (Grab 276) und der ersten Hälfte des 3. Jhs. n. Chr. (Grab 291).

Bronzene oder silberne *Ohr- oder Schläfenringe aus dünnem, im Schnitt runden Draht mit Öse an dem einen und Haken am anderen Ende* fanden sich unter anderem in den Gräbern 3 (Taf. 5, 3–4), 40 (Taf. 28, 11–12), 59 (Taf. 38, 7–8), 61 (Taf. 39, 2–3) und 132 (Taf. 81, 4–5).

Ringe aus dünnem, im Schnitt rundem Draht mit zusammenlaufenden oder ineinander verdrehten Enden stammen aus den Gräbern 81 (Taf. 49, 4) und 284 (Taf. 193, 25).

In den Gräbern 93, 149, 176 und 305 wurden goldene Ohringe aus der zweiten Hälfte des 1. bis Anfang des 2. Jhs. n. Chr. gefunden (Taf. 54, 12; 91, 25, 26; 112, 18, 19; 205, 8, 9).

Kleine gestanzte *Goldplättchen* mit Durchlochungen zum Annähen und fanden sich entweder nahe der Handgelenke zusammen mit Perlen (Gagat, Karneol), wo sie wahrscheinlich ursprünglich den Ärmelrand verzierten (Grab 299 Taf. 201, 3–4), oder an den Füßen, wo sie als Schuhdekor der bestatteten Frau dienten (Grab 223 Taf. 152, 11–12). In Grab 176 wurden sechs Fragmente einer Goldfolie entdeckt – wahrscheinlich die Reste eines Totenkranzes. Auch in dem teilweise gestörten Grab 6 mit der Bestattung eines Mannes wurden kleine Stücke einer Goldfolie dokumentiert.

TOILETTENUTENSILIEN

Spiegel

Glatte runde Spiegel, manchmal nur fragmentarisch, fanden sich in den Gräbern 19 (Taf. 12, 14), 26 (Taf. 16, 7), 149 (Taf. 92, 2), 194 (Taf. 127, 6), 198 (Taf. 130, 6) und anderen. Alle Stücke lagen zu Füßen des Bestatteten, mit Ausnahme des Spiegels aus Grab 26, der auf der Brust des Toten abgelegt worden war. In der Nekropole Bel'bek IV stammen diese Spiegel aus Gräbern des letzten Viertels des 1. bzw. ersten Viertels des 2. Jhs. n. Chr.

Glatte runde Spiegel mit Griff wurden nur in Grab 172 (Taf. 110, 14; 239, 9) und Grab 310 (Taf. 207, 7) gefunden, die in die zweite Hälfte des 1. bzw. Anfang des 2. Jhs. n. Chr. datieren.

Spiegelanhänger mit konvex gewölbtem Zentrum lagen in den Gräbern 125 (Taf. 75, 6; 239, 1) und 158 (Taf. 98, 6) aus der ersten Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. – einer an den Füßen des bzw. der Bestatteten, der andere in Gürtelhöhe. Ein Fragment dieses Spiegeltyps stammt aus Grab 313 (Taf. 210, 8).

Spiegelanhänger mit reliefiertem Rand und Ornament auf der Rückseite sind der häufigste Spiegeltyp in der Nekropole. In der Regel lagen sie als Einzelstück mit dem Ornament nach unten auf der Brust oder in Gürtelhöhe der Bestattung, in seltenen Fällen (Gräber 101, 238, 312, 317) fanden sich zwei Exemplare in einem Grab. Sie lagen zum Beispiel in den Gräbern 75 (Taf. 46, 6), 81 (Taf. 50, 21), 96 (Taf. 55, 10), 98 (Taf. 57, 9), 100 (Taf. 56, 15) und anderen.

Ein *Bleirahmen eines gläsernen Spiegels* lag in Grab 281 vom Ende des 2. bzw. der ersten Hälfte des 3. Jhs. n. Chr. (Taf. 192, 3). Der Glasspiegel selbst wurde nicht entdeckt. Wahrscheinlich war er vor dem Begräbnis zerschlagen worden, oder in das Grab wurden nur die Rahmenstücke gelegt.

Der *Spiegelgriff mit Randperforation* aus Grab 75 (Taf. 46, 1) wurde von den Einheimischen als Amulett verwendet.

KOSMETIKZUBEHÖR

Für die Verwahrung von Toilettenartikeln, Amuletten und Schmuck dienten Holzkästchen mit Metallbeschlägen und Schließvorrichtungen, die sich in 34 Gräbern mit weiblichen Bestattungen nachweisen ließen. Die Kästchen waren fast ausnahmslos zu Füßen der Bestatteten abgelegt worden, sehr selten am Kopf (Grab 79: ohne eiserne Elemente; Grab 158), an den Händen (Grab 172), an der rechten Schulter (Grab 185) oder auf einer hölzernen Unterlage (Grab 221). Die Kästchen selbst haben sich in den Gräbern nicht erhalten; abgesehen von einer Moderschicht, die das organische Material hinterließ, blieben von ihnen nur ihre eisernen und bronzenen Bestandteile. Gewöhnlich finden sich von den Kästchen Elemente aus Bronze wie die Schlossplatten, die Schließvorrichtung, Schlüsselschlüssel, Drahtösen und -klammern und Griffe sowie eiserne Beschläge. Die Abmessungen eines

solchen Kästchens (ca. 20 x 15 cm) konnten aus der Größe der Moderfläche, die das Holz hinterlassen hatte, in Grab 210 erschlossen werden.

Das *Kästchen aus Grab 176* hatte eine besondere Konstruktion: Gewöhnlich sind die Bronzeplatte mit einem eingeschnittenen Loch für den Schlüssel und zwei weiteren für die Schließvorrichtung (Taf. 113, 1); ebenso das bronzene Schlossplättchen (Taf. 113, 5). Das Kästchen war mit Bronzebeschlägen verziert (Taf. 113, 2–4), und an den Seitenwänden waren Henkel befestigt (Taf. 113, 11–14). Die Besonderheit des Kästchens besteht in mehreren von Flügelschellen eingefassten beinernen Stäben (Taf. 113, 6–10; 243, 10), die vermutlich als Scharniere eines Klappdeckels dienten.

Zu dem Inventar, das sich in den Kästchen befand, gehörten häufig Glasbalsamarien, Spiegel, rotes Schminkepulver und andere Toilettenutensilien.

In Grab 176 lag in einem Kästchen eine *beinerne Pyxis* (Taf. 114, 3; 236, 5), daneben fanden sich Kreidestückchen. *Alabastergefäße* stammen aus den Gräbern 172 (Taf. 110, 6), das in die zweite Hälfte des 1. Jhs. n. Chr. datiert, und 31 (Gefäß zerfallen) aus dem ersten Viertel des 2. Jhs. n. Chr. Als eine eigene Art Toilettenschächtelchen dienten *Muscheln*, darunter auch Meeresschnecken wie die ‚Kaurimuschel‘ (*Cypraea tigris*), die in einer Reihe von Gräbern entdeckt wurden (Taf. 43, 5; 50, 17; 86, 15; 208, 12 u. a.).

In Grab 239 lag ein Kästchen, in dem sich neben rotem Schminkepulver eine Kreideperle (Taf. 166, 12) befand, deren Fundlage und Erhaltungszustand darauf schließen lassen, dass sie für kosmetische Zwecke genutzt worden war. Für das Entfernen von Schminke verwendete man Meereskiesel, auf denen sich manchmal Reste roter Farbe erhalten haben (Grab 155).

ANHÄNGER UND AMULETTE

Amulette aus ägyptischer Fayence kommen zahlreich vor: als Anhänger in Form von Skarabäen (Taf. 17, 7–8; 20, 2; 65, 10–11; Taf. 125, 7–13), männlichen Genitalien (Taf. 7, 8–9; 36, 8; 125, 16–17; 131, 18), Figurinen von Löwen (Taf. 5, 5–6; 15, 7; 20, 2; 132, 10), Fröschen (Taf. 10, 11), des Schutzgottes Bes (Taf. 10, 10), Horos / Harpokrates (?) (Taf. 181, 17–18) und Medaillonanhänger (Taf. 22, 6–8) usw. Die Mehrzahl dieser Amulette stammt aus Gräbern vom letzten Viertel des 1. und ersten Viertel des 2. Jhs. n. Chr., wobei sich einzelne Exemplare auch in späteren Gräbern fanden.

Gegossene *anthropomorphe Bronzeanhänger*, die kleine männliche Figuren mit spitzer Kopfbedeckung zeigen, fanden sich paarweise in Mädchengräbern: Grab 130 (Taf. 79, 2–3) und 212 (Taf. 140, 6–7), aber auch unter den Zufallsfunden auf dem Territorium der Nekropole (Taf. 122, 6–7). Sie datieren in die erste Hälfte des 2. Jhs. n. Chr.

Ein *Bronzeanhänger in Form einer Axt* wurde in Grab 104 (Taf. 61, 9) gefunden, das an das Ende des 2. bzw. in die erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr. datiert. Zwei weitere Anhänger gleicher Form aus Gagat stammen aus den Gräbern 187 vom letzten Viertel des 1. Jhs. (Taf. 121, 22) und 228 aus dem zweiten bzw. dritten Viertel des 2. Jhs. n. Chr. (Taf. 156, 21).

Bronzeanhänger in Form von Eimerchen fanden sich in den Gräbern 11 (Taf. 9, 4, 5), 12 (Taf. 8, 15, 16), 143 (Taf. 88, 2, 3), 144 (Taf. 89, 5, 6), 191 (Taf. 124, 12, 15) und anderen. Grabkomplexe mit diesen Anhängern datieren in das letzte Viertel des 1. bzw. erste Viertel des 2. Jhs. n. Chr. Aus Grab 305 stammen zwei goldene Eimerchenanhänger (Taf. 205, 1, 2).

Die *Amulettrollen* aus Grab 238 (Taf. 164, 10, 11) und 261 (Taf. 182, 7; 240, 15) sowie aus Zufallsfunden (Taf. 222, 5) in Form eines hohlen Zylinders mit zwei Ösen zum Aufhängen dienten zur Verwahrung verschiedener aromatischer oder heilsamer pflanzlicher Stoffe als Talismane.

Von den singulären Stücken seien ein *Anhänger aus dem Stoßzahn eines Wildschweins* aus Grab 169 (Taf. 107, 9), ein bronzener *Amphoriskosanhänger* aus Grab 329 (Taf. 218, 10) und die *Zapfenantänger* aus den Gräbern 129 (Taf. 78, 9) und 329 (Taf. 218, 11), aber auch der *massive Zapfen* (Taf. 62, 5) aus Grab 106 (zweites / drittes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.) erwähnt. An dem *Anhänger in Form eines Stierkopfes* aus Grab 81 (Taf. 49, 8; 240, 12) waren drei kleine halbrunde Glöckchen befestigt. Ein *runder, von Draht eingefasster Stein* fand sich in Grab 169 (Taf. 107, 11) aus der ersten Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. Die Drahtfassung aus Grab 108 (Taf. 64, 14) stammt wahrscheinlich von genau so einem Anhänger.

Anhänger aus Fragmenten von Glasgefäßen wurden in den Gräbern 39 und 58 gefunden (Taf. 27, 3; 37, 7, 8). Für einen von diesen wurde das Wandfragment einer *Rippenschale* verwendet. Beide Gefäße können in das 1. Jh. n. Chr. datiert werden. In zwei Gräbern (200 und 204) aus dem letzten Viertel des 1. Jhs. n. Chr. fanden sich kleine, in Draht eingefasste Muschel- oder Korallenfragmente (Taf. 131, 19; 134, 2).

Ein *münzenförmiger Anhänger* wurde in Grab 313 (Taf. 210, 7) gefunden. Die runde Bronzescheibe mit Loch aus Grab 211 (Taf. 139, 5) mag ebenfalls ein münzenförmiger Anhänger gewesen

sein. Einige der Münzen aus den Gräbern 75 (Taf. 46, 3), 221 (Taf. 148, 5) und 224 (Taf. 154, 1) haben ein Loch zur Aufhängung und dienten vermutlich ebenfalls als Anhänger.

Eine der interessantesten und am häufigsten diskutierten Fundkategorien im Gräberfeld Bel'bek IV sind die gegossenen Ringe mit drei auf der gesamten Außenkante umlaufenden Reihen von Vorsprüngen („Buckeln“). Ihre Funde (einschließlich Fragmente) wurden unter anderem in den Gräbern 3 (Taf. 5, 2), 29 (Taf. 19, 20–21), 34 (Taf. 23, 7), 38 (Taf. 25, 4) und 39(2) (Taf. 26, 9–10) dokumentiert. Analoge kleinere Ringe stammen aus den Gräbern 11 (Taf. 9, 8–9), 113 (Taf. 67, 2–3), 122 (Taf. 73, 5–6), 123 (Taf. 74, 3–4), 126 (Taf. 76, 6, 8) und anderen. Sie wurden als Amulette verwendet und haben rituelle Bedeutung.

Mit diesen „Buckelringen“ sind auch die gegossenen *durchbrochen gearbeiteten Anhänger in Kugelform* zu verbinden, die aus mehreren, aus dickem, im Schnitt rundem Draht gefertigten Bronzeringen mit drei umlaufenden Buckelreihen gefertigt wurden. Sie fanden sich in den Gräbern 223 (Taf. 150, 6–7) und 312 (Taf. 208, 8), die an den Übergang vom 1. zum 2. Jh. n. Chr. datieren. Die größte Verbreitung dieser Objekte erfolgte jedoch erst in der zweiten Hälfte des 2. und Anfang des 3. Jhs. n. Chr.

Glöckchen. In der Regel befand sich nur ein Glöckchen im Grab, manchmal jedoch waren es bis zu fünf (Grab 221) oder sogar sieben Exemplare (Grab 238). Gewöhnlich waren die Glöckchen im Grab in der Nähe der Hände und auf der Brust abgelegt.

Halbrunde Glöckchen wurden unter anderem in den Gräbern 5 (Taf. 6, 1), 31 (Taf. 21, 4), 34 (Taf. 23, 5), 43 (Taf. 27, 23) und 75 (Taf. 45, 25) gefunden.

Glöckchen in Form einer vierseitigen Pyramide fanden sich in den Gräbern 47 (Taf. 32, 5), 108 (Taf. 64, 5), 130 (Taf. 79, 7), 158 (Taf. 99, 12), 162 (Taf. 100, 19) und anderen.

Glöckchen zylindrischer Form stammen aus den Gräbern 27 (Taf. 17, 4), 39(2) (Taf. 26, 8), 55 (Taf. 36, 2), 106 (Taf. 62, 6), 117 (Taf. 70, 13) und weiteren.

Elemente römischer Militärausrüstung können mit großer Wahrscheinlichkeit als Trophäen gesehen werden, die im Zuge kriegerischer Handlungen ihren Besitzer wechselten und eine Sekundärverwendung als Amulette fanden. Dazu gehören neben weiteren Objekten ein Niet und ein Pferdeschmuckanhänger aus Grab 108 (Taf. 64, 6, 9), ein ornamentierter Niet aus Grab 81 (Taf. 50, 1) und ein phallischer Anhänger aus Grab 223 (Taf. 150, 4).

Zu den Zufallsfunden auf dem Territorium der Nekropole gehört ein rundes tönernes „Medaillon“ (Taf. 221, 8) mit der Darstellung eines Phantasiewesens.

WERKZEUGE

In den Gräbern 155 (Taf. 95, 11), 222 (Taf. 147, 13), 256 (Taf. 176, 9) und 257 (Taf. 177, 21) wurden *kleine Zangen oder Pinzetten* gefunden, und in Grab 223 (Taf. 149, 13) lag ein *Toilettenlöffelchen oder Ohrstäbchen*. Des Weiteren wurde in Grab 39(2), das in die zweite Hälfte des 1. Jhs. n. Chr. datiert, ein *Bronzeflakon* entdeckt (Taf. 26, 7), der vielleicht als Futteral medizinischer Instrumente diente – die deformierte Form verdankt es seiner Zweitverwendung als Grabbeigabe.

Tönerne *Spinnwirtel* unterschiedlicher Form wurden in 44 Gräbern der Nekropole gefunden. Auf einigen Wirteln (Gräber 223, 242, 283) waren als Graffiti schematische Darstellungen von Tieren eingeritzt worden, wie z. B. Hirsche (Taf. 152, 28; 193, 5) und evtl. ein Hund (Taf. 168, 27, 27a). Graffiti in Form aufgezeichneter Linien weist der Spinnwirtel aus Grab 144 auf (Taf. 189, 13).

Der überwiegenden Zahl der Gräber waren *eiserne Messer* beigegeben worden. Gewöhnlich lagen sie auf einem Teller oder einer Schale neben einem Stück Fleisch. Häufig ließen sich am Metall der Messer noch die Reste eines hölzernen Griffes erkennen.

Bronzene Nadeln, gefertigt aus dünnem Draht, fanden Eingang in das Inventar einiger weiblicher Bestattungen wie z. B. den Gräbern 81, 96, 103, 153 und 171 (Taf. 50, 2; 55, 23; 60, 11; 95, 10; 109, 8) und anderen, die größtenteils in das 2. und die erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr. datieren. Manchmal waren sie mit bronzenen *Nadelfutteralen* zylindrischer Form vergesellschaftet, die sich durch Drahtösen und -haken verschließen ließen. Sie fanden sich in den Gräbern 169 (Taf. 108, 8), 217 (Taf. 145, 1), 241 (Taf. 167, 4) und 281 (Taf. 192, 4), die in die erste und zweite Hälfte des 2. Jhs. n. Chr. datieren. In Grab 305 lag eine *Stecknadel* mit rundem Kopf (Taf. 205, 10).

SCHLUSSBETRACHTUNG

Die Funde aus den Bestattungskomplexen der Nekropole Bel'bek IV erlauben es, drei chronologische Gruppen von Gräbern zu differenzieren. Die erste datiert von der Mitte bzw. dem dritten Viertel des 1. bis Anfang bzw. erstes Viertel des 2. Jhs. n. Chr. Die zweite Gruppe umfasst Gräber vom Beginn bis in das dritte Viertel des 2. Jhs.; und die dritte beinhaltet Grabkomplexe vom letzten Viertel des 2. bis in erste Hälfte des 3. Jhs. n. Chr.

Die ersten Bestattungen in dem Gräberfeld erfolgten um die Mitte des 1. Jhs. n. Chr. (die früheste ist Grab 3). Am intensivsten wurde die Nekropole im letzten Viertel des 1. und ersten Viertel des 2. Jhs. n. Chr. genutzt. Ab der zweiten Hälfte des 2. Jhs. nahm die Zahl neuer Bestattungen ab. Eine erneute verstärkte Nutzung der Nekropole erfolgte am Übergang vom 2. zum 3. Jh. und im ersten Viertel des letzteren. Spätestens zur Mitte des 3. Jhs. n. Chr. wurden keine neuen Gräber mehr angelegt, vielleicht schon im Verlauf des zweiten Viertels des Jahrhunderts.

Interessant ist die Beobachtung, dass in der frühen Gräbergruppe Bestattungen von Frauen und Mädchen überwiegen, und in der zweiten die von Männern, wenngleich dies gewiss von der Zufälligkeit der entdeckten Gräber abhängt. Die frühesten Grabkomplexe (zweite Hälfte des 1. – erstes Viertel des 2. Jhs. n. Chr.) fanden sich auf der höchsten Erhebung des Hügels. Wichtig ist hier, dass die absolute Mehrzahl dieser Bestattungen Nischengräber mit südlicher Ausrichtung sind. In der Folgezeit, im ersten Viertel des 2. Jhs., breitete sich die Nekropole nach Westen hin aus. Eine kompakte Gruppe von Gräbern, die hier untersucht wurden (Gräber 79–176), sind sowohl Nischengräber als auch Flachgräber mit überwiegend nördlicher Ausrichtung. Ohne Zweifel wurden diese Gräber von einer anderen Bevölkerungsgruppe als den traditionellen Bewohnern des Bel'bek-Tales angelegt. Am ehesten sind hier die auf der Krim angekommenen Sarmaten zu vermuten.

Die weitere Ausdehnung der Nekropole erfolgte nach Süden. Ab dem zweiten bzw. dritten Viertel des 2. Jhs. n. Chr. überwiegen wieder nach Süden ausgerichtete Gräber, die häufigste Grabform werden jedoch die Flachgräber. Eine von S. A. Jacenko durchgeführte Analyse der Tamga-Zeichen auf Spiegeln hat gezeigt, dass sich eine ganze Serie von Tamgen auf Frauen aus ein und demselben Klan bezieht. Gerade im südlichen Teil dieses Bereiches befinden sich auch die spätesten Gräber der Nekropole, wenngleich es natürlich auch Ausnahmen gibt (in topographischer Sicht liegen sie am Osthang des Hügels).

Die Mehrzahl der Gräber lässt sich der gewöhnlichen Bevölkerung zuordnen; echte reiche Gräber wurden insgesamt wenige entdeckt, wenngleich sich bedeutende Unterschiede im Inventar beobachten lassen. Diese sprechen freilich nicht so sehr für soziale Hierarchien wie für chronologische Distanzen. Insgesamt ist das Inventar der Gräber der zweiten Hälfte des 1. bis Anfang des 2. Jhs. bedeutend reicher als die des weiteren 2. Jhs., und nur wenige reiche Komplexe datieren an den Übergang vom 2. zum 3. Jh. n. Chr. Interessant ist, dass sich für das 1. Jh. n. Chr. die Mehrzahl reicher Bestattungen der späten Skythen auf die Nekropole Ust'-Alma konzentriert, weshalb eine Reihe von Wissenschaftlern die Vermutung äußerte, dass dieses Gräberfeld eine Art spätskythisches Gerros sei, ein aristokratischer Friedhof römischer Zeit.

In der Mitte des 1. bis Anfang des 2. Jhs. n. Chr. mischen sich in den Gräberfeldern der zentralen und südwestlichen Krim und (etwas später) in der Nekropole von Chersonesos sarmatische Eigenheiten in die Bestattungsbräuche (trogähnliche Särge, Kreuzung der Beine usw.) und das Grabinventar – einzelne Objekte, die gewöhnlich mit der Gegenwart oder dem Einfluss von Sarmaten in Verbindung gebracht werden. Spiegelanhänger (und auch ihre Fragmente), verziert mit sarmatischen Tamgen, werden zu regelmäßigen Grabbeigaben, und handgeformte Räuchergefäße kommen auf. Die Spuren der Zerstörung in Neapolis Scythica und der Untergang einer Reihe spätskythischer Siedlungen zeitgleich mit dem Auftauchen sarmatischer Charakteristika in der materiellen Kultur der Region zeichnen ein überzeugendes Bild von dem sarmatischen Vordringen auf die Krim.

Die Nutzung des Gräberfeldes Bel'bek IV wird im Verlauf des zweiten Viertels des 3. Jhs. n. Chr. eingestellt, und die Bevölkerung des Bel'bek-Tales zog offenbar flussaufwärts, wo sich das Leben bis in das 4./5. Jh. fortsetzte.

Die Größe der Nekropole, die Vielzahl an römischen Importen in den Gräbern, aber auch die zerstörte, unweit gelegene *gorodišče* legen die Vermutung nahe, dass das Gräberfeld zu einer großen spätskythischen Siedlung mit wahrscheinlich skythisch-sarmatischer Mischbevölkerung gehörte, und von der nicht weit entfernt vielleicht römische Truppen stationiert gewesen sein mögen.

Aus dem Russischen von Ellen Kühnelt

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Труды ГИМ

Выпуск 205

И.И. Гущина, Д.В. Журавлев

НЕКРОПОЛЬ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ БЕЛЬБЕК IV

В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Часть 1

Редакционно-издательский отдел ГИМ

Заведующая Г.В. Лемигова

Выпускающий редактор И.И. Русецкая

Редакторы О.Б. Наумова, Е.А. Князева

Художник К.А. Коловершина

Фотограф Е.Ю. Борисов

Графика: А.Н. Трифонова

Перевод на немецкий язык: Э. Кюнелът

ISBN 978-5-89076-316-7

Формат 60×90/8 Печать офсетная.

Печ. л. 34. Тираж 500 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

109012, Москва, Красная площадь, д. 1

Технический партнер музея

Отпечатано в типографии

ООО «Красногорский полиграфический комбинат».

107140, г. Москва, 1-й Красносельский пер., д. 3, оф. 17

Nikon

